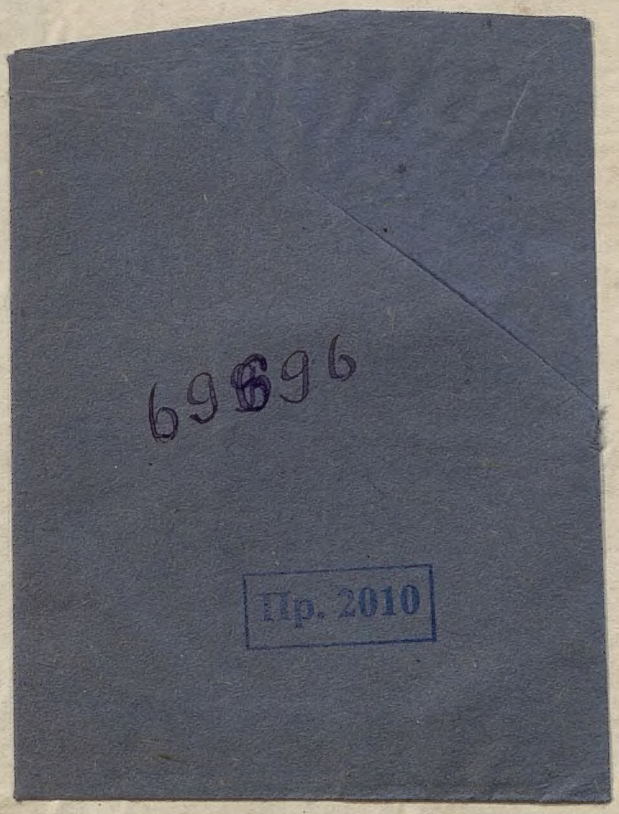
69696
М263

А. Марков

Беломорские былины


69696

Пр. 2010

Page

Пр. 1955 г.

рафическій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи.

ѢЛОМОРСКІЯ ВЫЛИНЫ

ЗАПИСАННЫЯ

А. МАРКОВЫМЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

проф. В. Ѳ. Миллера.

69696

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

346

346

щикъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во Скоропечатни А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. Москва, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1901.

ОГЛАВЛЕНІЕ [1]).

Стр.

Предисловіе проф. В. Ѳ. Миллера VII
Отъ собирателя XV
Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря 1
Списокъ сказателей 23
Роспись дней, въ которые записаны старины 25

Нижняя Зимняя Золотица.

I. *Крюкова* Аграфена Матвѣевна. 27

А) *Старины Терскаго берега.*

1. Три поѣздки Ильи Муромца. 31
2. Илья Муромецъ и Калинъ 36
3. Илья Муромецъ и Баданъ (Батый) 45
4. Бой Ильи Муромца съ сыномъ 53
5. Добрыня и Змѣи 59
6. Неудавшаяся женитьба Алеши 63
7. Алеша и сестра Бродовичей 68
8. Потыкъ 73
9. Дунай сватаетъ невѣсту князю Владимиру. 77
**10. Женитьба Дуная. 82
11. Сухматій (Суханъ) 86
12. Михайло Даниловичъ 90
**13. Туры и турица 95
14. Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ) 96
15. Дюкъ. 101
16. Козарушка (Козаринъ). 109
17. Михайло Петровичъ (Козаринъ) 114
18. Князь Романъ и Марья Юрьевна 119
19. Чурило и Авдотья (Чурило и невѣрная жена). 126
20. Хотѣнъ 130
21. Садко 135
22. Сорокъ каликъ со каликою 139
23. Соломанъ и Иванъ Никульевичъ (Окульевичъ). 144
24. Егорій Храбрый и его мучитель 151

---

[1]) Одной звѣздочкой отмѣчены былины, не имѣющія себѣ варіантовъ въ другихъ сборникахъ, а двумя звѣздочками—былины, впервые являющіяся въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ.

Стр.

25. Оника-воинъ 157
26. Горе 158
27. Братья—разбойники и ихъ сестра 159
*28. Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики. 163
29. Князь Романъ убиваетъ жену. 165
30. Князь, княгиня и старицы (Гибель оклеветанной жены). 167
31. Мать князя Михайлы губитъ его жену 169
*32. Иванъ Дородоровичъ и Софья-царевна 173
33. Князь Дмитрій и его невѣста Домна. 175
*34. Жданъ-царевичъ. 177
**35. Смерть царицы (Настасьи Романовны). 182
36. Кострюкъ. 184
37. Иванъ Грозный и его сынъ 190
38. Смерть Ивана Грознаго. 194
39. Смерть Михайлы Скопина 196
40. Осада Соловецкаго монастыря 197
*41. Шведская война при Екатеринѣ II 201

Б) *Старины Зимняго берега.*

**42. Исцѣленіе Ильи Муромца. 205
**43. Илья Муромецъ въ изгнаніи и Идолище. 215
44. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владимиромъ. 220
45. Илья Муромецъ и разбойники 228
46. Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ. 230
**47. Алеша, переодѣвшись каликою, убиваетъ Тугарина. 234
48. Князь Борисъ Романовичъ (Данило Ловчанинъ) 238
*49. Идолище сватается за племянницу князя Владимира 242
*50. Князь Глѣбъ Володьевичъ 251
51. Волхъ Святославьевичъ (Всеславьевичъ). 255
52. Василій Богуславьевичъ 261
53. Голубинная книга 273
**54. Разбойникъ Илья, кумъ темный. 277
*55. Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ. 280
*56 Купеческая дочь и царь 281
57. Мать и дочь въ татарскомъ плѣну 289
58. Взятіе Казани и казнь царя Симеона 291
**59. Похороны Сеньки Разина. 293
*60. Семейная жизнь Петра I. 296
II. *Крюкова*, Марѳа Семеновна. 304
61. Святогоръ и Илья Муромецъ. 305
62. Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши 312
**63. Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ. 324
64. Алеша освобождаетъ изъ плѣна сестру 329
65. Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ). 335
III. *Крюковъ*, Гаврило Леонтьевичъ 342
66. Святогоръ и Илья Муромецъ. 343
67. Исцѣленіе Ильи Муромца. 344
68. Первая поѣздка Ильи Муромца 345
69. Илья Муромецъ, разбойники и Идолище. 352

Стр.

70. Бой Ильи Муромца съ сыномъ 358
71. Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ 364
*72. Женитьба Добрыни 369
73. Добрыня и Змѣя 372
74. Михайло (Потыкъ) 379
75. Дунай 389
76. Михайло Игнатьевичъ (Даниловичъ) 401
77. Василій (Игнатьевичъ), пьяница 409
78. Иванъ Годеновичъ 414
*79. Идолище сватается за племянницу князя Владимира 423
*80. Князь Глѣбъ Володьевичъ 429
*81. Камское побоище 434
82. Сорокъ каликъ со каликою 444
83. Соломанъ и Иванъ (Василій) Окульевичъ 450
84. Смерть царицы (Настасьи Романовны) 456
85. Кострюкъ 459
**86. Орсёнко (Аксёнко) 463

IV. *Васильева*, Анна Ивановна 465

87. Чурило и невѣрная жена . . . . . —
88. Небылица 467
89. Егорій Храбрый и его мучитель 468

V. Рукопись покойной Устиньи Крюковой 469

90. Осада Соловецкаго монастыря 470

Верхняя Зимняя Золотица.

VI. *Пономаревъ*, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ 473
91. Исцѣленіе Ильи Муромца 474
92. Илья Муромецъ и Идолище 475
93. Алеша и сестра Збродовичей 476
*94. Камское побоище 478
95. Сотко 491
96. Сорокъ каликъ со каликою 493

VII. *Чекалевъ*, Власъ Ивановичъ 499

97. Илья Муромецъ и разбойники 500
98. Илья Муромецъ на заставѣ 502
**99. Бой Добрыни съ Дунаемъ 505
100. Потыкъ 508
101. Дюкъ 515
102. Козарушко (Козаринъ) 518
103. Чурило и невѣрная жена 520
*104. Камское побоище 523
105. Сорокъ каликъ со каликою 524
**106. Иванъ Грозный 528

VIII. *Съдуновъ*, Ѳедоръ Парѳеновичъ 530

107. Первая поѣздка Ильи Муромца 531

IX. *Прыпуновъ*, Иванъ Прокопьевичъ 536

108. Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ . . . . . —

X. *Точилова*, Марья Сергѣевна 540

109. Дунай . . . . . —

Стр.

110. Козарушко (Козаринъ) 547
111. Мать князя Михайлы губитъ его жену. 549
XI. *Бурая*, Анна Пудовна, и *Лыткина*, Анна Ивановна . . . 553
112. Неудавшаяся женитьба Алеши . . . . . —
113. Дюкъ. 556
114. Братья-разбойники и ихъ сестра. 559
115. Князь, княгиня и старицы (Гибель оклеветанной жены). 561
116. Небылица. 563
Словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ 565
Указатель предметовъ. 579
Указатель именъ. 597
Списокъ былинъ по содержанію, съ указаніемъ параллелей въ другихъ изданіяхъ 611
Напѣвы былинъ №№ 63 и 75. 618

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Интересъ къ изученію памятниковъ русскаго народнаго творчества, характеризующій XIX столѣтіе, увѣнчался въ самомъ концѣ его удачными поисками эпической старины въ Архангельской губерніи, изъ которой до послѣдняго времени лишь немногія былины попали въ сборники. Раньше поѣздокъ, предпринятыхъ въ эту губернію въ 1898—1900 годахъ двумя молодыми этнографами А. В. Марковымъ и А. Д. Григорьевымъ, намъ было извѣстно около 30 былинъ, записанныхъ въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Онежскомъ, въ г. Мезени и въ селеніи Зимняя Золотица на берегу Бѣлаго моря. Сравнивая архангельскій инвентарь былинныхъ сюжетовъ съ олонецкимъ въ 1894 году, въ моей статьѣ „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“ (Журн. М. Н. Пр. № 5), я могъ въ то время констатировать, что въ Архангельской губерніи неизвѣстны былины о многихъ богатыряхъ, каковы: Михаилъ Потыкъ, Соловей Будимировичъ, Ставръ, Иванъ Гостиный сынъ, Сухманъ, Вольга, Микула Селяниновичъ, Святогоръ-Самсонъ, Чурила и оба новгородскіе типа Садко и Василій Буслаевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предположить, что былины о нѣкоторыхъ изъ этихъ богатырей еще найдутся впослѣдствіи, такъ какъ Архангельская губернія далеко не такъ обстоятельно изслѣдована по части народной поэзіи, какъ Олонецкая. Мои надежды на то, что былинная традиція въ этой губерніи не изсякла съ 60-хъ годовъ, къ которымъ относились послѣднія записи былинъ, оправдались въ 1898

году, когда А. В. Маркову, проведшему лишь нѣсколько дней въ селеніи Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, удалось записать отъ „сказателя“ Крюкова пять прекрасныхъ былинъ (№№ 71, 72, 73, 76 и 78). Случайная экскурсія г. Маркова доказала, что въ этомъ селеніи, въ которомъ священникъ Розановъ въ 60-хъ годахъ записалъ 6 №№-въ былинъ, онѣ „сказываются“ еще доселѣ, и что отъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ можно ожидать обильныхъ находокъ въ области эпическихъ пѣсенъ. Дѣйствительно, когда въ слѣдующемъ году г. Марковъ провелъ въ двухъ селахъ Зимней Золотицы (Нижней и Верхней) около мѣсяца, онъ записалъ въ теченіе этого времени такое множество былинъ, что пѣсенный матеріалъ только одной этой волости составляетъ содержаніе всего издаваемаго Этнографическимъ Отдѣломъ сборника „Бѣломорскія былины“. Другой членъ Этнографическаго Отдѣла А. Д. Григорьевъ, ѣздившій одновременно съ А. В. Марковымъ лѣтомъ 1899 года въ Архангельскую губернію, записалъ въ такъ наз. Поморьѣ въ нѣсколькихъ селахъ, въ числѣ другихъ народныхъ произведеній, 35 старинъ, а во вторичную поѣздку, лѣтомъ 1900 года, когда ему удалось посѣтить до 60 деревень по теченію р. Пинеги, отъ ея устья до с. Веркольскаго, и побывать въ г. Пинегѣ, число записанныхъ имъ старинъ достигло уже значительной цифры 167 №№-въ. Былинный матеріалъ, собранный г. Григорьевымъ, изготовленъ къ печати и появится въ изданіи И. Академіи Наукъ. Такимъ образомъ недавнія поѣздки обоихъ московскихъ этнографовъ обогатили былинныя записи сотнями №№-въ и вполнѣ подтвердили предположеніе, что былинная традиція въ Архангельской губерніи еще въ началѣ XX-го столѣтія не менѣе свѣжа, чѣмъ въ Олонецкой, считавшейся доселѣ „Исландіей“ нашего эпоса. По свѣдѣніямъ, собраннымъ гг. Марковымъ и Григорьевымъ, былины извѣстны въ слѣдующихъ частяхъ обширной губерніи: на Терскомъ берегу Кольскаго полуострова, на Поморскомъ (западномъ) берегу Бѣлаго моря (отъ Кандалакской губы до г. Онеги),

на Зимнемъ берегу, противоположномъ Терскому, въ г. Мезени и по всему теченію рр. Мезени и Пинеги. Въ виду того, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ было записано нѣсколько былинъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, можно думать, что дальнѣйшія поѣздки въ Архангельскую губернію могутъ обогатить еще новыми цѣнными записями былинный инвентарь этого края Россіи.

Въ предпосланной текстамъ былинъ статьѣ „Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря“ г. Марковъ даетъ всѣ необходимыя читателю свѣдѣнія о состояніи былевого эпоса въ обслѣдованной имъ мѣстности, о бытовыхъ условіяхъ, содѣйствовавшихъ сохраненію „старинъ“, объ отраженіи въ послѣднихъ чертъ мѣстной природы и быта, о сказателяхъ, сказательницахъ и проч. Поэтому, напутствуя совершенный г. Марковымъ трудъ, я, съ своей стороны, считаю своей обязанностью сказать нѣсколько словъ о томъ, о чемъ молодой этнографъ по вполнѣ понятнымъ мотивамъ не могъ распространяться.

Мнѣ пріятно, какъ старому профессору, видѣть въ г. Марковѣ одного изъ даровитѣйшихъ моихъ учениковъ и продолжателя предпринятыхъ мною работъ по детальной разработкѣ вопросовъ русской эпической старины. Я замѣтилъ въ Алексѣѣ Владиміровичѣ уже въ первый годъ его пребыванія въ Университетѣ живую любовь къ русской народной поэзіи и отличное знакомство особенно съ лирическими пѣснями, которыхъ онъ зналъ множество и по сборникамъ, и по собственнымъ записямъ. Посѣщеніе лекцій по русской народной словесности, читаемыхъ мною на 3-мъ курсѣ, и участіе въ практическихъ занятіяхъ въ той же области на 4-мъ курсѣ подготовили г. Маркова къ самостоятельной работѣ въ излюбленномъ имъ отдѣлѣ русской словесности, а постоянное участіе въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла и сотрудничество въ журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе“ расширили въ немъ историко-этнографическій интересъ. Уже въ первую свою этнографическую поѣздку въ Архангельскую губернію въ 1898 г., г. Марковъ отправился

на работу вполнѣ подготовленнымъ этнографомъ-филологомъ съ полнымъ знаніемъ всего нашего былиннаго инвентаря и съ практическимъ умѣньемъ записывать народныя пѣсни вполнѣ научно, съ соблюденіемъ особенностей говора и склада стиха. Эти свойства его записей я могъ отмѣтить, издавъ съ моими замѣчаніями (во 2-й кн. IV т. Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. Наукъ 1899 г.) первыя пять былинъ, привезенныхъ имъ изъ Зимней Золотицы. Тою же отчетливостью и добросовѣстностью записи отличаются всѣ былины настоящаго сборника. Лучшихъ записей былинъ, не исключая и записей Гильфердинга, мы не имѣемъ, и это одно уже составляетъ немалое достоинство „Бѣломорскихъ былинъ“.

Сборникъ А. В. Маркова содержитъ былинный инвентарь двухъ районовъ, хотя собиратель записывалъ „старины“ только въ одной Золотицкой волости на Зимнемъ берегу. Объясняется это тѣмъ, что путешественнику удалось въ селеніи Зимняя Золотица познакомиться съ замѣчательною сказательницей Аграфеной Крюковой, которая, происходя родомъ съ Терскаго берега и обладая огромной памятью, знала отчетливо весь запасъ старинъ, извѣстныхъ на ея родинѣ. Почти половина былинъ издаваемаго сборника была записана г. Марковымъ отъ Крюковой. Ея удивительная память сохранила 60 старинъ, содержащихъ, по счету г. Маркова, до 10,300 стиховъ, и въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ сказателей не можетъ быть поставленъ съ нею на ряду. Пользуясь ея показаніями, г. Марковъ выдѣлилъ изъ ея репертуара въ особую группу тѣ старины, которыя она принесла съ Терскаго берега на Зимній (№№ 1—41). Прочія „старины“ сборника, записанныя отъ нея и другихъ мѣстныхъ сказателей, составляютъ инвентарь Зимней Золотицы.

Типическую особенность архангельскихъ старинъ, какъ замѣтитъ читатель, составляетъ ихъ сжатость и содержательность. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отличаются отъ олонецкихъ, особенно отъ былинъ пріонежской группы,

которыя переполнены повтореніями и достигаютъ нерѣдко тысячи стиховъ и болѣе. Былины Терскаго и Зимняго берега обыкновенно укладываютъ даже довольно сложный разсказъ въ 150 — 200 стиховъ. Въ издаваемомъ сборникѣ не болѣе 12 №№-въ переходятъ за 300 стиховъ и только 5 за 400. Отсутствіе растянутости, нисколько не вредящее при томъ полнотѣ эпическихъ деталей, значительно возвышаетъ ихъ интересъ для всякаго любителя народной поэзіи. Но лица, ближе интересующіяся народной былиной и изучающія ее спеціально, найдутъ въ сборникѣ г. Маркова много новыхъ и цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время намъ извѣстны многія сотни былинъ въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, Барсова, Тихонравова-Миллера, но число отдѣльныхъ сюжетовъ въ этихъ сотняхъ записей сравнительно не велико, лишь нѣсколько десятковъ. Такъ, огромный сборникъ Гильфердинга, содержащій 318 №№-въ, почти не прибавилъ новыхъ былинныхъ сюжетовъ къ извѣстнымъ раньше. Поэтому нельзя не видѣть особенной удачи въ томъ, что г. Марковъ записалъ нѣсколько вполнѣ новыхъ старинъ, которыя до сихъ поръ не встрѣчались прежнимъ собирателямъ. Эти впервые издаваемыя старины составляютъ лучшее украшеніе его сборника и даютъ новый матеріалъ для изслѣдователей народнаго эпоса. Такова, напримѣръ, записанная въ двухъ варіантахъ (№№ 49 и 79) обширная былина т. наз. Владимірова цикла, разсказывающая о томъ, какъ Идолище сватается за племянницу князя Владиміра Марѳу Митревну, и какъ послѣдняя, отъѣзжая въ его страну на кораблѣ, посредствомъ хитрости избавляется отъ ненавистнаго жениха. Совершенно нова былина (№ 50 и 80) о новгородскомъ князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ и его столкновеніи съ Маринкой Кайдаловкой. Интересная былина (№ 81) „Камское побоище“, напечатанная г. Марковымъ въ 1900 г., уже послужила ему матеріаломъ для отдѣльной статьи. Былина (№ 72) „Женитьба Добрыни“, записанная г. Марковымъ еще въ первую его поѣздку въ Зимнюю Золотицу и изданная мною

въ 1899 г., представляетъ также unicum въ нашемъ эпосѣ. Къ доселѣ неизвѣстнымъ старинкамъ можно еще причислить: № 55 (Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ), № 56 (Купецъ, дочь и царь), № 32 (Иванъ Дородоровичъ и Софья царевна), № 34 (Жданъ-царевичъ), № 99 (Бой Добрыни съ Дунаемъ).

Кромѣ названныхъ *новыхъ* сюжетовъ г. Маркову удалось записать нѣсколько такихъ старинъ, которыя особенно цѣнятся изслѣдователями, какъ сравнительно рѣдко встрѣчающіяся. Таковъ отличный варіантъ (№ 11) былины о подвигѣ богатыря Сухматія (Сухмантія, Сухмана); двѣ записи былины о богатырѣ-малолѣткѣ Михаилѣ Даниловичѣ или Игнатьевичѣ (№№ 12 и 76); четыре—о богатырѣ Козарушкѣ, иначе Михаилѣ Петровичѣ (№№ 16, 17, 102 и 110), полныя новыхъ мотивовъ; о князѣ Борисѣ Романовичѣ (№ 48)=Даниилѣ Ловчанинѣ, о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ (№ 61) и друг. Даже въ широкоизвѣстныхъ былинныхъ сюжетахъ, вошедшихъ и въ архангельскій репертуаръ, знатокъ эпоса подмѣтитъ нерѣдко новые мотивы, интересныя детали и новыя второстепенныя лица. Такъ, напримѣръ, въ перечисленіи богатырей является какой-то Пересмяка со племянникомъ (см. №№ 1, 7, 42). Въ былинѣ № 65 Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ), этотъ эпическій женихъ, является въ необычной роли богатыря, прирубая татаръ и невѣрнаго царища Грубіанишша, сватавшагося за его невѣсту во время его отъѣзда. Въ своеобразныхъ чертахъ изображенъ въ былинѣ № 19 Чурило Пленковичъ. По обилію новыхъ мотивовъ особенно интересна былина № 18 о князѣ Романѣ и женѣ его Марьѣ Юрьевнѣ, имѣющая весьма мало общаго съ другими былинами о тѣхъ же лицахъ. Не менѣе интересна по своей второй половинѣ былина объ Алешѣ и сестрѣ Бродовичей (№ 7), содержащая рядъ мотивовъ, неизвѣстныхъ другимъ былинамъ этого сюжета. Замѣчательной полнотой въ деталяхъ отличается старина о походѣ Волха Святославьевича въ Индію (№ 51), пожалуй, лучшій изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ варіантовъ. Много новаго и интереснаго содержитъ рѣдкая старина (№ 54) про разбойника Илью и кума

темнаго. Своеобразно разработанъ въ былинѣ (№ 61) о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ мотивъ женитьбы Святогора, а былины (№ 74 и 100) о Михаилѣ (Потокѣ) Игнатьевичѣ представляютъ новую редакцію этого широко распространеннаго сюжета.

Замѣчательной полнотой отличаются историческія пѣсни изъ цикла Ивана Грознаго (№№ 35, 36, 37, 38, 58, 84, 85, 106), а также пѣсни о смерти Михаила Скопина (№ 39), объ осадѣ Соловецкаго монастыря (№ 40 и 90) и друг. Но интереснѣйшій unicum среди историческихъ пѣсенъ представляетъ № 60 „Семейная жизнь Петра I-го". Въ этой обширной пѣснѣ (въ 316 стиховъ) мы находимъ въ своеобразной народной переработкѣ біографическія данныя: рожденіе Петра I-го, женитьбу его на Настасьѣ-королевичнѣ (=Евдокіи), рожденіе царевича Ѳедора (=Алексѣя), столкновеніе отца съ сыномъ, являющимся сторонникомъ старой вѣры, смерть царевича, постриженіе его матери въ монастырь, занятіе Петра плотничествомъ, знакомство съ Екатериной Алексѣевной и вторичную женитьбу. Вообще мы увѣрены, что **„Бѣломорскія былины"** по разнообразію содержанія и новизнѣ нѣкоторыхъ сюжетовъ займутъ выдающееся мѣсто среди сборниковъ эпическихъ пѣсенъ и дадутъ изслѣдователямъ-спеціалистамъ новый и обильный матеріалъ для разработки.

Въ виду научнаго интереса сборника А. В. Маркова, Этнографическій Отдѣлъ съ готовностью включилъ его въ серію своихъ изданій и надѣется, что появленіе **„Бѣломорскихъ былинъ"** встрѣтитъ сочувствіе во всѣхъ любителяхъ русской народной поэзіи.

Считаю также своей обязанностью принести искреннюю благодарность дѣйствительному члену И. О. Л. Е. А. и Э. А. А. Левенсону, предоставившему Отдѣлу возможность напечатать **„Бѣломорскія былины"** въ типографіи Т-ва А. А. Левенсонъ на льготныхъ условіяхъ.

Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла

25 января 1901 г. *Всев. Миллеръ.*

Отъ собирателя.

Выпуская въ свѣтъ свою книгу, я считаю долгомъ выразить глубокую благодарность Этнографическому Отдѣлу ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, способствовавшему моей поѣздкѣ въ Архангельскую губернію, и предсѣдателю Отдѣла Всеволоду Ѳедоровичу Миллеру, принимавшему живое участіе при изданіи собраннаго мною матеріала. Кромѣ того, я сердечно признателенъ В. В. Пасхалову, записавшему по моей передачѣ былинныя мелодіи, и въ особенности Н. В. Васильеву, любезно взявшему на себя неблагодарный трудъ составленія указателей.

Когда началось печатаніе сборника, къ собраннымъ мною былинамъ предполагалось присоединить записи, сдѣланныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899 году въ Поморьѣ. Но впослѣдствіи г. Григорьевъ рѣшилъ свои былины выпустить въ свѣтъ отдѣльной книгой. Поэтому ссылки въ моей вступительной статьѣ (стр. 4, 5, прим. 1, стр. 7) на записи г. Григорьева, при настоящемъ составѣ сборника, являются излишними.

старины. Извѣстный путешественникъ г. Максимовъ въ своемъ „Годѣ на сѣверѣ“ (ч. I, гл. VIII, по III изд. стр. 210) приводитъ разговоръ въ партіи мурманскихъ промышленниковъ, представляющій прекрасную иллюстрацію къ свидѣтельству золотицкихъ крестьянъ.

„Вечоръ... Гришутка... намъ насказалъ бывальщинъ... Такъ это тебѣ пѣлъ, да все по церковному, и ко всякому-то слову складъ прибиралъ... Князь Романъ Митріевичъ младъ простился со своей княгиней... и поѣхалъ... нѣмчовъ донимать: „что молъ вы теперича подать перестали платить? Мнѣ, говоритъ, и то, и сё,—деньги надо, нѣмча некрещеная. Поганый молъ вы народъ, и разговоровъ терять не хочу съ вами!“. И какъ нѣтъ его дома годъ, нѣтъ и другой. Схватили его что-ли?—Гришутка-то, вишь, не знаетъ.—Вотъ теперича сожительница его и выходитъ это на крылецъ и видитъ,—бѣжитъ изъ-за моря изъ-за синя три черныехъ три карабля. Она, вишь, и заплакала, да такъ складно и жалостливо“.

Итакъ, въ 1856 г. одинъ изъ мурманскихъ покрученниковъ пѣлъ среди промышленниковъ былину о князѣ Романѣ и женѣ его Марьѣ Юрьевнѣ (въ моихъ записяхъ № 18); но товарищамъ его показалось очень удивительнымъ, какъ онъ „ко всякому-то слову складъ прибиралъ“; они даже не знаютъ, что такое онъ поетъ, и называютъ его старины „бывальщинами“. Очевидно, въ 50-хъ годахъ рѣдко можно было услышать былину на Мурманѣ.

Относительно Терскаго берега я слышалъ отъ золотицкихъ крестьянъ, что тамъ поютъ старины вездѣ, кромѣ села Поноя. Это мнѣ показалось весьма загадочнымъ [1]); но потомъ дѣло случайно разъяснилось. На пароходѣ я встрѣтился съ нѣсколькими понойскими жителями, которыхъ по одеждѣ нельзя было бы отличить отъ богатыхъ подмосковныхъ крестьянъ; прислушиваясь къ ихъ разговору, я замѣтилъ, что и говоръ ихъ почти не отличается отъ московскаго. Тутъ же одинъ крестьянинъ мнѣ сообщилъ, что предки русскаго населенія Поноя [2]) переселились изъ „Москвы“, т. е. изъ центральной Россіи. Перенявши у мѣстнаго населенія нѣкоторыя „бывальщины“ (сказки реаль-

[1]) Крестьяне объясняли это тѣмъ, что въ Поноѣ и его окрестностяхъ живетъ обрусѣвшая „лопь“.

[2]) Понойскій погостъ съ лопарскимъ населеніемъ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ (Извѣстія Географическаго Общ. по отд. Этнографіи, т. II, 650, 672).

Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря.

Въ августѣ 1898 г. мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ селѣ Зимней Золотицѣ, на восточномъ берегу Бѣлаго моря. Счастливый случай свелъ меня здѣсь съ хорошимъ „сказателемъ“, крестьяниномъ Крюковымъ, отъ котораго въ короткое время я записалъ 5 прекрасныхъ былинъ [1]). Изъ разговоровъ съ крестьянами я узналъ, что въ Золотицѣ можно найти нѣсколькихъ мастеровъ и мастерицъ „сказывать старины“. Я тогда же рѣшилъ еще разъ посѣтить это село, чтобы записать всѣ былины, какія тамъ найдутся. Въ іюнѣ 1899 г., отправляясь на сѣверъ, я думалъ начать свои разысканія въ двухъ селахъ Зимней Золотицы (Нижняя и Верхняя), а затѣмъ съѣздить на Терскій берегъ и въ Мезéнь, такъ какъ я располагалъ достаточнымъ временемъ—около 1 мѣсяца. Но въ Золотицѣ оказалась такая богатая жатва по части собиранія былинъ, что я принужденъ былъ ограничить районъ своей поѣздки одной Золотицкой волостью. Основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о положеніи былевого эпоса на нашемъ крайнемъ сѣверѣ; но предварительно я укажу на географическое распространеніе былинъ въ Архангельской и отчасти Вологодской губерніяхъ, пользуясь какъ тѣмъ, что̀ извѣстно по этому вопросу въ литературѣ, такъ и свѣдѣніями, добытыми мною у крестьянъ во время двухъ поѣздокъ.

Начну съ крайняго сѣверо-запада. По словамъ золотицкихъ стариковъ, на Мурманѣ не поютъ старинъ, потому что колонистовъ тамъ немного, а пріѣзжимъ молодымъ промышленникамъ, безъ отдыха работающимъ цѣлое лѣто, совершенно нѣтъ времени распѣвать длинныя и протяжныя

[1]) Онѣ были изданы съ замѣчаніями проф. В. Ѳ. Миллера въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“, т. IV (изд. 1899 г.), кн. 2, и перепечатываются здѣсь.

наго, не фантастическаго содержанія), названія вѣтровъ и кос-какія особенности языка [1]), московскіе выходцы не измѣнили своей этнографической физіономіи и даже не научились мѣстнымъ старинамъ. Начиная съ Пя́лицы былины извѣстны на всемъ протяженіи Терскаго берега. 42 изъ записанныхъ мною старинъ (№№ 1—41, 89) принесены въ Золотицу изъ селъ: Пя́лицы, Чапомы́, Стрѣльны, Тетрины, Ча́ваньги и Ку́зомени; въ Кузомени же большею частью проживаетъ замѣчательная пѣвица былинъ, слѣпая Маремьяна Ефимовна Нѣмчинова; по временамъ она бываетъ и въ другихъ селахъ Терскаго берега: въ Ва́рзухѣ, въ Чаваньгѣ.

Терскій берегъ непосредственно примыкаетъ къ т. н. Поморью, простирающемуся отъ с. Ка́ндалакши до г. Онеги [2]). Здѣсь также, по словамъ золотицкихъ крестьянъ, поютъ старины. Дѣйствительно, двѣ былины записаны г. Максимовымъ въ Калгалакшѣ [3]); въ Кемскомъ же уѣздѣ выучилъ нѣсколько былинъ одинъ изъ олонецкихъ сказителей Никитинъ (*Гильфердингъ*, Онежскія былины, біограф.

---

[1]) Вотъ подмѣченныя мною слова и формы: новóй (иной), пать (надо), ишшé (ещё), правдѣдъ, кéбовать или кóйбовать (колдовать, предсказывать—о лопарскихъ колдунахъ); окон. твор. мн. именъ прилагат. -ма, вм. -ми. Оканья почти не замѣтно.

[2]) Г. *Максимовъ* („Годъ на с.“, по III изд. стр. 277 и др.) ограничиваетъ Поморье пространствомъ отъ Онеги до Кеми, а берегъ отъ Кеми до Кандалакши называетъ Корельскимъ. Послѣдняго названія мнѣ нигдѣ не приходилось слышать. Въ Золотицѣ и на Терскомъ берегу про Корелу слышали только въ былинѣ о Дюкѣ, и не знаютъ, что́ это за страна. Въ Золотицѣ опредѣляютъ Поморье такъ, какъ я указалъ; изрѣдка насовутъ поморкой и „терчанку“.

[3]) *Кирѣевскій*. Пѣсни, V, 92, 96. Можетъ быть, одна изъ нихъ ведетъ свое происхожденіе съ Топозера, озера, находящагося въ Кемскомъ у. Г. Максимовъ сообщаетъ въ *Живой Старинѣ* (т. VII, вып. I, стр. 52): „Старуха съ Топозера распѣвавшая мнѣ былины въ деревушкѣ Поньгамѣ, на берегу Бѣлаго моря,... жалобится: нудно ей въ ладъ попадать; сказываетъ, что память у ней стала—какъ рѣшето“. (Одна пѣсня объ Иванѣ Грозномъ записана имъ отъ старухи Архангельской губ.—*Кирѣевскій*, VI, 119—120). Описывая свой путь изъ Кеми въ Кереть, тотъ же изслѣдователь („Годъ на с.“, ч. I, гл. VI, по III изд. стр. 144) говоритъ: „Подъ воскресенье..., на середу и пятницу по вечерамъ... пѣсня... и то только на настойчивый спросъ и просьбу, замѣняется плаксиво выпѣваемый *стариной* про Егорья-свѣта Храбра, про Романа Митріевича млада, про царя Ивана Грознаго, про сонъ Богородицы и про другое прочее; но зато уже такихъ *старинъ* нигдѣ, кромѣ сѣвера, не услышишь“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 97) г. Максимовъ называетъ „божественными старинами“ вообще стихи, „что́ калики перехожіе по ярморкамъ поютъ“.

XXXI); въ одной былинѣ изъ Олонецкой губ. (ів., № 103= *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, 197 и слѣд.) вмѣсто новгородцевъ играютъ роль „мужики городо-кемскіе“; вѣроятно, эта былина зашла въ Заонежье также изъ Поморья. Въ записяхъ А. Д. Григорьева читатель найдетъ старины изъ селъ: Колежмы, Нюхчи и изъ деревни Каменихи, близъ г. Онеги. Въ Онегѣ и ея окрестностяхъ въ 50-хъ годахъ записывали былины Верещагинъ и свящ. Ивановскій [1]).

На всемъ протяженіи Лѣтняго берега до сихъ поръ не было записано ни одной былины; но на Зимнемъ берегу оказался весьма богатый и разнообразный эпическій репертуаръ. Здѣсь, въ с. Зимней Золотицѣ еще раньше меня, въ 60-хъ годахъ записывалъ былины свящ. Розановъ [2]). Окрестности города Мезéни и все теченіе рѣки того же имени считаются въ Золотицѣ главнымъ средоточіемъ старинъ. Я могу указать и на прямые факты, потверждающіе такой взглядъ: нѣсколько старинъ, записанныхъ мною, занесены въ Золотицу изъ села Койды, на Мезенскомъ берегу, и изъ мѣстностей, лежащихъ вверхъ по теченію Мезени; въ с. Долгая Щель, по словамъ золотицкихъ стариковъ, есть замѣчательный сказатель [3]) Ѳедоръ Антоновичъ Широкій; въ городѣ Мезени 4 былины записаны г. Никольскимъ [4]). Такимъ образомъ, былины распространены почти по всему побережью Бѣлаго моря и Мезенскаго залива.

Есть у меня также нѣкоторыя свѣдѣнія относительно существованія былинъ по сѣвернымъ рѣкамъ. Отъ золотицкихъ крестьянъ я узналъ о томъ, что старины поютъ

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, 52, 86; II, 11; III, 41, 58; IV, 49, 72.

[2]) *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, Русскія былины, II, 9, 60, 115, 172, 246, 283.

[3]) Пѣвцы былинъ называются 1) *сказителями* въ Олонецкой губ. (въ Мелентьевской волости Каргопольскаго у. *росказíтелями* называютъ сказочниковъ; былины тамъ не извѣстны); 2) *сказáтелями* въ Золотицѣ, 3) *посказателями* въ Якутской области (Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXIX—XXX, 74). На Терскомъ берегу для нихъ нѣтъ особаго термина. Въ старину сказателями назывались проповѣдники, какъ видно изъ начальной фразы слова Кирилла Туровскаго: „Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника“ (Памятники росс. слов. XII в., изд. *Калайдовичемъ*. М. 1821. стр. 18); въ такомъ же смыслѣ встрѣчается это слово въ одномъ приказѣ 1652 г. царя Алексѣя Михайловича, гдѣ упоминаются „духовные богословцы и и сказатели Писанія божественнаго“ (*Пыпинъ*, Ист. р. лит. II, 364, прим.). См. также Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, *Срезневскаго*, слова: *гусль* и *казатель*.

[4]) *Тихонравовъ* и *Миллеръ* II, 25, 102, 179, 255.

по всему теченію р. Мезени и по р. Пи́негѣ [1]), а одинъ крестьянинъ Сольвычегодскаго у. Вологодской губ. сообщилъ мнѣ, что въ селѣ Верхней Тоймѣ (на р. Двинѣ) и въ окрестныхъ селеніяхъ былины еще поются стариками. Въ сосѣднемъ уѣздѣ Архангельской губ.—Ше́нкурскомъ [2]), былины были извѣстны въ 40-хъ и 50-хъ годахъ: здѣсь было записано 16 №№ Борисовымъ, Харитоновымъ и Кузьмищевымъ. Правда, относительно 7 былинъ Харитонова, помѣщенныхъ въ IV вып. „Пѣсенъ“ *Кирѣевскаго* (стр. 1—49, 51—2), сказано, что онѣ записаны въ Архангельскомъ уѣздѣ; но въ виду того, что 1) одна изъ этихъ былинъ (стр. 6) записана въ другой разъ Кузьмищевымъ и напечатана съ помѣткою „Архангельск. губ., Шенкурскаго уѣзда“ (I, 46), что 2) двѣ другія записи (II, 83; VI, 132+143) обоихъ собирателей оказались тожественными и что 3) всѣ пѣсни Харитонова, кромѣ указанныхъ 7 былинъ, помѣчены Шенкурскомъ или Шенкурскимъ уѣздомъ (II, 45, 67; III, 81; V, 3; VI, 98, 156),—нужно думать, помѣтка „Архангельскій уѣздъ“ ошибочно поставлена, вмѣсто—„Архангельская губернія“. Намъ неизвѣстно, какъ называли былины пѣвцы Шенкурскаго уѣзда, сообщавшіе ихъ корреспондентамъ Кирѣевскаго; но одинъ крестьянинъ, записывавшій въ Шенкурскѣ народныя сказанія для Борисова, называлъ „побывальщинками“ не только сказки, но и былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ, о Калинѣ [3]), и притомъ не пѣлъ ихъ а „сказывалъ“ словами. Вѣроятно, въ Двинскомъ бассейнѣ былины не очень распространены. Экспедиціи Географическаго общества удалось записать на всемъ протяженіи Двины только одну былину [4]). Одинъ крестьянинъ изъ Тотемскаго уѣзда, которому приходилось не разъ проѣхать всю Двину, до Архангельска, говорилъ мнѣ, что только однажды онъ слышалъ, какъ кто-то пѣлъ объ Ильѣ Муромцѣ изъ села Карачарова; но сказки о богатыряхъ и пѣсни объ Ермакѣ ему приходилось слышать нерѣдко. Былинъ не поютъ и въ устьѣ Двины, напр., въ деревнѣ Исаковой Горѣ, черезъ которую я проѣзжалъ; не знаютъ ихъ

---

[1]) Одну былину изъ Пи́нежскаго у. читатель найдетъ въ записи г. Григорьева, № 6.

[2]) Отъ села Верхней Тоймы до Шенкурска по прямому направленію около 105 верстъ.

[3]) См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXXV, 131—2; ср. *Кирѣевскій*, I, 77.

[4]) Въ Тотемскомъ у. См. Пѣсни русск. нар., *Истомина* и *Ляпунова*. Спб. 1899.

и на о. Мудьюгѣ лежащемъ въ Двинской губѣ, о чемъ мнѣ сообщали въ Золотицѣ. Изъ этого очерка распространенія былинъ въ Архангельской губ. можно заключить, что въ будущемъ должно разсчитывать на новыя цѣнныя находки лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой губерніи: на Терскомъ берегу, въ Поморьѣ, на Мезенскомъ берегу и по рѣкамъ Мезени и Пинегѣ [1]).

Мои записи обнимаютъ собою двѣ мѣстности, рѣзко отличающіяся одна отъ другой по характеру своего населенія: Зимній берегъ и Терскій. И золотицкіе крестьяне, и А. М. Крюкова, „терчанка“, у которой я записывалъ старины (ея біографія подъ цифрой I), согласно признаютъ эту разницу: Населеніе Зимняго берега отличается отважностью, презрѣніемъ къ опасностямъ морского плаванія и звѣроловныхъ промысловъ; на Бѣломъ морѣ извѣстно, что „нѣтъ старательнѣе золотицкаго народа — промышленный народъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается открытымъ обращеніемъ, рѣзкой, бойкой рѣчью и чуждъ всякой застѣнчивости. Терчаны (сужу о нихъ по отзывамъ золотицкихъ крестьянъ и А. М. Крюковой), наоборотъ, не любятъ опасныхъ и рискованныхъ предпріятій, напр., не ѣздятъ на Мурманъ и на далекій зимній промыселъ морскихъ звѣрей, а ловятъ ихъ только у Терскаго берега; не занимаются торговлею съ Норвегіей; семгу предпочитаютъ ловить больше въ рѣкахъ, чѣмъ на морѣ. По характеру они отличаются терпѣливостью, сосредоточенностью и мягкостью въ обращеніи какъ въ семьѣ, такъ и въ народѣ [2]). Есть значительная разница и въ говорѣ крестьянъ Терскаго и Зимняго берега. Все это указываетъ на то, что колонизація этихъ мѣстностей шла въ разныхъ направленіяхъ; всего естественнѣе думать, что населеніе Терскаго берега явилось туда изъ Поморья, а Зимній берегъ былъ населенъ переселенцами съ р. Двины. Такое предположеніе объясняло бы и разницу эпическаго достоянія этихъ двухъ мѣстностей, обнаруживающуюся какъ

[1]) Но, во всякомъ случаѣ, утвержденіе г. Истомина, будто „въ Арханг. губ. былина—явленіе рѣдкое“ (*Истоминъ* и *Дютшъ*, Пѣсни р. пар. Спб. 1894. стр. XIII), не имѣетъ за собою никакихъ основаній.

[2]) Г. Максимовъ (Годъ на сѣв., по III изд. стр. 266) такъ характеризуетъ „добрый и привѣтливый народъ Терскаго берега“: „стóитъ только обокраденному мужичку заявить о пропажѣ въ церкви послѣ обѣдни,—воръ или вынужденный обстоятельствами похититель непремѣнно скажется. Довѣрчиво смотрятъ всѣ Терскіе, откровенно высказываютъ все свое сокровенное... Гостепріимство и угощенія доведены здѣсь до крайней степени добродушія“.

въ сюжетахъ старинъ, такъ и въ пріемахъ творчества. Не имѣя возможности останавливаться на мелкихъ пріемахъ описаній, я разсмотрю только былинные репертуары Терскаго берега (№№ 1—41, 89) и Зимней Золотицы (остальные №№).

Репертуаръ перваго района примыкаетъ ближайшимъ образомъ къ репертуару Поморья. И тамъ, и здѣсь мы находимъ: 1) Три поѣздки Ильи Муромца; 2) Бой Ильи М. съ сыномъ; 3) Неудавшуюся женитьбу Алеши; 4) Дуная; 5) Туровъ; 6) Козарина; 7) Князя Романа съ Марьей Юрьевной; 8) Михайлу Даниловича; 9) Хотѣна; 10) Садка (см. у г. Григорьева біографію XIV); 11) Егорія Храбраго; 12) Оникy-воина; 13) Братьевъ разбойниковъ съ ихъ сестрой; 14) Вдову съ ея дочерью и сыновьями-корабельщиками; 15) Князя, княгиню и старицъ; 16) Мать князя Михайлы; 17) Князя Дмитрія съ его невѣстой Домной; 18) Смерть царицы (Настасьи Романовны); 19) Кострюка [1]); 20) Ивана Грознаго съ его сыномъ [2]); особенно сильно связываетъ эти два района присутсвіе и въ томъ, и въ другомъ 5 рѣдкихъ старинъ (5—7, 14, 18), неизвѣстныхъ въ Олонецкой губ.

Отъ терско-поморскаго репертуара былинъ весьма отличается былинный репертуаръ мѣстностей, лежащихъ на востокъ отъ Бѣлаго моря,—на Зимнемъ берегу, на побережьѣ, прилегающемъ къ Мезенскому заливу, и по теченію Мезени. Всѣ эти мѣста объединяются въ одинъ былинный районъ благодаря постоянному сношенію ихъ жителей между собой. Нерѣдко крестьяне Зимняго берега, промышляя морскихъ звѣрей, встрѣчаются съ мезенскими промышленниками у о. Моржовца и на западномъ берегу полуострова Канина; въ Золотицу приходятъ работники съ р. Мезени, а золотицкая молодежь ходитъ въ покруты на Мезенскій берегъ. Отсюда является обмѣнъ былинами. Такъ, золотицкій сказатель Крюковъ (III) нѣсколько былинъ выучилъ, когда нанимался покрученникомъ въ с. Койду, на Мезенскомъ берегу, а нѣкоторыя былины перенялъ у крестьянъ, прихо-

[1]) Записи этой старины изъ Поморья см. у *Кирѣевскаго*, VI, 116, 120.

[2]) Къ этому числу можно присоединить старины олонецкаго сказителя Никитина, который, какъ упомянуто выше (стр. 3), выучилъ часть своего репертуара въ Поморьѣ. Всѣ его старины, кромѣ Ивана Гостинаго сына, (7) извѣстны А. М. Крюковой. Въ такомъ случаѣ, къ перечню старинъ, общихъ Поморью и Терскому берегу, должно прибавить 21. Первую поѣздку Ильи Муромца (у Крюкокой въ составѣ Трехъ поѣздокъ, № 1), 22. Илью Муромца съ Калиномъ, 23. Сорокъ каликъ со каликою и 24. Горе.

дившихъ покрученниками въ Золотицу съ верхняго теченія Мезени; отъ другихъ „мезенцевъ“ перенимали старины покойный братъ Крюкова и его внучка (II). Репертуаръ этого района—назовемъ его Задвинскимъ—представляетъ особенно много сюжетовъ, неизвѣстныхъ въ Олонецкой губ.—таковыхъ оказывается 13 изъ 37 сюжетовъ [1]), содержащихся въ моихъ записяхъ. По сравненію съ олонецкимъ и сибирскимъ репертуарами, репертуаръ Задвинскаго района занимаетъ промежуточное мѣсто въ томъ отношеніи, что ему извѣстны какъ былины, входящія въ олонецкій репертуаръ но неизвѣстныя въ Сибири [2]), такъ и наоборотъ, входящія въ сибирскій репертуаръ, но неизвѣстныя въ Олонецкой губ. [3]). Съ другой стороны, 10 былинъ, неизвѣстныхъ ни одному изъ этихъ двухъ репертуаровъ [4]), позволяютъ выдѣлить Задвинскій районъ въ особую самостоятельную область.

Обращаюсь къ состоянію былевого эпоса въ обслѣдованныхъ мною двухъ селахъ Зимней Золотицы [5]). Прежде всего я постараюсь уяснить причины, способствовавшія сохраненію тамъ весьма значительнаго количества былинъ.

Первымъ необходимымъ условіемъ процвѣтанія былевой поэзіи является досугъ. Для того, чтобы пропѣть только

---

[1]) Къ этому числу надо прибавить старину о Горѣ и загадочную былину о сынѣ Чурилушка Перемётковича и Опраксеи Коромысловны, которыя мнѣ не удалось записать (см. ниже, списокъ сказателей).

[2]) Илья Муромецъ и царь Любовъ, Ссора Ильи съ княземъ, Бой Добрыни съ поленицей и женитьба на ней, Бой Добрыни съ Дунаемъ, Святогоръ и Илья, Горе, Соломанъ и Василій Окульевичъ.

[3]) Илья Муромецъ и разбойники (отдѣльно отъ поѣздокъ), Бой Алеши, переодѣтаго каликой, съ Тугариномъ, Алеша освобождаетъ изъ плѣна сестру, Козаринъ.

[4]) Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ, Женитьба Добрыни (№ 72), Идолище сватается за племянницу князя Владимира, Князь Глѣбъ Володьевичъ, Князь Борисъ Романовичъ, Камское побоище, Илья Муромецъ и Мамай, Алеша и сестра Збродовичей, Купцова дочь и царь.

[5]) Поселеніе на р. Золотицѣ возникло не ранѣе XVI вѣка. Книга Большаго Чертежа, упоминающая „градъ Пустоезеро“, основанный въ 1499 г. не указываетъ ни одного поселенія на всемъ протяженіи Зимняго берега (Записки И. Р. Географическаго Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 203—4,232); но возможно, что села Золотицы не было и въ XVI—XVII вѣкахъ, такъ какъ Книга составлена на основаніи грамотъ именно этого времени. По преданіямъ крестьянъ, Золотицу основали „новогородци“, которые переселялись туда „отовсюль“; нѣкоторые семьи выводятъ своихъ родоначальниковъ изъ Новгорода и съ береговъ Двины.

одну былину, требуется нерѣдко часъ, два и болѣе времени; но вѣдь запоминается она не сразу, нужно ее прослушать раза 3; между тѣмъ хорошіе сказатели знаютъ по нѣскольку десятковъ старинъ. Сколько же надо потратить времени, чтобы овладѣть такимъ обширнымъ репертуаромъ? Дѣйствительно, у золотицкихъ крестьянъ много свободнаго времени и притомъ такого, которое нечѣмъ заполнить. На лѣто многіе крестьяне уѣзжаютъ ловить семгу въ промысловыя избушки, разсѣянныя по берегу моря въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой, и живутъ совершенно изолированно по трое, иногда даже безъ женщинъ. Сидя по нѣсколько часовъ сряду въ ожиданіи улова, промышленники имѣютъ возможность перенять другъ у друга громадный запасъ старинъ, „сказываніе“ которыхъ разнообразитъ ихъ невольный скучный досугъ. Лучшіе три сказателя, прослушанные мною: Крюковъ, Пономаревъ и Чекалевъ, съ дѣтскихъ лѣтъ занимаются ловлею семги на морѣ; послѣдній прямо говорилъ, что онъ перенялъ старины на тоняхъ. На тоняхъ же А. М. Крюкова слушала старины у своего двоюроднаго брата (см. №№ 26 и 38). Зимніе промыслы также оставляютъ свободное время для пѣнія старинъ. Крюковъ большую часть своего репертуара заучилъ въ то время, когда онъ, сначала въ качествѣ работника, а потомъ—самостоятельнаго члена артели, промышлялъ морскихъ звѣрей. Сами крестьяне говорили мнѣ, что старины чаще всего услышишь на промыслахъ, причемъ къ указаннымъ выше занятіямъ они прибавляли охоту на звѣрей, когда охотники, обыкновенно двое, отправляются на недѣлю или на двѣ въ лѣсъ и тамъ живутъ въ избушкахъ. Дома же старины можно услышать только отъ женщинъ, и то большею частью постомъ. Какъ выше упомянуто, теченіе Мезени въ Золотицѣ считается главнымъ центромъ былиннаго мѣстонахожденія. На мой вопросъ, чѣмъ объяснить такое богатство старинъ въ этой глухой сторонѣ, одинъ старикъ сказалъ, что тамъ населеніе рѣдкое, а мѣстъ для рыбной ловли очень много, и промышленникамъ приходится проводить долгое время вдали отъ дома, въ избахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой по берегу моря и около озеръ.

Уже Гильфердингъ [1]) указалъ, что занятія нѣкоторыми

[1]) Онежскія былины, II изд., т. I, стр. 17—8,23.

ремеслами способствуютъ распространенію былинъ, такъ какъ даютъ время для ихъ пѣнія. Это мнѣніе подтверждается и моими наблюденіями. Правда, изъ опрошенныхъ мною сказателей только одинъ, Чекалевъ, серьёзно занимается сапожнымъ ремесломъ; но что касается сказательницъ, то онѣ всѣ рукодѣльничаютъ: большинство изъ нихъ работаетъ на ткацкомъ станкѣ (дочери Крюковой, Точилова и др.), а самая лучшая сказательница А. М. Крюкова [1]) постоянно занимается сученіемъ бичевокъ и плетеніемъ изъ нихъ сѣтей. Впрочемъ, она не пренебрегаетъ и хозяйствомъ, а также рыбной ловлей, которою вообще золотицкія женщины занимаются наряду съ мужчинами.

Вторымъ условіемъ сохраненія былинъ въ населеніи является малое развитіе въ немъ грамотности, которая, расширяя умственный горизонтъ и возбуждая новые интересы, отвлекаетъ вниманіе отъ несложныхъ эпическихъ памятниковъ старины. Дѣйствительно, въ Золотицѣ до сихъ поръ обученіе въ школахъ очень мало распространено, а въ старину, когда не было еще школъ, единственными проводниками грамотности были два скита: Игнатьевскій и Онуфріевскій, находящіеся въ 60 и 100 верстахъ отъ Золотицы и разоренные въ концѣ царствованія Николая I. Въ этихъ скитахъ училось (конечно, самымъ примитивнымъ образомъ; ср. рукопись старины подъ № 90) очень немного народа, такъ какъ учившіеся должны были жить тамъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Изъ 11 лицъ, прослушанныхъ мною, грамотными оказались плохіе сказатель и сказательница—Сѣдуновъ и Лыткина, и только одна порядочная пѣвица Марѳа Крюкова, внучка покойнаго знаменитаго сказателя Василія Леонтьевича Крюкова, который также умѣлъ читать и писать, выучившись грамотѣ въ Онуфріевскомъ скиту.

Третьимъ важнымъ условіемъ сохраненія былинъ должно быть присутствіе интереса къ этимъ памятникамъ старины, не заглушаемаго животрепещущими событіями или распространеніемъ болѣе интересныхъ формъ поэтическаго творчества. И въ этомъ отношеніи посѣщенная мною мѣстность соединяетъ въ себѣ всѣ элементы, благопріятные для сохраненія традиціоннаго эпоса. Занесенное судьбою на крайній сѣверъ, населеніе бѣломорскаго побережья всегда жило вдали отъ политическихъ и культурныхъ центровъ и, ко-

---

[1]) Ея 60 старинъ заключаютъ въ себѣ, по моему счету, около 10.300 стиховъ.

нечно, не могло принимать близко къ сердцу ихъ жизнь, отголоски которой доходили до него медленно и въ слабой степени [1]). Даже теперь, съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ устройствомъ почты и телеграфа на значительной части пространства, отдѣляющаго Зимній и Терскій берегъ отъ Москвы и Петербурга, даже теперь всероссійскія новости доносятся до Бѣлаго моря нескоро и не производятъ большого впечатлѣнія на крестьянъ; прежде сѣверяне, очевидно, были отчуждены отъ центровъ еще въ большей степени. Въ центральной Россіи Москва, задавая тонъ поэтическому творчеству, выработала историческія пѣсни, которыя могли замѣнить собою старыя былины; на Дону и на Уралѣ казацкая жизнь, полная треволненій, также давала пищу для новыхъ формъ эпоса. Но на крайній сѣверъ изъ этихъ новинокъ проникла самая незначителчная часть [2]), и населеніе довольствовалось старымъ, вынесеннымъ изъ Новгородской земли эпосомъ, только слегка примѣняя его къ своей природѣ и своему быту.

Наконецъ, четвертымъ условіемъ сохраненія былевой поэзіи должно быть сочувствіе ея идеаламъ и пониманіе ея типовъ. Въ этомъ отношеніи сѣверный крестьянинъ былъ поставленъ въ особенно благопріятныя условія. Живя вдали отъ крѣпостного права, онъ, по прекрасному выраженію Гильфердинга (Он. был., по II изд. стр. 7), „не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того“, продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, „что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?“ Если приглядѣться къ крестьянину Зимняго берега, то окажется, что ему долженъ быть понятенъ типъ независимаго „эпическаго богатыря“, такъ какъ онъ ни передъ кѣмъ не „чувствуетъ себя рабомъ“. Отношеніе золотицкихъ крестьянъ къ заѣзжему горожанину совсѣмъ не то, что отношеніе нашего мужика къ барину. Они относятся къ человѣку высшаго сословія какъ къ равному,—не унизятся передъ нимъ, но не откажутся и охранить его

[1]) Особенно это относится къ Зимнему и Терскому берегу, населеніе которыхъ не ѣздитъ на Мурманъ, откуда обыкновенно идутъ новыя пѣсни и новыя моды.

[2]) Количество записанныхъ мною московскихъ и казацкихъ историческихъ пѣсенъ (10 пересказовъ), сравнительно съ количествомъ другихъ старинъ, совершенно ничтожно.

интересы, въ случаѣ покушенія на нихъ со стороны другихъ, хотя бы своихъ же односельчанъ. При встрѣчѣ они слегка кивнутъ ему головою, не снимая шапки, и назовутъ его такъ же, какъ своего крестьянина—„молодцомъ“ или „мужикомъ“, но ни въ какомъ случаѣ не бариномъ, потому что это слово имъ даже неизвѣстно.

Нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя мною, позволяютъ предполагать, что старинные скиты также играли роль въ храненіи и распространеніи нашего эпоса; но говорить объ этомъ положительно я не рѣшаюсь, такъ какъ самъ я не былъ ни въ одномъ изъ такихъ скитовъ. Документально мнѣ извѣстно, что въ Онуфріевскомъ скиту пѣли много духовныхъ стиховъ, между прочимъ и Голубиную книгу (№ 53), которая считается за старину. Одна учившаяся тамъ старуха, среди рукописей которой я нашелъ нѣсколько стиховъ, а также старину объ осадѣ Соловецкаго монастыря, писанную около 1814 г. (№ 90), говорила мнѣ, что въ кельяхъ пѣли и про князя Владиміра. Покойный сказатель Василій Крюковъ (о немъ см. въ біогр. П) и хорошая сказательница Точилова (Х) выучили нѣкоторыя старины въ томъ же скиту; къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, какія именно старины и отъ кого они переняли. Можетъ быть, серьёзные и благочестивые сюжеты, дѣйствительно, пользовались популярностью въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ чисто-національныхъ скитахъ, которые допускали въ свои кельи народные стихи и старины, въ противоположность оффиціальной церковности [1]), бывшей большею частью суровой гонительницей какъ христіанскихъ легендъ, признанныхъ ею апокрифическими, такъ въ особенности и народной поэзіи.

Теперь я перехожу къ современному состоянію былинной традиціи въ Зимней Золотицѣ. Старины здѣсь поются какъ мужчинами, такъ и женщинами: насколько я могъ узнать, въ обоихъ селахъ можно найти 11 сказателей и 13 сказательницъ [2]), такъ что число женщинъ-пѣвицъ превышаетъ число мужчинъ; мнѣ пришлось записывать старины также болѣе у крестьянокъ, чѣмъ у крестьянъ: первыхъ оказывается 6, а послѣднихъ—5, причемъ первыя знаютъ

---

[1]) Противоположность эта всего яснѣе видна изъ того обстоятельства, что закрытіе сѣверныхъ скитовъ состоялось въ эпоху провозглашенія извѣстныхъ принциповъ: самодержавія, *православія* и народности.

[2]) Списокъ пѣвцовъ, отъ которыхъ старинъ не записано, помѣщенъ въ концѣ статьи.

не менѣе старинъ, чѣмъ вторые. Самый обширный репертуаръ оказался также у женщины, правда, родомъ съ Терскаго берега, А. М. Крюковой. Въ распредѣленіи сюжетовъ трудно указать какую-нибудь разницу между полами; скорѣе, разница въ этомъ отношеніи существуетъ между лицами, обладающими болѣе и менѣе обширнымъ репертуаромъ, а именно: первыя не любятъ короткихъ, а также общеизвѣстныхъ старинъ. Старины поются большею частью пожилыми людьми отъ 40 до 60 лѣтъ, но заучиваютъ ихъ обыкновенно еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ, обѣ Крюковы, мать и дочь, начали перенимать старины съ 8—9 лѣтъ; А. М. Крюкова до 18 лѣтъ, когда она жила на Терскомъ берегу, заучила 41 старину, а съ 18 до 45 лѣтъ—только 19; Васильева заучивала старины дѣвочкой лѣтъ 10: въ молодости, именно, лѣтъ 17-ти, перенималъ старины и замѣчательный сказатель Гаврило Крюковъ.

Такой способъ передачи старинъ отъ одного поколѣнія другому объясняетъ сравнительную сохранность, въ какой донесли до насъ золотицкіе сказатели старыя былины: онъ сокращалъ количество звеньевъ, связывающихъ современные тексты съ болѣе ранними, такъ какъ наиболѣе важныя измѣненія въ нихъ совершались, очевидно, при передачѣ. Другой фактъ, объясняющій архаичность записанныхъ мною старинъ, это—почтеніе, съ которымъ относятся сказатели къ содержанію ихъ. А. М. Крюкова прямо говорила, что проклятъ будетъ тотъ, кто позволитъ себѣ прибавить или убавить что-нибудь въ содержаніи старинъ. Уваженіе крестьянъ къ старинамъ и сказателямъ настолько извѣстно, что я не считаю нужнымъ на немъ останавливаться; отмѣчу только тотъ фактъ, что крестьяне считаютъ знаніе былинъ признакомъ талантливости и какъ-бы образованности. Одинъ старикъ говорилъ о себѣ и нѣсколькихъ другихъ крестьянахъ не знавшихъ былинъ: „вотъ, мы никуда не годимся, ничему не учились;—никакого проку въ насъ нѣтъ“ [1]).

Отношеніе къ содержанію разсказа сказателей и другихъ крестьянъ, слушателей,—двоякаго рода: съ одной стороны, они хотятъ показать вамъ, какъ образованному человѣку, что не вѣрятъ всему, что́ поется въ старинѣ, и самый

[1]) Оригинальное мнѣніе существуетъ относительно происхожденія старинъ: А. М. Крюкова слышала на Терскомъ берегу повѣріе, будто „затюрёмщики укладываютъ старины и сказки; имъ скучно сидѣть,—отъ скуки имъ и станетъ приноситься“.

процессъ пѣнія называютъ враньемъ: „онъ много тебѣ навретъ!“; но съ другой стороны, во время сказыванія старинъ у нихъ срываются съ языка замѣчанія, показывающія, съ какимъ довѣріемъ они относятся къ ихъ содержанію. Когда одинъ сказатель пѣлъ о томъ, что Соловей разбойникъ глотаетъ по цѣлому богатырю съ конемъ (№ 107), слушатели замѣтили: „кака пасть!“, а по поводу того, что Илья направилъ стрѣлу въ правый глазъ Соловья, послышалось замѣчаніе: „небольша мѣточка“. Чудесныя свойства богатырей обыкновенно объясняются тѣмъ, что они были не такой народъ, какъ теперешніе люди,—ѣли, пили, спали, дрались не по нашему. Нѣсколько критическое отношеніе къ содержанію старинъ я замѣтилъ только у А. М. Крюковой; но и она не довѣряетъ лишь нѣкоторымъ частностямъ, въ общемъ признавая достовѣрнымъ содержаніе не только старинъ, но отчасти и сказокъ. Такъ, она недовѣрчиво отнеслась къ разсказу старины, что изъ крови Дуная протекла рѣка (№ 10). Иногда у нея является только сомнѣніе въ правдѣ того, что́ она поетъ. Напр., относительно того, что Егорью Храброму выпалъ конь изъ тучи (№ 24), она вопросительно замѣтила: „врака́ поется?“; но когда я передавалъ ей разсказъ Пономарева, что конь выпалъ Ильѣ Муромцу (№ 91), она стала утверждать, что, какъ всѣмъ извѣстно, конь выпалъ Егорью. Иногда она весьма основательно критикуетъ текстъ своихъ же старинъ. Пропѣвши о томъ, что крестоваго брата Василія Богуславьевича „во многихъ старинахъ скажутъ“ (№ 52), она отвергнула эту подробность: „врака́, всё-таки въ одной“. Относительно старины о шведской войнѣ при Екатеринѣ II (№ 41) она замѣтила: что врака́, будто царица была въ Москвѣ; она царила въ Петербургѣ.

По обилію сказателей и разнообразію былинныхъ сюжетовъ обслѣдованная мною мѣстность принадлежитъ къ выдающимся. Кажется, нигдѣ не было найдено такого множества старинъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ поселеній. Въ двухъ селахъ Зимней Золотицы, заключающихъ въ себѣ около 170 дворовъ, можно найти, какъ я указалъ выше, не менѣе 24 сказателей и сказательницъ; такимъ образомъ, одно изъ такихъ лицъ приходится дворовъ на 7. Нѣкоторые былинные герои пользуются такой популярностью, что дѣти, какъ говорила А. М. Крюкова, называютъ себя въ играхъ ихъ именами: „я—Васильюшко Бо-

гуславьевичъ, я—Илья Муромецъ". Несмотря на это, есть признаки, указывающіе на недолговѣчность былинной традиціи. По словамъ 77-милѣтняго сказателя Крюкова (III), въ старину сказателей было больше; тогда только и забавы было, что слушать старины да биться кулачнымъ боемъ. Теперь же онѣ понемногу выводятся; младшее поколѣніе болѣе любитъ читать или слушать сказки и повѣсти. Я могу указать только 3—4 сказательницъ, которымъ менѣе 30 лѣтъ; большинство же пѣвцовъ и пѣвицъ—люди пожилые.

Передача старинъ отъ одного поколѣнія другому въ Золотицѣ, какъ вездѣ, гдѣ сохранились былины, совершенно случайна. Не только нѣтъ людей, которые спеціально занимались бы сказываньемъ старинъ и этимъ снискивали себѣ пропитаніе, но и въ записанныхъ мною текстахъ нѣтъ слѣдовъ, указывающихъ на профессіональныхъ пѣвцовъ. Если сказатель обращается къ своимъ слушателямъ, то называетъ ихъ „братцами"; про себя онъ говоритъ обыкновенно въ единственномъ числѣ:

Ай мнѣ спѣть, мнѣ-ка старинушку старинную (№ 37);

или:

Старинѣ скажу конецъ,—больше нечего мнѣ спѣть (№ 28).

Къ былинѣ онъ приступаетъ обыкновенно просто, безъ прелюдій; если же и вносится въ нѣкоторыхъ пересказахъ прибаутка, то она не имѣетъ никакого отношенія къ личности пѣвца или пѣвицы. Такъ, Бурая начинаетъ старину о князѣ, княгинѣ и старицахъ (№ 115) слѣдующимъ началомъ „погудки", извѣстной ей и въ отдѣльномъ видѣ (№ 116):

Старину-то сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою.
Еще это вѣдь чудо, братцы,—нѣ чудо;
Еще есть-то какъ чудышко чуднѣй того.

Но Васильева (см. біограф. IV), а также Крюкова (№ 30), съ Терскаго берега, сказываютъ эту старину безъ прибаутки. Весьма распространенная прибаутка [1]), въ которой пѣвцы, выражая почтеніе своимъ слушателямъ, говорятъ,

[1]) Ею начинаются одна бѣлорусская колядка (Этногр. Обозр. 1895 г., № 2, стр. 28=*Лобода*, Русскій богат. эпосъ, 99=*Владиміровъ*, Введеніе въ Ист. Русс. Слов., 85) нѣсколько былинъ (*Кирѣевскій*, I, 19, 20, 31) и пѣсня о московскомъ пожарѣ (ib. VII, 31, Прил., 126—7; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣст. и плем. Кавказа, XV, 82; *Истоминъ* и *Ляпуновъ*, Пѣсни русск. нар. Спб. 1899, стр. 171).

что имъ не дорого угощеніе, а дорога бесѣда, состоящая изъ добрыхъ и умныхъ людей,—въ сѣверной передѣлкѣ совершенно измѣняетъ смыслъ комплимента слушателямъ и въ былинѣ о первой поѣздкѣ Ильи Муромца (№ 107) является въ такомъ видѣ:

Намъ не дорого ни злато да чисто сéребро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да какъ злато-то, сéребро минуется—
Дорога наша любовь не позабудется [1]).

И эту прибаутку прибавляютъ къ былинѣ посредственный сказатель Ѳ. Сѣдуновъ (VIII) и Н. А. Лыткина (см. списокъ сказателей, 7); лучшіе же сказатели: Крюковъ (№ 68) и Пономаревъ [2]), непосредственно приступаетъ къ содержанію старины:

А какъ первая была поѣздка Ильи Муромца
А изъ Мурома до Кіева, и проч.

Только одну прибаутку, прибавленную къ старинѣ А. М. Крюковой объ убійствѣ Иваномъ Грознымъ своего сына (№ 37), можно считать унаслѣдованною изстари на томъ основаніи, что она существуетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ другихъ варіантахъ этой старины. Вотъ эта прибаутка:

Ай мнѣ спѣть, мнѣ-ка старинушку старинную,
Что старинную, старинушку бывалую,
Про того-ли спѣть царя, царя московскаго,
Про Ивана-та спѣть все про Васильевича.

Начало этой прибаутки показываетъ, что старина поется сказателемъ для себя; между тѣмъ какъ изъ записи той же старины въ Новгородской или Пермской губ. [3]) видно, что тамъ старина когда-то пѣлась нѣсколькими лицами по приказанію хозяина:

Прикажи, господи, [4]) намъ старину сказать.

---

[1]) Подобная прибаутка встрѣчается въ двухъ пѣснѣхъ изъ Архангельской губ.: въ одномъ отрывкѣ изъ яко-бы свадебной пѣсни у *Истомина* и *Ляпунова*, 126 и въ рождественской обрядовой пѣснѣ у *Ефименка*, Матеріалы по Этногр. русск. нас. Арханг. губ. II, 95, № 2.

[2]) Его пересказъ помѣщенъ у *Тихонравова* и *Миллера*, II, 9.

[3]) *Кирѣевскій*, VI, 66; ср. *Гильфердингъ*, № 129, ст. 7—10.

[4]) Въ подлинникѣ „Господи“; но, очевидно, это—обращеніе къ господину, хозяину; можетъ быть, здѣсь пропущено *и* подъ вліяніемъ слѣдующаго „намъ“.

Присутствіе традиціонныхъ прибаутокъ въ былинахъ указываетъ на среду профессіональныхъ пѣвцовъ—скомороховъ и каликъ, отъ которыхъ онѣ перешли къ крестьянамъ нѣкоторыхъ губерній. Но населеніе Зимняго и Терскаго берега не могло непосредственно перенять старины ни отъ скомороховъ, которые, конечно, не заходили на крайній сѣверъ Россіи, ни отъ каликъ, которые хотя бываютъ зимою на Зимнемъ берегу, но поютъ только духовные стихи, да и тѣхъ, по словамъ крестьянъ, знаютъ немного.

Какъ извѣстно, въ текстахъ былинъ весьма замѣтно личное вліяніе, вносимое пѣвцомъ. Вліяніе это сказывается между прочимъ въ складѣ стиха. Прослушанные мною сказители настолько свыклись съ обычнымъ былиннымъ размѣромъ, что вносятъ его и въ такія старины, которыя, какъ видно изъ другихъ варіантовъ, были сложены совсѣмъ другимъ размѣромъ. Особенно это замѣтно въ старинахъ А. М. Крюковой, которая пѣла былиннымъ складомъ старины о Кострюкѣ (№ 36), о Голубиной книгѣ (53), о матери и дочери въ татарскомъ плѣну (57), о взятіи Казани (58), похоронахъ Сеньки Разина (59) и рожденіи Петра I (начало № 60); такимъ же складомъ пѣлъ о Кострюкѣ (№ 106, вторая половина) Чекалевъ, между тѣмъ какъ Крюковъ сохранялъ въ этой старинѣ (№ 85) ея оригинальный скоморошій размѣръ. Насколько легко сказатели передѣлываютъ всякій размѣръ на обычный былинный ладъ, показываетъ слѣдующій случай. Послѣ того какъ репертуаръ двухъ сказательницъ, пѣвшихъ мнѣ старины вмѣстѣ, Бурой и Лыткиной (XI), уже истощился, онѣ, желая получить еще гонорара, своимъ обычнымъ былиннымъ напѣвомъ запѣли слѣдующее:

Изъ-за горъ-то, да горъ да крутыхъ, высокихъ,
Изъ-за лѣсу-то, лѣсу тёмного,
Изъ-за тёмненького-то лѣсу дрёмучёго
Выбѣгаётъ-то конь, да лошадь добрая,
Лошадь добренькая была неѣзжалая,
Неѣзжалая лошадонька постухмённая [1]),
Да слуга-та моя, братцы, праворучная...

И такимъ складомъ онѣ пропѣли всю эту пѣсню, весьма извѣстную въ Золотицѣ, но обладающую другимъ размѣромъ:

---

[1]) По объясненію пѣвицъ, послушная.

БИБЛИОТЕКА

Изъ-за горъ-то, горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго
Выбѣгаетъ конь, добра́ лошадь, и пр. [1]).

Подобнымъ же образомъ, въ качествѣ старины онѣ хотѣли спѣть мнѣ пѣсню: „У отца было три сына любимые [2])“; но я отказался ее записать, зная, что это—рекрутская, лирическая пѣсня и потому не можетъ претендовать на названіе старины.

Личность пѣвца проявляется также въ томъ, что онъ, запомнивши въ одной старинѣ извѣстный фактъ, напр., личность, географическое названіе, оригинальный эпитетъ, эпическій пріемъ описанія, переноситъ этотъ фактъ въ другую старину, а иногда и въ цѣлый рядъ старинъ, что, конечно, облегчаетъ ему ихъ запоминаніе. Перенесеніе является особенно удобнымъ при сходствѣ положеній, въ которыхъ оказывается переносимый фактъ. Такимъ образомъ вырабатываются извѣстные типы человѣка, города, рѣки, утвари и т. п. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ перенесеній, обусловливающихъ собою выработку типическихъ былинныхъ героевъ. Васька Торокашка Замо́ряпинъ представляетъ типъ помощника властителя, насильно добывающаго себѣ жену. Въ репертуарѣ А. М. Крюковой онъ исполняетъ слѣдующія порученія: 1) увозитъ жену Соло́мана для царя Василія Окульевича (№ 23), 2) похищаетъ жену князя Романа для царища Грубіянища (№ 18), 3) въ качествѣ посла приходитъ отъ Идолища и требуетъ у князя Владимира его племянницу замужъ за своего господина (49), 4) въ качествѣ помощника деспота, ищущаго себѣ жену, губитъ князя Бориса и старается достать Владимиру жену убитаго (48). Торокашко является также въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Баданѣ (3), но уже въ другой обстановкѣ, и потому пѣвица не называетъ его здѣсь ни Васькой, ни Заморянином. Подобнымъ же образомъ царище Грубіянище (Діоклетіанъ) изъ старины объ Егорьѣ Храбромъ (№ 24) перенесенъ въ старину о князѣ Романѣ (18).

---

[1]) Варіанты въ Великор. пар. пѣсняхъ, *Соболевскаго*, I, 278—295.

[2]) Варіанты въ Русскихъ пѣсняхъ, *Якушкина*, 99; въ Пѣсняхъ Самарскаго края, *Варенцова* 189; въ „Утрѣ“ (1859 г.), 193; въ Бытѣ русск. пар. *Терещенка*, II, 405; въ Сборникѣ памят. пар. тв. въ Сѣв.-Зап. краѣ, 8; въ Пѣсняхъ пинчуковъ, *Довнара-Запольскаго*, 126, № 546.

Маринка Кайдаловка въ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ (50) является любовницей Ильи Муромца; отсюда она со всѣми своими аттрибутами перенесена въ былину о боѣ Ильи съ сыномъ (4); поэтому оказалось, что мать Подсокольника беретъ громадную пошлину съ кораблей князя Владимира, а самъ Подсокольникъ захватываетъ сотню русскихъ судовъ съ корабельщиками и матросами. Въ старинахъ Г. Л. Крюкова распространеннымъ типомъ насильника является Идолище: онъ завладѣваетъ Царьградомъ (№ 69), подступаетъ къ Кіеву съ громаднымъ войскомъ (81), пытается насильно взять замужъ племянницу Владимира (79) и, наконецъ, является соперникомъ Дуная (75), претендуя на руку его невѣсты. Особенно оригиналенъ типъ князя, который женится 90-а лѣтъ отъ роду. Сказательница Васильева (см. ея біограф., IV) знаетъ старину о князѣ Михайлѣ, который женился 90-а лѣтъ; въ былинѣ о Дунаѣ, его соперникъ князь Данило Бѣлый сватается на дочери Задонскаго короля, и Данилѣ оказывается тоже 90 лѣтъ.

Конечно, выработка подобныхъ типовъ происходила въ устахъ не одного только сказателя, отъ котораго записаны старины, но и его предшественниковъ. Нѣкоторые типы распространены въ цѣломъ былинномъ районѣ, а такіе прочно установившіеся типы, какъ города Кіевъ и Черниговъ, рѣки Нѣпра и Пучай, Леванидовъ крестъ, Алатырь-камень, князь Владиміръ, Опраксія, наконецъ, типы главныхъ богатырей, пользуются извѣстностью почти вездѣ, гдѣ существуютъ былины [1]).

Мнѣ остается сказать о томъ, насколько черты мѣстной природы и быта отразились на записанныхъ мною старинахъ. Прежде всего, въ сказателяхъ сейчасъ же видно приморскихъ жителей, прекрасно знакомыхъ съ мореплаваніемъ и интересующихся всѣмъ, что касается моря. Во многихъ старинахъ [2]) описывается плаваніе кораблей по морю. Корабли отошли отъ берега; потянула способная,

---

[1]) Мнѣ кажется, что детальное изученіе эпическихъ типовъ, являющихся у отдѣльныхъ сказателей, а также въ извѣстныхъ географическихъ районахъ, прольетъ свѣтъ и на выработку теперь вполнѣ установившихся типовъ и исключитъ изъ вѣдѣнія науки туманныя параллели, приводившія въ качествѣ причинъ заключенія цѣлаго ряда былинъ въ кіевскій циклъ, въ родѣ объединенія Руси подъ властью Москвы (*Халанскій*, Великорусскія былины кіевскаго цикла, заключеніе).

[2]) №№ 3, 4, 18, 21, 23, 28, 49, 50, 65, 79, 80, 83, 95.

уносная по́вѣтерь (попутный вѣтеръ); затѣмъ пали вѣтры со всѣхъ четырехъ сторонъ: восточной, западной, сѣверной и лѣтной (мѣстныя названія); корабли метало туда и сюда и наконецъ занесло въ гавань. Подробно описывается причаливаніе къ берегу: корабельщики (капитаны) смотрятъ въ подзорныя трубы; матросы распускаютъ флаги, ронятъ и подвиваютъ паруса, спускаютъ якоря и бѣлыя модныя шлюпки, въ которыя садятся мореплаватели; затѣмъ они направляются къ лодейной пристани, пристаютъ къ плоту, идутъ по мосту въ таможню, гдѣ ихъ протаможиваютъ, или, что̀ то же, берутъ съ нихъ пошлину. При отчаливаніи корабля, поднимаютъ булатные якоря, выпускаютъ вязки (канаты), бросаютъ ихъ на воду, развиваютъ полотняные паруса; затѣмъ корабль начинаетъ покачиваться, являются бѣлые гребни волнъ, которые „будто бѣлыя лебеди взлетываютъ“; наконецъ, скрывается берегъ:

„А какъ русская земля да потаплася,
Какъ погапая земля да замѣнилася“.

Часто описывается внутренность корабля: каюты краснаго дерева, палуба; упоминается грузъ, состоящій изъ шелковыхъ, атласныхъ и бархатныхъ матерій и разныхъ мѣховъ. На корабляхъ являются, кромѣ матросовъ, надъ которыми начальствуетъ корабельщикъ, также и водолазы. Въ двухъ старинахъ упоминается Окіянъ-море,—обычное въ Золотицѣ названіе Ледовитаго океана: 1) Илья Муромецъ досталъ лебединое перо въ серединѣ славнаго синяго моря, которое называютъ „Окіянъ-море“ (№ 45); 2) въ Голубинной книгѣ (53) говорится, что когда всплеснется Магуй-птица, Окіянъ-море взволнуется, и начинаетъ пружить (опрокидывать) гостинные (купеческіе) корабли съ заморскими товарами.

Сѣверная природа не такъ ярко проглядываетъ въ старинахъ. Но все-таки есть прямыя указанія на крайній сѣверъ; такъ, упоминается Карское море (№ 79); два пересказа былины о Чурилѣ (87 и 103), начинающіеся словами:

„Ай о вешнемъ было праздничкѣ о Троицѣ,
Нападала пороха снѣгу бѣлаго“,

ясно указываютъ на широты, подъ которыми они были записаны: въ концѣ мая, когда большею частью приходится празднованіе Троицына дня, въ Золотицѣ нерѣдко идетъ

снѣгъ. Природа сѣвера оставила нѣсколько слѣдовъ въ былинныхъ описаніяхъ, сравненіяхъ и лирическихъ отступленіяхъ. Такъ, татаринъ, подъѣзжая къ Кіеву, не спрашиваетъ ни мховъ, ни лѣсовъ (№ 3); конь Ильи Муромца перескакиваетъ черезъ болота и озера (1); сестра Алеши Поповича (64), разсуждая, куда дѣлось ея счастье, рисуетъ довольно яркую картину побережья Ледовитаго океана:

„Ты въ темномъ лѣсу ли, лѣсѣ заблудилося,
Во жидкихъ ли мхахъ гдѣ, во болотахъ-то,
Во приглубистыхъ тихихъ озёрахъ-то?“

Вслѣдствіе того, что сѣверный сказатель никакъ не можетъ представить себѣ совершенно „чистое“ поле, безъ деревьевъ, является сравненіе:

„Не лѣсина въ чистомъ полѣ шатается“;

богатырь ѣдетъ по „чистому полю“, но оно наполнено валежникомъ, какъ и всякій сѣверный лѣсъ:

„Сухо пеньице, кореньице поломалося“ (№ 14).

Такъ какъ сказатель не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о степи, то немудрено, если онъ поетъ о „степныхъ лѣсахъ Саратовыхъ“ (2).

Въ нѣкоторыхъ старинахъ отразились особенности сѣвернаго промысловаго быта. Всю жизнь имѣя дѣло съ морскими звѣрями, сказатель вводитъ обстановку звѣроловныхъ промысловъ даже въ такія старины, гдѣ она вовсе не идетъ къ дѣлу. Князя Бориса (№ 48) послали на островъ Буянъ убить кабана, который, подобно морскимъ звѣрямъ, выходитъ изъ моря; Борисъ поставилъ у моря неводъ, изловилъ звѣря и убилъ его такъ, какъ бѣломорскіе промышленники убиваютъ тюленей или бѣлухъ. Чтобы объяснить тяжесть шляпы, принадлежавшей сестрѣ Кострюка (106) и вѣсившей 30 пудовъ, сказатель говоритъ, что въ нее было вдѣлано кутило [1]), тяжесть котораго ему, конечно, хорошо извѣстна. Въ старинахъ отразились также семужій и другіе рыбные промыслы. Сейчасъ же видно рыболова въ авторѣ такихъ сравненій:

„Еще мастеръ былъ Добрыня ныркомъ ходить,
Онъ ныркомъ мастеръ ходить да посёмужьи“ (№ 5);

[1]) Орудіе, которымъ убиваютъ крупныхъ морскихъ звѣрей.

или:

„Какъ палимъ-то вкругъ вѣдь камешка все обвивается,
Какъ Василій Богуславьевичъ къ матушкѣ вѣдь все онъ ластится“ (52).

Обстановка охотничьихъ промысловъ является въ старинѣ о князѣ Романѣ (18), жена котораго, встрѣтивъ въ лѣсу полѣсника (охотника), прячется за уголъ, изъ чего видно, что въ лѣсу была промысловая изба, въ родѣ тѣхъ, какія разбросаны по всему побережью Бѣлаго моря. У полѣсника есть „подорожники“, т. е. разное печенье, взятое имъ на время охоты; подобнымъ образомъ, Козарушка (102, 110), отправляясь на заводи стрѣлять птицъ, запасается подорожниками, какъ и всякій золотицкій охотникъ.

Слѣдовъ бытовыхъ особенностей, отличающихъ жизнь крестьянъ Зимняго берега, немного. Упоминается о ѣздѣ на саняхъ лѣтомъ, которая, дѣйствительно, примѣняется въ Золотицѣ, когда къ мѣсту назначенія нельзя проѣхать воднымъ путемъ: Идолище (49), собираясь въ дорогу, говоритъ: „я въ сани сажусь“ (дѣло происходитъ лѣтомъ). Есть указанія и на домашнюю обстановку; напр., когда богатырь подъѣзжаетъ къ дому, находящееся тамъ лицо всегда „отпираетъ окошечка немножечко“ (71, 108 и др.); это объясняется тѣмъ, что въ Золотицѣ окна всегда привязываются шнуркомъ, чтобы ихъ не разбило сильнымъ морскимъ вѣтромъ, и настежь отворить ихъ нельзя. Очень часто (№№ 14, 20, 52, 56, 78) встрѣчается названіе кухарки въ смыслѣ вообще служанки [1]), потому что въ Золотицѣ всякая домашняя работница называется кухаркой. Въ двухъ старинахъ находимъ указанія и на свадебные обряды съ терминологіей, взятой изъ обыденной жизни золотицкихъ крестьянъ. Говорится о „смотрѣньѣ“ невѣсты, происходящемъ наканунѣ вѣнчанья, причемъ она называется „зарученою“; упоминается также „дѣвья плачь“, или „дѣвій столъ“ за день до смотрѣнья (№№ 6, 49, 79).

Такимъ образомъ, на старыхъ былинахъ, зашедшихъ съ юга на Бѣлое море, видна печать довольно сильной сѣверной переработки, совершавшейся путемъ примѣненія традиціонныхъ разсказовъ къ мѣстной обстановкѣ и мѣстнымъ интересамъ. Это указываетъ на свѣжесть и жизненность

[1]) Въ варіантахъ тѣхъ же былинъ, записанныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, является служанка, казачиха, работница, холопка, портомойница; но нигдѣ не упоминается „кухарка“.

былинной традиціи на Бѣломъ морѣ. Былины не сошли еще здѣсь на степень мертвыхъ обломковъ прошлаго; населеніе, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ пожилыхъ крестьянъ, не утратило пока интереса къ старинамъ и уваженія къ сказателямъ, которымъ принадлежитъ честь быть, пожалуй, послѣдними хранителями русскаго національнаго эпоса.

При выборѣ старинъ для записыванія, я руководился такими соображеніями: 1) мнѣ хотѣлось представить по возможности полный репертуаръ золотицкихъ сказателей; поэтому я не препебрегалъ и такими старинами, которыя извѣстны въ нѣсколькихъ десяткахъ пересказовъ, напр., Братья-разбойники и ихъ сестра, Кострюкъ; 2) я старался записывать въ бо́льшемъ количествѣ варіантовъ рѣдкія старины, каковы: Алеша и сестра Збродовичей, Михайло Даниловичъ, Козарушка, Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, 40 каликъ со ка́ликою, Садко, или старины, доселѣ не бывшія въ печати. На этихъ основаніяхъ я записалъ и нѣсколько старинъ въ прозаической передачѣ. Конечно, приходилось иногда сообразоваться съ временемъ и наклонностями пѣвцовъ, которые не всегда были готовы пѣть старины Такъ, мнѣ не удалось записать у М. С. Крюковой старинъ о Волхѣ Святославьевичѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ (духовный стихъ); у Г. Л. Крюкова—о Козарушкѣ; у Пономарева—о Потыкѣ, о смерти жены Грознаго; у Бурой—о Камскомъ побоищѣ; изъ Чекалевскаго пересказа той же старины я успѣлъ записать только отрывокъ (№ 104). Съ нѣкоторыми сказателями и сказательницами мнѣ даже не пришлось познакомиться или вслѣдствіе ихъ отлучки изъ Золотицы, или вслѣдствіе нежеланія ихъ сообщать мнѣ старины.

Я привожу здѣсь списокъ такихъ лицъ со скудными свѣдѣніями о нихъ, которыя мнѣ удалось получить.

Сказатели Нижней Золотицы:

1) Александра Тита́новна (т. о. Татіоновна) Голу́бина—женщина лѣтъ 30-ти, племянница Г. С. Прыгунова (8), знаетъ Голубиную книгу.

2) Павла Семеновна Крюкова, дочь А. М. Крюковой, дѣвушка 22 лѣтъ (см. біогр. I), знаетъ довольно много старинъ, перенявши ихъ у своего дѣда, но совѣстится ихъ пѣть. У нея переняла мать №№ 45 и 57.

3) Дарья Андреевна Попова, вдова лѣтъ 45, знаетъ старины: а) про сына Цюрилушка Перемётковица и Опраксеи Коромысловны, б) какъ Цюрило ходилъ къ Пересьмякиной женѣ, в) какъ мужъ уѣхалъ на сторону, купилъ платье... [1] но пѣть ихъ отказалась несмотря на двукратную мою просьбу.

4) Любава (Любовь) Павловна Попова, дѣвушка 26 лѣтъ, дочь предыдущей сказательницы, выучила двѣ старины у своей матери: а) и в); въ 1899 г. нанималась на лѣто въ работницы въ другомъ селѣ.

5) Василій Ѳедоровичъ Онуфріевъ (прозвище Оружьевъ) хорошій пѣсельникъ, но знаетъ и старины.

6) Филаретъ Ефимовичъ Стрѣлковъ — лѣтомъ 1899 г. уѣзжалъ въ Норвегію закупать треску; у него переняла А. М. Крюкова № 56.

Сказатели Верхней Золотицы:

7) Настасья Андреевна Лыткина, женщина лѣтъ 45 — знаетъ старины: а) „намъ не дорого не злато“ (Первая поѣздка Ильи Муромца), б) „какъ старой женитце собиралсэ, наѣхалъ сѣръ горючъ камень“ (Илья Муромецъ и разбойники); в) Бой Добрыни съ Дунаемъ (ср. № 99), г) Дюкъ, д) Иванъ Годеновичъ, е) Чюрилюшка, ж) „Ондрей девеноста лѣтъ“ (Князь, княгиня и старицы), з) Небылица. Ея братъ помогалъ Сѣдупову пѣть старину № 107. Она спѣла мнѣ нѣсколько свадебныхъ „плачей“, но старины ей пѣть не хотѣлось.

8) Доримъ Ивойловичъ (Доримедонтъ Іоилевичъ) Пономаревъ, старикъ 80 лѣтъ—отказался пѣть старины, сославшись на свою старость.

9) Григорій Степановичъ Прыгуновъ (прозв. Павозковъ), дядя Голубиной (1), старикъ 72 лѣтъ—замѣчательный пѣвецъ старинныхъ пѣсенъ; прежде онъ зналъ нѣсколько старинъ но теперь можетъ спѣть только одну: Чурило и жена Перемёты.

10) Иванъ Васильевичъ Спировъ—уѣхалъ на тоню ловить семгу.

11) Ѳедоръ Антипьевичъ Сѣдуновъ, крестьянинъ лѣтъ 50, живетъ въ работникахъ, при мнѣ уѣхалъ ловить семгу; онъ помогалъ Чекалеву пѣть № 100.

---

[1] Это—старина о Горѣ; см. напр., въ Великор. нар. пѣсняхъ *Соболевскаго* I, 514, 521.

12) Малафей (Малахія) Васильевичъ Точиловъ.

13) Марья Степановна—считается хорошей сказательницей, но пѣть мнѣ старины отказалась.

14) Настасья Семеновна—знаетъ Небылицу и другія старины, но въ хлопотахъ по хозяйству не нашла времени спѣть ихъ мнѣ.

Роспись дней, въ которые записаны старины.

Нижняя Золотица.

Число.			№№ старинъ.
1898 г.	августа	22	76, 73, 71.
—	—	23	78, 84, 72.
—	—	24	90.
1899 г.	іюня	12	81.
—	—	13	75.
—	—	14	74, 79.
—	—	15	80, 82, 70, 66, 68, 83.
—	—	16	(14), (4), (29), (17), (48), (35), (40
—	—	17	(5), (22), 21, (31), 6.
—	—	18	(19), 3, (12), (18), (20).
—	—	19	30, 2, 8.

Верхняя Золотица.

—	—	20	107.
—	—	21	108, 94, 96, 93, 95, 91, 92, 100.
—	—	22	103, 101, 99, 102, 97, 98, 104, 105, 106.
—	—	23	110, 109, 111, 114, 115, 116, 113.
—	—	24	112.

Нижняя Золотица.

—	—	26	(36), (7), (46), (16).
—	—	27	(56), (11), (25), (53), 33, 10, (9), 24.
—	—	28	87, 88, 85, 67, 69.
—	—	29	52, 51, 61, 65, 15.
—	—	30	77, 86, (47), (37), (27), (13), 1.
—	іюля	1	60, (34), 32, (43), 62.
—	—	2	(59), (41), 63, 64, (54), (55), (57), 23.
—	—	3	(42), (44), (26), 38.
—	—	4	89, (45), (50), (28).
—	—	5	(39), 58, 49.

Относительно передачи мѣстнаго говора въ моихъ записяхъ слѣдуетъ замѣтить, что я избѣгалъ затруднять типографію и читателя пестротою транскрипціи. Такъ, я обозначалъ посредствомъ *г* дыхательный звукъ, который золотицкіе крестьяне и А. М. Крюкова выговариваютъ близко къ малорусскому произношенію; посредствомъ *чь*[1]), *чя* я обозначалъ особенно мягкое *ч*, близкое къ *ць*; но мягкость звука *ц*, въ сочетаніи съ *е*, пришлось отмѣтить акутомъ: *це*; кромѣ того, во избѣжаніе недоразумѣній при чтеніи, я ввелъ употребленіе *ё*.

При своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ я дѣлалъ отмѣтку: *Собир:* (собиратель); примѣчанія же безъ отмѣтки воспроизводятъ собственныя слова пѣвцовъ.

А. Марковъ.

---

1) Отсюда исключаются тѣ слова, въ которыхъ принято писать *чь*, напр., дочь; въ такихъ словахъ это написаніе не имѣетъ за собою фонетическихъ основаній.

Нижняя Зимняя Золотица.

I.

Аграфена Матвѣевна Крюкова, замужняя женщина 45-ти лѣтъ, родомъ съ Терскаго берега. Ея дѣдъ по матери Стрѣлковъ изъ села Тетрины переселился въ с. Стрѣльну, когда еще она состояла только изъ 3 дворовъ [1]). Здѣсь онъ въ теченіе 14-ти лѣтъ даромъ служилъ при церкви сторожемъ и старостой. Будучи самъ грамотнымъ, онъ научилъ читать и писать своихъ дѣтей—двухъ сыновей и трехъ дочерей; грамотность передавалась изъ рода въ родъ: по словамъ Крюковой, одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ такъ любилъ читать, что даже пѣсни и старины пѣлъ по какой-то рукописной книжкѣ. Но ея матери некогда было хорошо научиться грамотѣ, потому что ей, какъ старшей изъ дочерей, пришлось съ 14—15 лѣтъ принять на себя все домашнее хозяйство. Замужъ она была взята за Кожина въ село Чаваньгу, куда переѣхалъ также ея братъ Ефимъ. Здѣсь-то родилась и выросла Аграфена; здѣсь же еще въ дѣтствѣ она выучила бо́льшую часть своихъ старинъ, главнымъ образомъ отъ матери и дяди, а также отъ сосѣдей и подругъ. Когда она была дѣвочкой (лѣтъ 9-ти), ей стоило одинъ разъ прослушать старину,—и она уже запоминала ее на всю жизнь; до сихъ поръ она поетъ старины, которыя переняла отъ стариковъ и старухъ, умершихъ лѣтъ 30 тому назадъ. Ея замѣчательная память не была ослаблена грамотностью, потому что ей негдѣ было научиться читать и писать: мать ея—сама еле-еле разбирала церковное письмо, а отецъ вовсе былъ неграмотный. Те-

---

[1]) Въ 1856 г., во время проѣзда г. Максимова по Терскому брегу въ Стрѣльнѣ было 4 двора (Годъ на сѣверѣ, I, гл. IX, по III изд. стр. 224); очевидно, четвертымъ дворомъ былъ дворъ Стрѣлкова. Теперь Стрѣльна состоитъ изъ 8 дворовъ.

перь она очень жалѣетъ о томъ, что не знаетъ грамоты. На Зимній берегъ она попала такимъ образомъ: когда ей было 18 лѣтъ, буря занесла въ Чаваньгу партію золотицкихъ крестьянъ, выѣхавшихъ на весенній промыселъ за морскими звѣрями (въ февралѣ и мартѣ); тамъ промышленники провели всю весну. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Васильевичъ Крюковъ посватался за Аграфену Матвѣевну, которая въ то время, какъ говорятъ, была очень красива. Ей не хотѣлось идти за него замужъ, и она просила родителей не выдавать ея на чужую сторону, со слезами валяясь у нихъ въ ногахъ. Но они выдали ее насильно, такъ какъ слышали о женихѣ похвальные отзывы. По словамъ А. И. Васильевой (сказательница, см. IV), товарищи стали передъ ними нахваливать Семена, „что онъ — мужикъ хорошій, что онъ—мужикъ провóрый, а изъ него ничто не оказалось“. Тяжело было положеніе молодой женщины въ большой семьѣ ея свекра Василія Леонтьевича, который тогда жилъ въ одномъ домѣ со своимъ братомъ Гаврилой (сказатель, см. III); особенно много она терпѣла отъ двухъ своихъ золовокъ, старыхъ дѣвицъ, и неразъ со слезами она мнѣ жаловалась, что отъ нихъ ей приходилось даже получать побои. Послѣ выхода замужъ она только одинъ разъ была на родинѣ, а теперь ее и не тянетъ туда, потому что ея родители, любимый дядя Ефимъ и бóльшая часть другихъ родственниковъ уже умерли. Въ Золотицѣ она обогатила и безъ того обширный репертуаръ своихъ старинъ, перенявши много старинъ у своего свекра, теперь уже покойнаго, а также нѣсколько—у другихъ лицъ. Феноменальная ея память обнаруживалась, между прочимъ, въ томъ, что она поправляла мелкія ошибки въ своихъ старинахъ, пропѣтыхъ днемъ раньше: она помнила, какъ спѣла названіе какого-нибудь города или рѣки; когда встрѣчалось что-нибудь оригинальное, напр., эпитетъ: кипарисовое сѣдло, отчество Алеши: Леонтьевичъ,—она обыкновенно упоминала, въ какихъ старинахъ встрѣчаются эти особенности.

Къ содержанію старинъ она относится съ большимъ довѣріемъ, и только нѣкоторыя невѣроятныя частности позволяетъ себѣ называть „врáкой“; вмѣстѣ съ тѣмъ пѣніе старинъ (какъ и стиховъ) она считаетъ весьма похвальнымъ дѣломъ, и чаще всего поетъ ихъ въ Рождественскій постъ; передъ тѣмъ какъ „сказывать“ старину, она зара-

пѣе ее обдумываетъ, боясь, какъ бы не соврать, потому что, по ея словамъ, „убавишь или прибавишь (въ содержаніи, а не въ складѣ старинъ),—таковые прокляты; а стихи-ти (т. е. если невѣрно споешь духовный стихъ)—паче". Большею частью она поетъ старины своимъ дѣтямъ, которыхъ у нея было 9 человѣкъ; но четверо умерло, и теперь осталось двѣ дѣвушки, дѣвочка 9-ти лѣтъ и 2 мальчика; обѣ взрослыя дочери переняли у нея нѣкоторыя старины (одна изъ нихъ пѣла мнѣ, см. II). При народѣ же она не любитъ пѣть и потому не пользуется славою хорошей сказательницы; въ селѣ многіе удивлялись, когда узнали, что она пропѣла мнѣ 60 старинъ: благодаря ея кроткому нраву, сосредоточенному характеру и нѣкоторой замкнутости ее считали „простоватою".

Она отличается особенною религіозностью, которая перешла къ ней отъ матери, простаивавшей, какъ она говорила, цѣлыя ночи на молитвѣ, и еще болѣе развилась послѣ замужества подъ вліяніемъ тяжелой жизни. Эта сторона ея характера отчасти отражается и въ ея старинахъ: дѣйствующія въ нихъ лица часто молятся, служатъ молебны и паннихиды. Направленіе религіозности у нея, какъ и вообще у сѣвернаго крестьянства, отличается приверженностью къ старинѣ и отвращеніемъ ко всякимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ, такъ что по духу она—совершенная старовѣрка. Въ ея историческихъ пѣсняхъ и разсказахъ нетрудно уловить ненависть къ патріарху Никону, Алексѣю Михайловичу и отчасти къ Петру I. Когда на ея вопросъ, признаетъ ли русская церковь Никона святымъ, я отвѣчалъ отрицательно, она съ радостью стала говорить объ этомъ всѣмъ домашнимъ. Она убѣждена, что въ послѣдній разъ на землѣ священникъ отслужитъ обѣдню постарому, и тогда уже будетъ конецъ міра. Съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала она благочестивую сказку о томъ, какъ одинъ богачъ не хотѣлъ помочь своему бѣдному брату и какъ св. Николай, явившись къ нимъ, одного наставилъ на путь истины, а другого наградилъ. Великимъ постомъ и вечеромъ наканунѣ праздниковъ она любитъ пѣть духовные стихи; я у нея записалъ 11 стиховъ, которые она выучила у матери, дяди Ефима, тетки Матрены Кипріановны, свекра и сосѣдки Маремы Ларіоновны. Кромѣ старинъ и стиховъ, она знаетъ нѣсколько сказокъ, напр., объ Иванѣ Гостиновѣ (мотивъ Василисы Премудрой, дочери мор-

ского царя), о Лазорѣ Лазоревичѣ, о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра I отъ разбойниковъ; знаетъ также причитанія невѣсты на свадьбѣ и множество пѣсенъ, какъ свадебныхъ, такъ и необрядовыхъ. Нужно замѣтить, что она строго отличаетъ отъ старинъ историческія пѣсни XVIII и XIX вв., которыхъ она знаетъ нѣсколько: „Откатилась вѣточка“ [1]), „Не полынь-травка въ полѣ закачалася“ [2]), „Зазвонили въ большой колоколъ“ [3]) (всѣ 3 пѣсни съ именемъ Петра I), о Захарѣ Григорьевичѣ Чернышовѣ [4]), о взятіи Варшавы въ 1831 г. [5]). Послѣ выхода замужъ Аграфена Матвѣевна почти перестала пѣть пѣсни, кромѣ величальныхъ, которыя она поетъ на свадьбахъ. Старины она поетъ довольно слабымъ, но пріятнымъ голосомъ, не детонируетъ и хорошо выдерживаетъ размѣръ стиха. Она говорила, что каждая старина поется на свой голосъ; но мнѣ она большинство старинъ пѣла однимъ и тѣмъ же протяжнымъ напѣвомъ, чтобы удобнѣе было записывать, и только для немногихъ старинъ, напр., о Кострюкѣ, о вдовѣ, ея дочери и сыновьяхъ корабельщикахъ, она употребляла особенный голосъ. Изъ былинныхъ героевъ она никогда не слыхала именъ Ставра, Вольги и Микулы; не знаетъ она также старинъ о битвѣ Добрыни съ Дунаемъ, о Камскомъ побоищѣ.

Хотя она уже 27 лѣтъ живетъ въ Золотицѣ, но въ говорѣ ея замѣтно довольно много особенностей: она не такъ ясно выговариваетъ безударное *о*, какъ золотицкіе уроженцы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ не замѣняетъ *я* поср. *е*; большею частью произноситъ Владимиръ вм. Владимеръ; нерѣдко въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ вмѣсто =*ого* и =*его* выговариваетъ *ово* и *ево*; въ суффиксахъ прилагательныхъ удваиваетъ *н*, напр., *соболинной*; иногда чвакаетъ; *ц* произноситъ не совсѣмъ мягко, *щ* (*шш*)—не совсѣмъ широко, и пр.

— — —

[1]) См. въ „Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“, вып. VIII, стр. 4 и слѣд.—
[2]) ibid., IX, стр. XXVI.—
[3]) ib., VIII, 276.—
[4]) ib., IX, 125.
[5]) ib., X, 464.

A) Старины Терскаго берега.

1.

Три поѣздки Ильи Муромца.

(Перенята у дяди Ефима).

Ай во городи было всё во Муроми,
Во сели-то у насъ было во Качарови,
Тамъ вѣдь былъ-то жилъ богатой-отъ хресьянинъ-отъ Иванъ всё Тимоѳеевичъ
Со своей-то жилъ съ супругой съ Епестéньей Олёксандровной.
Какъ не бѣлинька берёзка къ земьли клонитце,
Не кудрявинька зелёна подгибаитце;—
Какъ дородьнёй доброй молодець-отъ падатъ батюшку въ рѣзвы́ ноги,
Ай тому-ли всё Ивану Тимоѳеёвичу,
Ро́дной матушки Липесьтéніи Олёксандровны;
Говоритъ-то онъ самъ да всё таки рѣци:
„Ужъ ты гой еси, родимой ты мой батюшко
Со родимой со моей, всё съ ро́дной матушкой!
Благословите-ко меня вы, добра молодца,
Вы того-ли Илью да миня Мурамця,
Ишше сильнёго могучово бога́тыря,
Съѣзьдить мнѣ-ка, батюшко, въ цисто́ полё:
Говорятъ шьто мнѣ, могуци-ти сказали мнѣ,
Мнѣ сказали-то многи могуція бога́тыри,
Будто есь какъ во чисто́мъ поли на столбичку написано,
На дубовомъ на столбѣ вѣдь будто наресовано:
Есь нечистыхъ три дорожки прямоѣжжіихъ“.
Тутъ заплакали ево чёсны́ родители:
—Ты уѣдёшь—вѣдь убьютъ твою уда́лу буйну голову.—
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамець, всё какъ свѣтъ-Ивановиць:
„Во чисто́мъ-то поли мнѣ смерть не написана“.
Онъ скорепько-то пошолъ да на широкой дворъ,
Онъ сядлалъ-то, сряжалъ да тутъ добра́ коня,
Надѣвалъ-то онъ уздицю всё серебряну,
Онъ вѣдь клалъ-то всё сѣдёлышко всё кипарисноё [1]),

[1]) Не черкальское, а кипарисное было у нево сѣдёлышко.

Онъ садилсэ на своёго Воронёюшка.
Онъ вѣдь сталъ-то у ево всё, доброй конь, поскакивать,
Сталъ онъ рѣки и озёра промежъ ногъ спускать,
Вси болота и озёра всё проскакивать.
Пріѣзжаетъ онъ во далече въ чисто́ полё;
Тамъ, въ чисто́мъ поли да тамъ столбъ стоитъ;
На столби-то всё было́ подписано,
На дубовомъ всё вѣдь было наресовано:
Какъ въ перьву́ дорожку ѣхать—тутъ богату быть,
Во втору дорожку ѣхать—дакъ жонату́ быть,
Ай въ третью́ дорожку ѣхать—не живу́ не быть.
Тутъ какъ думаётъ Илья всё Мурамечъ, онъ прироздумыватъ:
„Шьто нашьто вѣдь мнѣ-ка, старому, богату быть?
Мнѣ-ка старому богатьсьво всё ненадобно;
Я поѣду же однако въ ту дорожоцьку“.
Пріѣжаетъ по дорожки недалёко-то;
Подъ однымъ-то тутъ вѣдь было подъ сыры́мъ дубомъ
Тамъ стоитъ-то вѣдь, стоитъ да три розбойницька.
Розьдѣлили по перьво́й они по мисы красна золота,
По другой они по мисы чиста се́ребра,
По третье́й они по мисы скатна жемцюгу,
Розьдѣлили они да всё приконьцили.
Тутъ гледѣлъ-смотрялъ Илья да Илья Мурамець;
Онъ тутъ перьвого розбойника конёмъ стопталъ,
Онъ другого-та розбойника копьёмъ скололъ,
Онъ третьёму-то отсѣкъ по пле́ци буйну голову;
Собиралъ-то онъ къ себѣ тутъ злато, се́ребро.
Тутъ же сталъ онъ по чисту́ полю розгуливать,
Онъ розгуливать сталъ, да всё розьѣжживать;
Розьминатъ-то онъ, розьѣжживатъ добра́ копя.
„Я поѣду въ ту дорожку, гдѣ жонату быть.
Ай нашьчо же мнѣ-ка, старому, жонату быть?
Мнѣ женитьба, старому, вѣдь ни къ чому будётъ“.
Говоритъ-то тутъ вѣдь самъ себѣ, роздумыватъ.
„Я не то, токо я съѣжжу, попровѣдаю“.
Онъ вѣдь ѣхалъ Илья Мурамечъ и до́ ночи;
Увидалъ-то онъ въ тёмно́мъ лѣсу огромной домъ;
Онъ поѣхалъ ко дому ко богатому.
Этотъ домъ стоитъ вѣдь убранъ, прироскрашонъ весь.
Пріѣжаётъ онъ ко до́му всё близёхонько,
Привезалъ-то онъ коня своего доброго,
Ко тому ли привезалъ коня-то къ золоту кольцю,

Принасыпывалъ пшеницы бѣлояровой.
Тутъ выходитъ къ ёму да на красно́ крыльцё,
На красно́ крыльцё выходитъ красна дѣвица:
„Ты-ка здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець!
Проходи ко мнѣ въ полатушки высокія;
У миня-то вѣдь домъ великъ всё со полатами“.
И спросилъ у ей Илья-та вѣдь свѣтъ-Мурамець:
—Ужъ ты гой еси, душа ты красна дѣвица!
Исъ какихъ ты родовъ, да ты всё здѣсь живёшь:
Исъ королевськихъ ли родовъ, али исъ княженьскихъ?—
Тутъ отвѣтъ скоро́ держала красна дѣвица:
„Не могу тебѣ сказать, вскори́ повѣдати;
Я тогды тебѣ скажу, когды я замужъ за тебя пойду“.
Ай заходитъ онъ въ её́ да всё полаты-ти,
Она садитъ его Илью за дубовы́ столы,
А пои́тъ-то его водками всё разныма,
Она корьмитъ его кушаньёмъ да ѣствами саха́рьныма:
„Ужъ ты пей, кушай, женихъ мой наречённой ты“!
Говоритъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець:
—Ты мнѣ дай-ко-се свои-ти золоты клюци;
Обхожу-ту я по всѣмъ твоимъ покоямъ-то,
Я по всѣмъ твоимъ полатамъ бѣлокамяннымъ;
Я тогда-то вѣдь тебя да за себя возьму.—
Пристыгаетъ тутъ Илью да ноцька тёмная,
Ноцька тёмна пристыгаетъ, ноць осённая.
Какъ лёжи́тъ его дѣви́ця-душа красная
Шьчо на ту ево кроваточку тисовую,
Шьчо на ту-ли на периночку пуховую;
Говоритъ она сама всё таки рѣци:
„Ты лёжись-ко-се, лежись, да ты какъ мой женихъ;
Я сама-то всё тебя возьму окутаю“.
Говоритъ-то Илья Мурамець таковы рѣци:
—Повались-ко-се сама да на кроватоцьку.—
Онъ увидѣлъ, шьчо у ей есь злы всё помыслы:
Уходить она желатъ да Илью Мурамця.
Онъ немного сь ей тутъ всё да розговаривалъ;
Захватилъ-то ей за дѣвью за русу́ косу,
Онъ откинулъ взялъ перину всё пуховую,
Онъ кинулъ-то ей во по́грёбъ во глубокой-отъ.
Хто не толкуетъ—повали́тьце́, тотъ и тамъ упалъ;
Тамъ наставлёны у ей да всё востры́ копья,
Нагублёно тамъ вѣдь много душъ напрасныхъ-то:

Исъ худыхъ-то есь родовъ, много хорошихъ есь;
Хто вѣдь мимо попадётъ эти копья́, дакъ тотъ живой сидитъ;
Хто на копьё-то попадётъ, дакъ тотъ приконьчитцэ.
Закрычали вси многи́ тамъ люди добрыя:
„Шьчо сама она летитъ, вѣдьма проклятая!“
Ай нашолъ вѣдь Илья Мурамець да всё клюци у ей,
Отмыкалъ-то онъ вѣдь дьвери всё у этой тёмницы,
Онъ скрыцялъ-то богатырьскимъ своимъ голосомъ:
„То́ко есь хто живой, токо́ живёхонёкъ,
Изъ многи́хъ токо́ изъ васъ, всё людей добрыхъ-то,
Вы примайте са́му вѣдьму на востры́ штыки“.
Тутъ народъ-то православной вси Бога прославили.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамечъ, всё сынъ Ивановичъ:
„Выходите-ко вы всѣ на улочку,
Поѣжайте-ко-се вы вси да по своимъ села́мъ,
По своимъ села́мъ, хто и по городамъ“.
Тутъ папёхано у ей, выходитъ сорокъ всё царей,
Сорокъ царей, всё царевице́й,
Ай выходитъ сорокъ королей-то тутъ,
Сорокъ королей, всё королевице́й,
Сорокъ князей, всё княжевичей,
Какъ да чорного-простого тутъ народа числа-смѣту нѣтъ.
Всѣ поѣхали они всё по своимъ мѣстамъ,
По своимъ-то по мѣстамъ, разны́мъ по го́родамъ;
Да вѣдь тутъ они прирозьѣхались.
Онъ общистилъ ту дорожку прямоѣжжую;
Да поѣхалъ Илья Мурамець, да сынъ Ивановиць,
Онъ поѣхалъ въ ту дорожку, гдѣ живу́ не быть.
Ай пріѣхалъ, онъ вѣдь день ѣхалъ всё до́ ноци;
Онъ завидѣлъ Соловья сына Рахма́тьёвича;
Шьчо сидитъ-то Соловей да на семи дубахъ,
Самъ крычитъ-то Соловей посоловьинному,
Самъ шипитъ-то онъ, собака, позьмѣинному,
Самъ ревётъ-то онъ, проклятой, позьвѣринному.
Пріѣжаетъ вѣдь Илья близки́мъ-близёхонько,
Онъ стрѣляётъ, всё онъ стрѣлоцькой калёною;
Ай ушла-то ему́ стрѣлка всё во правой глазъ,
Обошолъ-то Соловей кровью горячою;
Тутъ вѣдь падалъ Соловей Рахматовичъ да на сыру́ землю;
Мать сыра-та вѣдь земля да потрясаласе.
Тутъ вѣдь бралъ его́ Илья, да Илья Мурамець,

Привезалъ онъ ёго́ да ко добру́ коню;
Онъ повёзъ-то Соловья да всё Рахматьёвича
Мимо свой-ли-то ёго высокъ терёмъ.
Тутъ увидѣла ево да доць-та старшая;
Говоритъ-то своей да ро́дной матушки:
„Нашъ вѣдь батюшко ѣдетъ, мужика везётъ“.
Говорила ей да ро́дна матушка:
—Какъ мужикъ-отъ вѣдь ѣдетъ, везётъ батюшка.—
Она кланеитце, Соловьёва молода жона,
А тому она Ильи, да Ильи Мурамцю:
—Ты возьми-ко у мня мису красна золота,
Ты возьми у мня другу хоть ци́ста се́ребра,
Ты возьми у мня третью́-ту скатна жемцюга.—
„Мнѣ ненадобно твоё да красно золото,
Не возьму я у тебя да цисто се́ребро,
Не возьму я у тебя да скатна жемцюга“.
Тутъ ударила-то палицёй тяжолою—
Палиця была у ей въ сорокъ пудъ—
Какъ ёго-то вѣдь доць да Соловьёва-та,
Невпаце́й она его ударила;
Цють не палъ-то доброй молодець зъ добра́ коня,
Цють не выпалъ изъ сѣдёлышка да кипарисного.
Какъ вѣдь онъ-то тутъ, Илья, да скоро соходилъ онъ со добра́ коня,
Онъ хваталъ-то свою саблю вострую,
Онъ отьсѣкъ-то взялъ у ей да буйну голову;
Самъ поѣхалъ-то въ красёнъ Кіёвъ-градъ,
Онъ повёзъ-то Соловья да въ красёнъ Кіёвъ-градъ.
Ай пріѣхалъ онъ ко князю на широкой дворъ,
Да оставилъ Соловья-та всё Рахматьёвича;
Онъ оставилъ ёго на широко́мъ дворѣ;
Самъ заходитъ во полаты бѣлокамянны.
Ай у князя у Владимера всё пиръ идётъ,
Ишше пиръ-отъ идётъ, всё пиръ на радосьти.
Говоритъ-то тутъ Илья да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, ты кра́сно нашо солнышко,
Ты Владимиръ, ты князь да славной кіевской!
Я обцистилъ ту дорожку прямоѣжжую,
Я привёзъ-то Соловья, привёзъ Рахматьёвиця;
Мы какъ шьчо будёмъ теперь да надь имъ дѣлать-то?
Нать отсѣкци у ёго да бу́йна го́лова“.
Какъ пошли-то тутъ смотрить вѣдь Соловеюшка Рахматьёвича:

Запеклисе у ево уста кровью горецёю.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ты вѣдь спой-ко, Соловей, посоловьинному“.
Отвѣчаетъ Соловей, ему отвѣтъ держитъ:
—Не твоё-то вѣдь я пью, да всё я кушаю,—
Не тебя-то вѣдь, князь, я буду слушати;
Я вѣдь пью-то, кушаю всё Ильи Мурамця,
Я ёго-то вѣдь всё, я буду слушати.—
Розрывалъ скоро́ Илья-то у ево всё кровь горяцюю;
Наливали ёму цяроцьку всё зелёна́ вина,
Зелёна́ ёму вина́ всё полтора ведра;
Выпиваетъ Соловей Рахматьевичъ едны́мъ духомъ.
Говоритъ ёму Илья вѣдь таковы слова:
„Токо будешь, Соловей Рахматьёвичъ, ты меня слушать тутъ,
Я вѣдь буду тибя да всё поить, корьмить;
Будёмъ ѣзьдить заодно со мной въ чисто́ полё;
Сосьвисьти-ко, Соловей, да ты вѣдь въ по́лсвиста,
Ужъ ты въ по́лсвиста свисьни посоловьинному“.
Сосьвисьтѣлъ-то онъ, собака, онъ вѣдь всимъ свистомъ;
Тутъ народъ вѣдь, люди добры испугалисе,
Испугалисе они, всё съ ногъ попадали.
Не можотъ уне́ть ёго всё Илья Мурамець;—
Опъ отьсѣкъ взялъ у его тутъ буйну голову.

2.

Илья Муромецъ и Калинъ.

(У него же).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Тамъ вѣдь жилъ былъ старая стары́ньшина да Илья Мурамець,
Илья Мурамець былъ да сынъ Ивановиць.
Ёму придумалось-то съѣзьдить во цисто́ полё;
Какъ поѣхалъ онъ да позабавитьце
Онъ тима́-ти вѣдь дворяньскима забавами:
Пострѣлять-то онъ поѣхалъ гусей, ле́бедей,
Онъ перьнясцятыхъ-то мелкихъ всё онъ утоцёкъ.
Онъ наѣхалъ во цисто́мъ-то поли три могуцёго богатыря,
Три того-ли онъ, три бра́тёлка Борисьёвыхъ:
Во цисто́мъ-то поли они дѣля́тъ всё красно золото.
Говоритъ-то Илья да таковы рѣци:

„Ужъ вы гой еси, три брата три Борисьёва!
Ужъ вы дайте-ко вы мнѣ да красна золота“.
Говорятъ-то ёму братьици Борисовы:
—Тибя скоро разлуци́мъ, старъ, со бѣлы́мъ свѣтомъ.—
Говоритъ-то казакъ да Илья Мурамець:
„Шьто у старого, у бѣдного взеть нецёго,
Взеть-то нецёго вамъ, всё живота вѣдь нѣтъ:
Только есь у мня у старого, всё у сѣдатого,
Шьчо три есь у мня три стрѣлки всё калёныя;
Я сьтрилею ети стрѣлки по бѣлымъ днямъ,
Собираю ети стрѣлки по тёмны́мъ ноцямъ:
По ноцямъ-то у мня стрѣлки какъ свѣшши́ горятъ“.
Натегатъ скоро Илья да вѣдь онъ ту́гой лукъ,
Онъ спускаётъ Илья Мурамець всё калену́ стрѣлу;
Онъ застрѣлилъ тутъ трёхъ братьиця́й Борисьёвыхъ,
Обиралъ-то онъ вѣдь тутъ злато, се́ребро,
А пріѣхалъ-то вѣдь тутъ да въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ,
Въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ пріѣхалъ, ко князю на широ́кой дворъ.
Онъ дарилъ-то тутъ ети подароцьки,
Подарилъ-то злато, се́ребро вѣдь ласковому князю со княгиною,
Со княгиной съ Опраксе́ей съ Королевисьнёй.
Ишше князю-ту Владимиру ети подароцьки ёму всё полюбилисе;
Онъ отдаривалъ вѣдь князь да всё Владимиръ-отъ,
Подарилъ-то ёму шубоцьку-кошу́лёцьку [1]);
Да потя́нута шуба всё камця́ткой мелкотравцятой;
На Владимири-то шупка какъ огонь горитъ.
Тутъ вѣдь вси-ти бояра на его розгнѣвались,
На того-ли казака, всё Илью Мурамця;
Тутъ бояра насказали на Илью князю Владимеру:
„Шьчо жъ ты ой еси, ты красно наше солнышко Владиміръ-князь!
Напилсэ вѣдь Илья всё зелёна́ вина;
Онъ вѣдь ходитъ всё по городу по Кіеву,
Онъ воло́питъ ету шубку за единъ рукавъ,
Онъ волоцитъ, самъ ко шупки приговариватъ:
„Волоци́-тко-се ты шупку за единъ рукавъ,
Ай Владимира-та-князя за жёлты́ кудри!
Опраксею-Королевисьню я за собя возьму“.

---

[1]) Въ старины поётц'е.

Ишше тутъ-то князь Владимиръ пообидилсэ;
Приказалъ-то копать по́дкопы глубокія,
Шьчо глубокія пещеры ёму смёртныя;
Засадилъ онъ Илью Мурамця съ добры́мъ конёмъ.
Тутъ узнала всё про ето цюдо цюдноё
Молода-та вѣдь княгина Опраксея-Королевисьня,
И сама она тому да приосплакалась:
„Шьчо неладно-то Владимиръ дѣло зьдѣлалъ-то,
Занапрасно посадилъ да Илью Мурамця:
Насказали всё ёму бояра кособрюхія“.
Подкопала она по́дкопы други́ ёму,
Она въ роди какъ пещеръ ёму спасёныихъ,
Уносила всё ему книгу Евангельё,
Присылала ёму свѣшшъ всё воскояровыхъ;
Шьчо сама-та пила, ѣла, она кушала,
Она тѣмъ же кормила Илью Мурамця;
Она такъ ёго корьмила, шьчобы князь не зналъ;
Ай добра́ коня спускали въ зелёны́ лужка,
Въ зелёны́ лужка спускали, въ шолкову́ траву.
Ай съ того-то всё горя, горя великого
Тутъ уѣхало двѣнадцеть всё бога́тырей:
Въ перьву голову уѣхалъ Самсонъ Сильнія,
Во вторыхъ-то тутъ уѣхалъ Пересмяка со племяницькомъ,
Тутъ ишше́-то какъ уѣхалъ всё Цюрило-свѣтъ всё Плёнковиць [1]),
Да ишше́-то тутъ уѣхалъ всё Добрынюшка Никитиць младъ,
Да ишше́ да тутъ уѣхалъ всё вѣдь Олёшенька Поповиць младъ,
Да ишше́-то тутъ уѣхалъ всё Дунаюшко Ивановиць;
Тутъ уѣхали бога́тыри—не всё вѣдь мы ихъ знамъ, да какъ ихъ именёмъ-то звать.
А ишше́-то съ того горюшка великого
Да убилсэ тутъ Добрынюшка Никитиць младъ
Онъ о тотъ-ли о горюцёй о сѣръ ка́мешокъ:
„Олишили токо Илью-то всё бѣла́ свѣту,—
А не буду безь ёго да я на свѣти жить!“
Ай прошло-то тому времени не годъ, не два,
Шьто не годъ, не два прошло вѣдь, братцы, да не три года,
Шьто прошло-то тому времени, тому три мя́сеця;
Шьчо прошла-то скоро вѣстоцька по всей земьли,

---

[1]) Въ былинахъ А. М. Крюковой Чурило обладаетъ совершенно особеннымъ обликомъ, см. № 19. *Собиратель*.

Шьчо по всей прошла земьли по Святоруськую;
Да дошла-то ета вѣстоцька до земьли-то до поганыя,
Какъ до той-ли до орды, до Золотой земьли.
Тамъ вѣдь жилъ-то былъ да всё собака-Каинъ-царь,
Собака Каинъ-то царь, да царь Калиновиць.
Онъ заслушелъ, шьчо нѣтъ живого Ильи Мурамця;
Подымаитьце собака ише Каинъ-царь,
Ише Каинъ-отъ-царь да всё Калиновиць,
Онъ со тѣмъ-ли со своимъ сынóмъ съ любимыимъ;
За сынóмъ-то всё идётъ силушки всё несцётно-то:
Идетъ сорокъ-то цярей за имъ, цяревицей,
Идётъ сорокъ королей, всё королевицей;
Ай за кажнымъ за царёмъ да за цяревицёмъ
Шьчо за кажнымъ королёмъ, за королевицёмъ
Шьчо идётъ-то вѣдь силушки по сороку всё тысецей,
Ай за зётёмъ силы-то идётъ—да цисла-смѣту нѣтъ,
За самимъ же за собакой цярёмъ Каиномъ
Идётъ силушки за имъ—да цисла-смѣту нѣтъ.
Тутъ не вёшна всё вода да розьливаласе,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаитце
Ко тому-ту всё ко городу ко Кіеву,
Ко ко ласковому князю ко Владимиру,
Шьчо ко тѣмъ-ли ко церьквамъ Божьимъ соборныимъ,
Шьчо соборныимъ, къ церьквамъ все богомольныимъ,
Шьчо ко тѣмъ цюдныимъ крестамъ животворяшшимъ,
Ай ко тѣмъ-ли ко манастырямъ къ спасёныимъ.
Самъ выходитъ цярь-собака изъ бѣла шатра,
Шьчо собака-та выходитъ ише Каинъ-царь,
Ише Каинъ вѣдь царь да Калиновичъ,
Ай выходитъ собака, похваляитце.
Подошла сила вѣдь за версту за мѣрную;
Замогли-то продувать да вѣтры буйныя,
Замогло-то пропекать да красно солнышко
Отъ того-ли всё отъ духу отъ поганого,
Отъ поганого отъ духу отъ тотарьского,
Отъ того-ли всё отъ пару лошадиного.
Говоритъ-то вѣдь собака ишше Каинъ-царь,
Ишше Каинъ вѣдь царь да всё Калиновичъ:
„Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишите вы скорѣ-ко мнѣ-ка грамотку,
Вы пишите мнѣ-ка грамотку да всё вы руськую,

Не перомъ-то вы пишите, не чернилами,
Не по бѣлой по ербо́вой по бумажоцьки,—
Вы по рыту-ту пишите всё по бархату
Дорогимъ-то вы пишите сухимъ краснымъ золотомъ,
Ужъ мы какъ вѣдь зайдёмъ да въ красенъ Кіевъ-градъ".
Ишше тутъ ёму тотара отказалисе:
—Мы не знамъ, не знамъ писать-то, всё ты Каинъ-царь,
Всё ты Каинъ-царь да всё Кали́новичь!
Не умѣмъ-то мы писать всё грамотки всё руськоюо.—
Закрыцялъ-то тутъ собака позьвѣринному,
Засьвистѣлъ-то тутъ собака всё посоловьинному:
„Ужъ вы гой еси, тотарева-булановя,
Ужъ вы ти всё стихари всё получе́вныя [1])!
Вы пишите скоро грамоту тотарьскую,
Ай тотарьску вы грамоту нѣмецькую,
Ай пишите вы про князя про Владимира:
Ай мы князя съ Владимира мы кожу всё съ жива́ зьдерёмъ,
Опраксею-Королевисьню мы всё съ собой возьмёмъ,
Увезёмъ-то мы всё ей да во свою землю".
Они скоро написали ету грамотку;
Тутъ пошли-то вѣдь скоро́ всё три тотарина;
Ай приходятъ они ко князю на широкой дворъ,
Съ широка́ двора въ полаты въ бѣлокаменны;
Припесли-то они грамотку тотарьскую,
Говорятъ-то они князю Владимиру
Все не руськимъ язы́комъ-то, своимъ они:
„Получай-ко, князь Владимиръ, скору грамотку
Ай отъ нашого царя, царя отъ Каина,
Шьчо отъ Каина-царя да всё Кали́новича".
Тутъ какъ стали скоро росьпецятывать;
Какъ по ихной-то всё пало по уцести:
На ту пору-ту пріѣхалъ тутъ Олёшенька всё исъ цста́ поля,
Попровѣдать-то пріѣхалъ всё онъ князя со княгиною.
Онъ вѣдь бралъ-то скоро грамотку росматривалъ,
Онъ россматривалъ грамотку-ту, всё вѣдь онъ процитывалъ.
Ишше всё-то у тотарина написано:
„Мы зайдёмъ-то вѣдь мы завтра въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ,
Въ кра́сёнъ Кіевъ мы градъ ко князю ко Владимеру;
Мы не будёмъ у его отсѣкать да буйной го́ловы,
Мы вѣдь будёмъ ёго муцить-то мы муками:
У жива́ да мы вѣдь кожу-ту сьдирать будёмъ;

[1]) Писаря, значитъ, поихному.

Опракссю-ту мы Королевисьню мы съ собой возьмёмъ".
Они стали-то цитать, да всѣ заплакали.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ вы вой еси, тотарява поганыя!
Вы мнѣ дайте-ко мнѣ строку, да трои́ мнѣ сутоцьки:
Отслужить-то мнѣ обѣдьни со молебнами,
Со молебнами мнѣ да съ панафидами".
—Не даймъ-то тибѣ строку́ да на три де́ницька.—
Тутъ заплакало-то нашо-то да солнышко,
Да по имени нашъ да всё Владимиръ-князь:
„У мня вси теперь въ розьѣзди вси бога́тыри;
Теперь некому стоять будётъ за вѣру православную,
Православну-ту вѣру, за Божый це́рькви,
За Божый-ти за це́рьквы, за золоты кресты,
За золоты-ти кресты-ти стоёть, за князя, за княгиню-ту!"
Говоритъ тутъ Опраксея таковы рѣци:
—Ужъ ты гой еси, ты красно моё солнышко,
Ишше князь ты всё Владимиръ стольне-кіевской!
Ужъ ты дай-ко росказать, мнѣ всё повѣдай-то [1]);
Я ноцёсь мало спала, да много во сни видяла:
Какъ Илья-та вѣдь у насъ будто живёхонёкъ,
Какъ живёхонёкъ у насъ онъ, здоровёхонёкъ.—
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Кабы былъ у насъ Илья кабы живёхонёкъ,
Не боелись бы собаки царя Каина,
Не розорилъ бы у насъ да красна града Кіева,
Не погубилъ бы у насъ да всё Божы́хъ це́ркве́й
Не убилъ бы тогда миня, князя Владимера,
Онъ не вырубилъ тогда бы всё со старого до малого!"
Говорила Опраксея-Королевисьня:
—Я скажу-ту всё тибѣ, правду повѣдаю:
Занапрасно посадилъ ты Илью Мурамця;
Сохранила я ёго отъ сьмерти отъ голодныя;
Я попла-то ёго, корьмила всё любы́мъ кускомъ
Я тайкомъ-то отъ тибя тольки, Владимиръ-князь.
Ты просьтишь ли теперь миня въ такой вины?—
„Тебя Бохъ просьтитъ, всё Опраксея-Королевисьня!
Да пойдёмъ-ко мы Илью звать, ниско кланитце".
Ай приходятъ въ пещеры-ти спасёныя;
Ему клапеитце князь Владимиръ-отъ ниско́й поклонъ:

---

[1]) *тъ* передъ *т* перешло въ *й*. *Собир.*

„Ты просьти миня, старая стариньшина,
Ужъ ты славной мой казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць,
Ты просьти, прости миня всё виноватого!“
Говорилъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець:
—Тибя Бохъ проститъ, да красно нашо солнышко,
Тибя Бохъ проститъ, да всё Владимиръ-князь!
Не своимъ-то ты умомъ да дѣло здумалъ дѣлати:
Насказали-то тебѣ бояра кособрюхія.—
Онъ вѣдь скоро выходитъ исъ по́дкопо́въ—пешо́ръ спасёныихъ.
А служили всё обѣдыи-то да со молебнами,
Со молебныма всё съ панафидами
Шьчо во тихъ-ли во Божы́хъ це́рквахъ соборныихъ,
Во соборныхъ це́рквахъ да богомольныихъ,
Шьчо у тихъ-ли у поповъ, отце́й соборныихъ;
Ай приходятъ во полаты изъ Божье́й це́рквы;
Онъ садитъ-то всё Илью да всё за дубовой столъ,
Наливаетъ ему цяроцьку всё зелена́ вина,
Зелена́-та вина цяру полтора ведра;
Онъ ишше́-то наливаетъ пива пьяного,
Пива пьяного ему да полтора ведра;
Онъ ишше́-то наливаетъ мёду сладкого,
Мёду сладкого онъ да полтора ведра.
Ишше сталъ-то тутъ Илья всё поговаривать;
Ишшевелились у ёго всё могуци́ плеци,
Розыгралась-то въ имъ силушка великая,
Всё вели́ка-та сила богатырьская;
Онъ вѣдь скоро вѣдь ставатъ всё на рѣзвы́ ноги.
Онъ вѣдь скоро тутъ выходитъ всё изъ-за дубова́ стола;
Онъ молилсэ-то всё тутъ Богу-Господу,
Всё царици-то небесной, Божьёй Матери,
Благословлялсэ всё у князя со княгиною;
Онь какъ скоро выходилъ самъ на широкой дворъ,
Говорилъ скоро́ таки да рѣци горькія,
Рѣци горьки говорилъ да всё обидилсэ:
„Тебѣ Бохъ тебѣ судья, ты нашо красно солнышко,
Красно солнышко, Владимиръ славной кіевськой!
Розлуцилъ ты всё миня да со добры́мъ конёмъ,
Со добры́мъ миня конёмъ всё съ Воропе́юшкомъ!“
Ай выходитъ на широ́ку сьвѣтлу улоцьку;
Онъ понёсъ тольки въ рукахъ одну востру́ саблю,
Онъ ишше́ понёсъ въ рукахъ всё палицю свою цяжолую,

Онъ цяжо́лу-ту палицю всё сорока пудовъ;
Онъ ишше́ же онъ понёсъ копьё всё брузаменьское.
Недалёко отошолъ отъ города отъ Кіева:
Тутъ бѣжитъ-то всё ёго, да бѣжитъ доброй конь,
Бѣжитъ доброй ёго конь всё Воронеюшко;
Обниматъ своёго ножками любимого хозяина,
Говоритъ своимъ язы́комъ ц́еловѣческимъ;
„Я ходилъ-то, всё я бѣгалъ по зелены́мъ лужкамъ,
Всё я кушалъ-то траву, траву шолко́вую,
Ужъ я пилъ-то всё свѣжу́ воду ключо́вую;
Я не могъ забыть любимого хозяина,
Я своёго-то всё старую старыньшину,
Я того-ли всё Илью да Илью Мурамця,
Илью Мурамця, я сына Ивановича.
Во сего́дёшной-онъ мнѣ да во денёц́екъ-отъ
Пріоткрылась мнѣ дорожка токо къ Кіеву“.
Тутъ садилсэ доброй молодець всё на добра́ коня;
Онъ поѣхалъ во тѣ-ли сц́епны́ лѣса Саратовы,
Ись тёмны́хъ ись тѣхъ лѣсовъ всё на круту гору́,
Шьчо на ту-то на круту гору́ на Арависькую,
Арависькую на го́ру на укатисту.
Выѣжалъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець,
Посмотрялъ сь етой горы во трубоцьку подзорную;
Хоть-то думатъ доброй молодець, роздумыватъ:
„Этой силы на добро́мъ кони́ мнѣ-ка будётъ не о́бъѣхать,
Какъ сѣру́-ту всё волку́ будётъ не о́бѣжать“.
Помоли́лсэ на востокъ всё Богу-Господу
Онъ во ту-ли во востоцьню всё въ стороноцьку,
Ко тому-ли ко мана́стырю спасёному,
Ко тому-ли ко Онтонію, Ѳеодо́сею;
Да поѣхалъ-то онъ тутъ да доброй молодець;
Ишше конь-отъ у ёго да какъ соко́лъ летитъ,
Шьчо Илья-та на кони́ да всё розмахиватъ
Онъ своей-то всё онъ палиц́ей тяжолою;
Онъ всё палицёй-то бьётъ-то силу, всё саблёй сѣкётъ,
Онъ копьёмъ-то колетъ, больше конь топц́етъ.
Онъ вѣдь сутоцьки билъ силу, други пошли,
И други-ти пошли сутки, третьи́ пришли;
Онъ добралсэ до само́го цяря Ка́лина;
Говоритъ-то онъ ёму да таковы слова:
„Теперь буду у собаки я кожу съ жива́ здирать:

Отмешшу развѣ тебѣ, собака, я слово похвальнёё;
Да не нать бы тебѣ, собака, всё хвалитисе,
Передй-то страшать князя Владимира!
Ты пецелилъ всё у миня моёго красна солнышка,
Проливалъ ты вѣдь всё у его у князя горюцй слёзы.
Ты тепереце, собака, у меня въ рукахъ;
Я не буду-ту марать свои бѣлы руки
О того я о поганого тотарина,
О того-ли о собаку царя Каина,—
Я приму тибя, возьму я на востро копьё,
Ростопцю тибя за то возьму своимъ добрымъ конёмъ".
Онъ убилъ-то тутъ собаку царя Каина,
Онъ убилъ-то у ёго сына любимого,
Онъ убилъ-то у его зетя любимого;
Не оставилъ-то онъ силушки на сѣмяна.
Богатыри-ти тамъ вѣдь спятъ въ шатрахъ, не вѣдаютъ,
Они спятъ въ шатрахъ да всё не знаютъ-то.
Поѣхалъ Илья Мурамець во Кіевъ-градъ;
Пріѣжаётъ онъ ко князю ко Владимиру,
Пріѣжаетъ вѣдь онъ всё на широкой дворъ;
Онъ вѣдь бросилъ вострy саблю, не повѣсилъ ей;
Говоритъ-то всё вѣдь онъ своёй востроёй сабли:
„Полёжи ты, моя сабелька, немножецько;
И не служатъ у миня да руцьки бѣлыя;
Не могу тибя повѣсить-то на спичёцьку.
Я изьбилсо доброй молодець въ цистомъ поли;
Не пивалъ вѣдь, не ѣдалъ я трои сутоцьки".
Тутъ услышели скоро вѣдь всё придверницьки,
У воротъ-то вѣдь да всё приворотьницьки;
Донесли-то скоро они ласковому князю всё Владимиру,
Шьчо пріѣхалъ осударь нашъ Илья Мурамець;
Говорили-то они князю Владимиру:
„Онъ пріѣхалъ вѣдь у насъ всё голоднёхопёкъ".
А идётъ-то скоро красно нашо солнышко,
На шйрокомъ двори у насъ росьвѣтило,
Со своей-то со княгиной съ Опраксею съ Королевисьню.
Какъ берутъ-то Илью да за бѣлы руки;
Обнимаётъ князь Владимиръ-отъ за шею за бѣлу его,
Прижимаетъ онъ къ своёму къ ретиву серьцю:
„А вѣдь цимъ теперь-то я тебя дарить буду,
А дарить-то всё тебя я буду, цимъ ударивать?
Наградить надоть наградушкой тебя великою".

Говоритъ-то вѣдь ста́рой казакъ Илья Мурамець:
—Мнѣ ненадобно́ твои-ти, князь, подароцьки;
Заслужила мнѣ-ка Опраксея Королевиськня,
Шьчо избавила миня отъ съмерти всё отъ скорою,
Шьчо отъ съмерти мнѣ скоро́ю отъ голодною.
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Я могу здѣлать тебя князёмъ, бояриномъ“.
—Мнѣ ненадобно на сёмъ свѣти слава сосьвѣтная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояръ всё кособрюхіихъ;
Лучьше буду я ѣзьдить по цисту́ полю.—
Собиралъ-то для ево-то нашо красно солнышко,
Ишше ласковой князь да всё Владимиръ-свѣтъ,
Собиралъ-то для ёго всё пиръ великой-отъ
Ай на цѣлую недѣльку поры-времени;
Шьчобы́ собрать-то всѣхъ могуціихъ бога́тырей,
Шьчобы́ собрать-то всихъ князьёй да шьчо́бы бо́яровъ,
Шьчо́бы всѣхъ простыхъ хрисьянъ прожитоцьнихъ,
Шьчо́бы за здравье шчобы ѣли, пили, кушали
Не за князя шьчобы́ не за кнегиню-ту,
Шьчобы за славного могуцёго бога́тыря.

3.

Илья Муромецъ и Баданъ (Батый).

(У дяди Ефима и матери).

Изъ-за моря-то было, моря синёго,
Изъ-за синёго моря, изъ-за Чёрного
Приходили-то чернёны бо́льши ка́рабли;
Приходилъ-то всё да царь невѣрныя,
Все невѣрной царь Бада́нъ Бада́новиць
Со своимь-то со сыномъ съ Торока́шкою,
Со своимь-то зе́тёмъ съ однымъ со любимымъ;
Ай за сыномъ-то идётъ силы сорокъ тысеце́й;
Идётъ сорокъ царей, сорокъ царевице́й,
Идётъ сорокъ королей да королевице́й;
И за кажнымъ за царёмъ идётъ цяревицёмъ,
И за кажнымъ королёмъ да королевицёмъ
Ише сплушки идётъ по сороку всё тысяце́й,
И за зя́тёмъ-то идётъ силы сорокъ тысяце́й,
А и сорокъ царей идётъ царевице́й,
Ише сорокъ королей да королевице́й;

За всѝма́ има идётъ по сороку тысець.
Собиралъ-то эту силу ровно три года,
Ровно три года силу, всё три мѣсеця;
Ишше самъ идётъ, собака, похваляитце́:
„Я приду-то вѣдь какъ скоро всё подъ Кіевъ-градъ,
Отсѣку же у Илейки буйну голову“.
Какъ приходитъ царишшо въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Онъ вѣдь стелетъ всё мосты себѣ дубовыя,
Ай выходитъ царищо на крутъ бе́режокъ,
Ишше тотъ-ли Баданъ да всё Бадановицъ;
Онъ вѣдь скоро выноситъ всё дубовой столъ,
Ишше сталъ-то онъ писать да ёрлыцьки всё скорони́сцяты;
Написалъ онъ на бумаги, на ци́ѣло́мъ листу:
„Ужъ мы какъ-то придёмъ, зайдёмъ въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ,
Мы Владимера да вѣдь стругомъ выстружимъ,
Опраксею мы да Королевисьню—
Опраксеюшку-ту я возьму въ поляноцьки [1]),
Я возьму ей замужъ за́ сына любимого;
Я вѣдь Божьи-ти ци́ерькви на огни сожгу,
Я святы-ти вси иконы спушшу на́ воду;
Я вѣдь красныхъ-то дѣвушокъ да всихъ къ себѣ возьму,
Я толпа́ми-ти къ себѣ возьму да добрыхъ мо́лодцовъ,
Я стадами-ти возьму да коней добрыихъ“.
Говоритъ-то самъ тотаринъ таковы ре́ци:
„Ужъ вы гой еси, тотара немило́сьливы!
Выходите вы ко мнѣ да поскоре́шенько;
Ишше хто изъ васъ знатъ да языкъ руськой-отъ?
Повезите скоро князю всё Владимиру“.
Ай одинъ-то тутъ тотаринъ нахвалилсэ-то,
Нахвалилсэ-то, скоро́ выскакивалъ,
Выскакивалъ ско́ро изъ бѣла́ шатра;
Онъ сутулъ, самъ горбатъ, вѣдь наперёдъ покляпъ;
Ишше синь-отъ кафтанъ, голова да какъ пивной котёлъ.
Онъ сядлалъ-то вѣдь скоро коня-та доброго;
Онъ не спрашиватъ не мховъ, и не темны́хъ лѣсовъ;
Всё крыцитъ ёму ззади цярь Баданъ Бадановицъ:
„Заѣзжай-ко ты въ стѣну не воротами,
Ци́ерезъ тынъ-то скаци да ци́ерезъ башни наугóльнія“.
Пріѣхалъ тотаринъ на широкой дворъ,
Оставлялъ-то онъ добра́ коня-та середи онъ широка́ двора,

[1]) Заполоню къ себѣ.

Самъ заходитъ въ полаты въ княженеськія;
Онъ кинаётъ скоро грамоту на круглой столъ,
Поворотъ онъ держалъ да всё вонъ пошолъ;
Запиралъ у полаты двери на́крѣпко,
Вси полатушки-ти тутъ да покосилисе,
Вси око́лёнки со страху поломалисе.
Онъ [1]) вѣдь скоро призыватъ двухъ братьи́цей крестовыихъ:
Во перьвы́хъ зовётъ Добрынюшку Никитиця,
Во вторыхъ зовётъ Алёшеньку Поповиця:
„Роспецятывайте, братьиця крестовыя,
Ёрлыцьки тотарськи скорописцяты“.
Они стали тутъ вѣдь скоро росьпечатывать;
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Вы ц(ч)итайте-тко, всё братьиця, да не утайте-ко“.
Они стали цитать,—слезно́ заплакали:
—Эта грамотка, Владимиръ-князь, тебѣ пришла нерадосьня:
Подошолъ-то вѣдь царь-отъ всё Баданъ Бадановиць;
Собиралъ-то онъ вѣдь силы ровно три года,
Онъ вѣдь со́бралъ силы-то вѣдь съ трёхъ земель;
Онъ вѣдь проситъ у тебя да трёхъ бога́тырей:
Перьву голову онъ проситъ всё у тя Илейку Мурамця,
Во вторыхъ проситъ Добрынюшку Никитиця,
Во третьи́хъ проситъ Алёшеньку Поповиця:
„Отсѣку-то я вѣдь самъ у ихъ да буйны головы“.—
Тутъ-то скоро Владимиръ одѣваютце
Со своей онъ съ Опраксеёй Королевисьнёй,
Одѣваютъ на себя всё платьё чёрноё,
Платьё чёрно на себя, платьё печальнёё;
А пошли-то они всё да во Божью́ церьковь,
А служить пошли молебны всё великія;
Отслужили молебны во Божьёй церьквы.
Тутъ заплакалъ князь Владимиръ горюцьми́ слезми:
„Ишше всѣ у мия бога́тыри розьѣхались!“
А идётъ онъ да изъ Божьёй церьквы;—
Къ имъ настрѣцю всё калика перехожая,
Перехожая калика, переброжая;
Клапёлса Владимиръ-отъ калики перехожою:
„Ты откуль идёшь, калика, куды путь держишь?“
—Я иду-ту, иду въ сла́вной въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ
Я ко ласковому князю ко Владимеру;

---

[1]) Т. е. князь Владимиръ. *Собир.*

Я спрошу-ту у тибя, всё князь, повѣдаю:
Почему ходи́шь въ цёрномъ платьи въ пецéльнёмъ-то?—
„Подошла вѣдь у насъ силушка подъ Кіевъ-градъ“.
Говоритъ-то калика перехожая:
—Не калика вѣдь иду я перехожая,—
Я иду-ту тибѣ старая старыньшина,
Шьто по имени казакъ я Илья Муромець,
Изъ очéтесьва иду я сынъ Ивановичъ.—
Ему кланялса Владимиръ до низкóй земли:
„Ты не мошь ли, Илья Мурамець, помиловать
Ты не ради всё миня, князя Владимера,
Ты не ради Опраксеи Королевисьни;—
Хоть ты для́-ради Божьи́хъ цéрьквей соборныихъ,
Ужъ ты ради мана́стырéй-то хоть спасёныихъ,
Ужъ ты для́-ради сиротскихъ малыхъ дѣтоцёкъ?“
Говорилъ ёму Илья всё таковы рѣци:
—Отказалъ ты, князь Владимиръ, насъ отъ Кіева
Шьчо двѣнадцеть-ту вѣдь лѣтъ насъ поры-времени.—
Тутъ заплакалъ князь Владимиръ горюцьмі́ слезьми;
Поклонилсэ онъ Ильи всё до низкóй земьли,
До низкóй ему земли, да до рѣзвы́хъ всё ногъ:
„А постой же за вѣру православную!“
Тутъ вѣдь взялъ-то Илья Мурамець всё князя за праву руку́,
Онъ княгину Опраксею за лѣву́ руку́:
—Вы не плаць-ко-се, князь да со кнегиною!
Постою-ту я за вѣру православную,
Постою я за Божьи́ цéрьквы́ соборныя,
За соборьныя цéрьквы богомольнія,
Постою я за мана́стыри́ спасёныя,
Постою-ту за сиротъ, за вдовъ за бѣдныихъ.
Ты да дай-ко мнѣ-ка, красно нашо солнышко,
Насыпай ты пéрьву мису кра́сна золота,
Насыпай ты вто́ру мису циста сéребра,
Насыпай-ко третью мису скатна жемцюга;—
А пойдёмъ-то вѣдь къ царю да всё съ подарками;
Я возьму-то всё съ собой князя Владимира,
Я возьму всё Добрынюшку Никитиця,
Мы возьмёмъ ишше́ Олёшеньку Поповиця;
Мы пойдёмъ-то къ ёму скоро́ съ подарками.—
Какъ приходятъ всё къ царю Бадану-ту Бада́новицю,
Принесли-то ему ско́ро̀ подаро̀цьки:

Какъ подноситъ князь Владимиръ пе́рьву мису кра́сна золота;
Принимаетъ тутъ тотаринъ все едной рукой,
Онъ не бьётъ-то всё ц̀еломъ за то, не кланитц̀е;
Подаваетъ другу-ту мису циста се́ребра,—
Всё примаетъ тотаринъ едино́й рукой;
Подаваётъ третью́ вѣдь мису скатна жемцюгу;
Берётъ-то тотаринъ всё подароцьки;
Говоритъ ему собака таковы рѣци:
„Ты возьми-ко, да ты князь Владимиръ же,
Ты прими у меня цяру зелена́ вина,
Зелена́ же вина цяру, полтора ведра“.
Ай берётъ-то князь Владимиръ едино́й рукой,
Выпиваетъ князь Владимиръ тольки онъ одинъ пивной стоканъ,
Подаваётъ эту цяроцьку всё ста́ромъ-то старыньшины,
Шьчо тому-ли казаку всё Ильи Мурамцю;
Выпиваетъ Илья всё на единой духъ.
Шшевелились у его всё могуци́ плеци,
Розгорѣлось у его да ретиво́ серьцё,
Лѣпёта́ [1]) же во лици перемѣнилосе.
Ай какъ говоритъ вѣдь царь Баданъ Бадановиць:
„Ты воспоѣжай топере, князь, во Кіевъ-градъ;
Ты оставь мнѣ трёхъ могуцiихъ бога́тырей:
Во перьвы́хъ-то оставь да Илью Мурамця,
Во другихъ оставь Добрынюшку Никитиця,
Во третьи́хъ оставь Алёшеньку Поповиця;
Самъ ты запирайсе на крѣпки́ замки,
Ты крѣпи-ко-се свою-ту стѣну городовую.
Я прибью, зайду, со старого до малого“.
Ай Владимиръ-князь поѣхалъ со Добрынюшкой да со Олёшенькой во Кіевъ-градъ,
Илья Мурамець поѣхалъ ко Почай-рѣки;
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ двѣнадц̀еть-то бога́тырей розыскивать,
Онъ искать-то вѣдь ихъ сталъ по зелёны́мъ садамъ:
Они ѣзьдятъ по садамъ, всё забавляютц̀е
Они всякима дворяньскима забавами.
Онъ вѣдь скоро крыцялъ Иле́юшка-та зыцьнимъ голосомъ:
„Собирайтесь-ко, бога́тыри, въ одно мѣсто;
Мы пойдёмъ-ко скорѣ ко славну граду Кіеву,

---

1) Руме́нець.

Мы ко ласковому князю ко Владимеру."
Ишше скоро съѣжались всѣ бога́тыри:
А пріѣхалъ-то въ перьвы́хъ Самсонъ всё Си́льнёй-отъ,
Пересмяга-то пріѣхалъ со племянницькомъ;
Они хоть не вси поимя́нно упомянуты.
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Да ко ласковому князю ко Владимеру;
Отслужили обѣдьни съ панафидами,
Съ панафидами обѣдьни, всё съ молебнами.
Они стали тогда метать всё же́ребьи;—
Какъ вѣдь выпало Самсонушку всё Сильнёму,
Ай Самсонушку-ту ѣхать во праву́ руку́,
Пересмяги со племянницькомъ въ лѣву́ руку,
А Ильи-то ѣхать Мурамцю во серёдоцьку,
А Добрынюшки-то ѣхать тоже шьто въ серёдоцьку,
А Алёшеньки Поповицю ѣхать тоже въ серёдку, по крупно́й силы.
А прогово́рилъ-то у Ильи-свѣта у Мурамця,
Прогово́рилъ ёго да всё вѣдь доброй конь,
Прогово́рилъ онъ всё язы́комъ цёловѣ́ческимъ:
„Послушай ты, мой ласковой хозяинъ же,
Шьчо по имени Илья да свѣтъ ты Мурамець,
Изъ очетесьва Илья да сынъ Ивановиць!
Ты поѣдёшь въ серёдку въ силушку тотарьскую,—
У тотаръ-то есь три по́дкопа глубокіихъ,
Въ подкопахъ-то наставлёны востры́ шшыки́;
По бокамъ-то наставлёны востры́ шшыки,
По серёдоцькамъ—копья брозамецькія.
Я вѣдь перьвой-отъ подкопъ всё пере́скоцю,
Другой-отъ вѣдь подкопъ я пере́скоцю,
А въ третёй-отъ подкопъ уроню тебя я, добра молодца."
Онъ вѣдь бьётъ коня да по крутымъ мѣстамъ:
—Эка волцья ты сыть, да травяной мѣшокъ!
Ты не хошь стоя́ть за вѣру православную,
Ты не хошь слуша́ть любимаго хозяина!—
Онъ вѣдь бьётъ коня всё по крутымъ бокамъ;
Онъ поѣхалъ скоро въ больши подкопы глубокія.
Ай перьво́й-отъ подкопъ конь скоро пере́скоцилъ,
А другой-отъ по́дкопъ скоро конь пере́скоцилъ,
Уронилъ-то во трете́й подко́пъ да Илью Мурамця.
Набѣжали тутъ тотара всё поганыи,

Всё опутали во пу́тани шелко́выя,
Шьче́ во тѣ его варга́ны [1]) во желѣзныя,
Отправляли всё къ царю-то всё къ невѣрному,
Ко ево-то увезли ёго къ бѣлу́ шатру.
Ишше сами тотара посмѣхаютце́:
„Ты сѣки-ко-се, Баданъ да нашъ вѣдь царь Бадановиць,
Отсѣки ты у Илейки буйну голову“.
Говоритъ-то всё вѣдь царь поганой-отъ да всё невѣрной-отъ:
—Вы возьмите-ко да стрѣлоцьки калёныя,
Вы стрѣляйте-тко ёму всё во ясны́ оци.—
Тутъ вѣдь го́воритъ-отъ цярь да таковы рѣци:
—Послужи-тко мнѣ, Илейко, хоць три годика.—
Говорилъ-то да Илья Мурамець:
„Я не буду служить у тя три годицька;
Кабы́ была у мня въ рукахъ тепере сабля вострая,
Послужилъ бы я тебѣ всё по твоей шеи,
По твоей-то бы шеи по тотарьскою“.
Говоритъ-то собака таковы рѣци:
—Отсѣките у нево вы буйну голову.—
Говоритъ-то тутъ Илья да свѣтъ всё Мурамець:
„А у васъ вѣдь, у тотаръ, кака́ вѣра неправая;
Ай у насъ вѣдь какъ сѣкутъ да буйну голову,
У насъ на́ полё увозятъ на Куликово
Да кладутъ-то буйну голову всё на колодоцьку,
Отсѣкутъ-то тогда да буйну голову“.
Говоритъ-то собаки ца́рю ро́дной сынъ
Какъ по имени-то всё да Торокашко-то:
„Ты спусти, ты татенько родимой мой,
Ты спусти-ко старого да на Божью́ волю:
Сѣдиной-то вѣдь старой изукрасилса“.
Возмолилсэ Илья да Илья Мурамець
Со слёзами-то Миколы всё угодьнику:
„Прилетали-то во чисто́мъ поли мнѣ-ка свѣтъ-ангели
Да садились они мнѣ на могуци́ плеци,
Говорили они мнѣ, шьто во цисто́мъ поли мнѣ съмерьть не писана;—
Мнѣ приходитъ-то тепере съмерьть напрасная!“
Тутъ свалились-то отъ Бо́жьёй скоро милости,
Всѣ опали-то пу́тани шолко́выя,
Отвалилосе желѣзо всё приковано.
Взялъ-то Илья Мурамець тотарина да за рѣзвы́ ноги,

[1]) На плецяхъ надѣты желѣза.

Онъ вѣдь за́цялъ тотарипомъ помахивать:
Въ ту вѣдь сторону махнётъ—валитце́ улицёй,
Да въ другу-ту махнётъ—всё переулками.
Прибѣжалъ-то у Ильи у Муромця свой Воронеюшко;
Опъ садилсэ тогда да на добра́ коня;
Они [1]) стали по чисту́ полю поѣжживать,
Ай тотарьску-ту силу всё потаптывать.
Исприбили тотаровъ до единого;
Они били-то немало же вѣдь времени:
А двѣнадцеть-то дней да по́ры-времени;
Не пивали они да не ѣдали-то.
Да уѣхалъ собака-царь да во своё мѣсто;
А оставили ёму сына любимого,
Да за то ёго не сказнили, не срубили-то,—
Онъ велѣлъ спустить Илью всё на Божью волю.
Да уѣхалъ царь да во своё мѣсто
Не на церьнёныхъ-то да большихъ ка́рабляхъ;
На мелки́хъ-то всё уѣхалъ лёхкихъ шлюпоцькахъ,
Онъ прiѣхалъ бесь прибытку во своё мѣсто;
Тутъ вѣдь брали всё вѣдь ихъ жонки,
Брали они дубовы палоцьки
Да убили-то цяря-собаку-то невѣрного:
„Розорилъ-то ты вѣдь да наши до́мы-ти.
Оставилъ ты сиротъ, да малыхъ дѣтоцёкъ!“
Слободилъ-то у насъ Господь, небесной Царь,
Сохранилъ-то у насъ многи́хъ бога́тырей,
Сохранилъ у насъ вѣру православную,
Сохранилъ у насъ надежду царя бѣлого,
Сохранилъ у насъ да всё Божьи́ церьквы,
Сохранилъ у насъ мана́стыри спасёныя,
Сохранилъ у насъ да книги всё церьковныя,
Сохранилъ у насъ да цюдны свѣтлы бразы!
Прiѣжаютъ на дворъ да къ цярю бѣлому,
Къ цярю бѣлому, ко князю ко Владимеру́;
Говорятъ-то они да таковы рѣци:
„Не потухло у насъ да красно солнышко,
Не закрыло у насъ да тупёй тёмною,
Не убили-то тотары царя бѣлого,
Ишше́ князя-та всё свѣта Владимира!
Ты пойдёмъ-ко, князь Владимиръ, во Божью це́рьковь;

---

[1]) Т. е. богатыри. *Собир.*

Мы вѣдь пѣть будёмъ молебны всё за здравіё,
Принесёмъ-то мы хвалу Царю небесному!“
Приходили вѣдь скоро во Божью цéрьковь,
Отслужили молебны за здравіё
За царя-та вѣдь да тутъ, за цярицю же,
За князьёй за всихъ да тутъ за бóяровъ,
За руськихъ сильнихъ за могуцихъ своихъ богáтырей;
Да повёлсэ-то пиръ у ихъ навéсели;
Они пили зелёна́ вина сколько надобно,
Безъ росцёту они брали золоту казну;
Одарилъ ихъ Владимиръ-князь да со княгиною,
Подарилъ ихъ подарками великима
За услуги-ти ихны богатырьскія.

4.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

(У дяди Ефима).

А во да́лечи, далéче во чистóмъ поли
Тамъ вѣдь стоялъ-то шатёръ бѣлой полóтьняной;
Да во томъ во шатру новомъ полóтьняномъ
Было жило пять могуцихъ богáтырей:
Шьто перьвóй-отъ богáтырь Ва́нюшко, боярьской сынъ,
Да второй-отъ Ванька, енеральской сынъ,
Да третéй-отъ Олёшенька, поповськой сынъ,
Да четвёртой Добрынюшка Никитиць младъ,
Ишше пятой-отъ—старая старыньшина,
Ишше старая старыньшина Илья Мурамець,
Илья Мурамець былъ, да свѣтъ-Ивановиць.
Пробужаитцéе Илья да отъ крѣпкóго сну;
Онъ свѣжóй водой ключéвой умываитцéе,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцомъ утираитцéе,
Онъ вѣдь молитцéе всё Спасу пречистому
Да царици небесной Богородици;
Ёнъ выходитъ на широ́ку свѣтлу улицю,
Онъ берётъ свою трубочку подзорную,
Онъ вѣдь смотри́тъ па цётыре во вси стороны:
Шьто во да́личи, далéче во чистóмъ поли,
Тамъ вѣдь ѣздитъ богáтырь по чисту́ полю,
Ишше ѣздитъ по чисту́ полю, полякуётъ;
Онъ вѣдь мéцётъ всё палицю тежолую,
Онъ вѣдь мéцётъ-то палицю сорока пудовъ,

Онъ берётъ-то одной рукой, съ коня пойдётъ,
Не 'становйтъ опъ своёго коня доброго;
На кони-то сидитъ будто сильнёй бугоръ.
Ишше тутъ-то Илья Мурамець пріужáхнулса,
Пріужáхнулса, со страху природумалса:
„Мнѣ кого бы послать-то во чистó полё,
Во чистó полё послать мнѣ, попровѣдати?
Мнѣ послать вѣдь развѣ Вáнюшу боярьского,—
Не простыхъ-то родóвъ,—роду боярьского;
Утеряётъ въ цистомъ пóли буйну голову.
Мнѣ послать вѣдь развѣ Ваньку пиральского,—
Ениральцького роду пришолъ, нѣжного;
Утеряетъ-то въ цистомъ поли буйну голову;
Да послать развѣ Олёшеньку Поповица;
Онъ вѣдь роду какъ всё поповського,—
Потеряетъ въ чистомъ поли буйну голову;
Мнѣ послать развѣ всё брателка крестового
Какъ того-ли Добрынюшку Никитича".
Услыхаетъ Добрынюшка таковы рѣци;
Онъ вѣдь скоро выходитъ изъ бѣлá шатра,
Онъ вѣдь скоро сѣдлатъ-то своёго коня доброго,
Онъ сѣдлатъ, всё убиратъ коня богатырьского:
Онъ двѣнадцетъ шолкóвыихъ упружинокъ застéгиватъ;
Ише самъ онъ коню да приговариватъ:
„Ужъ ты шолкъ всё не рвись, да ты уборъ не гнись!"
Що не ради красы, да ради крѣпости,
Ради силы своей да богатырьскія.
Какъ поѣхалъ Добрынюшка во чистó полё,
Не наѣхалъ богáтыря въ чистóмъ полй;
Онъ поѣхалъ Добрынюшка поближе ко синю морю
И увидялъ богáтыря всё приспльнёго;
Онъ скрыцялъ вѣдь богáтырь' [1]) во всю голову:
„Ты постой-ко, богáтырь, самъ ты мнѣ скажись,
Ты скажись-ко мнѣ, богатырь ты могýцёй жа;
Подъѣжай ко мнѣ поближе, мы какъ съѣдемсе".
Какъ услышелъ богáтырь таку похвальбу,
Поворачиватъ своёго коня доброго;
Какъ зарыснула у конича правá нога [2]),—
Мать сыра-та земля да потрясаласе,
Ише синёё море зволновалосе.

[1]) Вмѣсто „богатырю". *Собир.*
[2]) Задѣла за землю, за корешокъ ли.

Изъ озёръ, изъ рѣкъ вода да поливаласе.
Ишше тутъ вѣдь Добрынюшка испугаитце;
Подломились у Добрынюшки ножки рѣзвыя,
Пріупали у Добрынюшки руцьки бѣлыя,
Пріудрогло у Добрынюшки ретиво́ серцо́,
Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюци́ слёзы:
„Ужъ я сколькі по цисту́ полю не ѣзживалъ,—
Ужъ я эдакого бога́тыря не видывалъ“.
Поворацивалъ Добрынюшка добра́ коня
Ко своёму-ту онъ да ко бѣлу́ шатру,
Ёнъ поѣха́лъ-то всё проць ко бѣлу шатру.
Какъ стрѣцятъ-то старыньшина Илья Мурамець;
Недосугъ Ильи коня учясывать-углаживать,
Недосугъ ему двѣнадцеть шолко́выихъ опру́жинокъ засте́гивать;
Ище самъ говоритъ да таковы рѣци:
„Ище мнѣ-ка во чисто́мъ по́ли смерть не писана;
Я поѣду зъ бога́тыремъ побра́таюсь,
Я поѣду съ могуцимъ поздороваюсь“.
Пріѣжаетъ Илья да во чисто́ полё;
Онъ наѣхалъ бога́тыря въ чисто́мъ поли́;
А богатырь-то ѣздитъ, забавляитце
Онъ какъ дѣтскима-боярьскима забавами;
Ишше самъ-то онъ палици приговариватъ:
„Приклоню-ту свою палицю тяжолую,
Приклоню-ту я тибя прямо на красёнъ Кіевъ-градъ,
Какъ на матушку тибя, да каменну́ Москву“.
Ишше тѣ слова вѣдь старой вѣдь старыньшины
За бѣду-ту ёму стали за великую,
Пріѣжаётъ къ бога́тырю близёхонько,
Онъ ударилъ своей-то вѣдь палице́й тяжолою,
Онъ ударилъ богатырю по буйно́й головы.
Какъ бога́тырь-то сидитъ, сидитъ не думаётъ,
Онъ не думаётъ сидитъ-то, самъ не обёрнитце,
Не обёрнитце сидитъ, да не зглёнётъ же.
Ишше тутъ вѣдь Илья да призадумалсэ:
„Развѣ силушка у мня ужъ не попрежному,
Не попрежному сила, не постарому?“
Онъ отьѣхалъ всё за́ вёрсту за мѣрную,
Онъ нашолъ въ поли́ горюцёй сѣрой камешокъ,

Онъ ударилъ по ка́мешку палицёй тежолою;—
Разлетѣлса-то камень на мелки́ куски.
Подьѣзжатъ опять къ бога́тырю во второй наконъ,
Онъ ударилъ его по буйно́й головы;
Ай бога́тырь-то сидитъ, всё не думаётъ.
Ище тутъ опять Илья да отъѣжжаетъ прочь;
Онъ ударилъ вѣдь въ камень во второй наконъ,—
Разьлетѣлсэ вѣдь ка́мешокъ въ мелки́ куски.
Пріѣжаетъ къ бога́тырю во третёй наконъ,
Онъ ударилъ-то палице́й по буйно́й головы;
Да тогда-то бога́тырь усмѣхнулса-то;
Тутъ не лютоё зе́льё разгорѣлосе,
Богатырьско-то серцё роскипѣлосе;
Говоритъ-то Илья Мурамець таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, бога́тырь ты могуцёй же!
Ужъ мы сьѣдимсе съ тобой развѣ, ударимсе“.
Они сьѣхались съ имъ да всё ударились;
Востры сабельки у ихъ да поломалисе,
Востры копьица у ихъ всё потупилисе
Всё оть ихныхъ же латъ да богатырьскіихъ;
Ишше стали они да рукопашкою;
Ишше ма́стёръ Илья-то да былъ боротисе;
Подкорю́цилъ бога́тыря правой ножоцькой;
Ище палъ-то бога́тырь на сыру земьлю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.
Онъ вѣдь хочётъ пороть да груди бѣлыя;
Ище самъ онъ Илья-та вѣдь Мурамець пороздумалсэ:
„Я спрошу вѣдь у богатыря, роспрошу про то“.
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй ты доброй молодець!
Тебѣ много ли отъ роду-ту тебѣ есь годовъ?“
—А годовъ-то мнѣ отъ роду-ту всё двѣнадцеть лѣтъ.—
„Ты вѣдь цьей же земьли да цьёго города,
Ты цьёго жо отця, ѣздишь, да цьей матушки?“
Говоритъ-то дородьнёй-отъ доброй молодець:
—Кабы сидѣлъ-то я у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
Не спросилъ бы я у тебя не роду, не племени,
Не спросилъ бы не города, отця—матушки;—
Я кололъ бы твои-ти да всё бѣлы́ груди,
Посмотрялъ бы твоё-то ретиво́ серцо.—
Говоритъ-то Илья Мурамець во второй наконъ,
Говоритъ-то ёму да во третёй наконъ:
„Ужъ ты цьей же земьли да цьего города,

Ты какого отця, какой матушки?“
Говоритъ-то дородьней доброй молодець:
—Ужъ я города всё вѣдь я невѣрного,
Ужъ я сынъ-то Маринки всё Кайдаловки,
Да котора живётъ во земли невѣрныя,
Получаётъ она пошлину великую
Какъ съ того-ли со князя-то со Владимира
Шьто за ти-ли за чёрны-ти его ка́раблѝ;
А миня она послала всё на святую Русь,
На святую миня Русь-ту, всё въ каменну́ю Москву
Отыскать тибя, старого сѣдатого;
Не дошодъ, она велѣла, всё низко кланитце,
Называть тибя велѣла всё ро́днымъ батюшкомъ;
Да дала она перстень на праву́ руку́.—
Какъ увидялъ-то старая стариньшина,
Онъ вѣдь свой вѣдь увидѣлъ всё именной перстень
Онъ со той-ли со ’ставоцькой драгоце́нною,
Онъ вѣдь бралъ-то его да за праву́ руку,
Чѣловалъ онъ его въ уста саха́рныя:
„Какъ моё ты, моё цядо милоё,
Цядо милоё моё ты, всё любимоё,
Ты вѣдь мла́денькой мой всё Подсоко́льницёкъ!“
Чѣловалъ онъ въ уста-то его въ саха́рныя,
Онъ вѣдь сталъ-то ёму скоро росказывать:
„Я вѣдь былъ-то ходилъ-то да по синю́ морю;
Замётало-то миня погодушкой великою;
Я тогда подарилъ перстень твоей ро́дной матушки:—
„Какого́ ты родишь, да тому отдай:
Хошь ты сына родишь, бываръ, ясна сокола,
Хошь ты доцьку роднишь, ты красну дѣвицю““ [1]).
А поѣхали они тогда во бѣло́й шатёръ;
Какъ на радости пили да трои сутоцьки.
Подсокольницёкъ-то вѣдь на ёго зло думаётъ,
Зло-то думаётъ онъ, шьтобы зло бы здѣлати:
„Не послушаю я матушки-на-казаньиця,—
Ухожу я своёго-то родна батюшка!“
Какъ вѣдь тутъ же Илья всё какъ заспалъ жо,
Какъ крѣпки́мъ-то сномъ заспалъ богатырьскимъ же;
Ишше взялъ Подсокольницёкъ-отъ востро́ копьё,
Какъ направилъ ёму всё въ ретиво́ серьцё;

[1]) Озпокоми́лисе; послѣ его и сынъ родилсэ.

Сохранилъ ёго Господь-отъ, всё помиловалъ:
Розлетѣлось копьё-то Ильи-то въ бѣлы́ груди;
Ище былъ-то у ёго на шеи навѣшанъ золотой же крестъ,
Золотой-отъ вѣдь крестъ былъ во вси груди;
Онъ вѣдь тѣмъ же крестомъ отъ смерти всё избавилсэ.
Онъ вѣдь взялъ Подсокольницька за жолты́ кудри,
Онъ бросалъ-то его-то вѣдь высо́ко же,
Онъ вѣдь выше ёго-то лѣсу́ стоящёго,
Онъ пониже всё облака ходя́цёго;
Онъ вѣдь тутъ-то его же не убилъ вовсё;
Привезалъ онъ къ своёму [1]) къ добру́ коню:
„Ты бѣги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольницька во своё [1]) мѣсто,
Щёбы не ѣздилъ къ намъ больше во чисто́ полё,
Во чисто́ къ намъ полё, щёбы въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Не допушшу ёго до матушки славной каменно́й Москвы".
Побѣжалъ-поступалъ-то тутъ вѣдь доброй конь,
Прибѣгалъ-то къ родимой его матушки.
Ёнъ крыцялъ-то скоро вѣдь да зысьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, матушка родимая!
Ты родима моя матушка любимая!
Ты отворь-ко мнѣ косиськцято окошочько,
Посмотри-тко на своёго цяда милого;
Ты велѣла вѣдь мнѣ-ка старому низко кланетця́;—
Ище старъ-отъ вѣдь надо мной какъ падругалсэ-то:
Привезалъ-то миня взялъ ко добру́ коню;
Розьвежи ты миня, маменька, скорёшенько".
Розьвязала она ёго скорёшенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
—Ужъ ты было ли, цядышко, на святой Руси?—
Онъ вѣдь взялъ своё-то всё востро́ копьё,
Онъ вѣдь матушки-то ударилъ всё вѣдь въ бѣлу грудь;
Ишше тутъ вѣдь она-то скоро́ представилась.
Ише самъ-то собака похвалянтця́:
„Уходилъ-то тепереця́ ро́дну матушку;—
Какъ тепереця́ мнѣ будётъ воля вольняя.
Заполопю ту всѣ я руськія чёрны ка́рабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многи́хъ людей;
Разышшу-то тогда жа Илью Мурамця,
Отсѣку я по плёць ёму буйну голову".

---

[1]) Т. е. его, Подсокольника. *Собир.*

Какъ пришло-то объ одну пóру, прикатилосе,
Ужъ и сотня цéрнёныхъ-то пришло кáраблей;
Захватилъ-то онъ, вси-то забралъ-то,
Заполонилъ опъ народу всего да православного.
Какъ приходятъ ёрлыцьки скоро скорописьцяты,
Да приходятъ-то скоро всё во Кіевъ-градъ,
Шьто во матушку приходятъ въ камянну́ Москву:
„Захватилъ-то Подсокольничокъ чёрны кáрабли,
Заполонилъ-то Подсокольницёкъ людей добрыихъ,
Да матросицьковъ онъ да всихъ карабельшицьковъ“.
Какъ недолго тутъ Илья, немного онъ роздумыватъ,
Онъ скорёхонько-скоро да собираитце;
Онъ вѣдь скоро поѣхалъ тутъ къ Подсокольницьку,
Онъ прибилъ всѣхъ со старого до малого,
Онъ отсѣкъ у Подсокольницька буйну голову,
Пригонилъ вси чернёны-ти свои кáраблй
Онъ вѣдь въ гавáнь ко князю ко Владимиру.

5.

Добрыня и Змѣя.

(У матери).

Ишше былъ жилъ Никитушка, не славилсэ,
Да не славилсэ Никитушка, состарилсэ,
Да состарилсэ Никитушка, представилсэ.
Оставалась у Никитушки люба́ семья,
Да люба́-та семья да молода жена;
Оставалось у Никитушки цядо милоё,
Ишше милоё цядышко, любимоё,
Какъ вѣдь мóлодой Добрынюшка Никитиць младъ.
Ишше сталъ-то Добрынюшка двѣнадцети лѣтъ,
Ишше сталъ-то просить благословленьица:
„Ишше матушка ты моя родимая!
Ишше дай-ко-се мнѣ благословленьицо
Мнѣ-ка съѣздить-то развѣ во цисто́ полё,
Поискать мнѣ во цисто́мъ поли поединщицька“.
Да услышилъ про эту большу пóхвальбу,
Да услышилъ про то да православной-отъ царь,
Православной царь да Пётръ-отъ Первой жо;
Онъ вѣдь скоро собиралъ да всё поцесенъ-отъ пиръ,
Онъ вѣдь скоро звалъ Добрынюшку Никитьиця:

„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитиць младъ!
Я пошлю, тебѣ съѣздить во Почай-рѣки,
Привезти-то съ Почай-рѣки свѣжóй воды,
А свѣжóй-то воды да всё ключёвою,
Да умытьи́це мнѣ вѣдь, всё аньператору,
Пріумытисе вѣдь мнѣ, да Петру Перьвому,
Пріумытьи́це вѣдь мнѣ-ка со кнегиною,
Со кнегиной-то мнѣ да съ Катериной-то,
Намъ помытьи́це охвота, помолодитисе“.
Тутъ Добрынюшка всё да не отслышилсэ,
А Никитиць-отъ всё не отговариватъ;
Онъ приходитъ къ собѣ да на широкой дворъ,
Онъ сѣдлатъ-то своёго Воронеюшка.
Какъ выходитъ къ ёму матушка родимая:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитиць младъ!“
Какъ заходитъ къ ёму матушка съ правóй руки,
Говоритъ ёму родима потихошеньку:
„Ты куды, моё дитетко, срежаисьсе,
Ты куды, моё дитятко, отправляисьсе?“
Говоритъ-то Добрынюшка таковы рѣци:
— Ужъ ты лучше бы миня, матушка, не споро́дила;
Споро́дила бы миня въ темнóмъ лѣсу берёзоцькой,
Да стояла берёзка бы во тёмнóмъ она лѣсу,
Во тёмнóмъ она лѣсу да во чистóмъ поли;
Ише ко той бы берёзки сьѣжжалисе
Ище вси сильни могуци́и бога́тыри.
Я скажу тибѣ, матушка, повѣдаю,
Ты вѣдь матушка моя да всё родимая,
Ты честна́ вдова Амельфа Тимоѳеевна!
Ты бы лучше спороди́ла миня, Добрынюшку Микитиця,
Во синё-то бы морё сѣрымъ камешкомъ;
Да лёжалъ бы этотъ камешекъ вѣки-по́-вѣки!
Посылаётъ теперь миня Петръ-отъ Перьвой, царь,
Посылаётъ миня онъ за свѣжóй водой,
За свѣжóй-то водой за ключóвою:
Пріумыть-то вѣдь хоцётъ лицё бѣлоё,
Со кнегиной-то хоцётъ съ Катериною;
Пріумытьи́це хотятъ, помолодитисе.—
А тутъ скоро-то матушка благословлятъ его.
Какъ ни бѣлинька берёзоцька къ земьли клонитьи́це,—
Ише кланяитьи́це дородной доброй молодець,
Какъ по имени Добрынюшка Микитиць младъ:

— Благослови-тко миня, матушка, мнѣ-ка съѣздить-то.—
„Тибе Богъ благословитъ, моё цядо милоё!
Ты пріѣдёшь когда вѣдь ко Почай-рѣки,
Ростоснётце твоё вѣдь всё бѣло́ тѣло,
Ты вѣдь здумашь-то купатьце во Почай-рѣки,—
Перьву-ту ты струёчку заплывай,
А вторую-ту струёчку всё вѣдь заплывай,
Ище третьёй-то струёчки не заплывай".
Ище скоро Добрынюшка пріѣжаётъ-то,
Пріѣжаетъ Добрынюшка ко Почай-рѣки;
Да придумалось Добрынюшки покупатисе
Да во той-ли во матушки во Почай-рѣки;
Онъ вѣдь пе́рьву-ту струёчьку скоро заплывалъ,
Онъ втору-ту вѣдь струёчьку скоро заплывалъ,
Онъ вѣдь третью́-то вѣдь струёчьку призаплывалъ,—
Не послушалъ наказу ро́дной матушки;
Выходилъ онъ на сѣрой горюць ка́мешокъ,
Онъ гледѣлъ-смотрѣлъ въ чётыре во вси стороны.
Какъ со той стороны было́ съ восточнюю
Тутъ вѣдь грозная туця подымаитьце;
Ише самъ тому Добрынюшка удивляитце:
„Кабы туця ту́цилась, то бы громъ гремѣлъ;
Кабы громъ-отъ гремѣлъ, то бы цястой дожжикъ шолъ".
Не усыпѣлъ-то Добрынюшка слова вымолвить,
Слова вымолвить Добрынюшка, рѣци выполнить,—
Прилитѣла злодѣюшка змія лютая:
„Ужъ ты хоцёшь ли, Добрыня, я тибе водой залью,
Ишше хоцёшь ли, Добрыня, я тибя огнёмъ сожгу,
Ишше хоцёшь ли, Добрыня, дымомъ затушу [1]).
Ишше хоцёшь ли, Добрыня, подхвацю въ свои во хоботы змiинныя,
Унесу-ту я тибя-то въ пещеры дальнія
Къ малымъ дѣтушкамъ своимъ тибя на съиденьицо?"
Говоритъ-то Добрыня таковы рѣци:
— Ты хотѣла бы, злодѣйка-змѣя лютая,
Ты хотѣла бы злодѣйка,—да какъ вѣдь тибѣ Богъ вѣдь дастъ,
Какъ вѣдь Богъ тибѣ дастъ, да Христосъ вы́даётъ!—
Ишше мастёръ былъ Добрынюшка ныркомъ ходить,
Онъ ныркомъ ма́стёръ ходить да посёмужью:

[1]) Вмѣсто: задушу. *Собир.*

Онъ у сѣрого у камешку унырватъ,
Онъ у кру́того у бе́режку вынырватъ;
Опъ вѣдь скоро надѣвалъ своё платье цвѣтноё,
Онъ вѣдь скоро почерьпнулъ два кувшина-то свѣжо́й воды,
Онъ вѣдь скоро же поѣхалъ да во чисто́ полё.
Налетѣла злодѣйка-змѣя лютая,
Да брала ёго на хоботы всё змѣинныя,
Вызпимала ёго вдво́ёмъ со добры́мъ конёмъ,
Вызпимала ево 'на высокохонько:
Да пониже-то облака ходе́цёго,
Да повыше она лѣсу́ стоящёго.
Ёпъ вѣдь сталъ скоро плёточкой шолко́вою,
Ёнъ вѣдь сталъ етой плётоцькой постягивать,
Ёнъ вѣдь сталъ пушше вѣдь плётоцькой пошеве́ливать;—
Отлетѣли у ей хоботы всё змѣиныя;
Ище падатъ змѣя-та на сыру землю;
Ипше стала говорить ему змѣя лютая:
„Ты не бей миня, Добрынюшка Никитиць младъ,
Не розори-ко ты моихъ-то дитей малыихъ!
Мы положимъ съ тобой заповѣдь мы великую;
Ище ты вѣдь какъ будёшь мнѣ большой-отъ братъ,
А вѣдь я тибѣ буду всё меньша́ сестра;
При какой ни будь мы будемъ всё при горюшки,
Ужъ мы будёмъ другъ дружки помогать мы всё,
Я не буду летать-то къ вамъ въ красенъ Кіевъ-градъ,
Я не буду губить ваших людей добрыихъ".
Тутъ Добрыня скоро да испускалъ-то всё,
Какъ спускалъ-то змѣю на волю вольпую.
Полетѣла змѣя да скоро́ захвастала:
„Ужъ ты самъ моло́дъ, Добрыня, у те умъ вѣдь глупъ!
А вѣдь будёшь ты тепереце́ мнѣ меньшо́й-отъ братъ,
Ужъ я буду теперь-то тебѣ больша́ сестра;
Я всецясъ же полецю теперь на святую Русь,
На святу-ту я Русь, ипше въ красень Кіевъ-градъ,
Унесу-ту я у князя Петра Перьвого,
Унесу-ту я у пего племе́пепку
Ипше ту же Забаву дочь Путятисьпю".
А пріѣхалъ Добрыня отъ Почай-рѣки;—
Ипше ходятъ во Кіеви въ платьи цёрномъ всё,
Да во цёрномъ-то платьици во печальнёмъ жо.
Пріѣжаетъ-то онъ къ дворцю ко царьскому,
Какъ вѣдь скоро приходитъ со свѣжо́й водой.

Говоритъ ёму царь всё таковы рѣци:
„Какъ у насъ вѣдь во городи вѣдь несчастьицё:
Послѣ твóего, Добрыня, послѣ бываньица
Унесла змѣя любиму мою племяненку
Ише ту у насъ Забаву дочь Путятичьню;
Поѣжай скоро, Добрыня, за Забавой за Путятичьнёй".
Поворацивалъ Добрыня всё добрá коня;
Не приворотилъ онъ своей-то рóдной матушки;
Онъ пріѣхалъ въ пещероцьку къ змѣй лютою,
Онъ прибилъ, притопталъ взялъ всѣхъ змѣёнышовъ,
Онъ отсѣкъ-то у змѣи взялъ буйну голову;
Онъ привéзъ всё Забаву-ту дочь Путячисьню,
Онъ привёзъ къ своёму-ту [1]) къ родному дядюшки,
Ко тому-ли къ царю-ту да къ Петру Перьвому;
Полуцялъ сибѣ наградушку онъ великую:
Собиралъ-то для ёго да царь поцéсёнъ пиръ,
Собиралъ онъ для ёго князей, бóяровъ,
Собиралъ онъ на пиръ-отъ купцéй-гостей торговыихъ,
Онъ вѣдь всѣхъ собиралъ многихъ изъ простыхъ людей.
Онъ дарилъ вѣдь всё Добрынюшку Никитиця,
Онъ дарилъ дорогимá всё подарками.

6.

Неудавшаяся женитьба Алеши.

(У матери и дяди Ефима).

Поѣжжаетъ Добрынюшка во чистó полё,
Ко тому онъ ко каменю ко Лáтырю,
Ко тому-ли ко кружалу всё осудареву;
Какъ вѣдь сказыватъ Добрынюшка рóдной матушки:
„Ужъ ты гой еси, матушка родимая!
Какъ пройдётъ тому времецьку три годика,
Да пройдётъ-то тому времецьку вѣдь шесть годовъ,
Да пройдётъ-то тому времецьку всё деветь лѣтъ,
Да пройдётъ-то тому времени двѣнадцэть лѣтъ,—
Ты бери-тко, моя матушка, золоты клюци,
Отмыкай-ко, моя матушка, кóваны ларьци,
Ты бери-ко-се мою-ту вѣдь золоту казну,
Ты клади-тко по цéрьквамъ, всё по манáстырямъ;
Ужъ ты пой-ко панафиды по мнѣ великія,

[1]) Ея, Забавы. *Собир.*

Ты служи по мнѣ обѣдни да всё помина́льни.
А тибѣ-то, моя да вѣдь молода жона,
Ище душоцька Настасья Королевисьня,
Ай тибѣ то, Настасьюшка, воля вольняя:
Хоть вдовой ты сиди да хоть замужъ поди,
Хошь за князя поди ты, хоть за боярина,
За купця-гостя поди хоть за торгового,
За хрисьянина поди ты хоть за прожиточьнёго;
Не ходи же за Олёшеньку за Поповиця,
За того-ли за братёлка за крестового;—
У насъ заповѣдь съ имъ-то была положина:
Шьчо не дѣлать-то намъ шьчобы на зло́-то намъ,
Не ёму шьчобы на́ зло-то, не мнѣ ёму“.
Ай прошло тому времени три годицька,
Да прошло тому времецьку вѣдь шесть годовъ,
Да прошло тому времени вѣдь ишше деветь годовъ,
Да прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ;
Тутъ не соболиная шубоцька прошу́мѣла,
Какъ сафьяны-ти сапо́жицьки проскрыпѣ́ли;
Какъ заходитъ во полатушки всё Владимеръ-князь,
Онъ заходитъ въ полаты-ти, сталъ вѣдь сватать(ь)це:
„Ты поди, поди, Настасьюшка, за Олёшеньку Поповиця!“
Говоритъ-то Настасья всё таковы рѣци:
— Я нейду за Олёшеньку за Поповиця;
Подожду ишше́ Добрынюшки изъ цста́ поля,
Подожду ишше́ Добрынюшки хошь два мѣсеца:
Отпою ишше́ обѣдни да съ панахидами,
Помяну ишше́ Добрынюшку всё Никитиця:—
Шьчо прошло того времецька два мѣсеця;
Отслужили обѣдни всё съ панахидами.
Какъ приходитъ опеть да всё Владимеръ-князь:
„Ты поди, поди, Настасьюшка Королевисьня,
Королевисьня Настасья, ты дочь Никулишьна!
Ты поди, поди, Настасьюшка, всё въ замужество
За того-ли Олёшеньку за Поповиця:
Ужъ я самъ ѣздилъ, Настасья, во чисто́мъ поли́,
Я разьвѣдывалъ, вѣсти перевѣдывалъ;—
Ишше нѣту Добрынюшки Микитиця:
Онъ вѣдь всё убитъ лёжитъ во чисто́мъ поли.
Ёво бѣло-то тѣло всё прибитоё,
Всё прибитоё, всё-то лёжитъ пристрѣ́ляно;
Ишше буйна головушка всё лёжитъ отсѣ́цёна;

Я вѣдь самъ яво предалъ всё ко сырой земли".
Тутъ повѣрила Настасья Королевисьня,
Тутъ повѣрила врáки всё князя Владимера;
Тутъ пошла-то Настасьюшка всё замýжъ она.
А вѣдь ѣхалъ Добрынюшка исъцистá поля;
Повалилса отдохнуть-то онъ во бѣлъ шатёръ;
Не усыпѣлъ онъ заснуть-то да ишше крѣпкимъ сномъ,—
Да забилъ-то ево-то тутъ вѣдь доброй конь,
Опъ забилъ-то вѣдь тутъ да ножкой правою:
„Тебѣ полно спать, любимой ты мой хозяинъ же,
Ище нá имя Добрынюшка ты Никитиць младъ!
У тебя-то въ доми-то есь нешчасьицо:
Молода-та жена у тебя замýжъ пошла,
Не за князя пошла, всё не за боярина,
Не за гостя-купця пошла за торгового,
Не за бѣдново-нужного за хресьянина,—
За твоёго за брателка за крестового,
За крестового братёлка за назвáного
За тово-ли за Олёшеньку за Поповиця".
Недосугъ тутъ Добрынюшки долго спать-лежать;
Онъ вѣдь скоро ставалъ же, пробужалсэ тутъ,
Онъ вѣдь скоро поѣхалъ-то въ красенъ въ Кіевъ-грáдъ;
Онъ вѣдь прямо пріѣжаётъ къ матушки на подворьицё.
Да выходитъ-то матушка на красно́ крыльцё;
Онъ заходитъ Добрынюшка въ ихно всё подворьицо,
Не здоровайтцэ онъ-то съ ро́дной матушкой.
Ише матушка тутъ всё приосплакалась:
„И какой-то невѣжа пріѣхалъ на сиро́цько моё подворьицё!
Онъ вѣдь смѣло идётъ ко мнѣ безъ докладу всё.
Кабы бы́ло у мня бы да цядо милоё
Какъ бы мо́лодой Добрынюшка Никитиць младъ,
Не завёлъ бы онъ [1]) на дворъ-то ко мнѣ добрá коня".
Какъ сказалъ тогда Добрынюшка ро́дной матушки:
— Ты не плаць, цёснá вдова Омельфа Тимоѳеёвна!
Не моци-ко ты своёго-то лиця бѣлого,
Лиця бѣлого своёго ты пристарѣлого.
Ужъ ты спрашивай ты лучше про Добрынюшку:
Мы недавно зъ Добрынюшкой прирозъѣхались;
Ай Добрынюшка поѣхалъ да во чисто́ полё,
Ище я-то поѣхалъ въ красёнъ Кіевъ-градъ.

[1]) Т. е. невѣжа. *Собир.*

Ужъ ты дай-ко-се моё да платье цьвѣтноё;
Наряжусь-то я вѣдь, маменька, скоморошиной.—
„Я не вѣрю у тя, да доброй молодець:
Шьчо Добрынюшка у мня-то да былъ хорошенькой;
Ишше лицико было какъ снѣжку бѣлого“.
— Ужъ ты шьто же ты, матушка родимая,
Какъ двѣнадцать-то лѣтъ какъ я ѣзьдилъ по чисту́ полю,—
Загорѣло отъ солнышка лицё бѣлоё,
Прирвалось у мня отъ лѣсу вѣдь платье цьвѣтноё.
Посмотри-тко, моя матушка родимая:
На правой-то у мня-то было на ножоцьки,
Ище всё было пятнышко родимоё.—
Потому ево признала-то ро́дна матушка.
— Ты неси-ко-се мнѣ-ка звонцяты́ гусьли.
„Молода-та жона, всё Добрынюшка Никитиць младъ,
Шьчо пошла у мня Настасьюшка всё какъ за́ мужъ-отъ;
Ище скоро они пойдутъ во Божью́ церьковь,
Ище скоро держать будутъ по злату вѣньцу“.
А пошолъ-то Добрынюшка крутёшенько;
Онъ заходитъ въ полаты всё княженеськія,
Онъ садилса Добрынюшка всё на пецьку-ту;
Ёнъ вѣдь сталъ-то во гу́сельци всё поигрывать;
Онъ утѣшилъ всё князя со кнегиною.
Ишше самъ онъ игратъ-то, самъ приговариватъ:
„Не пёкло́-то красно солнышко у васъ три́ года́,
Не пёкло-то красно солнышко оно шесь годовъ,
Не пёкло-то красно солнышко оно деветь лѣтъ,
Не пёкло-то красно солнышко двѣнадцеть лѣтъ“;
(Молодой-то жены своей наговариватъ):
„Росьпекло-то красно солнышко всё росьвѣтило
На тринадцэтомъ, Настасья, у тя годоцики“.
Говорилъ-то вѣдь князь-отъ да всё Владимиръ-свѣтъ:
— Ты подьвиньсе поближе хоть, скоморошина,
Пріутѣшь жениха у мня со невѣстою.—
Тутъ узнала Настасья-та Королевисьня,
Говорила она всё князю Владимиру:
„Ужъ ты гой еси, красно ты наше солнышко,
Ужъ ты гой еси, свѣтъ ты Владимиръ же стольнё-кіевськой!
Ты позволь, князь, налить-то мнѣ-ка рюмоцьку,
Поднести мнѣ-ка этому скоморошины“.
Говорилъ-то Настасьи-то всё Владимиръ-князь:

— Наливай-ко, Настасья, ты сколько тебѣ надобно.—
Подносила Настасья всё скоморошины;
Принимаетъ же онъ-то всё единóй рукой,
Поздравляетъ вѣдь всё-то князя Владимира,
Проздравляётъ жениха-та всё со невѣстою,
Выпиваётъ вѣдь цяроцьку эту всю до дна.
Заговори́лъ-то вѣдь эта да скоморошина:
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ-князь ты стольнё-кіевськой!
Ужъ ты дай мнѣ налить-то эту цяроцьку,
Вы дозвольте налить мнѣ-ка мёду сладкого,
Поднести мнѣ невѣсты всё заручёвною“.
Приказалъ-то ему-то да князь дозволилъ-то;
Подносилъ онъ Настасьи всё Королевисьни:
„Ужъ ты пей-ко, Настасьюшка, цяру всю до дна;
Ты найдёшь въ этой цяроцьки, бывать, добра“.
Выпиваетъ Настасьюшка мёду сладкого;
Прикатилса къ Настасьюшки золотой перстень.
Какъ брала-то она перстенъ-отъ во праву́ руку́;—
Ишше перстень—Добрынюшки всё Никитиця.
Ишше тутъ вѣдь Настасьюшка обрадѣ́ла же;
Какъ скакала она че́резъ дубовой столъ,
Обняла она Добрынюшку за бѣлу́ шею,
Цёловала его въ уста сахáрныя:
— Какъ не тотъ-отъ мой женихъ-отъ,—за столомъ сидитъ;
Ише тотъ-отъ мой мужъ-отъ, гдѣ у стола стоитъ.—
Говоритъ-то Добрынюшка таковы рѣци:
„Не дивлю́-ту, Настасьюшка, твоей глупости“.
Она пала Добрынюшки во рѣзвы́ ноги:
— Ты просьти меня (въ) вины, просьти виноватую!—
„Я дивлю-ту тольки князю-ту со княгиною:
Ишше князь-отъ Владимиръ-отъ у мня сватомъ былъ,
Да княгина-та Опраксея-то была свахою.
Не прошшу тебя, братéлка крестового:
Ты хотѣлъ же у живá мужа жону отнять,
Ты пецелилъ мою-ту да ро́дну матушку;
Проливала она-то да горюцѝ слёзы“.
Онъ вѣдь взялъ-то Настасьюшку за бѣлу́ руку;
Онъ киналъ-то въ Олёшеньку всё булатёнъ ножъ [1]).
Ишше отнялъ Илья-та Олёшеньку Поповиця:
„Помиритесь-ко, братьиця крестовыя,

[1]) Взялъ изъ нага́лишша.

Вы крестовы, вы братьиця назва́ныя!
Ты поди домой, Добрынюшка, съ молодой жоной,
Ты поди-ко къ своей матушки къ родимыя,
Ко честно́й вдовы Омельфы Тимоѳеевны".

7.

Алеша и сестра Бродо́вичей.

(Отъ дяди Ефима).

Ай во славномъ было городи во Кіеви
Да у ласкового князя у Владимера:
Собиралъ князь Владимиръ-отъ всё поцéссёнъ пиръ
Ай на тѣхъ-ли на своихъ-то князей, на бо́яровъ,
Онъ на тѣхъ-ли предводителей всё на вѣрныихъ,
Собиралъ онъ тутъ на тѣхъ на энераловъ-то,
На купцéй на гостей на всѣхъ на торговыхъ,
На всѣхъ собиралъ всё людей прожиточныихъ,
На прожиточныихъ собиралъ на всѣхъ хресьянушокъ;
Потому-то былъ названъ у хресьянъ прожиточныихъ,
Ише названъ былъ краснымъ у ихъ солнышкомъ,
Всё вѣдь ласковымъ названъ князёмъ Владимеромъ,
По ёго-то всё названъ добродители.
Собиралъ-то могуцихъ сильныихъ бога́тырей,
Собиралъ-то два братёлка два Петровиця,
Два Петровицéй, братьицéй Бродо́вицей.
Ишше свѣтёлъ-отъ день пошолъ ко вéцёру,
Ай поцéссёнъ-отъ пиръ идётъ навéсели.
Ишше всѣ на пиру да напивалисе,
Ишше всѣ на чесно́мъ да наѣдалисе;
Ишше всѣ на пиру да пьяны, вéсёлы.
Ишше красно-то нашо было солнышко,
Ище князь-о Владимеръ стольне-кіевской,
Онъ вѣдь ходитъ-то всё самъ веселёхонёкъ,
Говоритъ-то онъ и самъ да таковы слова:
„Ужъ вы кушайте, кушайте, пейте, ѣшьте вы,
Ужъ вы пейте и ѣшьте, сами хвастайте";
А богатой-отъ хвастатъ золотой казной,
А бога́тырь-отъ хвастатъ могуто́й-силой,
Ище глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Ишше умной-отъ хвастатъ роднымъ батюшкой,
Да разумной-отъ хвастатъ ро́дной матушкой,

А вѣдь хитрой-отъ хвастатъ ро́дной се́стрицой.
Да Владимиръ-князь по полатушки всё похаживатъ;
Онъ вѣдь бѣлыма руцюшками розмахиватъ,
Золотыма персьнями всё самъ набрякиватъ,
Онъ русы́ма кудрями скоро́ патряхиватъ;
Ишше самъ-то тому всё приговариватъ:
„Удивляюсь ду́ма братьицямъ всё Петровицямъ,
Всё Петровичамъ, братьичамъ я Броде́вичамъ:
Почему же вы, братьица, всё не хвастайте?“
Говорятъ скоро братьича таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, кра́сно ты нашо солнышко,
Ужъ и ласковой князь да ты Владимиръ же!
Ише нецимъ же намъ да во́всё хвастать-то;
Ишше тѣмъ-то вѣдь развѣ всё мы похвастамъ-то,
Да своей-то похвастамъ родной сёстрой,
Ище душочкой Настасьёй всё Петровной-то:
Да сидитъ у мня се́сьтриця родимая,
Какъ сидитъ она въ высокомъ-то новомъ тёреми.
Ай сидитъ она за многима за заморськима,
За заморськима сидитъ она за замоцьками,—
Шьчобы красно ей солнышко не за́пёкло,
Шьчобы буйныи вѣтры да не завѣели,
Шьчобы народъ-люди добрыи не увидѣли,
Шьчобы руськія могуціи ей бога́тыри,
Вси дородьни-ти ей добры молодцы.—
Тутъ скорёхонько ставаётъ-то на ножки дородьнёй доброй молодець,
Ишше руською-отъ сильнёй-отъ всё бога́тырь-отъ
Шчо по имени Алёшинька всё Поповиць младъ:
„Вы не хвастайте, два братёлка два родимого,
Два Петровиця всё вы два Броде́виця,
Вы не хвастайте родимой-то своей се́стрицёй:
Хошь сидитъ у васъ за крѣпкима за замоцьками,
Шьчо поста́влёны крѣпки-ти вѣрны караульшицьки,—
Нечево-то про то они не знаютъ тутъ:
Я хожу-то къ родимой-то къ вашой се́стрици,
Я ко душеньки къ Настасьи-то всё къ Петровны-то,
Я хожу-то къ ей вѣдь я не по бѣлымъ днямъ,
Я хожу къ ей въ вецёряхъ, въ полно́ць да ноцьки тёмною;
Приду, брошу комоцикъ я снѣжку бѣлого
Во её во косе́сцято во окошоцько;

Отпиратъ мнѣ-ка окошоцько всё косесцято,
Запускатъ миня въ окошоцько потихошеньку,
Шьчобы не знали вы, братьиця всё Петровици,
Всё Петровици, братьиця вы Бродовици".
Ище тутъ-то вѣдь братьицямъ за бѣду́ стало́,
За надсмѣшоцьку вели́ку имъ показалосе;
Они брали изъ нага́лишша всё булатенъ ножъ
Да кинали въ Алёшеньку въ Поповиця;
Да Алёшенька былъ-то вѣдь всё хитёръ-мудёръ,
Да Поповиць-отъ былъ у насъ всё догадливъ опъ:
Онъ подвинулсэ во лѣву-ту опъ стороноцьку;—
Пролетѣлъ етотъ ножикъ у ёго о руцьку правую.
Тутъ скакалъ-то старая всё стариньшина,
Ише тотъ-ли казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець всё да сынъ Ивановиць;
Онъ вѣдь скоро говорилъ-то имъ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, братьиця Петровици,
Вы Петровици, братьича всё Бродовичи!
Не стыдитесь стыду, стыду, братцы, сёстрина,
Не пристыдили шьчобы́ васъ молоды жоны!"
Не досиживали тутъ всё пиру́ Петровици;
Они скоро брали́-то шляпы со спичоцьки,
Они скоро молились всё Богу Господу,
Они матери Божьёй да Богородицы,
Благодарили вѣдь ласкова князя-то Владимира
Со княгиной съ Опраксеей-то съ Королевисьнёй;
Они кня́зямъ, боярамъ низко клапелись,
Енераламъ-то всимъ они, предводителямъ,
Они всѣмъ-то могуцимъ да всѣмъ бога́тырямъ;
Они тольке сердиты-ти были на Олёшеньку Поповиця.
Пріѣжаютъ они-то всё къ широку́ двору;
Ихъ стрѣцяютъ вѣдь ихны молоды жоны́,
Говорятъ они имъ-то всё таковы рѣци:
„Ужъ вы шьчо вы сегодне, вы братьиця Петровици,
Вы Петровици, братьиця всё Броде́вици,
Ужъ вы скоро пріѣхали со цёсна́ пиру́?"
Какъ молцятъ они всё-то, имъ не сказываютъ.
Они скоро дожьдали́сь тутъ ноцьки тёмною,
Они стали-то къ сёстры́ всё къ высо́ку те́рему;
Тутъ вѣдь пришло тому-ту въ ноцьку времени;
Какъ пришли-то вѣдь братьиця подъ окошоцько,
Какъ кинали комоцикъ сне́жку бѣлого.

Ище тутъ отпиратъ скоро Настасьюшка окошецько:
„Я прошу-то тебя-то, Олёшенька Поповиць младъ,
Шьчо зайди ко мнѣ теперь во высбкъ терёмъ
Шьчо попить-то, поѣсть мнѣ съ тобой, покушати;
У мня кушаньё севодне всё приготовлёно“.
Тутъ нейдётъ къ ей въ окошецько всё Олёшенька;
Говоритъ-то она всё таки рѣци:
„Поцёму осердилсэ ты на меня-то всё?“
Тутъ вѣдь скоро загремѣли замоцьки крѣпкія;
Какъ приходятъ родимы 'е [1]) всё братьиця;
Ище брали они всё ей за русу́ косу,
Да хотятъ ей вести-то ей во чисто́ полё,
Отрубить у ей по плёць хотятъ буйну голову.
Ужъ какъ вывели ей братья на широкой дворъ;
Да Настасьюшка слёзно всё уливаитце́,
Какъ Петровна-та плацётъ, какъ рѣка идётъ,
Какъ рѣка-та идётъ да какъ руце́й бѣжитъ;
Во слёзахъ-то говоритъ она таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, родимы вы милы братьиця!
Не могите миня вы скоро рубить-казнить,
А не можно ли миня-то всё помиловать?
Вы не бойтесь моёго-то всё стыду сёстрина,
Вы побойтесь своёго-то вы стыду женина!
Росскажу-ту я про вашихъ молодыхъ вѣдь жонъ:
Не своимъ-то умомъ его я приглашала тутъ;
Мнѣ дозволили ваши всё молоды жены́
Пригласить мнѣ-ка Алёшеньку-свѣтъ Поповиця;
Потому они велѣли, шьчобъ я вамъ не сказала про ихъ:
Вы постойте, покараульте у своихъ у молодыхъ вѣдь жонъ;—
[Какъ вѣдь старша твоя-та любитъ молода жона]
Измѣнили васъ, братьице́й всё Петровице́й:
Какъ вѣдь старша-та любитъ Цюрила-свѣта Плёнковиця,
Какъ за то сво любитъ—за походочку,
Какъ походочка ево да очунь модная;
А вѣтъ младша-та любитъ—скажу я тебѣ, братёлко,—
Пересьмяки-то родимого всё племянницька,
За ухватку ево любитъ богатырьскую,
За красу-ту ево любитъ молодецькую“.
Ище скоро про то-то всё роздёрнулось [2]);

---

[1]) Вмѣсто: ее́, т.-е. ея. *Собир.*
[2]) Розошлось по городу.

Какъ доходитъ до Олёшеньки Поповица,
Шьчо повозятъ Петровици родну́ сестру,
Шьчо отсе́кци хотятъ у ей буйну голову.
Тутъ пришолъ-то Олёшенька всё Поповиць младъ:
„Не сѣките-ко у Настасьюшки буйну голову;
Вы отдайте-тко Настасьюшку за миня замужъ“.
Они скоро ёму ниско поклонилисе:
— Ты бери-тко, Олёшенька ты Поповиць младъ,
Ты бери у насъ Настасьюшку съ цести, съ радости,
Ты избави отъ стыду-ту отъ великого.—
Ишше тутъ вѣдь Олёшенька поѣхалъ съ Настасьюшкой во Божью церковь;
Принимали они-то скоро закóнъ Божій,
Обдержали они скоро по злату вѣньцу;
Да повёлсэ у ихъ тутъ пиръ на радости;
Посьлѣ етого пиру́ домой пріѣжаютъ тутъ.
Какъ уѣхали Петровичи во чисто́ полё;
Испытать они хотятъ своихъ молодыхъ всё жонъ.
Они жили во по́ли трои сутоцьки;
Пріѣжаютъ въ полноць-ту ноцьки тёмною;—
У большой сѣдитъ Цюрилушко всё Плёнковиць,
У меньшой сѣдитъ Пересьмя́кинъ родной племянницёкъ.
Говоритъ-то Цюрилушко таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Пересьмякинъ всё племянницёкъ!
Намъ вѣдь полно сидѣть долго, проклаждатисе!
Мы гостимъ вѣдь, сидимъ у ихъ третьи сутоцьки:
Не прошла шьчобы вѣсть, не пропеслась-то вѣдь
Какъ до тѣхъ-ли Петровице́й до Бродо́вице́й.
Мы пойдёмъ-ко домой, разьвѣ станемъ собиратисе“.
Говорятъ-то всё ихны молоды жоны:
— Не пріѣдутъ сёгодне наши Петровици,
Не пріѣдутъ сёводне наши Бродовици.—
Какъ Петровици-Бродовици всё во ту пору;—
Проговорили у ихъ кони язы́комъ человѣ́ческимъ:
„Вамъ вѣдь полно, Петровици, спать въ бѣлы́хъ шатрахъ!
У васъ въ доми всё сдѣлалось нешчасьицё:
Измѣнили ваши васъ-то всё молоды жоны́,
Пригласили къ себѣ-то дружковъ милыихъ:
Во перьвы́хъ-то Цюрилушко госьтитъ Плёнковиць,
Во вторыхъ-то госьтитъ Пересьмякинъ младъ племе́нницёкъ“.
Недосугъ тутъ Петровицямъ розговаривать;
Они скоро-то тутъ да всё поѣхали;

Какъ идутъ-то скоро́ они въ новы горьници.
А Цюрилушко-то всё онъ былъ хитро́й-мудро́й,
Онъ хитро́й-отъ, мудро́й всё былъ догадьливой;
Онъ охвощь ходить за бабами былъ, за дѣвками;
Онъ вѣдь скоро бралъ со спицьки пухову́ шляпу,—
Онъ услышалъ топоть всё конину́ю;
Онъ выскакивалъ косисцятымъ всё окошоцькомъ,
Онъ бѣжалъ-то Цюрилушко всё вѣдь Плёнковиць,
Онъ оставилъ перцятоцьки всё шолко́выя.
Пересьмякинъ-отъ былъ да всё племянницёкъ
Молодёхонёкъ былъ ише всё глупёхонёкъ;
Тотъ сидитъ-то, сидитъ, съ има розговаривать.
Да пришли-то всё братьиця тутъ Петровици,
Да схватали дородьня-та добра молодца,
Какъ схватали его-то за бѣлы́ руки;
Богатырь-отъ былъ-то всё пресильнія,—
Розмёталъ-то всихъ братьи́цей Петрови́цей,
Выбѣгаётъ на широ́ку-ту свѣтлу улоцьку.
Они брали своихъ-то молодыхъ всё жонъ,—
Какъ узнали Цюрилушка по перцятоцькамъ,—
Да срубили у ихъ взели буйны головы.
Съ того горюшка было, вѣдь съ той круцинушки
Шьчо лишились вѣдь города славна Кіева,
Записались во городъ-отъ во Чернило́въ-отъ;
Они стали поживать тамъ, всё здрастовать.

8.

Потыкъ.

(У родственниковъ перепяла еще маленькой дѣвочкой [1]).

Ай вѣдь было во славномъ городи во Кіеви,
Шьчо у ласкового князя у Владимера;
Ай вѣдь было жило у его всё три бога́тыря,
Три того-ли всё три брателка крестового:
Во перьвы́хъ-то жилъ Добрынюшка Никитиць младъ,
Во вторыхъ-то жилъ Алёшенька Поповичъ младъ,
Во третьи́хъ-то жилъ вѣдь По́тыкъ-отъ Михайло сынъ Ивановиць.
Говорилъ-то князь Михайлу, всё росказывалъ:
„Поѣжай-ко ты, Михайлушко, въ чисто́ полё,

[1]) Забыла;—не знаю, могу ли спѣть.

Ужъ ты молодой мой Потыкъ, ты Михайло сынъ Ивановичь!
Пострѣляй-ко хоть ты мнѣ да бѣлыхъ лебедей".
Тутъ какъ скоро-то Михайло свѣтъ Ивановичь
Онъ вѣдь скоро-то выходитъ всё изъ-за дубова стола,
Онъ вѣдь скоро-то бѣжитъ всё на конюшинъ дворъ;
Онъ сядлалъ-то своево вѣдь коня доброго,
Онъ вѣдь скоро тутъ поѣхалъ во чисто полё;
Ишше бралъ-то онъ всё стрѣлоцьки калёныя;
Онъ завидялъ всё на тихой-то на заводи,
Онъ завидялъ лебёдушку всё бѣлую:
Ета бѣленька лебёдка —золото перьё,
Золото у ей перьё, крылье серебряно,
Голова-та усажона скатнымъ жемцюгомъ.
Воспроговоритъ всё Потыкъ-то Михайло свѣтъ Ивановичъ:
„Я не буду-то стрѣлять етой лебёдочки,
Я не буду всё ей да я кровавить-то;
Не могу ли изымать сю живу въ руки,
Увезти мнѣ-ка живу князю Владимиру".
Онъ не могъ-то понимать да ей живой въ руки;
Онъ вѣдь скоро натягаётъ Потыкъ-то Михайло сынъ Ивановичь,
Натягаётъ онъ у стрѣлки скоро тугой лукъ,
Онъ вѣдь хоцётъ пострѣлить-то эту лебёдушку;
Тутъ спроговоритъ лебёдушка языкомъ человѣческимъ:
„Ужъ ты гой еси, ты Потыкъ же Михайло сынъ Ивановичъ!
Не стрѣляй-ко ты миня, всё бѣлой лебеди:
Пригожусь-то я къ тебѣ да всё во всё время".
Тутъ Потыкъ-то Михайло всё Ивановичь
Онъ-то ей да пожалѣлъ да всё пострѣлить-то.
Полетѣла-то лебёдочка ко Почай-рѣки [1]);
Поѣхалъ вѣдь Потыкъ-то Михайло-свѣтъ Ивановичь
Какъ за етой за бѣлой вслѣдъ лебёдушкой.
Не лебёдушка летатъ-то тутъ,—Овдотья Лиходѣевна;
Прилетѣла-то Овдотья на крутъ бережокъ,
Розьверпулась-то Овдотья красной дѣвицёй;
Пріѣжаетъ-то вѣдь Потыкъ-то Михайло-свѣтъ Ивановичь.
Обниматъ она Потыка Михайла всё Ивановича,
Обнимаетъ она ево всё за бѣлу шею,
Чёловала ево въ уста въ сахарнія:
„Ты возьми, возьми-тко, Потыкъ ты Михайло сынъ Ивановичъ,
Ты возьми, возьми миня Овдотьюшку-ту за сибя замужъ!"

[1]) Больша рѣцюшка, гдѣ-небудь далёко,—въ сколькихъ старинахъ поётце!

Ишше тутъ-то вѣдь Потыкъ-то Михайло всё Ивановичъ
Ишше онъ вѣдь тутъ вѣдь всё на ей сосватался.
Тутъ садился всё Потыкъ-то Михайло всё Ивановичь,
Онъ садился на своёго коня доброго,
Онъ поѣхалъ вѣдь Потыкъ-то Михайло всё Ивановичь
Да поѣхалъ вѣдь онъ да въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ко своёму-ту ко ласковому князю ко Владимиру.
Овернулась тутъ Овдотья Лиходѣёвна,
Овернулась-то она да бѣлой лебедью,
Овернулась—полетѣла-то да передѝ его.
Ишше ѣётъ Потыкъ-отъ Михайло всё Ивановичь,
Мимо ѣдётъ Овдотьюшкинъ высокъ терёмъ:
Сидитъ-то тутъ Овдотья Лиходѣёвна,
Шьто сидитъ-то подъ косисьцятымъ окошецькомъ.
Пріѣжаетъ ко князю ко Владимиру;
Онъ навёзъ-то тутъ ёму всё гусей, лебедей
Да пернасцетыхъ-то мелкихъ утоцёкъ.
Говоритъ-то тутъ вѣдь Потыкъ-отъ Михайло всё Ивановичь:
„Ужъ ты красно моё солнышко Владимиръ-князь,
Ты Владимиръ, ты князь мой стольнё-кіецькой!
Ты збиралъ-то пиръ да для троихъ для насъ,
Для троихъ для насъ збиралъ, для трёхъ могуціихъ богатырей“.
Говоритъ-то тутъ Потыкъ-отъ Михайло всё Ивановичь,
Какъ вѣдь говоритъ-то всё князю Владимиру:
„Собери-ко-се ты, князь, ты пиръ да одному мнѣ-ка:
Я сосватался вѣдь на Овдотьи Лиходѣёвны;
Зазвонятъ вѣдь какъ вецерьни-ти позды сёгодни-то,
Мы тогда пойдёмъ съ Овдотьёй съ Лиходѣёвной
Во Божью-ту мы церьковь пойдёмъ вѣнцятисе“ [1]).
Ай тому-то вѣдь Владимиръ-князь всё радъ вѣдь былъ,
Опъ вѣдь радъ вѣдь былъ тому радёшенёкъ.
Ишше свѣтёлъ-отъ день пошолъ ко вецёру,
Ишше красно-то солнышко пошло ко западу;
Зазвонили тутъ вецерни-ти вѣдь во Божьихъ церьквахъ;
Тутъ вѣдь Потыкъ-отъ Михайло сынъ Ивановичь
Пошолъ-то Потыкъ вѣдь свѣтъ-Михайлушко въ Божью церьковь;
Наредилась тутъ Овдотья Лиходѣёвна
Да пошла же она да во Божью церьковь.
Какъ вѣдь отслужили-то позды вецерьни-то,
Говорилъ-то Потыкъ-то Михайлушко Ивановичь,

[1]) Еретиця была; говоритъ: „обвинцеюсе послѣ вецерни“.

Говорилъ-то всё отцамъ, попамъ соборнымъ:
„Повѣнчайте-тко вы насъ съ Овдотьюшкой съ Лиходѣёвной".
Говорила тутъ Овдотья Лиходѣёвна:
„Ужъ ты гой еси, Потыкъ ты Михайло всё Ивановиць!
Мы положимъ развѣ заповѣдь великую:
Впереди-то мы умрёмъ которой одинъ одно́го-то,
Шьчобы къ мёртвому живого закопать въ земью".
Положили они заповѣдь великую
Передъ той-ли они да во Божьёй цёрьквы,
Какъ при тѣхъ-ли отцяхъ, отцяхъ духовныихъ,
Шьчо при тѣхъ-ли при прицёстьницькахъ цёрьковныихъ.
Овѣнцялсэ тутъ Потыкъ-то Михайло сынъ Ивановиць
Съ молодой-то со Овдотьёй Лиходѣёвной;
Приходятъ они всё изъ Божьёй цёрьквы.
Ише князь-отъ былъ Владимиръ всё радёхонёкъ,
Всё радёхонёкъ былъ онъ, веселёхонёкъ;
Онъ садитъ-то повобрачныхъ, всё усаживатъ;
Ишше Потыка Михайла всё Ивановиця
Онъ со той-ли со Овдотьёй съ Лиходѣёвной
Онъ усаживалъ въ полаты ихъ за дубовы столы;
Повёлсэ тутъ у ихъ всё пиръ навёсели.
Они жили немного—тольки по́лгода;
Незамо́гла-то тутъ Овдотья Лиходѣёвна;
Она вецёромъ незамогла, утромъ представилась.
Тутъ пошолъ-то скоро Потыкъ-отъ Михайло все Ивановичъ,
Онъ пошолъ-то тутъ да всё къ попамъ соборнымъ;
Они зьдѣлали могилу всё больши́ньскую,
Повалили Овдотьюшку всё мёртву въ гробъ,
Повалили тутъ Потыка Михайла все Ивановиця;
Подли бокъ-то поставили къ ёму добра́ коня.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, попы, отцы соборныя!
Я не дамъ-то Михайлушка лёжи́ть съ Овдотьей Лиходѣёвной;
Повалите вы Овдотью всё едну вы въ гробъ,
Положите на Овдотью полосу желѣзную,
Посадите вы Потыка Михайла со добры́мъ конёмъ,
Положите вы ёму да саблю вострую;
Ужъ поставлю я къ могилы крѣпкихъ караульщицьковъ".
Закрывали съ могилы [1]) ихъ рѣшотоцькой желѣзною;
Какъ вѣдь жолтымъ-то песоцькомъ не зарыли-то;

[1]) Въ могилы? *Собир.*

По роспореньицю всё вѣдь было по хорошому,
По хорошому да всё по хитрому
Всё по хитрому было́, по мудрому:
Тутъ поставилъ онъ крѣпки́хъ всё караульщицьковъ.
Со шести было ци́совъ да до двѣнадцети,
Приползала тутъ зьмѣя къ Потыку Михайлу всё Ивановичу;
Напустила тутъ Овдотья Лиходѣёвна
Волшесьтвомъ она своимъ да зьмѣй-то лютыихъ;
Загрызьли-то у Потыка Михайла у Ивановича,
Ай хотятъ они отрысьть да ручки бѣлыя.
Онъ хватилъ тутъ Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць,
Онъ хватилъ свою скоро́ востру́ сабью,
Онъ отцѣкъ-то у змѣе́й да буйны головы.
Забрецяла полоса-та всё желѣзная;
Заскрыпѣла тутъ зубами всё Овдотья Лиходѣёвна.
Перепалсэ у Потыка у Михайла у Ивановиця доброй конь;
Онъ выскакиватъ изъ матушки сырой земьли,
Онъ выхватывалъ ногами своего хозяина;
Прогово́рилъ-то конь язы́комъ человѣцескимъ:
„Притопцю возьму Овдотью Лиходѣёвну!“
Притопталъ-то онъ въ земьли, въ гробу Овдотью Лиходѣёвну;
' достали́-то присѣкъ Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць,
Онъ присѣкъ ей, прирубилъ взялъ на мелки́ части:
„Не жона была Овдотья мнѣ-ка Лиходѣёвна,
Не жона мнѣ-ка была,—всё еретиця-та проклятая!“

9.

Дунай сватаетъ невѣсту князю Владимиру.

(У матери).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Заводилсэ-зацинялсэ столъ, поцесёнъ пиръ
Ай на тѣхъ-ли на князьей, бояръ да всё богатыихъ,
Шьчо на тѣхъ-ли на купце́й-гостей торговыихъ,
Ай на руськихъ на сильныихъ на бога́тырей,
На хресьянъ-то всё на бѣдныхъ, на прожи́тосьныхъ.
Ишше вси на пиру да напивалисе,
Ишше вси на чесномъ да наѣдалисе,
Ишше вси на пиру-ту прихвастались:
Ай богатой-отъ хвастатъ золотой казной,

Ай бога́тырь-отъ хвастатъ могуще́й силой,
Ай вѣдь глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Неразумной-отъ хвастатъ родимо́й сёстрой.
Ай Владимиръ-князь по полатоцькамъ похаживатъ,
Съ ноги на́ ногу вѣдь всё опъ переступыватъ,
Опъ сапогъ-то о сапогъ самъ поколачиватъ,
Онъ вѣдь жолтыма кудьрями принатряхиватъ,
Онъ вѣдь бѣлыма-ти ручками розмахиватъ,
Золотыма персьпями принашшалкиватъ;
Ишше самъ опъ говоритъ да таковы рѣци:
„Ай во Кіеви во городи всѣ у насъ да добры молодцы,
Добры молодцы-ти вси у насъ пожёнёны,
Красны дѣ(в)ушки вси замужъ подаваны;
Я холо́съ одинъ живу-ту, князь Владиміръ-отъ,
Я холо́съ-то всё живу да нежонатъ слыву.
Ище хто бы мнѣ-ка выбралъ бы изъ васъ бы мнѣ обручницу,
Да обручницу выбралъ, красну дѣвицу,
Шьчобы походочка у ей была павиинная,
Тиха рѣчь-то бы у ей да лебединная,
Ишше брови-ти у ей да цёрна соболя,
Цёрна соболя у ей шьчобы сибирчкого,
Ясны оци-ти у ей да я́сна сокола,
Ясна сокола у ей да всё заморьского,
Шьчобы лицико—поро́шки снѣжку бѣлого,
Ягодиночки въ лици да маку красного;
Шьчобы ростомъ-то она была нема́ла и умомъ свёрсна:
Шьчобы было бы кому да поклонятисе,
Шьчобы было бы кому да покорятисе,
Шьчобы было бы кого мнѣ-ка княгиной звать?“
Тутъ какъ бо́льшей-отъ хоронитце за среднёго,
Ише среднёй-отъ хоронитце за ме́ньшого;
Ай оть ме́ньшого Владимиру отвѣту нѣтъ.
Какъ въ ту-ту всё пору́ было, во то время
Тутъ выходитъ-выступаетъ доброй молодець
Шьчо по имени Дунаюшко Ивановиць;
Изъ за тѣхъ-ли всё скамеёкъ бѣлоду́бовыхъ,
Изъ-за тѣхъ-ли изъ-за столовъ да всё дубо́выихъ,
Изъ-за тѣхъ-ли изъ-за скатертей шелко́выихъ
Тутъ выходитъ-выступаетъ доброй молодець
Да по имени Дунаюшко Ивановиць.
Наливатъ ёму Владимиръ цяроцьку всё зелена́ вина,

Зелёна́ ёму вина всё полтора ведра;
Выпиваётъ тутъ Дунай да на единой духъ;
Наливаётъ онъ ему всё пива пьяного;
Принимаетъ Дунай да единóй рукой,
Выпиваетъ Дунай да на едúной духъ;
Наливаётъ Владимиръ-князь да мёду сладкого,
Мёду сладкого ему да полтора ведра;
Выпиваетъ Дунай да на единой духъ.
Ише сталъ тутъ Владимеръ-отъ выспрашивать:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановиць!
Ты не знашь ли да ты мнѣ всё обручници,
Ты обручници мнѣ, да красной дѣвици,
Ай походоцька шьтобы была павúнная,
Тиха рѣць-та у ей да лебединная,
Ай вѣдь брови-ти у ей да цёрна соболя,
Ише оци-ти у ей да ясна сокола,
Шьчобы лицико—порошки снѣжку бѣлого,
Во лици у ей вѣдь я́годинки маку красного;
Шьчобы было кому да покоритисе,
Шьчобы было кому да поклонитисе,
Шьчобы было кого мнѣ-ка кнегиной звать?“
Говорилъ-то тутъ Дунаюшко Ивановиць:
— Я вѣдь знаю, князь Владимиръ, тебѣ красну дѣвицю,
Я во томъ знаю во Ця́хови, во Ля́хови
У того-ли короля всё Ляхомúньского;
А вѣдь есь его двѣ доцери любимыихъ:
Да одна-та доць Настасья Королевисьня,
Полени́ця она всё пріуда́лая;—
Не тебѣ-то та—жона, не тебѣ та вѣдь;
А друга-та доць есь Опракся́я Королевисьня:
Ай сидитъ она за тридеветь замоцьками заморьскима,
Шьчобы красно-то ей солнышко не бпёкло,
Шьчобы буйны-ти вѣтры не завѣели,
Шьчобы народъ ей, люди добры не увидѣли.—
Говорилъ-то Владимиръ-князь да стольне-кіеськой:
„Ты бери-ко-се, Дунай да сынъ Ивановиць,
Ты бери-ко-се у мня да золотой казны,
Ты бери-ко-се ты силы сколькы надобно“.
Говоритъ-то Дунай да таковы рѣци:
—Ужъ ты гой еси, кра́сно наше солнышко,
Ты Владимиръ вѣдь князь всё стольнё-кіевськой!
Съ богато́й-то мнѣ казной да не купить будётъ;

Мнѣ-ка дай тольки два братёлка крестового,
Мнѣ крестового два братёлка названого:
Мнѣ того-ли Добрынюшку Никитиця,
Мнѣ того-ли Олёшеньку Поповиця.—
Они скоро собрались, скоро́ поѣхали.
Пріѣжаютъ къ королю всё къ Ляхоми́нскому;
Тутъ веде́тце у короля-та всё поце́сенъ пиръ.
Ай оставилъ-то Добрынюшку Микитиця,
Онъ оставилъ Олёшеньку Поповиця,
Оставилъ братьи́цей крестовыхъ-то
Онъ вѣдь тутъ у короля на широко́мъ двори;
Тутъ пришолъ Дунаюшко къ королю-ту на ясны́ оци.
Говоритъ-то король да таковы слова:
„Добро жаловать, Дунаюшко Ивановиць!
Ты пошьто же пришолъ, пошьто пріѣхалъ къ намъ:
Ты служить-то ли ко мнѣ постарому,
Ай постарому служить ко мнѣ попрежному,
Или со силушкой пришолъ ты подъ меня разьвѣ съ великою,
Разьвѣ скорымъ посломъ ты ко мнѣ посланъ-то?“
Говоритъ ему Дунай да таковы рѣци:
—Не служить-то я къ тебѣ да вѣрой правдою,
Не посломъ-то я къ тебѣ да пришолъ посланый,
Я пришолъ къ тебѣ, пріѣхалъ сватомъ свататы́е
За своёго-то за красного за солнышка,
За того-ли я за князя за Владимира.—
Говорилъ ёму король да таковы слова [1]):
Наливалъ-то ёму цяру зелёна́ вина,
Зелёна́ ёму вина да полтора ведра;
Выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Наливалъ ему да пива пьяного;
Выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Наливалъ ёму мёду сладкого;
Какъ вѣдь выпивалъ Дунай да мёду сладкого.
Ише сталъ-то Дунаюшко всё веселёхонёкъ.
Говоритъ-то онъ королю да во второй наконъ,
Говоритъ онъ королю да во третёй наконъ:
—Ты отдай, отдай, король да Ляхоминьской-ты,
Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую

---

[1]) Сказательница въ первый разъ пропустила слова короля, но потомъ пропѣла ихъ по усиленной моей просьбѣ. *Собир.*

Ишше ту-ли Опраксею Королевисьню
Ты за нашого за красного за солнышка,
За того-ли всё за князя за Владимера!—
Говоритъ-то король да Ляхоминьскія:
„Не отдамъ-то Опраксеи Королевисьни:
Опекатъ-то онъ всё куци всё назёмныя;
Я ишше́ слыхалъ у васъ про князя про Владимира,—
Бѣлото́й-то онъ всё какъ коте́льня-та прига́рина“.
Тутъ не лютоё зе́льё розгорѣлосе,
Богатырьско-то серьцё проскрипѣлосе;
Онъ хватилъ-то всё тотарина тутъ за́ ноги;
Въ одну сторону махнётъ—вали́тце улицёй,
Шьто въ другу-ту онъ махнётъ—да переулками.
Засьвисьтѣлъ-то тутъ Дунаюшко во турей рогъ;
Тутъ наѣхали два брателка крестовыи:
Какъ перьво́й-отъ всё Добрынюшка Никитиць младъ,
Шьчо друго́й-отъ Олёшенька Поповськой сынъ;
Они за́чели-то бить со старого до малого.
По подстоликамъ король-отъ всё туле́итце,
Куньей шубоцькой король всё прикрываитце.
Говоритъ-то Дунай да таковы рѣци:
„Ты не бойсе-ко, король всё Ляхоминськыя!
Не убъёмъ-то мы тебя да зберегёмъ мы всё“.
Тутъ ставаётъ всё король, король скорёхонько;
Онъ вѣдь кланелсэ Дунаюшку низёхонько:
—Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Ты бери-ко Опраксеюшку у мня да съ це́сьти, съ радосьти;
Ты оставь мнѣ-ка силы хоть на се́мяна.—
Тутъ какъ скоро Дунаюшко-то приступилъ къ замкамъ заморьскімъ,
Онъ прибилъ-то всё вѣдь крѣпкихъ караульшиковъ,
Притопталъ-то онъ вѣдь вси замки заморьскія.
Опраксеюшка скоцила на рѣзвы́ ноги
Со того-ли со стула рыта бархата:
„Я кого-то, какъ кого теперь увидяла!
Я того-ли всё Дунаюшка сына Ивановиця“.
Онъ тутъ бралъ-то Опраксеюшку всё за праву́ руку,
Онъ за тѣ-ли ей за перьсни за злацёныя,
Онъ повёлъ-то Опраксею на широкой дворъ;
Какъ Опраксею-Королевисьню онъ на рукахъ несётъ,
Ище самъ онъ по се́нямъ-то въ крови да до колѣнъ бредётъ.

Тутъ поѣхали они да въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ко тому-ли ко ласковому князю ко Владимиру;
Пріѣжали они да въ славной Кіевъ-градъ.
Припимали съ Опраксеей-то Владимиръ по-злату вѣнцю;
Какъ повёлсэ тутъ у ихъ на радосьти поцёсёнъ пиръ,
Да поцёсёнъ у ихъ пиръ да тутъ на весь на міръ,
На князьёй у ихъ да всё на бóяровъ
Да на сильныхъ на могуцихъ на богáтырей,
Тутъ на трёхъ-то всё на братьицéй крестовыхъ:
На того-ли на Дунаюшка сына Ивановиця,
На того-ли на Добрынюшку сына Никитиця,
Шьчо на того-ли на Олёшеньку да на Поповиця.

10.

Женитьба Дуная.

(У дяди Ефима).

Ише былъ-то жилъ Дунаюшко да опъ не въ Кіеви,
Ай не въ Кіеви жилъ, всё не въ Чернигови,
Жилъ во матушки, жилъ въ славной камянно́й Москвы [1]).
Тутъ задумалъ Дунаюшко женитисе,
Онъ задумалъ-то женитьцé не у князя, всё не у боярина,
Онъ во той-ли проклятóй Литвы поганою
У того всё короля у Ляхоминьского.
Говорилъ-то Дунай да таковы рѣци,
Онъ тому-ли всё Ильи, да Ильи Мурамцю:
„Я вѣдь самъ-то—богатырь да я присильнія,—
Я возьму себѣ вѣдь поленицю преудалую,
Я-ли ту возьму Настасью Королевисьню“.
Тутъ поѣхалъ скоро всё Дунай у насъ,
Всё Дунаюшко поѣхалъ сынъ Ивановиць,
Онъ поѣхалъ къ королю да къ Ляхоминьскому;
Во чистóмъ поли увидѣлъ пскопы глубокія
У того-ли всё коня да богатырьского;
Онъ вѣдь самъ-то говоритъ да таковы рѣци:
„Досмотрю я топере, хто же ѣзьдитъ во чистóмъ поли“.
Тутъ вѣдь ѣзьдитъ всё вѣдь поленица пріудáлая
А по имени Настасья Королевисьня.
Они съѣхались съ Настасьюшкой да всё ударились;
Они другъ дружку до больня́ не ранили;
Они стали тутъ сошли всё со добры́хъ коней;

[1]) Ср. № 36, ст. 17 и слѣд. *Собир.*

Тутъ у Дунаюшка-та силушки мало́ стало;
Закрыцялъ-то онъ стару всё стариньшину,
Ай того-ли онъ вѣдь ста́рого всё Илью Мурамця:
„Пособи ты мнѣ-ка, братёлко крестовой мой,
Побороть мнѣ полени́цю пріуда́лую“.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сьвѣтъ-Ивановиць:
— Шьчо не цесь эта́ хвала да молодецькая,
Шьчо не выслуга эта богатырьская—
Намъ бороть-то двумъ могуцимъ всё бога́тырямъ
А едну-ту полени́цю преуда́лую.—
Опознала у Дунаюшка Настасьюшка всё золотой перьстень,—
Подарила-ту Дунаюшку вѣдь всё Ивановицю,
Ай когда-то онъ вѣдь жилъ у ихъ во клюсьницькахъ;
Говорила Настасья таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Дунай, Дунай Ивановиць!
Ты кабы́ былъ не Дунаюшко, я тебѣ бы не ува́жила,
Поборола бы вѣдь я да добра молодца,
Досмотряла бы твоё-то ретиво́ серьце“.
Говоритъ-то Дунай всё таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Настасья Королевиськня!
Ты поѣдемъ-ко со мной въ матушку въ камянну́ Москву [1]),
Ужъ мы примемъ съ тобой да по злату вѣньцю.—
Говоритъ-то тутъ Настасья Королевиськня:
„Я нейду-ту, Дунаюшко, всё я теперь да за тебя замуужъ;
Мы поѣдёмъ-ко, съѣздимъ къ батюшку родимому,
Ко тому-ли королю всё къ Ляхоминьскому;
Насъ просватать токо батюшко родимой мой“.
А пріѣхали они къ королю всё къ Ляхоминьскому.
(Говоритъ-то Дунаюшко да таковы рѣци):
Говоритъ король Дунаю таковы рѣци:
„Мнѣ-ка хто-ли ну́жонъ, дакъ тотъ и самъ пришолъ;
Ты пришолъ ко мнѣ, дородьнёй доброй молодець,
Послужить ко мнѣ пришолъ ли вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою ко мнѣ ты неизмѣнною,
Всё постарому пришолъ ко мнѣ, попрежному,
Ишше всё ко мнѣ пришолъ ты подосельнёму?“
Говоритъ ему Дунай да сынъ Ивановиць:
— Я пришолъ-то къ тебѣ да не служить теперь,
Не постарому пріѣхалъ, не попрежному;—

[1]) Сначала сказательница пропѣла: „со мной да въ красенъ Кіевъ-градъ“, но потомъ поправилась. *Собир.*

Я пріѣхалъ къ тебѣ да всё какъ свататьце
Я на душоньки Настасьи Королевисьни.
Ты отдай-ко-се Настасьюшку всё за миня замужъ;
Увезу-ту я Настасью на сьвяту ей Русь,
На сьвяту-ту я Русь, да въ камянну Москву.—
Тутъ вѣдь говоритъ ёму король да таковы рѣци:
„Не отдамъ-то я Настасьи Королевисьни:
У миня хто тогды на королевсьви-то будётъ, останитце?
Какъ Владимиръ-отъ увёзъ князь Опраксею на сьвяту вѣдь Русь.
Ты пойди-ко ко мнѣ жить на моё королесьвицё".
—Не отдашь ты токо мнѣ-ка Настасьи съ цесьти, съ радосьти,
Я убью у тя со старого и всѣхъ до малого.
Какъ Настасья Королевисьня давно вѣдь мнѣ посваталась;
Подарила мнѣ дородьню добру молодцу
Со правой-то со руки да золотой персьтень;
Опраксеюшка была тогды ише глупёхонька,
Королевисьня была всё молодёхонька,
Я вѣдь жилъ-то у тебя когды, король, во клюцьницькахъ,
Друго три года я жилъ у тя да всё игралъ во гусельци,
Утѣшалъ-то я любимыхъ-то твоихъ двѣ доцери:
Я въ перьвыхъ-то всё Настасью Королевисьню,
Во вторыхъ-то Опраксею Королевисьню,—
Я дёржалъ тогда Настасьюшку-ту на своихъ колѣняхъ богатырьскіихъ.—
Засадилъ-то взялъ Дуная въ тёмну темницю.
Говорила тутъ Настасья Королевисьня:
„Ты подай-ко, подай, батюшко, всё золоты клюци;
Отомкну-то я Дуная всё Ивановиця;
Я пойду-то за Дуная за ёго замужъ,
Я вѣдь ѣду со Дунаёмъ на сьвятую Русь,
Я во матушку ѣду въ камянну Москву".
Говоритъ-то король да таковы рѣци:
— Ты поди, поди, Настасья Королевисьня,
Ты безъ драки-то поди бесъ кроволитною.—
Отмыкала-то она вѣдь скоро тёмну темницю,
Выпускала Дуная на бѣлой сьвѣтъ;
Они скоро собрались да тутъ поѣхали.
Пріѣжаютъ во матушку да въ камянну Москву,
Принимаютъ съ Настасьёй по злату вѣньцу;

Собираетъ Дунаюшко поцéсёнъ пиръ,
Онъ зовётъ то всё князя всё Владимера
Со княгиной Опраксеёй Королевисьнёй;
Да пиры-ти велись у ихъ на радосьти равнó полгодику;
Шьто во Кіеви пируютъ, въ каменнóй Москвы.
На пиру-ту Настасьюшка росхвасталась,
Говорила она да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Отнеси-ко-се ты да всё злацёнъ перьстень
Шьчо за ту-ли всё за версту за мѣрную;
Я вѣдь стрѣлю всё изъ стрѣлоцьки калёною,
Я росьстрѣлю—вы вѣдь свѣсьте мой да золотой перьстéнь,—
Некотóра полавиноцька не больше-то будётъ одна другой".
Отнесьли-то вѣдь ей всё золотой перьстень;
Она перьстень-отъ тутъ да все росьстрѣлила;
Половиноцьки-ти на вѣскáхъ увѣрили,
Всё увѣрили, да они сьвѣсили;—
Шьчо одна-та другой не тяжелѣе всё, не лекúе тутъ.
Ишше тутъ вѣдь Дунаюшку всё за бѣду стало,
За натьсмѣшоцьку велúку показалосе;
Онъ вѣдь хоцётъ вести Настасьюшку всё во цистó полё.
Говоритъ ёму Настасья Королевисьня:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Не стрѣлей-ко ты меня, всё не ухаживай:
У мня есь вѣдь во утробы всё засѣяно
Шьчо два мла́дого два ясного два сокола,
Шьчо два руського могуцёго бога́тыря;
По локóтъ-то вѣдь у ихъ да руцьки въ золоти,
По колѣнъ-то вѣдь у ихъ да ножки въ сéребри.
Ты хоть будёшь стрѣлять миня, Дунай да сынъ Ивановиць,
Ты вѣдь перьву-ту стрѣлоцьку не дóсьтрѣлишь,
Ты другу-ту вѣдь стрѣлоцьку перéсьтрѣлишь,
Ишше третья-та стрѣлка—мнѣ-ка въ ретивó серьцё.
Ты просьти миня, Дунай да сынъ Ивановиць,
Ты просьти, просьти ' винú все виноватую!
У мня волосы, у бабы, дóлги, умъ корóтокъ всё".
Не принимаетъ розговоровъ, не прошшаётъ ей;
Онъ отьвёзъ-то тутъ Настасью далекó отъ города да отъ Москвы-то всё,
Онъ вѣдь перьву-ту стрѣлоцьку не дóсьтрѣлилъ,
И другу-ту стрѣлоцьку перéсьтрѣлилъ,

Ай третью́-ту стрѣлку—ей всё въ ретивó серьцё;
Онъ вѣдь скоро роспоролъ у ей всё груди бѣлыя,
Досмотрялъ у ей въ утробы ясныхъ сóколовъ,
Шьчо два ясного два сокола у ей въ утробы-то,
Шьчо дво руського роди́лось бы могуцёго бога́тыря:
По локо́тъ-то у ихъ руцьки въ красномъ золоти,
По колѣнямъ у ихъ ножки въ цистомъ сéребри.
Какъ съ того-то всё горя Дунаюшко съ великого
Онъ скавалъ себѣ два ножицька укладныихъ,
Закололсо онъ на ножицькахъ булатныихъ;
Ишше самъ-то онъ сказалъ да всё таки рѣци:
„И лёжи́тъ-то гдѣ Настасья Королевисьня,
Тутъ лёжи-ко ты, Дунай да всё Ивановиць,
Протеки-ко-се тутъ славная Дунай да рѣцька быстрая!“ [1])

11.

Сухматій (Суханъ).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера
Тутъ вѣдь было у ево собранъ почесенъ пиръ,
А поцéсёнъ-отъ пиръ всё на весь-отъ міръ,
На князьей-то было, всё на бóяровъ,
На сильнихъ, могучíихъ бога́тырей.
Ишше всѣ на пиру да напивалисе,
Ишше вси на чесномъ да наѣдалисе;
На пиру-ту вси сидятъ да они хвастаютъ:
Ишше глупой-отъ хвастатъ молодой женой,
А разумной-отъ хвастатъ ро́днымъ батюшкомъ,
Разумной-отъ хвастатъ ро́дной матушкой.
Ай Владимеръ-отъ вѣдь по полатушкамъ похаживатъ,
Ишше самъ онъ говоритъ да таковы слова,
Говоритъ своимъ могуцимъ всѣмъ бога́тырямъ:
„Ише шьто у мня бога́тыри сидятъ не хвастаютъ?
Я спрошу же у тибя, да доброй молодець,
Ужъ ты руськой сильнёй всё бога́тырь мой
Ише тотъ-ли Сухма́тій-свѣтъ Сухма́тьёвичъ:
Ты не пьёшь-то у меня, сидишь не хвастаёшь?“
Говоритъ-то Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ:

[1]) Говорятъ, тутъ рѣка протекла; гдѣ же протекётъ рѣцька!

— Ужъ ты гой еси, ты красно наше солнышко,
Ише тотъ-ли ты князь да всё Владимиръ-свѣтъ!
Я вѣдь тѣмъ разьвѣ тебѣ теперь похвастаю,
Шьчо привезу я тебѣ лебёдушку всё исъ чиста́ поля,
Я неранену тебѣ, всё некрова́влёну,
Привезу тебѣ лебёдочку живу́ въ рукахъ.—
„Ужъ ты гой еси, Сухматій свѣтъ Сухматьёвичъ!
Привези мнѣ-ка лебёдушку-ту завтро ты по у́тру мнѣ-ка ранному“.
Онъ отходитъ тутъ скоро́ почесёнъ пиръ;
Ище вси-ти съ пиру́ скоро росходятце.
Тутъ выходитъ-то дородьнёй доброй молодець
Шьчо по имени Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ,
Онъ выходитъ тутъ изъ-за столовъ-то бѣлоду́бовыхъ,
Изъ-за тѣхъ-ли изъ-за скатертей шолко́выихъ,
Онъ вѣдь бьётъ-то цёломъ, кланеитце князю со княгиною,
Шьто со той-ли съ Опраксеей съ Королевисьнёй;
Онъ скоре́шенько сѣдлатъ своёго ко́ня доброго,
Онъ берётъ-то всё вѣдь саблю свою вострую;
Поѣжжаетъ во чисто́ё полё доброй молодець,
Изъ циста́ поля на тихи всё на заводи.
Онъ не мокъ найти лебёдушки да не одной негдѣ,
Не найти ихъ-то да опъ не на заводяхъ,
Не на матушки не онъ не на Почай-рѣки.
Пріѣхалъ дородьнёй доброй малодець:
„Эко горюшко мнѣ теперь да добру молодцу!
Не поѣду я во красёнъ теперь въ Кіевъ-градъ,
Я поѣду, съѣжжу я теперь всё ко Нѣпре́-рѣки.“
Пріѣжаетъ, свѣтъ, онъ ко Нѣпре́-рѣки:
А вѣдь Нѣпре́-то-рѣка тече́тъ всё помутилась;
Прогово́рила она всё сь имъ языкомъ человѣческимъ:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты сильнёй бога́тырь со сьвятой Руси,
Ты по имени Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ!
Не гледи-тко на меня, на матушку Нѣпре́-рѣку;
Погледишь ты на меня, да ты не бойсе всё;
Я вѣдь, матушка рѣка, исъ силушки повышла всё:
Тамъ стоятъ-то за мной, за матушкой Нѣпре́-рѣкой,
Стоитъ-то тотаровей поганыхъ десеть тысечей;
Какъ поу́тру-ту они да всё мосты мосьтятъ,
Всё мосты́ они мосьтятъ, мосты кали́новы:
Они утромъ-то мосьтятъ—я ночью всё у ихъ повырою;

Помутилась я, матушка Нѣпрé-рѣка,
Помутилась-то всё да я изьбилась".
Тутъ поѣхалъ-то дородьнёй доброй молодець,
Онъ за матушку поѣхалъ за Нѣпрé-рѣкý
По тому-ту всё по мóсту по калинову;
Онъ вѣдь сталъ-то тотаръ да побивать да всё поѣжживать,
Онъ конёмъ ихъ сталъ топтать да всё на саблю вострý брать.
Какъ одинъ-отъ былъ идóлишо поганоё,
Онъ стрѣлялъ-то всё въ дородьня добра молодца
А въ того-ли-то въ Сухматія Сухматьёвича;
Онъ направилъ свою всё каленý сьтрѣлу,
Онъ просьтрѣлилъ у ево да всё какъ правой бокъ;
Ише вышла пуля-та всё въ лѣвой бокъ.
Тутъ вѣдь спалъ-то со добрá коня дородьнёй доброй молодець
Ише тотъ-ли Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ;
Онъ вѣдь взялъ-то изъ травы да всё сорвалъ листковъ,
Онъ обкладывалъ листами всё раны свои кровавыя;
Онъ съ того-то всё ишé съ горя великого
Онъ выдéрьгивалъ лѣсину изъ сырой земли,
Онъ какъ сталъ-то лѣсиноцькой посьвистывать,
Онъ вѣдь сталъ-то дубиночкой помахивать;
Онъ прибилъ-то вѣдь поганыхъ всихъ тотарь-то тутъ,
Не оставилъ онъ вѣдь силы всё на сѣмяна.
Да восталось дубиночки-то всё одинъ обломочёкъ;
Тутъ вѣдь скоро онъ садилсэ на добрá коня;
Пріѣжаетъ ко городу ко Кіеву,
Онъ ко ласковому князю ко Владимеру;
Ай выходитъ скоро князь ёго стрѣцять всё на широкой дворъ,
Говоритъ-то онъ ёму всё таковы рѣци:
„Ты привёзъ ли мнѣ, дородьнёй доброй молодець
А по имени Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ,
Ты привёзъ ли мнѣ лебёдочку неранену,
Ты неранену лебёдочку, всё некровáлену;
Ты живу́-ту мнѣ въ рукахъ хотѣлъ привезьти да всё немёртвую?"
Говоритъ-то тутъ Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ:
— Мнѣ-ка было, моё ты красно солнышко,
Мнѣ вѣдь было всё вѣдь тутъ не до лебёдушки:
Подошла-то тутъ силушка тотарьская,
Ай у матушки стоитъ всё у Нѣпрé-рѣки,
Ай стоéли тотаръ всё десеть тысецéй,

Всё мосьтили мосты они калиновы;
Они утромъ-то мосьтятъ, да ноцью выроётъ
Ишше матушка-та всё-то ужъ Нѣпре́-рѣка;—
Вода-та всё въ рѣки да помутилась.
Я изьбилъ-то вѣдь тутъ поганыхъ всѣхъ тотаръ-то ихъ,
Не оставилъ я вѣдь ихъ силы́ на сѣмяна.—
Ай спрогово́ритъ вѣдь тутъ да нашо красно солнышко:
Какъ Владимеръ всё, князь да стольне-кіечкой:
„Посадите-ко дородьня добра молодца,
Ай во ту ево во те́мницю во тёмную;—
Ай пустымъ-то всё онъ хвастаётъ, напраснымъ тутъ“.
Посадили-то въ темницю добра молодца.
Посылатъ скоро Добрынюшку-ту всё вѣдь князь провѣдывать:
Ужъ ты съѣзьди-ко, Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съѣзди, съѣзди ты ко матушки къ Нѣпре́-рѣки,
Розыщи-ко, росматри да силу битую“.
А пріѣхалъ Добрынюшка къ Нѣпре́-рѣки;—
Намошшоны тутъ мосты, мосты калиновы;
Ай прибита всё силушка тотарьская;
Да нашолъ-то Добрынёчка обломочёкъ,
Всё обломочёкъ нашолъ этой дубиночки;
Онъ привёзъ-то князю всё на посмотрѣньичо.
Они свѣсили-то ету всё дубиночку,—
Потянула дубина девяносто пудъ.
Говорилъ-то Владимеръ князь да стольнё-кіевчькой:
„Вы отмыкайте-тко подите скоро тёмну те́мницю;
Ужъ я буду Сухматья-та Сухма́тьёвича,
Я вѣдь буду-ту ево да теперь ми́ловать,
Буду миловать ево да буду жаловать:
Надорю я ёму города да всё съ посёлками“.
Отмыкали-то ево да скоро те́мьну те́мьницю,
Выпускаютъ-то дородьня добра молодца,
Ишше сильнёго могуцёго бога́тыря
Да того-ли Сухматья-свѣтъ Сухма́тьёвича.
Говорятъ-то ему да всё росказываютъ:
„Ужъ ты гой еси, бога́тырь святоруськія
Ты по имени Сухматій-свѣтъ Сухма́тьёвичъ!
Да вѣдь хоцётъ тебя князь Владимеръ, хоцётъ миловать,
Хоцётъ миловать тебя да хоцётъ жаловать,
Подарить-то хоцётъ городъ всё съ посёлками“.
Говоритъ-то тутъ Сухматей-свѣтъ Сухматьёвичъ:
— Не умѣлъ меня Владимиръ-князь вѣдь жаловать!

Я теперец́е поѣду во чисто́ полё.—
Онъ садилсэ тутъ скоро на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ скоро во чисто́ полё;
Онъ пріѣхалъ во чисто́ полё роска́тисто [1]),
Онъ отдёрнулъ-то листки отъ ранъ кровавыхъ всё,
Говорилъ-то вѣдь самъ да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко-се изъ ранъ да всё Сухма́нъ-рѣка,
Шьчо Сухманъ-то протеки-тко, рѣка быстрая
Хоть у бѣднаго дородьня добра молодца,
Хошь у руського могуцёго бога́тыря
У того-ли у Сухматья-свѣтъ Сухматьёвича!“
Протекала тутъ вѣдь Сухманъ, да рѣцька быстрая,
Выбѣгала у ёго всё кровь горячая.
Наказалъ ише́ своёму ко́ню доброму:
„Ужъ ты конь, ты всё конь, моя да лошадь добрая!
Ты не стой, не плаць у тѣла богатырьского,
Ты поди-ко-се, бѣги да куды хошь поди,
Во луга ступай-поди да во зелёныя,
Ты питайсе-ко всё травой шелко́вою,
Ходи пей-ко-се ключо́ву-ту сьвѣжу́ воду
Шьто исъ той-ли ты изъ матушки Сухма́нь-рѣки“.
Ишше тутъ-то вѣдь Сухматью-свѣтъ Сухма́тьёвицю
Тутъ славы́-ти всё поютъ, да онъ представилсэ,
Онъ представилсэ тутъ да всё преконьцилсэ;
Всё славы́ про то поютъ, всё въ старина́хъ скажутъ [2]).

12.

Михайло Даниловичъ.

(У матери).

А во славномъ было городи во Кіеви
Тамъ вѣдь жилъ-то сильнёй, могуцёй бога́тырь-отъ;
Ишше было-то у ево да цядо милоё,
Цядо мило у Данилушка, любимоё
Ишше на́ имя Михайлушко Даниловиць.
Онъ и сталъ-то Михайлушко ходить по улоцьки,
Онъ играть-то сталъ да всё съ ребятками:
Онъ за рученьку возьмётъ, дакъ руцьку выдерьнётъ,
Онъ за ножоцьку возьмётъ, дакъ ножку выдерьнётъ,

---

[1]) Смѣшано съ „шеломенемъ окатистымъ“. *Собир.*

[2]) Думаю, не всю спѣла; гдѣ всё запомнить!

Онъ за голову возьмётъ, дакъ голова-та проць.
Тутъ многи́-ти люди всё стали оби́дитьце:
„Ужъ ты гой еси, Данило сынъ Игнатьёвиць!
Не спускай-ко ты Михайла на свѣтлу улицю:
Онъ вѣдь много прибилъ у насъ малыхъ дѣтоцёкъ“.
Говоритъ-то Данилушко таковы рѣци:
— Не грубите вы серьця всё богатырьского.—
Говоритъ-то Данилушко всё Игнатьёвиць:
„Ты послушай-ко, моё ты да ци́до милоё,
Молодой ты Михайлушко-свѣтъ Даниловиць:
Я оставлю тебѣ-то да всё добра́ коня,
Я добра́ коня тебѣ-то всё богатырьского,
Я оставлю, Михайлушко, копьё вострое,
Копьё во́стро, Михайлушко, брузамецькоё,
Я оставлю всё палицю тяжолую,
Я оставлю свою тебѣ саблю вострую,
Я оставлю вѣдь плётоцьку шолко́вую,
Я оставлю-то латы-то богатырьскія;
Я вѣдь самъ пойду, Михайлушко, всё ду́шу́ спасать.
Я прошусь пойду со князёмъ да со Владимиромъ,
Я прошусь съ Опраксе́ёй-то съ Королевисьнёй“.
Какъ приходитъ Данило-то всё Игнатьёвиць,
Онъ вѣдь кланеитце всимъ придверницькамъ,
У воротъ-то стоятъ—онъ всимъ придворо́тницькамъ:
„Допустите до красного миня солнышка,
Всё до ласкова-то князя всё до Владимира“.
Да заходитъ въ палаты-тѣ гряновитыя;
Онъ вѣдь крестъ-отъ кладётъ-то всё по писа́нному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да всё по уцёному;
Онъ вѣдь князю-ту Владимиру низко кланялсэ,
Онъ княгины-то Опраксеи Королевисьни;
Онъ вѣдь палъ всё князю Владимиру во рѣзвы́ ноги:
„Отпусти ты миня, моё красно солнышко,
Ужъ ты на́ имя ты князь да свѣтъ-Владимиръ жа,
Мнѣ сходить всё ко Онтонію, къ Ѳеодо́сею,
Мнѣ сходить-то тамъ Богу всё помолитисе,
Ко святымъ къ ихнымъ мошшамъ мнѣ-ка приложитисе;
Мнѣ спасти-то теперь надоть душа грѣшная:
Ужъ я много вѣдь пролилъ крови напрасною,
Ужъ я много убилъ-то сильніихъ, могуціихъ,
Ужъ я сильнихъ, могуціихъ бога́тырей“.
Да ушолъ-то Данило-отъ сынъ Игнатьевиць,

Онъ спасать ушолъ свою да душу грѣшную.
Приказалъ онъ своёму-ту цяду милому,
Молодому Михайлушку всё Даниловицю:
„Подойдётъ, бывать, Михайло, сила тотарьская,
Ужъ ты бей-ко-се силу да по краямъ силу,
Не заѣжжай-ко-се въ серёдку, въ силу тотарьскую".
Да прошло тому времени всё полгодика.
Тутъ подходитъ подъ Кіёвъ-градъ всё силушка;
Во перьвы́хъ-то подходитъ король фрянцускія,
Во вторыхъ-то подходитъ король швецькія.
Ишше тутъ всѣ богатыри собиралисе,
На поцесёнъ-отъ пиръ они съѣжалисе.
Посылаютъ тутъ скоро за Михайлушкомъ,
За Михайлушкомъ всё да за Даниловицемъ;
Наряжаитце Михайлушко въ платьё цьвѣтноё
Да приходитъ ко князю всё на поцёсёнъ пиръ;
Онъ вѣдь бьётъ-то князю-ту цёломъ, низко кланялсэ
Онъ съ княгиной-то съ Опрасеей Королевисьней;
Да садилъ-то князь Михайлушка во большо́ мѣсто,
Во большоё во мѣсто ишше подлѣ собя.
Ище вси-ти сидятъ богатыри пьютъ, ѣдятъ,
Ище пьютъ, ѣдятъ сидятъ они, сами хвастаютъ;
А Михайлушко сидитъ-то одинъ не пьётъ, не ѣстъ,
Онъ не пьётъ сидитъ, не ѣстъ, онъ сидитъ не кушаётъ,
Онъ вѣдь бѣленькой лебёдушки не рушаётъ.
Говоритъ-то князь Владимиръ-отъ таковы рѣци:
„Ужъ ты шьто сидишь, Михайло ты свѣтъ Даниловиць,
Ты не пьёшь, ты не ѣшь, ты у мня не кушаешь,
Ужъ ты бѣленькой лебёдушки всё не рушаёшь?"
Говорилъ-то Михайлушко таковы рѣци:
— Я сижу хоть, сижу-то я на цёсно́мъ пиру,
Шшевелились мои-ти плеци могуція,
Розгорѣлось моё-то да ретиво́ серьцо,
Роскипѣлось у мня серьцо богатырьскоё.
Мнѣ дай-ко ты, князь, да волю вольнюю
Мнѣ-ка съѣздить впереди всихъ во цисто́ полё,
Мнѣ попробовать побить-то силы́ тотарскою.—
Говорилъ-то князь Владимеръ-свѣтъ:
„Поѣжай-ко-се, Михайлушко Даниловиць!
Тибѣ Богъ благословитъ побить силу тотарьскую".
Выходилъ скоро Михайлушко да на конюшенъ дворъ,
Онъ сѣдлалъ-то, сряжалъ да всё добра́ коня,

Онъ вѣдь батюшкова коня богатырьского,
Надѣвалъ скоро латы-ти богатырьскія,
Онъ берётъ свою палицю всё тяжолую;
Онъ заходитъ въ полатушки во родительски;
Помолилсэ-то онъ всё Спасу прецистому,
Ишше Матери Бо́жьёй-то Богородици,
Роспростилсэ съ родимой-то своей матушкой,
Да поѣхалъ Михайлушко на добро́мъ коня́,
Да Михайлушко поѣхалъ самъ молодёхонёкъ:
Ишше отъ роду ёму тольки семнадцеть лѣтъ.
Говорила ёму матушка родимая:
„Ужъ ты сьѣздей-ко къ батюшку родимому
Ты къ тому-ли ко Данилу-ту ко Игнатьёвицю“.
Не послушалъ наказу-ту ро́дной матушки:
— Не поѣду я прошшатьце-то съ ро́днымъ батюшкомъ,
Я поѣду скорѣ́ да во чисто́ полё,
Постою поѣду я лучше за Божьи́ церьквы,
Постою-ту я за князя-та за Владимира,
Постою я за всю вѣру-ту православную.—
Онъ вѣдь билъ-то Михайлушко день до вецёра;
Заѣжаётъ въ серёдку въ силу тотарьскую,
Онъ вѣдь бьётъ своево-то всё коня́ доброго,
Онъ вѣдь билъ-то коня да приговаривалъ:
„Ты поди-ко силу топци, да мой доброй конь;
Я копьёмъ колю, да ты въ ногахъ топци“.
У тотаръ-то было всё у хитрыихъ,
У погапыхъ-то было, всё-то было у мудрыихъ:
Они выкопа́ли по́дкопъ страшно́й глубокой-отъ;
Да упалъ-то Михайлушко во глубокъ подко́пъ.
Какъ увидялъ родимой-отъ ёго батюшко,
Онъ увидялъ съ крутой-то горы высокою,
Отъ того-ли отъ мана́стыря отъ спасёного,—
Подошла ему силушка подъ Кіевъ-градъ;
Ише цёрному ворону будётъ не облетѣть,—
„Какъ Михайлушку, моёму цяду будётъ не объѣхать!“
А не могъ-то утерпѣть да всё Данилушко:
„Я пойду-ту подсоблю силу побить Михайлушку“.
Онъ приходитъ ко силушки тутъ скорёхонько,
Онъ и взялъ-то тотарина за рѣзвы́ ноги,
Онъ вѣдь сталъ тутъ тотариномъ помахивать;
Показалось ёму да тутъ вѣдь лёкко въ рукахъ;
Енъ вѣдь выдернулъ берёзку-ту всё взялъ съ коренёмъ,

Онъ вѣдь сталъ этой берёзоцькой всё помахивать;
Онъ прибилъ-то вѣдь всю силу тотарьскую,
Розошолсэ ко по́дкопу глубокому;—
Тутъ лёжитъ-то Михайлушко со добры́мъ конёмъ.
Онъ вытянулъ Михайлушка со добры́мъ конёмъ:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко мой Даниловиць!
Не могло-то утерьпѣть всё серьцо родительско“.
Какъ поѣхалъ Михайлушко, сталъ поѣжживать
На добро́мъ-то кони́ да ихъ порубливать;
Изрубилъ, избилъ поганыхъ всихъ тотаръ-то онъ.
Онъ вѣдь палъ-то да батюшку во рѣзвы́ ноги:
„Ты прости миня, батюшко, виноватого!
Не послушалъ я твоёго вѣдь наказаньиця,
Я заѣхалъ во силу-ту во крупну́-ту я,
Я упалъ-то да во по́дкопъ во глубокія.
Ты ищё во другой вины прости миня:
Не послушалъ-то родимой своей матушки“.
Роспростилсэ Данилушко съ цядомъ съ милыимъ,
Съ цядомъ съ милымъ Данилушко, всё любимыимъ;
Онъ нало́жилъ на ёго всё благословленьицё,
Да поѣхалъ-то Данило-свѣтъ Игнатьёвиць,
Онъ поѣхалъ въ манасты́рь да онъ душу́ спасать;
Онъ отправилъ-то своёго цяда милого
Онъ во Кіевъ-градъ ко князю всё Владимиру.
Пріобцистилъ Михайло силу тотарьскую,
Онъ пріѣхалъ ко князю всё ко Владимиру;
Онъ вѣдь только да билъ да одни сутоцьки.
Да Михайлушко ѣдётъ всё во Кіевъ-градъ,
А бога́тыри поѣхали исъ Кіёва;
Пріѣжаютъ ёму-ту встрѣту бога́тыри;
Говорилъ-то Михайлушко всё Даниловиць:
„Воротитесь, бога́тыри, вы со мной вмѣстяхъ;
Мы поѣдёмте, братцы, да въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ
Мы ко ласкову князю да ко Владимиру.
Пріобилъ, пріобцистилъ силушку фряицюскую,
Я ишше́ же прибилъ силу вѣдь шведьскую“.
Пріѣжаётъ ко князю-ту ко Владимиру,
Пріѣжаётъ онъ прямо всё на широкой дворъ.
Какъ стрѣцятъ-то вѣдь князь ёго со княгиною:
„Ужъ мы цимъ тебя, Михайлушко, мы дарить будёмъ,
Ишше цимъ тебя, Даниловиць, будёмъ жаловать
По твоей-то поступоцьки богатырьскою,

По твоей-то заслуги всё по великою,
По твоей-то по храбрости, всё по смѣлости?
Хоть у князя женись, да хоть у боярина,
У купця хоть женись ты, гостя торгового".
Говорилъ-то Михайлушко онъ таки рѣци:
— Я не буду женитьце да не у князя я,
Не хоцю-то я взять всё у боярина;
Я желаю-то вѣкъ ѣзьдить по цисту́ полю;
Сохранять-то буду я церьквы соборныя,
Всё соборныя церьквы я богомольнія,
Сохранять буду спасёны-ти всё мана́стыри,
Я стоеть буду за вѣру всё православную,
Сохранять-то буду князя всё со княгиною,
Ише вси-ти рода́ буду я княжески.—
Это слово Владимиру любо показалосе;
Собираётъ для Михайлушка онъ поцесёнъ пиръ,
Онъ поцесёнъ-отъ пиръ да всё на весь на міръ;
Онъ зовётъ всихъ со старого и до малого,
Онъ зовётъ всихъ князьей, бояръ, богатыхъ людей,
Приглашаётъ онъ бѣдныхъ, да не отказыватъ,
Шьчобы этотъ да пиръ былъ на память всимъ,
За великую услугушку за Михайлову.

13.

Туры и турица.

(У старушки Авдотьи Кипріяновны, тетки своей подруги).

„Вы туры́ [1]), вы туры́, туры́, малы дѣтоцьки!
Вы бывали ли, туры́, на сьвятой-то нашой Руси,
Вы видали ли, туры́, красно солнышко,
Вы видали ли, туры́, младъ сьвѣтёлъ мѣсець,
Вы видали ли церькву-ту, всё церькву́ соборную,
Вы соборну-ту церьковь, богомольнюю,
Вы видали ли царицу Мать-ту Божью-ту,
Пресьвятую всё царицю Богородицю?"
— Ужъ мы были, туры́, на сьвятой на Руси,
Ужъ мы видѣли, туры́, красно солнышко,
Ужъ мы видѣли, видѣли, туры, младъ свѣтёлъ мѣсець,
Ужъ мы видѣли башню повую,
Ужъ мы видѣли сьтѣну городовую,
Ужъ мы видѣли дѣви́цю-душу красную

[1]) Олени.

Мы во той-ли во сьтѣны́, да стѣны въ новою
Мы во той-ли, подлѣ башню городо́вую:
Какъ вѣдь клала-то книгу всё Еваньгельё;
Какъ сама она надъ книгой сле́зно плачитце.—
Говоритъ-то тура́мъ ро́дна матушка ихна́,
Ро́дна матушка-та и́хна говоритъ-то всё имъ:
„Ужъ вы глупы туры́ мои, малы дѣточки,
Неразумны туры вы, малы дѣточки!
Я скажу, скажу про то, про всё повѣдаю:
Хошь вы были, вы были на сьвятой-то Руси,
Хошь вы видѣли, видѣли красно солнышко,
Хошь вы видѣли, видѣли младъ сьвѣтёлъ мѣсе́ць,
Ужъ вы утряну зорю, вы вечернюю,
Ишше видѣли хошь вы да звѣзды частыя,—
Вы не сьтѣну вы видѣли городовую,
Не ограду вы видѣли у Божьёй у це́рквы́,
Ай не башню вы видѣли вы не новую;
Вы вѣдь видѣли соборну це́рковь Божью-ту;
Какъ исъ це́рквы-то выходитъ не дѣви́ця вѣдь тутъ,
Шьчо сама вышла цяриця Мать-та Божья-та,
Пресьвята-та вѣдь Божья Богородиця;
Выносила она всё-то вѣру старую,
Вѣру стару-ту выносила всё спасёную;
Закопала-то вѣру-ту во сыру земьлю;
Шьчо подъ ту Божью це́рькву подъ соборную,
Подъ соборну подъ це́рковь богомольную;
Она плацётъ надъ вѣрой, заливаитце́:
„Ты лёжи, моя вѣрушка старинная,
Шьчо старинна ты вѣра православная,
Православна ты вѣра всё спасёная,
Шьчо спасёная вѣра, богомольняя!
Не бывать тебѣ, вѣра, на сьвятой на Руси,
Не видать тебѣ, вѣра, свѣту бѣлого,
Сьвѣту бѣлого, вѣры православною!““.

14.

Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ).

(У старика-сосѣда Ефрема, умершаго, когда еще А. М. Крюкова была дѣвочкой).

Дядюшка племянницька уговаривалъ:
„А пора тибѣ, племянницёкъ, женитисе“.
— Ужъ я радъ бы, дядюшка, женитисе,—

Мнѣ-ка нѣту невѣсты по уму-ту взять,
Не у князя нѣту, не у боярина.—
Говорилъ то вѣдь дядюшка племянницьку:
„Я найду тебѣ невѣсту не въ святой Руси,
Не въ святой Руси невѣсту, въ проклятóй земли
У того-ли короля у Мúтрея Митреяновица,
Ешшо ту-ли Настасью Митреяновну;
Ешшо сидитъ она за тремя замоцьками заморськима".
Тольке видѣли молодця сряжаючись,
Не видали удáлого поѣдуци;
Во чистóмъ-то поли тольке дымъ дымитъ,
Дымъ дымитъ, да будто столбъ стоитъ;
Сухо пеньицё, коренъицё поломалосе,
Мать сыра-то земля да потрясаласе.
Пріѣжаётъ удáлой доброй молодець
Какъ въ ту-ли во землю во невѣрную
Ко тому-ли королю всё къ невѣрному,
Еще къ тому-ли къ Митреяну Митреяновицю.
Онъ привязывалъ коня да къ дубовýю столбу,
Къ дубовýю столбу да къ золоту кольцю;
Ужъ восходитъ онъ самъ на новы́ сѣни;
На новы́ сѣни ступилъ, дакъ сѣни дыблютьсе,
Сѣни дыблютьсе, новы́ колыблютьсе;
Отпираетъ полату, двери на́ пяту,
Запираетъ полату, двери на́крѣпко;
Онъ не кститъ своего лиця бѣлого,
Не поклоняитце́ йдола́мъ поганыимъ,
Какъ вѣдь бьётъ королю-ту во руцéньку во правую,
Королевой во руцéньку во лѣвую;
Онъ вѣдь всимъ тутъ тотарамъ ниско кланялса.
Какъ поддёрнулъ-то король Мúтрей Митреяновиць,
Онъ принёсъ-то свой-отъ стулъ да рыта бархата;
Ишше самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
„Ты садись-ко, дородьней доброй молодець!"
Ишще стулъ то подъ нимъ да всё сломаитце́.
Какъ король-то скакалъ всё на рѣзвы́ поги:
„А какой же пришолъ къ намъ со светой Руси,
Со светой Руси пріѣхалъ, съ камянно́й Москвы?
Али воръ ты пришолъ къ намъ, розбойницёкъ,
Ли сбѣгло́й ли къ намъ солдатъ-отъ государевой?
Ты скажи-ко намъ правду, всё повѣдай-ко:
И со силушкой пришолъ къ намъ съ великою?"

Говорилъ-то дородьнёй доброй молодець,
Ише руськой могучей богáтырь нашъ:
— Я не воръ къ вамъ пришолъ, не розбойницёкъ
Не сбѣглóй я къ вамъ солдатъ государевой,—
Я пріѣхалъ къ тебѣ да сватомъ свататьсе,
Не за людей я пріѣхалъ, за собя къ тобѣ,
На твоей-то на любимой всё на дочери,
А на душоцьки Настасьи Королевицьни:
Ты отдай-ко-се Настасью Митреяновну.
Не отдашь токо безъ драки кроволитныя,
Я изъ рукъ у тя, изъ ногъ жи́льё повытяну,
Самого-то тебя струго́мъ повыстружу,
Твой рѣцистой языкъ да буду теменёмъ тянуть.—
Говоритъ-то король да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Я радёшенёкъ отдать бы за тебя замýжъ,—
Да пріѣхалъ царишшё изъ невѣрныхъ земель;
Три дéнецька прошло тому времени,
Какъ просватана у мня Настасьюшка;
У насъ бѣлы-ти руцюшки исподáваны,
Золотыма-ти перстнями подарилисе.
Самъ уѣхалъ вѣдь царь-отъ во чисто́ поле,
Шьто стрѣлять-то уѣхалъ гусей, лéбедей,
Ише меленькихъ пернастихъ, мелкихъ утоцёкъ;
Посадилъ у мня Настасью Митреяновну,
Посадилъ-то на стулъ рыта бархата,
Приказалъ-то вышивать шириноцьку красна золота,
Да садить-то ширинку скатнымъ жемчугомъ;
Онъ навѣсилъ ише сорокъ замковъ
И поставилъ къ замкамъ сорокъ караульщицьковъ,
Караульщицьковъ всё сорокъ татаревей“.
Говоритъ-то дородьнёй доброй молодець:
— Я не много буду съ вами розговаривать,
Я не буду гледѣть да на тотаръ-то я,
Я не буду смотрять да на крѣпки́ замки.—
Говоритъ-то король да королевы-то,
Королевы-то, своей всё молодой жены:
„Ты бери-тко, королева, да золоты́ клюци,
Отмыкай-ко, королева, кованы́ ларьци,
Вынимайте-ко вы да золоты клюци,
Отдавай-ко дородьню добру молодцу;
Ише пусь берётъ королевну съ чесци, съ радости,

Пусь безъ драки берётъ да кроволитныя".
Онъ вѣдь не́ бралъ ключей да во бѣлы́ руки,
А отво́рилъ полату, двери на́ пяту,
Запиралъ онъ полату со всей ярости,
Онъ прибилъ-то убилъ да сорокъ сто́рожо́въ,
Приломалъ-то вѣдь вси замки заморьскія;
Какъ заходитъ въ полаты бѣлокамянны,
'шше заходитъ къ Настасьи Митреяновны.
А ставала Настасья на рѣзвы́ ноги,
Поклонилась она ёму низёхонько:
„Ужъ ты здраствуй, дородьнёй доброй молодець!
Ты откуль же идёшь да куды путь держи́шь?"
Говоритъ-то дородьнёй доброй молодець:
— Я иду-ту какъ, ѣду со святой Руси,
Со святой Руси да съ каменно́й Москвы;
Я пріѣхалъ на тибѣ всё вѣдь свататьсе.
Ты поди-тко, Настасья, за миня заму́жъ;
Увезу-ту я тибя да во святую Русь,
Во святую тибя Русь да въ каменну́ Москву.—
Тутъ заплакала Настасья Митреяновна:
„Шьто умѣла миня матушка споро́дити,
Да умѣлъ миня батюшко шьто вспоить, вскормить,
Шьто вспоить, вскормить миня возро́стить всё;
Не умѣли миня да за́мужъ выдати
Шьто безъ драки-то миня безъ кроволитныя!"
Онъ вѣдь бралъ-то Настасьюшку за праву́ руку,
Опъ за тѣ-ли за перстни за злачёныя,
Онъ увёлъ-то ей скоро на широкой дворъ,
Онъ садилъ-то вѣдь ей да на добра́ коня
Да повёзъ-то вѣдь ей въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ-градъ да въ каменну́ Москву.
Они день-то ѣдутъ, они другой ѣдутъ,
Да другой-отъ ѣдутъ, они третёй ѣдутъ;
Да три де́нецька ѣхали, три ноценьки.
Говоритъ-то Настасья Митреяновна:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ишше надоть теперь да коню здохъ давать".
Онъ вѣдь скоро соходитъ со добра́ коня,
Онъ вѣдь ставитъ шатёръ новбй поло́тняной,
Поволилса въ шатёръ новбй поло́тняной,
Онъ вѣдь скоро заспа́лъ да богатырскимъ сномъ.
А во ту пору, пору было, во то время,

Шьто не спитъ-то Настасья Королевичьня,
Шьто не спитъ она въ шатру, больше прислушиватъ.
Шьто наѣхалъ царишшё всё певѣрноё,
Закрицялъ-то царишшё попрестрашному,
Закрицялъ-то царишшё позвѣриному,
Зашишѣлъ-то царишшё позмѣиному,
Засвистѣлъ-то царишшё посоловьиному.
Онъ скорёхонько пріѣхалъ ко бѣлу́ шатру.
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ты пошьто увёзъ Настасью Митреяновну?
Я изъ рукъ у тя, изъ ногъ жильё повытяну,
Отсѣку я у тя по плець да буйну голову“.
А заходитъ онъ скоро во бѣло́й шатёръ,
Вынимаётъ онъ скоро свой булатёнъ ножъ,
Онъ вѣдь хоцётъ отсѣкци буйну голову.
Тутъ заплакала Настасья Митреяновна:
„Не сѣки-ко у сонно́го: всё ровно́ будётъ—
ты ссѣкёшь у мёртвого“.
Ише скоро пробужалсэ доброй молодець,
Онъ вѣдь скоро скакалъ да на рѣзвы́ ноги;
Ишше стали они да тутъ боротисе;
Ишше бились они да боролисе,
Не пивали они да не ѣдали-то,
Ишше тольке вѣдь времени было три денька;
Не которой не можотъ обороть изъ ихъ;
По колѣнъ они въ сыру землю втоптализе.
Поборолъ-то дородьнёй доброй молодець,
Какъ которой пріѣхалъ со святой Руси;
Ишше падалъ царишшё на сыру землю́,
Мать сыра-та земля да потрясаласе.
Закрыцялъ онъ [1]) Настасью Митреяновну:
„Ты подай-ко, Настасьюшка, булатенъ ножъ [2]);
Ужъ мы будёмъ колоть да груди бѣлыя“.
— Не носи-тко, Настасья Митреяновна! [3])
Не ходи ты, Настасья, за ёго замужъ;
На святой Руси вѣра́ есь тежолая:
Съ кажной-то ноци нать умыть твоё лицё,
Помолитьсе вѣдь нать всё Богу-Господу,
Поклонитьсе вѣдь нать да Божьей Матери.

[1]) Молодецъ. *Собир.*
[2]) Ножи оставили въ шатри.
[3]) Царишшо говоритъ.

А пріѣдёшь ты, Настасья Митреяновна,
Тебѣ жить-то вѣдь нать да всё въ кухароцькахъ,
Нать Владимиру вамъ, князю поклонятисе [1]);
Сохранить-то на святой Руси нать среды, пятницы,
Надоть свѣтлы Христовы воскрисеньиця.
Ты поди-ко, Настасья Королевисьня,
Ты поди-ко Настасья за миня замужъ;
Въ проклятой-то земли у насъ въ Тотарьскою
Какъ у мня-то вѣдь вѣра будётъ лёккая:
Ише самъ-то живу, я всё царёмъ царю,
А за мной-то вѣдь будешь жить царицею;
Будутъ вси тебѣ, будутъ поклонятисе.—
Да Настасьюшка сидитъ да приросплакалась,
Приросплакалась сидитъ да приростужилась:
„Отъ того-то бережку вѣдь я отстала-то,
Я къ другому-ту, вѣрно, не пристала же“.
Принесла-то ёму да всё булатенъ ножъ;
Онъ вѣдь сталъ-то пороть да груди бѣлыя,
Вынимать-то ретиво серьцо тотарьскоё;
Присѣкъ-то онъ взялъ его да на мелки части.
Ише сами поѣхали въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ-отъ градъ да въ каменну Москву;
Они принели себѣ по злату вѣньцю,
По злату вѣньцю да законъ Божей-то.

15.

Дюкъ.

(У матери, которая „вѣкъ пѣла“ эту старину).

Ай вѣдь было жило во дальнёмъ славномъ городи,
Шьто во той было Корелы во богатыя,
Тамъ-то жилъ былъ вѣдь дородьнёй доброй молодець,
Ише тотъ-ли бояринъ Дюкъ Степановиць,
Ай вѣдь сильнёй былъ могуцей богатырь-отъ.
Ай у Дюка-та было у Степановича,
Ише былъ у его да всё широкой дворъ,
Ай вѣдь былъ-то у ево да всё широкой дворъ,
Какъ широкой ево дворъ да на семи верстахъ,
На семи-то верстахъ былъ, да семидесети былъ семи столбахъ;
Эти столбички-ти были столбы точоны,
Столбы точоны, были позолочоны;

[1]) Онъ былъ племенникъ князю.

Да у кажного столба всё было-то по золотому по колечушку;
Ишше крышоцька была на домп золочёная.
Ай спдѣла-то вѣдь Дюкова всё ро́дна маменька,
Посажо́на была у Дюка ро́дна маменька
Ишше та вдова Омельфа Тимооеевпа
Посажо́на на стули рыта бархата,
На коври-то ево была да красна золота;
Какъ въ её было въ полаты бѣлокамянной
Надьведёно же надь ей-то было красно солпышко,
Надьведёно надь ей вѣдь былъ да младъ свѣтёлъ мѣсець,
Ище зори-ти были, звѣзды частыя,
Вся луна была надъ ей да подпебесная.
Тутъ не бѣленька берёзка къ земьли клонитце,
Ни зелёненька, кудрява выгибантце, —
Тутъ дородьнёй доброй молодець да пизко кланялсэ,
Ище тотъ-ли бояринъ Дюкъ Стёпановичъ,
Ище тотъ-ли бога́тырь да пріуда́лой-отъ,
Ко своей-то онъ родимой милой маменьки,
Онъ къ чесно́й вдовы къ Омельфы къ Тимооеевной [1]):
„Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка, матушка родимая,
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка, матушка, благословленьицё
Мнѣ-ка съѣзьдить-то, дородьпю добру молодцу,
Мнѣ-ка съѣзьдить-то теперь какъ въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Мнѣ ко ласковому князю ко Владимеру,
Посмотрѣть-то мнѣ-ка князя со кнегиною,
Посмотрять-то мнѣ князьей да всѣхъ-то бо́яръ тутъ,
Посмотрять мнѣ-ка могуцихъ сильни́хъ богатырей“.
Говоритъ-то ему матушка родимая:
— Ужъ ты гой еси, моё ты цядо милоё,
Молодой же ты Дюкъ да свѣтъ-Стёпановиць!
Ты поѣдёшь, моё дитятко, не хвастай-ко,
Ты не хвастай-ко своимъ-то всё имѣньицёмъ,
Ты не хвастай-ко своимъ да широки́мъ дворомъ,
Ты не хвастай-ко своимъ многи́мъ да платьёмъ цьвѣтнымъ-то,
Ты не хвастай-ко ухваточкой своей всё богатырьчкою,
Ты не хвастай-ко своимъ-то ты добры́мъ конёмъ.—
Говоритъ-то тутъ вѣдь Дюкъ да Дюкъ Стёпановиць:
„Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,

---

[1]) Сначала сказательница пропѣла: „Елены Косьтентиновны“, но потомъ поправилась. *Собир.*

Ты чеснá вдова Омельфа Тимоѳеевна!
На меня-то какъ найдутъ, я всё не уступлю тутъ имъ".
Собиралсэ-то вѣдь молодой-отъ нашъ бояринъ Дюкъ Стёпановичь,
Собираитче онъ да всё скорёхонько;
Тольки видѣли-то добра молодца сряжаючись,
Не видали тутъ поѣздки богатырьскою.
Пріѣжаетъ тутъ удáлой доброй молодець,
Ише тотъ-ли вѣдь бояринъ Дюкъ Стёпановичь
Къ широкýу-ту двору вѣдь, всё князю ко Владимеру;
Онъ пріѣхалъ-то да всё во ту пору,
Онъ во ту же пору пріѣхалъ, всё во ту время,—
Ишше князя-та Владимера вѣдь дома нѣтъ:
Шьчо ушолъ-то князь Владимиръ стольнё-кіеськой,
Онъ ко той ушолъ ко ранной ко заутрени.
Оставлялъ-то онъ своёго кóня доброго,
Оставлялъ-то онъ у князя всё на широкóмъ двори,
Самъ пошолъ-то во Божью церковь соборную,
Во соборну Божью церковь богомольнюю;
Замаралъ-то онъ сафьяны всё сапожоцьки
Шьчо по тёмъ-ли по москамъ, москамъ дубовыимъ.
Говорилъ-то мла́дой всё бояринъ Дюкъ Стёпановичъ;
Говорилъ-то вѣдь онъ, дакъ будто громъ гремѣлъ:
„Шьчо сказали про Кіевъ-городъ, шьчо—хорошъ городъ;—
Уходилъ-то я сапожоцьки сафьяныя!"
Приходилъ-то онъ вѣдь скоро во Божью церковь,
Говорилъ-то вѣдь тутъ онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты здрастуй, князь Владимиръ стольне-кіеськой!"
Говóритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, ты дородьнёй доброй молодець!
Я не знаю-ту тепере, какъ тебя всё именёмъ зовутъ,
Я не знаю, звеличать какъ изъ очетесьва.—
Говоритъ-то тутъ бояринъ Дюкъ Стёпановичъ:
„Я наѣхалъ-то изъ той-ли изъ Корелушки богатыя,
Ише тотъ-ли я, богатой-отъ бояринъ я,
Я богатой-отъ бояринъ Дюкъ Стёпановичь.
Благослови-ко ты меня, всё Владимеръ-князь,
Мнѣ-ка стать-то всё на крылосъ всё на правой-отъ,
Послужить-то мнѣ, попѣть хошь мнѣ во Кіеви,
Мнѣ за той попѣть обѣдьнёй воскресеньскою".
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:

— Тебя Бохъ благословитъ, да молодой бояринъ Дюкъ Стёпановиць! —
Ай запѣлъ-то скоро, зачиталъ всё Дюкъ Степановиць,—
Божья церьковь-та тутъ да потрясаласе,
Всё окошоцька въ Божьёй-то церьквы покосилисе,
Всѣ народъ-то, люди добры съ ногъ попадали;
На ногахъ-то стоитъ да самъ Владимеръ-князь,
На ногахъ же онъ стоитъ, качаитце;
За праву́-ту руку дёржитъ всё Добрынюшка Микитичъ младъ,
За лѣву́ же руку дёржитъ-то Олёшенька Поповичъ младъ.
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець,
Молодой же сьвѣтъ-бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Тибѣ полно-то стоять, всё пѣть на крыласи!“
Пересталъ-то тутъ вѣдь Дюкъ да свѣтъ-Стёпановичъ.
Какъ отпѣли, отслужили службу Божью-ту,
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ты пойдёмъ-ко-се, пойдёмъ, удáлой доброй молодець,
Ужъ ты сильнёй же, могуцёй руськой ты богáтырь нашъ
Шьчо по имени боярынъ Дюкъ Стёпановиць!
Ты пойдёмъ-ко-се ко мнѣ да ты вѣдь хлѣба, соли псь,
Хлѣба, соли ко мнѣ псь да слáдка мёду пить“.
Пошолъ-то бояринъ-то богатой Дюкъ Стёпановиць;
Шьчо приходитъ во полаты княженеськія;
Онъ вѣдь крестъ-то всё кладётъ да по писáнному,
Онъ поклонъ-отъ всё ведётъ да по учоному,
Онъ вѣдь князю-ту Владимиру всё низко кланялсэ
Шьчо со той-ли со княгиной Опраксеёй Королевисьнёй.
Собиралъ-то князь Владимиръ для ево поцесёнъ пиръ,
Собиралъ-то всё князей да своихъ бóяровъ,
Собиралъ-то руськи́хъ могучихъ всё богáтырей;
Онъ содилъ-то молодого-то боярина-та Дюка свѣтъ Стёпановича,
Онъ садилъ-то всё его да всё къ собѣ близко.
Онъ сидитъ-то Дюкъ Стёпановичъ, не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
„Ужъ ты шьто ты, какъ дородьнёй доброй молодець,
Молодой-ли ты боярынъ Дюкъ Стёпановичъ!
Ты не пьёшь-то, всё не ѣшь сидишь, не кушаёшь,
Ужъ ты бѣленькой лебёдочки не рушаёшь;

Ужъ ты мёкишки-ти кушашь, корки проць откладывашь?“
Говоритъ-то тутъ бояринъ Дюкъ Стёпановиць:
— Ужъ ты гой еси, Владимиръ-князь да стольнё-кіевской!
Потому-то я сижу не пью, не ѣмъ, не кушаю,—
Какъ у васъ-то вѣдь пецьки всё кирпишныя
Да помёлышко у васъ вѣдь всё сосновоё;
На помёлышко льитё воду болотную [1]).
Я скажу тибѣ, да всё Владимиръ-князь,
Я скажу-ту про сибя, тибѣ повѣдаю,
Я скажу-то всё тебѣ я про широкой дворъ:
Шьчо у мня-то вѣдь, у доброго у молодца,
Ишше домъ у мня стоитъ вѣдь на семи вёрстахъ,
На семидесети у мня на семи столбахъ;
Ишше кажной всё столбичокъ былъ тóчоной,
Столбикъ тóчоной, кажной позолóчоной;
Какъ у кажного столба-та было всё да по колецюшку,
По тому-то было всё по золотý кольцю.
Ай вѣдь есь у мня, у Дюка, добра молодца,
На двори у мня да на конюшномъ всё
Какъ живётъ у мня да петьдесятъ да всё людей робочыихъ;
Ишше есь у мня, у доброго у молодца,
Ишше платьиця живётъ у мня да цьвѣтного—
Мнѣ носить-то будётъ, добру молодцу, въ году на кажной
дéнецекъ,
Носить годъ да по три платья перемѣнныхъ въ день.
Ишше есь у мня, у добра-та всё молодца,
Ишше крышоцька у мня да красна золота;
Золотó у мня крылецюшко паратноё,
Какъ колецюшко у двéрей золотó у мня.
Петьдесетъ у мня вѣдь, всё у добра молодца,
Петьдесетъ-то тутъ у мня всё портомойниць-то;
Тутъ бѣльё они стираютъ у мня, у добра молодца;
Ищэ есь у мня, ищэ у добра молодца,
Шьчо другó у мня-то петьдесятъ да мукосѣйниць-то;
Шьчо ишшé у мня, у добра молодца
Петьдесятъ всё у мня да всё колачьниць-то.
Шьчо у мня-то, у моей-то рóдной матушки,
У честнóй вдовы Омельфы Тимоѳеевны,
Да на стули сидитъ она всё рыта бархáта;

---

[1]) Шьтобы не горѣло.

На коври она сидитъ, на красномъ золоти;
Надьведёно вѣдь надь ей да красно солнышко,
Надьведёно надь ей да младъ сьвѣтёлъ мѣсець,
Надьведёны зори утряны да зьвѣзды частыя,
Вся луна надь ей у мня всё поднебеспая.
У моей-то у родимой всё у матушки
Ише пецьки-ти у ей были мурáвлёны,
Ай помолышко у ей было шолкóвоё;
На помёлышко она вѣдь льётъ воду́ мёдóвую,
Пересыпаетъ она подъ да всё тутъ сахаромъ;
Ай колачики пекётъ она крупнсчаты;—
Тутъ колацикъ-отъ сьѣшь,—другого хочитцэ;
Какъ другой-отъ скушашь—объ третьёмъ душа бажитъ.
Я ищé же, доброй молодець, похвастаю:
Какъ стоитъ-то у мня тынъ серебряной да позолоченой:
Я ищé же, доброй молодець, похвастаю:
У меня въ тыну́ текётъ рѣка медóвая,
Розсыпаитьцé у рѣчиньки всё золота руда;
Я ищé же, доброй молодець, похвастаю:
Не имѣю я коня всё перемѣнного;—
Какъ наводитъ-то мой Бурушко всё каждой день,
Каждой день-то онъ наводитъ, перемѣпятъ, шерсть перемѣпную.—
Какъ свёзали тутъ, сковали добра молодца,
Посадили ево въ тёмьницю во тёмную.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, дородьни добры молодцы,
Вы два руського могучого богáтыря!
Поѣжай въ перьвы́хъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Поѣжай второй Олёшенька Поповичъ младъ;
Опишите вы всё Дюково имѣньицё,
Вы берите-ко черьнилъ да вы зъ бумагами,
Накладите-ко вы больше—лошадиной возъ“.
А наклали они бумагъ, цернилъ всё лошадиной возъ,
Какъ поѣхали они во ту славну Корелу во богатую.
Не доѣхали они да всё до города;
Увидали-то у Дюка крышу на дому его;
Говорятъ-то тутъ они всё таковы рѣци:
„Какъ горитъ, вѣрно, Корелушка богатая!“
Пріѣжаютъ они ко Дюку на широкой дворъ,
Говорятъ-то всё они да промежу́ собой:

„Дюкъ Стёпановичъ, навѣрно, не пустымъ хвастатъ“.
Описали-то они да всё жили три мѣсеця,
Описали они только всё одинъ конюшной дворъ.
Шьчо пошли они поближе, Дюковой искать да ро́дной матушки;
Имъ стрѣцялась-то имъ встрѣту всё имъ женшшина;
Они кланелись ей всё до низко́й земьли:
„Здрастуй, Дюкова ты ро́дна матушка!
Ише Дюкъ-отъ тебѣ да всё поклонъ послалъ
Онъ поклонъ тебѣ послалъ, всё низко кланялсэ“.
Говорила-то тутъ имъ всё женьшина:
— Ище есь-то насъ у Дюка до петидесятъ.
Я не Дюкова-та какъ да ро́дна матушка,
Ище Дюкова я да портомойница.—
Вѣдь пошли они ищэ́ вперёдъ;
Тутъ какъ стрѣтилась имъ да дру́га женшина;
Они кланелись всё ей до низко́й земли:
„Здрастуй, Дюкова да ро́дна матушка!“
— Я вѣдь Дюкова всё да мукосѣйница;
Ище есь-то насъ у Дюка до петидесятъ.—
Тутъ пошли они да всё опять вперёдъ;
Стрѣтилась тутъ имъ да всё вѣдь женьшина;
Ишше кланелись они ей до низко́й земли:
„Здрастуй, Дюкова ты ро́дна матушка!
Ище Дюкъ-отъ тибѣ да всё поклонъ послалъ“.
— Я не Дюкова-то всё вѣдь родна матушка,
Я вѣдь Дюкова всё вѣдь я коласьница.—
Говорятъ-то тутъ дородьни добры молодци,
Шьчо два руського могуцёго богатыря,
Какъ по имени Добрынюшка Микитиць младъ,
А по имени Олёшенька Поповиць младъ:
„Ужъ ты гой еси, да ты всё женьшина!
Доведи-ко насъ до Дюковой да ро́дной матушки—
Описать намъ всё въ доми имѣньицё“.
Тутъ вѣдь доводила она до Дюковой до ро́дной матушки,
До чесно́й вдовы Омельфы Тимоеевны;
Шьчо на стули сидитъ да рыта бархата,
Въ дорогомъ она сидитъ вся въ красномъ золоти.
Они кланелись ей всё до низко́й земьли:
„Здрастуй, Дюкова ты ро́дна матушка!
Ишше Дюкъ-отъ тебѣ да всё поклонъ послалъ,
Шьчо поклонъ-отъ послалъ, да велѣлъ низко кланитце“.
Говоритъ-то ево всё родна матушка:

— Какъ моё-то вѣдь всё дитятко захвасьливо,
Шьчо захвасьливо дитятко моё, всё неуступчиво.
Я про то вѣдь вамъ скажу: онъ не пустымъ хвастатъ.—
Говорятъ-то тутъ дородьни добры молодцы:
„Мы пріѣхали описывать его имѣньицё“.
Говорила родима ево маменька:
— Пусь продастъ-то князь Владимиръ стольне-кіевской,
Ише Кіевъ-отъ продастъ пушай на бумагу-ту,
Онъ Черниговъ пусь продастъ да на чернила-та;
Тогда опишутъ-то, бываръ, ево имѣньицё,
Ише вдо́вей-отъ домъ да всё спротской-отъ.—
Они стали тутъ писать да всё описывать;
Они такъ-то всё на то они поло́жились:
„Какъ писать-то намъ вѣдь нать три годицька,—
Не описать-то намъ будётъ всёго имѣньица“.
Описали-то ево всё платье цьвѣтноё,—
Какъ носить-то надоть платьице всё цьвѣтноё,
На три года нать носить, нать на три мѣсеця,
Кажной день носить-то по три платья перемѣнныя.
Тутъ вѣдь они да росьмѣхнулисе,
Росьмѣхнулисе они, всё удивилисе;
Тутъ всёго они имѣнья оступалисе:
„Шьчо же хвастатъ доброй молодець, насъ не оманиватъ,
Онъ вѣдь бы́ломъ хвастатъ, всё-то былью-ту“.
Пріѣжаютъ они-то скоро ко князю ко Владимеру;
Росказали всё про Дюково имѣньицё.
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Выпускайте вы вѣдь Дюка-ка изъ тёмной тёмници“.
Говорилъ-то всё онъ Дюку таковы рѣци:
„Молодой ты свѣтъ-бояринъ Дюкъ Стёпановичъ!
Ты просьти, просьти миня хошь виноватого,
Ты просьти-ко всё миня, князя Владимера!“
Тутъ садитце скоро Дюкъ Стёпановиць
На своёго то онъ всё тутъ на добра́ коня.
Какъ ударились они съ Цюрилушкомъ всё Пле́нковымъ
Шьчо о ту-ли они заповѣдь великую;
Говоритъ-то всё Чурилушко всё Пле́нковиць:
„У меня-то вѣдь у шубоцьки да есь три пуговки;
Запоётъ у этихъ пуговокъ какъ соловей-тиця“.
Говорилъ-то вѣдь какъ Дюкъ Стёпановичъ:
— У меня-то есь у шубоцьки да всё вѣдь какъ не пуговки;—
Зарыцятъ у меня вѣдь вси зьвѣри рыкучія,

Запоютъ-то вси вѣдь птици иностранныя,—
Зьвеселять-то всѣхъ во городи во Кіеви.—
Говоритъ-то всё Чурило таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, богатой ты бояринъ Дюкъ Стёпановичъ!
Мы поѣдёмъ-ко съ тобой всё на Почай-рѣку;
Перескоцитъ у которово всё конь цѐрезъ Почай-рѣку,
У которого не перескоцитъ, у того нать голова всё съ плець".
Они такъ-то промежу́ собой ударились.
Перескóцилъ-то у Дюка у Стёпановича
Цѐрезъ ту-ли цѐрезъ матушку цѐрезъ Поцяй-рѣку;
Какъ Цюрилушка-та палъ вѣдь доброй кóницёкъ въ Поцяй-рѣку,
Уронилъ-то Цюрилушка въ Почай-рѣку.
Тутъ сталъ-то боярин молодой всё Дюкъ Стёпановиць
Онъ вѣдь вытянулъ Чурила со добры́мъ конёмъ.
Говоритъ-то тутъ Владимиръ-князь да стольнё-кіевской:
„Молодой ты нашъ боярин Дюкъ Стёпановиць!
Шьчо ты знаешь, надь Цюриломъ теперь самъ суди,
Ты суди-ко, Дюкъ да ты Стёпановиць,
Ты суди у мня Чурилушка своимъ судомъ".
Говоритъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановиць:
— Я не буду-ту судить Чурила всё свѣтъ-Плёнковича,
Я тово-ли всё бабъёго угодьничка;
Я оставлю-ту ходить его, всё жить во городи во Кіеви,
Я у ласкового князя у Владимера;
Пушшай зъ дѣвками онъ, зъ бабами онъ управляитце!—
А поѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Стёпановичъ,
Роспрошшаитце со князёмъ со Владимеромъ,
Со княгиной съ Опраксёёй съ Королевишьнёй,
Роспрошшаитце съ Добрынюшкой Никитичомъ,
Роспрошшаитце съ Олёшенькой съ Поповичомъ,
Со всима-ти онъ со руськима съ могучима богáтырьми;
Уѣжаетъ онъ къ родимой къ милой матушки,
Онъ ко той вдовы чесно́й Омельфы Тимоосевны.

16.

Козарушка (Козаринъ).

(У старушки Прасковьи Ивановны, умершей лѣтъ 30 тому назадъ).

Ише былъ же король Петръ Коромы́словъ-отъ;
Да была-то у ёго да доць любимая,

Шьчо единая дочь была любимая
Ишше душочка Настасья Королевисьня;
А вѣдь было у ёго да деветь сыновъ,
Ише деветь сыновъ было, ясныхъ со́коловъ;
Да было́ зародилось-то десято цядо милоё,
Ище мо́лодой Коза́рушка всё Петровиць-младъ.
На родинушкахъ Козариныхъ было пошу́цёно [1],
На родиночкахъ Козарушки попорьтили;—
Отець ёго, мать не во́злюбили́,
Ро́дны братьича его невознавидѣли;
Да хотѣли Козарушку всё конёмъ стоптать,
Да хотѣли Козарушку всё копьёмъ сколоть;
Понесли-то Коза́рина всё свинья́мъ отдать,—
Да увидяла сестриця всё изъ окошецька,
Ище та-ли Настасья-та Королевисьня;
Отьнимала Коза́рина всё у нянюшокъ,
Отьнимала Коза́рина всё у бабушокъ,
Говорила сама имъ таковы слова:
„Вы не сказывайте родному всё вы батюшку;
Вы берите у мня много злата, се́ребра“.
Она стала Козарушку всё покарьмливать,
Она стала Козарушку все пора́шшивать.
У ей скоро Козаршъ да скоро выросъ тутъ;
По полаты-то Козарушка похаживатъ,
Съ ноги на́ ногу Козарушка поступыватъ,
Ище самъ онъ говоритъ всё таковы рѣци:
„Ужъ ты вой еси, молода сесьтриця моя,
Ужъ ты душенька Настасья Королевисьня!
Да спусьти-тко на широ́ку миня на улочку
Поиграть мнѣ со маленькима ребятками,
Мнѣ повырвать у ихъ изъ рукъ руцьки бѣлыя,
Мнѣ повыдерьгать изъ [2]) ножьки-ти у ихъ рѣзвыя,
Оторвать у ново́го съ плець буйна голова“.
Говоритъ ёму Настасьюшка таковы слова:
— Не дозволю, Козарушка, идти на улоцьку;
Изобидишь многи́хъ ты малыхъ дѣтушокъ,
Будёшь много сьлезить-то отцёй, матушокъ.—
Какъ проходитъ тому време-то—одны сутоцьки;
Говоритъ опять Козарушка таковы рѣци:

---

[1]) Попо́рьцёно—волшебные люди.

[2]) Вѣроятно, здѣсь сказательница выпустила неприличное слово. *Собир.*

„Не хощю сидѣть, сестрица, въ полатахъ бѣлокамянныхъ;
Ты спусьти-тко поиграть миня всё съ ребятками.
Роскажи мнѣ-ка, сесьтрицюшка, не утай про то:
Ище есь ли у меня-то ро́дёнъ батюшко,
Ище есь ли у меня-то ро́дна матушка?“
Говорила родима ему сесьтриця-та:
— У тя есь на роду-ту родной батюшко,
Ише есь у тя, Козаринъ, родной батюшко —
Ише тотъ же король-отъ Пётръ-отъ же;
На родинушкахъ они тибя не возлю́били,
Да хотѣли, Козарушка, тибя конёмъ стоптать,
Да хотѣли, Козарушка, тибя коньёмъ сколоть,
Да хотѣли Козарушку сьвиньи́мъ отдать. —
„Дакъ скажи-ко, сесьтриця, видно, я вѣдь—королевськой сынъ?“
— Королевськой ты сынъ, мнѣ родной брателко. —
„Я не буду сидѣть въ полатахъ бѣлокамянныхъ;
Посмотрю я пойду народа, людей многіихъ,
Людей многихъ, народу, православныихъ.
Хоть не спустишь меня, се́стриця родимая,—
Я отвбрю окошецько косисцято“.
А вѣдь скоро она выпускать волёй,
Выпускать ёго крылецюшкомъ паратнымъ,
Шьто сама она Козарушки наказывать:
„Ты недолго ходи, Козарушка Петровиць младъ,
Шьчобы дѣтушки тибя не изобидѣли“.
Говоритъ-то Коза́ринъ таковы слова:
— У тя нѣтъ ли, сесьтриця, палици тяжолою,
Шьто така, шьчобы была мнѣ сорока пудовъ;
Я на улоцьки съ ребятками управлюсь тутъ. —
Тутъ заплакала Настасья Королевисьня:
„Немалу́ я теперь шутоцьку нашу́тила!
Я спусьтила Козарушку по бѣлу́ сьвѣту;
Онъ убьётъ теперь во городи много малыхъ дѣтоцёкъ“.
Онъ приходитъ къ ребяткамъ, къ малымъ дѣтоцькамъ;
Всѣ ребятушка тому, стоятъ, удивляютце,
Дорогому-то ёго всё платью цьвѣтному.
Онъ вѣдь сталъ-то съ ребятками всё поигрывать.
Какъ вѣдь мудрой-отъ которой, всё подальше проць,
Онъ подальше проць всё подвигаитце;
А разумной-отъ которой, всё выспрашиватъ:
„Ты скажи, скажи, дородьнёй ты мла́дой доброй молодець:

Ишше какъ-то зовутъ тибя по имени,
Зьвеличать-то тибя вѣдь какъ по отечесьву".
Отвѣчаётъ Козарушка всё ребятушкамъ:
— Какъ зовутъ мипя Козарушка, королевськой сынъ;
Я живу-ту съ Настасьей съ Королевисьнёй.—
Тутъ ребятушка скоро всѣ росьсмѣхнулисе:
„Да какой-то пришолъ, бродяга деревеньская,—
Называитце всё сыномъ королевськімъ".
Ише тутъ вѣдь Козарушки за бѣду стало,
За надсмѣшоцьку велику цоказалосе;
Онъ выдёрьгиватъ плётоцьку шолкóвую,
Онъ вѣдь сталъ-то плётоцькой въ ихъ побрасывать;
Онъ вѣдь за руку возьмётъ—руку проць вѣдь оторвётъ,
Онъ вѣдь за ногу возьмётъ—ногу онъ вѣдь оторвётъ,
Онъ за голову возьмётъ—голова и проць летитъ;
Онъ прибилъ-то ребятоцёкъ полъ-сотни всѣхъ.
Да приходятъ къ королю они подъ окошоцько:
„Обирай-ты всё, король, Козарушку всё королевица".
Говоритъ-то король всё таковы рѣци:
— Навѣку я Козарушку всё не видывалъ,
Про Козарушку вѣдь я вѣдь не слыхалъ некакъ.—
Да пошолъ скоро Козарушко къ рóдной сёсьтрици,
Ишше къ той-ли Настасьи Королевисьни:
„Ты пойди проси у батюшка мнѣ добрá коня,
Ты пойди проси, Настасьюшка, копья вострого,
Ты поди проси ты сабельки мнѣ-ка вострою,
Ты проси мьнѣ-ка палици богатырьскою".
Говорила Настасьюшка Козарушки:
—Были матушки, отци [1]) теперь подъ окошоцькомъ;—
Твой вѣдь батюшко отьпёрсэ всё отъ Козарушки,
Онъ некакъ тебѣ не признаваитце.—
Тутъ немного Козарушка розговаривалъ.
Онъ вѣдь скоро бѣжалъ-то на широкой дворъ,
Съ широкá двора бѣжалъ всё во конюшну-ту,
Онъ сѣдлалъ-то собѣ скоро добрá коня,
Всё добра сибѣ копя-то всё богатырьского,
Онъ вѣдь скоро бралъ себѣ палицю тяжолую,
Онъ вѣдь бралъ себѣ сѣдёлышко черкальское,
Надѣвалъ вѣдь на коня узду цесьмяпую;
Онъ садилсэ тутъ скоро на добрá коня,

[1]) Убитыхъ Козарушкой дѣтей. *Собир.*

На добра коня садилсэ на богатырьского,
Да поѣхалъ Козарушко куда Бохъ велитъ,
Куда Бохъ ёму велитъ, куда глаза гледятъ;
Запостýпывалъ ёго-то всё вѣдь доброй конь,
Запоступывалъ онъ въ ту-ли дорожку, во чистó полё
Посьлѣ ёго былó посьлѣ бываньица,
Истопили Настасьюшки пáрну бáнёцьку;
Уцёсала головушку рóдна матушка,
Уплёла-то у ей она трубцятý косу,
Овивала у ей она краснымъ золотомъ,
Усадила у ей она скатнымъ жемцюгомъ;
Говорила ей матушка родимая:
„Не ходи-ко, Настасьюшка, свѣтлой улоцькой,
Ты поди-ко, Настасьюшка, широкíмъ дворомъ“.
Не послышала наказу рóдной матушки,
Да пошла она Настасьюшка свѣтлой улочкой.
Налетѣло три ворона, всё три кáркуна,
Подхватили Настасью Королевисью,
Унесли ей на гóру-ту Арависькую
Да хотѣли Настасьюшки срубить у ей буйну голову.
Какъ во ту вѣдь пору было, во тó время,
Не есёнъ-то соколъ скорó пролётывалъ,
Какъ дородьнёй-отъ молодець наѣхалъ тутъ
Да по имени Козарушка королевськой сынъ;
Онъ прибилъ, притопталъ-то всё тотаръ тутъ всихъ,
Самъ у дѣвици сталъ выспрашивать;
А дѣвúця-та плацётъ, какъ рѣка текётъ,
Ише красна возрыдаетъ, какъ рýцья шумятъ:
„Какъ вецёръ у мня матушка на сьвятой Руси,
На сьвятой Руси головушку у мня учёсала,
Заплёла она мою трубчату косу,
Овивала у мня она краснымъ золотомъ,
Пересы́пала у мня она скатнымъ жемцюгомъ.
Ище была-то вѣдь я-то королевська доць;
А вѣдь было у короля на сьвѣти много всѣхъ:
А вѣдь было у ёго деветь сыновъ, ясныхъ соколовъ,
Да родилсэ у ёго всё былъ десятой сынъ
Ише тотъ-ли Козарышко Петровиць младъ;
На роду былó Козарушки попóрцяно;—
Какъ отець ёго, мать невознавидѣли;
Я попла Козарушку до возросту,
Да Козарушка у мня богатырь всё примогучія,

Изъ неволи бы Козарушка миня выруцилъ!“
Соходилъ тутъ Козарушко со добра́ копя,
Онъ вѣдь бралъ-то Настасьюшку за бѣлы́ руки,
Онъ вѣдь падалъ сесьтрици во рѣзвы́ ноги:
— Ты оть смерьти, сесьстриця, миня избавила;
Какъ моё-то добро къ тебѣ назадь пришло:
Ише я тибя, сесьтрицюшка, повыруцилъ,
Я избавилъ тибя смерти напрасныя.—
Пріѣжаютъ къ королю прямо на широкой дворъ;
Какъ стрѣцятъ король всё Настасьюшку,
Всё Настасьюшку стрѣцятъ свою Королевисьню,
Не признаётъ Козару-ту королевиця;
Онъ вѣдь сталъ у Настасьи король выспрашивать:
„Ты скажи-ко-се, моя ты дочь любимая,
Скажи, душенька Настасья-свѣтъ Королевисьня,
Это хто съ тобой пріѣхалъ, какой же богаты́рь сильнёй;
Я могу-то ёго-то скоро́ пожаловать
За ёго за добро-то за великоё:
Могу дать ёму городъ всё съ посёлками“.
Говоритъ-то Настасьюшка таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, батюшко любимой мой!
Ты имѣшь миня за доць, Настасью Королевисьню,
Поциташь токо миня всё за родимую,
Я скажу-то про молодца, тебѣ повѣдаю:
Я про сильнёго могуцёго про бога́тыря,
Про того тебѣ Козарушку, сына милого.—
Тутъ какъ бралъ ёго король скоро за праву́ руку,
Чѣловалъ ёго король въ уста въ саха́рныя,
Обнималъ ёго король своей право́й рукой:
„Я приму теперь Козарушку за родна́ сына́,
Благословлю теперь Козарину королевьство всё
Я за выслугу ёго за богатырьскую;
У мня будётъ Козарушка королёмъ’сё жить,
Ище будётъ владѣть всимъ королесьвицёмъ;
Ише вси будутъ ёму, пушшай поклоняютце“.

17.

Михайло Петровичъ (Козаринъ).

(У матери).

Ише было жило у короля девѣть сыновъ,
Зародилосе у короля десята доць

Ише душоцька Настасья Королевисьня;
Послѣ того-то зародилсэ у ихъ всё десятой сынъ
Ише на́ имя Михайло королевиць сынъ.
А отець Михайлушка, ни мать не во́злюбилъ,
Ро́дны братьица ёго невознавидѣли;
Захотѣли Михайлушка конёмъ стоптать,
Захотѣли Михайлушка копьёмъ сколоть.
А увидяла родима ёго се́стрица
Ише та-ли Настасья Королевисьня,
Да брала она Михайлушка да на бѣлы́ руки,
Уносила Михайлушка въ свои палаты бѣлы-камянны,
Ай поила, кормила, ёго ро́сьтила.
Ище сталъ у ей Михайлушко двѣнадцеть лѣтъ,
Ище сталъ-то Михайлушко у ей выспрашивать:
„Ужъ ты гой еси, дѣви́ця-душа красная!
У меня есь ли на роду-то ро́дной батюшко,
У меня есь ли на свѣту на бѣломъ ро́дна матушка,
Ишше есь ли у меня да ро́дны братьица,
Ишше есь ли у меня да родны се́стрици?“
Какъ спрого́воритъ Настасья Королевисьня:
Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровиць младъ!
Ише есь-то у тебя на свѣти родной батюшко,
Ише тотъ-ли король да Коромысловъ Пе́тръ,
Ише есь-то у тебя на свѣти ро́дна матушка,
Ише есь у тебя на свѣти деветь братьи́цей,
Ише е у тя, десятой-отъ — ты, да младъ есёнъ соко́лъ;
И сестрицъ-то у тибя да толькы я одна,
Тольке я одна Настасья Королевисьня,
Королевисьня-та я ише́ Петровна же.
А какъ ты-то родилсэ когды малёшенекъ,
На родинушкахъ тебѣ было пошу́цёно;
Ро́дёнъ батюшко-то съ матушкой тебя невознавидѣли,
А хотѣли тибя, Михайлушко, придать тебя къ сме́рти́ ко скорыя,
А хотѣли тибя, Михайлушко, свинья́мъ отдать;
А увидяла вѣдь я да всё сама тибя,
А брала-то тибя да на бѣлы́ руки,
Уносила тибя въ полаты я да всё высокія;
Я поила тибя, корьмила всё какъ ро́сьтила.—
Тутъ вѣдь палъ ей Михайлушко въ рѣзвы́ ноги:
„Ужъ ты ми́ла моя се́стриця любимая,
Молода моя Настасья Королевисьня!

Ты умѣла миня отъ смерьти всё избавити,
Ты умѣла миня да всё споить-скормить, возро́сьтить всё; —
Попрошу объ цёмъ, тибѣ я поконаюсе:
Ты поди-сходи-ко къ батюшку къ родимому,
Ты проси поди у батюшка мнѣ-ка добра́ коня,
Ты проси поди у батюшка-то мнѣ да сабли вострою,
Ты проси поди у батюшка да копъя вострого,
Ты проси поди сѣдёлышка чиркальского,
Ты проси поди у батюшка всё збруи богатырьскія".
Тутъ Настасья Королевисьня всё не ослышилась;
Она скоро приходитъ къ ро́дпу батюшку,
Пала батюшку Настасьюшка въ рѣзвы́ ноги́:
„Дай-ко, батюшко, ты мнѣ да всё добра́ коня,
Мнѣ добра ты коня всё богатырьского;
Дай ты, батюшко, ты мнѣ да всё востра́ копья,
Всё востра-та копья да брозаменьского;
Дай ты, батюшко, сѣдёлышка чиркальского,
Дай ты палици мнѣ, батюшко, цяжолою,
Дай ты всю же мнѣ-ка збрую богатырьскую".
Говоритъ-то батюшко Настасьи таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Настасья Королевисьня!
Какъ кому у тя, Настасья, всё конёмъ владѣть?
Ишше некому владѣть всей сбруей богатырьскою.
„У мня есь вѣдь возро́шшонъ милой-отъ родимой бра́тёлко
Ишше мо́лодый Михайло-королевиць младъ:
Я ёго отъ смерьти всё избавила,
На своихъ я на бѣлы́хъ рукахь возро́сьтила".
Говоритъ король Настасьи Королевисьни:
— Ты когды была, Настасья, доць мнѣ-ка любимая;
Ужъ ты здѣлалась нонѣ доць постылая.—
Ай пришла-то Настасья, приросплакалась,
Ро́дну брателку своёму прирозжалилась:
„Не даватъ-то батюшко, Михайлушко, тибѣ добра́ коня,
Не даватъ тибѣ вѣдь батюшко да богатырьского!"
Говоритъ-то Михайло таковы рѣци:
— Ты не плаць-ко-се, родима моя се́стрица,
Молода же ты Настасья Королевисьня!
Я пойду-схожу ко ботюшку всё на широкой дворъ,
Я возьму же коня все самолучьшого.—
Онъ вѣдь взялъ коня да самолучьшого,
Самолучьшого коня да богатырьского,
Онъ поѣхалъ скоро съ широка́ двора;

Не поѣхалъ онъ, да не воротами,—
Че́ресъ тынъ скакалъ да ёго доброй конь;
А поѣхалъ Михайлушко въ чисто́ полё;
Во чисто́мъ-то поли́ да курева́ стоитъ,
Курева-то стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.
А пріѣхалъ Михайлушко въ цисто́ полё;
Онъ вѣдь ѣздилъ по цисту́ полю, поляковалъ,
Онъ вѣдь ѣздилъ немного, немало—цѣлой мѣсець-отъ;
Нецёго не могъ паѣхать во чисто́мъ поли,
Онъ не старого не могъ, да всё не малого,
Не бога́тыря не могъ, не полени́ци преуда́лыя [1]).
Придумалось ёму же съѣзьдить на круту́ гору́;
На круту гору пріѣхалъ онъ да во темны́ лѣса;
Тамъ услышилъ онъ, да вѣдь какъ шумъ шумитъ,
А какъ шумъ шумитъ, да ише гамъ гами́тъ.
Онъ подался немножко по тёмны́мъ лѣсамъ;—
Во тёмно́мъ-то лѣсу всё три розбойника,
Три розбойника да они дѣлъ дѣля́тъ [2]):
На перьво́й-отъ пай кладутъ да красно золото,
На другой-отъ пай кладутъ до цисто се́ребро,
На третёй-отъ пай кладутъ да красну дѣвицю.
А какъ пе́рьвой-отъ тотаринъ всё спрого́воритъ:
„Ты не плаць, не плаць, дѣви́ця-душа красная,
Ты не плаць, не плаць, Настасья Королевисьня!
Ты на мой-отъ, дѣви́ця, пай достанисьсе,—
Увезу-то я тебя во земьлю во невѣрную,
Я вѣдь буду корьмить тибя вѣдь всё да кобылятиной“.
Ай заплакала дѣви́ця пушше старого:
— Заплели у мня ко́су да на святой Руси;
Росьплетутъ у мня косу́ да въ проклято́й Литвы!—.
А другой-отъ тотаринъ да спрого́ворилъ:
„Ты не плаць, не плаць, дѣви́ця-душа красная!
Ай на мой-отъ ты вѣдь пай да какъ достанисьсе,
Отсѣку у тя по плець я буйну голову“.
А третёй-отъ розбойникъ-отъ спрого́воритъ:
„Увезу, тебя, дѣвиця, во своё мѣсто;
Я поить, кормить тебя буду бѣлы́мъ хлѣбомъ,
Я поить-то тебя буду сла́дко́й водой мёдо́вою“.
Говоритъ-то Михайлушко да таковы рѣци:

[1]) Женьской родъ, богаты́рици были въ старо время; ѣздили въ мужьсь комъ платьи;—въ старинахъ названо.

[2]) Имѣнье,—награбили гдѣ-то.

„Ужъ ты гой еси, да всё розбойницьки!
Ужъ вы дайте-тко-се мнѣ-ка хошь вы по́лъ-пая;
А хошь не дава́ите да мнѣ-ка злата, се́ребра,
Ужъ вы дайте-ка мнѣ хошь красну дѣвицю".
Говорятъ-то тутъ ёму да всё розбойницьки:
— Не даймъ-то мы тебѣ не злата и не се́ребра,
Не даимъ-то мы тебѣ да красной дѣвици.—
Онъ вѣдь перьвого розбойника конёмъ стопталъ,
Онъ вѣдь дру́гого розбойника коньёмъ скололъ,
Онъ третьёго-то розбойника да всё на во́лю̀ спустилъ [1]);
Посадилъ онъ дѣви́цю на добра́ коня,
На добра́-та коня да впереди собя,
Онъ повёзъ-то дѣви́цю на святую Русь;
Онъ вѣдь сталъ-то у ей да всё выспрашивать:
„Ты скажи, скажи дѣви́ця-душа красная:
Ты какого ты роду, какой племени,
Ты какой же земли, какого города?"
— Ужъ я роду-ту вѣдь всё да королевського,
Ужъ я доць-то всё Петру да Коромыслову. —
„Я вѣдь тоже роду королеського,
Я вѣдь тоже сынъ Петру да Коромыслову".
— Какъ спасибо же тебѣ, да ро́дной брателко!
Ты повыруцилъ миня да изъ неволюшки.—
„А спасибо тибѣ всё же, ро́дна се́стриця,
Ты Настасья же свѣтъ-Королевисьня!
Ты спонила миня, скорьмила всё малёхонько́гӧ;
А твоё-то мнѣ добро вѣдь наперёдъ зашло.
Повезу-ту я теперь тибя да къ ро́дну батюшку".
Повёзъ-то онъ вѣдь ей да въ королесьво-то;
Онъ прiѣхалъ къ батюшку-ту подъ коисьцято окошецько,
Онъ скрыцялъ-то своимъ вѣдь зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, король да Коромысловъ Пе́тръ!
Да была ли у тибя да ро́дна доць твоя?"
Отвѣчаётъ отъ-король ёму скорёхонько:
— Какъ была-то у меня вѣдь доць родимая,
Молода у мня Настасья Королевисьня.—
„Ишше былъ ли у тибя да ро́дной дитятко,
Какъ Михайлушко у тя да младъ Петровиць-отъ?"
Отъ Михайлушка король да отпираитце:
— Ты бери-тко у меня да злата, се́ребра,

[1]) Которой хотѣлъ поить, кормить.

Ты поставь-ко своё да ты востро́ копьё,
Ты во матушку поставь да во сыру землю;
Я обсыплю тебѣ копьё-то краснымъ золотомъ.—
Говоритъ-то Михайло таковы слова:
„Не признашь токо своё да цяда милого,
Молодого-то Михайла-королевиця,—
Не отдамъ токо твою тибѣ любиму доць“.
Отпиралъ король окошецько косисьцято:
— А вѣдь былъ у мня на роду Михайлушко,
А Михайлушко-то былъ у мня Петровиць младъ.
Возлюблю теперь Михайлушка я пушше всѣхъ,
Посажу теперь Михайла на своё мѣсто,
На своё-то я на мѣсто королевськое,
Отдава́ю Михайлушку-ту всю державу королевськую,
Шьто повыруцилъ у мня-то доць любимую,
Ишше ту-ли да Настасью Королевисьню.—

18.

Князь Романъ и Марья Юрьевна.

(У подруги и ея тетки—старушки Авдотьи Киприяновны).

Ишше было во городи во Цари́гради,
Ишше жилъ-то Романъ да князь Ивановиць;
Ай была-то кнегина-та Марья всё вѣдь Юрьевна.
Онъ вѣдь ѣзьдилъ, Романушко, въ дальни города,
Собирать-то онъ ѣзьдилъ дани-пошлины;
Обратилсэ домой толькe ненадолго-то,
Опять прóжилъ во гради толькe полъ-мѣсеця;
Поѣжжаётъ опять да во Большу́ землю,
Во Большу-ту въ земьлю́-ту онъ за пошлиной.
Унимаетъ Романушка молода жона,
Молода ево жона-та всё Марья Юрьёвна:
„Ты не ѣзьди, Романъ-отъ князь, во Большу землю,
Очышшать-то не ѣзди ты дани-пошлины,
Дани-пошлины ты вѣдь всё прошлогодныя,
Шьто за тѣ-ли за годицьки всё за прошлыя:
Мнѣ ноцесь мало спалось, много во сняхъ видялось:
У миня-то вѣдь будто да на правой руки,
Золотой-отъ перьстень у миня россы́палсо“.
А не слушаётъ Романъ-отъ да князь Ивановиць,
Онъ не слушаётъ своей-то всё молодой жены,
Молодой-то жоны своей Марьи Юрьёвны;

Отьѣжаётъ всё князь-отъ съ широка́ двора.
Че́резъ дво́и-ти было ра́вно́ сутоцьки,
Со восточью-ту было со стороноцьку
Да со славного-то сиия солона́ моря
Тамъ идётъ-то три ка́рабля всё цёрнёныихъ
Да приходятъ во гавань князю къ Роману-то.
Выздымаютъ они всё флаки́ шелко́выя,
Да мостятъ-то всё мосты они дубовыя,
Настилаютъ всё су́кна-та одинцёвыя.
Тутъ приходитъ поганоё всё Идолишшо [1]),
Онъ приходитъ тутъ скоро къ Роману-ту въ полатушки,
Во полатушки приходитъ всё въ бѣлокаменны,
Онъ приходитъ со Васькой-то съ Торокашкомъ всё:
Ишше знаётъ вѣдь Васька языкъ руськія.
Говоритъ-то вѣдь Васька да таковы рѣци:
„Ище гдѣ у васъ Романъ-отъ свѣтъ-Ивановиць?“
Отвѣцяётъ кнегина-та Марья Юрьёвна:
— Какъ Романъ-отъ у насъ-то уѣхалъ во Больша́ землю́,
Оцышшать же уѣхалъ-то дани-пошлины.—
Говоритъ-то вѣдь Васько-то таковы слова:
„Ты пойдёмъ-ко, кнегина Марья Юрьёвна,
Ты сними у мня товары съ цёрныхъ ка́раблёй“.
Она стала-то всё у нхъ выспрашивать:
— Шьто у тя товаръ-отъ на цёрныхъ ка́рабля́хъ?—
„У меня вѣдь товары-ти всяки-разныя:
Цёрны соболи у мня вѣдь есь сибирьскія,
Ясны соколы у мня вѣдь есь заморьскія,
Да шолки́-ти у мня есь вѣдь всяки-разныя,
Ишше сукна у мня всяки-розноличныя,
Ишше всяки напитки, каки́ вамъ надобно“.
Набрала она много-то золотой казны,
Золотой-то казны берётъ несцётну тутъ.
Говорятъ-то ей нянюшки-ти, матушки,
Говорятъ-то вси-ти её прислужинки:
„Не ходи-ко-се, наша мила́ хозяюшка,
Ише та-ли кнегина ты Марья Юрьёвна!
Увезётъ тебя Васька Торокашка-та,
Торокашка-та Васька-та сынъ Замо́ренинъ,
Увезётъ онъ тебя-то вѣдь за сине́ морё“.
Говорила она-то имъ таковы рѣци:

---

[1]) На другомъ-то карабли́—сильней могуцёй бога́тырь.

— Я не буду сидѣть, съ имъ розговаривать;
Откуплю скорѣ товары-ти вси заморьскія.—
Говорятъ-то въ глаза ёму всё вѣдь пянюшки:
„Не торговать ты пришолъ, Васька,—воровать пришолъ!
Увезти хошь у Романа-та молоду жону,
Молоду-ту жону-ту да Марью Юрьёвну".
Потихошеньку Марьюшка всё сряжаитце,
Поскорёшеньку всё она собираитце (?);
Надѣваётъ на сибя-то она кунью шубу,
Ишше кунью-ту шубоцьку, соболиную,
Да пошла-то она по мостамъ дубовыимъ,
Да идётъ она по сукнамъ всё одинцёвыимъ;
Какъ стрѣцяётъ ей Васька Торокашко-то,
Торокашка-та Васька сынъ Заморенинъ;
Онъ стрѣцятъ ей на палубу на хрустальнюю,
Онъ ведётъ ей въ каюту-ту красна золота;
Онъ нанёсъ ей товаровъ-то всякихъ-разныихъ,
Говоритъ онъ ей самъ-то да таковы рѣци:
„Выбирай-ко въ товарахъ-то, ты росматривай;
Я пойду-ту, схожу-ту скоро на палубу".
Загледѣлась она-то да на товары-ти,
Забыла оманы-ти всё вѣдь Васькины,
Да не спомнила лукаства Торокашкова.
Говорилъ онъ потихоньку всё матросицькамъ:
„Постарайтесь вы, младыи всё матросики:
Не берите вы мостовъ, всё мостовъ дубовыихъ,
Не троните вы сукновъ-то одинцёвыихъ,
Вы откуйте потихонецько якоря булатныя;
Увезёмте къ царишшу мы Грубіянишшу,
Увезёмте-тко Марью-ту за ёго замужъ".
Самъ уходитъ опеть скоро во каюту-ту.
Отковали они вѣдь якоря булатныя,
Подымали они-то вѣдь скоро тонки паруса.
Говоритъ-то кнегина-та таковы рѣци:
„Шьчо ты Васька Торокашко ты сынъ Заморенинъ!
Ише шьчо у васъ церьнёнъ карабь пошевеливатъ?"
Говорилъ-то вѣдь Васька сынъ Заморенинъ:
— А пришала-то съ моря вѣдь всё погодушка;
Отъ того же карабь у насъ пошевеливатъ.—
Россталась за три-то цернёны карабли—
Да за тѣ она товары за заморьскія,
Да сама она съ Васькой всё роспрошшаласе;

Какъ выходитъ на палубу на хрустальнюю,—
Ище мать, родима своя-та да ми́ла сто́рона!
Будто бѣлы лебеди тольке зля́тываютъ [1]).
Она тутъ-то вѣдь сле́зно взяла заплакала:
„Ужъ ты гой еси, Васька ты, Торокашко ты,
Торокашко ты Васька да ты Замо́ренинъ!
Не торговать ты пришолъ, тольки воровать пришолъ“
Какъ приходятъ къ цари́шшу-ту Грубія́нишшу,
Да заходятъ во гавань-то ко царишшу-ту,
Вызнимаютъ на радости флаки шолко́выя.
Недосугъ тутъ царишшу-ту дообѣдывать!
Онъ вѣдь скоро бѣжитъ да въ ти́ху гавань-то,
Онъ вѣдь скоро убиратъ-то мосты дубовыя,
Онъ вѣдь скоро настилатъ да ковры новыя,
Да росшиты ковры были краснымъ золотомъ;
Онъ вѣдь скоро заходитъ на цёрнёнъ карабь,
А берётъ-то ей тотаринъ всё за праву́ руку,
Онъ за тѣ ей за перьсни всё за злацёныя,
Ишше самъ онъ, тотаринъ, всё усмѣхаитце:
„Ужъ я кольки по бѣлу́-ту свѣту́ не хаживалъ,—
Я такой тибя, красавици, не нахаживалъ“.
„Я хоть дамъ тибѣ, Васька всё Торокашко ты,
Торокашко ты Васька да сынъ Заморенинъ,
Подарю за твою тибѣ за услугушку
Я-то три-то цёрнёныхъ большихъ ка́раблёй
Со всима́ я тибѣ со матросами.
Ты торгуй-ко поди цёрнёны вси ка́рабли,
Ты поди-ко-се, Васька, на сибя торгуй“.
Уводилъ-то вѣдь всё да Марью Юрьёвну
Во свои-ти полаты всё во царьскія,
Онъ поставилъ вѣдь стражу-ту кругомъ дому-то,
Онъ крѣпки́хъ-то вездѣ да караульщиковъ,
Онъ заде́рьгивалъ окошецька вси косисцяты
Онъ желѣзною цястою всё рѣшоткою.
Повелось-то на радости тутъ поцесёнъ пиръ;
Напи́валсэ цари́шшо-то всё поганоё,
Напи́валсэ до пья́на онъ зелёны́мъ виномъ,
Напивалсэ, собака, онъ пивомъ пьянымъ.
Какъ во ту вѣдь пору, всё было́ во то время,
Какъ молилась вѣдь Марьюшка Богу-Господу

---

[1]) Съ лебедями сравниваются, конечно, гребни волнъ. *Собир.*

Да прецистой царици-то Богородици:
„Сохрани миня, спаси ты, Боже, помилуй-ко
Отъ того-то отъ тотарина отъ поганого;
Ужъ ты дай мнѣ, Господи, путь-ту мнѣ способную—
Хоть бы выйти на широ́ку свѣтлу улицю.
Я скоцю лучше, я по́йду на Почай-рѣку,
Ухожусь лучше пойду́ отъ своихъ я рукъ!“
Не згленётце́ поганому-ту тотарину;
Скоро за́спалъ тотаринъ-отъ Грубіянишшо,
Онъ крѣпки́мъ-то сномъ за́спалъ всё богатырьскимъ-то.
Какъ по Божьёй-то было всё по́ милости,
Да по Марьюшкиной было всё по уце́сти:
Напили́сь-то тотара-та, вси вѣдь за́спали.
Какъ выхо́дитъ она всё до караульшицьковъ,
Да даватъ имъ горсьёмъ она красна золота;
Ишше вси-ти ей скоро пропускаютъ-то;
Да пошла-то она да Богу молитце́,
По широкой пошла по свѣтлой улици.
По ее́-то было́ да всё по шьчасьицу:
Да слуцилось въ то время всё въ полноць-время;
Ишше спалъ-то цари́шшо вѣдь трои сутоцьки.
Не, слезами, идётъ больше уливаитце́,
А питаитце́ всякима она фруктами;
Далеко́ она ушла у насъ въ трои сутоцьки;
Какъ приходитъ она всё ко Почай-рѣки:
„Мнѣ скоцить мнѣ-ка развѣ ужъ во Почай-рѣку,
Утонуть-то мнѣ развѣ отъ своихъ же рукъ?
Не достанитце́ мое-то хошь тѣло бѣлоё
Всё тому-то-ли хоть тотарину всё поганому.
Сохранилъ теперь Осподь отъ ёго, помиловалъ“.
Обтирала свои она горюци́ слёзы́.
Подъ глазами—вѣдь лодоцька съ перевошшикомъ;
Говоритъ перевошшикъ ей таковы рѣци:
„Ты садись скоре́ въ мою-ту, кнегина, лодоцьку;
Я направлю тибя вѣдь на путь, на истину,
Я на ту тибя дорожоцьку на широкую“.
Какъ даватъ перевошшику красна золота.
„Мнѣ ненадоть твоё-то вѣдь красно золото“.
Перевёзъ-то онъ ей да сталъ невидимо;
Какъ открылась дорожоцька ей широкая.
Тутъ проснулсэ цариишо-то Грубіянишшо;
Рознимаетъ скоро онъ книгу́ волшебную:

„Вы подите возьмите—за Почай-рѣкой“.
Какъ пришли-то къ Почай-рѣки по́слы посланы;
Да текётъ славна матушка всё Почай-рѣка,
Въ ширину-ту текётъ рѣка, текётъ широкая,
Въ глубину-ту рѣка очунь глубокая.
Говорятъ-то послы они таковы слова:
„Ужъ мы скажемъ царишшу всё Грубіянишшу:
Утонула, мы скажомъ, шьто во Почай-рѣки“.
А пріѣхалъ Романъ-отъ вѣдь изъ Большой земли;
Онъ искалъ-то вѣдь ей да по всимъ городамъ;
Подошолъ онъ войной вѣдь подъ царишша-та,
Онъ прибилъ-то вѣдь со ста́рого и до малого,
Самого-то царишша взялъ на огни сожёгъ;
Ишше Васька-то Торокашко да на убѣ́гъ ушолъ.
Ишше самъ онъ [1]) воротилсэ онъ во свой же градъ,
Онъ во тотъ вѣдь во славной Ерусалимъ же градъ.
Да прошло тому времени всё три годицька;
Да на то вѣдь ужъ князь-отъ всё роздумалсэ:
„У мня нѣтъ теперь живой, видно, Марьи Юрьевны!“
Какъ прошло вѣдь тому времени равно три года.
Какъ задумалъ жениться-то князь Романъ Ивановичь;
Онъ сосваталъ себѣ тоже княженеську доць.
Онъ послалъ-то полѣ́сьницька всё полѣ́совать;
А полѣсьницёкъ былъ онъ исъ простыхъ родовъ,
Исъ простыхъ-то родо́въ-то да былъ изъ бѣдносьти;
Онъ стрѣля́ть-то послалъ его гусей, ле́бедей,
Онъ перна́сцятыхъ меленькихъ всё вѣдь утоцёкъ.
А приходитъ княгина-та Марья Юрьевна,
Да приходитъ близёхонько всё къ полѣсьницьку;
Какъ завидяла она, видитъ, шьто муськой вѣдь по́лкъ,—
Она сѣла за ку́тъ, сама притули́ласе,
Говорила сама ёму таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, мла́денькой ты полѣсьницёкъ!
Ты подай-то мнѣ своё-то хоть платьё верьхнёё,
Пріодѣнь моё-то тѣло на́гоё.
Не ходи ты ко мнѣ-то самъ близёхонько,
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка ты пріобдѣтьце-то;
Я сама-та приду-то да я тогда къ тобѣ.
Не убойсе миня ты, бѣдно́й погибшою,

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о Романѣ; но у него оказывается новая столица—Іерусалимъ. Путаница объясняется тѣмъ, что оба города попали сюда изъ былины о Соломанѣ (№ 23). *Собир.*

Не устрашись ты миня-то, бѣдной, безцясною;
Я вѣдь роду-ту, роду непростого-то,
Я вѣдь роду-ту, роду, да роду царьского,
Ужъ я вѣры-то, вѣры-то православною".
Онъ вѣдь скоро скинывалъ-то да платьё верьхноё;
Она скоро одѣвала ёго платьицё,
Она скоро идётъ къ полѣсьницьку на рѣци:
„Ужъ ты здрастуй-ко, младенькой ты полѣсьницёкъ!
У тя пѣтъ ли цёго-нибудь подорожницьковъ?
Покорьми ты мою-ту да душу грѣшную.
Ты скажи-ко, полѣсьницёкъ, ты какой, откуль".
— Я хожу-ту, хожу исъ Царяграда,
Я стрѣляю хожу всё гусей, лебедей,
Я пернасцятыхъ всё стрѣляю утоцёкъ
Я на свадьбу-ту всё князю Роману-то.—
Говоритъ-то она ёму таковы рѣци:
„Неужли у васъ Романъ-отъ князь не женилсэ-то?"
— Нскакой у насъ Романъ-отъ князь не женилсэ-то;
Ишше тольке вцерась онъ сосватался;
А сёгодне-то будётъ всё смотрѣньё-то,
Ище завтра-то будётъ всё вѣнчаньицё.—
Какъ пришли они съ полѣсницькомъ на широкой дворъ,
Да сказала она-то полѣсницьку по тайности:
„Ишше я вѣдь—Романова молода жона,
Молода-та жона вѣдь я, Марья Юрьёвна".
Наливаётъ Романушко всё полѣсьницьку,
Наливаётъ съ остатку-ту пива пьяного [1]).
Говоритъ-то полѣсьницёкъ таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Романъ ты князь Ивановиць!
Ты налей-ко моёму-то бѣдному товарышшу,
Ты налей-ко ёму тольки мёду сладкого;
Поднеси-ко-се, князь-то, да вѣдь какъ самъ ёму".
Ище князю-ту тутъ ёму смѣшно стало:
— Поднесу токо, ужъ я послушаю:
Да при свадьбы живу-то да всё цюжимъ умомъ.—
Подносилъ-то онъ ей да мёду сладково;
Выпивала она-то тутъ на единой духъ
Да спустила ёму перьсьтень всё обруцельнёй свой;
Онъ увидялъ-то перьсьтень да всё во цяроцьки,
Онъ берётъ-то вѣдь перьсьтень да во праву руку,

[1]) Цяроцьку.

Прижимаётъ онъ перьсьтень къ ретиву́ серьцу.
„Ты скажи-ко-сь, скажи мнѣ-ка, полѣсьницёкъ,
Ты вѣдь гдѣ-то, полѣсьницёкъ, взялъ товарышша?
Роскажите-ко мнѣ-ко сушшу правду всю,
Сушшу правду вы мнѣ-ка всё неута́йную".
Говоритъ настояшшой ёму полѣсницёкъ:
— Я скажу-то тибѣ-то правду, повѣдаю:
Я нашолъ вѣдь въ лѣсу твою-ту молоду жону,
Молоду твою жону-ту, кнегиню Марью Юрьёвну—.
Ише тутъ-то вѣдь князь да обрадѣ́лъ у насъ;
Онъ вѣдь бралъ-то вѣдь Марьюшку за праву́ руку:
„Ты откуль-то пришла, откуль тебя Богъ принесъ?
Заступили вѣдь-то, вѣдь молитвы-ти
Ищё всё поповъ-то, отцовъ духовныхъ,
Ишше всё пашихъ прицетницьковъ церьковныхъ;—
Со слёзами за тобя-то они Богу молилисе".
„Ты бери-ко, бери-ко-се, мой полѣсьницёкъ,
Ты бери мою невѣсту всё обруцённую!
Не промипею-ту своей-то я молодой жоны,
Молодой своей жоны-то да Марьи Юрьёвны".
Повѣнцялъ-то опъ мла́дого всё полѣспицька
На своей опъ невѣсты всё обруцённыя,
Становилъ-то всё мла́дого онъ полѣсницька
Онъ къ сибя на дворъ главнымъ всё предводителёмъ
Тутъ повёлсэ поцестенъ-отъ пиръ на радости
Ище князю-ту Роману по свидапьицю съ ёго да молодой женой,
Ишше мла́дому-ту всё полѣсницьку,
А повёлсэ тутъ пиръ съ имъ вмѣстѣ тутъ;
Ишше князь-отъ Романъ-отъ былъ всё тысецькимъ,
Ишше Марья-та Юрьёвна всё вѣдь сва́тьёю.
Овинцели мла́дого всё полѣсницька;
Обдёржали они вѣдь всё по злату́ вѣнцю.
На двори у ихъ жить сталъ главнымъ предводителёмъ.

19.

Чурило и Авдотья. (Чурило и невѣрная жена).

(У матери, дяди Ефима и крестнаго отца).

Было въ славномъ нашомъ городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера
Ишше былъ-то у ёго бога́тырь-отъ любо́й-мило́й,

Ишше тотъ-ли былъ Цюрилушко сынъ Плёнковиць.
Зазвонили всё, по утру было ранному,
Какъ звонили-то заутреню-ту ранную,
Ише ту-ли обѣдню воскресеньскую;
Тутъ стаётъ скоро Цюрилушко, всё побужаитце,
Онъ свѣжо́й водой клюцёвой умываитце,
Въ цьвѣтно платьицё хорошо нарежаитце;
Онъ пошолъ-то молитьце Богу-Господу,
Онъ во Божью всё церьковь во соборную,
Во соборную церьковь богомольнюю.
Онъ вѣдь молитце стоитъ да во Божьёй церьквы;
Тутъ приходятъ всё вѣдь маленьки ребятушка,
Говорятъ они Цюрилу-свѣту Плёнковицю:
„Тибѣ полно стоять, Цюрило, во Божьёй церьквы;
Ты поди домой, Цюрило, поскорёшенько;
У тебя въ доми́, Цюрилушко-свѣтъ Плёнковиць,
У тебя-то всё вѣдь въ до́мьици нешшясьицё,
Какъ нешшясьицё у тя въ доми слуцилосе:
У тя здѣлала измѣну молода́ жона.“
Пріѣжалъ-то всё къ крылецюшку ко бѣлому,
Ко бѣлу́-ту крыльцю-ту, всё къ паратному
Пріѣжалъ-то къ твоей-то молодой жоны,
Къ молодой жоны Овдотьи Королевисьни,
Пріѣжалъ-то вѣдь всё да какъ нежда́ной гость,
Дорогой-то вѣдь какъ гость, какъ старой-прежной другъ,
Старой-прежной вѣдь другъ, да дружокъ милёнькой;
Уводила она ево въ высо́ки свѣтлы горьници;
Они пьютъ-то всё сидятъ да проклаждаютце,
Сладкой водоцькой до ньяна напиваютце“.
Какъ Чурило стоитъ Плёнковиць, самъ не обёрнитце,
Какъ вѣдь молитце онъ Богу-Господу.
А приходятъ вѣдь скоро красны дѣвушки,
Становя́тце къ Цюрилушки близёхонько;
Улыбаютце дѣвушки, всё посмѣхаютце:
„Ты поди, поди Чурилушко-свѣтъ Плёнковиць!
Какъ пришолъ-то къ твоей-то жоны да нелюбо́й вѣдь гость,
Какъ тибѣ вѣдь гость неми́лой, ей вѣдь ми́лой другъ“.
Какъ Чурилушко стоитъ да всё не зглянётъ-то.
А приходятъ вѣдь два брателка крестовыи,
Крестовы два братёлка, назва́ныи:
Во перьвы́хъ-то Добрынюшка Никитиць младъ,
Во вторыхъ-то всё Олёшенька Поповиць младъ;

Тутъ приходятъ, ёму да сами сказываютъ:
„Ужъ ты ми́лой ты нашъ брателко названой же,
Ишше тотъ же Цюрилушко-свѣтъ Плёнковиць!
Какъ поди-тко-се домой-то поскоре́шенько:
Какъ пріѣхалъ-то къ тебѣ вѣдь нелюбимой гость,
Молодой-то жоны да ста́рой-пре́жной другъ,
Старой-прежной другъ [1]) . . . . . .
Ище тутъ-то Цюрилушко задумалса;
Отстоялъ-таки обѣдню воскресеньскую,
Ай пошолъ-то Цюрилушко скорёшенько.
Ай стрѣцяетъ ёго, нянюшки-ки, мамушки да на новы́хъ сѣняхъ.

Ай стрѣцяютъ-то ёго всё сѣнны дѣвушки;
Говоритъ-то Цюрило таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои вы нянюшки, вы сѣнны дѣвушки!
Каково́-то молода наша хозяюшка
Безь миня-то здраствуётъ Овдотья Королевисьня?“
Отвѣчали ему скоро сѣнны дѣвоцьки:
—Всё во старомъ-то у насъ Овдотья въ положеньици
Вси зате́плёны свѣшши́ у ей съ лампадами.—
Отыпрастъ онъ свою-ту свѣтлу све́тьлицю;
Тутъ сидитъ ёго любима милая племянёнка;
Говоритъ-то онъ племянёнки да всё выспрашиватъ:
„Ты скажи, моя любима всё племянёнка:
Каково́-то безь меня эта [2]) была Овдотья Королевисьня?
Говорила племянёнка родному дядюшки,
Шьто тому-ли Цюрилу-свѣтъ Плёнковицю:
— Ужъ ты гой еси, любимый милой дядюшка
А по имени Цюрило ты вѣдь Плёнковиць!
Бесь тебя она молилась Богу-Господу;
Вси зате́плёны были свѣшши́ съ лампадами.—
Онъ скорёшенько пошолъ да въ спальню въ тёплую;
А сидитъ-то Овдотьюшка да Королевисьня,
Наредны́мъ она сидитъ всё нареднёхонька,
Весёлы́мъ она сидитъ всё веселёхонька.
Она скоро тутъ ставала на рѣзвы́ ноги,
Она скоро́ бѣжала всё къ Цюрилушку-ту Плёнковицю:
„Ише шьто же ты, Цюрилушко-свѣтъ Плёнковиць,
Ты ушолъ-то долго? я сижу соскуцилась“.

[1]) Не помню—Светопо́лкъ ли Светополковиць, Еруслáвь ли Ерулавьевиць; тольки не Пересмяка.

[2]) Вмѣсто „э́тта“=здѣсь. *Собир.*

Говоритъ-то всё Цюрило таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Овдотья Королевисьня!
Ай кака́ у тебя на спицьки вѣ́спётъ шуба соболиная?—
„Ишше были у мня бабушки, ребятушка;
Шьто оставили вѣдь шубу соболиную".
— Ужъ ты гой еси, Овдотья Королевисьня!
У тя цья-то на спицьки вѣ́спётъ пухова́ шляпа?—
„У мня были въ го́стяхъ бабушки, ребятушка;
Позабыли-то на спицьки пухову́ шляпу".
— Ишше гой еси, Овдотья Королевисьня!
Ты скажи-тко мнѣ-ка правду-ту, повѣдай всё:
Эта цьи у тя сафьяненьки сапожоцьки?—
„Ишше были-то всё бабушки, ребятушка
Да оставили сапожоцьки сафьяныя".
Посмотрилъ-то подъ кроваткой-то Цюрило Пле́нковиць;—
Тамъ лёжи́тъ-то е́ да всё какъ ми́лой другъ,
Ишше милой другъ какъ . . . . . .
Онъ хватилъ-то со спицьки саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то у ево да скоро буйну голову,
Онъ отсѣкъ-то тоже у Овдотьи Королевисьни:
„Ужъ ты здѣлала, Овдотья, мнѣ измѣнушку!"
Самъ вѣдь скоро пошолъ да на широкой дворъ,
Онъ сядлалъ-то своего да коня доброго,
Онъ поѣхалъ съ горя-та всё во цисто́ полё,
Со стыду больше́ поѣхалъ со великого;
А за имъ-то поѣхалъ ста́ра всё старыньщина
Шше́ по имени Илья-то всё вѣдь Мурамець;
Поворотилъ-то онъ Цюрилушка всё Пле́нковиця:
„Мы найдёмъ-то какъ во Кіеви тебѣ да красну дѣвицю,
Красну дѣвицю тебѣ да мы невѣсту-то
Не простого тибѣ роду, княженевського".
Онъ вѣдь скоро тутъ да всё сталъ женитисе,
Бралъ-то онъ да всё у князя доць.
А сходили всё они да во Божью́ це́рьковь,
А держали они съ ей да по злату́ вѣнцю.
Онъ вѣдь взялъ теперь себѣ да жо́ну вѣрную,
Жо́ну вѣрную себѣ взялъ неизмѣнную;
Да повёлсэ-то вѣдь це́сёнъ пиръ на радости.

20.

Хотѣнъ.

(У сосѣда Ефрема, старика, умершаго, когда еще А. М. Крюкова была дѣвочкой).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Заводилось пированьё-столъ, поцесёнъ пиръ;
Собиратъ-то этотъ пиръ всё не Владимиръ князь,
Собираётъ Опраксе́я Королевисьня
Ай на тѣхъ-ли на красныхъ всё на дѣвушокъ,
Ай на тѣхъ-ли на жонъ да жонъ всё мужніихъ,
Ай на тѣхъ-ли на вдовъ благоцесливыихъ,
Шьчо на тѣхъ-ли на сиротъ да всё безма́тёрныхъ,
Ай безматёрныхъ да всё на бѣдныхъ-то.
Въ перьву голову звала да кня́зёву родну сёстру,
Ай родну-ту сёстру всё Цясову́ жону;
Другу голову звала на пиръ — Хотѣнюшка-та Блу́довиця ро́дну матушку.
Посадили Цёсову жону вѣдь по родни-то ей,
По родни-то ей садили во большой уголъ;
Блудову́-ту жону садили по Хотѣнюшки,
За ёво-то-ли за силу богатырьскую;
Ай садили ей подлѣ Цясову́ жону,
Подлѣ князя-то Владимира родну́ сёстру.
Ай сидѣли они да пили, кушали,
Пили, кушали они да проклаждалисе;
Наливала имъ княгина мёду сладкого,
Подносила она имъ да всимъ по цяроцьки;
Они скоро ставали вси да на рѣзвы́ поги,
Они скоро-то брали ети цяроцьки,
Они вси молились за цярицю православную,
Ай молили, просили Бога-Оспода.
Тутъ вѣдь спомнила вдова да Блудова́ жона;
Какъ не пьётъ-то она да своей цяроцьки,
Да подноситъ она да Цясовой жоны:
„Ты возьми, возьми у мня, да Цясова жона,
Ты возьми-тко у мня цяроцьку въ бѣлы́ руки;
Заведёмъ-то мы съ тобой дѣло немалоё,
Мы немало-то съ тобой, дѣло великоё,
Ай вели́ко съ тобой дѣло—развѣ сва́товство:
Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую

Ишше ту-ли ты Чя́висьню Чясо́висьню,
Ишше ту-ли мнѣ дѣви́цю девети братьёй,
Девети-то вѣдь бра́тьей-то-ли, ясныхъ со́коловъ,
За моёго-то за сына за любимого
За того-ли за Хотѣюшка за Блудо́вйця".
Да брала-то ету цяру Цясова жена,
Да брала-то какъ въ свои-ти во бѣлы́ руки,
Выливала-то ей цяроцьку въ ясны́ оци,
Обливала у ей шупку сарацѝньскую,
Обливала вѣдь у ей у шупки пуговки:
Да перьва́-та у ей пуговка была во сто рублей,
Ай друга-та у ей пуговка была да въ цѣлу тысецю,
А третёй-то вѣдь пуговки да цѣны не́ было;
Обливала-то у ей вси оци ясныя,
Пристыдила-то вѣдь ей да прибеще́стила
Да при всёмъ-то ей пиру́ да при многи́хъ людяхъ,
Всё при князи-то ей, всё при княгини-то;
Обругала-то ей сына любимого,
Ай того же бога́тыря могуцёго
И того же Хотѣнюшка всё Блудовиця:
— Ай отець-отъ у его да всё былъ Блу́дишшо;
Ишше сынъ-отъ остался всё уродишшо;
Онъ вѣдь ѣзьдитъ по городу уродуётъ:
Ишше хто бы Хотѣюшку рубашку далъ,
Ишше хто бы Хотѣюшку бы подштаньницьки,
Ишше хто бы Хотѣюшка-та покорьмилъ да хлѣбомъ, солью-бы,
Покорьмилъ его обѣдомъ либо ужи́но́ю?—
Тутъ заплакала горько Блудова́ жона,
Она сжала вси досады на желанномъ ретиво́мъ серьци.
Тутъ не могъ же усидѣть родимой сё [1]) брателко
Ишше тотъ-ли нашъ Владимиръ-князь да славной кіеськой;
Онъ сказалъ-то Цясовой жоны одно слово:
„Ужъ ты глупая ты всё моя родна́ сестра,
Неразумна ты вотъ моя Цясова жона!
Немалу́ ты собѣ шуточьку нашу́тила;
Ишше какъ-то тибѣ шутка ета съ рукъ сойдётъ?
Отворотитъ вѣдь Хотѣюшко тебѣ, сёстра, да всѣ насмѣшоцики".
Просидѣла Блудова́ жона ужъ весь же пиръ;
Тутъ вѣдь стали со пиру́-ту росходитисе,
Ишше стали со цёсно́го роспрошшатисе;

[1]) Часовой жены. *Собир.*

Ай пошла-то тутъ домой да Блудова жона,
Какъ Хотѣюшка всё ро́дна матушка;
Она крестъ-отъ кладётъ да всё по писа́ному
Да поклонъ-отъ всё ведётъ да по уцёному,
Роспрошаитце́ со ласковымъ со княземъ со Владимиромъ
Ай со той же со княгиной съ Опраксеей Королевисьнёй,
Поклоняитце́ на всѣ чотыре сто́роны,
Со всима́-то она да всё прошаитце́.
Какъ приходитъ къ своёму́-ту къ широку́ двору,
Къ широку двору, крылецьку всё паратному;
Да стрѣцяётъ-то, скоре́шенько ею́ кухароцьки.
Отпираютъ-то тутъ крыльцё, дверь паратную;
Ай стрѣцяётъ ей Хотѣюшко младъ Блудовиць,
Да стрѣцяётъ ей Хотѣюшко-то на новы́хъ сѣняхъ;
Онъ берётъ-то ей за руцёньку за правую,
Ай ведётъ-то ей въ полаты бѣлокамянны,
Ай садитъ-то ей на стулъ всё рыта бархата,
Розьдѣватъ-то у ей шубу сороциньскую:
„Ужъ ты шьто же, моя маменька ро́димая,
Ты родима моя маменька любимая,
Ты невёсёла пришла съ пиру́, нерадосьня?
Развѣ мѣстомъ-то тибя да обсадили тутъ,
Развѣ цяроцькой тибя да обнесли они,
Ли невѣжа надъ тобой-то развѣ пасмѣяласе?“
Говорила-то ево да ро́дна матушка,
Родна матушка ево, всё Блудова жена:
— Ай вѣдь мѣстомъ-то миня кнегина не обсадила же,
Ишше цяродькой миня не обнясла она,
А невѣжа надо мной же патсьмѣяласе:
Натсьмѣялась надо мной всё Цясова́ жона;
Я посваталась-то за тобя, да цядо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимоё,
На ёе́-то на любимой всё на доцяри
А на той-ли на Чявиньни Чесо́виньни,
Я на той-ли на дѣви́ци девети братьёй,
Девети-то я братьёй, всё ясныхъ со́коловъ;
Выливала мнѣ цяроцьку она въ ясны́ оци,
Обругала всё тибя, моё да цядо милоё,
Цядо милоё, Хотѣюшко ты Блудовиниць.—
„Ты не плаць-ко-се, моя ты матушка родимая,
Ты родима моя матушка любимая!
Не моци ты свои-ти оци ясныя.

Отсьмѣю-ту я вѣдь ей скоро натьсьмѣшоцьку".
Онъ вѣдь скоро ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
Онъ вѣдь скоро бралъ со сьпицьки саблю вострую,
Онъ вѣдь скоро-то сѣдлалъ да онъ добра́ коня,
Онъ добра́ коня сѣдлалъ всё богатырьского,
Онъ вѣдь бралъ съ собой ко́ньицё циркальскоё,
Онъ поѣхалъ по городу по Кіеву
Онъ вѣдь мимо-то ее́ да всё окошоцько.
Тутъ увидяла всё Чявисьня Чясо́висьня,
Ишше та-ли вѣдь дѣви́ця девети братьёй,
Девети братьей дѣвиця, ясныхъ со́коловъ;
Ай мёталась-кина́лась во косисьцято окошоцько,
Отпирала вѣдь окошоцька немножоцько,
Шьчо крыцяла-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
„Ишше смѣлъ ты всё, уродъ, на мнѣ посватать це!"
Тутъ не лютоё-то зѣльё роскипѣлосе,
Богатырьско-то серьцё розгорѣлосе;
А какъ бралъ-то тутъ скоро своё востро́ копьё,
Онъ вѣдь ша́рнулъ-то копьёмъ всё вѣдь въ окошоцько;
Онъ немножко ей не пре́далъ смерти скорыя.
Самъ поѣхалъ онъ скоренько во чисто́ полё,
Онъ убилъ-то, онъ убилъ да взялъ всё семь быковъ,
Онъ извилъ-то, приготовилъ взялъ онъ семь ремней,
Изыма́лъ-то взялъ-то деветь ясныхъ со́коловъ,
Привезалъ взялъ ко берёзоцькамъ, ко со́сёнкамъ;
Изымалъ-то всѣхъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцовъ,
Самъ поѣхалъ-то назадъ да въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Онъ прі́ѣхалъ-то опеть къ имъ подъ окошоцько:
„Изымалъ-то я твоихъ всѣхъ ясныхъ со́коловъ,
Отсмѣялъ я тибѣ всё ишше́ натьсмѣшоцьку;
Отсѣку у ихъ поѣду буйны головы".
Говоритъ-то тутъ вѣдь Чявисьня Чясовисьня:
„Ты поди-сходи, маменька, ко дядюшки,
Ко тому сходи ко князю ко Владимиру;
Попроси ты у его да хоть ты силы-то,
Попроси ты вѣдь силы десеть тысеце́й;
Да убейте-то тогда всё уродишша престрашного,
Да не ѣздилъ шьтобы́ по свѣту бѣлому,
По тому же онъ по городу по Кіеву".
Какъ приходитъ тутъ скоро Цясова́ жена:
„Ужъ ты гой еси, родимой милой братёлко,
Ужъ ты милой, ты любимой всё Владимиръ князь!

Мнѣ-ка дай-ко-се ты силы десеть тысе́цей,
Ты повыруци любименькихъ плямяницьковъ,
Ты исъ той же повыруци неволюшки;
Замори́тъ вѣдь насъ вѣдь онъ смертью́ голодною".
Онъ вѣдь далъ-то тутъ ей силы десеть тысе́цей;
Ёнъ прибилъ-то ету силу на единой духъ.
Некакой же она пользы всё не здѣлала,
Привела тольки въ изьянъ князя Владимира.
Какъ пошла она просить къ ёму въ другой наконъ:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка силы двадце́ть тысе́цей"
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты глупая сестра, всё неразумная!
Розгрубили вы теперь бога́тыря могуцёго.
Мнѣ-ка силы-то тибѣ-ка больше жалко дать;
Я даю́-то тебѣ лу́чше золотой казны:
Ты вели ёму поставить-то сво востро́ копьё,
Ай во́стро копьё поставить-то ему на я́рой лёдъ" [1]).—
Она приходитъ къ бога́тырю Хотѣюшку, да низко кланялась:
„Ты поставь, поставь, Хотѣюшко всё Блудовиць,
Ты поставь-ко-се своё-то копьё востроё,
Ты воткни-ко-се ты всё да какъ во ярой лёдъ;
Мы обсыплёмъ тибѣ да краснымъ золотомъ.
Ужъ ты выпусти ты дѣтоцёкъ моихъ любимыихъ
Ты исъ той-ли изъ великой изъ неволюшки!"
Ай на то-то всё Хотѣюшко не соглашаитце́:
— А ненадоть мнѣ-ка ваша золота́ казна,
У мня есь казны да красна зо́лота,
Оста́влёно у мня у ро́дного у батюшка;
Мнѣ во вѣки-ти будётъ не прожить-то мнѣ,
И останитьце́ она-то отъ миня-то людемъ добрыимъ.
Я вѣдь скоро же поѣду во чисто́ полё,
Отсѣку же я у ихъ-то буйны головы.—
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, сестра моя безумная!
Ты поди давай свою хошь доць любимую:
Не возьмётъ ли онъ, бывать, её въ супружество,
Не возьмётъ ли онъ, бывать, её въ кухароцьки".
Вѣдь пошла она давать свою же доць любимую:
„Ты возьми, возьми, Хотѣюпко сынъ Блудовиць,
Ты возьми, возьми любиму доць въ кухароцьки!"

[1]) Когда заме́рьзнетъ, тоненькой;—шьтобы больше насы́пать.

Говорилъ-то Хотѣюшко таки рѣци:
— Мнѣ нашьто-то мнѣ твоя-та доць безумная?
Я возьму лучше у бѣдного хресьянина,
Изъ имѣньиця возьму, не изъ богатьства ей,—
Ай лицёмъ она хорóша, всё умомъ сверстна.—
Она пала-то ёму во рѣзвы́ ноги:
Ты возьми, ты возьми у мня любиму доць;
Ты спусти у мня на волю ясныхъ со́коловъ!“
Ай зговорила ёму матушка родимая,
Ай родима ёго матушка любимая:
„Ты послушай-ко миня хошь, цядо милоё,
Ты миня-то же, родиму свою матушку:
Ты возьми-тко-се, возьми ей за себя замужъ,
Ты хошь для-ради возьми князя Владимира,
Хошь ты ради Опраксеи Королевисьни.
Ты спусти-тко-се на волю ясныхъ со́коловъ:
Какъ они-то всё тибѣ не виноватыя“.
Онъ послушалъ всё родиму свою матушку;
Онъ вѣдь съѣзьдилъ скоро во цисто́ полё
Онъ спустилъ-то всѣхъ на волю ясныхъ со́коловъ,
Онъ привёзъ-то ихъ съ собой же въ красёнъ Кіевъ градъ;
Онъ же взялъ тогды сестру ихну въ замужество.
А вѣдь съѣздили они тутъ во Божью́ церьковь—
Ишше тотъ-же Хотѣюшко да Блудовиць
Ай со той-ли дѣви́цей съ Чявисьнёй съ Чясовисьнёй
Девети-то вѣдь бра́тьей, ясныхъ со́коловъ;
А повёлсэ у ихъ тогды всё пиръ на радости;
Они звали-то на пиръ князя Владимира,
Они звали Опраксе́ю Королевисьню.

21.

Садко.

(У дяди Ефима).

Ише былъ жилъ Садко́ новогородцькія.
Онъ вѣдь здѣлалъ всё гу́сельци яро́вцяты;
Онъ изъ хитрыхъ же Садко́ да былъ хитёръ-мудёръ;
Ёнъ ходилъ-то всё игралъ да всё ко озёру,
Онъ вѣдь день ходилъ игралъ, да онъ другой игралъ.
Выплывала царица Бѣлорыбица:
„Ужъ ты гой еси, Садко́ новогородскія!
Ты сходи-ко-се во лавочки торговыя,

Ты купи-ко-се, купи да всё разны́хъ шелковъ,
Изьвяжи-ко-се ты всё да ты шолко́въ нёво́дъ,
Замеци-ко-се ты въ это Цю́до-озёро;
Я пошлю-то золотыхъ тибѣ́ три рыбинки".
Онъ вѣдь скоро сходилъ въ лавки торговыя,
Онъ вѣдь скоро мёталъ да всё шолко́въ нёводъ,
Изловилъ-то онъ да́ эти рыбинки.
Говоритъ ёму царица Бѣлорыбица:
„Ты поди-тко-се тепере бейсе всё съ купцеми о великъ закладъ,
Выбивай у ихъ три лавоцьки съ товарами заморьскима;
Ай скажи, шьто „изловлю-то золотыхъ я вамъ три рыбинки"".
Пробѣгали купци да въ свои лавоцьки;
Обцѣнили у ево да перьву рыбинку,
Перьву рыбинку-ту обцѣнили вѣдь во сто́ рублей,
Другу рыбинку-ту обцѣнили ' цѣлу тысецю,
Третью рыбинки тугъ вѣдь цѣны не́ было.
Ай пробили всѣ вѣдь лавки съ товаромъ разнымъ,
А пробили три черпёныхъ своихъ ка́раблей;
Оттово-ли-то Садко́-купець богатой сталъ.
Онъ пошолъ-то на чёрныхъ всё на ка́раблях,
Торговать-то онъ пошолъ да всё вѣдь въ разны го́рода;
Торговалъ-то онъ ходилъ да всё какъ съ прибылью.
Онъ пошолъ-то опеть да во второй наконъ.
Ишше вси-ти ка́рабли по морю какъ да соколы́ летятъ,
Ай Садко́ськой-отъ карабь какь вѣдь на якорю́ стоитъ;
А пошли его цернёны многи ка́рабли.
Ай Садко́-купець по ка́раблю похаживатъ,
Онъ вѣдь бѣленькима ручками розмахиватъ,
Золотыма-ти персьнями принабрякиватъ,
Онъ бѣлыма-ти пальцями припашшалкиватъ,
Онъ жёлты́ма всё кудрями припатрясыватъ;
Онъ вѣдь самъ всё говорилъ да таковы рѣци:
„Ишше кольки по синю́ морю не хаживалъ—
Я Морьскому цярю дани-пошлины не плацивалъ,
Вы спускайте-ко, мои млады матросики,
Вы спускайте-тко-се боцьку съ краснымъ золотомъ,
А другу́ боцьку спускайте съ цистымъ се́ребро́мъ".
Ишше эти боцьки-то всё поверьхъ воды несётъ.
Да сказалъ-то Садко́-купець новогороцькія:
„Не берётъ у насъ Морьской цярь дани-пошлины.
Ужъ вы дѣлайте, матросицьки, вы же́ребьи,

Ай собѣ-то дѣлайте вы жеребьи дубовыя,
Ай вѣдь мнѣ-ка здѣлайте вы же́ребей да красна дерева".
Ишше вси вѣдь жеребьи поверьхъ воды плывутъ,
Ай Садкоcько' жеребей да ко́ дну ка́мепёмъ.
Уряжалсэ въ дорого́ своё да въ платьё цьвѣтноё,
Онъ садилсэ-то во бѣлу модну шлюпоцьку,
Онъ вѣдь бралъ-то собѣ да всё вѣдь гусельци,
Онъ вѣдь гусельци собѣ да звоньцяты́ они;
Онъ садилса во ету скоро шлюпоцьку,
Ай онъ сталъ вѣдь во гусельци поигрывать:
„Вы прошшайте-тко, мои млады́ матросицьки!"
Полетѣлъ у Садка черёнъ кара́бь да какъ во крыльици,
Перестыгъ-то всё ци́рнёныхъ цюжихъ ка́раблей.
Какъ Садко-то не поспѣлъ взглянуть да на ци́рнёнъ карабь,—
Утянула всё ёго царица Бѣлорыбица,
Ай приводила ево всё къ царю ко Морьскому-ту:
„Ты бери-ко-се, бери же ты, Морьской вѣдь царь,
Ты бери-ко-се Садка, купця новогороцького,
Ты бери-ко-се ево на трои сутоцьки,
Засади его играть да въ звоньцяты́ гусли".
Говоритъ же цярь Морьской да таковы рѣци:
„Я сижу-ту вѣдь, Садко новогороцькой же,
Ужъ я жду тибя ровно́ три годицька.
Поиграй-ко-се во гу́сельци звоньця́тыя,
Ты утѣшь миня, царя всё со царицою".
Заигралъ-то всё Садко новогороцькія;
Заплясали-то же царь всё со царицою,
Вѣдь плясали они всё во синёмъ мори́.
А играетъ вѣдь онъ да ци́лы сутоцьки,
А играетъ-то онъ да всё други́ сутки,
Да играетъ-то онъ да третьи сутоцьки.
Какъ вѣдь приходитъ къ ёму Микола всё Можайськой-отъ:
„Тибѣ полно играть, Садко новогороцькія!
Ты прирви возьми свои да звоньцяты́ гусли:
На синёмъ-то вѣдь мори здѣлалась больша́ погодушка
Да отъ той-ли отъ пляски-то царя съ царицою;
Ище много изгубило людей добрыихъ,
Ище много вѣдь погибло чёрныхъ ка́раблей,
И того больше́ погибло всё мелкіихъ судовъ".
Приломали-то взели [1]) звоньцеты́ гусли.

---

[1]) Садко и Никола? *Собир.*

Говорилъ-то тутъ да ёму всё вѣдь царь Морьской:
„Я вѣдь цимъ тибя, Садка-купця, подáрствую,
Я вѣдь цимъ-то всё тибя дарить буду, удáривать?“
Говорилъ ямý Садко новогороцькія:
— Покажи-тко мнѣ своихъ да тридцеть красныхъ дѣвушокъ.—
Росказалъ ёму Никола всё Можайськія:
„Ты бери-тко-се Настасью всё царевну-ту;
Онъ нарéдитъ-то тибѣ всё тридцеть дѣвушекъ,
Онъ нарéдитъ-то вѣдь въ платьицё всихъ въ нарноё,
Всѣхъ-то въ пáрно-то ихъ въ платье, всѣхъ въ однакоё;
Посадúтъ онъ всё Настасью-ту царевну-ту,
Посадитъ-то сй да всё въ серёдки-то;
У Настасьи-то вѣдь оци ясна сокола,
Ишше брови-ти у сй да чёрна соболя.
Ужъ ты ту смотри, Садко, купець новогородскія,
Ужъ ты ту бери да за сибя замýжъ.
Хоть жалѣть будётъ вѣдь царь да своей доцери,
Не бери ты больше некакой нóвóй“.
Приказалъ-то наредитьце всё Морьской вѣдь царь
Ишше всимъ-то имъ въ однáко платьё цьвѣтноё.
Замѣчаётъ Садко новогорóцькой-отъ:
„Шьто мнѣ взеть будётъ Настасью-то получше всѣхъ“.
Они вси-то сидятъ будто парьнёхоньки;
А Настасья потянула руцьку правую
Да мигнула Сад-купцю да чёрнымъ глазикомъ;
Онъ вѣдь тутъ-то скоро догадаитьце,
Говоритъ-то онъ скорó всё цярю Морьскому-ту:
„Мнѣ вотъ та же моя да Богомъ-сýжопа“.
Тутъ вѣдь цярь-отъ стоитъ да испугаитце:
— Не своимъ ты, Садко, умомъ, вѣрно, накáзаной;
Не отдамъ я за тибя свою-ту доць любимую:
Ай у мня-то Настасьюшки-то матушка была со сьвятой Руси,
Со сьвятой была Руси вѣдь матушка, исъ каменнóй Москвы.—
Тутъ ставала Настасья на рѣзвы́ ноги,
Говорила царю всё таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, батюшко любимой мой!
Не розлуци же ты миня съ Садкомъ, купцёмъ богатымъ,
Отдавай-ко-се миня ты съ цести, съ радости;
Дай ты мнѣ-ка же приданымъ три-то кáрабля чернёныихъ,
Нагрузи-ко товарами да дорогима всё:

Ты одинъ карапь грузи-ко краснымъ золотомъ,
Ты другой карапь грузи-ко чистымъ сéребромъ,
Ты третéй карапь грузи каменьёмъ драгоцѣнныимъ".
Ишше тутъ царь просватывалъ свою любиму доць;
Нагрузилъ ёму вѣдь вси черпёны три-то кáрабля:
Ишше черьвой карабь да съ краснымъ золотомъ,
Да другой же карапь да съ чистымъ сéребромъ,
А третéй карапь съ каменьёмъ драгоцѣнныимъ;
Спроводилъ-то онъ Садка-купця да съ чести, съ радости.
Ай выходитъ Садко новогороцькія,
А выходитъ Садко да на синё морё,
На синё-то морё, морё Хвалыньскоё.
Ишше далъ ему Господь-Богъ повѣтерь способную,
Имъ способную повѣтерь, уносную;
Они скоро же приходятъ во Новой-градъ;
Онъ вѣдь скоро всѣ обстыгъ вси черпёны свои карабли,
Онъ вѣдь скоро выгружалъ товары-ти заморьскія,
Онъ вѣдь скоро дѣлалъ Миколы-то да всё Можайському,
Дѣлалъ онъ Божью церьковь,
Онъ вѣдь Божью-ту церькву богомольнею
А тому-ли-то Миколы всё Можайському.

22.

Сорокъ каликъ со каликою.

(У матери и дяди Ефима).

А и было сорокъ каликъ да со каликою.
Собиралисе калики всё во единой кругъ,
Во единой же кругъ они на зелёной лугъ;
Они копьеця во землю всё испостáвили,
Они сумоцьки-котомочки исповѣспли;
У ихъ суночки-котомочки рыта бархата.
Выбирали они да атамана-та,
Атамана выбирали Касьяна Немилóсьлива,
Подъатáманья—Михайлушка всё Касьяновича;
Они клали-то межъ собой заповѣдь великую,
Да велúку они заповѣдь, немалую:
„Ишшё хто у насъ вѣдь, братцы, заворуётъ жа,
Ишше хто у насъ, братцы, заплутýётъ какъ,—
Мы вкопамъ того во матушку въ сыру землю,
Мы вкопамъ того во матушку сыру землю по поясу,
Ужъ мы будёмъ судить-то, братцы, своимъ судомъ,

Поведёмъ-то мы, братцы, не подъ царьской судъ,
Не подъ царьской-отъ судъ-отъ да не подъ княжеськой:
Мы изъ рукъ возьмёмъ, изъ ногъ-то жи́льё вытянёмъ,
Отсѣкёмъ возьмёмъ по плець-то мы буйну голову".
А идутъ они ко городу всё ко Кіеву;
Какъ навстрѣчу имъ, встрѣту всё стрѣцялся-то
Какъ по имени Добрынюшка Никитиць младъ
Да по имени Олёшенька всё Поповиць младъ,
Да ишше́-то всзутъ они съ собой, съ има—
Какъ позади-то ѣдетъ князь Владимиръ-свѣтъ.
Они клапелись каликамъ до низко́й земьли:
„Вы куда пошли, калики перехожія,
Перехожи-ли калики, переброжія?"
Отвѣчали калики-ти двумъ бога́тырямъ:
— Мы пошли-то молитьце́ къ мошнамъ прецистѣямъ,
Мы идёмъ-то молитьце́ въ Кіевъ-ма́настырь,
Мы къ Онтонью, къ Ѳеодосію помолитисе,
Во святыхъ пешерахъ всимъ-то святымъ помолитисе,
А оттуль-то пойдёмъ въ Ерусалимъ всё градъ;
Въ Ерусалими-то гради тоже молитьце́ пать,
Къ Осподню же гробу-ту приложитисе.
И подайте намъ милостинку спасёную.—
Говорилъ-то Добрынюшка Никитиць младъ,
Говорилъ-то Алёшенька Поповиць младъ:
„У насъ пѣту при собѣ-то, калики, золотой казны;
Подождите вы всё же князя Владимира,—
Онъ вѣдь скоро вѣдь къ вамъ-то сецясъ прика́титцэ".
Пріѣжаетъ Владимиръ-князь стольпё-кіевськой;
Они клапелись, калики, ему жо до низко́й земьли:
„Ужъ ты здрастуй-ко, красно наше солнышко,
Ты Владимеръ же, князь нашъ стольпё-кіевськой!
Ты подай-ко намъ милостину спасёную".
Подаваётъ князь милостину спасёную,
Подаваётъ вѣдь имъ да красна золота.
Говорятъ тутъ калики всё перехожія:
„Да спасётъ-то тебя-то какъ Боже-Осподи"!
Говорилъ-то Владимиръ всё таковы рѣци:
— Ужъ вы спойте-тко, калики перехожія,
Ужъ вы спойте-тко, мнѣ да всё Елёньской стихъ.—
Какъ запѣли калики всё перехожія,
Перехожи калики, всё переброжія,—

Мать сыра же земьля та потресаласе;
Подъ одну руку дёржитъ Владимира,
Подъ праву́ руку дёржитъ Добрынюшка Нититиць младъ,
Подъ лѣву́-ту руку дёржитъ Олёшенька Поповиць младъ;
Покатилась у Владимира съ плець да буйна голова.
Унимаётъ Добрынюшка всё Никитиць младъ:
„Перестаньте пѣть, калики перехожія:
Ишше князь-отъ Владимиръ цють онъ живъ стоитъ“.
Перестали пѣть калики всё перехожія.
Говоритъ-то Владимиръ-князь стольнё-кіеськой:
„Вы подите, калики вы перехожія,
Вы подите, калики, вы къ моей-то княгины-то,
Вы ко той-ли къ Опраксе́и всё Королевисьни;
Напои́тъ васъ княгина у мия, накормитъ всѣхъ
Да подастъ-то вамъ милостину спасёную“.
Какъ пошли-то калики всё перехожія;
Какъ приходятъ они-то всё въ красенъ Кіевъ-градъ,
Въ кра́сёнъ-отъ градъ, ишше въ матушку каменну́ Москву.
Какъ приходятъ они скоро подъ окошецько,
А запѣли у полатъ-отъ всё у царьскіихъ,
А запѣли они-то славно́й Еленьской стихъ.
А увидяла Опраксея-то Королевисьня,
Подавала она милостинку спасёную,
Приказала заходить-то въ полаты княженеискія;
Она садила каликъ-то всё за дубовы́ столы,
Щё за тѣ-ли за скатерти всё за браныя.
Ише стали калики да всё роздѣватисе,
Они стали-то Осподу молитисе;
Они крестъ-то кладутъ да по писа́нному
Да поклонъ-отъ ведутъ они по учёному,
Поклоняютце они всё Спасу пречистому
Да садятце они всё попить, попсь,
Всё попить, попсь-то они, покушати.
А отпили, отъѣли они, откушали;
Благодарятъ Опраксею всё Королевисьню.
Опраксея-та тутъ да имъ все згово́рила:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко сынъ Касьяновиць!
Оставайтесь-ко вы нацевать же всё“.
А Михайлушко былъ-то всё красафцикомъ;
Красота-та въ ёмъ была въ лици́ непомѣрная;—
На Михайлушка царица-та обзарилась:
„Ты пойдёмъ со мной, Михайлушко, во полаты княженеискія:

Мнѣ-ка надоть съ тобой-то слово вымолвить".
Да Михайлушко всё онъ да не цюсвуётъ,
Какъ Касьяновиць онъ не пониматъ ето;
Да зовётъ, думатъ, царица похорошому.
Какъ приходитъ къ царици-то въ спальню хорошую,
Говоритъ ему цариця всё рѣци безумныя,
Всё безумныя рѣци да беспонятныя:
„Я прельстилась, Михайлушко, на твою красу".
Какъ зовётъ она его къ себѣ на кровать всё спать.
Тутъ Михайлушко всё да испугаитце,
Тутъ Касьяновиць всё перепада́итце;
Убѣжалъ отъ Опраксеи отъ Королевисьни
Ко своей-то ко мла̀дой ко дружипушки [1]);
Самъ горюцима слезами весь обливаитце:
Онъ вѣдь молитъ за ей всё Бога Господа,
Онъ вѣдь матерь прецисту-ту Богородицю:
„Ты прости, Боже, цярицю въ зломъ помышленіи,
Ты вѣдь въ глупыхъ рѣцяхъ да въ непростимыихъ".
Онъ вѣдь самъ-то не спитъ да Богу молитце.
Понёсла на ето зло-то Опраксея Королевисьня;
Подговорила Олёшеньку всё Поповиця:
„Принеси-ко Михайлушкову ко мнѣ сумоцьку,
Принеси ты Касьяновиця котомоцьку".
Онъ вѣдь скоро приносилъ къ ёю потихошеньку;
Роспороли они сумоцьку рыта бархата,
Положили они-то всё золоту́ цяшу,
Изъ которой князь Владимиръ всё по пріѣзду пьётъ;
Зашивали вѣдь суноцьку всё иголоцькой.
А Михайлу-ту Касьяновицю не спитце-то
Передь великой напраслиной, изневáгушкой [2]).
Мы пойдёмте-тко, Касьянушко Немило́сливой;
Ишше полно спать въ полатушкахъ проклаждатисе!"
Они скоро калики-ти всё ставали всѣ,
Они скоро калики-ти одѣвалисе,
Они скоро калики да роспроша́лисе,
Со кнегиною они больше прошшалисе.
Послѣ ихъ наѣхалъ князь изъ циста́ поля;
Заискали-то тутъ вѣдь золотой цяшы,
Исъ которой князь Владимиръ-отъ по пріѣзду пьётъ.

---

[1]) Ко каликамъ,—мододыя были.
[2]) Въ старины́ поётьце.

Ище Олёшенька да скоро сказыватъ,
Принимаётъ грѣхи-ти на свою душу:
„Етто было у мня, князь, сорокъ каликъ въ гостяхъ;
Унесли-то они, вѣрно, твою цяшу“.
Посылалъ князь Владимиръ-отъ онъ скорыхъ гонцёвъ;
Какъ нашли ету цяшу да у Михайлушка.
Да судить стали Михайла они своимъ судомъ:
Закопали Михайлушка во сыру́ землю,
Да вкопали Михайлушка въ земьлю́ по поясу
Да отсѣкли ёго взели буйну голову;
Прирубили-присѣкли всё на мелки́ части.
Ише сами пошли-то Богу молитисе,
Ко тому пошли къ Оптонью, всё къ Ѳеодо́сею.
Помолились они да попрошалисе;
Какъ пошли они вѣдь скоро да исъ пешшеры-то:
„Приворотимте ко Михайлушку на могилу—нать“.
А приходятъ къ Михайлу-ту на могилу-ту,—
Да Михайло-то стоитъ-то всё живёхонекъ,
Да живёхонёкъ стоитъ онъ, здоровёхонёкъ [1]);
Красота-та во лици не утерялась.
„Ужъ вы шьто отъ миня, братцы, убѣжали-то?“
Они стали прошатьце́ тутъ со слёзами всё.
Говоритъ-то Михайлушко таковы рѣци:
„Мы пойдёмте-тко, братцы, въ красёнъ Кіевъ-отъ градъ,
Въ красенъ-отъ Кіёвъ-градъ, пойдёмъ въ матушку каменну́
Москву—
Мы не ради Опраксеи да Королевисьни,
Хоть мы ради пойдёмте князя Владимира:
Розгнила́сь вѣдь Опраксеюшка Королевисьня,
За грѣхи-ти вѣдь всё же пала въ гно́йшшо;
Какъ Владимеръ-отъ князь отъ неё отступилсэ-то;
Посмотрять-то зайдётъ онъ—носъ завязыватъ.
Я дуну-то на ёе-то на грѣшно́ тѣло“.
Какъ приходятъ-то они въ красёнъ Кіевъ градъ,
Ише прямо ко князю свѣту-Владимиру,
И Владимеръ стрѣцятъ ихъ отъ всей радости:
„Вы не можётё ли, калики, да излицить у мня,
Излицить-то Опраксеи всё Королевисьни?“
И пришолъ-то Михайлушко, слёзно Богу молитце;
Опъ вѣдь дунулъ своимъ-то всё святымъ духомъ.

---

[1]) Ожилъ святымъ духомъ, въ-ко́и-поръ они ходили въ манастырь.

У ей свалились коро́сты да вѣдь вси отъ ей;
Она сдѣлалась вѣдь здрава-здоровёхонька.
Наредилась она въ ризы дравоцѣнныя,
Наредилась, сама вѣдь не постыдилась;
Входитъ, каликамъ-то низко кланялась:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Касьяновичь!
Ты просьти миня въ вины грѣшно виноватыя,
Ты просьти миня ишé, Михайлушко, во второй вины:
Пристыдила я твоё лицо непорочнаё,
Пристыдила я тебя-то рѣцьми́ напраснымa.
Ты просьти миня, Владимеръ-князь стольне-кіевськой:
За Михайлушка-та я вѣдь пала́ во гно́ишшо.
Я обзарилась, Михайлушко, на твою красу“.

23.

Соломанъ и Иванъ Никульевичъ (Окульевичъ).

(У дяди Ефима).

Было-то въ Ерусалими, въ славномъ гради-то,
Тамъ вѣдь жилъ-то премудрой-отъ Соло́манъ-царь
Со прекрасной жилъ царицой Соломáнихой.
Жили они да много времени;
Поѣжаётъ царь Соло́манъ, всё премудрой царь,
Поѣжаетъ собирать онъ дани-пошлины,
Збирать пошлину поѣхалъ прошлогодьнюю —
Шьчо за тѣ-ли всё за годицьки за прошлыя,
Ай за прошлы-то годы, прошлогодныи.
Говоритъ прекрасна тутъ царица Соломáниха:
„Ты не ѣзьди, царь Соло́манъ, збирать пошлины,
Збирать пошлину не ѣзьди прошлогодную;—
Этта прúдётъ Васька Торокашко сынъ Замóренинъ,
Увезётъ у тя царицу Соломаниху.
Приходилъ-то онъ два раза [1]),—ты всё дома былъ“.
Онъ не слушатъ царицы Соломáнихи,
Онъ скорёхонько въ дорожку отправлятце,
Отправлятце въ дорожку всё полъ-годика.
Ай прошла-то эта вѣстоцька да прокатилась,
До того жо прошла вѣсть до Царягóрода.
Ай во ту-ту пору́ было́, во то время,

---

[1]) Отъ двухъ царей: Кудріяниша, ли отъ Грубіяниша (см. № 18), другой—Идóлишо (см. № 49).

Собирáётъ прекрасной царь Иванъ Нику́льёвиць,
Собирастъ онъ пиръ на весь онъ міръ:
Собирастъ на князьей да на бояръ свопхъ,
Собирастъ на хресьянъ на всѣхъ прожи́тосьнихъ [1]),
На прожитосьнихъ хресьянушокъ, на бѣдныхъ тутъ.
Ишше всѣ-то на пиру тутъ напивалисе,
Ишше всѣ же на чеспо́мъ да наѣдалисе,
На пиру-ту скоро всѣ да стали хвастати:
Ишше глупой-отъ хвастатъ молодой женой,
Неразумной-отъ хвастáтъ всё родной сестрой,
Ай вѣдь умной-отъ хвастатъ ро́днымъ батюшкомъ,
Шьчо разумной-отъ хвастатъ ро́дной матушкой.
Ай прекрасной-отъ царь Иванъ Нику́льёвичь
Онъ по полатушкамъ да тутъ похаживатъ,
Онъ похаживатъ, самъ всё усмѣхаитце;
Онъ вѣдь жолтыма кудрями припатрясиватъ,
Онъ вѣдь бѣлыма руками прирозмахиватъ,
Золотыма онъ персьнями принабрякиватъ;
Говоритъ прекрасной царь Иванъ Нику́льёвичъ:
„Ужъ вы гой еси, кня́зи мои, бо́яра,
Вси куицы вы, вси мои госьти торговыя,
Вси хресьянушки да вси прожи́тоцьни,
Вы прожитосьни всѣ, да но́вы бѣдныи!
Роскажите мнѣ вы, всю правду повѣдайте:
Ай у насъ-то въ Цари́гради́ вси молодци пожёнёны,
Ишше красны-ти дѣвушки заму́жъ пода́ваны;
Я единъ живу, прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ,
Холо́стъ-отъ живу да нежонатъ слыву.
Мнѣ-ка хто бы изъ васъ выбралъ бы обру́чницу,
Мнѣ обручницу бы выбралъ супроти́въ меня:
Шьчобы лицико—поро́шки снѣжку бѣлого,
Ай походочка у ей была пави́нная,
Ти́ха рѣць у ей была да лебединная,
Брови-ти у ей да чёрна соболя,
Ишше оци-ти у ей да ясна сокола,
Ясна сокола у ей да перелётного,
Перелётного сокола, заморьского“.
Ишше старшой-отъ хоронитце за средьнёго,
Ишше средьнёй-отъ хоронитце за мéньшого,
И отъ мéньшого прекрасному царю отвѣту нѣтъ.

[1]) Хорошо живутъ.

Говоритъ-то Васька Торокашко сынъ Замо́репинъ:
—Я не знаю-ту тебѣ, прекрасной царь Иванъ Микульёвиць.—
Ишше говоритъ-то Торокашко сынъ Заморе́нинъ:
—Я вѣдь кольки не бывалъ по разнымъ го́родамъ,
Ай по руськимъ бывалъ и по невѣрнымъ я,
Я видалъ, видалъ, вездѣ да красныхъ дѣвушокъ,—
Не видалъ луцьше́ царици Соломанихи.
Ужъ ты гой еси, прекрасной ты царь Иванъ Микульёвичь!
Красота-та у васъ съ ей будётъ однакая,
Другъ на дру́жку вы вѣдь съ ей похожія.—
Тутъ вѣдь говоритъ прекрасной царь Иванъ Никульёвиць:
„Ужъ ты Васька Торокашко сынъ Заморенинъ!
Это есь ли гдѣ теперь таки права?
Говоришь ты вѣдь всё рѣци безумныя:
Какъ вѣдь можно у жива́ мужа жону отнять?“
Говорилъ-то Васька Торокашка сынъ Заморе́нинъ:
— Мнѣ нехи́тро это дѣло мнѣ-ка зьдѣлати —
Увесьти-то мнѣ царицу Соломаниху.—
Говоритъ-то прекрасной царь Иванъ Микульевичь:
„А бери-ко ты у мня да золотой казны;
Ты достань, достань царицу Соломаниху“.
Говоритъ-то Васька таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ!
Нагрузи-ко мнѣ ты три ка́рабля чернёныихъ
Со тима́-ли со товарами заморьскима;
Я пойду-ту къ ей да всё въ Ерусалимъ я градъ,
Увезу-ту бесъ царя-та бесъ Соло́мана.—
Тутъ грузилъ ёму прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ,
Онъ грузилъ, грузилъ чернёны скоро ка́рабли;
А пошолъ-то́ Васька Торокашко сынъ Заморенинъ.
Онъ подходитъ ко сьвятому-ту къ Ерусалимъ-граду;
Онъ вымастыватъ мосточки красна дерева,
Росьтилаетъ онъ сукна одинцовыя
Онъ отъ цёрныхъ-то отъ караблей вплоть до дворьца до царь-
Онъ приходитъ къ царици къ Соломанихи: [ского;
„Ужъ ты здрастуй-ко, царица Соломаниха!
Я пришолъ, пришолъ къ тебѣ на чёрныхъ ка́рабляхъ;
Ты сьними поди у мня товары всё заморьскіи,
Всё заморскіи товары всяки-разныя,
Забирай ты съ насъ ише́, бери да дань всю, пошлину“.
Тутъ вѣдь скоро царица нарежаласе,
Ай пошла она къ Васьки на цёрёнъ карабь.

Заходила къ ёму да на цёрёнъ карабь.
Ай каюты на карабли всё красна дерева,
Красна дерева всё да красна золота.
Тутъ зашла-то царица Соломаниха
На тотъ на Васьки на цёрёнъ карабь,
Во ту-ли во каюту во хрустальную,
Загледѣлась на товары всё на разныя,
На разны-ти на вси она шолки разныя,
Ише разны были шолки всё заморьскія.
Ай во ту пору было, во то время,
Онъ вѣдь сказалъ-то всё младенькимъ матросицькамъ:
„Оставлейте-ко мосты вси красна дерева,
Отплывайте-тко изъ гавани царя Соломана;
Увезёмте мы царицу Соломаниху,—
Ай награду мы полуцимъ всё великую
Отъ того-то мы царя всё отъ прекрасного“.
Ай повёзъ-то тутъ царицу Соломаниху,
Онъ увёзъ, увёзъ царицу Соломаниху;
Онъ приходитъ, привозитъ ко царю прекрасному,
Ко тому-ли ко Ивану-ту Никульёвичу;
Ай привозитъ царицю Соломаниху,
Роспускатъ-то онъ скоро флаки шолковыя.
Тутъ стрѣцятъ-то ихъ прекрасной царь Иванъ Микульёвиць.
Онъ стрѣчаётъ-то ихъ да отъ всей радосьти;
Собираетъ онъ пиръ да тутъ на радосьти,
Повелось-стало у ихъ пированьицё, поцесёнъ пиръ;
Тутъ вѣдь жили они да всё тутъ пожили.
Ай прошло-то тому времени полъ-годика;
Тутъ наѣхалъ-то изъ земёлъ изъ дальнихъ-то
Ай премудрой-то Соломанъ-царь;
Говорятъ-то ёму нянюшки да сѣнны дѣвушки:
„Нѣтъ у насъ царицы Соломанихи:
Ай увёзъ-то ей Васька Торокашко всё Заморенинъ,
Онъ увёзъ-то къ царю прекрасному,
Ко тому-ли-то къ Ивану-ту Микульёвицю“.
Тутъ недолго царь Соломанъ розговаривалъ;
Ай онъ бралъ-то двухъ братьицей крестовыхъ-то:
Ай перьвого-то Добрынюшку Никитича,
Ай другого бралъ Олёшеньку Поповиця;
Ай поѣхалъ-то Соломанъ-царь, отправилсэ.
Пріѣжаетъ Соломанъ-царь, премудрой-онъ,

Пріѣжаетъ онъ да къ Цáрю-ту-граду,
Оставляетъ своихъ братьи́цей крестовыхъ-то
Ай за той-ли за сытѣной ихъ городовою;
Тутъ пошолъ-то самъ онъ, нарядилсэ всё калúкою;
Онъ сказалъ-то двумъ братьицямъ крестовымъ:
„Ай кака будётъ, бывать, мнѣ-ка неволюшка,
Я взыграю вамъ, братьица, во ту́рей рогъ,—
Наѣжайте-ко тогда вы въ Царь-отъ-градъ,
Вы рубите-ко со старого до малого“.
Нарядилсэ-то, пошолъ калúкой перехожою,
Перехожою калúкой, переброжою;
Онъ пришолъ-то къ царицы подъ окошоцько,
Закрыцялъ-то онъ у ей да подъ окошоцькомъ,
„Ужъ ты гой еси, прекрасная царица Соломаниха!
Ты подай-ко мнѣ-ка милосытину всё спасёную—
Ты не ради-то калúки перехожою,
Перехожою калúки, переброжою,—
Ужъ ты для́-ради подай царя Соломана,
Ты Соломана-царя да все премудрого“.
Отыпрала окошоцько скоро́ коснсьцято,
Ай бѣжала на широ́ку свѣтлу улицю;
Тутъ признала она ёго, увидѣла:
Не калика-та ходитъ перехожая,
Перехожая калика, переброжая,
Тутъ вѣдь ходитъ-то Соломанъ-царь премудрой-отъ.
Тутъ брала она царя да за праву́ руку
Да вела ёго въ полаты бѣлокамянны,
Говорила-то она царю Соломану,
Шьчо Соломану-царю она премудрому:
„Ай премудрой ты царь у мня Соломанъ ты!
Ты попей-ко сѣдь, поѣшь, теперь покушай-ко;
У мня нѣтъ теперь въ домп прекрасного:
Онъ уѣхалъ, царь прекрасной, за охвотами“.
Онъ поѣлъ у ей, попилъ сѣлъ, покушалъ тутъ;
Заперла ево царица Соломаниха,
Заперла-то всё въ сундукъ да во платно́й ево.
Тутъ пріѣхалъ-то прекрасной царь Иванъ Микульёвичь,
Онъ пріѣхалъ у ей всё со охвотами,
Онъ навёзъ-то тутъ ей да гусей, ле́бедей,
Онъ перпа́сьцятыхъ-то бѣленькихъ всё утоцёкъ.
Ишше тутъ царица розговаривать:
„Ужъ ты душенька, прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ!

Ужъ мы сѣдёмъ-ко съ тобой пить, ѣсь, всё кушати".
Они сѣли-то пить, ѣсь сь ей, всё всё кушати;
Говоритъ-то тутъ царица Соломаниха:
„Ай ты гой еси, прекрасной душонька ты царь Иванъ Микýльё-
Ты везьдѣ ѣзьдилъ, гулялъ, да ничего не знашь; [вичъ!
Я и дома была, цярица-та прекрасная,
Я вѣдь дома-то была, да много видѣла:
У мня есь-то вѣдь въ госьтяхъ всё небывалой гось,
Небывалой у мня гось да всё нежданой-отъ,—
Не ждала ево, совсѣмъ объ ёмъ не думала".
Говорúтъ прекрасной царь Иванъ Микульёвиць:
— Ужъ ты шьто севодьне, царица, не съ ума шалишь?—
Говоритъ-то тутъ царица Соломаниха:
„Ужъ ты душенька, прекрасной царь Иванъ Микульёвичь!
Я скажу-то про то тебѣ, тебѣ повѣдаю,
Про того скажу царя тебѣ премудрого:
Шьчо сказали—царь Соломанъ—онъ хитёръ-мудёръ,—
Ишше сидитъ онъ у мня да въ сундуки занёртъ,
. . . . . "
Говоритъ-то прекрасной царь Иванъ Микульёвиць:
— Ты вѣдь врёшь теперь, царица Соломаниха!—
Отпирала она сундукъ, да всё показыватъ;
Говоритъ ёму цариця Соломаниха:
„Ужъ ты душонька, прекрасной царь Иванъ Микульёвиць!
Не оставляй царя Соломана до ýтра ты,—
Отойдётъ онъ у тебя всё своей мудросью".
Говоритъ-то царь прекрасной Иванъ Микульёвиць:
— Ай тепере царь Соломанъ онъ въ моихъ рукахъ.—
Говоритъ-то царь Соломанъ таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной ты царь Иванъ Микульёвиць!
Цимъ тебѣ рубить моя-та бýйна гóлова,
Ужъ ты завтро отсѣкёшь да буйну голову,—
Шьчо увидятъ всѣ народъ, да люди добрыя".
Говоритъ царю цариця Соломаниха:
— Отруби ты, отьсѣки да буйну голову.—
Говоритъ-то Соломанъ-царь премудрой-отъ:
„Ты прекрасной мой царь Иванъ Микульёвиць!
Ты возьми-ко завтро зьдѣлай ты высокой рей,
Ты къ рею-ту къ тому зьдѣлай возьми лúсёпку,
Ты повѣсь возьми да всё три пётёлки:
Шьчо перьвý-ту повѣсь петёлку шолкóвую,
Ай другý-ту повѣсь петёлку варóвую,

Ай третью́ ты повѣсь петёлку всё липову“.
Тутъ прекрасной царь Иванъ Микульёвиць
Онъ вѣдь радъ-то былъ тому, шьчо ёму царь сказалъ.
Говоритъ ёму цяриця Соломаниха:
„Ты прекрасной мой царь Иванъ Микульёвиць!
Ты сьвяжи хошь въ пу́тани шолко́выя,
Не оставь ты такъ царя да всё Соломана,—
Измудри́тьце́ своей мудросью, онъ своей хитросью“.
Онъ связалъ-то тутъ царя Соломана,
Замыкалъ-то за замочки его крѣпкія.
Онъ стаётъ въ утря́хъ, по у́тру-ту по ранному,
Онъ вѣдь дѣлаётъ скоро тутъ высокой рей,
Къ высоко́му дѣлатъ ре́ю всё онъ ли́сницю;
Онъ повѣсилъ три пе́тёлки, вси разныя:
Онъ перьву́-ту всё петёлку шолко́вую,
Онъ другу-ту вѣдь петёлку варо́вую,
Онъ третью́-ту вѣдь петёлку онъ липову.
Повели они царя, царя премудрого,
Ай премудрого царя да всё Соломана;
На перьву́-ту на приступочку-ступеньку приздыпу́лисе,—
Говоритъ-то тутъ Соломанъ-царь премудрой-отъ:
„Ты прекрасной ты царь Иванъ Микульёвичь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка взыграть-то всё во ту́рей рогъ;
Ты пди-ко со мной самъ, веди царицю Соломаниху:
Я потѣшу, поиграю, всё тебя, царя съ царицою“.
На другу́-ту ступеньку они вышли тутъ,—
Онъ зыгралъ опеть во дутоцьку, во турей рогъ;
Онъ играетъ, самъ да приговариватъ:
„Я потѣшу-то ихъ, всё я царя да со царицою:
Мнѣ вѣко́мъ больше царицу не видать будётъ“.
Говоритъ-то цяриця всё царю прекрасному:
—Ужъ ты вѣсь скорѣ́ царя Соломана:
Отойдётъ онъ отъ тебя да своей хитросью.—
Говоритъ-то царь Соломанъ всё премудрыя,
Говоритъ-то всѣмъ народу, людямъ добрымъ тутъ:
„Ужъ вы гой еси, народъ, вси люди добрыя!
Вы которы вы умны, дакъ подите проць,
Не смотрите вы царя да всё Соломана:
Его-то вѣдь смерть будётъ престрашная“.
Онъ зыгралъ-то въ третьей наконъ да всё во турей рогъ.
Тутъ наѣхала его дружиноцька хоробрая,
Шьчо два того-ли всё два брателка крестового,

Два крестового два братёлка назва́ного:
Ишше тотъ-ли Добрынюшка Никитиць младъ,
Ишше тотъ-ли Алёшенька Поповиць младъ.
Говоритъ-то царь Соломанъ-свѣтъ премудрой-отъ:
„Налетѣли у мня гуси со сьвятой Русй,
Со сьвятой у мня Руси, сь Ерусалима, славна города;
Шьчо клюютъ у мня пшеницю бѣлоярову".
Говоритъ-то царица Соломаниха:
— Ты прекрасной мой царь Иванъ Микульёвичь!
Отойдётъ вѣдь царь Соломанъ своей хитросью'. —
Тутъ во ту-ли пору, скоро во то время,
Тутъ два ясного два сокола проле́тыватъ,—
Прiѣжаетъ два дородьня добра молодца,
Шьчо два руського могучого бога́тыря:
Шьчо перьво́й-отъ Добрынюшка Никитиць младъ,
Ай другой-отъ Олёшенька Поповиць младъ;
Ай приходятъ они скоро́ къ рею́ высокому.
По Соло́манову было тутъ роспоряженьицю.
Приказалъ-то онъ какъ имъ, дѣло дѣлать-то:
„Въ перьву пе́тёлку шолко́вую положьте вы,
Шьчо положьте вы прекрасного царя Ивана Мику́льёвича;
Я за то ёго поло́жу въ петёлку въ шолко́вую,
Ай шьчобы́ пришла-то ёму скоро сьмерть,—
Онъ не билъ меня вперёдъ, да оставлялъ онъ всё".
Ай царицю Соломаниху поло́жили во петёлку,
Ей во ту-ли во петёлку варо́вую;
Ешше Ваську Торокашку—всё во липову.
Тутъ вѣдь всихъ они всё злыхъ людей приконьцили;
Ай поѣхали они, скоро отправились
Шьчо во тотъ-ли они въ Ерусалимъ-отъ градъ.
Они стали поживать да тамъ всё здрастовать,
Всё постарому они стали да жить, попрежному.

24.

Егорій Храбрый и его мучитель [1]).

(У м а т е р и).

Ишше туры, олени по горамъ пошли,
Ишше сѣры-ти заюшки по за́сѣкамъ,

[1]) А. М. Крюкова говорила, что въ Золотицѣ Егорія поютъ за стихъ и совершенно иначе.—Этотъ стихъ считается старинной и въ Поморьѣ (см. въ моей статьѣ стр 3. прим. 3). *Собир.*

Ишше бѣленьки горносталюшки по тёмны́мъ лѣсамъ;
Тутъ вѣдь рыбина ступила во морьску́ глубину;
Ишше на́ небн взошолъ да младъ сьвѣтѣ́лъ мѣсецъ,—
На земьли зародилсэ могу́ць богаты́рь
Да по имени Егорей-свѣтъ Храбрыя.
У Егорьюшка во лбу было красно солнышко,
У Егорьюшка въ затылоцьки былъ сьвѣтѣ́лъ мѣсецъ,
По коси́цямъ цясты-ти звѣздоцьки катаютце,
За ушами-ти зори занимаютце́.
И прошла ета вѣстоцька всё по всей земли,
Шчо по всей прошла земьли, по всей Святоруськоюю;
Шчо дошла ета вѣстоцька до невѣрного царя,
До невѣрного царишша всё Грубія́нишша.
Онъ царей-то, королей онъ всѣхъ повырубилъ,
Онъ вѣдь Божьи-ти церькви да вси на дымъ спусьтилъ,
Онъ святы́-ти иконы всё на мосты смосьтилъ,
Царя Ѳёдора Смоляньского [1]) подъ мець склонилъ,
Онъ срубилъ-то у ево да буйну голову,
Да цяриню, доць прекрасну [2]) онъ изуродовать хотѣлъ.
Да цяриця, доць прекраспа-та всё хитра́-мудра́ была,
Всё хитра была, мудра, да во Пеше́ръ-горы ушла,
Во Пещеръ-то горы ушла да горы камяны,
Да въ собой-то унесла она цяда милого,
Цяда милого она, всё цяда любимого,
Шьчо того она Егорья-свѣта Храброго.
Какъ приходитъ цариця гору камянную: [3])
„Ужъ ты гора́, ты гора, ты гора камянная!“
Называётъ цариця да го́ру матушкой,
Называетъ цариця да сле́зно плацётъ же:
„Ты прими, прими, гора, ты гора камянная,
Ты не для́-ради миня, ты для-ради цяда моего,
Для того-ли для Егорья ты свѣта-Храбраво“.
Розьдвига́лась Пешшера, всё гора камянная,
Припимала царицю, всё доць прекрасную.
Какъ не могъ найти цари́шшо всё Грубіянишшо.
Тутъ вѣдь сталъ у ей Егорьюшко всё пети годовъ,
Тутъ вѣдь сталъ у ей Егорьюшко всё восьми годовъ,
Ишше сталъ у ей Егорьюшко всё выспрашивать:
„Ужъ ты гой еси, цяриця, ты доць прекрасная,

[1]) Егорьева отця.
[2]) Мать Ёгорьеву.
[3]) Въ гору камянную? *Собир.*

Ужъ ты матушка моя, ты свѣтъ-родимая!
У мня былъ ли на роду-ту ро́дной батюшко?"
Россказала цариця ему прекрасная:
— Ужъ ты гой еси, моё ты цядо милоё,
Ужъ ты мило моё цядышко, любимоё,
Ты по имени Егорей всё свѣтъ-Храброй ты!
Когда ту́ры-ти, олени по горамъ прошли,
Ище рыбина ступила во морьску́ глубину,
Ище на́ неби взошолъ-то младъ сьвѣтёлъ мѣсе́ць,
На земли-то ты у мня родилсэ, всё могуць богаты́рь,
Ты по имени Ёгорей-свѣтъ ты Храбрыя;
Да во лбу-ту у тобя какъ будто соньцо красноё,
Да въ затылки у тибя-то младъ свѣтёлъ мѣсець,
По локо́тъ-то у тибя вѣдь руцьки въ золоти,
По колѣнъ-то у тибя-то ножки въ се́ребри,
По коси́цямъ [1]) часты звѣздочки всё катаютце;
За ушами-ти зори занимаютце.
Да прошла эта вѣсьть про тебя по всей земли,—
Ише вся у тя краса была поднебесная,—
Да прошла-то про тебя слава великая,
Какъ по всѣмъ прошла земьля́мъ, по всѣмъ славнымъ городамъ;
Шьчо дошла эта вѣсьть-та до невѣрного царя,
До невѣрного царя всё до Грубіянишша;
Онъ вѣдь Божьи-ти церькви вси огнёмъ сожогъ,
Онъ святы-ти образа да онъ въ мосты вси склалъ,
Царя Ѳёдора Смоляньского, всё твоёго батюшка,
Онъ подъ мець ево склонилъ, ссѣкъ у ево буйну голову,
А миня-то онъ, царицю, изуродовать хотѣлъ.
Я хитра̀ очунь, мудра́ была, хитрому́драя;
Во Пешеръ-гору ушла я, всё горы камянную [2]);
Я въ собой-то унесла тибя, цяда милого,
Я пришла-то, всё горы́ сле́зно приросьплакалась,
Ишше матушки Пешшеры прирозьжалилась:
„Ужъ ты матушка Пешшера, гора камянная!
Ты прими, прими царицю, всё доць прекрасную,
Ты не для́-ради миня, хоть для́-ради цяда моёго,
Для того-ли для Ёгорья-свѣта Храброго.—
Какъ вѣдь выслушалъ Ёгорей ее́ рѣци вси,
Ее рѣци-ти вси да вси росказы-ти:

[1]) Косьти надъ глазами.
[2]) См. примѣч. къ 28 ст. *Собир.*

„Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,
Ише та-ли царица, доць прекрасная!
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка съѣзьдить благословленьиця,
Мнѣ-ка съѣзьдить-то разѣ-то ко царишшу тутъ;
Ко царишшу я съѣжжу всё Грубіянишшу,
Я пролью-то, пробью-ту кровь тотарьскую,
Отобью, отмешшу я кровь христіяньскую,—
За своёго за батюшка за родимого,
За того за царя за Ѳёдора за Смоляньчкого".
Тутъ заплакала родима-та ёго матушка,
Ише та-ли цярица-та, доць прекрасная:
— Ужъ ты гой еси, Егорей-свѣтъ ты Храбрыя!
До царишша-та есь всё три заставушки:
Ишше перьва-та заставушка—лѣса тёмныя,
Ото встоку стоятъ всё лѣса до западу;
Ишше ясному соколу не пролетѣть будётъ,
Какъ тебѣ-то, доброму молодцу, на своёмъ-то на добро́мъ коні́,
На добро́мъ-то кони будётъ не проѣхати.
Да втора-та есьть заставушка великая—
Да стоитъ тутъ гора-та, гора камянная,
Ото встоку стоитъ гора до западу,
Отъ земли-то стоитъ она ра́вно до неба;
Да третья́-та застава есь—рѣка огняная,
Ото встоку течётъ-то всё до западу,
Отъ земли пламя вьётце ровно до́ неба.—
Тутъ выходитъ Ёгорьюшка на широ́ку свѣтлу улоцьку,
Роспрошаитце съ родимой своей матушкой.
А исъ туци-то выпадывалъ ёму доброй конь [1]),
Да изъ облака выпадыватъ сабля вострая,
Сабля вострая ёму, палиця тяжолая,
Ишше вся-то принадлежносьть-та богатырская.
Да поѣхалъ Ёгорьюшко на добро́мъ кони;
Пріѣжаетъ Ёгорей къ той заставушки,
Да ко тѣмъ-ли пріѣжаётъ къ лѣсамъ тёмнымъ;
Приздымаетъ Егорьюшко злата́ вѣньця,
Говоритъ-то Ёгорьюшко таковы слова:
„Вы лѣса, вы лѣса-то да лѣса тёмныя!
Вы не варуйте, лѣса, всё во невѣрного царя,
Вы поваруйте, лѣса-та, въ самого́ Христа,

[1]) Врака́ поётьце?

Въ самого, лѣса, Христа вы, Бога роспятого,
Во того вы во Егорья-свѣта Храброго".
Проѣжаетъ Егорьюшко ту заставушку;
Пріѣжаетъ Егорьюшко къ горы камянной,
Говоритъ-то Ёгорей-свѣтъ таковы рѣчи:
„Ты гора-ли, гора, гора камянная!
Ты не варуй-ко, гора, ты во невѣрного царя,
Во невѣрного царя-то въ Грубіянишша;
Ты поварую-ко, гора, ты въ самого Христа,
Въ самого-то Христа, всё царя небесного,
Во небесного царя, Бога распятого,
Во тово ишё въ Ёгорья-свѣта Храброго".
Признимаетъ Егорьюшко злата вѣньца,
Проѣжаетъ Егорей ту заставушку.
Пріѣжаетъ къ рѣки, къ рѣки къ огняной;
Говоритъ-то Ёгорьюшко таковы рѣчи:
„Ты не варуй-ко, рѣка, да во невѣрного царя,
Во невѣрного царишша Грубіянишша;
Ты поварую-ко, рѣка, да въ самого Христа,
Въ самого Христа повѣруй, царя небесного,
Во того-ли-то всё Бога распятаго".
Признимаетъ Ёгорьюшко злата вѣньца;
Проѣжаётъ Егорей ту заставушку.
Пріѣжаетъ Ёгорьюшко ко царишшу-ту Грубіянишшу.
Какъ выходитъ царишшо на красно крыльцё:
„Ты поварую-ко Егорей-свѣтъ ты Храбрыя,
Во мою ты всё вѣру во невѣрную".
Говорилъ-то Ёгорей да свѣты-Храбрыя:
— Я вѣдь скоро въ твою-ту вѣру поварую:
Отьсѣку у тя тотарьску-ту твою голову,
Отьмешшу я христіяньску-ту кровь горячую.—
Приказалъ тутъ царишшо ево пилой пилить;
Да Ёгорья-та-свѣта всё пила не берётъ,
Ишше вся-та пила у ихъ выспригнулась.
Ишше сталъ онъ Ёгорьюшка колясомъ вертѣть;
Ишше всё-то въ шепу-ту приломалось.
Ишше сталъ онъ Ёгорьюшка въ котли варить;
Да Ёгорей-отъ въ котли-то онъ стойкомъ стоитъ,
Онъ стоитъ-то въ котли-то да всё стихи поётъ,
Ише пѣсь-ту поётъ всё Херувимскую;
У Егорья подъ котломъ-то не огонь горитъ,
Не огонь-то горитъ, всё разны цвѣты цвѣтутъ,

Всё цвѣты-ти цвѣтутъ, всё разны́ лазу́рёвы:
Приказалъ копать погрёбъ ёму глубокой тутъ:
Въ глубину-ту вѣдь погрёбъ сорока сажо́нъ,
Въ долину-ту вѣдь погрёбъ двадцети пети;
Въ ширину-ту вѣдь погребъ двадцети сажо́нъ;
Опъ хвата́лъ-то Ёгорьюшка царишшо за жолты́ кудри,
Онъ кина́лъ-то царишшо Ёгорья во глубокъ погрёбъ,
Онъ вѣдь цястою желѣзною рѣшотоцькой,
Онъ желѣзною рѣшотоцькой призадёрьгивалъ,
Онъ камёньицёмъ, кореньицёмъ призаваливалъ,
Опъ жолты́мъ пескомъ Ёгорьюшка призасыпывалъ;
Еще самъ-то, собака, онъ похваля́нитце:
„Не бывать теперь Ёгорьюшку на сьвятой Руси,
Не видать теперь Ёгорьюшку сьвѣту бѣлого,
Не видать теперь Ёгорьюшку ро́дной матушки!“
Какъ по Бо́жьёму-то пало изволеньицю,
По Ёгорьёву-ту пало по моленьицю:
Потенули-то всё вѣдь тутъ вѣтры буйныя
Шьчо со ту-ли со востоцьню-ту со стороноцьку;
Вси жолты́-ти вѣдь песоцьки прирозьвѣяло,
Всё вѣдь камёньицё съ кореньицёмъ приросха́тало,
Всю желѣзную рѣшотку прирозьдёрьгало.
Тутъ выходитъ Ёгорьюшко къ намъ на бѣлой сьвѣтъ,
Онъ на бѣлой-отъ свѣтъ, да всё увидялъ онъ,
Да увидялъ Ёгорей красно солнышко.
Тутъ выходитъ царишшо на красно́ крыльцё,
Онъ вѣдь кланелсэ Егорью-ту низёхонько:
„Ужъ ты гой еси, Егорей-свѣтъ ты Храбрыя!
Станемъ бра́татьце персьнями однозоло́тными:
Ище будешь ты, Егорьюшко, мнѣ большой вѣдь братъ,
Я вѣдь буду тебѣ да всё меньшо́й-отъ братъ“.
Нецёго-то съ имъ Егорей не розговаривать;
Онъ хватилъ-то царишша за цёрны́ кудри́,
За цёрны́ ёго кудри́-ти всё за тотарьскія,
Ище онъ всё кина́лъ ёго о кирписьнёй мосъ;
Ишше тутъ царишшу-ту всё славы́ поютъ,
Всё славы́-ти поютъ ёму, въ старины́ скажу́тъ.
Онъ прибилъ-то со ста́рого и до малого,
Не оставилъ онъ силы-то на сёмяна.
Опъ поѣхалъ искать своихъ двухъ онъ сёсьтрицей,
Онъ нашолъ-то родимыхъ двухъ вѣдь сёсьтрицей—

Какъ пасутъ они скота, за пастуховъ живутъ [1]);
Какъ на ихъ-то вѣдь тѣло-то какъ камышъ-трава.
Приводилъ-то, привозилъ онъ ихъ къ Ёрданъ-рѣки,
Окупалъ-то онъ ихъ-то всё въ Ёрданъ-рѣки;
Какъ свалилась у ихъ эта камышъ-трава;
Онъ вѣдь дунулъ на ихъ своимъ святымъ духомъ;
У ихъ зьдѣлались тѣла будто снѣгу бѣлого.
Онъ привёзъ-то ихъ къ родимой милой матушки;
Самъ насталъ-то онъ на батюшково на мѣсто тутъ.
Они за́жили тутъ да всё постарому,
Да постарому-ту зажили, попрежному.

25.

Оника-воинъ [2]).

(У матери).

Былъ жилъ Они́ка-воинъ.
Поѣхалъ Оника-воинъ;
Прѣхалъ Оника-воинъ сьвятую Русь,
Онъ побилъ многихъ руськихъ бога́тырёй,
Пролилъ много у вдовъ сле́зъ горькихъ.
Задумалъ Оника-воинъ
Ерусалимъ-градъ розорити.
Насьтрѣчу Оники-воину
И́детъ тутъ чудо чудноё,
И́детъ всё диво дивноё,
Насьтрѣчу всё сьтрѣчантце,
Всё Оники не ужаха́нтце.
Оника на ко́ни ужахнулсэ,
И хо́чотъ вострую саблю всё направить;
Какъ изъ руки сабля упала.
Идётъ-то вѣдь цюдо цю́дно:
У ей ту́лово зьвѣрино,
Ише ноги всё лошадины,
Голова человѣческая,
Вла́сы у ёго до пояса.
Тутъ спрого́воритъ Оника-воинъ:
„Ты како́ же чудо чу́дно,

---

[1]) По словамъ А. М. Крюковой, одну изъ нихъ звали, кажется, Надежда́й; имени другой сестры она не помнитъ. *Собир.*

[2]) По словамъ А. М. Крюковой, эта старина поется какъ стихъ; она пѣла ее тѣмъ же напѣвомъ, что и „Осаду Соловецкаго монастыря“ (№ 39). *Собир.*

Ты како же диво дивно:
Или царь, или царевиць,
Или король, ли королевиць,
Или руськой ты сйльнёй, могуцёй богáтырь?“
Отвѣчаетъ Оники сьмерьть-матушка:
— Я не царь, я не царевиць,
Не король я, всё не королевиць,
Я не руськой сильнёй, могу́чой богáтырь,—
Я—сама престрашна Сьмерть твоя, матушка.—
Тутъ спроговоритъ Оника-воинъ:
„Ой еси, престрашна Сьмерть-матушка!
Дай ты мнѣ-ка строку съѣздить на три года,
Съѣздить мнѣ въ Ерусалимъ-градъ Богу помолитисе,
Ко Осподьню мнѣ-ка [1]) приложитисе“.
Говоритъ престрашна Сьмерть матушка:
— Не дамъ тебѣ строку на три года
Съѣзьдить въ Ерусалимъ-градъ Богу помолитисе,
Ко Осподьнёму гробу приложитисе.—
„Ой еси, престрашна Сьмерть-матушка!
Дай же мнѣ-ка строку на три мѣсеця
Съѣзьдить въ Ерусалимъ-градъ Богу помолитисе,
Ко Осподьню мнѣ-ка гробу приложитисе“.
— Не дамъ я тебѣ строку на три мѣсеця.—
„Дай, Сьмерть, строку хоть на три дня
Уѣхать мнѣ-ка въ свой градъ“.
— Не дамъ я тебѣ строку на три дня.—
Тутъ Оника на копи да возьерилсэ.
Вострой сáблёй замахнулсэ;
Прáва ру́ка всё покатилась,
Лѣ́ва ру́ка опусьтилась,
Голова съ плець повалилась;
Тутъ Оники сьмерть слунилась.

26.

Г о р е [2]).

(У своего двоюроднаго брата, племянника матери, родомъ изъ с. Стрѣльны).

Ишше было-то бѣдному хресьянину,
Ишше горюшко ёму да доставалосе.

---

[1]) Очевидно, пропущено „гробу“. *Собир.*

[2]) А. М. Крюкова не могла опредѣлить навѣрное, старина ли это или пѣсня. *Собир.*

— На роду ли мнѣ горё было ушисано,
На дѣлу́ ли ты мнѣ, горё, доставалосе,
Въ жеребью́ ли ты мнѣ, горюшко, повыпало?
Я пойду теперь отъ горя во тёмны́ лѣса;
Шьто за мной горё летитъ ту́тъ чёрнымъ ворономъ.
Я пойду-ли я отъ горя на сине́ морё,
Ай за мной-то вѣдь горё—сѣрой утицёй;
Я пойду-ту отъ горя на друго́ морё,—
Какъ за мной-то вѣдь горё-то сизы́мъ орломъ.
Я пойду-ту отъ горя во то-ли во чисто́ полё;
Тутъ летитъ-то за мной горё ясным соколомъ.
Я пойду-схожу отъ горюшка на тихи заводи,
Поплыву-ту я по тихимъ всё по заводямъ;
Тутъ за мной-то вѣдь горюшко да бѣлой лебедью.
Я пойду-схожу, отъ горя далеко́ уйду,
Я уйду-пойду во тѣ лѣса во тёмныя.
Я во тѣ уйду во сцепи во Саратовськи;
Тутъ за мной-то вѣдь горё—сѣрымъ заюшкомъ.
Я уйду, уйду отъ горя по крутой горы́;
Тутъ за мной-то вѣдь горё—горносталюшкомъ.
Я уйду же я отъ горя въ матушку сыру землю;
Ишше тутъ-то всё моё горё осталосе,
Ишше тутъ-то моё горё миновалосе.
Не достаньсе ты, моё горё великоё,
Не отьцю ты, моё горюшко, не матушки,
Ты не брату, моё горё, не родной сестры;
Не достаньсе ты, моё да горё горькоё,
Ты не другу моёму, всё не пріятелю,—
Ты останьсе со мной въ матушки сырой земли!

27.

Братья-разбойники и ихъ сестра.

(У жены своего дяди—„дедьны“—Матрены Кипріяновны, родомъ изъ Ку́зомени).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Тамъ была, побыла да пожила вдова,
Пожила была вдова, вдова Моряночка,
Пожила-та вдова была сорока годовъ.
Ай вѣдь было-то жило у ей деветь сыновъ,
Ай была у ей ише́-то дочка, красна дѣвушка.
Деветь сыновьёй её они въ розбой пошли,
Во розбой пошли, пошли во розбойницьки.

По́сьлѣ ихново-то было у ей быва́ньица,
Посьлѣ ихново-то было у ей жива́ньица,
Ищэ маменька дочьку-ту возро́сьтила,
Шьчо возро́сьтила дочьку-ту, замужъ вы́дала
За того она купча-госьтя Моря́нина.
Вотъ жпвётъ наша Моряночка хорошо очунь;
Онп годъ-то живутъ, всё они другой живутъ.
Какъ заску́чила Морянка объ ро́дной маменьки.
Ай о маменьки родно́й она все соскучила;
Говоритъ она купчу-ту-госьтю Моряпину:
„Мы поѣдёмъ къ родимой къ моей матушки!“
Не поѣхалъ Моря́нинъ всё къ своей тёшшиньки.
Они годъ-отъ живутъ, они другой живутъ;
Они при́жили собѣ-то какъ ма́лого дѣтишша,
Они дѣтишша собѣ, они-то юношу.
Говоритъ опять Моряночка таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, купець богатой-отъ!
Мы поѣдёмъ-ко домой-то, къ ро́дной матушки,
На мою-ту родиму милу сторону,
Ко моей-то ко родимой милой матушки,
Ко Моряниной мы да всё ко тёшшиньки“.
Тутъ идётъ скоро купець-то да всё богатой-отъ,
По прозваньицю-ту всё да онъ Моряпинъ былъ,
Ёнъ вѣдь скоро уходилъ къ себѣ на широкой дворъ,
Онъ уздалъ-то, сядлалъ-то коня доброго,
Онъ повёзъ свою Моряночку къ ро́дной матушки,
Онъ вѣдь маленького дѣтища садилъ всё во серёдыши.
Они день-то ѣдутъ, всё они другой ѣдутъ;
Пристыга́ётъ-то ихъ-то всё ночка тёмная,
Ночка тёмна пристыгаетъ, всё ночь осённая.
Говоритъ-то Моряночка таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Моряпинъ, купець богатой ты!
Какъ пора тебѣ сходить теперь со добра́ коня,
Да пора спускать коня тебѣ во зелёной лугъ,
Да пора-то ставить шатёръ всё бѣлополо́тьняной“.
Ишше тутъ всё купець-то скоро слушаётъ
Онъ свою-ту Моряночку, молоду жону;
Онъ вѣдь скоро соходитъ самъ со добра́ коня,
Онъ вѣдь скоро спускатъ коня въ зелено́й-отъ лугъ,
Бѣлояровой пшеници коню насыпыватъ,
Онъ вѣдь ставитъ-то бѣло́й-то шатёръ полотьняной;
Повалились-то въ шатёръ, купець Моряпинъ-отъ;

Засыпа́лъ скоро Моряни́нъ-отъ богатырьскимъ сномъ,
А Моряночка-то да она всё не спитъ,
Всё не спитъ наша Моряночка, больше такъ лежитъ
Ай вѣдь бы́ло-то времецько, всё было́ въ полно́чь время:
Тутъ не шумъ-то шумитъ-то, всё не гамъ гами́тъ,
Шьчо наѣхало тутъ-то девѣть бога́тырей,
На [1]) наѣхали они-то да въ по́лночь тёмную,
Ноцьку тёмную, въ полно́чь да ночь осённую;
Какъ Моряни́на они-то вѣдь брали за желты́ кудри,
Отрубили-отсѣкли буйну голову,
Ма́ла дѣтишша они всё взели розо́рвали,
Молоду эту Моряночку во поло́нъ взяли,
Во полонъ они взяли ей во серёдоши.
Ище всѣ-то тутъ бога́тыри скоро за́спали,
Скоро заспали всё спомъ они богаты́рьскіимъ;
Шьчо одинъ-отъ бога́тырь онъ не спитъ-то тутъ,
Онъ не спитъ, не спитъ, больше такъ лежитъ.
Тутъ заплакала Моряночка, заприцьта́ла тутъ:
„Тамъ была-то пожила да въ славномъ Кіеви,
Тамъ была-то, пожила была вдова,
Пожила была вдова сорока годовъ;
Шьчо у той у вдовы было́ девѣть сыновъ,
Шьчо девѣть было́ сыно', бы́ло ясныхъ соколовъ,
Какь бога́тыри они были могуціи;
Ишше дочка была у ей, красна дѣвиця.
Эти братьиця родимы всё во розбой пошли,
Во розбой они пошли, всё во розбойницьки,
Во чисто́ полё уѣхали всё они поля́ковать.
Посьлѣ ихного было посьлѣ быва́ньиця,
Посьлѣ ихного было посьлѣ живаньиця,
Ишше матушка дочку скоро возро́сьтила,
Шьчо возро́сьтила дочку, всё замужъ вы́дала
За того-ли за купця-та-гостя Моряни́на;
Ай увёзъ-то Моряни́нъ Моряночку во своё мѣсто;
Во своё увёзъ мѣсто-то, да во своё село,
Во своё увёзъ село, всё увёзъ за́ море.
Ище годъ они жили, всё другой жили,
Ужъ какъ при́жили собѣ-то мала дѣтишша.
Захотѣлось-то мнѣ-ка въ госьти ѣхати

[1]) Такъ сказательница иногда произносила слово „да“. *Собир.*

Ко своей-то къ родимой моей матушки,
Ко Моряниновой-то всё да какъ ко тёшшинки.
Ай Моряшинъ-отъ Моряночку мина слушалъ былъ;
Онъ уполъ то вѣдь скоро на широкой дворъ,
Онъ уздалъ-то, сѣдлалъ-то коня доброго,
Надѣвалъ-то на коня узду серебряну,
Шшше клалъ онъ сѣдёлышко всё чиркальское;
Онъ повёзъ мина Моряночку, къ ро́дной матушки.
Мы вѣдь день-отъ ѣдёмъ да всё другой ѣдёмъ,
Да застыгла-состыгла насъ ночка тёмная,
Ночка тёмная состыгла, всё ночь осённая;
Я сказала Моряшину, всё скоро повѣдала:
„Шьчо пора тибѣ, Моряшинъ, сходить съ добра́ копя,
Да пора тебѣ коню-ту, да коню сдохъ давать,
Шьчо здохъ копю давать, спускать въ зелены́ луга;
И насыпь-ко ты пшеницы бѣлоя́ровой“.
Онъ поставилъ намъ шатёръ скоро полотьняной;
У мия за́снулъ Моряшинъ всё богатырскимъ сномъ,
Засыпи́ла я всё дитя малого:
А вѣдь я-то лёжала, лёжала, ужъ я всё не сплю,
Ужъ я всё не сплю, думу думаю.
Тутъ вѣдь скоро, во полно́чь было ноцьки тёмною,
Да не шумъ шумитъ-то, да всё не гамъ гами́тъ,—
Ай наѣхало тутъ деветь бога́тырей,
А бога́тырей, наѣхали всё деветь розбойнищьковъ;
Они брали Моряшина за желты́ кудри,
Ай отсѣкли-отрубили съ плець да буйну голову,
Мала ди́тятка взели, розо́рвали,
По чисту́ они полю-то всё розбро́сали“.
Какъ одинъ-отъ розбойничокъ приросплакалсэ,
Приросплакалсэ розбойницёкъ, приросту́жилсэ:
— Вы ставайте-тко, братьица, вы братьича родимыя!
Немалу́-то мы шутоцьку нашу́тили;
Ище какъ эта шутоцька намъ вѣдь съ рукъ сойдётъ?
Вы ставайте, пробужайтесь, мои братьица!
Мы убили всё зятя любимого,
Мы того-ли купця, купця Моряшина,
Мы розо́рвали любимого всё племяшицька,
Мы ъъ полонъ-отъ теперь взяли свою родну́ сестру,
Мы родну-ту сестру свою Моряночку.—
Тутъ скорёхонько стовали ро́дны братьица,

Они падали сестрици во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти, просьти, родима мила се́стрица,
Ты просьти, просьти, Моряпинова молода жона!
„Мы поѣдёмте тепере, братцы, въ Кіевъ-градъ
Ко своей-то ко родимой мы ко матушки;
Повезёмте-тко Моряночку, мы родну сестру,
Мы родну свою сестру, молоду вдову,
Ко своей-то родимой милой матушки;
Не пойдёмте-тко мы больше во розбойницьки,
Мы не будёмъ больше ѣздить по чисту́ полю;
Мы положимъ объ томъ заповѣдь великую:
Мы не будёмъ убивать больше многи́хъ людей!“
Тутъ просьтила ихъ родима мила се́стрица,
Ишше та-ли Моряночка, молода вдова.

28.

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики.

(У дѣвочки Ѳедоры, лѣтъ 12; она была родомъ изъ Чапомы́, но жила въ Чаваныгѣ въ виликахъ).

Ай была-то жила вдовушка;
Шьчо вѣдь было у ей да тро́ё дѣточокъ:
Два сына было́ да всё вѣдь дочь единая.
Ай задумала вдовушка думушку худу́ про собя:
„Ай шьчобы мнѣ, вдовушки, итьти ко синю́ ко морю́,
Ко синю́ морю, вдовушки, мнѣ-ка дѣточокъ сьнесьти.
Спушшу, спушшу, вдовушка, дѣтей на воду,
Я поло́жу-ту на дошшочку красна дерева,
Росьпишшу-ту я слова, каки́ мнѣ надомно,
По словамъ шьчобы моихъ дѣтей узнавали тутъ“.
Приходила-то вдовушка ко синю́ морю,
Ихъ вѣдь кла́ла на дошшочку красна дерева
Да спускала-то дѣточокъ на сине́ё море́,
Говорила-то дѣточкомъ таково́ё слово́:
„Попеси, понеси ты, мо́рё си́неё,
Си́нё морё попеси да на морськую пучинушку!
Ты вѣдь спой-скорьми дитей, Спасъ пречистыя;
Ай на умъ-то наставь, да Мати Божья, ты ихъ!
Я сама-та пойду зъ дочкой спасатисе,
Я сама-та пойду Богу молитисе,
Я пойду я въ ма́настыри въ спасёныя“.

Ай прошло тому времецьку вѣдь много лѣтъ.
Да ушла она молитьи́е Богу-Господу;
Ай ее́-то дѣтей бѣдныхъ маленькихъ,
Понёсло же дѣтей по синю́ по морю̀,
По синю́ по морю̀ да ихъ не знаемъ куда.
Какъ во ту вѣдь пору́ да во то времечко
Тутъ идётъ по синю́ морю́ чернёнъ карабь,
Да на томъ караблѣ младъ карабельщичокъ;
Онъ вѣдь ходитъ по ка́раблю, самъ расхаживаётъ,
Онъ въ подзорною трубочку посматриваётъ;
Онъ завидялъ во трубочку чудо чудноё,
Онъ завидялъ во трубочку дивно дивноё:
На дошшочки несётъ да всё два дѣтишша,
Ихъ два дѣтишша несётъ два малого.
Приказалъ онъ спѣхнуть да скоро шлюпочку,
Онъ велѣлъ перенять да двухъ-то дѣточокъ;
Говорилъ онъ спбѣ да онъ тако́ё слово̀:
„Я возро́шшу возьму—дакъ будутъ братьича мнѣ“.
Онъ возро́сьтилъ взялъ этихъ малыхъ дѣтушокъ,
Онъ состроилъ имъ по чорному имъ по ка́раблю̀,
Нагрузилъ карабли да онъ товарами,
Отпускалъ карабли да во спне́ё море́,
Отсылалъ онъ скоро́ да мла́дыхъ братьичей своихъ,
Мла́дыхъ братьичей своихъ, его воскро́рьмленыхъ родныхъ.
Шьчо пошли-то ети братьича по спне́му-ту по морю̀,
Становились ети братьича ко родимому къ селу.
Увидала тамъ родна́ да ихна матушка была;
Шьчо приходитъ ихна матушка ко черьнёну караблю
Со своей она съ родимой-то со дочерью;
Говоритъ-то тутъ вѣдь вдовушка таки она слова:
„За большого-то я брателка сама замужъ иду̀,
За меньшого-то я брателка дочь вы́даю̀“.
Говорятъ-то карабельщички таковы-ти себѣ слова:
— Ты откуда же, кака пожила вдова пришла?—
Говоритъ-то всё вдова да таковы имъ словеса:
„Ужъ вы глупы карабельщицьки, неразумны вы молоды!
Шьчо живётъ ли тако чудо на бѣло́мъ же на свѣту̀,
На бѣло́мъ-то-ли на свѣту, на сьвятой-ли на Руси:
Выходила-ль ро́дна мать за своёго-ль за сынка,
Отдавала-ль дочь свою за родного братёлка?“
Старины скажу конець,—больше нечево мнѣ сьпѣть.

29.

Князь Романъ убиваетъ жену.

(У матери).

Ишше было во славномъ городи во Кіеви,
Ишше былъ-то князь Романъ да сынъ Ивановичь;
И была-то княгина молода ёго
А по имени-то Марья доць Ондреевна;
А вѣдь было у его княжно́ дитя
Ищё душоцька Настасья доць Романовна.
А уѣхалъ-то князь Романъ Ивановичь,
А уѣхалъ онъ вѣдь всё да во чисто́ полё,
Изъ цistá поля́ пріѣхалъ къ своёму двору.
И княжно-то всё дитя да приросплакалось,
Приросплакалось оно да приростѣшилось;
Не могли-то ей утѣшить бабушки, всё няюшки.
А приходитъ сама княгина Марья-свѣтъ Ондреёвна:
„Ужъ ты гой еси, моё княжно́ дитя!
Слышишь развѣ надъ собой большу́ незгодушку?
А уѣхалъ у тя батюшко да во чисто́ полё,
Изъ цistá поля скорёшенко пріѣхалъ-то:
Онъ вѣдь хоцётъ розлуцить меня, княгину, со бѣлы́мъ свѣтомъ,
Онъ вѣдь хоцётъ розлуцить меня, княгину, со милымъ садомъ
Ай со душоцькой Настасьей всё Романовной,
Онъ вѣдь хоцётъ мнѣ придать скору́ю смерть
Во сегоднешню-ту ноцьку тёмную“.
Какъ приходитъ князь въ полаты княженеськія,
А берётъ-то княгину за бѣлу́ руку,
А ведётъ-то княгину на широкой дворъ;
А увёзъ-то ей серёдъ-то ноцьки тёмныя,
Шьто увёзъ-то княгину во темны́ лѣса,
Онъ отсѣкъ-то, отрубилъ у ей да буйну голову,
Онъ зарылъ-то ей во матушку въ сыру землю.
Какъ не знатъ-то про то княжно дитё, не вѣдаётъ.
Стаётъ она по у́тру всё по раньному,
Ише стала то она да приросплакалась:
„Ужъ вы гой еси, вы няюшки да бабушки!
Ише гдѣ-то моя да ро́дна-матушка,
Ише та-ли княгина Марья доць Ондреевна?“

Говорятъ-то бабушки, всё нянюшки:
— Ише нѣту у тя да ро́дной матушки:
Твоя матушка ушла всё во Божью́ церковь,
Ушла Господу, всё Богу помолитисе.—
Ужъ и тутъ-то всё какъ княжна́ дитя
Приходитъ скоро она во Божью́ церковь,
Ньто не у́брана она да не наря́жона,
У ей буйна голова всё не учёсана.
Всѣ попы, отцы духовны огледѣлисе,
Всѣ причетьники церьковны здивовалисе:
„Ише ньто же у насъ теперь княжно́ дитя
А не у́брана идётъ, всё не наря́жона,
У ней буйна-та головушка всё не учёсана?“
— Ужъ вы гой еси, попы, отцы духовныя,
Ужъ вы гой еси, причетьники церковныя!
Не видали ли родимой моей матушки,
Ише той-ли княгини Марьи-свѣтъ Ондреевны?—
Отвѣчаютъ тутъ скоро́ попы, отцы духовныя:
„Не видали мы твоей-то ро́дной матушки,
Не слыхали мы тайкомъ про ро́дну твою матушку:
Онъ убилъ-то, князь Романъ всё свѣтъ-Ивановичь,
Онъ убилъ-то княгиню во темны́хъ лѣсахъ;
Онъ вѣдь намъ-то пришолъ всё приро́скаялса,
Онъ велѣлъ-то пѣть папафиды всё великія,
Онъ велѣлъ служить обѣдни всё помина́льни“.
Не убоялась тутъ княжно́ дитя,
Она скоро ушла да во темны́ лѣса.
Ай настрѣту ей иду́тъ да волки сѣрыя,
Волки сѣрыя идутъ, медвѣди цёрныя;
Некого она малёшенька не убоялась.
Какъ довёлъ-то ей Господь вѣдь да до ро́дной матушки.
Не узналъ-то князь Романъ да свѣтъ-Ивановичъ,
Онъ вѣдь самъ-отъ тому нерадъ же сталъ:
„Запрасно уходилъ свою княгину-ту,
Проливалъ я у ей да бесповинну кровь,
Розлучилъ ей со своимъ да съ малымъ дѣтишшомъ,
Я со той-ли со Настасьей-то съ Романовной!
Я поѣду-то теперь за княжны́мъ дитёмъ“.
А пріѣхалъ онъ вѣдь скоро ко княжну дитю:
„Ай поѣдемъ-ко, моё-то всё княжно дитё!
Твоя матушка у мня сидитъ въ полатахъ-то,
И сидитъ же во полатахъ бѣлокамянныхъ“.

Говорила тутъ да всё княжна дитё:
— Не омманывай меня, да родной батюшко:
У мня матушка лёжитъ да во тёмномъ лѣсу,
Во тёмномъ лѣсу лёжитъ, да во сыромъ бору.—
„Я сошилъ тибѣ, княжна дитя, обновоцьку:
Я сошилъ-то тибѣ шубоцьку во тысещю.
На шубоцьки вѣдь пуговка во сто рублей,
Какъ друга-та пуговка—да цѣла тысеча,
А третья ишше пуговка—да цѣны не было".
Говорила тутъ да всё княжно дитё:
— Мнѣ ненадоть дороги твои подароцьки,
Мнѣ-ка надобно своя-та родна матушка.
Хошь привёлъ ты во полаты-то себѣ-то молоду жону,
Ише мнѣ-ка-то привёлъ не родиу матушку,
Ише мнѣ-то ты привёлъ да лиху мацёху.—

30.

Князь, княгиня и старицы. (Гибель оклеветанной жены).

(У родных ъ).

Ишше былъ же вѣдь князь-отъ девяноста лѣтъ.
Онъ вѣдь взялъ себѣ княгиню двадцети годовъ;
Онъ вѣдь жилъ со княгиной ровно три года,
На цетвёртой-отъ годъ да князь гулять пошолъ.
Онъ ходилъ-то гулялъ да равно три года,
На цетвёртой-отъ годъ да князь домой пошолъ;
А настрѣцю-ту князю идутъ старицы,
Идутъ старицы ему, идутъ манашины,
Цёрнокнижницы идутъ, цёрны кукольницы:
„Ужъ ты здрастуй-ко, князь да девяносто лѣтъ!"
— Ужъ вы здрастуйте, старицы-манашины!
Не видали ли княгины, молодой жоны?—
„Мы въ глаза-ти не видали, слыхомъ слышели:
А твоя-та, князь, княгина за гульбой ушла,
За гульбой она ушла, да загуляласе".
Какъ спроговоритъ князь да всё онъ старицямъ:
— Вы скажите-ко вы мнѣ да сушшу правду всю,
Сушшу правду-ту вы, всё мнѣ неутайную.—
„Вѣдь твоя-та, князь, княгина она забыла всё тебя въ дорожоцьки.
Не горятъ у ей лампады масла Божьёго,
Не горятъ у ей свѣшни всё воску ярого,

Да не молитце она да Богу-Господу,
Да не молитъ за тебя, за князя-та обѣдьни-ти за здравьё всё.
Въ перьву горницю зайдёшь, да туть вѣдь колыбе́ль вѣ́сьнетъ,
Ты въ другу-ту вѣдь зайдёшь, да тутъ друга́ виситъ,
Ты въ третью́-то вѣдь зайдёшь, да тутъ третья́ виситъ;
Всё къ анбаромъ-то дорожки всё утóрёны,
Всѣ запасы роспротóрены, изъѣдёны;
Ты сходи-ко, князь, къ себѣ всё на конюшепъ дворъ:
А стоятъ-то вѣдь добры́ кони́ да по колѣпъ въ назьму,
Бѣлоя́рова пшениця не насыпапа".
Князь скорёхонько поѣхалъ въ кра́сёнъ Кіёвъ-градъ;
Пріѣжатъ скоро́ къ собѣ да на широкой дворъ.
Она вышла стрѣцять ёго скорёхонько:
„Ужъ ты здрастуй-ко, князь девяноста лѣтъ!"
Онъ вѣдь взялъ-то со спицьки саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-отрубилъ да буйну голову,
Роскина́лъ да розбросалъ да по цисту полю;
Самъ поѣхалъ тогда къ палатамъ бѣлымъ камяннымъ,
Къ своёму тогды къ двору широкому.
Во перьвы́хъ пошолъ смотрять своихъ добры́хъ коней,—
А добры́ кони́ стоятъ они постарому да всё попрежному,
А стоятъ-то добры ко́ни по колѣпъ въ шолку,
Не въ шолку, да хоть сказать, да въ шолково́й травы;
Бѣлояровой пшеницы припасыпано.
Въ перьвую полату онъ заходитъ—тутъ да всё узоръ вѣсьнётъ:
А не скольки у ей по шито, вдвое плакано:
„Всё тебя я изъ дорожки дожидалосе,—
Я узоръ я вышивала краспымъ золотомъ,
Рытъ-отъ бархатъ покрывала всё слёзами горькима".
Во втору полатушку заходитъ—тутъ свѣшний горятъ,
А свѣшни-ти горятъ да со лампадами:
А усердно-то она Богу молилосе.
Не ерббвой на бумажецьки подписано:
„Всё молилась-то я Богу три дни, три ноци,
Всё тебя я изъ дорожки, князя, дожидалосе".
Въ третью горьницю зашолъ—все платьё лежитъ цёрноё;
А вѣдь тутъ же на листу-ту на ерббвомъ всё подписано:
„Я носпла-то съ полъ-го́да платье цёрноё;
Ужъ я думала, шьто князя-та живого нѣтъ,—
Изъ дороженьки-то будётъ не дождатисе".
Вси амбары-ти стоятъ да всё напо́лнёны,

Вси вѣдь лавоцьки стоятъ у ей непоцяты
Какъ со сладкима со всякима съ напитками.
Тутъ не лютоё зе́льё розгорѣлосе,
Богатырьскоё серьцо роскипѣлосе.
Онъ вѣдь перьву-ту всё старицю конёмъ стопталъ,
Онъ другу-ту всё старицю копьёмъ скололъ;
Ишше третья-та старица змолилосе:
„Ты не трошь-ко миня, князь всё девеносто лѣтъ!
Оживью тибѣ кнегиню, молоду жону“.

31.

Мать князя Михайлы губитъ его жену [1]).

(У матери).

Поѣжжаётъ князь Михайло
Во чисто́ё по́лё,
Во широкоё роздо́льё;
Оставляётъ князь да Михайло
Свою-ту кнегиню,
Молоду жону Марфи́ду,
И наказы́ваётъ князь Михайло
Своей маменьки родною,
И свѣтъ-сударини большою:
„Ужъ ты мать моя, мати,
Ужъ ты маменька родная,
И свѣтъ-судариня большая!
Ты корьми мою кнегиню,
Молоду жону Марьфиду,
Корми ѣсвой-то саха́рной;
Ужъ ты пой мою кнегиню,
Молоду жёну да Марфиду
Ише слаткимъ ты мёдомъ“.
Цють успѣлъ-отъ князь Михайло
Съ широка́-та двора съѣхать,
До чиста́ поля не доѣхалъ,—
Ево доброй-то конь всё уткнулсэ,
Востра сабелька сломилась,
Пухова́-та шляпа скатилась.
„Я по етому замѣчаю,
По тому теперь признаваю,—

[1]) А. М. Крюкова пѣла эту старину тѣмъ же напѣвомъ, что №№ 25 и 39. *Собир.*

У мия есь-то въ доми нешчасье.
Есь нешьчасьё въ доми большоё:
Либо маменька неможотъ,
Молода-то жона либо хвораётъ".
Посьлѣ князёва всё быванья,
Посьлѣ князёвой всё поѣстки
Ево маменька-та родная
Какъ корьмила ево княгину
А овсяною кормо́ю [1]),
Шьто поила княгину
Троёсутосьпёй водою;
По три банёцьки въ день топила,
По три вѣницька хлоста́ла,
По три мыла измывала,
Горе́ць камишь всё пажигала,
Во бѣлы́-ти груди княгины кла́ла,
Бѣлы груди всё пожигала,
Шьчо младеня-та вынимала,
Всё младеня-та изъ утробы.
Какъ приходитъ къ рыболовамъ:
„Ужъ вы братцы рыболовы!
Ужъ вы здѣлайте мнѣ колоду,
Мнѣ колоду-ту сыро-дубою,
Принесите мнѣ-ка колоду,
Положите вы во колоду
Вы княгину всё со младе́нёмъ,
Положите вы въ колоду,—
Вы набейте-ко на колоду
Вы три обруця всё желѣзныхъ.
Напишу-ту я на колоду,
Напишу же я три предмета:
Шьчо перьва́ эта предмета—
Свою душу я погубила,
Шьчо втора-та эта пре́дмета—
Я княгину-ту потребила,
Шьчо третья́-та эта предмета—
Я младеньця-та изъ утробы,
Изъ утробы-то выживала,
Отьвезите эту колоду
Вы во синеё мо́рё,

[1]) Крупою? *Собир.*

Накажите этой колоды:
„Не пристань ты, моя колода,
Не къ камéшку, д' не къ берéжку,
Не къ крутому-ту бережоцьку,
Не къ розсыпцяту песоцьку!“
Рыболовы-ти отвозили,
Въ сúнё море-то ей спустили.
Пріѣжаетъ князь Михайло,
Пріѣжаетъ онъ исъ поля,
Исъ широкого онъ раздолья;
Привезалъ-то коня князь Михайло
Къ золоту-ту всё колецьку.
Какъ стрѣцяётъ князя Михайла
Ево матушка родная,
Сьвѣтъ-сударыня большая;
Говоритъ тутъ князь Михайло:
„Ужъ ты маменька родная,
Ишше гдѣ-то моя княгина,
Молода-та жона Марьфида?“
Говоритъ-то вѣдь ёму мать родная:
— Какъ твоя-та вѣдь, князь, княгина
Шьчо горда, горда Марьфида
Сидитъ въ горницахъ высокихъ,
Во подвáлышшахъ широкихъ,
Тибя, мужа всё не стрѣцяётъ,
Тибя княземъ не называетъ.—
Онъ скорёхонько тутъ приходитъ;
Тутъ княгины-то не слуцилось,
Молодой-то не пригодилось.
Говоритъ-то князь Михайло:
„Ужъ ты матушка родная,
Ты скажи, скажи сушшу правду,
Сушшу правду мнѣ, неуташну:
Ты куды-то у мня княгину,
Ты куды ей изгубила?“
Говоритъ-то вѣдь ёму матушка:
— Шьчо ушла-то двоя княгина
Во Божью́ церьковь Богу молúтце,
За тебя, князя, Бога молити.—
Онъ приходитъ-то въ Божью церьковь;
Тутъ княгины-то не слуцилось.
Говоритъ-то онъ попамъ-отцамъ:

„Вы попы, отцы всѣ духовны,
Всѣ прицѐтницьки пишѐ церьковны!
Не слыхали-ль про кнегину,
Про молоду жону Марфиду?“
Шьчо сказали отцы духовны:
— Ужъ ты князь-отъ, князь Михайло!
Мы вѣдь скажемъ тебѣ, повѣдамъ:
Ты сходи-подь къ рыболовамъ,—
Они знаютъ, гдѣ кнегина.—
Онъ скорёхонько приходитъ.
„Ужъ вы братья рыболовы!
Вы не знаите ли сказать мнѣ
Про мою-ту всё про кнегину?“
— Какъ ей маменька уходила,
Съ сёго свѣту-ту ей сгонйла,
Вѣку долгóго полишила.—
Рыболовы-ти росказали
Всю вѣдь сушшу ёму правду.
— Ты поѣдёмъ, князь Михайло;
Во синёмъ-то морй кнегина.—
Онъ сказалъ-то рыболовцямъ:
„Умеците-ко скоро нёводъ,
Уловите мою колоду“.
Рыболовци-ти изловили.
Онъ збивалъ-то съ етой колоды
Всё три обруця желѣзныхъ,
Вынималъ-то изъ колоды
Онъ княгиню-ту со младенёмъ,
Уносилъ-то онъ кнегину
Шьчо во Божью-ту церьковь,
Убиралъ-то онъ кнегину
Дорогой парцёй золотою,
Отпѣвалъ-то онъ свою кнегину
Въ Божьей церьквы,
Предавалъ-то свою кнегину
Онъ ко матушки ко сырой земли;
Самъ сходилъ же князь Михайло
Онъ во кузьницю желѣзну
Онъ сковалъ-то князь Михайло
Всё два ножицька булатныхъ,
Всё булатны были, укладны;
Пришолъ къ маменьки къ родною:

„Ужъ ты маменька родная!
По тому ты мнѣ—мать родная,—
Тольке ты-то меня родила;
По другому ты—мать родная,
Ты змѣя да миня (?) люта!“
Какъ пришолъ-то князь ко княгини,
Закололсо-то князь Михайло
На двухъ ножицькахъ булатныхъ,
Да на двухъ-то всё на укладныхъ.
Его маменька родная
Вдоль по бе́режку бѣжала,
Зысьнимъ голосомъ крычала:
„Ой мнѣ горюшко, души грѣшной!
Три души-то я уходила:
Я перьву-ту душу княгиню,
Я втору-ту душу младеня,
Я третью-ту—князя Михайла.
Мнѣ вѣко́мъ будётъ не проститце,
Вѣкомъ князя не забыти!“

32.

Иванъ Дородоровичъ и Софья-царевна.

(У жены своего дяди Матрены Киприяновны, которая была родомъ изъ Ку́зомени, но вышла замужъ въ Ча́ваньгу).

Ишше было-то во городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера,
Тамъ была-то у ево племяньница любимая.
Ише та-ли вѣдь Софья, всё царевна-та;
Ише былъ-то Иванъ да Дородо́бровиць.
Они жили были-то отъ города неподалёку тутъ [1]).
А народъ, вси люди добры про ихъ всё проводили тутъ.
Говорилъ-то тутъ Иванъ всё Дородоровиць:
„Ужъ ты гой еси, ты Софья ты, царевна-я!
Ай поги́нули народъ вси православныя
Какъ за наши-ти за души, души правядны.
Посмотри-ко ты сходи да въ зелёны́ сада́:
Вси опали-то сада, да съ древа всяко листьицё зелёноё,
Черезъ то вѣдь опалъ да всё зелёной лѣсъ,
Вси погинули народъ вѣдь православной-отъ, —

[1]) Безо́тны были.

Осужали они насъ всё попапрасному".
Зазвонили-то къ заутрени всё къ ранною.
Тутъ ставаётъ Софья, всё царевна-та,
Она будитъ-то Ивана Дородóровиця:
„Ай ставай-ко ты, Иванъ-свѣтъ Дородоровиць,
Двоюрóдной ты вѣдь мой да милой брáтелко!
У мня тéплятце лампадки масла Божьёго,
Вси затéплёны свѣшни́ да воску ярого".
Говоритъ-то ей двоюродной всё братёлко
Шьто по имени Иванъ да Дородоровиць:
— Я севодьне всё вѣдь видѣлъ страшной сонъ,
Ужъ и страшной сонъ, всё я не знаю какъ:
— Я иду будто, иду да во Божью церьковь;
Набѣгали мужики будто ко мнѣ настрѣцю-ту,
Отрубили и отсѣкли мою голову.—
Тутъ ставаётъ онъ, окоро одѣваитце,
Онъ приходитъ во Божью церьковь да Богу мóлитце.
Во Божьёй-то церькви всё да ёго поносить стали:
„Ужъ ты гой еси, Иванъ-свѣтъ Дородоровиць!
Розведитесь вы вѣдь съ Софьёй-то съ царевной-то,
Не приводите насъ во грѣхъ, да людей многихъ".
Говоритъ-то тутъ Иванъ да Дородоровиць:
— Кабы умъ-то у васъ былъ, дакъ не грѣшили бы:
Ище Софья-та-царевна—я ей спитаю за родну сестру.—
Не внимаютъ мужики всё дерéвеньскія;
Говорятъ они ёму да таковы рѣци:
„Мы вѣдь станёмъ-то тебя да всё посматривать" [1]).
Онъ приходитъ домой, да самъ росплакалсэ;
Говоритъ-то Софья, всё царевна-та:
„Не тужи-ка ты, не плаць, мой двоюрóдной брателко!
Не оставитъ насъ Господь, всё Бохъ помилуётъ".
Тольке поконьцили рѣць свою печальную;—
Отпираютце двери скоро на́ пяту,
Тутъ приходитъ два-та палаця всё немилóсьливы:
Они отсѣкли у Ивана Дородóровиця,
И отсѣкли у ёго хоть буйну голову;
Они взели-то Софью, всё царевну-ту,
Её взели они да за русу́ косу,
Ей убили тоже всё сьмертью напрасною.
Погребли они вѣдь скоро ихны всё святы́ тѣла;

[1]) Убить хотятъ.

У ихъ выросло-то на могилахъ вси разны́ цвѣты,
Шьчо у тѣхъ-ли у мошшей, мошшей петлѣнныихъ.

33.

Князь Дмитрій и его невѣста Домна.

(У м а т е р ю.

Ишше былъ жилъ Ми́трей-князь Васи́льёвиць.
А какъ сватался Митрей на Домны Оалелѐевны
А вѣдь но́ три онъ года но три осени;
На цетвёртой годъ да только свадьбы быть,
Только свадьбы-то быть да какъ къ вѣньцю итти.
Превелось-то итти Митрею ко ранной ко заутрени,
Шьчо ко той-ли ко обѣдьни воскресеньскія.
Не видала ёго Домна Оалелеёвна.
Ай бросалась скоро Домнушка въ окошецько,
Какъ сама она сказала таковы рѣци:
„Шьчо сказали про Митрея—хорошъ, пригожъ,
Про Васильёвиця,—да лучше въ свѣти нѣтъ;
Онъ сутулъ вѣдь, горбатъ да наперёдъ поклинъ,
Ишше ноги-ти кривы, да всё глаза косы,
Голова-та у ево будто́ пивной котёлъ“.
Ишше выслушалъ Митрей-князь Васильёвиць;
Опъ пришолъ скоро́ во церьковь во соборную.
Отошли-то тутъ заутрени съ обѣдьнями;
Онъ приходитъ во полаты княженевськія,
Говорилъ-то онъ сестрици всё родимою,
Ишше той-ли вѣдь Мароы всё Васильёвны:
„Собирай-ко-се ты, Мароушка, поцѐсёнъ пиръ
На своихъ-то на любимыхъ на подружоцёкъ,
Ты зови-ко, зови Домну Оалелеевну“.
Ишше тутъ скоро Мароа собираётъ всё,
Собираетъ скоро Ма́роушка поцѐсёнъ пиръ,
Зазываетъ своихъ подружоцёкъ любимыихъ,
Ай зовётъ-то она Домну Оалелеевну:
„Добро жаловать, Домна Оалелеевна,
Хлѣба, соли ко мни пся да сла́дка мёда пить!“
Говоритъ-то Домны Оалелеевны
Говоритъ-то всё родима ей матушка:
„Ужъ ты вой еси, Домна Оалелеевна!
Мнѣ почѐсь мало спалось, да много во сняхъ видѣлось:
Да какъ будто на моей-то на правой руки

Золотой будто персьтёнь у мня россыпалсэ".
Ишше тотъ посолъ отъ Домны со двора пошолъ,
А другой-отъ посолъ да всё на дворъ пришолъ:
„Ты спусьти спусьти-ко, Софья дочь Микуличня,
Спусьти молодую Домну Ѳалелеевну
Какъ ко нашей-то ко Марфы ко Васильёвны
Да попити, поѣсь ко ей да всё покушати,
Посидѣть-то съ нашой Марѳой всё Васильёвной".
Потихошеньку всё Домнушка сбираитце,
Фалелеёвна у насъ всё одѣваитце,
Пошла-то вѣдь Домна Ѳалелеёвна,
Какъ пошла-то вѣдь Домна на поцесёнъ пиръ.
На перьвыхъ сѣняхъ стрѣцятъ-то Митрей-свѣтъ Васильёвиць,
Говоритъ-то вѣдь Митрей таковы слова:
„Добро жаловать, Домна Ѳалелеёвна,
Ко ногамъ-то ко кривымъ, всё ко глазамъ косымъ,
Къ головы-то ко пивной, къ кудрямъ соломенымъ!"
Тутъ вѣдь Домнушки за досадушку велику показалосе;
Шьчо не знатъ, вперёдъ итти ли, воротитьце ли.
Ай приходитъ Домна Ѳалелеёвна всё на други сѣни;
Тамъ стрѣцятъ-то всё ей Марѳа-свѣтъ Васильёвна,
Шьчо садитъ ей за снарядны дубовы стола,
Говоритъ она сама всё таковы рѣци:
„Ты садись-ко, садись, Домна Ѳалелеёвна!
У мня Митрея-та князя всё вѣдь въ доми нѣтъ,
Шьчо Васисильевиця-свѣта всё не пригодилосе:
Онъ уѣхалъ у мня Митрей во чисто полё,
За куницеми уѣхалъ, за лисицеми,
Онъ за всякима за разныма за птицеми".
Говоритъ ей Домна Ѳалелеевна:
— Не омманивай, моя любима всё подружоцька,
Ужъ ты гой еси, ты Марѳа-свѣтъ Васильёвна!
Миня стрѣтилъ вѣдь Митрей на перьвыхъ сѣняхъ.
Тутъ приходитъ Митрей-свѣтъ Васильевиць:
„Ты пойдёмъ-ко-се, Домна Ѳалелеевна,
Сходимъ-ко, Домнушка, пойдёмъ мы во Божью церьковь,
Ужъ мы примёмъ съ тобой по злату вѣньцу!"
Говоритъ-то тутъ Домна Ѳалелёвна:
— Ты спусьти, спусьти, Митрей-свѣтъ Васильёвиць,
Ты спусьти, спусьти меня сходить хоть къ родной матушки,
Мнѣ-ка взять-то, попросить родительского всё благословленьиця!—

Говорилъ-то ей Митрей-свѣтъ Васильёвичь:
„А бесстрóсьнёго вѣдь времени на свѣти нѣтъ“.
А пошла она вѣдь мимо кузьницю желѣзную,
Ай сковала всё себѣ два ножицька булатныихъ,
Да булатны себѣ ножицьки, укла́дныи;
Отошла она за го́родъ недалёко тутъ,
Она ткнула себѣ ножицьки всё въ ретиво серьцё:
„Не достаньсе-тко я, да красна дѣвица,
Я тому-ли князю всё не Митрею Васи́льёвичу;
Ты достаньсе, моё хоть тѣло бѣлоё,
Цёрнымъ-то во́рона́мъ на ка́рканьё!“
Тутъ пошолъ искать Митрей-свѣтъ Васильёвичь;
Приходитъ къ родимой къ ее́ матушки;
Не нашли они Домны Ѳалелеёвны;
Довели-то ево маленьки ребятоцька.
Онъ вѣдь бралъ у Домны ножицёкъ изъ ретива́ серьця,
Ише самъ вѣдь на томъ ножицьку да закололсэ тутъ,
Говорилъ-то самъ себѣ да таковы рѣци:
„Да лёжи ко-се тѣло бѣ́ло Домны Ѳалелеёвны,
Тутъ лёжи-ко тѣло Ми́трея-свѣта Васи́льёвича!“

34.

Жданъ-царевичъ.

(У матери).

Ишше было во городи во Ц́ернигови,
Ишше жилъ-то тутъ всё богатой-отъ купець,
Да богатой-отъ купець Иванъ Гостиновичь;
Да была-то у ёво да молода жона,
Да была-то у ево да доць единая,
Шьчо едина доць Настасья-та Ивановна.
Отправляитце купець-отъ всё за синё морё
Ише тотъ-ли Иванъ да свѣтъ-Гостиновичь;
Нагрузилъ-то онъ три ка́рабля чернёныихъ
Нагрузилъ-то онъ разныма товарами,
Да пошолъ-то опъ всё да за синё́ морё
Провезти свои товары всё вѣдь розныя,
Навезьти товаровъ всё заморьскихъ-то.
Тутъ пошолъ-то онъ скоро за́ морё;
Оставалась у ево всё молода жона,
Молода-та жона да съ одной доцерью.
Онъ оставилъ приказаньицё имъ строгоё:

„Не спускай-ко ты свою-ту доць любимую
Изъ своёго изъ высокого изъ терема“.
Приказалъ-то онъ своей да молодой женѣ (sic):
„Токо скуцьнё будётъ доцери любимой-то—
Выпускай-ко ты гулять ей на высокъ балхонъ;
Ище тутъ она посмотритъ свѣту бѣлого“.
Да проснлась-то однажды доць любимая
Ище та-ли Настасья доць Ивановна:
„Ужъ ты милая родимая моя матушка!
Ты спусьти миня отъ скуки проходитьце мнѣ“.
Говорила-то тутъ мать-та рóдной дочери:
— Ужъ ты милая Настасья ты Ивановна!
Мнѣ-ка строго-то оставлёно приказаньицё
У твоёго у родного всё у батюшка.—
Говорила-то вѣдь рóдна матушка:
— Ты пойдёмъ, пойдёмъ со мной да прогуляимсе
А на тотъ-ли на балхонъ-ли на высокой-отъ
Да на тѣ-ли на перила золочёныя.—
А пошли они, пошли, скоро отправилисъ;
Они ходятъ; посмотрятъ всё на улицу,
Ай гледятъ-то скрозь перилышка золоцёныя;—
Тутъ вѣдь ѣдётъ всадьникъ онъ очунь хорошъ,
На своёмъ-то онъ ѣдётъ воропомъ ,кони;
Говоритъ-то тутъ садникъ всё таки рѣци:
„Ужъ ты гой еси, душа ты красна дѣвица!
Почому не крѣпятъ тобя за крѣпкй замки?
Какъ за ихно-то всё будётъ, за строгось-ту,
Надѣлитъ-то ихъ Бохъ такимъ несчасьицомъ;—
А купеческа ты всё молода жена!
Росскажу-то я про то, я всё повѣдаю:
Какъ родитъ-то ваша доць-та любимая,
Какъ родитъ-та она сына единого,
Не родитъ-то она, всё не отъ шалосьти—
Шьто за вашу-ту всё за крѣпось-ту—
А и тутъ-то нарекутъ имя Жданомъ-цяревицёмъ,
Какъ богáтыря она да всё могуцёго;
Будутъ многи ёму люди поклонятисе“.
Запечалилась-то тутъ жона купеческа,
Да скрипила свою доць-ту на крѣпкй замки,
Не выпускала на бѣлой сьвѣтъ полъ-годика.
Наѣхалъ-то тутъ всё до полъ-годицька,
Наѣжаётъ тутъ, приходитъ купець богатой-отъ;

У любимою её да всё у доцери
Какъ велико тутъ несцясьицё случилосе,
Что слуцилосе нещасьицё у ихъ въ домп всё:
Да родилсо прекрасной Жданъ-цяревиць-отъ;
Красотой-то онъ подобёнъ цярямъ, цяревицямъ,
Называютъ они всё Жданомъ-цяревицёмъ.
Ише сталъ-то Жданъ-цяревиць да тутъ большой онъ сталъ;
Изуцила ёго матушка всей-то грамоты,
Изуцила ёго-то на добры дѣла,
На добры дѣла, порядки па хорошія.
Какъ многи-ти люди стали ёму завидовать,
Востроты-то съ красотой ёго съ великою.
Запросилсэ-то Жданъ-отъ всё цяревиць-отъ:
„Ты спусьти-ко меня, матушка, на улочку
Посмотрять-то мнѣ хресьянскихъ малыхъ дѣтоцёкъ“.
Выпускала ёго матушка на улочку;
Говорятъ-то ребятка, ему вслухъ крыцятъ,
Ему вслухъ-отъ крыцятъ да посьмѣхаютце:
„Это вышолъ играть-то Жданъ-цяревиць младъ;—
Ишше нѣту у ево всё родна батюшка,
И не знаютъ про то, у ево хто отець“.
Услыхаётъ вѣдь скоро Жданъ-цяревиць младъ;
Какъ слова-ти ёму эти не пондравились;
Онъ тутъ много изобидѣлъ всё ребятушокъ,
Много, пожалуй, онъ до сьмерти убилъ.
Самъ приходитъ къ родимой къ своей къ матушки,
Самъ вѣдь слезно, приходитъ, прирсплакалсэ:
„Ужъ ты мила моя матушка, любимая!
Ужъ ты дай-ко, скажи мнѣ сушшу правду всю:
Ище хто у мня на свѣтѣ-то есь родной батюшко?“
Прирсплакалась тутъ да дочь купеческа:
— Ужъ ты гой еси, моё да цядо милоё,
Цядо милоё моё да всё любимоё,
Ты прекрасна моя юноша, Жданъ-цяревиць младъ!
Не могу я вѣдь сказать про то, повѣдати.
Я нигдѣ-то не была да никого не видяла.
Ты не бойсе студу-ту, не стыдись-ко ты;
Ты живи у насъ, торгуй на чёрныхъ карабляхъ.—
Говоритъ-то Жданъ-цяревиць таковы слова:
„Не хоцю вѣдь у васъ жить во цюжомъ доми:
Этотъ домъ-отъ тебѣ, онъ—свой тебѣ,
А ужъ я пойду искать дому батюшкова“.

Тутъ заплакала она пшше пушше старого.
„Ай поѣду я, пойду въ чисто́ полё,
Я искать-то себѣ пойду поединщицька“.
Говоритъ-то ёму матушка таки слова:
— Я почёсь мало́ спала, много во сьни видяла:
Ай вѣдь будто предлага́лъ мнѣ доброй молодець
Про твоё-то похожденьё богатырьскоё.—
Говорила тутъ ёму да ро́дна матушка:
— Ты пойдёшь-то, моё цядышко любимоё,
Ты придёшь когды во да́лече, во чисто полё,—
Тамъ стоитъ-то твой вѣдь до́брой конь во чисто́мъ поли,
Да стоитъ-то доброй конь, стоитъ Воронёюшко:
Какъ узда-та на коци была красна золота,
Ишше латы-ти богатырьски у копя лежатъ,
И копьё-то брузаме́ньско въ земли воткнуто,
И сѣдёлышко цирка́льско тебѣ направлено,
Ище плётоцька шёлко́ва приготовлёна;
Ай уборъ-отъ на кони́-то красна золота,
А упружинки-ти были всё серебряны.—
Ай пошолъ-то тутъ у насъ доброй молодець
Да по имени Жданъ-цяревиць младъ;
Онъ приходитъ-то скоро во чисто́ полё:
Обнимаётъ ёго конь ногами всё переднима,
Говоритъ онъ языкомъ человѣческькимъ:
„Ужъ ты милой мой хозяинъ, Жданъ-цяревиць младъ!
Ты садись-ко на миня-то на добра́ коня,
Поѣжай-ко ты по по́лю всё по чистому“.
Ище сталъ-то доброй молодець всё поѣжживать,
Онъ тяжолу свою палицю сталъ помётывать;
Ницёго-то не наѣхалъ во чисто́мъ поли;
Онъ поѣхалъ подальше, искать онъ разныхъ го́родовъ.
Пріѣжаетъ ко городу къ незнакомому; —
Ишше дѣлаютъ всё стѣну городовую;
Тутъ нагопёно народу-ту — числа-смѣту нѣтъ:
Шьчо крѣпятъ опи сьтѣну-ту сѣрымъ ка́менёмъ.
Сходилъ-то бога́тырь со добра́ коня,
Онъ вѣдь сталъ камешоцьками поигрывать,
Наносилъ онъ, наклалъ къ стѣны городовою,
Укрѣпилъ-то онъ стѣну городовую.
Ише вси-ти ему низко вси закланелись:
„Ты поди-ко-се, садись ты на мѣсто царё:
Въ нашомъ городи-то нѣтъ царя настояшшого“.

Онъ вѣдь самъ тутъ пора́то имъ не отказывалсэ:
— Я поѣду-ту, сьѣжжу ишше подальше тамъ.—
Пріѣжаетъ онъ тамотки въ другой же градъ,
Увидалъ-то онъ тамъ всё многи́хъ людей;
Онъ вѣдь сталъ-то про городъ-отъ выспрашивать:
„А какой-отъ этотъ городъ, есь ли царь-отъ тутъ?“
Отвѣчаютъ они ёму поучоному:
— Это царь, у насъ есь царь въ здѣшномъ городи.—
Говоритъ-то имъ скоро таковы слова:
„У царя-та вѣдь нѣтъ ли доце́ри родной?“
— Ишше есь у царя у насъ три доце́ри.
Онъ севодьне, царь-отъ у насъ пиръ собралъ;
Выбираетъ такого онъ поединщицька:
„Скажутъ, ходитъ во чисто́мъ поли златорога лань:
Ище хто бы досталъ ту, доць бы отдалъ я“.—
Онъ поѣхалъ-то скоро во чисто́ полё,
Опъ нашолъ-то вѣдь лань да златорогую,
Онъ привёлъ-то ей да ко двору къ царю;
Тутъ выходитъ вѣдь царь-отъ на красно́ крыльцо:
„Ты какой же наѣхалъ уда́лой доброй молодець?
Ты отдай мнѣ-ка лань-то златорогую;—
Надѣлю-ту я тебя наградушкой великою“.
Говоритъ-то дородьней доброй молодець:
— Покажи-ко ты своихъ любимыхъ-то три доце́ри.—
Ишше скоро вѣдь царь ему показывалъ.
— Мнѣ ненадобно твоя-та доць вѣдь старшая,
Мнѣ ненадобно твоя всё доць середняя;
Ты отдашь токо за меня да всё меньшу́ю доць,
Всё меньшу́-ту вѣдь доць свою, красавицу?—
„Ты достань-ко ищё въ по́ли коня всё златогривого;
Я тогда-то вѣдь росстанусь со своей доце́рью“.
Поѣжалъ-то вѣдь Жданъ-отъ всё цяревиць младъ,
Онъ вѣдь ѣздилъ во чисто́ поле трои сутоцьки,
Онъ нашолъ же коня-то златогривого,
Поима́лъ коня во пётёлку шолко́вую,
Ище той-ли его да ножкой правою;
Онъ пріѣхалъ къ царю-ту со добры́мъ конёмъ,
Со добры́мъ конёмъ пріѣхалъ съ златогривыимъ.
Отдаваётъ-то царь всё ему любиму доць,
Называетъ ёго вѣдь всё наслѣдьницькомъ:
„Какъ тепереце́ мнѣ, видно́, замѣнушка;

185. Ты садись-ко, садись царёмъ на мѣсто ты,
Повладѣй ты моимъ да всимъ вѣдь царствомъ тутъ".

35.

Смерть царицы (Настасьи Романовны) [1]).

(У матери).

Пріутихло, пріуныло море синеё,
Пріутихли, пріуныли рѣки быстрыя,
Пріутихли, пріуныли облака ходѣціи:
Благовѣрная царица преставлялася.
5. Воску ярого свѣшша [2]) передъ ей да загорѣласе;
Передъ ей стоятъ два млáдого два цяревица,
Да стоятъ они, слéзно уливаютце;
Во ногахъ сидитъ Настасья, доць цяревна-то,
А сидитъ она, слéзно уливаитце.
10. Говоритъ-то царица православная:
„Ужъ вы гой есп, два млáдого цяревица,
Двѣ мои-ли двѣ свѣшши да воску-яровыя,
Двѣ мои-ли двѣ верьбы́ двѣ кудрёвáтыя,
Вы двѣ крýглы двѣ скацёны двѣ жимцюжинки,
15. И два руського два молодого, могуцёго богáтыря!
Идите-ко, сходите ко Грозному царю,
Вы ко Грозному царю Ивану-ту Васи́льёвицю,
Къ своему-ли вы къ батюшку къ родимому:
Ише пусть же придётъ со мной проститисе".
20. Тутъ вѣдь млáды-ти царевйцй не отслышилисе,
Да приходятъ ко батюшку къ родимому;
Они падали ко батю́шкý ко рѣзвы́мъ ногамъ:
„Ужъ ты гой еси, батюшко родимой нашъ,
Ужъ ты Грóзёнъ цярь Иванъ Васильёвиць!
25. Ты поди-тко-се съ матушкой проститисе:
У насъ матушка родима преставлéитце".
Отвѣчаётъ-то Грозёнъ цярь Иванъ Васильёвиць,
Отвѣчаётъ онъ дѣтю́цькáмъ со всей грубости:
— Ужъ вы гой еси, млáды мóй цяревиці!
30. Ужъ вы какъ да э́тю́ дѣло, пришли, здумали, ко мнѣ?
Недосугъ мнѣ-ка итти съ нею проститисе.—
Какъ приходятъ съ ствѣтомъ къ рóдной матушки,

---

[1]) Поется очень грустнымъ напѣвомъ. *Собир.*

[2]) На возду́сяхъ.

Ише къ той нашой царици православною.
Посылаётъ царица во второй ихъ нако́пъ,
Посылаётъ царица во третéй ихъ во пакопъ:
„Вы подите-ка, мла́ды мо̆й царевици,
Вы подите-тко, верьбы мои да кудреватыи!
Вы зовите-тко его да немедленно сюды.
Ужъ вы милыя мла́ды мо̆й цяревици!
Ужъ вы падайте ёму да во рѣзвы́ во ноги̇“.
Говорятъ опеть ёму таковы же рѣци:
„Ты пойди, пойди, батюшко;—проститце зовётъ“.
— Ужъ вы гой еси, мла́ды мо̆й цяревици!—
Онъ скрыцялъ на нихъ опеть да зыцьнимъ голосомъ:
— Недосугъ мнѣ-ка иттить мнѣ съ ей прощатисе:
Я сижу-ту за пи́сью, пишу грамотку,
Не перомъ я пишу, си̇жў, не ц̇ернилами,
Не по бѣлой по гербо́вой по бумажоцьки,—
Я по рыту пишу, сижу, по бархату,
Дорогимъ-то пишу я краснымъ золотомъ,
Я про земьлю пишу да Святоруськую,
Я про вѣру пишу да христіянскую,
Про солдатушковъ пишу да новобраныихъ.
Вы идите, два мла́дого два цяревиця,
Вы скажите цярици благовѣрною:
Я всецясъ-то приду съ нею проститисе.—
А приходятъ-то мла́дыи цяревици,
Росказали родимой своей матушки;
Отьпирали всё полаты двери на́ пяту;
Заходитъ-то Гро́зёнъ Иванъ Васильёвиць,
Онъ приходитъ ко царици благовѣрныя,
Говоритъ-то ей слово со всей грубости:
„Ты пошьто́ зовёшь, царица благовѣрная?“
Воспрого́воритъ царица благовѣрная:
— Ужъ ты гой еси, Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць!
Блӑго̆слови-тко мнѣ да слово вымолвить,
Слово вымолвить мнѣ, рѣци повыполнить,
Шьто безъ той мнѣ бесъ казени безъ скорыя,
Шьто безъ той мнѣ безъ сабельки безъ вострыя,
Шьто безъ той-ли безъ ссылоцьки безъ дальнія
Да безъ той-ли безъ насмѣшоцьки великія.—
„Говори-ко-се цяриця, шьто ти̇бѣ̆ надобно“.
— Будь ты доброй, будь ты смирной, будь ты ми́лосливо̀й
До своихъ-то до мла́дыхъ двухъ цяревиц̇ей;

Ты ишше́ же будь доброй, кроткой, ми́лосливо́й
До своей-то до мла́дой до царевны-то,
Шьто до той же до Настасьи до Ивановны;
Да ишше́ ты будь вѣдь доброй, будь ты милосливой
До солдатушковъ да новобраныихъ,
Да ишше́ ты будь доброй, будь ты милосливой
Ты до вдовъ-то бѣдныхъ, малыхъ дѣтоцёкъ ихъ.—

36.

Кострюкъ.

(У дяди Ефима).

Да во славномъ было городи во Кіеви,
Шьчо во матушки-то было камянно́й Москвы,
Ише по́ небу было всё по ясному
Да по воздуху было по небесному,
Тамъ вѣдь мелки цясты звѣздочьки просвѣтили:
По чисту́ полю боляра всё розьѣжалисе.
Да задумалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць,
А задумалъ-то всё да онъ женитисе,
Онъ не въ матушки задумалъ въ камянно́й Москвы,
Онъ во той-ли задумалъ проклято́й Литвы
У того-ли Небрю́ка-та всё Небрю́ковиця—
Да на той-ли на Марьи всё Небрюковны.
Ише скоро-то Грозной царь Иванъ Васильёвиць,
Ише скоро-то онъ всё сряжаитьце,
Поскорѣ́-то онъ того всё отправляитце,
Онъ берётъ съ собой бога́тыря могуцёго,
Онъ того берётъ Дуна́юшка сына Ивановиця;
А поѣхали дородьни добры молодцы;
Пріѣжаютъ во земьлю во невѣрную
Ко тому-ли королю-ту Небрюку всё Небрюковицю.
Говоритъ-то Дунаюшко таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, король Небрюкъ Небрюковиць!
Мы пріѣхали къ тебѣ, да не гостить къ тебѣ
Мы пріѣхали къ тебѣ да всё какъ свататьце
За того-ли я за Грозного царя Ивана Васильёвича
Я твоей-то на любимоя на доце́ри
Шьто на той-ли на Марьи всё Небрюковны.
Да отдай-ко ты Марью всё Небрюковну;
Ишше дай-ко приданого телѣгу красна золота,
Да другу́-то ты дай да циста се́ребра

Да третью́-ту ты дай да скатна жемцюга".
Отдаваётъ тутъ Небрюкъ да всё Небрюковицъ
Да свою́-ту онъ Марью-свѣтъ Небрюковну
Да за Грознаго царя Ивана за Васи́льёвича,
Да давать три телѣги всё приданого:
Шьто первы́-ту телѣгу съ краснымъ золотомъ,
Да другу-ту телѣгу съ цистымъ се́ребромъ
Да третью́-ту телѣгу скатна жемцюгу;
Да отправилисе въ матушку въ каменну́ Москву.
Онъ вѣдь звалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвицъ,
Своёго-то онъ звалъ тестя́ любимого,
Онъ вѣдь звалъ королеву-ту, свою-ту тёшиньку любимую:
„Проводите вы Марью всё Небрюковну
Какъ до матушки-то вы до камянно́й Москвы;
Посмотрите у мня матушки славной камянно́й Москвы,
Посмотрите у мня да це́рьквей Божьихъ-то,
Посмотрите у мня да кнезьёй, бо́яровъ,
Посмотрите могуцихъ руськіихъ бога́тырей".
Отказались они, да всё не ѣдутъ тутъ;
Нахвалилсэ ёго шуринъ любимой-отъ,
Ише тотъ любимой Кострюкъ Небрюковицъ:
„Ужъ ты ой еси, батюшко родимой мой,
Ише тотъ-ли король Небрюкъ Небрюковицъ!
Ты спусьти-ко миня сьѣздить на святую Русь,
На святую меня Русь, сьѣздить въ матушку камянну́ Москву—
Проводить-то мнѣ любиму свою се́стрицю,
Посмотрять ихныхъ могуціихъ бога́тырей".
Они скоро-то тутъ да вси поѣхали;
Да пріѣхали они-то всё во матушку въ славну камянну́ Москву.
Тутъ вѣдь скоро зазвонили въ большой колоколъ,
Да запѣли обѣдьни Херувимскія
Ише всё-то попы, попы соборныя;
Ише скоро тутъ вѣдь повели ихъ во Божью́ церковь,
Привели-то Марью-ту Небрюковну во вѣру-ту крешшоную,
Во крешшону ей вѣру, въ православную;
Они стали держать-то по злату вѣньцу,
Принимать-то они да законъ Божій туть.
Посьлѣ етого у ихъ пошолъ поцесёнъ пиръ,
Да поцесёнъ-отъ пиръ пошолъ на весь вѣдь міръ:
Шьчо въ перьвы́хъ-то пошло на кнезей, на бо́яръ-то,

Ише на тѣхъ-ли на куп́цей да на богатыихъ,
Шьчо на руськіихъ могуцихъ всё бога́тырей;
А бога́тырей-то право не погодилосе,
Шьчо могуціихъ, удалыхъ ихъ не слуцилосе;—
Собиратъ на бѣдныхъ, на прожи́тосьиихъ хресьянушокъ,
Не оставляётъ на радости ише бѣдныхъ вдовъ,
Не оставлятъ онъ сиротьскихъ всихъ малыхъ дѣтоцёкъ.
Какъ пошолъ у ихъ поцёсёнъ-отъ пиръ навесели;
Ише свѣ́тёлъ-отъ день пошолъ ко вецёру,
И какъ красноё солнышко всё ко западу.
Грозной-отъ царь да Иванъ Васильёвиць
Со своей-то съ княгиной, молодой жоной
По полатамъ бѣлокамяшымъ похаживатъ,
Говоритъ-то онъ самъ да таковы рѣци:
„Ише вси у мня сидятъ да на пиру-ту всё,
Ишше всѣ у мня сидятъ-то вѣдь пьютъ всё, кушаютъ,
Ишше бѣленьку лебёдочку всё рушаютъ;
Да сидитъ только любимой-отъ, милой шурипъ мой
Ише тотъ-ли Кострюкъ-отъ сидитъ Небрюковичъ,
Онъ (sic), сидишь ты пошьто́ у мня, всё не кушаёшь,
Ишше бѣленькой лебёдочки всё не рушаёшь?
Ишше мѣсто тибѣ разьвѣ не по разуму,
Или кушаньё моё тибѣ не по совѣсьти,
Али цярой-то тебя разьвѣ обпесли у мня,
Али хто-небудь ужъ разьвѣ вѣдь надьсмѣхаитьце?“
Тутъ вѣдь скоро-то шурипъ сму отвѣтъ держалъ,
Отьвѣчаётъ скоро́ всё Кострюкъ Небрюковичъ:
— Ужъ ты Грозной царь же Иванъ Васильёвичъ!
По уму-ту мнѣ мѣсто твоё, по разуму,
Всё вѣдь кушаньё твоё по удовольствію,
Ише цярочкой меня не обпесьли нехто,
Какъ невѣжа надо мной-то не надьсмѣялосе;
Я сижу у тибя, объ томъ призадумалсэ:
Ише хочитцэ мнѣ бы попотѣшитце,
Попотѣшитце мнѣ бы, всё позабавитце;
Ты какъ дай луцыше могуцёго сильнёго бога́тыря,
Мнѣ-ка дай-ко-се съ имъ-то поборотисе.
Посмотри вѣдь ты, царь, самъ со царицою
На мою всё поступочку богатырьчкую.—
Ише тутъ Гро́зёнъ царь Иванъ призадумалсэ,
Призадумалсэ тутъ-то онъ, приросту́жилсэ,
„Непошьто́ убьётъ могу́его у мня сильнёго бога́тыря!“

Выходилъ-то Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичъ,
Выходилъ-то онъ скоро всё на широкой дворъ;
Онъ берётъ въ бѣлы рущюшки золоту трубу,
Затрубилъ-то онъ какъ всё въ золоту трубу.
Ишше пѣту могущихъ сильнихъ богáтырей,
Ишше пѣту-ту, всё да прирозьѣхались;
Какъ выскакивалъ одинъ бѣдной богáтырь тутъ,
Онъ вѣдь бѣдненькой, все самъ нездоровенькой,
Ишше по имени-то Хроменькой Потáнёчка;
Ишше хроменькой Потанёчка, нездоровенькой,
Онъ сутулъ, всё горбатъ, опъ былъ напередь покля́пъ,
Опъ на праву-ту ноженьку всё припадывалъ,
На лѣву́-ту ту, опъ ножочькой подковы́рывалъ,
По пережи́му-ту былъ самъ пережи́мистой [1]);
Ай онъ силой былъ несильнёй, всё напу́скомъ смѣлъ.
Говорилъ-то опъ всё Грозному цярю Ивану-ту Васильёвичу:
„Ужъ ты гой еси, Грозной царь Иванъ Васильёвичъ!
Я ува́жу Косьтрюку-ту хошь я въ первой разъ,
Я уважу Косьтрюку-ту во второй хошь разъ,
Я уважу Косьтрюку-ту во третéй-отъ разъ.
Не пецялуйсе ты, Грозной мой славной царь:
Шьто Потанюшки мнѣ-ка смерть не писана“.
Да пошли они могущи всё на широкой дворъ;
Да выскакивалъ Косьтрюкъ-Небрюкъ церезъ дубовой столъ;
Уронилъ-то онъ вѣдь сорокъ-то князьей, бóяровъ:
Не убилъ хошь до смерти, да досадилъ опъ имъ.
Выходили тутъ Грозной царь Иванъ Васильёвищь
Со царицой-то со Марьей всё Небрюковной
Посмотрять-то на могущихъ на двухъ богáтырей.
Да Потанюшка-та бѣдной всё поддавантьце,
Поддавантьце Потапюшка всё до трёхъ же разъ;
Всё кинáтъ ёго Кострюкъ-отъ всё Небрюковищь
Грозёнъ царь Иванъ Васильёвищь стоитъ невéсёлъ тутъ,
Шьчо невесёлъ стоитъ, стоитъ всё нерадосьнёй;
Онъ повѣсилъ буйну голову всё съ могущихъ плець,
Онъ потýпилъ очи ясны во матушку сыру земьлю,
Прокатились горюцй-ти всё вѣдь слёзы йзъ глазъ.
Ишше Марья стоитъ-то да всё Небрюковна,
Она вéсёло стоитъ, да всё вѣдь веселёхонька:
Не жалѣтъ она Потанюшки бѣдного Хрóмого,

---

[1]) По животу тоненькой.

Шьчо жалѣтъ она своёго-та брата ро́дного
Шьчо того-ли Косьтрюка-та всё Небрю́ковиця.
Какъ во ту-ту [1]) было да всё во то время,
Увидалъ бѣдной Потанюшка-та всё Хроменькой
Какъ своёго-та царя-надежду бѣлого,
Онъ того-ли Ивана всё Васильёвиця,—
Шьто слезитъ-то онъ свои да оци ясныя,
Онъ жалѣтъ всё Потанюшку-ту всё Хро́мого,—
Говоритъ-то Потанюшка таковы рѣци:
„Ужъ ты милой мой, ты всё Грозной царь,
Ужъ ты свѣтъ, ты государь Иванъ Васильёвиць!
Благослови-ко ты мнѣ-ка хоть слово вымолвить,
Слово вымолвить мнѣ да рѣци выполнить,
Ты бесъ той мнѣ бесъ казьни бесъ скорыя,
Ты бесъ той мнѣ бесъ сабельки безъ вострыя,
Ты бесъ той мнѣ надьсмѣшецьки великія:
Ты ише́ благослови миня Ко́сьтрюка побороть,
Побороть-то вѣдь мнѣ ёго всё вѣдь похорошому“.
Говоритъ-то вѣдь Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць:
— Тебѣ Бохъ благословитъ, Потанечка Хроменькой,
Ише хроменькой ты, бѣдной, нездоровенькой!
Побори Косьтрюка-та, да какъ тибѣ хочитце,
Ише хочитце какъ-то да какъ вѣдь я велю;
Пропусьти ету славушку по столичному по славному по городу,
Какъ по матушки по нашой по камянно́й Москвы.
Ты не мошь ли съ ёго хошь бы платьё цвѣтно содрать,
По Москвы ёго по городу спустить на́гого?—
Онъ вѣдь выслушалъ рѣци-ти скоро отъ царя-та всё;
Поступилъ-то Потанюшка всё скорёхонько,
Онъ вѣдь бралъ-то ёго скоро за праву руку́,
Онъ бросалъ-то къ собѣ онъ на ножку правую,
Онъ выки́пывалъ ёго вверьхъ высокохонько:
Онъ пониже вѣдь облаку всё ходецёго,
Онъ повыше его всё лѣсу́ стояцёго,
Онъ вѣдь выше дворьця-та всё государёва;
Онъ спускалъ Костьтрюка-та всё на сыру землю,
Подхватилъ онъ его къ себѣ на бѣлы́ руки,
Обрывалъ у его-то всё платьё цьвѣ́тноё,
Онъ спускалъ же ёго-то всё по святой Руси,

---

[1]) Пропущено: пору. *Собир.*

По святой Руси спускалъ всё по камянно́й Москвы,
Онъ вѣдь на́гого спусьтилъ всё ёго бо́сого.
. . . . . [1]).
Ише Марья-та Небрюковна приросьплакалась;
А Косьтрюкъ-отъ идётъ, сле́зно уливаитьце:
„Шьто не дай Бохъ бывать больше на святой Руси,
Какъ во славной-то матушки въ камянно́й Москвы,
Да не дай Бохъ видать мнѣ руськихъ сильнихъ,
Руськихъ сильнихъ, могуцихъ мнѣ бога́тырей!“
Тутъ вѣдь Косьтрюкъ Небрюковиць
Прибѣгаетъ ко дворьцю скоро къ восударьскому,
Онъ крыцялъ-то, зыча́лъ своимъ зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты ой еси, се́стриця родимая,
Ты родима моя се́стриця любимая,
Ужъ ты Марья, ты всё да свѣтъ-Небрюковна!
Ужъ вы дайте-ко своё хошь како́-небудь платьё цьвѣтноё,
Пріукройте-тко моё вы всё тѣло на́гоё;
Вы подайте-ко моёго всё копя доброго“.
Ише скоро тутъ Марья Небрюковна-та одѣвала ихъ;
Ише тутъ-то былъ не Косьтрюкъ не всё Небрюковиць.
Ишше сказыватъ Марья всё Небрюковна
Своёму-ту Грозному царю Ивану всё Васильёвицю:
„Ужъ ты дай-ко-се мнѣ въ роспореженьицё, Грозной царь Иванъ Васильёвиць,
Запрети всёго народа православного,
Не смотряли шьчобы на моёго-та брателка любимого,
Не смотряли шьчобы, не гра́яли.
Пріобдѣну сама я бѣдного на́гого“.
Пріобдѣла его-то да всё вѣдь на́гого.
Запретили многи, людей добрыхъ всѣхъ,
Не смотряли шьчобы люди, не видѣли.
Уѣжалъ-то онъ скоро со студу-ту со великого,
Къ своёму-ту уѣжалъ-то къ отцу къ матушки,
Да къ тому-ли королю всё Небрю́ку Небрюковичу;
Онъ слезьнёшенько тутъ у ихъ приросплакалсэ,
Онъ родителямъ своимъ Косьтрюкъ прирозжалилсэ:
„Не поѣду я вѣдь больше на сьвятую Русь
Къ своёму-ту любимому всё вѣдь къ зятю-ту,
Я къ тому-ли къ Ивану-ту ко Васильёвицю,
Я къ своей-то вѣдь Марьи-то всё Небрюковны!

---

[1]) Женшина—бѣжитъ да прикрываитьце.

Хороша у ихъ матушка каменна́ Москва,
Хорошо-то у ихъ всё изукрашона;
Тольке тѣмъ у ихъ худо-то на сьвятой Руси,
На сьвятой-то Руси, въ матушки всё въ каменно́й Москвы,
Шьчо бога́тыри у ихъ всё живутъ присильнія,
Шьчо вѣдь сильни бога́тыри всё бестыдныя:
Обдирали миня-то да всё вѣдь до́ нага".

37.

Иванъ Грозный и его сынъ [1]).

(У старушки Прасковьи Ивановны, умершей лѣтъ 30 тому назадъ).

Ай мнѣ сыпѣть мнѣ-ка стари́нушку старинную,
Шьто старинную старинушку, бывалую
Про того-ли сыпѣть цяря, цяря москоського,
Про Ивана-та сыпѣть всё про Василь'евича.
Какъ во матушки-то было въ каменно́й Москвы,
А у Грозного царя было у Ивана-свѣтъ Васи́льёвича,
Заводилась у сво́ бесѣдушка всё тихая,
Ай вѣдь тихая бесѣдушка смиренная;
Тутъ вѣдь заводилсэ у царя-та всё поцесёнъ пиръ,
Поцесёнъ-отъ пиръ да тутъ на весь на міръ:
Ай на тѣхъ-ли на князьей, гостей торговыихъ,
Ай на сильнихъ на могуціихъ бога́тырей;
Ай вѣдь вси тутъ на пиру-ту напивалисе;
Пьютъ они, ѣдятъ, да сами кушаютъ,
Ай вѣдь бѣлиньку лебёдочку всё ру́шаютъ;
На пиру-ту они всѣ-то, всѣ захвастали;
Ай богатой-отъ хвастатъ золотой казной,
Какъ бога́тырь-отъ хвастатъ могучо́й силой,
Ай какь глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Ише мудрой-отъ хвастатъ всё родной сестрой.
Говоритъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвичъ,
По полатушки-то самъ-собой похаживатъ:
„Мнѣ похвастать разьвѣ мнѣ, да ца́рю Грозному,
Я могу-то, всё могу да я похвастать-то;
Непапрасно буду хвастать, такъ я зьдѣлаю:
Я повыведу измѣну исъ Чернигова,
Я повыведу измѣнушку исъ Кіева,

---

[1]) По словамъ А. М. Крюковой, эту старину почти такъ же поютъ и въ Золотицѣ. *Собир.*

Я повыведу измѣнушку изъ матушки изъ камянно́й Москвы".
Говорятъ ёму смѣлы́ [1]) да всё съмѣлёшенько,
Не боятьце-то Грозно́го-то царя всё бѣлого,
Говорили-ти князья всё во одно слово:
— Ужъ ты гой еси, нашъ Грозной царь Иванъ Васильёвиць!
Ты не выведёшь измѣнушку изъ Новго́рода,
Не вывесьти измѣнушки тебѣ изъ Кіева.
Да не вывесьти тибѣ изъ матушки изъ камянно́й Москвы;
Ишше тотъ у насъ, у насъ выведётъ измѣнушку,
Шьчо вѣдь выведётъ да изъ Новго́рода,
Онъ повыведётъ у насъ да всё изъ Кіева,
Онъ повыведётъ у насъ изъ матушки изъ камянно́й Москвы—
И которо-то вѣдь цядышко твоё любимоё:
Онъ теперь вѣдь всё подлѣ тобя сидитъ,
Ишше тотъ-ли младъ Ѳёдоръ-отъ Ивановичъ.
Не потухнётъ-то свѣшша вѣдь паша воску-ярова;
Ай на комъ загоритъ паша свѣшша-та воскоярова,
Зацаритъ у насъ царёмъ вѣдь Ѳёдоръ, всё царевиць младъ,
Ай царевиць младъ Ѳёдоръ-свѣтъ Ивановиць;
У насъ всё тогда въ Москвѣ-то будетъ похорошому.
Розгрубилось у царя-то ретиво́ серьцо,
Ретиво ево серьцо, всё кровь горячая;
Выбѣгаетъ Грозёпъ царь Иванъ Васильёвиць,
Выбѣгаетъ онъ скоренько на красно́ крыльцё,
Онъ крыцитъ-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
„Вы о́бгите, вы идите ко мнѣ вы крутёхонько,
Палачи вы всѣ мои всё немило́сьливы".
Палачи-ти всѣ вѣдь тутъ да испугалисе,
По домамъ они скоренько розьбѣга́лисе,
На крѣпки́ они замки всё замыкалисе;
Тольке тутъ не убоялсэ е́динъ онъ тутъ,
Ай по имени Малю́та сынъ Скурла́тьевъ былъ.
Ёнъ бѣжитъ-то всё къ царю всё не съ упа́дкою:
Почему ты эдакъ каркашь, ты всё Грозной царь,
Ише Грозной ты царь Иванъ Васильевичъ?
Ты крыцишь-то, ты крыцишь да непопутьнёму".
Говоритъ-то Грозной царь Иванъ Васильёвичъ:
— Ты поди, поди, Малюта всё Скурлятовъ ты,
Ты поди прямо въ полаты ко мнѣ царьскія,
Ты бери, бери единую жемцюжну,

---

[1]) Вмѣсто „смѣлы́мъ". *Собир.*

Ты единаго моёво цяда милого
Шьчо по имени Θёдора Ивановича;
Ты возьми поди ево за рученьку за правую,
Поведи ево на полё на Кулико́во,
Оймй-ко ты со спички саблю вострую,
Отсѣки по плець его да буйну голову,
Принеси ко мнѣ всё сабельку кровавую.—
Онъ вѣдь бралъ ево за руцёньку за правую.
Ай приходитъ скоро царь въ полатушки свои во царьскія,
Ай во царскія полаты бѣлокамянны;
Тутъ заплакали многи́ да люди добрыя,
На пиру-ту всѣ князья да всѣ вѣдь бо́яра:
„Шьчо потухла-то свѣшша вѣдь воскуярова,
Укатилась скацёна́ паша жемцюжинка,
Ай не стало-то на царьсьви вѣдь царевиця
Ай того-ли Θёдора у насъ Ивановича!“
Надѣвали тотъ народъ, да люди добрыя
Опи чёрное всё платьичо, печальнёё.
Ай во ту-ту вѣдь пору́ было́, во то время,
Увидалъ-то тутъ какъ всё вѣдь изъ окошецька
Любимой-отъ ево, всё милой дядюшка
Ишше тотъ-ли князь Никитушка Романовиць;
Онъ не самъ хошъ увидалъ, да услыхалъ-то онъ:
Донесьли-то ему да кня́зья, бо́яра.
Отдавалъ онъ молодого-то взамѣнъ своёго ключничка,
Отнималъ-то онъ любимого племянницька,
Шьчо того-ли онъ Θёдора Ивановича;
Опъ берётъ ево за рученьку за правую,
Онъ чѣлуётъ всё въ ево уста саха́рныя:
„А вѣдь тотъ-ли вамъ кусъ да не вамъ кушати!“
Отьсѣкали-то у мла́дого у клюцьницька,
Отсѣкали-то ево да буйну голову,
Привезли ко царю саблю́ кровавую.
Воротилъ-то дядюшка племянницька,
Онъ избавилъ-то его отъ сьмерти скорыя,
Онъ отъ скорой ево сьмерти отъ напрасною.
Собираётъ князь Микитушка Романовичъ,
Собираётъ для племянничка почесёнъ пиръ;
Всё палитъ-то онъ исъ пушокъ беспрестанно тутъ,
Какъ изъ мелкого ору́жья безуты́шно-то.
Ай у Грозного царя Ивана та Васильёвича
Ище пушки у ево всё—непостарому,

Шьчо изъ мелкого оружья обсѣкаитьце;
Посылатъ-то онъ скорыхъ пословъ скорёхонько:
„Вы зовите моево вы шурина,
Моево вы шурина любимого,
Вы того зовите-ко Микиту всё Романовича:
Онъ вѣдь пусьть придётъ, меня въ печали-то посмотритъ-то,
Онъ посмотритъ меня да посѣтитъ пушшяй“.
Тутъ приходятъ къ ему да такъ скоры послы:
„Ты пойдёмъ, пойдёмъ, Микита-князь Романовичъ!
Ай зовётъ нашъ Грозенъ царь Иванъ Васильёвичъ“.
Тутъ пошолъ-то онъ да такъ скорёшенько;
Приходитъ онъ ко Грозному царю Иванъ-Васильёвичу.
Говоритъ-то Грозной царь Иванъ Васильёвиць:
„Шьчо же милой ты, любимой мой ты шуринъ-отъ
Ай-ли тотъ-ли Никита-свѣтъ Романовиць!
У тя пушки-ти палятъ да всё постарому,
Всё постарому палятъ у тя, попрежному,
А изь мелка оружья не обсѣкаютце;
Ты не знаёшь про меня разьвѣ незгодушки,
Про моёго ты про младого царевиця,
Про того-ли ты про Ѳёдора Ивановича?
Какъ одна была у мня скачóная жемчужинка,
А одна была сналúвна слáдка ягодка;
Ай свалилась у мня да укатилась —
Шьчо единъ-отъ у меня да сынъ любимой мой,
Ишше тотъ-ли у мня Ѳёдоръ-отъ цяревиць младъ,
Шьчо цяревиць у мня младъ да свѣтъ-Ивановиць!“
Говоритъ-то ёму шуринъ-отъ любимой-отъ
Ише тотъ-ли Никита-свѣтъ Романовиць:
— У миня-то, всё любимой ты вѣдь зеть ты мой,
У мня всё идётъ постарому, попрежному,
У мня всё-то дѣло дѣлаитце подосéльнёму:
Ай поцéсёнъ у мня нпръ идётъ навéсели,
Шьчо навесели идётъ у мня на радосьти;
Безутышно мы палимъ да въ пушки всё,
У мня мелко оружьё не обсѣкаитьце;—
Шьчо пріѣхалъ вѣдь ко мнѣ всё небывалой гось,
Небывалой ко мнѣ гось да долго-ждáной-отъ
Шьчо по имени вѣдь Ѳёдоръ-свѣтъ Ивановиць,
Ай любимой мой милой всё племяньницёкъ.—
Говоритъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць:
„Ты любимой мой; ты шуринъ, ты Никита-свѣтъ Романовиць!

Ай обрадовалъ теперь моё да ретивó серьцо,
Воротилъ ты у миня сына единого,
Ай того ли у мня мла́дого царевиця
Ай по имени Ѳёдора Ивановиця,
Дорогую ты мою круглу жимцюжинку,
Виноградную налúвну, сладку ягодку,
Мла́дого ты Ѳёдора-цяревиця!“ [1])

38.

Смерть Ивана Грознаго [2]).

(У своего двоюроднаго брата, племянника матери, родомъ изъ с. Стрѣльны).

Ише было-то во матушки во нашой въ каменнóй Москвы,
Какъ у насъ во дворьци у царя бѣлого,
Царя Грознаго Ивана у Васильевиця:
Приходила тутъ ему да скора смерть,
Скора-та смерть-матушка престрашная.
Ише сталъ-то онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ попема́гивать,
Розболѣлсэ-то онъ тутъ скорéшенько.
Въ головяхъ-то у ёго стоитъ Ѳёдоръ-отъ цяревиць младъ,
Во ногахъ-то сидитъ Настасья-царевна;
Сидятъ они, слéзно уливаютце.
Говоритъ имъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
„Ужъ ты милой мой младой цяревиць, младъ!
Какъ когда-то я помру, да когды Богъ велитъ,
Вы полóжьте-тко мнѣ-ка въ гробъ-отъ, мнѣ,
Положьте-ко вы да мой-отъ стра́шонъ мець;
Понесутъ-то моё да тѣло бѣлое,—
Православны-ти люди всё ужáхнутце,
Вси солдатушки тутъ да приросплацютьце.
Хошь и звали меня да всё я—Грозной царь,
Пожáлѣютъ-то меня да вси солдатушки:
Какъ до ихъ-то я былъ, да всё не грозной былъ,
Всё не грозной былъ, да всё я милосьливъ,
Всё я милосьливъ да всё я жалосьливъ“.
Какъ во ту пору было́, во то время,
Понесли царя да во Божью́ церьковь.
Вси иду́тъ солдаты, слéзно пла́цютъ-то,

[1]) Послѣдній стихъ А. М. Крюкова добавила словами. *Собир.*

[2]) А. М. Крюкова не могла опредѣлить навѣрное, старина ли это, или пѣсня. *Собир.*

Во полкахъ солдаты прицитаютъ тутъ.
Какъ единъ солдатъ-отъ на цясахъ стоялъ,
На цясахъ стоялъ да слёзно плакалъ онъ;
Какъ ударили да въ большой колоколъ,
Говорилъ солдатъ да таковы рѣци:
„Росыпрекрасно ты да моё дéревцё,
Моё деревцё да кипарисноё;
Ужъ ты ягодка моя смородинка,
Виноградная да моя сладкая!
Ты когды росла да когда вызрѣла,
Во каку пору да ты повыросла,
Во како́ же лѣто ты повы́здрѣла?
Ты розы́ньсе-ко да мать сыра земля!“
Онъ приплакиватъ, самъ выговариватъ:
„Ты роскройсе-ко, да дорога царця!
Ты востань-ко, сѣдь, да православной царь,
Православной царь да царь ты бѣлой нашъ,
Царь ты бѣлой нашъ Иванъ Васильёвиць!
Ты востань, востань да ко солдату мнѣ,
Ко солдату мнѣ всё къ новобраному;
Посмотри-ко ты да на солдатика:
Во слёзахъ стою да слово молвлю я,
Въ возрыданьици да рѣць говóрю я;
Какъ реву-ту я, да какъ рѣка течётъ,
Говорю-ту я, да какъ вѣдь громъ гремитъ.
Ужъ ты стань, востань да посмотри на насъ,
Посмотри на насъ да ты на тѣ полки,
Шьчо на тѣ полки всё на солдацькія,
На свою-то ты да на арьмёюшку:
Хорошо у тя они уря́жоны;
Они вси у насъ да во фрунту́ стоятъ,
Они вси стоятъ да оружьи́ дёржа́тъ,
Оружья́ держатъ да во своихъ рукахъ,
Во своихъ рукахъ да по своимъ полкамъ,
По своимъ полкамъ да по уцёньицямъ,
По уцёньицямъ—да ко войны́ уцятъ,
Ко войны уцятъ, да во походъ пойдутъ,
Во походъ пойдутъ,—да они вси ревутъ:
Споминаютъ всё да царя бѣлого,
Шьто того-ли царя Ивана да Васи́льёвиця“ [1]).

[1]) Записано со словъ, такъ какъ сказательница не рѣшилась пѣть эту старину, говоря, что не совсѣмъ хорошо ее знаетъ. *Собир.*

39.

Смерть Михайлы Скопина [1]).

(У дяди Ефима).

Поѣжаетъ Скопи́нъ-отъ, да князь-отъ Михайло Васи́льёвичъ,
Поѣжаетъ Ско́пинъ-отъ за Москву-рѣку.
На наказываетъ Скопи́ну-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жона:
„Ужъ ты душенька Михайло да ты Васильёвичъ,
Ужъ ты тотъ-ли князь да Ско́пинъ-отъ!
Ты не ѣзьди, Скопи́нъ, да за Москву-рѣку:
Тамъ поставятъ тебя-то—вѣдь не на пиръ зовутъ,
Не на пиръ тибя зовутъ-то, не пировать съ тобой,
Они тебя—держать всё хресьника
У того-то у князя у московського.
Ты одёржишь своёго хошь воспріемьника“,—
Говоритъ ёму родна-та да ево матушка,—
„Ты не пей-ко-се, у ихъ да зелёна́ вина,
Ты не кушай-ко у ихъ всё ѣсвы саха́рныя:
Да уходитъ тебя кума, да доць Малю́тьёва“.
Онъ не слушаётъ наказу-ту ро́дной матушки,
Ро́дной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поѣжаётъ-то Ско́пинъ-то-князь Михайло-свѣтъ Васильёвичъ,
Онъ берётъ, берётъ коня-та всё богатырьского,
Онъ уѣхалъ за матушку за Москву-рѣку.
Пріѣжаетъ ко князю-ту ко московському;
Да стрѣчяютъ Скопина́-та князя Михайла Васильёвича,
Да стрѣчаютъ ево на широкой свѣтлой улици,
Приглашаютъ ево всё ’почёсёнъ пиръ;
Да идётъ-то Скопи́нъ-князь Михайло Васильёвичъ,
Онъ идётъ-то да ничево-то всё не думаётъ;
Одёржалъ же онъ своёго всё воспріемника.
Собираётъ князь на радосьти тутъ почесёнъ пиръ,
Онъ почесёнъ-отъ пиръ да онъ на весь на міръ:
На своихъ-то на князьёй да онъ на бо́яровъ,
Для того-то собиратъ больше Скопина́-кума́,
Для того-ли-то князя Михайла Васильёвича,
Да садитъ онъ ево всё во больше́ мѣсто,
Во больше́ ево мѣсто да ише всё къ собѣ.

---

[1]) Поется быстрѣе другихъ старинъ. М. С. Крюкова (И) говорила, что эту старину поютъ и въ Зимней Золотицѣ. *Собир.*

Ише тутъ вѣдь бояра всё зло подумали;
Розговорили они да всё княгиню тутъ,
Насыпа́ли въ стоканъ ёму зелья лютого;
Подносила кума всё ему крестовая.
Выпиваётъ Скопи́нъ, ничево не думаётъ;
Загорѣло у ево скоро ретиво́ серьцо;
Выходилъ-то онъ вѣдь скоро псъ цёсна́ пиру,
Говорилъ-то онъ кумы-то своей крестовою:
„Ужъ ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты, всё ты меня, безбожница,
Опоила меня ты да зѣльёмъ лютымъ,
Ты злодѣйка-кума, ты да зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая ты, да дочь Малю́тина,
Доць Малютина ты, да всё Скурлатова!
Отьвези ты миня, да кумъ крестовой мой,
Ко своей-то [1]) отьвезти меня къ ро́дной матушки.
Ишше я-то на васъ-то да зла не думаю:
Уходила миня кума-злодѣйка зла,
Да злодѣйка-та зла, да доць Малютина“.
Уѣжаётъ онъ скоро да къ ро́дной матушки,
Къ родной матушки, къ своей-то онъ къ молодой жены́;
Ише тутъ-то заходитъ-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да онъ ко матушки.
Онъ зашолъ-то самъ сле́зно да уливаитце,
Онъ всемірно во своихъ грѣхахъ всимъ онъ каелса,
Ище тутъ-то зъ души́ онъ скоро́ представилсэ:
Да згорѣло у ёго-то тутъ ретиво́ серьпо.

40.

Осада Соловецкаго монастыря [2]).

Во Москвы-то было, во царьсви,
Во прекрасномъ восударьстви,
Переборъ-то былъ боярамъ,
Пересмотръ-о́тъ бы́лъ воеводамъ.
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту непростого —

---

[1]) Т. е. моей, Скопина. *Собир.*

[2]) По словамъ А. М. Крюковой, эта старина—„запрещенная“. *Собир.*

Ево роду же непростого:
Изъ бояръ князь-Салтыкова.
Воспрогóворитъ-то восударь-царь нашъ.
Алексѣй-сударь свѣтъ-Михайловичь:
„Ужъ ты гой еси, воевода!
Я пошлю тйбя́, воевода,
Ко манáстырю святому
Ко игумену честнóму:
Стару вѣру-ту порушúте,
Стары книги исприбúте,
На огни вы вси сожгите“.
Воспрогóворитъ воевода:
—Ужъ ты гой ёсй, государь-царь нашъ,
Волексѣй ты судáрь-Михайловичь!
Какъ нельзя-то думой подумать
На святó вѣдь на это мѣсто,
На прекрасною кенорію,
Шьчё на свѣ́товъ-то преподобныхъ
Соловецькихъ вѣдь цюдотворьцевъ.—
Воспрогóворитъ осударь-царь нашъ
Алексѣй-отъ судáрь-Михайловичь:
„Ужъ ты гой еси, воевода!
Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,
Буйну голову отрубити“.
Воевода-та испугалсэ,
Самъ слезами же обливалсэ:
—Ужъ ты гой еси, государь-царь нашъ
Алексѣй же судáрь-Михайловичь!
Погоди ты миня пилити,
Ужъ (м)нѣ дай рѣць говорити:
Мнѣ-ка дай жé ты силы много,
Мнѣ стрѣльцовъ, борьцóвъ, салдатовъ.—
Шьчё садилсэ-то воевода;
Надалек'онъ, свѣтъ, отъѣхалъ,—
Онъ росплакалсэ, самъ роздумалсэ:
„Хошь я смерть-ту—я пріиму же!
Онъ роздумалсэ воевода:—
Во пути будто рознемóгсе;
Онъ назать скоро воротилсэ.
На то мѣсто-то накупáлсэ
Изъ бояръ, бояръ князь Пешéрской;

Шьчё садилсэ-то воевода
Онъ во лёгоньки стружо́цьки;
Потянули-то вѣтры буйны
Съ полудённую сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко мана́тырю святому,
Ко игумену чесно́му,
Ка(къ) ко свѣтамъ-то преподобнымъ
Соловецькимъ же чудотворьцамъ.
Какъ стрѣлялъ, стрѣлялъ воевода
Во соборну-ту Божью церьковь,
Уронилъ-то тутъ воевода
Богородицу со престола.
Вси манахи-ти испугались,
По стѣнамъ-то вси побросались
Въ одну келью-ту собирались,
Въ одно слово-то говорили:
Говорилъ-то всё игуменъ:
„Вы не бойтесь-ко, мои дѣти,
Не страшитесь-ко етой страсьти!
Мы постарому вѣдь отслужимъ,—
Съ Христомъ въ царсьтви съ нимъ прибу́дёмъ“.
По грѣхамъ было суцини́лось,
По тежки́мъ грѣхамъ сотворилось:
Захотѣлъ-то вѣдь деревя́га [1])
Въ светомъ озери (онъ) купатьце,
По верёвкамъ черезъ стѣну-ту опускатьце;
Ишше палъ етотъ грѣшникъ
Онъ на сы́ру-ту земьлю;
Онъ сломилъ сво́ю пра́ву руку,
Извихну́лъ сво́ю лѣву ногу.
Тутъ пришолъ къ ёму́ воевода:
„Ты скажи-ко намъ сушшу правду:
Ище порохомъ-то ли дово́лёнъ манастырь,
Ишше пушками-то доволенъ ли,
Ишше крѣпосью-то крѣпокъ ли
Да людьми-то вѣдь онъ лю́дёнъ ли?“
Говорилъ-то тутъ деревяга:
— Онъ вѣдь крѣпосью-ту крѣпокъ,
Онъ людьми тольки не лю́дёнъ.

[1]) Мужикъ деревеньской, жилъ по обѣдамъ.

Попадите й вы зайдите
Дровяны́мъ-то въ стѣну окошкомъ [1].—
Какъ зашолъ-то воевода,
Росказалъ какъ деревяга;
Онъ заця́лъ тутъ воевода,
Стару вѣру-ту порушилъ взялъ,
Стары книги-ти Божьи изорвалъ всё,
На огни-ти онъ прижигалъ ихъ;
Всѣхъ манаховъ прирубили,
Въ си́нё морё-то помётали
Надъ игуменомъ наругались:
Рѣцистъ языкъ у его отрѣжу́тъ,—
Черезъ ноць было тако цюдо:
Онъ вѣдь здѣлалсэ весь здравой;
Они взели его убили—
Какъ небесно царсво́ купили.
Во ту пору-ту, во то время,
Въ са́му въ ту вѣдь въ тёмну ноцьку
Ишше къ нашому царю жо
Къ Олёксѣю-то свѣтъ-Михайловицю
Какъ приходятъ къ ёму два старьца,
Какъ хотятъ-то его убити,
Руки, ноги да отпилити;
Говорятъ ёму таки рѣци:
„Ужъ ты гой ёси, государь-царь,
Олексѣй ты суда́рь-Михайловиць!
Не розорей-ко ты старой вѣры“.
Посылатъ-то вѣдь царь же ско́ро,
Онъ гонцёвъ-то скоро́, салдатовъ:
„Старой вѣры не розоряйте,
Вы вѣдь книгъ-то не розрушайте,
На огни-то не розжигайте,
Вы манаховъ-то не рубите“.
Ище стрѣтили воеводу
Въ славномъ городи во Во́логды.
Воевода-то розболѣлсэ,
Онъ въ худой-то боли́ сконцялсэ [2].
Государь-отъ, государь нашъ царь
Олексѣй-свѣтъ суда́рь-Михайловиць

[1]) Окошко было закладено дровами; а то имъ ужъ не попасть въ стѣну (т. е. во внутренность стѣны).

[2]) Сгнилъ.

За воеводой собиралсэ,
Жисть своёй жизнью сконцялсэ [1]).
Понесли ёго въ Божью церьковь,—
Потекло у ёго изъ у́шей-то,
Потекла у ёго всяка га́вря [2]);
Ишше уши-ти затыка́ли
Всё хлопцятой бѣлой бумагой.

Пропѣвши эту старину, А. М. Крюкова разсказала слѣдующее. Царь Алексѣй Михайловичъ думалъ, что Никонъ—святой; чтобы окончально убѣдиться въ этомъ, онъ велѣлъ ему надѣть башмаки, въ которыхъ было наколочено гвоздье. Никонъ поставилъ башмаки подъ кровать, а царю говорилъ, что онъ ходитъ въ нихъ невредимо. Тогда царь велѣлъ ему перемѣнить старую вѣру и поставить новую—неправую.

41.

Шведская война при Екатеринѣ II.

(У м а т е р и).

Во Москвы-то вѣдь было, въ славномъ городи,
Ай на царьсви-то вѣдь не́ было не цяря и не цяревиця,
Шьчо не мла́дого родимого наслѣдьницька:
Тутъ цярила-то цариця благовѣрная
Ише та Екатерина Алексѣевна.
Шьчо сидѣла она, цярила ровно три года;
Тутъ заслышелъ король невѣрной шве́дськой-отъ;
Ишше самъ-то онъ, тотаринъ, похваляитце́:
„Я зайду-пойду во матушку въ Москву-городъ;
Наперёдъ я розорю въ Москвѣ да церьквы Божьи вси,
Я тогда буду рубить со старого до малого,
Не оставлю я въ Москвѣ силы на сѣмяна;
Я царицу-ту Екатерину за собой возьму,
За своёго я за сына за любимого".
Ай подходитъ-то тутъ король всё шведьцькія,
Онъ подходитъ-то подъ матушку подъ славну каменну́ю Москву,
Онъ тутъ пишотъ ёрлыцькй всё скорописцяты.

---

[1]) Когда я просилъ повторить эти слова, А. М. Крюкова пропѣла: „Онъ своёй-то жизнёй сконцялсэ". *Собир.*

[2]) Гной.

Принесьли-то отъ шведського-то короля да скору грамотку,
Подова́ютъ цярици-то Екатерины Алексѣёвны;
Задрожали тутъ у ей да ручки бѣлыя,
Пріудро́гло тутъ её всё ретиво́ серьцо,
Прокатились изъ очей слёзы горючія:
„Я слегу́ теперь въ постёлёчку во смёртную!“
У ей былъ-то всё въ полкахъ-то во военныхъ тутъ
Предводитель-отъ большой да былъ всё хитрой самъ [1]),
Роспорядкомъ-то былъ да всё россу́дливой;
Ухитри́лъ ёго Господь вѣдь своей хитросью.
Онъ пришолъ-то, сталъ царицу уговаривать:
„Не тужи, наша царица благовѣрная!
Ты читай-себѣ молитву всё Исусову,
Призывай къ себѣ на помошъ Бога-Господа;
Ты садись поди, на свой садись на зо́лотъ стулъ“.
Говоритъ наша царица православная:
— Не могу итти я сѣсь къ тебѣ на зо́лотъ стулъ:
Присидѣлсэ золотой мнѣ стулъ въ три годицька.—
Онъ вѣдь бралъ свою царицу за бѣлы́ руки,
Посадилъ-то взялъ вѣдь онъ ей къ дубову́ столу:
„Ты читай, сиди, молитву всё Исусову;
Сокрѣпитъ вѣдь тебя Господи, помилуётъ“.
Онъ вѣдь сталъ-то писать, ей всё росказывать:
„Написалъ вѣдь намъ король да онъ всё швецькой-отъ:
„Припалажены ли какъ у васъ да пушки-матушки,
Принака́чоны ли всё у васъ да зе́льё съ порохомъ?““
Говоритъ-то тутъ вѣдь предводитель нашъ премудрой-отъ:
„Ты вѣдь слушай-ко, Екатерина Алексѣёвна:
Присуди ты, мнѣ-ка пособи да ели, какъ писать,
Мнѣ-ка какъ писать злодѣю, всё отписывать“.
Говоритъ Екатерина всё таки слова:
— Ты пиши, пиши-ко самъ, да какъ вѣдь Бохъ велитъ,
Какъ вѣдь Бохъ тебѣ велитъ да твоей мудросьти.—
Во перьвы́хъ-то сталъ всё пріуписывать:
„Добро жаловать, ты да ко́роль шведськія,
Да во матушку-ту нашу въ камянну́ Москву!
Подъ-у матушки во нашой камянно́й Москвы

---

[1]) Я предводителя забыла: Це́рнышовъ ли Захаръ Григорьевичь? только не Кутузовъ. *А. М. Крюкова.* Затѣмъ сказательница прибавила, что Кутузовъ участвовалъ въ другой войнѣ, въ которой „треть вѣку, треть птицъ и треть людей убыло“. Онъ „видѣлъ плани́ду Божію — святой былъ — видѣлъ, кому смерть будетъ“. *Собир.*

Пушки-матушки у насъ все принаряжены,
Бочки съ порохомъ у насъ всё принакáчоны".
Онъ ишше-то всё да какъ уписывалъ:
„У насъ нѣтъ такого всё закону на сьвятой Руси,
На сьвятой Руси закону, въ камянно́й Москвѣ;—
Погосьтятъ у насъ въ госьтяхъ—тогда замýжъ берутъ.
Ты приди, приди ты въ госьти-то къ царици тутъ,
Ты ко мнѣ приди, къ царици, посмотрять меня;
Поиграмъ-то мы съ тобой да въ карты, въ пѣшочки".
Уносили скору грамотку да свою руськую,
Отдавали королю въ руки ко швецькому.
Въ рукахъ грамотку онъ бралъ скоро́ да роспечатывалъ,
Роспечатывалъ онъ бралъ да скоро самъ прочитывалъ,
Всё прочитывалъ, скоро росьмѣха́итце,
Росьмѣхаитце, самъ въ госьти собираитце.
Приносилъ ей дороги́ да всё подароцьки,
Дороги-ти ей подарочки бесцѣнныя;
Принимаетъ царица-то Екатерина Алексѣевна,
Принимаетъ кароля да всё тутъ шведьского,
Шьчо ведётъ она въ полаты бѣлокамянны.
Говоритъ-то ей король да таковы слова:
„Ты прекрасная Екатерина Алексѣёвна!
Ты поди, поди за сына всё въ замужесьтво;—
Не сожгу-ту я въ Москвы у васъ Божьи́ церьквы,
Не прибью-ту я у васъ народу православного".
Говоритъ Екатерина таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, король да король шведськой ты!
У тя гдѣ-то вѣдь да сынъ-отъ, всё женихъ-то мнѣ?—
„У мня нѣту сына здѣсь, не пригодилосе.
Я вѣдь самъ возьму тебя да увезу къ себѣ".
Говоритъ наша царица благовѣрная:
—Мнѣ-ка дай ты, король, строку на недѣлёчку,
Погосьтить-то мнѣ съ тобой да погулять вѣдь здѣсь.—
Шьчо тому-то былъ король себѣ радёшенёкъ;
Его ла́шшитъ всё царица рѣцьми тутъ хорошима.
Говорилъ-то ей король да таковы слова:
„Шьто бессро́цьнёго-то времени на сьвѣти нѣтъ".
Тутъ вѣдь зоветъ ей король да всё къ себѣ въ госьти,
Ей во тѣ-ли во свои да всё во лагери.
Говоритъ тутъ предводитель всё премудрой-отъ:
„Положи возьми въ мѣшокъ муки хоть съ пудъ вѣдь ты,
Ты носи эту муку да въ собой кажной день.

Понесу-ту я ёму всё вóдоцёкъ-напúвоцьковъ;
Напоúмъ мы короля да всё мы пьяного.
Я возьму, возьму въ собой ишé булатёнъ ножъ".
Тутъ пошли они къ ёму въ госьти, отправилисъ
Въ камянно́й Москвѣ народъ вси ужахну́лисе,
Ужахну́лисе народъ вси, зьдивовалисе,
Зьдивовались тутъ народъ, слезно́ росплакались;
Говорятъ вѣдь они сами таковы слова:
„Экъ, изьмѣнушку царица, вѣрно, дѣлаётъ!"
А приходитъ царица къ королю въ госьти;
Ей стрѣчаетъ тутъ король, да ниско кланялсэ.
Напоили ево водками всё до́пьяна;
Тутъ вѣдь сталъ-то король шведськой [1]) веселёхонёкъ;
Ёнъ вѣдь сталъ-то съ царицой поговаривать,
Сталъ онъ разны-ти шутоцьки пошу́цивать.
Покатились у царици горючи́ слёзы.
Говоритъ тутъ предводитель таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, король ты земьли Шведською!
Повались ты всё къ царици на колѣни къ ей".
Онъ тому-то какъ король былъ радъ-радёшенёкъ.
Говоритъ ёму царица-та Екатерина Алексѣёвна:
„Ужъ ты гой еси, король да земли Шведськія!
Ты усьни ты на колѣняхъ хоть немножоцько.
Мнѣ приходитъ теперь время, нать домой итти".
Тутъ вѣдь скоро же король да засыпалъ у ей.
Шьчо во ту вѣдь пору́ было́, во то́ время,
Предводитель её́ хитрой пріумудрилсэ,
Пріумудрилсэ онъ да пріухи́трилсэ:
Доставаетъ скоро ножицёкъ булатной-отъ,
Онъ отрѣзалъ королю-ту буйну голову;
Ешше самъ-то взялъ его да пріоку́талъ всё,
Онъ спусьтилъ-то эту голову въ мѣшокъ, въ муку,
Положилъ мѣшокъ-то королю да подъ оку́тоцьку [2]).
Они сами благодарили Бога-Господа и вонъ пошли.
Они скоро, царица-та Екатерина Алексѣёвна,
Ай приходятъ во полаты бѣлокамянны,
Весёлы́мъ они приходятъ веселёхоньки.
Они за́цели палить-то, бить силу вѣдь шведцькую,
До тово—они не смѣютъ имъ противитьце;

---

[1]) Вмѣсто „король шведськой" А. М. Крюкова пропѣла: „царúшшо", но потомъ поправилась. Ср. № 49, ст. 290, 329. *Собир.*

[2]) Цимъ оку́талъ,—одѣвалышко какое ли?

Они бились тутъ, стрѣляли бо́ёмъ огнянымъ;
Сила шведська-та стоитъ да не противитце.
До того они добились бо́ёмъ огнянымъ,—
Ихъ немного тутъ стало оставатисе;
По сторонамъ-то шведська сила розьбѣгаитце,
Имъ тутъ въ руки-ти сила́ нова́ пѣхаитьце,
Имъ пѣхаитьце въ руки, изьвипяитце:
„Вы берите положите подъ сьвятую Русь,
Подъ сьвятую Русь, подъ матушку подъ камянну́ю Москву!
Исьприбили всю вѣдь силу до единого,
Не оставили силы всё на сѣмяна.

Б) Старины Зимняго берега.

42.

Исцѣленіе Ильи Муромца [1]).

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Муроми,
Ай во томъ было сели да во Качарови,
Тамъ вѣдь жилъ-то былъ богатой-отъ хресьянинъ-отъ,
Ай богатой-отъ хресьянинъ-отъ Иванъ да Тимоофёевичъ.
Ему далъ-то Господь сына единого,
Ай единого сына-та любимого
Ай по имени—Ило́йко сынъ Ивановиць.
Ише сталъ-то Илья у ихъ пети годовъ;—
Шьто сидитъ-то онъ, да всё не ходитъ онъ;
Ише сталъ-то Илья да десети годовъ,
А не служатъ у ево всё ножки рѣзвыя;
Ище сталъ-то Илья и двадцети годовъ;—
Не несутъ-то ево всё ножки рѣзвыя;
Ище сталъ-то Илья и тридцети годовъ;—
Не несутъ-то всё, не служатъ ножки рѣзвыя.
На печаль-то пали ево родители:
„Шьто едино у насъ цядышко убогоё,

[1]) Я спрашивалъ у А. М. Крюковой, не разсказывалъ ли это словами ея свекоръ, но она увѣряла меня, что онъ пѣлъ голосомъ, какъ старину. Подобную старину она слышала и въ Чаваньгѣ, но изъ той ничего не запомнила. *Собир.*

Да у́бого моё цядышко, безногоё!“
Какъ пошли-то Иванъ-свѣтъ Тимооеёвиць,
Со своей-то поволъ да съ молодой жоной,
На цяжо́лу-ту пошли да на роботушку,
Ай на ту-ли на цежолу—хлѣбопашество;
Посадили своево цяда любимого,
Ай любимого цядышка, всё милого
Ай того-ли Илью да свѣтъ-Ивановиця,
Посадили на кирпишну всё на печоцьку;
Говорили они ёму таки слова:
„Ай сиди ты до насъ, нешевели́мой будь,
Не пади-ко-се ты, да не убейсе ты“.
Онъ немного посидѣлъ-то посьлѣ батюшка,
Да пришли къ ёму калики подъ окошоцько:
„Ужъ ты гой еси, ты цядышко единоё,
Ты едино, ты цадышко любимоё,
А по имени ты всё Илья ты всё,
По очётесьву да всё Ивановиць!
Ты подай-ко ты милосьтину спасёную,
Ай напой-ко-се насъ да пивомъ хмѣльнїимъ,
Хмѣльнїимъ да пивомъ сладкїимъ“.
Говоритъ-то Илья, скоро́ отвѣтъ держалъ,
Отвѣчаетъ скорёшенько Иваповичъ:
— Ужъ вы гой еси, мои милы́ калики вы,
Перехожія спасёны, переброжія!
Вы зайдите-ко, подите вы вѣдь въ домъ ко мнѣ.—
Заходили калики ише въ домъ къ ёму.
Говорилъ-то Илья да онъ таки рѣци,
Шьчо Ивановиць-отъ да со сьлёза́ми онъ:
— Перехожи вы калики, переброжія,
Я бы радъ-то вамъ подать я милосьтинку всё спасёную:
У моёго-то у ро́дного у батюшка
Езь дово́льнё у ево всё золотой казны,
Шьчо прископлёна казна, всё присодви́гнута;—
Не могу сойти со печки со кирпиньнёю.—
Говорили калики перехожія:
„Ты какъ дай хошь намъ напитьце пива сладкого“.
— Есь у батюшка-та пива всё вѣдь боцьками;—
Не могу сойти со пецьки со кирпишною.—
Говорятъ-то всё калики перехожія,
Перехожіи калики, переброжіи:
„Ты сойди, сойди, Илья, со печки со кирпишьною“.

— Я сижу, братци, на пецьки я единой день.—
Не могу ходить на ножоцькахъ я тридцеть лѣтъ.—
Говорятъ ёму калики перехожія:
„Росьтени-ко ты, росправь свои-ти ножки рѣзвыя,
Ты сойди теперь со пецьки—они понесутъ тебя,
Понесутъ тебя, удёржатъ ножки рѣзвыя.—
Онъ росправилъ на печки ножки рѣзвыя,—
У ево вѣдь рѣзвы ножоцьки всё росьтенулисе;
Сходилъ же онъ со печки со кирпичною,—
У ево вѣдь рѣзвы ножоцьки—кáкъ вѣкъ ходилъ.
Онъ пошолъ-то скоро самъ за золотой казной,
Подаватъ-то каликамъ перехожіимъ;
Говорятъ ему калики, всё отвѣтъ держатъ:
„Не возьмёмъ-то мы твоей всё золотой казны;
Принеси ты намъ напитьце пива сладкого“.
Нáцидилъ, сходилъ на погрёбъ, цяшу пива сладкого,
Подаваётъ всё каликамъ перехожіимъ,
Перехожимъ каликамъ, переброжимъ тутъ,
Подаваётъ вѣдь онъ отó всей радосьти;
Онъ вѣдь кланеитце имъ всё до сырой земли,
До сырой-ли до земли, до ихныхъ рѣзвыхъ ногъ.
Они пóпили-то тутъ да пива сладкого,
И немного они цяшы оставляли тутъ,
Оставляли они цяшы, подаютъ ему:
„Ты возьми у насъ исьпей, да ты Илья же свѣтъ;
Посьлѣ нашого питья—да мы скажóмъ тебѣ—
Теперь будь-ко ты Илья да ты по имени,
Ишше будь-ко ты свѣтъ да Мурамець,
Илья Мурамець да свѣтъ Ивановиць.
Каковó ты во собѣ слышишь здоровьицё?“
— Я вѣдь слышу по собѣ—да теперь здравъ совсимъ,
Теперь здравъ-то совсѣмъ, всё здоровёшенёкъ.—
„Мы скажóмъ теперь про то, тебѣ повѣдаёмъ:
Принеси-ко ты ишё́ пивá другу́ цяшу“.
Онъ всё радъ бѣжать за пивомъ Илья Мурамець,
Илья Мурамець бѣжать да сынъ Ивановиць,
Нацидилъ-то онъ другу́ да пива сладкого,
Онъ принёсъ-то всё каликамъ перехожіимъ.
Исьпивали калики во другой наконъ,
Оставляли ему да тутъ полъ-цяшы всё:
„Пей-ко ты, Илья, да Илья Мурамець.
Потому мы тебя назвали, шьчо—Мурамець,

Мы по вашому зовёмъ да всё по городу:
Ты живёшь всё во городи во Муроми".
Выпивалъ-то Илья да всё ись цяшы тутъ.
Говорятъ ёму калики перехожія,
Перехожи калики, переброжія:
„Ты вѣдь слышишь ли въ собѣ теперь каку силу?"
Отвѣчаетъ Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць:
— Я вѣдь слышу-ту силушку въ собѣ великую;
Кабы было кольцё въ матушки въ сырой земли,
Я бы взялъ-то я самъ бы единóй рукой,
Поворотилъ бы всю матушку сыру землю.—
Ишше тутъ-то калики говорятъ да промежу́ собой:
„Какъ мы вѣдь силы-то тебѣ много́ дали;—
Ай не будетъ носить-то тебя матушка сыра земля.
Говорятъ калики перехожія:
„Принеси-ко намъ пива во третéй паконъ".
Онъ принёсъ-то сходилъ да во третéй паконъ.
Ай вѣдь пóпили они, немного этотъ разъ оставили.
„Допивай", ёму сказали, „пиво сладкоё".
Онъ вѣдь дóпилъ у ихъ да пиво сладкоё;
Говорятъ они ему всё таковы слова:
„Ты вѣдь много ли собѣ теперь имѣшь всё силушки,
Ай ты слышишь по своимъ-то могучи́мъ плецямъ?"
— Я вѣдь цюю въ себѣ, слышу силы въ половиночку:
Въ половины у миня всё силы сбавилось.—
Говорятъ они ему всё таковы слова:
„Вели батюшку купить себѣ ты жеребёноцька,
Жеребёноцька купить да шьчобы сѣрого,
Шьчобы сѣрого купить да па-манеръ всё бѣлого;
Ты вѣдь пой-ко-се своёго жеребёноцька,
Ты вѣдь пой его да на рѣки Муравенки,
Ай корьми-ко ты пшеницей бѣлояровой;
Ты води-тко-се своёго жеребёноцька,
Ай кататьце давай ты ему въ трёхъ росáхъ,
Какъ ты въ трёхъ его росахъ: да во перьвóй росы,
Во перьвóй росы катай всё во Иваньскою,
Во второй росы катай ты во Петровськую,
Во третéй росы катай коня въ Ильиньськую;
Ты давай ему кататьце въ зелены́хъ лугахъ,—
Тебѣ будётъ вѣдь конь-отъ служить правдой-вѣрою:

Побѣдя́ть-то будёшь на коня́, всё бить многи́хъ бога́тырей;
Ишше конь-отъ будётъ всё товарышъ твой
И топтать будётъ ногами силу всё невѣрную,
Пособлять будётъ тебѣ, любимому хозяину".
Ай ишше́ ёму калики-ти говóрятъ тутъ,
Шьчо говорятъ-то тутъ да ёму всё росказываютъ:
„Ты теперь, посьлѣ того-то заведи ты себѣ латы богатырьскія,
По своей силы имѣй ты палицю тяжолую;
На коня-та ты налóжь сѣдёлышко да кипарисноё;
Ты ишше́-то возьми купи да плётку шолкову,
Плётку шолкову да всё копьё-то брузаменьскоё,
Не забудь ты ише́ да сабли вострою,
Ты тово ишше́ ножа да всё булатного.
Ты возьми теперь себѣ положь какого-небудь кушанья.
Отправляйсе ко батюшку всё на́ полё,
Ко своей-то ко родимой милой матушки;
Ты сьнеси-ко поди имъ пообѣдать-то,
Росскажи-ко-се имъ, да мы тебѣ сказали шьто".
Онъ вѣдь радъ тому Илья-та былъ всё Мурамець,
Илья Мурамець радъ да сынъ Ивановиць.
Походятъ-то калики, собираютце,
Говорили Ильи, да Ильи Мурамцю:
„Ты ише́-то будёшь ѣзьдить во чисто́мъ поли;
Во чисто́мъ-то поли тебѣ да сьмерть не писана,—
Ты не бойсе, ѣзьди по чисту́ полю".
Ишше тутъ-то калики-ти стали всё невѝдомо;
Онъ негдѣ-то больше не завѝдялъ тутъ,
Не завидялъ тутъ, да они проць ушли.
Онъ скоро собиралъ да питьё, кушаньё,
Онъ понёсъ-то къ родителю ко батюшку,
Ко тому-ли къ Ивану Тимоофёвичу,
Къ ро́дной матушки да къ Епесьте́ньи къ Олёксандровны.
Подошолъ-то онъ скорёхонько ко батюшку;
Увидалъ-то ево всё ро́дной батюшко;
Ишше тутъ они да обрадѣли же,
Обрадѣли, тому да были рады-ти.
Онъ принёсъ-то имъ обѣдъ, да принёсъ кушаньё;
Онъ вѣдь сказыватъ своёму отцю-батюшку,
Онъ тому-ли Ивану Тимоосёвичу:
„Какъ пришли ко мнѣ калики подъ окошоцько,
Закрычали у меня да подъ окошоцькомъ,
Запросили они милосьтины всё спасёною;

Я вѣдь такъ имъ отвѣчалъ, съмѣло́ отвѣтъ держалъ:
„Не сойти, калики, съ печьки со кирпичною“.
Попроси́лъ-то ихъ скорёшенько къ собѣ я въ домъ.
Запросили напитьце у меня вѣдь пива тутъ,
Они пива-та хмѣльнёго всё сладкого;
Я принёсъ-то цяшу-ту полнёхоньку.
Не могли они допить, всё мнѣ оставили:
„Допивай-ко ты“, сказали, „нсъ цяшы—и здоровъ будешь“.
Я повыпилъ всё нсъ цяшы-то и здравъ тутъ сталъ,
Я вѣдь здравъ тутъ сталъ да здорове́шенёкъ.
Наливалъ-то, приносилъ да я другу́ цяшу;
Выпивали-то нсъ той цяшы да полавиночку;
Допивалъ-то я у ихъ да цяшу всю до дна.
Говорятъ калики мнѣ да всё выспрашиваютъ:
„Ужъ ты слышишь ли въ собѣ силу великую?“
Я сказалъ-то имъ, скоро́ отвѣтъ держалъ:
— Я тутъ слышу въ собѣ силушку великую:
Кабы было кольцё въ земли великоё,
Я принялсэ бы своей всё едино́й рукой,
Поворотилъ бы я матушку сыру землю.—
Говорили мнѣ они да изьвѣшша́ли тутъ:
„Не заноситъ тебя матушка сыра земля.
Принеси“, мнѣ говорятъ, „пива третью́ цяшу“.
Выпивали-то нсъ цяшы полавиночку,
Допивалъ-то я вѣдь цяроцьку вѣдь всю до дна.
Говорятъ-то мнѣ калики, всё отвѣтъ держатъ:
„А вели́ку ли ты силушку слышишь въ собѣ теперече?“
Говорилъ-то я имъ да всё россказывалъ:
— Я тепере силу слышу въ полавину всё.—
Говорили они да мнѣ-ка всё про то:
„Ты пойдёшь къ своёму къ ро́дну батюшку,—
Ты скажи ему про то да всё повѣдай-ко:
Ай купилъ шьчобы́ тебѣ онъ жеребёночка,
Ай не сѣрого шьчобы́, да онъ не бѣлого;
Ай подъ старось-ту онъ будётъ-то какъ бѣлой-отъ“.
Ай поить они велѣли ключевой водой,
Ай корьмить они пшеницёй бѣлояровой,
Ай катать они велѣли, водить въ трёхъ росахъ:
Во перьво́й-то во росы они въ Иваньчкою,
Во второй они въ росы ево въ Петровськую,
Во третьёй они росы ево въ Ильиньскою.
„Ай тогда у тя будётъ жеребёночокъ“.

Они велѣли мнѣ-ка завесьти-то латы богатырьскія,
Они палицю тяжóлу по своимъ рукамъ,
На головушку мнѣ шляпу сарачиньскую,
И велѣли мнѣ-ка завесьти всё плёточку шолкóвую,
Да ишшé мнѣ-ка велѣли саблю вострую,
Да ишшé мнѣ-ка велѣли всё булатенъ ножъ,
Да ишшé мнѣ-ка велѣли-то востро́ коньё да брузаменьчкоё
Ай сѣдёлышко велѣли кипарисного всё деревця".
Ай тутъ батюшко ево да тому радъ онъ былъ,
Тому радъ-то онъ былъ, весьма радéшенёкъ.
Онъ бѣжалъ-то скорéшенько тутъ, скоро изъ цистá поля;
Онъ хвалу-ту приносилъ Богу небесному,
Во вторыхъ-то онъ царицы, Бóжьёй матери,
Во третьи́хъ-то всё каликъ да перехожíихъ (sic):
Они были у меня да не просты́ люди,
Не просты́ были люди, да всё сьвяты́ отцы:
Исьцѣ́лили у меня сына́ единого;
Заслужили у ёго вѣдь ноги рѣзвыя".
Ай купилъ онъ вѣдь жеребёнцька,
Выбиралъ онъ по велёному да какъ по писаному;
По россказаному-то всё да дѣло дѣлалъ тутъ,
Дѣло дѣлалъ онъ да ко́пя ро́сьтилъ-то;
Онъ вѣдь далъ за жеребёнка петьдесятъ рублей,
Онъ поплъ ево свѣжóй всё ключовóй водой,
Какъ вѣдь онъ корьмилъ пшеницёй бѣлояровой,
Онъ водилъ ево да по ноцямъ въ луга,
Онъ каталъ ево да всё во трéхъ росахъ:
Во перьвóй-то во росы каталъ Иваньскою,
Во второй-то во росы да во Петроською,
Во третéй-то во росы да во Ильиньскою.
Тутъ вѣдь ко́ницёкъ у ихъ да сталъ побѣгивать,
На шелкóвой на узды да сталъ поскакивать.
Ище сталъ-то Илья Мурамець-то конецька объѣжживать;
Тутъ скакалъ-то ево всё какъ доброй конь,
Онъ повыше-то выскакивалъ лѣсу стояцего,
Онъ пониже-то облака ходéчого,
Чересъ стѣны, чéрезъ башни перескакивалъ;
Онъ вѣдь рѣчки-ти, озёра небольши-ти промежъ погъ скакалъ,
Ай больши́-ти таки́ рѣки перескакивалъ.
Тутъ купилъ вѣдь Илья Мурамець да сынъ Ивановичъ,
Онъ себѣ же завёлъ латы богатырьскія,
По рукамъ-то купилъ палицю тяжолую,

Надѣвалъ-то на конёцекъ сѣдёлышко всё кипарисноё,
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ себѣ да копьё востроё,
Копьё востроё всё брузаменьчкоё,
Надѣвалъ-то онъ шляпу сарачиньскую,
Прибиралъ-то онъ въ лѣву̀ руку да плётку шолкову;
Опъ молилсэ на востошьну съвяту сторону,
Поклонялсэ ро́дну батюшку во рѣзвы́ ноги,
Ро̀дной матушки да во рѣзвы́ поги:
„Дай-ко, батюшка, мнѣ всё благословленьицё,
Со родимой со моей да ро́дной матушкой—
Назову я васъ, родители, по имени:
Ужъ ты батюшко Иванъ-свѣтъ Тимоѳеёвичъ,
Родна матушка Епестемія-свѣтъ да Олёксандровна!
Пожелайте, порадѣйте всего доброго,
Всево доброго мнѣ, всёго хорошого“.
Говорили ёго цясны́ родители:
— Поѣжай-ко ты, нашо цядо милоё,
Тебя Богъ благословитъ, цядо любимоё!
Тебѣ надоть ужъ ѣхать, тебѣ ве́лёно
Шьчо у тѣхъ тебѣ каликъ да перехожіихъ,
Перехожи ’ всё каликъ да переброжіихъ.
Поѣжай, нашо родимо мило дитятко,
Поѣжай-ко-се теперь да во чисто́ полё,
Ись циста́ поля пріѣдь-ко въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Ко своему ты ко красному ко солнышку,
Всё ко ласкову князю ко Владимиру,
Шьчо ко той-ли ко кнегины къ Опраксеи Королевисьни;
Пріѣжай-ко ты всё къ имъ по уцёному:
Ужъ ты кресъ-то клади да по писа́нному,
Ты поклонъ-отъ веди да по учёному;
Ты вѣдь клапейсе своёму красну солнышку,
Ише ласковому князю всё Владимиру
Со кнегиной съ Опраксеёй Королевисьнёй;
Кня́зьямъ, боярамъ всѣмъ ты низко клапейсе,
Всѣмъ солдатушкамъ, полкамъ ты повобраныимъ,
Всѣмъ своимъ-то ты бога́тырямъ, всё поединьшицькамъ,
Обойдись-ко ты сь има́ всё поучёному,
Ознакомляй-ко-се ты сь има́ всё похорошому.—
Опъ поѣхалъ-то въ славенъ Кіевъ-градъ;
Пріѣжалъ-то всё ко князю ко Владимеру,—
Не приворачивалъ онъ всё да во чисто́ полё.
Самъ пріѣхалъ-то ко князю на широкой дворъ,

Соходилъ-то со добра̀ коня скорёшенько,
Онъ вѣдь шолъ-то всё да поучёному:
Всѣмъ тутъ кланелсэ на сѣняхъ-то низёшенько:
„Пропусьтите, доведите-ко миня до красна солнышка,
До того миня до князя до Владимира“.
Доводили ёго да тутъ близёхонько.
Онъ вѣдь кресъ кладетъ да по писа́нному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ всё по учоному;
Онъ вѣдь молитце всё Спасу пречистому,
Онъ творитъ-то всё молитву-ту Исусову,
Поклоняитце царицы, Божьёй матери;
Бьётъ цѣломъ всё князю-ту Владимеру,
Онъ вѣдь той же княгины Опраксеи Королевисьни;
Поклоняитьце князя́мъ, боярамъ тутъ
На четыре на вси да на стороноцьки.
Говоритъ-то онъ самъ да онъ таки слова:
„Ужъ ты гой еси, красно моё солнышко,
А вѣдь ласковой князь да ты Владимиръ-свѣтъ!
Мнѣ-ка съѣзьдить-то благослови-ко во чисто́ полё,
Мнѣ прибрать въ чисто́мъ поли себѣ дружиночку хоробрую,—
Послужить-то мнѣ тебѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою тебѣ-ка неизмѣнною—
Шьчо за тѣ-ли за Божьи́ церьквы соборныя,
Шьчо за тѣ мнѣ за мана́стыри спасёныя,
Шьчо за тебя-то за князя со княгиною“.
Всё слова-ти таки хоро́ши князю прилюбилисе,
Прилюбилисе слова ёму, понравились.
Говоритъ-то князь Владимеръ стольнё-кіевськой:
— Ты вѣдь и́ей такой учоной доброй моледець?
Ты скажи-ко, скажи про то, повѣдай мнѣ:
Ишше какъ тебе вѣдь, доброй молодець, да звать по имени,
Зьвеличать тебя я буду изъ очетесьва;
Какого ты села, какого города,
Ай какого отца, какой ты матушки?—
Отвѣчаётъ ёму скоро доброй молодець:
„Ай я города-та всё да я вѣдь Мурома,
Я села-та всё да я Кача́рова,
Ай по имени зовутъ миня да Илья Мурамець,
По отьци-то зьвеличаютъ сынъ Ивановиць,
Ишше тотъ-ли я бога́тырь сильнёй-отъ, могуцёй-отъ.
Благослови мнѣ съѣзьдить во чисто́ полё,—
Съ непріятелёмъ мнѣ да поборотисе,

Ай со русьскима богáтырями мнѣ да поздороватьце,
Поздороватьце мнѣ да познакомитьце,
Мнѣ прибрать себѣ дружиночьку мнѣ храбрую,
Мнѣ крестами-ти всё съ ни́ма побрататьце".
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
— Ай тибѣ-то, доброй молодець, да воля вольняя,
Воля вольняя тебѣ да путь широкая!
Поѣжай-ко во чотыре во вси сто́роны,
Поѣжай-ко ты вѣдь зъ Богомъ во чисто́ полё,
Находи-ко ты могуцiихъ богáтырей;
Прiѣжай ко мнѣ исъ поля на поцéсёнъ пиръ.
Ужъ тѣ быть надо всима́ во по́ли надъ богáтырьми,
Надо всѣма́-то быть да атаманами,
Роспоредителёмъ быть, ты Илья Мурамець,
Казакомъ ты надь има́, да сынъ Иваповиць.—
Онъ поѣхалъ тутъ да во чисто́ полё;
Онъ паѣхалъ богáтырей въ бѣлы́хъ шатрахъ:
Во перьвы́хъ нашолъ Добрынюшку Никитича,
Во вторыхъ нашолъ Алёшеньку Поповиця;
Онъ вѣдь тутъ съ ни́ма скоро всё знакомитьце;
Онъ побрáталсэ крестами золотыма тутъ,
Называётъ ихъ крестовыма всё брáтёлками.
Онъ пашолъ ишé Дунаюшка Ивановича,
Называетъ-то крестовымъ онъ всё брателкомъ;
Онъ ишé нашолъ Самсона Сильнёго,
А нашолъ вѣдь онъ да Пересьмяку со племянникомъ,
Онъ нашолъ ишé Чурила-сьвѣта Плéнкова,
Онъ пашолъ ишшé вѣдь Ваньку всё боярьского
По фамилеи его—да всё Залéшанинъ,
Онъ нашолъ ишé Ваньку генеральского.
Надо вси́ма онъ былъ да атаманъ большой,
Потому былъ атаманъ большой—сплушкой былъ онъ сильнѣе всѣхъ;
По другому ише былъ, шьчо не написана-то сьмерть да во чисто́мъ поли.
Говорятъ ёму богáтыри да всё выспрашиваютъ:
„Мы вѣдь какъ тебя теперь будёмъ да звать по имени,
Зьвеличать-то какъ теперь мы изъ очéтесьва?"
— Вы зовите миня да Илья Мурамець,
Хошь и такъ ише зовите: старой-отъ казакъ да Илья Мурамець,
Изъ очетесьва вы зьвеличайте сынъ Иваповиць.—

Они стали по чисту́ полю да всѣ поѣжживать,
Всю покорнось-ту держать да Ильи Мурамцю,
Ильи Мурамцю да сыну всё Ивановичу.
Ише тѣмъ старина-ли вся и коньцилась.

43.

Илья Муромецъ въ изгнаніи и Идолище.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви
Ай у ласкового князя у Владимера,
Ишше были жили тутъ бояра кособрюхіе;
Насказали на Илью-ту всё на Мурамця,—
Ай такима онъ словами похваляитьце:
„Я вѣдь князя-та Владимера повыживу,
Самъ я сѣ́ду-ту во Кіёвъ на ево мѣсто,
Самъ я буду у его да всё князе́мъ княжить".
Ай объ этомъ они съ кня́зёмъ прирросспо́рили;
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Прогоню тебя, Илья, да Илья Мурамець,
Прогоню тебя изъ славного изъ города изъ Кіёва;
Не ходи ты, Илья Мурамець, да въ красёнъ Кіёвъ-градъ".
Говорилъ-то тутъ Илья всё таковы слова:
— А вѣдь при́детъ подъ тебя кака́ сила невѣрная,
Хоть невѣрна-та сила бусурманьская,—
Я тебя тогды хошь изъ неволюшки не вырущю.
Ай поѣхалъ Илья Мурамечъ въ цисто́ полё,
Исъ циста́ поля отправилсэ во городъ-отъ во Муромъ-то,
Ай во то-ли во село, село Кача́рово,
Какъ онъ жить-то ко своёму къ отцю, матушки,
Онъ вѣдь у отца живётъ, у матушки,
Онъ немало и немного живётъ три года.
Тутъ заслыше'-ли Идо́лишшо проклятоё,
Ище тотъ-ли цари́шшо всё невѣрноё,—
Нѣту, нѣтъ Ильи-та Мурамця жива́ три годицька;
Ай какъ тутъ сталъ-то Идолишшо подумывать,
Онъ подумывать сталъ да собиратьце тутъ;
Назьбиралъ-то онъ силы всё тотарьскою,
Онъ тотарьскою силы, бусурманьчкою,
Назьбиралъ-то онъ вѣдь силу, самъ отправилсэ.
Подошла сила тотарьчка-бусурманьчкая,
Подошла же эта силунка близёхонько

Ко тому она ко городу ко Кіеву.
Тутъ выходитъ тотаринъ-отъ Идолишшо всё изъ бѣла̀ шатра,
Онъ писалъ-то ёрлычкѝ всё скоропи́счяты;
Посылаетъ онъ тотарина поганого.
Написалъ онъ въ ёрлычкахъ всё скорописцятыхъ:
„Я зайду, зайду, Идолишшо, во Кіевъ-градъ,
Я вѣдь выжгу-ту вѣдь Кіевъ-градъ, Божьй церквы;
Выбиралсэ-то шьтобы́ князь исъ полатушокъ:
Я займу, займу полаты бѣлокамянны;
Тольки я пушшу въ полаты бѣлокамянны—
Опраксеюшку возьму всё Королевисьню;
Я Владимира-та-князя я поставлю-ту на кухню-ту,
Я на кухню-ту поставлю на меня варить".
Онъ тутъ скоро тотаринъ-отъ приходитъ къ имъ,
Онъ приходитъ тутъ-то тотаринъ на широкой дворъ,
Съ широка́ двора въ полаты княженецькія;
Онъ вѣдь рубитъ, казнитъ у придверьницьковъ всё буйны головы;
Отдаваётъ ёрлычкѝ-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро́, заплакали;
Говорятъ-то—въ ёрлычкахъ да всё описано:
„Выбирайсе, удаляйсе, князь, ты исъ полатушокъ,
Нарежайсе ты на кухню варить поваромъ".
Выбиралсэ князь Владимиръ стольнё-кіечькой
Исъ своихъ же исъ полатушокъ крутёшенько;
Ай скоре́шенько Владимиръ выбираитце,
Выбираитце Владимиръ—самъ слезами уливаитце.
Занимаетъ [1]) княженевськи всѣ полатушки,
Хочетъ взять онъ Опраксеюшку собѣ въ полатушку;
Говоритъ-то Опраксеюшка таки рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Идо́лищо, невѣрной царь!
Ты посыпѣшь ты меня взять да во свои руки".
Говоритъ-то ей вѣдь царь да таковы слова:
— Я ува́жу, Опраксеюшка, ешшё два дѐницька,
Черезъ два-то че́резъ дня какъ будёшь не княгиной ты,
Не княгиной будёшь жить, да всё царицою.—
Розьнемогсэ-то во ту пору казакъ да Илья Мурамець:
Онъ не могъ-то за обѣдомъ пообѣдати;
Розболѣлось у ево всё ретиво́ серьцо,
Закипѣла у ево всё кровь горячая.

---

[1]) Идолище. *Собир.*

Говоритъ-то всё Илья самъ таковы слова:
„Я не знаю, отцево да незамогъ совспмъ.
Не могу терпѣть жить то у себя въ доми;
Надоть сьѣзьдить, попровѣдать во чисто́ полё,
Надоть сьѣзьдить, попровѣдать въ красёнъ Кіёвъ-градъ".
Онъ сядлалъ, зьбпралъ своёго всё Бѣле́юшка,
Наредилъ скоро своёго ко́ня доброго;
Самъ садилсэ-то онъ скоро на добра́ коня,
Онъ садилсэ во сѣдёлышко чиркальскоё;
Онъ вѣдь рѣзвы свои ноги въ стремёна́ всё клалъ;
Тутъ поѣхалъ-то Илья пашъ, Илья Мурамецъ,
Илья Мурамечъ поѣхалъ свѣтъ-Ивановичъ.
Онъ пріѣхалъ тутъ да во чисто́ полё,
Ись цistá поля поѣхалъ въ красёнъ Кіёвъ-градъ;
Онъ оставилъ-то добра́ коня на широко́мъ двори,
Онъ пошолъ скоро́ по городу по Кіеву;
Онъ нашолъ, нашолъ калику перехожую,
Перехожую калику перебро́жую,
Попросилъ-то у каликп всё платья́ кали́чьёго;
Онъ вѣдь далъ-то ёму платье всё отъ радосьти,
Отъ радосьти скинывалъ калика платычё,
Онъ отъ радосьти платьё отъ великою.
Ай пошолъ скоро́ Илья тутъ подъ окошоцько,
Подъ окошоцько пришолъ, къ полатамъ бѣлокамяннымъ;
Закрыцялъ же онъ Илья-та во всю голову,
Ишше тёмъ-ли онъ вѣдь кри́комъ богатырьскимъ тутъ;
Говорилъ-то Илья, да Илья Мурамечъ,
Илья Мурамець да самъ Ивановиць:
„Ай подай-ко, князь Владимиръ, мнѣ-ка милосьтинку,
Ай подай-ко, подай милосьтинку мнѣ спасёную,
Ты подай, подай мнѣ ради-то Христа, царя небесного,
Ради матери Божьёй, царици Богородици".
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамець,
Говоритъ-то онъ, крыцитъ всё во второй наконъ:
„Ай подай ты, подай милосьтину спасёную,
Ай подай-ко-се ты, красно моё солнышко,
Ужъ ты ласковой подай да мой Владимеръ-князь!
Ай не для́-ради подай ты для ково-небудь,
Ты подай-ко для Ильи, ты Ильи Мурамця,
Ильи Мурамча подай сына Ивановиця".
Тутъ скорёхонько къ окошоцьку подходитъ князь,
Отпиратъ ёму окошоцько косйсцято,

Говоритъ-то князь да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-ту всё, калика, не попрежному,
Не попрежному живу, не подосѣльнёму:
Я не сьмѣю подáть милосьтинки всё спасёною;
Не даватъ-то вѣдь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то онъ Христа, царя небесного,
Во вторыхъ-то поминать да Илью Мурамця.
Я живу-ту князь—лишилсэ я полатъ всё бѣлокамянныхъ;
Ай живётъ у мня поганоё Идолишшо
Во моихъ-то во полатахъ бѣлокамянныхъ;
Я варю-ту на ево, всё живу поваромъ,
Подношу-ту я тотарину всё кушаньё. –
Закрыцялъ-то тутъ Илья да во третéй наконъ:
„Ты поди-ко, князь Владимиръ, ты ко мнѣ выйди,
Не увидѣли ньчобы́ царишша повара, ево:
Я скажу тебѣ два тайного словецюшка“.
Онъ скорёхонько выходитъ князь Владиміръ нашъ,
Онъ выходитъ на широ́ку свѣтлу улоцьку.
„Шьчо ты, красно наше солнышко, похýдѣло,
Шьчо ты, ласковъ нашъ Владиміръ-князь ты стольнё-кіевской?“
Я вѣдь чуть теперь тебя признать могу“.
Говоритъ-то князь Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я варю-ту, всё живу за повара;
Похудѣла-то княгина Опраксея Королевисьня,
Она день-отъ ото дьня да всё ишé хуже.—
„Ужъ ты гой еси, моё ты красно солнышко,
Ище ласковъ князь Владиміръ стольнё-кіевськой!
Ты не могъ узнать Ильи да Ильи Мурамця?“
Вѣдь тутъ падалъ Владиміръ во рѣзвы́ поги:
— Ты просьти, просьти, Илья, ты виноватого!—
Подымалъ скоро́ Илья всё князя изъ рѣзвы́хъ онъ ногъ,
Обнималъ-то онъ ево своей-то ручкой правою,
Прижималъ то князя Владимера да къ ретиву́ серьцю,
Чѣловалъ-то онъ ево въ уста сахáрныя:
„Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
Я тепере изь неволюшки тебя повыручу;
Я пойду теперь къ Идолишшу въ полату бѣлокамянну,
Я пойду-ту къ ёму на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идолищу поганому:

„Я пришолъ-то, царь, къ тебѣ всё посмотрять тебя“.
Говоритъ--то тутъ вѣдь красно нашо солнышко,
Шьчо Владимеръ-отъ князь да стольнё-кіевськой:
— Ты поди, поди къ царишшу во полатушки.—
Ай заходитъ тутъ Илья да во полатушки,
Онъ заходитъ-то вѣдь, говоритъ да таковы слова:
„Ты поганоё, сидишь, да всё Идолишшо,
Ишше тотъ-ли, сидишь, да царь невѣрной ты!
Я пришолъ, пришолъ тебя да посмотрять теперь“.
Говоритъ-то всё погано-то Идолишшо,
Говоритъ-то тутъ царишшо-то невѣрное:
— Ты смотри меня;—я не гоню тебя.—
Говоритъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець:
„Я пришолъ-то всё къ тебѣ, да скору вѣсь принёсъ,
Скору вѣсточку припёсъ, всё вѣсь нерадосыю:
Всё Илья-та вѣдь Мурамечъ живёхонёкъ,
Ай живёхонёкъ онъ, всё здоровёшенёкъ;
Я встрѣтилъ всё ево да во чистóмъ поли;
Онъ остался во чистóмъ поли поѣзьдить-то,
Шьчо поѣзьдить-то ёму да пополяковать;
Заутрá хочётъ пріѣхать въ красенъ Кіевъ-градъ“.
Говоритъ ему Идолишшо, да всё невѣрной царь:
— Ищѐ великъ ли—я спрошу у тя, калика,—Илья Мурамець?—
Говоритъ-то калика-та Илья Мурамець:
„Илья Мурамечъ-то будётъ онъ во мой же росъ“.
Говоритъ-то тутъ Идолишшо, выспрашиватъ:
— Э по многу ли ѣстъ хлѣба Илья Мурамечъ?—
Говоритъ-то калика перехожая:
„Онъ вѣдь кушатъ-то хлѣба по единому,
По единому-однóму онъ по ломтю къ выти“.
— Онъ по многу ли вѣдь пьётъ да пива пьяного?—
„Онъ вѣдь пьётъ пива пьяново всёво одинъ пивной стоканъ“.
Росьсмѣхнулсэ тутъ Идóлишшо поганоё:
— Шьчо же, почему вы этимъ Ильёю на Руси-то хвастаютъ?
На долóнь ево полóжу, я другой прижму;—
Остаётце межъ руками шьто однó мокрó.—
Говоритъ-то тутъ калика перехожая:
„Ище ты вѣдь по многу ли, царь, пьёшь и ѣшь,
Ты вѣдь пьёшь, ты и ѣшь, да всё вѣдь кушаёшь?

— Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
Я всё кушаю хлѣба по семи пудовъ;
Я вѣдь мяса-та ѣмъ—къ вы́ти всё быка я сьѣмъ.—
Говоритъ-то на тѣ рѣчи Илья Мурамечъ,
Илья Мурамечъ да сынъ Ивановиць:
„У моёво всё у батюшки родимого
Тамъ была-то всё корова-та обжорьцива;
Она много пила да много ѣла тутъ—
У ей скоро вѣдь брюшина-та тутъ треснула“.
Показалось-то царищу, всё не въ удовольствіи;
Онъ хваталъ-то изъ пага́лища булатенъ ножъ,
Онъ кина́лъ-то вѣдь въ калику перехожую.
Ай помиловалъ калику Спасъ пречистой нашъ:
Отьвернулсэ-то калика въ другу сторону.
Скинывáлъ-то Илья шляпу со головушки,
Онъ вѣдь ту-ту скинывалъ всё шляпу сорочиньскую,
Онъ кина́лъ, киналъ въ Идолишша всё шляпою,
Онъ вѣдь кинулъ—угодилъ въ тотарьску са́му голову;
Улетѣлъ же тутъ тотаринъ изъ простѣнка вонъ,
Да вѣдь вылетѣлъ тотаринъ всё на улицю.
Побѣжалъ-то Илья Мурамечъ скоре́шенько
Онъ на ту-ли на широ́ку, свѣ́тлу улицю,
Онъ рубилъ-то всё онъ тутъ силу тотарьскую,
Онъ тотарьску-ту силу, бусурманьчкую;
Онъ избилъ-то, изрубилъ силу великую.
Приказалъ-то князь Владимиръ-отъ звонить всё въ большой колоколъ,
За Илью-ту пѣть обѣдьни-ти съ молебнами:
„Не за меня-то молите́, за Илью за Мурамця“.
Собиралъ-то онъ поце́сенъ пиръ,
Ай поче́сёнъ собиралъ для Ильи да всё для Мурамча.

44.

Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владимиромъ [1].

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Собиралъ-то князь Владимеръ-отъ почесенъ пиръ,
Ай почесенъ-то пиръ на тѣхъ-то собиралъ, которы—въ Кіеви:

---

1) Худо помню.

Собиралъ онъ больше на князей да всё на бо́ляръ же;
Позабылъ въ чисто́мъ поли могуцихъ онъ бога́тырей,
Да онъ не далъ имъ вѣстоцьки, скоры́хъ гонцёвъ;
Некакого онъ бога́тыря да не почёстовалъ.
Какъ веде́тьце у нихъ всё пиръ наве́сели,
Ай узналъ про то Илья-та какъ да Мурамець:
„Я пое́ду-ту теперь да въ красенъ Кіевъ-градъ,
Я надѣну, братцы, шубу долгополую,
Назовусь-то я Никитой всё залѣшанинъ“.
Тутъ поѣхалъ Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець поѣхалъ свѣтъ-Ивановиць.
Пріѣжаётъ ко городу ко Кіеву,
Ай ко ласкову князю ко Владимеру;
Онъ оставилъ ко́ня доброго на широко́мъ двори,
Самъ заходитъ во полаты бѣлокаменны;
Онъ вѣдь крестъ-то кладётъ да по писа́нному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учоному:
„Ужъ ты здрастуй, нашо красно, моё солнышко,
Ай ты ласковой ты Владимеръ нашъ;
Ужъ ты здрастуй, Опраксея Королевисьня,
Ужъ вы здрастуйте, князи вси, вы бо́яра!“
Говоритъ-то нашо красно-то всё солнышко,
Ище нашъ-отъ Владимиръ-князь да стольне-кіеськой:
— Добро жаловать, дородьнёй доброй молодець,
Ай ко мнѣ-то посидѣть да на поцесёнъ пиръ,
Ай попить-то, поись у мня, покушати,
Ай вѣдь бѣленькой лебёдочки пору́шати!—
Ай вѣдь не́ далъ князь мѣста по уму ему,
По уму-ту не далъ мѣста, всё по разуму:
Не посадилъ ёго Владимиръ-отъ не подлѣ́ собя,
Не посадилъ ево Владимиръ-отъ проти́въ собя,—
Посадилъ ево Владимиръ, добра молодца,
Посадилъ-то ево въ мѣсто не въ почотноё,
Не въ почотно ево мѣсто не въ большой уголъ,
Поса́дилъ ево Владимеръ всё въ посьлѣдьнёй столъ,
Посадилъ ево со малыма съ ребятками,
Со тѣма́-ли со дѣтьми, дѣтьми бо́ярьскима.
Самъ онъ сѣлъ-то Илья, да Илья Мурамець—
Не Ильёй-то онъ, право, называитце,
Называитче всё Никитушкой-залѣшанинъ—
Ай хошь сѣлъ-то къ Владимиру да за дубовой столъ,
Онъ не пьётъ, сидитъ, не ѣстъ, да всё не кушаётъ,

Онъ вѣдь бѣленькой лебёдочки не рушаётъ.
Ище князь, сидитъ, Владиміръ самъ поглядываетъ,
Самъ поглядываетъ, сидитъ, скоро́ росматриватъ;
Говоритъ ёму Владиміръ таковы рѣчи:
„Ай же́ шьчо ты, пашъ уда́лой доброй молодець
Шьчо по имени Никитушка-залѣ́шанинъ!
Ты не пьёшь, сидишь, у мня, сидишь, не кушаёшь,
Ишше бѣленькой лебёдочки не рушаёшь?
Обсадилъ-то я тебя ли разьвѣ мѣстомъ тутъ,
Надьсмѣялась надъ тобой разьвѣ невѣжа-та,
Обнесли, можотъ, тебя да цяркой винною?
Ты сидишь ты всё у насъ невёсёлъ-отъ:
Ай потупилъ оци ясны въ матушку сыру землю,
Ай во ту-ли во се́реду кирпишную".
Говоритъ-то тутъ Илья да онъ таки рѣци:
— Ты вѣдь самъ ты сидишь, князь, за дубовы́мъ столомъ,
Ты сидишь-то какъ всё съ ворона́ми ты,
Ай миня всё посадилъ ты съ воронятами!—
Тутъ Владиміръ-князь скакалъ онъ скоро на рѣзвы́ ноги:
„Поѣжай поди, уда́лой доброй молодець,
Со моёго ты ступай-ко со чёсна́ пира;
Ты не ѣзьди ко мнѣ больше въ красенъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ-отъ-градъ не прослѣжа́й своёго ты слѣ-
дочку-ту;
Удаляйсе ты подальше исъ циста́ поля!"
Онъ скорёхонько-то доброй молодець тутъ собираитце;
Ай выскакивалъ опъ скоро изъ-за дубовы́хъ столовъ;
Онъ прошаитьце со князёмъ со Владимеро́мъ,
Онъ со той-ли со княгиной съ Опраксеёй-то:
— Тебѣ спасибо, ты моё да красно солнышко,
На твоёмъ-то на чеспо́мъ-то на пиру́ тебѣ!
Не Микитушка у тя всё былъ залѣ́шанинъ,—
У тя тотъ-ли былъ всё старая старинышина,
Ишше тотъ-ли атаманъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамечъ былъ да сынъ Иваповиць.—
Говорилъ-то князь Владиміръ таковы слова:
„Воротись ты, мой уда́лой доброй молодець,
Ужъ ты руською мой, си́льнёй ты бога́тырь-отъ
Ай по имени Илья ты, Илья Мурамець,
Ай по батюшки-отци ты сынъ Иваповиць!"
Говорилъ ёму Илья всё таковы рѣчи:
— Не умѣлъ ты, князь Владиміръ, сокола́ имать,

Не умѣлъ ты сокола́ имать, въ рукахъ держать,
Не умѣлъ ты угосьтить всё добра молодца,
Ты того меня Илью-ту свѣты-Мурамца!
Подойдётъ, бываТъ, къ тебѣ сила невѣрная,
Ай невѣрна къ тебѣ сила, бусурманьчкая,
Ты, тогда у тя бояра кособрюхи съ ей управятце!
Я возьму-ту, князь Владимеръ, я своё востро́ копьё,
Я сойму у тя полаты но окошецька;
Пусь задавитъ князьей да твоихъ бо́яровъ! —
Онъ сказалъ-то онъ самъ тольки не зьдѣлалъ такъ.
Уѣжаетъ онъ скорёхонько въ чисто́ полё.
Говоритъ-то Владимиръ таковы рѣци:
„Немалу́ я собѣ шутоцьку нашу́тилъ-то!
Ище какъ мнѣ эта шутка теперь съ рукъ сойдётъ?
Посылатъ-то онъ скоры́хъ гонцёвъ въ чисто́ полё:
„Вы скажите, вы мои, мои скоры́ гонци,
Шьчобы вѣдь Илью-ту звалъ Добрынюшка Никитиць младъ;—
Ай съ Добрынюшкой у ихъ съ Никитичомъ
Ай поло́жона вѣдь заповѣдь великая:
Какъ которой-то изъ ихъ да будётъ гнѣватьце,
Будетъ гнѣватьце, которой будётъ гнѣвъ дёржать,
Ай другому шьчобы́ уговорить бы такъ,
Одному шьчобы́ другого розговаривать“.
Ай приходитъ эта вѣстоцька гъ Добрынюшки,
Гъ Добрынёчки приходитъ во чисто́ полё;
Ай Добрынюшка Никитиць скоро онъ зовётъ ево:
„Ты поѣдёмъ-ко, мой брателко крестовой ты,
Ты ко ласкову князю на поцесёнъ пиръ;
Самъ вѣдь всѣхъ велѣлъ собрать могуцихъ бога́тырей,
Пушше всѣхъ велѣлъ онъ звать да Илью Мурамця“.
Говоритъ ёму Илья да всё таки рѣци:
— Ай спасибо князю всё за приглашеньицё!
Я отказанъ ужъ отъ города отъ Кіева,
Отъ того я отъ пиру́, пиру́ чёсно́го я,
Я ишше́-то всё отказанъ отъ чиста́ поля [1]).
У ёго есь-то тамъ много бояръ есь всѣхъ;
Ишше будутъ поправлятьце-то когды всё при́ гори.
Я поѣду во да́лече, дале́че во чисто́ полё,
Увезу я всихъ могучихъ всѣхъ бога́тырей;

[1]) Т. е. я не стану биться за Кіевъ въ полѣ; поэтому уѣду и увезу богатырей (ст. 125). *Собир.*

Я уѣду-ту, уѣду не на́ день-отъ,
Я не на́ день-отъ уѣду, я не на́ два тутъ,—
Я уѣду оть ево всё на́ два годичка,
На два годичка уѣду поры-времени.—
Ай прошло-то тому времени вѣдь цѣлой годъ,
Наступаетъ-то тому времени другой вѣдь годъ.
Тутъ поѣхалъ всё Илья да попровѣдати,
Попровѣдать-то поѣхалъ по чисту́ полю,
Попровѣдать-то поѣхалъ-то про красёнъ Кіевъ-градъ,
Онъ ишё-то попровѣдать всё про князя-та.
Ай про князя попровѣдать со княгиною:
„Каково у мня живётъ тамъ красно солнышко,
Каково у мня живёть да всё Владимеръ-князь
Со своей-то со княгиной съ Опраксеёй-то,
Ай со той-ли съ Опраксеёй Королевисьнёй?“
Онъ вѣдь ѣдётъ, онъ розьѣжживать да по чисту́ полю;
Во чистóмъ поли завидялъ: всё стоитъ-то силушка,
Шьчо стоитъ-то, стоитъ сила невѣрная,
Шьчо невѣрна-та силушка тотарьская.
Шьчо выходитъ тутъ Идóлишшо-то изь бѣла́ шатра,
Говоритъ-то всё Идолишшо таки рѣци:
„Ай тотары вы мои, да палачи мои,
Палачи мои, тотары, немилóсьливы,
Немилóсьливы тотары, нежалóсьливы!
Выходите, понесите скору грамотку,
Понесите скору грамоту тотарьскую,
Ишше тѣ-ли ёрлычка да скорописцяты“.
Тутъ тотары всѣ да выходили всѣ;
Отсылаётъ онъ зъ грамотой да три тотарина.
Вотъ приходятъ тотара на широкой дворъ,
Безъ докладу идýтъ, безъ приказаньица,
Бесъ приказаньича ' полаты бѣлокамянны;
Какъ они тутъ отдаваютъ скору грамоту,
Не кресьтя́тъ-то своёго лица поганого;
Принимаётъ князь Владимиръ стольнё-кіевской.
Въ ерлычкахъ-то скорописцятыхъ написано:
„У тя нѣтъ, я знаю, князь, да при тебѣ вѣдь всё,
При тебѣ-то всё твоихъ да всё бога́тырей,
Ай богатырей-то, руськихъ поединьщицьковъ.
Ай подай, подай мнѣ-ка, князь, ты поединьщицьковъ,
Ты того подай Илью мнѣ, Илью Мурамця;
Не подашь токо мнѣ завтро поединьщицька,—

Пушшай выѣдутъ ко мнѣ всё на чисто́ полё;
А мы тутъ-то ста̀нёмъ съ и́ма тогда битисе,
Мы вѣдь битьце съ има станёмъ, воёватисе,—
Ай не дашь ты мнѣ да поединьшицька,
Поединьшицька, могу́цёго бога́тыря,—
Я зайду-то вѣдь къ тобѣ всё въ красёнъ Кіёвъ-градъ,
Я сожгу-то всѣ вѣдь церьквы Божьіи,
Розорю-ту у тибя мона́стыри спасёныя;
Исъ полатъ-то вѣдь князя-та Владимера повыгоню,
За жолты́ ёго кудри́ возьму повыкину,
Ай оставлю одну въ полатахъ-то кнегину я,
Ишше ту я Опраксею Королевисьню".
Это всё-то Илья, стоитъ, выслушиватъ.
Онъ пріѣхалъ Илья-та всё во Кіевъ-градъ,
Онъ во Кіевъ-градъ пріѣхалъ на добро́мъ кони;
Онъ спускалъ-то своево да всё добра́ коня:
„Ты постой, пестой немножко, ты мой доброй конь!
Я пойду-схожу по городу по Кіеву:
Не могу ли я найти калики перехожою;
Я возьму-ту у ево клюку всё подорожную;—
Я не взялъ-то вѣдь да сабли вострою".
Нашолъ-то тутъ да Илья Мурамець
Ай ту-ли калику перехожую,
Перехожу калику, переброжую,
Онъ того богатыря да всё Иванишша,
Попросилъ-то у ево платья́ кали́цьёго,
Онъ вѣдь не́ далъ ёму платья́ кали́цьёго.
Онъ попросилъ-то у ево клюки всё подорожною;
Не даватъ ёму клюки онъ подорожною.
Говоритъ-то Илья Мурамець таки рѣци:
„Не отдашь ты мнѣ клюки—да я возьму у тя".
Заревѣлъ-то тутъ калика всё Иванишшо,
Онъ вѣдь заревѣлъ, пошолъ, слёзами горькима;
Онъ кина́лъ свою клюку всё подорожную
Онъ во ту-ли онъ во матушку въ сыру землю.
Тутъ вѣдь цють-то могъ достать да Илья Мурамець,
Илья Мурамечъ достать да сынъ Ивановиць;
Онъ вѣдь бралъ эту клюку да во бѣлы́ руки—
Шьчо вѣсу́ будётъ клюка всё девяносто пудъ.
Онъ садилсэ на своёго на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ тепере во чисто́ полё,
Во цисто́ полё поѣхалъ ко тотарамъ тутъ;

Онъ вѣдь за́чялъ по чисту́ полю поѣжживать,
Онъ вѣдь сталъ-то этой клю́чкой всё помахивать,
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ тотаръ всё пріубавливать;
Кольке клю́чкой тотаръ бьётъ, вдвое́ конёмъ топцётъ.
Онъ прибилъ-то, прирубилъ да всѣхъ тотаревей,
Онъ прибилъ-то, прирубилъ всё до единого;
Убивалъ-то онъ Идо́лища поганого,
Убивалъ-то онъ его, всё приговаривалъ:
„Не ходи ты, Идолишо, не ѣзди на сьвяту́ къ намъ Русь:
Тяжело видать могуціихъ бога́тырей“.
Тутъ прибилъ онъ, прирубилъ силу великую,
Не оставилъ-то онъ силы всё на сѣмяна;
Онъ оцистилъ тутъ своё да полё цистоё,
Сохранилъ-то онъ тутъ вси да церьквы Божьіи,
Сохранялъ онъ всѣ мана́стыри спасёныи,
Сохранялъ-то своего князя Владимера
Со кнегиной съ Опраксеёй съ Королевисьнёй.
Самъ поѣхалъ онъ скоро въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ай искать-то всё калику-ту Иванища.
Онъ нашолъ-то ёго, встрѣтилъ въ славномъ Кіеви,
Подавалъ ёму клюку всё подорожную:
„Ты бери, бери, калика ты Иванишё,
Ты бери, бери клюку всё подорожную.
Я поѣду теперь я во чисто́ полё,
Во чисто́ полё поѣду я гъ бога́тырямъ“.
Тутъ приходитъ калика всё Иванишшо,
Онъ приходитъ ко князю подъ окошоцько;
Запросилъ-то онъ милосьтинку всё спасёную:
„Ай подай ты, князь Владимиръ, стольнё-кіевской,
Ты подай, подай милосьтинку мнѣ спасёную“.
Подавалъ-то ёму князь-отъ милосьтину всё спасёную.
Говоритъ калика перехожая:
„Я вѣдь видялъ сёгодьне Илью Мурамця; —
Отымалъ у мня клюку онъ подорожную,
Онъ вѣдь билъ-то всё моей клюкой силу тотарьскую,
Онъ убилъ клюкой Идолишша поганого“.
Выходилъ-то князь Владимиръ всё на улоцьку,
Онъ вѣдь бралъ Иванишша-калику за праву́ руку,
Чёловалъ ёго въ уста въ сахарныя,
Уводилъ-то онъ калику во полатушки:
— Не во сьни ли то тебѣ эдакъ привидялось,
Шьчо ужъ былъ у мня Илья-та онъ во Кіеви?

Не слыхалъ я про Илью-ту больше годика;
Всихъ увёзъ у мня могуцихъ всѣхъ бога́тырей.
Токо правду ты сказалъ мнѣ-ка всё, Иванишшо,
Пріобцистилъ токо онъ силу тотарьскую,—
Я вѣдь буду-ту писать я ёрлычки всё скорописцяты,
Ужъ я буду отсылать теперь скоры́хъ гонцёвъ,
Я вѣдь буду-ту тепереце звать дорога́ госьтя,
Дорога-та я госьтя Илью Мурамця
Со своима-ти [1]) съ могуцима бога́тырями;
Напишу я ёрлыцьки имъ скорописцяты,
Отошлю-ту я сёводьне всё скоры́хъ гонцёвъ,
Розыскали-то шьчобы́ у мня да Илью Мурамця,—
Собиралъ шьчобы́ свою-ту онъ дружиночку хоробрую,
Шьчобы руськихъ-то могуцихъ всѣхъ бога́тырей,
И ко мнѣ шьчобы́ пріѣхали да пировать у мня,
Пировать шьчобы́ у мня да проклаждатисе,
Собираю этотъ пиръ ужъ не на кня́зей, не на бо́яровъ,
Собираю я на руськихъ-то могуцихъ я,
Шьчо на руськихъ могуцихъ на бога́тырей:
На Илью-ту собираю всё на Мурамця,
Ай на всихъ-то на ёго я на товарышшовъ.—
Тутъ вѣдь скоро гонци, скоры́ послы наѣхали;
Они звали Илью да низко клапелись.
Ише тутъ у Ильи-то отошло да ретиво́ серьцё;
Онъ вѣдь тутъ поѣхалъ веселёхонёкъ,
Опъ повёзъ-то всё своихъ да онъ товарышшовъ.
Ай пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Шьчо ко ласковому князю ко Владимеру.
Вѣдь стрѣцятъ ихъ тутъ князь на широко́мъ двори
Со своей-то со княгиной съ Опраксёёй тутъ.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамець:
„Ужъ ты здрастуй-ко, ты красно моё солнышко,
Ище тотъ-ли князь Владимиръ стольнё-кіеськой,
Ужъ ты здраствуй, княгина Опраксея Королевисьня!
Говорилъ-то Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты здрастуй, здрастуй, атаманъ ты нашъ,
Ешше старая-ли ты да всё стари́ньшина,
Да по имени Илья да сьвѣтъ ты Мурамець,
Изъ очетесьтва да ты Ивановиць!
Ты спасибо тебѣ, да Илья Мурамець,

[1]) Т. е. съ его (Ильи). *Собир.*

Ай за силушку твою-ту за великую,
Шьчо за вы́слугу твою за богатырьскую:
Ужъ ты спасъ у мня, помиловалъ Божьи́ церьквы,
Ты вѣдь спасъ у мня, помиловалъ мана́стыри спасёныя,
Ужъ ты тѣ-ли вси сьвяты́ мощи нетлѣнныя
И меня-то спасъ, князя, со княгиною.—
Онъ берётъ ёго всё за праву́ руку,
Обниматъ ево своей да руцькой правою,
Онъ чѣлуётъ всё въ уста ёго въ саха́рныя:
Онъ проводитъ во полаты княженеськія
Онъ вѣдь всихъ-то ёго да всихъ товарышшовъ:
Ай Добрынюшку ведётъ да всё Никитича,
Ай Алёшеньку ведётъ да всё Поповича,
Онъ вѣдь всѣхъ ведётъ бога́тырей да до единого;
Онъ садитъ-то Илью да онъ вѣдь выше всѣхъ,
Онъ вѣдь выше всихъ садитъ—да во своё мѣсто,
Ай бога́тырей садитъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ;
Самъ вѣдь ходитъ со княгиной, поклоняютце:
„Ужъ ты ѣшь-ко-се, ты кушай, атаманъ ты нашъ,
Атаманъ ты нашъ, старая старыньшина,
Ишше тотъ-ли ты казакъ да Илья Мурамець!
Ты сидишь теперь, Илья, хоть во моёмъ мѣсьти,
Во моёмъ мѣсьти сидишь да ты во кня́зёвомъ.
Ты имѣй-ко на пиру да ты всё бо́льшину:
Для тебя-то этотъ пиръ да собираптце
За твою-ту за услугу богатырьскую,
Для твопхъ-то всё вѣдь тутъ да для товарышшовъ,
Для товарышшовъ збираю, для бога́тырей“.
Ише та-то старина да тѣмъ прикопьцилась.

45.

Илья Муромецъ и разбойники.

(А. М. Крюкова переняла эту старину у дочери Павлы спеціально для того, чтобы сообщить мнѣ; а Павла Семеновна, въ свою очередь, выучила старину у дѣда Василія Леонтьевича).

Ай поѣхалъ Илья Мурамець въ чисто́ полё,
Да поѣхалъ во чисто́ онъ по́лё попровѣдати,
Попровѣдать, посмотрять, нѣтъ ли, не ѣзьдятъ ли,
А не ѣзьдя ли тотара-поединшыцьки.
Ай наѣхалъ во чисто́мъ поли́ единой сѣрой ка́мешокъ,
Онъ наѣхалъ камешокъ,—да всё подписано.

„У кого эта дорозоцька уѣжжона,
У кого эта широкая утоптана?
Розьѣзьдилъ я дорожоцькой, всё доброй молодець
Ай по имени Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець розьѣзьдилъ сынъ Ивановиць.
Да вѣдь я-то теперь поѣду развѣ во тёмны́ лѣса;—
Во правой руки у мня дорожки пріуци́шшоны,
Пріуцишшоны дорожоцьки, извѣданы.
Я поѣду-ту тепере на круты́ горы".
На крутой-то на горы́ да тамъ стоятъ бѣлы́ шатры;
Во бѣлы́хъ-то во шадрахъ-то есь-то тутъ сорокъ розбойницьковъ,
Ай поруськи-то назвать—сорокъ тота́рьницьковъ,
Пототарьски-то назвать—сорокъ камы́шницьковъ.
Тутъ вѣдь сталъ-то Илья да всё россматривать,
Онъ россматривать-то сталъ, да онъ розглядывать;
Говоритъ-то Илья да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, тотара вы поганыи!
Ай поруськи-то назвать, дакъ васъ тотарами,
Пототарьски-то назватѣ—дакъ вы камышницьки".
Они стали изъ шатровъ да всё выскакивать,
Шьто тотаринъ за тотаринъ выскакивать,
Ихъ навышло ишше сорокъ всё тотаровей.
Говорятъ-то тотара таковы слова:
— Ай ты гой еси, сторой-отъ сѣдатой ты!
Тебя скоро мы вѣдь розлуци́мъ да со бѣлы́мъ свѣтомъ.—
Говорилъ-то имъ Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць:
„Розлуцить-то вамъ меня да всё вѣдь нёзашто:
Тольки есь-то у мня шубка соболинная,
Ета стоитъ у мня шубоцька петсотъ рублей;
Ай на шубоцьки пуговка—петьсотъ рублей,
Ай друга-та у мня пуговка вѣдь—цѣла тысеця,
Ай третья́-та у мня пуговка—цѣны ей нѣтъ.
Ай да есь у мня у старого ишше́ перцятоцьки,
Ай перчатоцьки у мня да красна золота—
Подареньицё у мня князя Владимера;
Да перцятоцьки стоятъ всё петьсотъ рублей.
А ишше́ у мня у старого да у сѣдатого,
У мня есь ише сапожоцьки на ножоцькахъ,
Ай сапожоцьки у мня тоже—петсотъ рублей.
Ишше есь у мня у старого, сѣдатого,

Ишше есь у мня перо да лебединноё:
Я досталъ сто перо-то въ середины моря сйнёго,
Я со того-то моря синёго со славного—
Называютъ это морё: Окіянъ, да морё синёё,
А на томъ зо на горюцёмъ сѣромъ камешки;
У мня стоитъ это пёрышко петьсотъ рублей".
Говорятъ ёму тотара-ти да всё розговариваютъ:
— Мы вѣдь скоро тебя старого, сѣдатого,
Предаёмъ мы тебѣ старому скору́ мы сьмерть,
Отсѣкёмъ-то у тебя мы буйну голову.—
Говоритъ-то старой таковы рѣци:
„ Я возьму-ту какъ свою да саблю вострую,
Отсѣку-то я у васъ да буйну голову.
Вы поѣзьдили вы по бѣлу сьвѣту, пограбили
Вы пограбили, побили людей добрыихъ".
Онъ тутъ скоро поѣхалъ па добро́мъ кони,
Онъ отьсѣкъ-то у тотаръ да буйны головы,
Онъ вѣдь взялъ-то у ихъ со́бралъ злато, се́ребро;
Ай поѣхалъ-то онъ да въ кра́сёнъ Кіёвъ-градъ.
Онъ ко ласкову князю ко Владимеру;
Онъ привёзъ-то всё да злато, се́ребро.
Благодарилъ-то тутъ князь да со княгиною.

46.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Во Резани-то было, славномъ городи,
Да во Муроми, во Качарови.
Тамъ вѣдь жилъ-то Никита сынъ Ивановичь
Ище жилъ-то князь, князь пребогатой былъ,
Со своей-то онъ жилъ съ молодой женой,
Да со той-ли съ Амельфой Тимоѳеевной.
Ай вѣдь не́ было у нихъ да малыхъ дѣтоцёкъ,—
Они жили немало, немного—пять годовъ;
На шостомъ-то было́ у ихъ на годицьку,
Да родилось у ихъ да цядо милоё,
Ище мило-то цядышко, всё любимоё,
Молодой-то Добрынюшка всё Никитичь младъ.
Они скоро Добрынюшку всё возро́сьтили.
Да Никита-та, князь-отъ скоро представилсэ;
Оставалсэ Добрынюшка съ одной съ матушкой.

Ишше сталъ у насъ Добрынюшка двадцети годовъ;
Да прошла ета славушка по вьсей земьли,
Какъ по всей-то земьли слава пошла великая,
До того дошла до города до Мурама,
До того дошла села, села до Кача́рова;
А услышилъ старой-отъ казакъ всё Илья Мурамець,
Онъ поѣхалъ узнать-то всё бога́тыря.
Какъ Ильа́-та тогды ишше онъ не си́лёнъ былъ,
Ище Мурамець тогда-то не имѣлъ себѣ [1]).
Стрѣтились Ильи два юноши,
Воротили Илью съ пути-дорожоцьки:
„Воротись-ко, Илёюшко, изъ дорожоцьки;
Ты пойдёмъ-ко-се съ нами ише въ домъ къ тобѣ“.
Принесьли-то ему всё цяшу серебряну,
Всё серебряну цяшу, всё позоло́цёну;
Ище дали исьпить ёму пива пьяного,
А другой наливалъ ёму юноша мёду сладкого;
Ише сами говорятъ ёму таковы рѣци:
„Ужъ ты слышишь ли, Илья, въ себѣ силу великую?“
— Ужъ я слышу въ собѣ-то силу великую:
Кабы было тепереце кольцё въ земли,
Поворотилъ бы вьсю земью-ту Святоруськую.—
Наливали ёму-ту тольки полъ-цяши-то;
Выпивалъ-то Илья-то скоро Мурамець.
„Ты вели́ку ли тепере слышишь силушку?“
— Да теперь во мнѣ силушки половинушка.—
А во ту вѣдь пору скоро, во то время
Отправляли ёго юноши во чисто́ полё;
Подписали всё на ёго могуцйхъ плецяхъ,
Шьчо Ильи-то во чисто́мъ поли смерть была не писана;
Какъ дава́ютъ ёму всё саблю вострую,
Всё даваютъ ёму сѣдёлышко черкальскоё,
Всё даваютъ ёму копьё брузаменьскоё,
Всё даваютъ ёму палицю тяжолую,
Да тяжо́лу ёму палицю—девяносто пудъ.
Да поѣхалъ нашъ Илеюшка во чисто́ полё;
Съ руки на́ руку палицю всё побрасывалъ.
Онъ не могъ найти Добрынюшки во чисто́мъ поли:
Какъ вотупоръ было—Добрынюшка ѣзьдилъ по тихимъ заводямъ.

---

[1]) Очевидно, силы. *Собир.*

Пріѣжаётъ вѣдь онъ-то [1]) всё ко матушки,
Ко Добрынину пріѣхалъ къ широку́ двору,
Ко окошецьку пріѣхалъ ко коси́сцётому.
Отьпиратъ-то вдова-то скоро окошецько,
Ишше та вдова Омельфа Тимоѳёёвна,
Она кланялась ёму-ту до низко́й земьли:
„Ужъ ты здрастуй, двоюро́дной милой братёлко,
Ужъ ты старой казакъ свѣтъ-Илья Мурамець,
Илья Мурамець ты же свѣтъ-Ивановиць!
Ты не бойсе моёго двора сиротьского,
Заѣжай-ко-се добры́мъ конёмъ на широкой дворъ
Ты попить-то, поѣсь ко мнѣ, по́кушати.
Ищё ты-то когда у мня былъ малёхонёкъ,
Я жила-то вѣдь у твое́го родного батюшка,
У своёго-то жила у двоюро́дницька,
У того же жила у Ивана Тимоѳеевича,
Я у матушки твоей жила у родимою,
У Елены я жила у Олёксандровны;
Я водилась съ малёхонькимъ съ тобой, съ глупёхонькимъ;
За водню́-ту подарилъ твой ро́дной батюшко,
Двоюро́дной-отъ мой всё милой бра́тёлко,
Со твоей-то со родимой милой матушкой
Какъ со той-ли съ Еленой Олёксандровной
Не пожалѣли, подарили золотой персьте́нь;
А тепере—у Добрынюшки на право́й руки,
У Никитиця на пѣрьстецьку безымяномъ-то.
Ужъ ты гой еси, казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець ты да сынъ Ивановичъ!
Ты не бойсе моёго всё двора вдовьёго,
Заходи ко мнѣ попить, поѣсть, покушати.
Ты нейдёшь-то ко мнѣ, да всё боисьсе ты!
Ты помилуй хоть моёго цяда милого,
Цяда милого моёго ты, всё любимого,
Да того-ли Добрынюшку всё Никитича:
Ише цядышко у мня-то неуступциво;
Онъ вѣдь силой не силенъ, всё напу́скомъ смѣлъ".
Поворацивалъ Илья да коня доброго,
Онъ поѣхалъ Добрынюшку искать во чисто́мъ поли.
Онъ наѣхалъ Добрынюшку во чисто́мъ поли;
Они сьѣхалисе съ нимъ, всё пріударились;

---

[1]) Илья. *Собир.*

Востры сабельки у ихъ скоро потупи́лисе,
Востры копьица у ихъ всё поломалисе;
Они стали—боемъ всё рукопашнымъ.
Какъ садилсэ Илья къ ёму на бѣлы́ груди,
Увидалъ у ево на руки злацёнъ перьстёнь,—
Онъ спросилъ у ёго про родъ, про племя тутъ.
Говорилъ-то Добрынюшка всё Микитичъ младъ:
„Я сидѣлъ бы у тибя теперь на бѣлы́хъ грудяхъ,—
Не спросилъ бы не роду я, не племени,
Не спросилъ бы природы твоей сердёсьнёю“.
Ишше тутъ-то Илья скоро усьмѣхалтьце;
Онъ берётъ его за рученьку за правую,
Онъ чѣлуетъ его въ уста сахáрныя,
Ище самъ онъ говоритъ ёму таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитиць младъ!
Ты глупёхонёкъ—стало быть, молодёхонёкъ.
Вѣрно храбрось въ тебѣ богатырьская;
Не напрасно прошла-то слава великая.
Ты поѣдёмъ со мной лучше къ рóдной къ матушки,
Да ко той вдовы къ Омельфы къ Тимоѳеевны.—
Тутъ вѣдь скоро Добрынюшка догадаитьце;
Онъ вѣдь падалъ ёму скоро во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти, просьти мивя, просьти виноватого!
Говорила мнѣ матушка родимая,
Шьто чесна́ вдова Омельфа Тимоѳеевна:
„Да увидишь въ чисто́мъ поли Илью Мурамця,—
Не дошóдъ ты ёго, да низко кланейсе,
Называй ты ёго дядюшкой всё двоюроднымъ,
Ты зови ёво къ себѣ на широкой дворъ““.
Тутъ вѣдь скоро они тутъ поѣхали
Шьто во тотъ они славной во Резань-городъ,
Какъ ко той вдовы Омельфы Тимоѳеевны;
Тутъ вѣдь пили, проклаждались ровно три-то дня,
Всё побра́тались крестами однозолóтныма,
Назвали́сь они братьеми крестовыма,
Шьчо крестовыма братьицями, назва́ныма.
Какъ оттуль они поѣхали въ красёнъ Кіевъ-градъ
Посмотрять-то они князя Владимира
Со княгиной съ Опраксе́ей съ Королевисьнёй,
Познакоми́тьце со руськима съ могуцима со бога́тыреми.
Принималъ-то Владимиръ ихъ съ цести, съ радости;
Собираётъ для бога́тырей поцёсёнъ пиръ,

Отовсюль онъ собиратъ-то всё богàтырей.
Во перьвы́хъ познакоми́лись Илья всё со Добрынюшкой,
Во вторыхъ-то покресто́вались со Олёшенькой,
Да ишше́ съ Дунаёмъ сыномъ Ивановичемъ,
Да ише́ они съ Цюрилушкомъ со Плѐнковичёмъ,
Да ише́ же со Самсономъ всё со Сильнимъ-то;
Да ише́-то Перетьсмяка тутъ со племянницькомъ,
Ишше былъ сь има Ва́нюша, всё боярской сынъ,
Ишше былъ сь има Ванька, енеральской сынъ.
Ишше тѣ же богàтыря всё сильнія
Записались всё въ заповѣдь великую:
„Шьчобы стоять намъ за князя за Владимира,
Шьчобы стоять намъ за вѣру христіяньскую,
Шьчо за матушку Россію за православную,
Шьчо за земьлю-ту намъ шьчобы Святоруськую".

47.

Алеша, переодѣвшись каликою, убиваетъ Тугарина.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ-то было-то въ прекрасномъ Острови,
Во прекрасномъ-то было, славномъ городи,
Тамъ два ясного два сокола вылѐтыватъ,
Выѣжаютъ два дородьня добра молодця,
Вы два руського могучого богàтыря:
Во перьвы́хъ-то всё Олёшенька Левонтьёвичъ [1]),
Да Левонтьёвичъ Олёшенька Поповиць младъ,
Во вторыхъ-то вѣдь крести́овой ево брàтёлко
Ишше тотъ-ли Екимъ да всё Ивановиць.
Они ѣдутъ, ѣдутъ братьича крестовыя,
Они бокъ вѣдь о́ бокъ вѣдь ѣдутъ, плецё о́ плечо,
Нога о́ ногу гуляютъ, стремя о́ стремя;
Да поѣхали они-то въ три дорожки прямоѣжжіи,
Въ ту дорожочку поѣхали, къ чисту́ полю.
Они ѣхали по по́лю, полю чистому,
Нечево совсѣмъ во по́ли не наѣхали,
Шьчо не гуся-та они, не бѣлой лебеди,
Не какого они зьвѣря-та рысу́шого,
Да рысушого зьвѣря, всё бѣгушого,—

---

[1]) По словамъ Крюковой, только въ этой старинѣ Алеша называется по отчеству. *Собир.*

Тольке наѣхали два братёлка крестовыи
Во чистóмъ они полѝ всё сѣръ горюць камень.
Говорилъ-то Олёшенька Поповиць младъ,
Шьчо Поповиць младъ Олёшенька Левоньтьёвичъ,
Говорилъ своёму брателку крестовому,
Шьто крестовому онъ братёлку, назва́ному,
Ай тому-ли онъ Екиму всё Ивановичу:
„Ужъ ты гой еси, крестовой ты мой братёлко!
Ты смотри-ко, смотри грамоту, прочитывай“.
Онъ смотрялъ-то скоро грамотку, прочитывалъ;
Какъ написана была-то грамотка словами золотыма всё.
Говорилъ-то онъ крестовому всё братёлку,
Бога́тырю Алёшеньки Поповичу:
— Проциталъ я, россмотрялъ всё эту грамоту;
Всё росьписаны дорожоцьки да прямоѣжжія:
Какъ перьва́ лежитъ дорожка прямоѣжжая,
Шьто во тотъ она лежитъ, лежитъ во Муромъ-градъ,
Какъ втора лежитъ дорожка прямоѣжжая,
Шьчо во тотъ лёжитъ она Черниговъ-градъ,
Шьто третьяѝ лежитъ дорожка прямоѣжжая
Она прямо во славёнъ, красёнъ Кіевъ-градъ,
Ко тому-ли всё ко князю ко Владимиру.—
Говорилъ-то тутъ Екимъ да всё Ивановиць:
— Ты подумай-ко, крестовой ты мой брателко,
Намь куда-то теперь ѣхатѣ, куда путь держать?
Говоритъ ему Алёшенька Левоньтьёвичъ:
„Мы поѣдемъ, братёлко, топерече въ чисто́ полё,
Исьчиста́ поля поѣдемъ въ красёнъ Кіевъ-градъ“.
Недалече во чисто́ полё подьѣхали,—
Соходили добры молодци да со добры́хъ коней,
Шьчо спускали своихъ-то коней до́брыхъ тутъ
Шьчо спусьтили они ко́ничковъ да въ зелена́ луга,
Зелены́ они въ луга, хоть ко Офра́къ-рѣки;
Ишше сами они ставили бѣлы́ шатры поло́тьняны,
Повалилисъ во бѣлы́ шатры да всякъ во свой шатёръ.
Тутъ не сьпитьце-то Алешеньки Поповичу,
Онъ не сьпитъ, всё не сьпитъ, самъ больше такъ лежитъ;
Пробужаице поу́тру онъ ране́шинько,
Онъ свѣжо́й водой ключо́вой умываитьце.
Тонкимъ бѣлымъ полотеньчомъ утираитьце,
Онъ вѣдь молитце на встокъ самъ Богу-Господу,
Самъ пошолъ же въ ту онъ сторону, всё ко Офракъ-рѣки.

Тутъ идётъ къ ему калика перехожая,
Перехожа-то калика, переброжая;
Говоритъ ёму калика перехожая:
„Ужъ ты здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець,
Ише руськой сильнёй ты могуцей же богатырь ты!“
Говоритъ-то тутъ Алёшенька Поповичъ младъ:
— Ужъ ты здрастуй-ко, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!—
Удивляитьце Алешенька тому диву:
На калики-то вѣдь на ногахъ полапотьки
Какъ рошшиты, всё сыплетёны ись семи шолковъ,
На калики-то всё шуба соболинная,
Соболинная шуба, долгополая,
На головушки шляпа сарачиньская,
Сарачиньская шляпа, земьли Греческой,
Какъ вѣдь маленько личё ево да съ цистымъ серебромъ,
Подбородокъ зъ барадой-то у ево, увито краспымъ золотомъ,
Шэпалыга подорожная у его въ рукахъ ише въ тридцеть пудъ,
Какъ облита у ево да сьвинцёмъ греческькимъ.
Говорилъ-то онъ таковы рѣци:
„Шьчо не ты ли, доброй молодець,
Шьчо не ты ли вѣдь Алёшенька Поповиць младъ?
Я вѣдь шолъ-то какъ севодьне по чисту полю,
Я вѣдь видѣлъ-то севодьне чудо чудноё,
Чудо чудноё севодьне диво дивноё:
Ишше ѣзьдитъ по чисту полю змѣишшо всё Тугаришшо [1]);
Ищэ конь-отъ подь имъ да будто зьвѣрь страшной;
Онъ вѣдь змѣишшо-то Тугаришшо—
Три сажёни-то большихъ печатныихъ,
Какъ переносьё ево будто палка дровокольняя;
Какъ вѣдь у ево на себѣ-то платья было цьвѣтного,
Ише платьица на ёмъ да на сто тысецей,
На добромъ кони уборъ—дакъ цѣны не было;
У коня-та вѣдь изъ ноздрей дакъ искры сыплютьце,
Ише изъ роту вѣдь у коня дакъ пламя пашотъ тутъ“.
Говорилъ-то тутъ Алёшенька Поповиць младъ,
Шьчо Поповиць младъ, Алёшенька Лявоньтьёвичъ:
— Ужъ ты дай-ко, дай мнѣ-ка, калика перехожая,

[1]) Сначала Крюкова пропѣла: „Зрыдапишшо“, потомъ поправилась. *Собир.*

Перехожа ты калика, переброжая,
Мынѣ-ка дай-ко ты калицьё платьё цьвѣтноё,
Надѣвай-ко ты моё-то всё вѣдь платьицё.—
Они скоро тутъ съ каликой-то перемѣнилисе.
Говоритъ ише калика-та Олёшеньки Поповицю:
„Вѣдь крыцитъ ише зьмѣишшо-то да во всю голову:
„Етотъ гдѣ же есь Олёшенька Поповиць младъ?
Я его буду не бить ево, не у́чити,
Розорву ево возьму я скоро на́двоё“ “.
Наредилсэ онъ въ каличьё платьё въ чёрноё,
Взялъ онъ въ руки шепалыгу подорожную.
Онъ приходитъ ко зьмѣишшу-ту близёхонько,
Онъ крыцитъ ёму зьмѣишшо во всю голову;—
Мать сыра-та вѣдь земьля да всё колы́блитьце:
„Не видалъ ли ты, калика перехожая,
Тутъ не ѣзьдитъ ли Алёшенька Поповиць младъ?“
Говоритъ-то тутъ калика перехожая:
— Не видалъ вѣдь я Алёшеньки Поповиця.
Ты крыци мнѣ-ка, зьмѣй, пушше, шьтобы слышалъ я;
Нечево-то я теперь да всё не слышу вѣдь,
Я не слышу-ту, не вижу я рѣцей твоихъ.—
Тутъ повѣрилъ-то зьмѣищо калики, шьто таки рѣци;
Онъ походитъ-то къ калики онъ близёхонько.
Онъ вѣдь хлопнулъ шелапы́гой подорожною
Онъ по той-ли по его-то всё по го́ловы;
Тутъ свалилсэ зьмѣй Туга́ринъ со добра́ коня.
Онъ садилсэ-то ему всё на чорны́ груди.
Тутъ Тугаринъ вѣдь ему, зьмѣишшо, взмолитсэ:
„Ужъ ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Шьчо не самъ ли ты—Алёша всё Поповиць младъ?
Ты спусьти миня, спусьти да ты живого всё“.
— Не спушшу-то я тебя на свѣтъ живого тутъ—“.
Отрубилъ онъ взялъ, отсѣкъ да буйну голову,
Наредилсэ всё Тугарина да въ платьё въ чвѣтноё,
Онъ садилсэ на его всё на добра́ коня;
Ишше платьё у ево вѣдь было на сто тысецей,
Ай уборъ-то у коня-та—цѣ́ны не было.
Онъ поѣхалъ тутъ ко бра́тёлку крестовому,
Ай къ тому-ли онъ къ Екиму-ту Иваповичу.
Тутъ увидѣлъ ево братёлко крестовой-отъ;
Онъ вѣдь думатъ—ѣдетъ змѣй Тугаринъ самъ;

Онъ наладилъ всё свою да стрѣлочку калёную,
Онъ стрѣлялъ-то всё въ Алёшеньку Поповиця.
Онъ свалилсэ тутъ Алёшенька зъ добра́ коня;
Онъ отьсѣкъ взялъ у ево всё буйну голову,
Отдиралъ-то онъ сь его да платьё цьвѣтноё,
Онъ увидѣлъ на грудяхъ ево да золотой-отъ крестъ:
„Охте мнѣ-ценько теперече тошнёшенько!
Я убилъ-то своего брата крестового“.
Говорилъ-то тутъ калика перехожая:
— Ты не плачь, не плачь, Екимъ да ты Ивановичъ,
Не груби своего серьца богатырьчкого:
У мня есь-то вѣдь съ собой жива вода и мёртвая;
Оживлю тебѣ я братёлка крестового,
Я того тебѣ Алёшеньку Поповиця —.
Избрызга́лъ-то онъ вѣдь тѣло всё Алёшеньки.—
Шьто збрызга́лъ-то вѣдь калика водой мёртвою,
Поливалъ-то онъ да всё живой водой;
Ото сну какъ будто молодець да пробудилсэ тутъ.
Они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали,
Какъ поѣхали они да въ красёнъ въ Кіевъ-градъ;
А Алёшенька поѣхалъ на кони да на зьмѣёвомъ-то,
Ай калики отдавалъ онъ своего коня.
А пріѣхали они да въ красенъ Кіевъ-градъ
Шьчо ко ласковому князю ко Владимиру,
Навезьли они отъ зьмѣя злата, сёребра.

48.

Князь Борисъ Романовичъ. (Данило Ловчанинъ)

(У свекра Василія Леонтьевича).

Было жило во славномъ городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимира:
Собиралъ-то Владимиръ-князь поцесёнъ пиръ
Онъ на всѣхъ-то на князей, бояръ богатыихъ,
Онъ на тѣхъ-то на купцей-гостей торговыихъ.
Ише вси ти на пиру да напивалисе,
Ише всѣ на чёсно́мъ да наѣдалисе.
Говоритъ-то князь Владимиръ да таковы рѣци:
„Не видали ли вы гдѣ мнѣ красной дѣвици,
Хошь вы умну мнѣ-ка гдѣ-нибудь, разумную,
Мнѣ-ка хочь изъ простого житья, не изъ царьского?
Мнѣ-ка скусьнё вѣдь, князю, холостому жить,

Холостому князю жить, да нежонатому".
Тутъ выскакавалъ-то единъ хвасьливъ мужикъ,
Шьто хвасьливъ мужикъ вѣдь Васько Торока́шко всё Замо́ренинъ:
— Я вездѣ-то, князь Владимиръ, я вездѣ бывалъ,
Я вездѣ бывалъ, многи́хъ людей видалъ;
Не видалъ я лучше-краше-то Борисушка-то князя молодой жоны:
Красота-та у ей въ лици неизреченная;
Не могу-ту я на ей, не могъ да нагледѣтисе;
Ише лучше-то Борисушковой князя-та жены́ на свѣти нѣтъ.—
А Владимеръ-отъ князь да усмихаитце:
„Шьто ты, глупой ты едакой Васька, мужикъ ты деревеньськой жо!
Ише какъ можно́ на свѣти у жива́ мужа жону отнять?".
— Мнѣ немного надо, дѣло скоро здѣлаемъ:
Созови-тко ты Бориса на почёсёнъ пиръ,
Ай пошли-ко ты Борисушка-та на Буянъ-островъ;
Какъ уходимъ мы Борисушка крутёхонько:
Ты вели, князь, извезать да всё шолко́въ нёводъ,
Ты возьми ёго отправь да на Буянъ-островъ;
На Буяни-то на острови выходитъ всё страшо́нъ вѣдь звѣрь,
А страшо́нъ-отъ звѣрь выходитъ всё вака́нишшо [1]).
Говоритъ-то Владимиръ таковы рѣци:
„Вы зовите Борисушка ко мнѣ вы князя на поцесёнъ пиръ".
Они скоро Борисушка-та созвали всё на поцесёнъ пиръ.
Говоритъ ёму Владимиръ таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Борисъ да сынъ Романовиць!
Ты вѣдь сьѣзди-тко отъ меня, отъ князя всё Владимира,—
Я нало́жу на тибя, Борисушко, службу великую:
Ай ты съѣздій, Борисушко, отъ миня на Буянъ-островъ,
Излови-тко-се въ шолковъ неводъ страшного ты звѣри́шша всё ваканишша,
Роспори ты у его да груди сѣрыя,
Вынь-ко у его да ретиво́ серьцо,
Положи-ко ты на блюдо на серебряно,
Привези ты ко мнѣ, князю, всё на посмотрѣньицё".
Какъ вѣдь тутъ Борисушко да не ослышилсэ;
Поскорёшенько онъ вѣдь тутъ домой пошолъ.
И пришолъ-то онъ къ своей да молодой жоны:

[1]) Очевидно, кабанъ. *Собир.*

„Ужъ ты гой еси, княгина молода жона!
А накинулъ на меня вѣдь князь службу́ великую:
Посылаетъ меня князь вѣдь съѣзьдить ко синю́ морю,
Ко тому-ли ко Буяну, страшну острову,
Изловить велитъ звѣришше всё ваканишше,
Роспоро́ть велитъ да ёго груди сѣрыя,
Положить его серьцо на блюдо на серебряно,
Привезти велитъ князю на посмотрѣньицё.
А неси-тко-се, моя ты молода жена,
Ты неси-тко мнѣ да полтораста стрѣлъ".
Принесла-то она ёму да полтретьяста стрѣлъ.
Ише тутъ вѣдь Борисушку-ту за бѣду стало,
За досадушку ему всё показалосе;
„Ай не сталъ-то меня Богъ вѣдь ми́ловать,
Какъ Владимиръ-отъ-князь меня жаловать,
Молода миня жена не стала слушати!"
Онъ вѣдь взялъ съ собой вѣдь только полтораста стрѣлъ,
Онъ поѣхалъ скоро ко синю́ морю;
И пріѣхалъ скоро онъ да на Буянъ-островъ,
Онъ поставилъ-то вѣдь къ морю всё шолко́въ нёводъ,
Уловилъ-то онъ звѣришшя страшного ваканишшя,
Роспоролъ у его да груди сѣрыя,
Вынималъ-то у его да ретиво́ серьцё,
Положилъ-то да на блюдо на серебряно;
Онъ поѣхалъ домой всё веселёхопёкъ:
„Шьто избавилъ миня Осподи и той смерти!"
А какъ во ту вѣдь пору, во то время
Пріудумалъ Васька Торокашко всё:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка, Владимиръ-князь да стольнё-кіевськой,
Ужъ мнѣ дай-ко силушки да полтретьяста целовѣкъ;
Убьёмъ-то мы Борисушка въ чисто́мъ поли́".
Ише далъ ёму Владимиръ полтретьяста силушки;
Да вѣдь стрѣтили Борисушка-та, Васька во чисто́мъ поли.
А стрѣлялъ Борисушко, выстрѣля́лъ вси стрѣлоцьки,
Онъ вѣдь вы́стрѣлялъ всё стрѣлокъ полтораста же;
Не хватило у его да больше стрѣлоцёкъ.
„Охти, мнѣ-цепько тепере-ка тошнёшенько!
Мнѣ-ка ладно говорила молода жона".
Ише тутъ вѣдь Борисушка убили всё.
Вси вѣдь здѣлались они тутъ веселёхоньки.
Собираетъ князь на радости поцесёнъ пиръ;

Посылаётъ скоро онъ скорыхъ пословъ,
Онъ скорыхъ пословъ ко Борисушку да во полатушки.
А вѣдь ти послы придутъ, уйдутъ—дакъ и други прійдутъ;
А зовутъ они вѣдь въ царьской домъ Борисушкову молоду жону:
„Ты поди-тко-се ко князю ко Владимиру,—
Шьто наѣхалъ-то у тя Борисушко вѣдь изъ чиста поля“.
Говоритъ она имъ да таковы рѣчи:
— Не проѣхалъ бы [1]) Борисушко-то, кабы живъ онъ былъ.—
Посылаётъ опеть да онъ вѣдь, князь Владимиръ-отъ,
Посылаётъ онъ за ей скорыхъ пословъ,
А шьтобы скорѣй она шла, шьтобы не медляла.
А приходитъ она во полатушки-то княженеськія,
А во цёрномъ платьици пришла, сама въ пецёльнемъ-то.
Она крестъ-отъ кладётъ да по писаному,
Она поклонъ-отъ ведётъ всё по уцёному,
Она бьётъ целомъ Владимиру во руценьку во правую,
Князямъ, боярамъ всимъ она да низко клапялась.
Ей берётъ-то всё князь да за бѣлы руки:
„У тя нѣту Борисушка живого-то;
Онъ лёжитъ убитъ всё во чистомъ поли.
Ты поѣдёмъ со мной всё во Божью церковь;
Ты прійми со мной, со княземъ, по злату винцю“.
Говоритъ-то Борисушкова молода жона:
— А нейду-то съ тобой, князь, во Божью церковь,
Не приму-ту я съ тобой по золоту винцю.
Мнѣ-ка дай-ко съѣздить строку до чиста поля,
Захоронить-то у Борисушка бѣло тѣло.—
Говорилъ-то князь Владимиръ славной кіевськой:
„Поѣжай-ко-се; я вѣдь дамъ тебѣ-то строку съѣздить во чисто полё;
Ай безсрочьнёго-то времени, братцы, на свѣти нѣтъ“.
Какъ поѣхала княгинушка Борисова,
Приворотила она во кузницю желѣзную,
Искавала-то собѣ два ножицька булатныи,
Ай булатныи, два ножицька собѣ укладныи,
Шьто поѣхала тогда же во чисто полё,
Розыскала въ цистомъ поли тѣло бѣлоё,
Предала тѣло ко матушки къ сырой земли;
И сама-то тутъ у тѣла приросплакалась:

[1]) Мимо своего дома—къ князю. *Собир.*

„Не послушалъ ты, Борисъ да князь Романовиць!
Ай тепереце меня хотятъ да всё похитить-то;
Не даютъ-то мнѣ топерецо вдовой вдовѣть;
Мйня насилу хоцётъ князь Владимиръ взять-то за сибя замужъ,
Овѣнцять-то меня хоцётъ, овинцётьце во Божьёй церыквы.
Не пойду-ту я замужъ-отъ за князя за Владимира;
Я положу таку заповѣдь велыкую:
Я положила два ножицька булатныихъ,
Какъ во матушку положила въ сыру землю,
Какъ положила-то ножицьки тупымъ концомъ во матушку въ сыру землю,
Ай вострымъ концёмъ себѣ да въ ретиво серьце:
„А лёжитъ-то бѣло тѣло гдѣ Борисово,
Ай лёжи же тутъ моё тѣло, кнегинино!“

49.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера,
Ай была-то у ево взята къ себѣ любимая,
Ай любима у ево была племянёнка
Ище та-ли у ево да Мароа Митрёвна.
Онъ возросьтилъ ей дедюшка, повыкорьмилъ,
Онъ повыкорьмилъ дедюшка, повыросьтилъ;
Посадилъ свою любимую племянёнку
Онъ во тѣ-ли во высоки ей во теремы,
Посадилъ ей на диванъ да рыта бархата,
Ай того-ли дорогого красна золота;
Онъ поставилъ-то къ ей-то вѣрныхъ каравульщицьковъ,
Кромѣ мамушокъ ише да кромѣ пянюшокъ,
Ай замкнулъ-то за многи замки заморьскія,
Ай заморьскихъ замковъ, сказать за три́деветь,
Ей не знали шьчобы многи да люди добрыя,
Не роспустили шьчобы про ей, про красну дѣвицю,
Про ее-то красоту-красу великую,
Ей по всѣмъ шьчобы землямъ по всѣмъ невѣрнымъ,
Не прошла бы шьчобы вѣсь скора-скорёшенька
Шьчо до тѣхъ-ли до царей, царей невѣрныихъ,
Шьчо до тѣхъ же королей бы, королевицей,

Ай до тѣхъ-ли шьчобы идоловъ поганыихъ.
Посѣшчалъ часто, ходилъ къ ей роденъ дядюшка
Ишше тотъ-ли Владимиръ-свѣтъ да стольне-кіевськой.
Тутъ прошло-то какъ-то время, всё новы́нёслось
Ай про ту-ли про любиму про племе́нёнку
Шьчо того-ли вся нашого князя Владимера;
Тутъ услышели многи́ цари, царевици,
Вси тутъ мно́ги короли да королевици;
Й услыхаетъ погано-то Идо́лишшо,
Ишше то-ли царишшо всё невѣрноё,
Услыхалъ онъ про ту всё е́ красу великую.
Вотъ задумалъ поганоё Идолишшо,
Ище то-ли царишшо всё невѣрноё;
Онъ грузилъ скоро́ три чорново три ка́рабля
Дорогима онъ товарами заморьскима,
Онъ вѣдь вёзъ-то всё каме́ньё дровоцѣнноё,
Дравоце́нно каменьё, самоцвѣтноё
Въ подареньицё князю со княгиною,
Со княгиной съ Опраксеёй Королевисьнёй.
Онъ вѣдь скоро потходитъ-то подъ красенъ Кіевъ-градъ,
Потъ того-ли къ намъ подъ красного подъ солнышка,
Шьчо подъ ласкового князя подъ Владимера;
Ёнъ приходитъ во гавань, въ красенъ Кіевъ-градъ,
Онъ во ту-ту гавань, всё ко князю ко Владимеру;
Онъ берётъ-то булатны свои якоря,
Онъ спускатъ-то онъ въ воду свои я́коря,
Онъ мосьтитъ-то свои мосты дубовыя,
Росьтилаетъ дорого́ сукно заморьскоё,
Посылаетъ своихъ скоро́ тотаръ къ єму:
„Отнесите, тотара, ско́ру грамоту,
Отдавайте вы въ руки всё князю Владимеру,
Подавайте отъ миня князю подароцьки,
И вѣдь князю-ту дайте со княгиною
По тому-ли имъ по камню самоцьвѣтному“.
Тутъ приходятъ скоро всё тотара-ти,
Ай заходятъ они всё на красно́ крыльцё;
Ихъ проводятъ, пропускаютъ до князя до Владимера.
Ай не ксьтятъ-то, не кресьти́тъ лиця поганого,
Шьчо не молятце́ они Спасу пречистому,
Не поминаютъ царици всё небесною,
Какъ столбы будто идутъ, столбы отёсаны;

Подаваютъ скоро грамоту тотарьскую;
У ихъ писана грамота тотарьцькая
Не перомъ же у ихъ да не чернилами,
Не по бѣлой по гербóвой бумажоцьки,—
Ай по рыту у ихъ да всё по бархату,
Дорогимъ же сухимъ да краснымъ золотомъ;
Подаваютъ подароцьки да дороги́ свои,
Подаваютъ вѣдь князю со княгиною
Ай со той-ли съ Опраксеёй съ Королевисьнёй
По самоцьвѣтному по каменю.
Принимаетъ у ихъ да князь подароцьки,
Ай садитъ-то онъ ихъ всё за дубовы́ столы.
Ише тутъ же тотара не садятьце-то,
Не садятьце они, да сами всё стоять;
Подаваётъ имъ стульё рыта бархата;
Ише тутъ тотара не садятьце всё.
Ай онъ говорúтъ онъ скоро всё таки рѣци:
„Ай ише-ко Добрынюшку Никитича,
Ай ише-ко Алёшеньку Поповица
И ише-ко Дунаюшка Иванова;
Они скоро россмотрятъ скору грамотку.
Мы вѣдь скоро отпишёмъ имъ самимъ отвѣтъ.
Вѣдь писать-то Дунаюшко всё мастёръ онъ,
Ай лекко́-то онъ держúтъ въ своей правóй руки
Онъ вѣдь то-ли перо да лебединноё;
Ай Добрынюшка съ Алёшенькой съ Поповичомъ
Они скоро прочитаютъ тутъ, росмотрютъ эту грамоту“.
Ай вѣдь скоро собирались три бога́тыря,
Прочитали скоро грамоту тотарьскую.
Ише пишотъ поганоё Идóлишо,
Ише тотъ-ли царишшо всё невѣрноё,
Онъ уписыватъ всё князю Владимеру:
„Я пришолъ-то, князь Владимиръ, да не госьтить къ тебѣ,
Во твою пришолъ во гавань княженеськую,—
Я пришолъ-то къ тебѣ да сватомъ свататьсе
На твоей-то на любимой на племянёнки
Ай на той-ли на молодой на Мароы Митрёвны;
Ты отдай-ко, право, Мароушку всё за миня́ замýжъ.
Не отдашь ты ей замýжъ безъ драки кроволитною,—
Приступлю скоро́ ко городу ко Кіеву,
Розорю-ту я у тя, да всё Владимеръ-князь,
Ише тѣ-ли у тебя всё церьквы Божьія,

Я прибъю у тя во Кіеви многихъ да людей добрыихъ,
Ай останутьце тольке у тя во Кіеви
Ай вдовы-ти, вдовѣть, сиротки, малы дѣтоцьки".
„Не давайте князю строку вы некóльки тутъ [1]),
Вы не нá годъ ёму, вы не на пóлгода,
Не на мѣсець ёму, не полъ-на мѣсеця,
Вы не на недѣлёцьку ёму, не на единъ денёкъ;
Тольке дайте ёму времени на три цяса".
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё кіевськой:
— Мнѣ-ка дайте, дайте строку на три дéницька
Посидѣть моей невѣсты, красной дѣвици,
Ише той моей любимой всё племянёнки,
Посидѣть-то на(ть) ей со краснымa дѣвицеми.—
Собираетъ-то князь Владимиръ всё почéсёнъ пиръ
Онъ на тѣхъ-ли на князей, да на бояръ-ли онъ,
На многúхъ-то на всѣхъ да людей добрыихъ;
Приказалъ-то имъ зьбиратьце всё въ единъ имъ цясъ,
Шьчобы другъ они о(тъ) дружки тутъ не оставалисе.
Ише скоро собрáлись, скорó сколлялисе.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Собираю же я пиръ вамъ не на радосьти,
Не на радосьти вамъ пиръ, не на весельици;
Ай подумайте вы со мной думу крѣпкую,
Заступите за любиму за племянёнку,
Ай за ту-ли за Мароу, Мароу Митрёвну".
Говорятъ-то ёму всѣ люди добрыя,
Ай просты-ти вси хресьяна православныи:
— Мы не будёмъ стоять-то за твою любимую племянницу,
Да не будутъ сирóтовать у насъ вѣдь жоны зъ дѣтьми съ малыма.—
Ишше тутъ-то князь Владимеръ приросплакалсэ:
„Ужъ вы гой еси, народъ, вси люди добрыя!
У ей нѣту вѣдь, красной всё у дѣвици,
У ей нѣту родителя всё батюшка
Со родимой-то сь её да всё со матушкой,
У ей нѣту вѣдь брáтьей, ясныхъ соколовъ;—
Пожалѣть-то вѣдь ей теперь всё некому;
Пожалѣю тольки я-то, всё единъ я ей,
А ли тотъ-ли родимой всё я дядюшка".
Онъ пошолъ скоро въ её да всё высокъ терёмъ;

---

[1]) Приказъ Идолища посланнымъ татарамъ. *Собир.*

Отмыкаётъ онъ скоро́ у ей крѣпки́ замки,
Онъ приходитъ-то къ ей да во высокъ терёмъ,
Онъ вѣдь крестъ-о кладётъ всё по́писа́нному,
Ай поклонъ-отъ ведётъ всё по уцёному,
Ай вѣдь молитце всё Спасу пречистому,
Ай вѣдь Божьёй-то матери всё Богородицы.
Ай скакала тутъ ёго любимая племянёнка
На свои-ти она на ножки рѣзвыя,
Обнимала ёго да за бѣлу́ шею,
Прижимала ёго-то руку ко ретиву́ серьцю:
„Ужъ ты шьчо же такъ, родимой милой дядюшка,
Не по старому пришолъ, всё не по прежному,
Ише всё-то ты пришолъ ко мнѣ не по досе́льнёму,
Во сьлёзахъ ко мнѣ пришолъ, въ сьлёзахъ горючіихъ?“
Говоритъ-то ево (sic) дядюшка родимой-отъ,
А родимой ево дяденька любимой-отъ:
— Ужъ ты гой еси, племянёнка моя любимая,
Ай безбо́тна ты моя да красна дѣвиця!
Нечево, сидишь, про то теперь не знаёшь ты:
Ай пришолъ-то вѣдь какъ къ намъ поганоё Идо́лишшо,
Ише тотъ пришолъ царишшо всё невѣрноё;
Онъ вѣдь всё-то на тебѣ да онъ вѣдь сватайтьце,
Не даваётъ онъ мнѣ строку не на го́дъ-отъ мнѣ,
Не даватъ онъ мнѣ-ка строку не на по́лъ-года,
Не даватъ мнѣ-ка строку на недѣлёцьку;
Тольке далъ онъ мнѣ-ка строку на три часика.
Собиралъ я въ три часа да я почесёнъ пиръ,
Приказалъ я всѣмъ скоплятьце всѣмъ въ единой часъ.
Отперьлі́сь они у мня, вси отказалисе.—
Тутъ заплакала душа да красна дѣвиця,
Ише та-ли вѣдь Мароа, Мароа Митрёвна:
„Ужъ ты гой еси, дядюшка любимой мой,
А любимой мой дядюшка, родимой мой!
Отдавай-ко ты меня хошь съ цести, съ радосьти
Всё безъ драки меня бесъ кроволитною;
Ты проси-ко, проси строку на недѣлёцьку—
Посидѣть мнѣ-ка съ подружками съ любимыма,
Посидѣть-то мнѣ-ка всё, да красной дѣвици,
Мнѣ поплакать-то при ихъ-то, красной дѣвици“.
Вотъ заплакалъ, пошолъ, дедюшка да пуше старого.
Посылаётъ онъ Идолишшу вѣдь скору вѣсьть,
Шьчо идётъ замужъ любимая племянёнка,

Тольке проситъ она строку на недѣлёньку:—
„Посидѣть-то мнѣ съ подружками любимыма“.
Говоритъ тутъ погано всё Идолишшо:
— Ай бесстро́цьнёго-то времени па сьвѣти нѣтъ;
Я вѣдь дамъ-то ей строку на недѣлёцьку.—
Собираётъ скоро князь всѣхъ красныхъ дѣвушокъ;
Онъ садилъ-то всё любимую племянёнку.
Ише вси-ти красны дѣвушки скоплялись тутъ
На ее́-то всё на свадьбу на сьлезьливую;
Она сѣла-то тутъ да всё выплакивать:
„Ужъ вы гой еси, вы дѣвици-души красныя!
Вы вѣдь вси вы живите́ да съ отцёмъ, съ матушкой,
Ужъ и я-то живу, да красна дѣвица,—
Не отца-та у мня нѣтъ да ро́дной матушки;
Ише некому вѣдь за миня пристать да заступить теперь,
Заступить-то за миня да пожалѣть меня;
У мня нѣту родимыхъ моихъ братьице́й;
А тепере за миня не заступаютъ вси кресьянушки,
Отдавать миня велятъ да всё просватывать
За того-ли за Идолишша поганого.
Вы ужъ всё-таки да вы останитесь
У своихъ-то вы отце́й, своихъ у матушокъ,
Ай вѣдь надоть мнѣ ити во землю во поганую,
Во погану-ту мнѣ земьлю во тотарьскую,
Да оставить нать своя вѣра крешшоная,
Мнѣ крешшона своя вѣра богомольняя,
Богомольня мнѣ своя вѣра спасёная,
Нать ити мнѣ за поганого Идолишша,
За того-ли за царишша за невѣрного“.
Говоритъ-то вѣдь Мароа Митрёвна
Своему-ту она дядюшки любимому:
„Ты поди-ко ко мнѣ, дядюшка любимой мой.
Мы вѣдь всё-таки съ тобой да приросудимъ-ко,
Приросудимъ мы съ тобой да мы подумаёмъ.
Ай приходитъ къ ей вѣдь дядюшка скорёхонько,
Онъ горюцима сьлёза́ми уливаитце;
Говоритъ-то вѣдь тутъ да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, ты Мароа Митрёвна,
Ай любима ты моя да всё племянёнка!
Ты скажи-ко мнѣ-ка, шьчо да ты всё здумала,
Шьчо ты здумала, въ умѣ цёго Господь принёсъ?—
„Вразумилъ мнѣ-ка Осподь, мой милой дядюшка:

Нагрузи мнѣ-ка черьнёныхъ два-та ка́рабля
Зъ дорогима ты съ напитками со разныма:
Ай первой-отъ карапь съ пивомъ пьянымъ,
Ай другой-отъ карапь да съ разныма-ти водками со сладкима,
А да дай мнѣ-ка два бра́тёлка крестового,
Ай крестового, два бра́тёлка назва́ного:
Ай въ перьвы́хъ-то дай Добрынюшку Никитиця,
Ай второго—Олёшенька Поповиць младъ".
Тутъ вѣдь скоро грузилъ онъ чёрны ка́рабли,
Грузилъ-то онъ да приготовилъ-то.
Ай приходитъ Идолишшо поганоё,
Ай приноситъ ко князю всё подароцьки—
По тому-ли онъ по каменю дравоцѣнному,
Дравацѣнному, по дорогому-ту;
Ишше́-то онъ говорилъ поганоё Идолишшо:
„Я въ сани́ сажусь-то [1]) къ тебѣ я, всё Владимеръ-князь".
Ай прошло-то тому времецьку недѣлёцька.
Говоритъ-то онъ да всё князю Владимиру:
„Я пришолъ-то къ тебѣ за твоей любимой-то племянёнкой,
Я за той-ли пришолъ да Мароой Митрёвной;
А отдай мнѣ-ка племе́нёнку-ту съ цесьти, съ радосьти".
Тутъ приходитъ князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
„Ай поди, моя любима ты племянёнка,
А безо́тна ты вѣдь наша красна дѣвиця,
Ише та-ли ты Марѳа, Марѳа Митрёвна!
Кабы бралъ у миня тотаринъ красно золото,
Ай мою бы да мно́гу золоту казну,
Ай тогды-то я тебя бы взялъ повыкупилъ,
Не пожалѣлъ бы своего я красна золота".
Вотъ вѣдь плацётъ Владиміръ, уливаитьце,
Ай вѣдь Марѳа, Марѳушка-та тоже уливаитьце,
За бѣлу́ ёго за шею обниматъ ёго
Ай цёлуётъ дедюшку въ уста саха́рныя,
Сама бьётъ цёломъ, клапеитце во рѣзвы́ ноги:
— Ай спасибо тебѣ, дядюшка любимой мой,
Ай на хлѣби-то тебѣ, на соли-то,
Ай на всякихъ твоихъ да словахъ ласковыхъ!
Я осталась-то отъ батюшка малёшенька,
Отъ родимой своей матушки глупёшенька;
Воспоилъ ты, воскорьмилъ миня, повыросьтилъ,

---

[1]) Т. е. собираюсь въ путь. Объясненіе см. на стр. 22. *Собир.*

Ай держалъ миня—сидѣла во высокомъ новомъ тéреми;
У мня были всё мамушки, всё нянюшки,
Для весельиця вѣдь были сѣнны дѣвушки;
Ты во садъ ходилъ гулять да для меня ты всё,
Ты водилъ меня, красну дѣвицю, по зелёны́мъ садамъ.
Какъ пришло теперь у насъ врéмя, всё прикатилосе,
Ай жива съ тобой розлука у насъ, скорая;
Не отъ Оспода пришла эта розлукушка,
Ай отъ злого всё пришла намъ отъ тотарина,
Отъ того намъ отъ Идóлишша поганого!—
Ай увидялъ Идолишшо то скоро Марѳу Митрёвну,
Ишше тутъ-ли онъ самъ да веселёхонёкъ,
Веселёхонёкъ Идолишшо, самъ радъ тому.
Говоритъ-то тутъ Мароа, Марѳа Митрёвна:
„Ужъ ты гой еси, Идолишшо поганоё,
Ужъ ты тотъ-ли царишшё всё невѣрноё!
Буду, заповѣдь положимъ межу́ собой,
Не заходить шьчобы на твой да мнѣ цернёнъ карабь,
Ай тебѣ шьчобы не сойти-то со своихъ цернёныхъ большихъ
кáраблей,
Мы докáмѣ [1]) ужъ не прúдёмъ до твоёго города,—
Мы тогда съ тобой въ одно мѣсто будёмъ съобшшатисе“.
Тутъ царишшо-то невѣрной тому радъ онъ былъ.
Отошли они отъ города отъ Кіева,
Отошли они да далёкóхонько;
Прiутихла-то имъ пóвѣтерь тихúмъ-тихó,
Не попёсло у ихъ черпёны ихны кáрабли.
Тутъ роздумалась Мароа, Мароа Митрёвна;
Говорила своимъ-то двумъ могущимъ богáтырямъ,
Ишше двумъ-то своимъ брáтёлкамъ крестовымъ тутъ:
Ай перьвóму-ту Добрынюшки Никитичу,
Ай второму-ту Алёшеньки Поповичу,
Говорила она, да имъ россказыватъ:
„Вы сьвяжитесь-ко съ Идóлишшевымъ караблямъ;
Я вѣдь здумала дѣлышко немалоё:
Позови ко мнѣ Идолишша поганого,
Ай ко мнѣ-то вѣдь въ госьти, погосьтить ему;
Самъ и прúдётъ-то ко мнѣ Идолишшо—
Я вѣдь буду его сама поить,
Я поить-то буду всё я пивомъ пьянымъ-то,

[1]) Во второй разъ Крюкова пропѣла „докýль“. *Собир.*

Я тогды буду поить его напитками;
Вы вѣдь въ ту-ту пору пойте всихъ матросиковъ,
Вѣдь мнія-то, красну дѣвицю, одинъ да ишше этта стой,
Ай ты стой у дверей да всё россматривай:
Пообидитъ, бываръ, вѣдь цимъ поганое Идолишшо,—
Ты бѣжи, бѣжи ко мнѣ да ты мнѣ пóможь дай,
Мнѣ-ка пóмошшъ, бѣжи, дай да посматривай".
Онъ вѣдь скоро тутъ бѣжитъ погано къ ей Идолишшо,
Ото всей-то онъ бѣжитъ, тотаринъ, радосьти.
Говоритъ-то онъ самъ да всё таки рѣци:
„Ужъ ты здрастуй-ко, душенька ты Марѳа Митрёвна!"
Тутъ садила она Идолишша всё за дубовой столъ,
Наливала она Идолишшу-ту цяроцьку
Ай того ли она да пива пьяного;
Немала́-та была цяра—полтора ведра.
Принимаетъ Идолишшо отъ радосьти,
Выпиваетъ Идолишшо крутёшенько;
Она всё-то наливатъ да онъ тутъ скоро пьётъ.
Они вы́поили тутъ карапь имъ пива пьяного;
Вси матросицьки у его да всѣ повыпали,
Ай повыпали матросы, опнѣмѣли вси.
Тутъ Идолишшо поганой росьпьенёшенокъ,
Онъ хотѣлъ обнеть своей рукой тотарьскою,
Онъ накинулъ ише руку на бѣлу́ шею;
Ай она-та вѣдь, Марѳа, цють жива сидитъ.
Ай увидялъ Добрынюшка Никитинць младъ,
Ай увидялъ Алёшенька Поповинць младъ;
Они скоро къ ей бѣжатъ въ каюту всё хрустальнюю,
Ай берутъ они Идолишша всё за чорны́ кудри,
За черны́ они кудри да всё за тотарьскіи,
Ай спускаютъ они по шеи саблю вострую,
Отьсѣкаютъ тотарьску ёго голову,
Тутъ спусьтили тотарина вѣдь скоро тутъ,
Да сѣкутъ они ево всё на мелки́ часьти
Да бросаютъ ёго да во сине́ морё;
Прирубили-прибили всѣхъ матросиковъ
Ай сьмёта́ли тотаръ-то въ морё до единого,
Они взели ихны карабли черьнёныя.
Ай приходятъ ко князю ко Владимеру;
Ай стрѣцятъ ихъ князь Владимиръ съ цести, съ радосьти:
Зазвонили у кажной у Божье́й церьквы,
Заслужили въ кажной во Божье́й церьквы.

50.

Князь Глѣбъ Володьевичъ.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Тамъ вѣдь былъ-то жилъ князь да во Новѣградѣ,
Тамъ то жилъ-то вѣдь какъ князь да Глѣбъ Волóдьевичъ.
Онъ задумалъ-то Глѣбъ да сынъ Волóдьёвичь,
Онъ задумалъ всё дѣлышко немалоё,
Онъ немало вѣдь дѣлышко, великоё:
Нагрузить своихъ три чорного три кáрабля
Дорогима всё разныма товарами.
Онъ вѣдь скоро нагрузилъ да чёрны кáрабли;
Потянула-то имъ пóвѣтерь способная,
Ай способна имъ повѣтерь, уносная.
Онъ вѣдь ставилъ на черпёны на три кáрабля
Всихъ онъ разныхъ-то мла́дыхъ карабельщиковъ;
Они—кажной карабельщикъ зналъ всё свой карашь.
Какъ пошли-то вотъ они, скоро отправились,
Да пошли-то они всё за сúнё солонóморё,
Солонó-то всё морё, морё Арапскоё.
Ай во ту-ли пору былó, во то время,
Помѣшалась-то у ихъ да ихна пóвѣтерь,
Пріутихло всё у ихъ вѣтёръ способноё,
Ай вѣдь пали-потянули вѣтры буйныя,
Онъ со вси палъ со чотыре со вси стóроны:
Со востосью-ту палъ вѣдь онъ; со западну,
Онъ со сѣвёрну-ту палъ, вѣдь онъ со лѣтную;
Пали ети вѣтры, всё погда-ли.
Замётало-забросало эти кáрабли
Какъ во ту-ли-то во земьлю во тотарьскую,
Во тотарьскую во земьлю, во Арапськую,
Шьчо ко той-ли къ еретици, ко розбойници,
Шьчо ко той-ли ко Марúнки ко Кайда́ловки.
Она тутъ-то забрала черьнёны-ти вси кáрабли;
Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мосьтили—мостовó брала;
Засадила всихъ у ихъ млады́хъ матросицьковъ,
На волю́ тольке спусьтила трёхъ-то карабельщицьковъ.
Ети ходятъ карабельщицьки да сьлёзно плацютъ же,
Сьлёзно плачутъ то они да думу думаютъ,
Думу думаютъ они, думу единую;
Говорятъ-то они да всё въ одно слово:

„Намъ-то сколькі будётъ этта всё ходить по городу?
Нать писать-то вѣдь князю Глѣбу-ту Волóдьёвичу,
Написать-то вѣдь нать намъ скора грамотка“.
Написали-то они да скору грамотку;
Онъ [1]) вѣдь то ёму пишотъ про товары всё:
„Ишше былі дорогі́ у насъ перцяточки,
Дороги были перцятки ись семи шолковъ;—
Она всё у насъ взяла да всё отóбрала.
Своёму она берётъ эту всё пошлину,
Своёму-то скоплятъ она да золоту казну
Ай тому-ли она другу, другу милому,
Дружку милому даритъ-то она пошлину, любимому,
Ай тому-ли она старой-то старыньшины
Ай по имени она да Ильи Мурамцю,
Ильи Мурамцю она, сыну Ивановичу“.
Тутъ вѣдь всё они да росьписали тутъ,
Описали своёму князю любимому:
„Заморить она вѣдь хоцётъ всё сьмертью́ голодною,
Ище тѣхъ она нашла да [2]) всё матросицьковъ;
Тутъ она-то насъ-то, добрыхъ молодцовъ, не посадила насъ
Хошь не дóсыта она да насъ поúтъ, кормитъ“.
Напимали, посылали всё скорыхъ гонцей,
Ай скорыхъ они гоньцёвъ, шьтобы скорёхонько,
Они тѣхъ-то всё пословъ, да пословъ вѣрныихъ,
Пословъ вѣрныихъ они, всё неизьмѣнныихъ;
Да они вѣдь говорятъ да таковы слова:
„Вы пріѣдите къ ему, князю, скорёхонько,—
Онъ не мѣшкалъ шьчобы́ да князь не день, не два,
Шьчо не день-то онъ, не два, шьчобы не по́лцяса“.
Пріѣжали-то тутъ они скоры́ послы;
Ай во ту вѣдь пору да князь-отъ Глѣбъ Володьёвичъ
Онъ сидитъ-то за столомъ, да сидитъ кушаётъ,
Сидитъ кушатъ за столомъ, сидитъ обѣдаётъ.
Недосугъ-то тутъ князю дообѣдывать;
Приказалъ-то имъ сёдлать да онъ добра́ коня,
Онъ добра́ коня сядлать всё богатырьцького
Хорошо-то онъ велѣлъ коня да учесать да всё угладити;
Онъ двѣнадцеть-ту шелкóвыихъ опружинокъ засьтёгивалъ

---

[1]) Одинъ изъ корабельщиковъ. *Собир.*

[2]) М. б., такъ А. М. Крюкова сократила ради стиха слова: „нашихъ мла́дыхъ“. *Собир.*

Да не ради красы, я ради крѣпосьти,
Для своей-то я для силы богатырьскою;
Приговаривалъ-то князь да Глѣбъ Володьёвичъ:
„Ты, укладъ ты мой не гнись, да ты уборъ не рьвись,
Ты не ржавѣй, не темнѣй да красно золото!“
Поѣжалъ-то онъ скоро, приговаривалъ:
„Ты бѣги, бѣги, скаци скоро́, мой доброй конь,
Ты мой доброй конь, да богатырьской мой“.
Тутъ пріѣхалъ-то князь-отъ Глѣбъ да свѣтъ-Володьёвиць
Онъ ко той-ли еретици, всё безбожници,
Онъ ко той-ли ко Маринки ко Кайда́ловки.
Увидала-то Маринка всё Кайдаловка,
Ишше та всё еретиця, всё безбожниця;
Она зло-то всё несла на Глѣба-та Володьёвича,
Потому она-то нёсла да всё вѣдь думала, —
За ёго-то ей хотѣлось замужъ выйти всё,
Замужъ выйти ей хотѣлось, во супружесьтво.
Пріѣжатъ-то князь да ко её всё къ широку́ двору,
Онъ крыцялъ-то своимъ да зысьнимъ голосомъ,
Зысьнимъ голосомъ своимъ да во всю голову;
Ишше тотъ-ли богатырь-князь всё Глѣбъ да свѣтъ-Володьёвичъ,
Онъ вѣдь тутъ скоро крыцялъ да во второй наконъ:
„Ужъ ты гой еси, ты еретиця, ты безбожниця,
Ужъ ты та-ли Маринка ты Кайдаловка!
Ты подай, подай мои да чёрны ка́рабли,
Ты подай, подай мои товары всѣ вѣдь разныя,
Ты подай-ко-се, Маринка, ты моихъ-то всё матросиковъ,
Подай трёхъ-то ты моихъ же младыхъ карабельщиковъ“.
Я во ту пору Маринка умывайтьце,
Хорошо она да нарежайтьце:
— Ты возьми-ко-се, ты Глѣбъ да всё Володьёвиць,
Ты возьми, возьми меня да всё въ замужесьво;—
Я отдамъ тогда чернёны твои ка́рабли,
Я отдамъ-то трёхъ твоихъ я карабельщиковъ,
Я отдамъ-то всё твоихъ, твоихъ матросиковъ.—
Говорилъ-то тутъ Глѣбъ да сынъ Володьёвичъ:
„Мнѣ нанадоть, еретиця ты, безбожниця,
Ишше та-ли Маринка ты Кайдаловка,—
Не отдамъ тебѣ я цёрны ка́рабли,
Не отдамъ тебѣ младыхъ всё карабельщиковъ“.
— Загану́-то я тебѣ, князь, шесть загадокъ хитромудрыихъ;

Ты отгадашь мои загадки хитромудрыя,—
Я тогда-то я тебѣ да всё отдамъ твоё.—
Говоритъ-то ишше Глѣбъ да сынъ Володьёвичъ:
„Отгану́ твои загадки хитромудрыя;
Говори-ко про загадки, всё мнѣ сказывай“.
— Шьчо перьва́-то загадка хитромудрая:
Ишше краше-то сьвѣту, сьвѣту бѣлого?
Шьчо друга́-та есь загадка хитромудрая:
Ище выше-то лѣсу, лѣсу темного?
Шьчо третья́-та есь загадка хитромудрая:
Бесъ кореньицл она да всё случаитце?
Ай цетьвёрта есь загадка хитромудрая:
Ишше цяшшэ, цяшшэ лѣсу, лѣсу цистого?
Какъ ишше́ вѣдь есь-то пя́та всё загадочка:
Бе-з-амоцьковъ-то ише́ же есь загадоцька?
Да ишше́-то есь у насъ хитра́ загадочка:
Шьчо у васъ-то это есь да на сьвятой Руси?
У тебя, князь, это есь у широка́ двора
Ай стоитъ-то высока́ гора, великая;
На горѣ-то есь вѣдь кипарисъ росьтётъ всё дерево;
Какъ на дереви-то есь да тутъ соко́лъ сидитъ,
Какъ соко́лъ-отъ сидитъ, да онъ висе́мъ сидитъ.—
Говоритъ-то вѣдь ей да князь-отъ всё таки рѣци:
„Ахъ ты, дура, еретиця, всё безбожниця!
Не хитры́ твои загадки хитромудрыя.
Шьчо перьва́-та всё загадка хитромудрая—
Ишше крашше вѣдь сьвѣту красно солнышко;
Ишше вышше-то лѣсу младъ сьвѣтёлъ мѣсець,
Ишше цяшше-то лѣсу зьвѣзды Божьи-ти,
Бесъ кореньиця паду́тъ вѣдь снѣ́жки бѣлыя,
Бе-з-амочковъ-то течу́тъ да рѣчки быстрыя;
А гора-та у насъ есь на сьвятой Руси,
Ай гора-то—мой-то богатырьской доброй конь;
Кипарисно-то деревцё—моё да всё сѣдёлышко,
Ай сѣдёлышко моё да на добро́мъ кони;
Да соко́лъ-то вѣдь сидитъ—вѣдь я же, доброй молодець,
Я вѣдь руськой сильнёй-отъ, могуцёй всё бога́тырь-отъ,
Ишше тотъ-ли я князь да Глѣбъ Воло́дьёвичъ.
Ты отдай теперь мои вѣдь чёрны ка́рабли“.
Отдала она ему скоро-крутёшенько,
Всё крутёшенько она да ёму всё ёго,
Выпускала-то всихъ-то мла́дыхъ карабельшицьковъ,

Выпускала всихъ-то мла́денькихъ матроси́ковъ;
Шьчо сама-то говорила таковы слова;
Какъ стояла на крыльци́ паратномъ всё,
Она кланялась ёму всё до низко́й земли;
„Добро жаловать, ты Гльбъ да сынъ Волóдьёвичъ,
Ты ко мнѣ-то ты въ полаты бѣлокамянны,
Шьчо попить-то ты, поись со мной, покушати!
Хоть ты пейдёшь ко мнѣ да во полатушки,
Ты возьми, возьми у мня хоть золоту́ цярку,
Ты возьми-ко у мня-то, у дѣви́ци-душой красною,
Возьми, душенька-князь да Глѣбъ Волóдьёвичъ!
Мы тогда-то вѣдь съ тобой будёмъ прошшатисе,
Мы тогда же съ тобой будёмъ роставатисе“.
Онъ хотѣлъ-то взеть-то у ей золоту цярку въ бѣлы́ руки;
Тутъ вѣдь доброй ёго конь забилъ въ земью правой ногой,
Онъ сплёскáлъ-то у ево стоканъ въ правóй руки;
Загорѣла тутъ матушка сыра земля,
Загорѣла тутъ грива лошадинная.
Онъ хваталъ скоро́ свою-ту саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то, отрубилъ да у ей голову;
Они вырубили всихъ со старого до малого,
Не оставили они силы́ на сѣмяпа.
Тутъ они-то обирали у ей всё красно золото,
Они собрали у ей, да всё подобрали;
Уходили на сьвяту-ту Русь, да ишше въ Новгóродъ,
Поживать-то они стали всё постарому,
Всё постарому стали, всё попрежному,
Всё попрежному стали, похорошому.

51.

Волхъ Святославьевичъ (Всеславьевичъ).

(Отъ покрученниковъ, приходившихъ въ Золотицу съ Мезенскаго берега).

Ай вѣдь было во городи въ Чернигови,
Ишше былъ тутъ вѣдь жилъ Светославъ-то-свѣтъ,
Не простого-то онъ былъ роду—боярьского.
Ай родилось у ево-то молодой жоны,
Молодой жоны, боярины-то всё большой-то ей [1]),
Да родилсэ у ей да цядо милоё,
Молодой-то у ей Волхъ да Светосла́вьёвичъ;

[1]) Богатырица была.

Онъ родивши-то у ей, какъ-будто громъ сгремѣлъ.
Говоритъ-то тутъ Волхъ да таковы слова:
„Ай родима моя матушка, любимая!
Ай не пе́лёнай ты въ пелёны́ меня въ шолко́выя,
Ай не овивай ты миня въ пояса всё золочоныя;
Надѣвай ты лучше на меня же, моя матушка родимая,
Надѣвай-ко на меня всё латы богатырскія,
Надѣвай-ко на миня-то всё вѣдь шляну-ту всё богатырскую,
Не малу́-ту, не велі́ку шляну—всё во сто пудовъ,
Ты клади-ко, моя матушка родимая,
Ты клади-ко мнѣ-ка въ руку-ту въ праву́ мнѣ паличю цяжолую,
Мнѣ тяжо́лу клади палицю, всё девяносто пудъ,
Да клади ты во лѣву́ мнѣ руку, матушка, да пле́тку шолкову,
Ай клади ты мнѣ-ка матушка, да во мои-ти во рѣзвы́ ноги,
Ты клади мнѣ-ка всё зѣло́ да копьё востроё,
Ай клади ты, матушка, сѣдёлышко клади чиркальскоё.
Ты клади-ко мнѣ всю принадьлежносьть богатырскую.
Я родилсэ отъ боярина, скажу-то, матушка,—я не боярьской сынъ,
Я родилсэ отъ боярина—я богаты́рь сильнёй,
Ише тотъ-ли я Волхъ да Светославьёвичъ“.
Тутъ вѣдь матушка родима ужахну́ласе.
Ише сталъ у ей Волхъ-отъ Светославьёвичъ,
Ише сталъ тутъ у ей да всё осьми годовъ;
Ёго стала учить грамоти сама да ро́дна матушка,
Научила хорошо сво всё къ святой грамоты.
Ище тутъ-то славной Волхъ да Светославьёвичъ
Онъ вѣдь палъ-то на свѣти-то какъ всихъ хитрѣй,
Онъ-то всѣхъ вѣдь палъ хитрѣ́ да изо всѣхъ мудрѣй.
Ише тотъ-ли вѣдь Волхъ да Светославьёвичъ
Овернулсэ-то онъ пе́рьво всё сѣры́мъ волкомъ,
Во второй разъ овернулсэ чорнымъ ворономъ,
Онъ ише́ же овернулсэ яснымъ соколомъ,
Онъ ише́ же овернулсэ-то оле́нёмъ-золоты рога,
Онъ ише́ же обернулсэ горнасталюшкомъ,
Какъ ише́ Волхъ овернулсэ мурашо́мъ малымъ.
Шьчо приходитъ ко родимой своей матушки
Ище тотъ-ли свѣтъ-Волхъ да Святославьёвичъ
Говоритъ то ро́дной матушки да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, матушка моя родимая!
Какъ гремитъ-то про меня слава великая,

Ай велúка-та славушка, немалая".
Ишше сталъ у насъ Волхъ-свѣтъ Светославьёвичъ
Подьбиратьце сталъ годами, сталъ побольше тутъ
Говоритъ-то тутъ Волхъ да Святославьёвичъ:
„Ужъ ты вой еси, родима моя матушка!
Мнѣ-ка шьто то вѣдь, братцы, какъ придумалось
Собирать мнѣ разьвѣ силушку великую;
Собирать-то мнѣ-ка силу надоть съ трёхъ земель,
Мнѣ-ка сь трёхъ надоть земель да сь трёхъ всё гóродовъ".
Собиралъ-то онъ какъ силушку три годицька;
Назьбиралъ-то онъ вѣдь силушки да десеть тысецéй.
Прогремѣла-то, прошла слава великая
Про того-ли шьчо про Волха Святославьёвпча,
Шьчо родилсэ-то когда, то вѣдь взошолъ, скажутъ, свѣтёлъ мѣсець,
Розошлись турки [1]), олени по темнымъ лѣсамъ,—
Шьчо во томъ-ли славномъ городи въ Чернигови
Зародилсэ-то во ту пору, во то время,
Какъ богáтырь-то родилсэ-то могуць-сильнёй
Ище тотъ-ли славной Волхъ да Святославьёвичъ;
Ай родилсэ — на родинахъ будто громъ зьгремѣлъ.
Какъ хотѣла пеленать ево родима-та всё матушка,
Въ пелены-ти пеленать да всё въ шолкóвыя,
Не дозволилъ пелёнать да въ пелёны себя,
Не дозволилъ овивать-то поясами золочоныма;
Какъ дозволилъ славной Волхъ нашъ Светославьёвичъ
Одѣвать ёму родимому [2]) тутъ латы богатырьскія,
Приказалъ полóжить маменьки родимою
На головушку-ту шляпочку всё двѣсьти пудъ,
Ише палицю велѣлъ онъ класьть да девеносто пудъ,
Шьчо во ту велѣлъ во рученьку во правую,
Во лѣвý руку вѣдь плётоцьку шолкóвую,
Онъ вѣдь въ ноги-то велѣлъ вѣдь класьть да какъ зѣлó востро́ копьё,
Онъ велѣлъ-то какъ нагáлишшо съ востры́мъ ножомъ,
Онъ велѣлъ полóжить-то сѣдёлышко черкальскоё,
Онъ велѣлъ всю принадьлежносьть богатырьскую.
Прогремѣла, прошла славушка по всей земли
Про того-ли про славного, могучого богáтыря,

---

[1]) Вмѣсто „туры"; ср. № 24, ст. 1. *Собир.*
[2]) Только-что родившемуся. *Собир.*

Про того прошла слава про Волха Святославьевича;
Докатилась-то, дошла слава великая
До тово-ли до Иньдѣйска славна города,
До тово-ли до царя, царя Иньдѣйськово.
Говорилъ-то вѣдь тутъ да царь Иньдѣйськія:
„Намъ вѣдь надоть наладить оружья-ти всё военныя,
Приготовить надоть намъ вѣдь всё стрѣлы калёныя,
Ай не подошолъ шьтобъ подъ насъ богатырь-отъ пресильнія,
Ише сильней-отъ, могуцёй Святославьёвичъ".
Отправлятце Волхъ да Светославьёвичъ
Со своей-то онъ со силушкой великою
Онъ подъ тотъ-ли подъ городъ Иньдѣйськой-отъ
Ко тому-ли ко князю ко Индѣйському;
Вотъ пошли-то они да тутъ отправились.
Остоялись они да во тёмныхъ лѣсахъ;
Ихъ состыгла-то тутъ всё ночка тёмная;
Заспала-то всё его сила великая;
Тутъ не сьпитъ-то вѣдь Волхъ да Святославьёвичъ.
Овернулсэ онъ ноцью волкомъ сѣрымъ-то.
Овернулсэ онъ олёнемъ златорогіимъ,
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ по лѣсу побѣгивать,
Онъ вѣдь сталъ-то имать да чёрныхъ соболей,
Онъ вѣдь сталъ-то имать всё куници и лисици-ти;
Онъ розьвёртывалсэ опять сильнимъ, могуцимъ всё богатыремъ.
Онъ какъ сталъ-то вѣдь шить да всё куньй шубы,
Онъ куньй-ти шубы шить, всё соболиныя
На свою-ту всё на силу на великую,
Шьтобы въ стужу-ту было имъ теплѣ ходить,—
Да носятъ пушшай всё куньи шубы-то,
Ишше куньи, всё шубы соболиныя.
Тутъ они пошли, поѣхали съ того мѣста;
Пріѣжали недалёко тутъ къ богатому ко городу,
Ко тому-ли къ богатому, къ Индѣи-то,
Ко тому-ту къ царю всё ко Индѣйському
Ай ко той-ли царици-то къ Елены Олёксандровны.
Тутъ овёртывалсэ всё Волхъ-отъ Светославьевичъ,
Овернулсэ-то онъ да чёрнымъ ворономъ,
Полёталъ-то онъ да по тёмнымъ лѣсамъ;
Увидалъ-то онъ богатой городъ всё Индѣю-ту,
Розьвернулсэ онъ тутъ да добрымъ молодцёмъ,
Ише сильнимъ, могуцимъ всё богатырёмъ.

Говоритъ-то вѣдь Волхъ Святославьёвичъ:
„Вы вѣдь стойте-тко, моя сила великая,
Вы останьтесь-ко, моя вы силушка великая:
Овернусь-то я теперь да яснымъ соколомъ,
Полечу, сяду къ царю я на окошоцько,
Я вѣдь всё-то у царя буду выслушивать".
Овернулсэ славной Волхъ да Святославьёвичъ,
Овернулсэ-то онъ да яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ прямо къ царю да на окошоцько.
Говоритъ-то вѣдь тутъ да царь Индѣйскія
Со своей-то онъ съ молодой же со царицою,
Какъ со той со Еленой съ Олёксандровной,
Говоритъ-то царь про Волха Святославьёвича:
„Намъ не падоть ли, царица, запиратьце-то на крѣпки крѣпосьти?"
Говоритъ-то царица-та Елена Олёксандровна:
— Не поминай-ко-се ты, царь, да царь Индѣйскій,
Ты того-ли вѣдь Волха Святославьёвича:
Говорить-то про ево да думать страшно всё;
Онъ родилсэ на святой Руси, тебѣ будётъ противницёкъ.—
Тутъ сказалъ-то молодой да царь Индѣйськія:
Ты не бойсе, не страшись, молода моя царица ты,
Елена ты всё Олёксандровна!
Приналáжоно у насъ-то для ево, всё приготовлёно,
Для того-ли у насъ Волха Святославьёвича
Оружья́ у насъ да со стрѣлáми со калёныма".
Тутъ вѣдь выслушалъ прехитрой-отъ богáтырь нашъ,
Ише тотъ-ли славной Волхъ всё Святославьёвичъ.
Онъ овернулсэ тутъ скоренько горносталюшкомъ,
Вырывалъ-то онъ вѣдь матушку сыру землю,
Попадалъ онъ ко военнымъ славнымъ къ бружьямъ,
Вынималъ-то всё у ихъ стрѣлки калёныя,
Закопалъ, зарылъ во матушку въ сыру землю,
Иступилъ-то, приломалъ востры́ штыки желѣзныя,
Всё зарылъ-то у ихъ, спряталъ въ матушку въ сыру землю.
Увидали тутъ народъ да люди добрыя,
Шьчо идётъ-то силушка великая
Шьчо ко тому-ли царю, царю Индѣйському,
Шьчо ко той-ли ко стѣны́ всё городóвою;
Они стали запирать ту-ту стѣну городóвую;—
Ай на тѣ-ли на предмéты, крѣпки крѣпосьти
Не попасьть будётъ некакому си́льнёму, могучому богáтырю,

Не пролѣсьть-то будётъ Волху горносталюшкомъ!
Овернулсэ онъ скоренько яснымъ соколомъ,
Вылётáлъ онъ черезъ стѣну городовую,
Прилетѣлъ-то онъ къ своей силы великою.
Говоритъ-то всё вѣдь Волхъ да Святославьёвичъ,
Говоритъ-то онъ, скорó да всё росказыватъ:
„Заперьлúсь-то они въ стѣну городовую.
Выходи-тко, моя сúла, изъ бѣлы́хъ шатровъ,
Отыскалъ тольки въ стѣны́ я мѣсто пóлого“.
Ище тольки было тою шшолкой мурашу́ пройти.
Овернулсэ онъ да мурашóмъ скоро [1]),
Овернулъ-то онъ силы десеть тысецéй
Онъ вѣдь всѣхъ-то ихъ вѣдь малыма да мурашóчками;
Онъ во сытѣну-ту зашолъ да самъ вѣдь всихъ провёлъ,
Розьвернулъ тогды свою силу великую,
Ишше самъ-то розьвернулсэ славной Волхъ Святославьёвичъ,
Розьвернулсэ онъ да могущúмъ, сильнимъ богáтырёмъ,
Надѣвалъ-то на себя онъ платьё богатырьскоё,
Надѣвалъ онъ на себя латы желѣзныя,
Принималсэ за цяжóлу свою палицю,
Онъ за ту свою за сабельку за вострую,
Онъ вѣдь зáцялъ тутъ да всё помахивать
Со своей-то со силушкой сь великою;
Какъ избили-то вѣдь всю силу Индѣйськую;
Онъ оставилъ тольки тысечю да красныхъ дѣвушокъ,
Ише тотъ-ли нашъ вѣдь Волхъ да Святославьевичъ.
Какъ замкнулсэ царь съ царицей на крѣпки́ замки;
Онъ стопталъ-то, росьпинáлъ да розьбивалъ у ихъ крѣпки́ замки;
Онъ вѣдь бралъ-то всё царя, царя Индѣйського,
Онъ вѣдь бралъ-то царя да за жолты́ кудри,
Онъ кипáлъ-то вѣдь царя всё о кирпишной мосъ;—
Тутъ славы́ царю поютъ да въ старинáхъ скажутъ.
Самъ вѣдь бралъ-то за себя да всё въ замужесьтво,
Молодую бралъ царицу-ту
Ище ту-ли Елену Олександровну;
Онъ женилъ-то всихъ дородьнихъ этихъ молодцовъ,—
Достáлось-то на кажного по красной всё по дѣвушки.
Населилсэ онъ въ Индѣюшку богатую

---

[1]) Во второй разъ пѣвица пропѣла:
„Овернулсэ-то онъ маленькимъ всё мурашóчикомъ“. *Собир.*

Ише тотъ-ли славной Волхъ да Святославьёвичъ,
Онъ на мѣсто-то насталъ да сталъ царёмъ царить,
Свою силушку заставилъ тоже въ городи Индѣйськомъ жить,
Со своима-ти имъ жить съ жонами съ молодыма всё.
Завладѣлъ-то славной Волхъ всё Святославьёвичъ,
Завладѣлъ онъ всей Индѣюшкой богатою.

52.

Василій Богуславьевичъ.

(Отъ покрученниковъ, приходившихъ въ Золотицу съ Мезенскаго берега).

Ишше было въ славномъ городи въ Новигóроди,
Ай тамъ жилъ-то вѣдь былъ да всё богатой князь,
Ай богатой вѣдь князь всё Богуслáнушко.
Ай была у ево всё молода жона,
Ишше та-ли княгина да Овдотья-свѣтъ Васильёвна.
Ай не славилсэ князь, скóро представилсэ;
Оставалась у ево да всё малá семья,
Всё малá семья, Овдотья всё Васильёвна;
Оставалось у ево всё цядо милоё,
Цядо милоё Василей Богуслáвьёвичъ,
Ишше сталъ-то Василей Богуславьёвичъ,
Ишше сталъ у насъ Василюшко семи годовъ;
Отдала ёго родима ёво матушка,
Отдала ево во школу учить грамоты;
Какъ вѣдь скоро Васпльюшко да научилсэ-то.
Ишше сталъ онъ на улоцьку похаживать;
Онъ дворинськима забавами да забавлянтце,—
Малыхъ дѣточокъ на улки пообúживатъ:
Онъ вѣдь голову возьмётъ, да голова тутъ прочъ;
Онъ вѣдь зá руку, зá ногу—нога тутъ проць.
Онъ вѣдь тутъ, Василей Богослаевичъ,
Онъ вѣдь много убивалъ да малыхъ дѣточокъ.
Говорятъ-то всё многи́ да люди добрыя;
Тутъ вѣдь стали мужики-новогородцы собиратисе,
Они стали къ Овдотьюшки ходить, ругать-ту всё.
Вотъ уходитъ Васильюшко опять на улочку;
Говорятъ-то мужими новогородскія:
„Мы лишимъ-вершúмъ тебя, Василей, съ своей-то буйнóй гóловой,
Отсѣкёмъ у тя по плéць мы бýйну голову!“
Тутъ задумалсэ Василей Богуславьёвичъ;

Онъ пошолъ-то тутъ вѣдь скоро къ ро́дной матушки,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плець.
Говоритъ-то тутъ ёму всё ро́дна матушка,
Ишше та-ли всё вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна:
„Ужъ ты шьчо же, ты моё да цядо милоё,
Молодой ты мой Василей Богуславьёвичъ!
Ты невѐсёлъ-то идёшь, Васпльюшко, ко мнѣ, нерадосьнё?“
— Ужъ ты гой еси, матушка родимая!
Тутъ хотятъ миня ’ зымать-то мужики новогороцьскія,
Отрубить они мою всё буйну голову.—
Говорила ёму матушка родимая,
Ишше та вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна:
„Ужъ ты гой еси, моё да чадо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимоё,
Молодой ты мой Василей Богуславьёвичъ!
Собирай себѣ дружиночку всё храбрую,
Выбирай себѣ дружиноцьку проти́въ собя,
А противъ себя дружинушку, хоробрую“.
Говорилъ-то ей Василій Богуславьёвичъ:
—Соберу-ту я пиръ на широко́мъ двори,
Я налью-то вѣдь цяру зелёна́ вина́,
Зелёна́-та ви́на цяру полтора ведра.—
Наливатъ скоро чарочку-ту зелёна́ вина,
Зелёна вина цяру полтора ведра;
Самъ садитце во полату бѣлокамянну
Ай на тотъ-ли онъ на стулъ всё рыта бархата,
Онъ вѣдь пишётъ ёрлыцьки да скорописцяты,
Отсылаётъ ёрлыки да всё по городу,
Собирались-то дружиноцька штобы хоробрая.
Тутъ приходитъ къ ёму да на широкой дворъ,
Во перьвы́хъ-то приходитъ къ ему Потанюшка всё Хроменькой;
Тутъ-то бралъ Потанюшка цярочку лѣво́й рукой [1]),
Выпиваётъ ету цярочку онъ на еди́ной духъ.
Тутъ вѣдь бралъ-то Василей Богуславьёвичъ,
Онъ вѣдь бралъ-то въ свои руки богатырьскія,
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ да всё какъ чёрной вязъ,
Онъ вѣдь хлопалъ-клёска́лъ вязо́мъ Потанюшку да по рѣзвы́мъ ногамъ;

---

[1]) Онъ (Василій) ищё сказалъ, штобы—лѣво́й рукой могутъ ли кто чару это здыня́ть?

Ай Потанюшка стоитъ, стоитъ, не трéхнитце,
Онъ не трéхнитце стоитъ да не зворóнитцö.
Тутъ какъ бралъ его Василей Богуславьёвичъ
За правý-ту его да всё за рученьку:
„Приходи-ко-се, Потанюшка ты Хроменькой,
Приходи въ мои полаты бѣлокамянны;
Ужъ ты будь мнѣ-ка дружиночкой хороброю;
Ай садись ты за мои-ти дубовы́ столы,
Ты за тѣ садись за скатерьти за браныя,
Ты за тѣ садись за ѣсвы за сахáрныя,
Ужъ ты пей-ко, ты ѣшь да всё ты кушай-ко".
Самъ пошолъ-то опять да на широкой дворъ,
Наливаётъ опять цярку полтора ведра,
Полтора-та ведра да зелёна́ вина.
Тутъ идётъ опять къ ёму всё на широкой дворъ,
Тутъ идётъ-то всё дружина къ ёму храбрая,
Ай идётъ-то по имени Косьтя новоторженинъ;
Онъ берётъ-то ету цярочку лѣвóй рукой,
Выпивалъ-то ету чарочку всё на единой духъ.
Тутъ хваталъ-то Василей Богуславьёвичъ,
Онъ хваталъ-то въ бѣлы руки богатырьскія
Съ широка-то двора да всё онъ чёрной вязъ,
Опъ ударилъ Косьтю всё по буйной ево гóловы;
Ай стоитъ-то вѣдь Косьтя, не думаётъ [1]).
Говоритъ-то Василей Богуславьевичъ:
„Ужъ ты гой еси, Косьтя новоторженинъ,
Ужъ ты будь мнѣ-ка дружиночкой хороброю,
Проходи въ мои полаты бѣлокамянны,
Пей ты, ѣшь у меня садись-ко, кушай-ко,
За мои-ти столы садись дубовыя,
Ты за скатерьти да всё за браныя,
Всё за ѣсвы за мои да за сахáрныя".
Тутъ проходитъ Косьтя новоторженинъ;
Оставантьце Василей на широкóмъ двори;
Наполняётъ-наливаётъ чарочку опеть онъ зелены́мъ виномъ.
Тутъ приходитъ опеть къ ему дружиночка всё храбрая,
Ище тотъ-ли Данилушко сутулъ, горбатъ,
Онъ сутулъ, онъ горбатъ, всё наперёдъ поклонъ,
Выпивалъ опъ цяроцьку всё на единой духъ.
Онъ того Василей Богуславьёвичъ

[1]) Небóлько кажетъ.

Онъ не пробуётъ сво всё могучо́й силы,
Онъ не билъ, не пробовалъ да всё чорны́мъ вязомъ:
„Проходи ты ко мнѣ, Данилушко, въ полаты бѣлокамянны,
Ужъ ты будь мнѣ-ка дружиночкой хороброю,
Ты попей поди, поѣшь у мня, покушай-ко,
Ты садись-ко за мои-ти дубовы́ столы,
Шьчо за браны за мои-ти бѣлы скатерти,
Ужъ ты пей-ко, ѣшь да у мня кушай-ко
Ты какъ тѣ-ли мои ѣсвы саха́рныя“.
Тутъ услышилъ Василей Богуславьёвичъ,
Шьчо збираитьце у князя-та новогородцького,
Собираитьце пиръ да всё на весь вѣдь міръ:
Шьчо на тѣхъ-ли на князей всё на богатыихъ,
Да на тѣхъ-ли мужиковъ новогородськіихъ,
Собирастъ пиръ да всё судить-то, да они всё присуживать
Ай того-ли Василюшка да Богусла́вьёвича [1]).
Да услышалъ про это богаты́рь нашъ всё пресильнёй-отъ,
Да могуцёй богаты́рь нашъ доброй молодець,
Ешше тотъ-ли свѣтъ-Василюшко нашъ Богусла́вьёвичъ.
Всё на пиръ-то вѣдь Василья тутъ не по́звали.
Говоритъ-то Василей Богуславьёвичъ
Онъ своей-то всё роднмой своей матушки,
Онъ-ли той-ли Овдотьи-свѣтъ Васи́льёвны:
„Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,
Пожила вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна!
Я пойду развѣ ко князю на почёсёнъ пиръ,
Поведу-ту я свою дружинушку хоробрую“.
Говоритъ-то Василью ро́дна матушка:
— Ужъ ты гой еси, Василей Богуславьёвичъ!
Ишше какъ ты пойдёшь, дакъ ты вѣдь нёзванъ-то:
Шьчо незва́ному, Василюшко, скажу тебѣ, вѣдь госьтю всё
вѣдь мѣста нѣтъ.—
Тутъ не слушатъ Василей Богуславьёвичъ,
Онъ не слушатъ родиму свою матушку;
Онъ вѣдь скоро тутъ да наряжаитце
Со своей-то онъ дружиночкой со храброю,
Со трёма́-ти вѣдь со руськима могуцима бога́тырями:
Со перьвы́мъ-то со Потанюшкой со Хроменькимъ,
Со вторымъ-то со Косьтей съ новоторженипомъ,
Со третьи́мъ-то со Данилушкомъ съ Горбатенькимъ;

---

[1]) Набилъ, вишь, ребятъ.

Они скоро пошли-то всё ко князю-ту новогородському [1]).
Какъ вѣдь тутъ они пришли-то тутъ скорёхонько;
Онъ вѣдь не спрашиватъ Васильюшко всё Богославьёвичъ
Онъ у двёрей-то да всё придверьницьковъ,
У воротъ-то да всё вѣдь приворотьницьковъ,
Онъ заходитъ въ полаты княженеськія,
Онъ вѣдь кланеитце князю всё новогородскому;
Онъ заноситъ свою-ту ножку правую
Черезъ ту-ли скамейку бѣлодубову,
Онъ садитце-то скоро за дубовой столъ,
Онъ садитъ свою дружиначку хоробрую;
Упѣхалъ-то изъ-за стола многихъ людей добрыихъ,
Ише тѣхъ-ли мужиковъ новогороцькіихъ,
Онъ выпѣхивалъ ихъ всё на новы сѣни.
Тутъ народъ-отъ, люди добры испугалисе,
По домамъ-то охъ [2]) вѣдь много розьбѣгалосе
Да назадь опеть на пиръ да собиралисе;
Они стали сидѣть, да всё посиживать,
Во сьмиреньици сидятъ да всё какъ пьютъ, ѣдятъ.
Говоритъ-то тутъ князь новогородцькія:
„Ужъ вы што-то сидите, да вы богатыри,
Вы не цимъ, сидите, у мня не хвастаите“?
Говоритъ-то тутъ Косьтя новоторженинъ:
— Ужъ и тѣмъ-то разьвѣ я похвастаю:
Я остался всё отъ батюшка родимого,
Я остался отъ батюшка малёхонёкъ,
Я малёхонёкъ остался, зеленёхонёкъ.—
Воспроговоритъ Василей Богуславьёвиць:
— Я ужъ тѣмъ-то разьвѣ я похвастаю:
О своей-то я о буйной о головушки,
Я ударюсь съ вами, мужики новогородьскія,
Ай ударюсь я съ вами о великъ залогъ,
О великъ-то я залогъ — свою богатырьску-ту-ли я о буйну голову,—
Пробиваю я свою вамъ буйну голову.—
Говорятъ-то мужики новогородскія:
„Мы по утру-ту стапёмъ, утру раннему,—
Привести тибя, Василей Богуславьёвичъ,
Привести тибя шьчобы памъ ко Нѣпрѣ-рѣки;

---

[1]) Имя тяжолое — не помню.
[2]) Вмѣсто „ихъ“? *Собир.*

Приведёмъ тебя да мы къ Нѣпрé-рѣки,
Къ тому-то мы мосту, мосту дубовому,
Отсѣкёмъ у тя по плець-то богатырьску буйну голову.
Ты не будёшь убивать-то всё многи́хъ хоть людей добрыхъ".
Тутъ пошолъ-то скоро со пиру́ Васильюшко,
Ай вѣдь тотъ у насъ Василей Богуславьёвичъ,
Онъ повѣсилъ-то свою-ту буйну голову,
Ай повѣсилъ головушку съ могущихъ плець,
Запечалилсэ, пошолъ, самъ закручинилсэ.
Ай приходитъ къ родимой своей матушки,
Ай ко той-ли Авдотьи-свѣтъ Васильевны
Со своей-то зъ дружиноцькой съ хороброю.
Говоритъ-то ёму всё ро́дна матушка:
„Ужъ ты шьто-же, ты моё да цядо милоё,
Цядо милоё моё, цядо любимоё,
Молодой ты мой Василій Богуславьёвичъ!
Ты вѣдь шьчо у мня пришолъ всё запечалилсэ?"
— Ужъ ты гой еси, матушка родимая
А по имени Овдотья-свѣтъ Васильёвна!
Ишше какъ то мнѣ-ка не печалитьце?
Я ударилсэ вѣдь на пиру-ту всё
Я сь тима́-то съ мужиками всё новогородьскима,
Я пробилъ-то имъ свою-ту богатырьску голову:
Увести хотятъ меня да ко Нѣпрé-рѣки,
Ко тому-ли всё миня мосту дубовому,
Отрубить хотять, отсѣкци всё мою-ту богатырьску буйну голову.

Посадила ёго матушка родимая
Да во ту-ли ёго клѣтку во желѣзную,
Шьчо за тѣ ёво замки крѣпки заморьскія,
За заморьскія замоцьки за желѣзныя,
Припирала-то ёго ишше черны́мъ вязомъ.
Какъ вѣдь тутъ-то пришло-то утро ранноё;
Приходили мужики новогородьскія,
Тутъ вѣдь собирались мужики новогородьскія
Ко Васильюшкову всё къ широку́ двору:
„Выходи-ко ты, Василей Богуславьёвиць!
Поведёмъ мы тебя къ матушки къ Нѣпрé-рѣки,
Ко тому мы тебя мо́сту ко дубовому:
Намъ охвота всё отсѣкци-то твоя-та буйна голова,
Богатырьска-та твоя да всё головушка".
Тутъ Василей сынъ Богуславьёвиць

Онъ вѣдь крѣпко спитъ своимъ сномъ богатырьскімъ.
Шьчо пошло-то то вѣдь время на другій сутки;
Тутъ вѣдь онъ всё спитъ, не пробужаитце.
Тутъ ёго-то всё родима ёго матушка,
Ише та вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна
Тутъ берётъ-то, насыпаетъ она мису красна золота,
Шьчо другу-ту насыпаётъ циста сéребра,
Да третью-ту насыпаетъ скатна жемцюгу,
Да пошла она вѣдь всё къ князю съ подарками.
Шьчо приходитъ ко князю-ту новогорочкому;
Не примаетъ вѣдь князь оть ей подарочёкъ:
„Не беру вѣдь у тебя я красна золота,
Не возьму я у тебя да чи́сто сéребро,
Мнѣ ненадобно твой да всё скатно́й жемцю́гъ;
Мнѣ подай тольки своёго ты сына̀ любимого,
Молодого мнѣ Василья Богусла́вьёвича“.
Какъ пошла-то бѣдна вдовушка, слезно́ росплакалась.
Какъ приходитъ она да на чисто́ полё,
Роскина́ла-розбросала злато, сéребро,
Россыпа́ла она свой да дорогой женцю́гъ
По тому-ли она по по́лю чистому,
Шьчо сама-та говорила таковы рѣци:
„Мнѣ не дорого теперь да красно золото,
Мнѣ не дорого теперь мнѣ цисто сéребро,
Не желѣю я теперь да скатна жемцюга,—
Дорого́ у мня моё мнѣ цядо милоё:
Мнѣ-ка жаль ёго ухватки богатырьскою,
Мнѣ-ка жаль его уда́лой буйной го́ловы,
Мнѣ-ка жаль-то вѣдь рожо́ного мнѣ дитятка,
Молодого всё Василья-та да Богуславьёвича!“
Какъ приходитъ она всё на широкой дворъ,—
На широко́мъ-то двори вѣдь ходятъ по колѣнъ въ крови.
Поступила тутъ ево дружиночка хоробрая,
Они бьютъ всё мужиковъ новогородскіихъ;
Тутъ нашло вѣдь мужиковъ всё перева́лами:
„Мы зайдёмъ вѣдь ко Васильюшку да Богуславьёвичу,
Мы зайдёмъ скоро́ къ ёму мы на широкой дворъ,
Оберёмъ мы у ево да да злато, сéребро,
Отьсѣкёмъ мы у ево да буйну го́лову“.
Услыхали тутъ ихъ красны дѣвушки,
Молоды́-ти вѣдь всё ихны кухароцьки,
Ише ти-ли Васи́льёвы всё портомойници—

Полоскали Васильюшковы всё бѣлы́, тонки́ рубашоцьки;
Какъ котора на Васильюшка стирала-то рубашоцьки,
Какъ хватила она всё корымысло тутъ,
Она стала коромысломъ всё пошалкивать,—
Шьчо убила она силушки да цѐлу сотню-ту,
Ай Потанюшка убилъ да до пети онъ сотъ,
Ише Косьтя новоторженинъ убилъ да до шести же сотъ,
Ай Данилушко убилъ да цѐлу тысецю.
Ай бѣжитъ-то тутъ Васильюшкова портомойница;
Тутъ откинула отъ двéрей она чёрной вязъ,
Отомкнула-то замоцьки-ти скоро́ заморьскія,
Отпирала она клѣть крѣпку желѣзную,
Говоритъ она сама да слéзно плачитце:
„Ужъ ты сла́дка, ты сналúвна наша ягодка,
Молодой ты нашъ хозяинъ, свѣтъ-Василей Богуславьевиць!
Шьчо ты долго у насъ спишь, ты не пробудисьсе,—
Ужъ ты спишь у насъ, Василей, трои сутоцьки!
Шьчо твоя-та вѣдь дружиночка хоробрая
Они бродятъ на широкóмъ двори въ крови-то до колѣней все“.
Тутъ ставалъ скоро́ Василей Богуславьевичъ
На свои-ти онъ на ножицьки на богатырьскія,
Тутъ хваталъ-то всё Василей Богуславьёвичъ
Во свои-ти бѣлы руцюшки да въ богатырьскія,
Онъ хваталъ-то, всё вѣдь бралъ да тутъ вѣдь цёрной вязъ,
Онъ вѣдь сталъ-то всё вязомъ да тѣмъ поигрывать,
Какъ народа, людей добрыхъ сталъ вязомъ чёрны́мъ пошалкивать:
Онъ на праву-ту руку махнётъ—свали́тце улица,
Онъ на лѣву отмахнётъ—всё переулками;
Онъ прибилъ-то силу всю новогородьскую.
Онъ приходитъ тутъ да ко Нѣпре́, къ рѣки;—
Больше бить-то вѣдь Василью стало некого.
У Нѣпре-то, у рѣки-то былъ да всё дубовой мостъ;
Тутъ стрѣцялсэ Василью на мосту-ту всё ему вѣдь тутъ,
Ишше тотъ-ли стрѣтилсэ-то ёму крести́овой ёго бра́тёлко.
Говоритъ ёму Василей Богуславьёвичъ:
„Тебя цёртъ вѣдь то несётъ, брата крестового!
Ты идешь во ту пору, когды ненадобно:
Мы играмъ-то вѣдь севодьне головами всё,
Не жалѣмъ своихъ головушокъ мы богатырьскіихъ“.
Говоритъ ёму крестовой ёго братёлко:
— Молодой ты знать Василей Богуславьёвичъ!

Ты порато со мной шибко зашибаньсе.
Ты училсэ-то когды ты въ школѣ грамотѣ,
Надъ тобой-то, кажись, былъ тогды большимъ вѣдь я,
Ты, Василей Богославьевиць, ты былъ тогды да всё меньшимъ ты мнѣ;
Я училъ тебя ко грамотѣ господьнёю.—
Во рукахъ несётъ крестовой его брателко
Ише ту-ли шепалыгу подорожную,
Шепалыга подорожна будётъ всё вѣдь двѣсьти пудъ;
Онъ ударилъ Василью въ буйну голову
Онъ вѣдь той-ли шепалугой подорожною [1]).
Ай вѣдь тутъ-то богатырьскоё серьцо розгорѣлосе;
Какъ хваталъ-то вѣдь Василей Богуславьёвичъ
Шепалыгу у ево да всё лѣвой рукой,
Вырывалъ изъ рукъ у брателка крестового;
Онъ ударилъ тутъ братёлка по буйной головы.
Тутъ славы-ти поютъ вѣдь брателку крестовому,
Шьчо славы ёму поютъ, во многихъ старинахъ скажутъ [2]).
Подошолъ опять по мосту по дубовому;
Тутъ идётъ ёму настрѣту хрёсной ёго батюшко,
Хрёсной батюшко ево да свѣтъ-Дивяшшю.
Ай онъ говоритъ Василей Богуславьёвичъ:
„Тебя чортъ-отъ несётъ, да хрёсной ты мой батюшко,
Водяной тебя несётъ да всё не во время!“
Говорилъ ёму крестовой ёго батюшко:
— Молодой, ишше Василей Богуславьёвичъ!
Не по собѣ-то ты теперь да дѣло дѣлаёшь.—
Говоритъ-то Василей Богославьёвичъ:
„Ужъ ты гой еси, родимой хрёсной батюшко!
Я севодьне играю головами всё мужицьима,
Всё мужицьима играю я, новогороцькима,
Не пропускаю головы и богатырьскою“.
У ево-то всё у хрёсного да отца-батюшка
Ай на головы надѣтъ намѣсто шляпы большой колоколъ,
А потянётъ этотъ колоколъ пудовъ о тысецю [3]).
Какъ въ руки-то языкъ да всё петьсотъ пудовъ.
Поглядѣлъ-то тутъ Василей-отъ на крестового на батюшка;
Онъ ударилъ ёго шепалыгой-то по этому по колоколу,—
Розьлетѣлсэ вѣдь колоколъ на мелки дребезги,

[1]) На дорогу эдаку взялъ!
[2]) Врака, всё-таки въ одной!
[3]) Пѣвица слышала также „о десеть сотъ“.

Тутъ прошла-то шепалыга-та его всё буйну голову.
„Ай убилъ я вѣдь, вѣрно, хрестового же отця, хрёсного!“
Ай крестового-то братёлка-та ишше мёртвого попи́ныватъ.
Тутъ приходятъ къ Овдотьи всё къ Васильёвны
Ише ти-ли женьшины новогородьскія
Подъ косисцято къ ей да подъ окошоцько [1]).
Услыхалъ скоро́ Василей Богуславьёвичъ,
Онъ вѣдь ско́ро оврашáлсэ къ ро́дной матушки,
Ище къ той-ли къ Овдотьи-свѣтъ къ Васильёвны.
Какъ налимъ-то кругъ вѣдь камешка всё овиваитьце,
Какъ Василей Богославьевичъ къ матушки вѣдь всё онъ ла́шшитце;
Онъ вѣдь падатъ своей матушки въ рѣзвы́ ноги,
Онъ-то проситъ у ей родительска благословленьиця:
„Ужъ-ты дай-ко мнѣ-ка, матушка родимая,
Мнѣ-ка дай-ко ты родительско благословленьицё
Мнѣ-ка сьѣздить-то, матушка, въ Ерусалимъ всё градъ:
Я вѣдь нагрѣшилъ я много хоть со малыхъ лѣтъ,
Убивалъ много народу православного,
Убивалъ много хресьяньскихъ малыхъ дѣтушокъ,
Убилъ-то я своёго хрёсна батюшка,
Я убилъ-то крестового своёго брателка,—
Ише хрёсному моёму былъ родимой сынъ.
Мнѣ-ка надобно въ грѣхахъ да попрошшатисе,
Ко сьвя́той-то мнѣ святыни помолитисе,
Ко сьвятымъ мошшамъ нетлѣнымъ приложитисе,
Бо Ерданъ мнѣ-ка рѣки́ да окупатисе;
Мнѣ увидѣть вѣдь надоть свято озёро,
Откуль выпала матушка Ерданъ-рѣка,
Мнѣ сходить-то нать вѣдь, сьѣзьдить на́ сьвяту гору,
Пріобразилсэ, на гору́-ту, гдѣ Исусъ Христосъ,
Гдѣ Исусъ-оть Христосъ да гдѣ небесной царь:
Тамъ вѣдь есь-то, скажутъ, стоитъ церьква́ соборная,
Тамъ соборная церьква́ всё Пріображеньская,
А двѣнадцеть есь престоловъ тутъ, двѣнадцеть крылосовъ;
Тамъ вѣдь есь-то, скажутъ, камень Ла́тырь есь,
Ишше Латырь-отъ камень-отъ святой-отъ всё:
Установилъ-то нашъ Исусъ Христосъ, небесной царь,

---

1) Здѣсь сказательница прервала пѣніе и стала разсказывать о томъ, что населеніе Золотицы вышло изъ Новгорода; когда она снова стала пѣть, то, вѣроятно, позабыла на чемъ остановилась, и потому пропустила то мѣсто, какъ женщины упросили Авдотью унять сына. *Собир.*

Шьчо на томъ-то ка́мню вѣру православную,
Написалъ-то онъ на томъ камню́ всё книгу Голубинную
Со двѣнадцетью онъ всё вѣдь со апостолами".
Говоритъ ёму родима ёго матушка:
— Ты пойдёшь токо, моё ты пядо милоё,
Молодой же мой Василей Богуславьевичъ,
Ты пойдёшь токо на дѣло на хорошоё,—
Я вѣдь дамъ тебѣ крѣпко́ родительско благословленьицё;
Изьмѣни́шь токо, Василей Богуславьевиць,
Ты 'зьмѣни́шь токо своё да слово крѣпкоё,
То́ко будёшь кого бить-то по дороги православного,—
Бога́тыря ты, хошь и не бога́тыря,
Не неси-то тебя матушка тогда сыра земля! —
Она скоро благословила своёго тутъ пяда милого;
Они скоро вѣдь поѣхали да на чернёныхъ ка́рабляхъ.
Они шли-то тутъ времени немало жо:
Ай вѣдь шли они времени околъ мѣсеця.
Ай пришли-то они ко Ерусалиму-ту, къ святу́ граду;
Да завидялъ-то Васильюшко всё силу бусурманьскую,—
А стоитъ-то силушка подъ Ерусалимомъ всё подъ городомъ
Онъ не билъ-то этой силушки да бусурманьскою.
Онъ доходитъ, доступаетъ по своимъ дѣламъ,
По своимъ-то по дѣламъ—Богу молитисе,
Шьчо во тотъ-ли светой въ Ерусалимъ онъ градъ;
Онъ сьвятой-то всё сьвятыни-то всё мо́литьце,
Во тяжки́хъ-то онъ грѣхахъ Богу прошшаньтьце,
Ко святымъ мошшамъ нетлѣпнымъ всё прило́жилсэ,
Заказны́ поётъ обѣдьни съ панафидами,
Съ панафидами, всё со молебнами:
Поминатъ своёго онъ родного батюшка,
Молитъ Бога за свою-ту родну матушку,
За себя-то онъ всё за Василья Богославьёвича,—
Онъ даватъ-то всё отцамъ, попамъ соборнымъ,
Онъ несчётно-то даватъ да золоту казну;
Онъ вѣдь молитъ за дружинушку хоробрую,—
Онъ несцётно же даватъ да золотой казны.
Ай отправились они всё ко Ёрданъ-рѣки,
Ко Ердапъ-то ко рѣки, ко Льбину-ту [1] святому озеру
Какъ вѣдь тутъ-то стали во Ерданъ-рѣки купатисе
Со своей-то онъ съ хороброю дружиноцькой.

[1] Пѣвица слышала также „ко Львину-ту"; ср. № 53, ст. 84. *Собир.*

Говорила ёму-ту ро́дна матушка:
„Не купайсе ты, Василей Богославьёвичъ,
Не купайсе-ко нагимъ во матушки Ерданъ-рѣки:
Только на́гимъ-то купалсэ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ Христосъ купалсэ, нашъ небесной царь".
Не послушалъ онъ паказу ро́дной матушки,
Ишше той вдовы Овдотьи всё Васильёвны,
Окупалсэ онъ въ Ёрданъ-рѣки нагимъ-то всё,
Шьто нагимъ-то окупалсэ, безъ рубашоцьки;
Какъ ёго-то всё дружиночка хоробрая
Окупались-то они да всё въ рубашоцькахъ.
Ай пѣхали они ко каменю ко Ла́тырю,—
Ай лёжитъ-то голова всё богатырьская;
Онъ вѣдь бралъ-то эту голову попинывалъ,
Онъ вѣдь сталъ-то эту голову побрасывать;
Говоритъ-то голова всё богатырьская:
„Не пинай меня ты, Васильюшко всё Богуславьёвиць,
Не пинай ты мою голову всё богатырьскую!
А не перескоцить тебѣ будетъ черезъ Латы́нь-камень:
Ты перво́й-отъ разъ, Василей Богославьёвичъ,
Перескоцишь черезъ камень во перво́й наконъ,
Перескоцишь черезъ камень во второй наконъ;
Не перескоцить тебѣ пакону тре́тьёго,—
Ты убьёсьсе, Васильюшко, о этотъ ка́мешокъ;
Не бывать-то тебѣ будётъ, Василей Богославьёвичъ,
Не бывати тебѣ будётъ-то вѣдь на сьвятой горы,
Шьчо во той тебѣ во церьквы всё Преображеньскою,
Не видать тебѣ ужъ той будётъ церьквы́ соборною,
Тебѣ соборною церьквы, богомольнёю,
Не видать тебѣ будётъ двѣнадцеть всё престоловъ всѣхъ,
Не видать будетъ, Василей ты да Богуславьёвичъ,
Ай двѣнадцеть-то тебѣ престоловъ-то, двѣнадцеть крылосовъ".
Говоритъ тутъ Василей таковы слова:
— Ай ты крѣпко спишь—тебѣ всё во сняхъ видитце!—
Перескоцилъ перьвой разъ Василей Богуславьёвиць,
Перескоцилъ Васильюшко чересъ камень во второй наконъ,
Ай въ третей-отъ наконъ упалъ о этотъ Ла́тырь, всё о камень-отъ,
Онъ убилсэ тутъ да всё до смерти-то,
Ай убилсэ нашъ Василей Богославьёвичъ.
Ишше тутъ Васильюшку славы́ поютъ,
Шьчо славы́ ёму поютъ да старины́ скажутъ.

53.

Голубинная книга [1].

(Отъ покойной сосѣдки Маріи Ларіоновны, которая жила въ келіяхъ Онуфріевскаго скита; слышала и отъ покрученниковъ съ Мезенскаго берега).

Находила-то тутъ всё туня тёмная,
Туця тёмна находила, туця грозная
Ай со ту-ли со востоцыю со стороноцьку;
Ай вѣдь посередь-то было поля чистого,
Выпадала-то тутъ книга Голубинная.
Ай съѣзжалось къ этой книги Голубинною
Ише сорокъ царей, сорокъ царевицей,
Ише сорокъ князьей, сорокъ князьёвицей,
Ише сорокъ королей, всё королевицей,
Ише сорокъ архиреёвъ всё съ митрополитами,
Ише сорокъ протопоповъ-то съ попами всё;
Ай съѣжалось-то вси могуціи богáтыри,
Ише вси-ти руськи вси могуціи богáтыри,
Ай народа православного да числа-смéту нѣтъ.
Ай подходитъ къ этой книги Голубинною,
Ай подходитъ вѣдь нашъ всё православной царь,
Православной нашъ царь Давыдъ Евсéёвичь;
Опъ вѣдь самъ-то говоритъ да таковы рѣчи:
„Какъ вѣдь дайсе мнѣ, книга Голубинная!
Ишше я-то—царь, да надъ царéми царь“.
Передъ имъ [2] всё книга, свѣтýй, даваитьце,
Да ёму-ту, свѣту, книга открывайтьце.
Ета книга-та вѣдь Голубина зъ долинý-ту сорока локóтъ,
Въ ширину-ту будетъ книга двадцети локóтъ [3].
Говоритъ тутъ премудрой царь Давыдъ Евсеёвичъ:
„На налой-то эта книга не уложитце,
Во рукахъ-то эту книгу мнѣ не удёржать будётъ.
Шьчо циталъ я эту книгу рáвно три года,—
Процталъ я эту книгу тольки три листа“.
Пріѣжаетъ къ ёму да всё премудрой царь,
Всё премудрой къ ёму царь да всё Владимеръ-отъ Владимеровичь:

---

[1]) А. М. Крюкова говорила, что Г. книга „поётьце на стариньской голосъ“; А. Т. Голубина прямо называла ее стариной (см. списокъ сказателей, стр. 23). *Собир.*

[2]) Вмѣсто „ему“. *Собир.*

[3]) Пѣвица слышала также „двадцети пети сажóнъ“. *Собир.*

„Ужъ ты гой еси же, царь Давыдъ Евсеёвиць!
Росскажи-ко мнѣ про книгу Голубинную:
Отцёго-то вѣдь зацялсэ ишше бѣлой свѣтъ,
Отцёго-то зацялось да красно солнышко,
Отцёго же да зацялсэ младъ сьвѣтёлъ мѣсець,
Отцёго же тутъ зацялись зо́ря у́тряна,
Отцёго же зацели́сь да звѣзды частыя,
Отцёго-то зацели́сь да всё царевици,
Отцёго-то зацелись да цари православныя,
Отцёго-то зацелись да князья вѣдь, дѣти княженецькія,
Отцёго же зацелись да народъ-отъ, всѣ да люди добрыя;
Отцёго-то зацялась-то въ цёловѣки кровь горячая,
Отцёго-то зацелись да косьти крѣпкія,
Отцёго же зацелась да матушка Ёрданъ-рѣка,
Исъ какого она озера повышала,
Отцёго же зацялась да всё Офракъ [1])-гора,
Отцёго же названо-то вѣдь плаку́нь-трава,
Отцёго же вѣдь названо вѣдь славно Окіянъ-морё?“
Говоритъ-то тутъ премудрой царь Давыдъ Евсеёвиць:
— Не могу-то я тебѣ, Владимиръ ты же царь да всё Владимировичъ,
Не могу-ту я тебѣ да процитать книги:
Я бы процталъ вѣдь только книги три листа;
Я скажу-то тебѣ, по своей скажу по памети,
Я скажу-то тебѣ, скажу-повѣдаю.
Шьчо зацялсэ у насъ да всё какъ бѣлой сьвѣтъ,
Отъ Судьбы-то всё зацялсэ, отъ Бога, царя небесного;
Ай какъ за́цялось у насъ да красно солнышко
Отъ лиця-та отъ его, царя небесного;
Зацялось-то у насъ да младъ сьвѣтёлъ мѣсець
Отъ грудей-то отъ его, царя небесного;
Зацелись-то у насъ всё зори утряны
Отъ оцей-то его, царя небесного;
Ишше мелки-ти звѣзды всё отъ ризъ его,
А цари-ти православны и царевици
Зацелись-то отъ святой главы Адамовой,
А князья-ти зацелись, всё княже́ници
Оть его-то-ли мошшей всё отъ Адамовыхъ,
Ай пародъ-отъ зацелись всё православныя
Отъ его-ли колѣна отъ Адамія;
Ай горе́ця-та кровь изъ моря Чёрнаго,

[1]) Пѣвица слышала также „Фарафо́нъ“ и „свята́“. *Собир.*

Ай въ целовѣки крѣпки косьти всё отъ каменя,—
Ай на томъ камню вѣдь пребразилсэ нашъ Исусъ Христосъ,
Ай Исусъ всё Христосъ, да всё небесной царь,
Утьвердилъ-то онъ тутъ да косьти крѣпкія,
Написалъ-то на камню всё книгу Голубиную,
Онъ спускалъ-то эту книгу на сыру землю;
Зацѐлись-то дожжи цясты всё отъ слёзъ ёго,
Отъ того вѣдь отъ царя да всё небесного,
Отъ прецистой матери всё Божьей, Богородици;
Ай плакунъ-отъ трава—вѣдь всѣмъ трава́мъ трава,—
Ише слёзы-то царици всё небесныя:
Она плацётъ-то всё объ насъ, о грѣшникахъ
Да умаливатъ-то своёго сына пречистого,
Да Исуса-та Христа, царя небесного.
Какъ вѣдь Львино [1]) озёро всимъ озёрамъ оно озёро;
Потому-то оно названо-то это озёро,—
Выпадала изь ёго всё матушка Ерданъ-рѣка.
А Ерданъ-отъ рѣка вѣдь всѣмъ рѣкамъ рѣка;
Потому она да всимъ рѣкамъ рѣка,
Шьчо крестилсэ вѣдь въ ей самъ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ вѣдь Христосъ, да нашъ небесной царь.
А какъ Окіянъ-то вѣдь морё всѣмъ морямъ морё.—
„Поцему-то оно было названо?“
— Потому оно да было названо,
Шьчо вѣдь мылась-то вѣдь въ мори пресьвятая мать-то Богородиця,
Ай царица вѣдь всё наша небесная,
Пріумыла своё лицё пречистоё.
Посьреди-то Окіяна, моря синяго,
Да стоитъ-то вѣдь Божья́ церьковь соборная [2]),
Ай соборная церьковь, богомольная;—
Почовала цариця-мать небесная.
Ише въ томъ Окіяни, во синёмъ мори,
Есь престрашная птиця вѣдь Магу́й-птиця:
Она по́слана вѣдь въ Океянъ, да морё синёё,
Ай за то-ли она была вѣдь послана—
Она много выѣ́ла людей добрыихъ;
Ей послалъ-то во мо́ре самъ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ ей Христосъ, да самъ небесной царь;

---

[1]) Пѣвица слышала также „Льбино“ и „Лебедино“. Ср. № 52, ст. 421. *Собир.*
[2]) На́ небп.

Повелѣньёмъ-то она да Бога-Господа
Она ло́житъ свои-ти всё вѣдь ѓиця
Въ Окіянъ-то въ глубину, да морё синёё,
Всё выводитъ своихъ тамъ дитей малыихъ;
Да Магуй-то вѣдь птиця востренёшшитце,—
Ишше синёё морё восколы́блитце,
Восколыблитце морё, розволнуитце;
Тутъ вѣдь пру́житъ карабли-ти всё госьтинныя
Со тѣма́-ли съ товарами заморьскима.
А вѣдь есь-то подъ землёй да тамъ престрашной зьвѣрь,
По подзе́мелью да онъ вѣдь ходитъ всё;
Онъ куда пройдётъ, дакъ тутъ не клюць пробьётъ,
Вси вѣдь рыбы, вси звѣри, поклоняютце.
Ишше китъ-отъ названъ, рыба, всимъ звѣрямъ онъ зьвѣрь.—
„Поцему же онъ названъ всимъ звѣрямъ онъ мать?“.
— Потому-ту звѣрь онъ названъ былъ,—
Ай на трёхъ-то китахъ основана матушка сыра земля;
Ишше китъ-то шевелитце,—мать сыра земля тогда сколы́блитце,
Ай закроитце тогда вѣдь у насъ бѣлой свѣтъ.—
Ай росплакалась тутъ матушка сыра земьля:
„Ужъ ты Господи, Господи, небесной царь!
Не могу-ту я держать, вѣдь матушка сыра земля,
Не могу-ту я дёржать всё много грѣшниковъ,
Ишше больше я того всё безаконьниковъ“.
Говоритъ-то Господь, да царь небесной нашъ:
— Потерьпи-ко ты, матушка сыра земьля!
Не одумаютце ли всё, бывать, грѣшники,
Не устрашатце ли, бывать, хошь безаконники?
И умаливать за ихъ да вѣдь какъ Божья мать
Говоритъ-то какъ мнѣ да мать пречистая:
—„Потерьпи ты, потерьпи, да сынъ возьлюбляной,
Ты Исусъ-ли-ли Христосъ да всё небесной царь!
Ты просьти-ко-се, просьти, да просьти грѣшниковъ,
Ты просьти-тко-се просьти всё безаконьниковъ“.
Говорилъ-то ей Господь, да ей небесной царь:
— Ты отдай миня же во второй всё разъ къ жидамъ всё на роспятьё-то,—
Имъ просьтились бы тогды да грѣхи тяжкія,
Грѣхи тяжкія просьтились безаконьниковъ.—
„Не отдамъ-то на мученьё во второй я разъ,
Не могу забыть муце́нья у тя прежного“.

Ише правда-та съ кривдой заборолисе [1]);
Кривда-та правду изобидѣла.
Оставаитьце кривда на сьвятой Руси
У тово-ли у народа православнаго,
Да уходитъ то правда какъ на́ небо,
Къ самому Христу она, къ царю небеснаму.

54.

Разбойникъ Илья, кумъ темный.

(У скекра Василія Леонтьевича).

Ишше было во городи Чернигови,
Тамъ вѣдь жилъ-то молодой-отъ князь-отъ душоцька,
Ише душоцька да князь Семёнъ Михайловичь;
Живуцись-то ихна жись да хорошо жилась.
Имъ на радосьть-ту Господь послалъ да цяда милого,
Цяда милого послалъ, да всё любимого,
Да родилсэ у ихъ маленькой княже́вичь-сынъ.
Собираетъ онъ на радосьти почесёнъ пиръ,
Собираетъ онъ всихъ князьей-то, всѣхъ онъ бо́яровъ,
Онъ вѣдь всѣхъ госьтей-куицей торговыихъ.
Научили его вяпюшки-ти, мамушки:
„Ты поди-ко, душочка, князь Семёнъ Михайловичъ,
Ты зови, зови къ себѣ всё кума стрѣтнаго,
Кума стрѣтнаго зови, кума крестовово“.
Тутъ князь-отъ не отслышилсэ;
Онъ вѣдь звалъ-то собѣ да кума стрѣтнаго,
Онъ тово-ли звалъ вѣдь тёмнаго [2]) розбойника,
Звалъ онъ тёмнаго розбойника, да Илью Кли́манта.
Говоритъ ему княгина таковы слова:
„Ужъ ты душоцька, князь Семёнъ Михайловичъ!
Ты худого, нехорошого себѣ привёлъ кума;
Откажись возьми отъ кума Ильи Климанта“.
Говоритъ-то вѣдь онъ да таковы слова:
—Угошшу я на пиру кума крестовово;—
На меня вѣдь лихо кумъ всё не подумаётъ,—
Приходилъ-то тёмной-отъ розбойникъ Илья Климантовъ,
Одержалъ онъ собѣ хресника любимого.

---

[1]) Эти послѣднія строки пѣвица припомнила и прибавила къ предыдущему на другой день послѣ того, какъ она пѣла старину. *Собир.*

[2]) Т. е. слѣпого; онъ ослѣпъ послѣ, но прозваніе уже заранѣе прилагается къ нему. *Собир.*

На пиру-ту онъ сидитъ, розбойникъ Илья Климантовъ,
Онъ сидитъ-то на пиру не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Онъ вѣдь бѣленькой лебёдочки не рушаётъ.
Говорилъ ёму-то душочька, князь Семёнъ Михайловичъ:
„Ужъ ты што сидишь, да кумъ ты мой крестовой-отъ,
Ты сидишь у мня не пьёшь, не кушаёшь,
Ишше бѣленькой лебёдочки не рушаёшь?
Налилисъ-то очи ясны всё кровью у тя горячою.
Разьвѣ мѣстомъ я тебя обсадилъ теперь,
Обнесли-то разьвѣ тебя золотой цярой,
Натсьмѣялсэ разьвѣ кто-небудь надъ тобой, крестовой кумъ“!
Говоритъ-то душочка, князь Семёнъ Михайловичъ:
„Не убилъ ты севодьне человѣка понапрасному,
Ты не пролилъ разьвѣ крови христіяньскою?“
Говоритъ темнóй розбойникъ Илья Климантовъ:
— Ты не бойсе, мой крестовой кумъ Семёнъ Михайловичъ,
Ты не бойсе середи да дьня ты бѣлого;
Ты побойсе во полнóчь хошь ночки тёмныя;
Ты спомёнёшь всё тогда кумá крестового!—
Говоритъ-то тутъ вѣдь душоцька-та, князь Семёнъ Михайловичъ:
„ Я не хвастай-ко ты, мой да кумъ крестовыя,
Ай ты тотъ-ли нашъ розбойникъ Илья Климантовъ!
Я тепереце услышалъ похвальбу твою, —
Я залóжусь на крѣпкú замоцьки тутъ заморьскія,
Я поставлю тутъ вѣдь вѣрныхъ караульщицьковъ,
Не зайти теперь бы шьтобы, не попасьть никакъ“.
Говоритъ тёмнóй розбойникъ Илья Климантовъ:
— Попаду-ту я къ тебѣ, да я зайду къ тебѣ.—
„Ужъ ты душочка, ты князь Семёнъ Михайловичъ! [1])
Немалý ты теперь шутоцьку нашýтилъ тутъ;
Эта шутоцька тебѣ да какъ вѣдь съ рукъ сойдётъ?“
Говоритъ-то ей вѣдь князь Семёнъ Михайловичъ:
— Мы не будёмъ вѣдь спать да во полноць-ту, ночку тёмную.—
Говоритъ ёму княгина таковы слова:
„Подавай да дороги ёму подароцьки“.
Онъ сымаетъ свою шапку зъ буйной гóловы,
Подаваётъ своему кумý крестовому:
„Ужъ ты милой, любимой кумъ крестовой мой,

[1]) Слова княгини. *Собир.*

Ишше тотъ-ли ты розбойникъ Илья Климантовъ!
Ты бери, бери подарочки, какъ я дарю".
Принимаётъ онъ подароцьки да единóй рукой,
Не даватъ ёму спасиба всё кýму крестовому.
Поцерьнѣло тутъ у розбойника Ильи всё у Климанта,
Почерьнѣло лицё-то, кровь-та богатырськая,
Богатырська въ лици кровь перемѣниласе:
— Я хошь взялъ-то у тебя подарки, кумъ крестовой мой,
Не укрѣпилъ ты моёго теперь да ретива́ серьця,
Розгрубилъ ты всё моё да ретивó серьцё.—
Тутъ пошолъ у ихъ кумъ да со чёсна́ пиру,
Запираётъ онъ [1]) двери крѣпко-на́-крѣпко.
Они ту вѣдь ужъ ноцьку-ту ужъ нé спали,
Они всю-ту ноць вѣдь Господу молилисе;
На другу-ту они ночку запиралисе
Шьчо на тѣ-ли на замки, замки на крѣпкія;
У замковъ были поставлены караульшики вѣрныя.
Говоритъ-то вѣдь душоцька-князь Семёнъ Михайловиць:
„Шьчо же мы вѣдь станемъ на замкахъ да запиратьце мы?
Ужъ уѣхалъ теперь мой крестовой кумъ".
Ай вѣдь у́ кума крестового была у Ильи Климантова,
Ай была у ево шубка-невúдимка,
Ай была-то у ево шапка-невúдимка [2])
Заходилъ то кумъ крестовой на бѣлóмъ сьвѣту,
На бѣлóмъ сьвѣту зашолъ—ёго ужъ не увидишь тутъ;
Повалилсэ подъ кисóву подъ кроваточку,
Онъ держалъ въ своихъ рукахъ да саблю острую.
Онъ сидѣлъ-то, всё лёжалъ да до полуноци,
Онъ въ полнóць-ту вѣдь ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
Ай отсѣкъ-то онъ у кума у крестового,
Онъ отсѣкъ-то у его да буйну голову,
Онъ отсѣкъ же у княгины буйну голову,
Онъ отсѣкъ-то у любимого у хресницька;
Отбрызну́ла отъ младéня-та горéця кровь,
Шьчо брызну́ла во его-то во ясны́ оци,
Во ясны́-ти оци Ильи Климанту;
Онъ ослѣпъ-то Илья, да Илья Климантовъ.
Закрыцялъ-то онъ своимъ-то зысьнимъ голосомъ:
„Вы сѣките, вы рубите мою грѣшну голову!

---

[1]) Кумъ, захлопываетъ. *Собир.*

[2]) Было вѣдь,—у дьявола ли доставаютъ ерстики-ти какъ?

Шьчо засѣкъ я своёго кума любимого,
Я засѣкъ-то свою куму любимую,
У крестового у дитятка отсѣкъ я буйну голову;
Мнѣ попала кровь горя́ча во ясны́ оци".
Захватили тутъ его всё за черны́ кудри,
Увезьли они ево на по́лё па Кули́ково,
Шьчо отсѣкли, отрубили буйну голову.

55.

Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ишше былъ-то жилъ купець богатой-отъ.
Помиралъ-то купець да въ молодыхъ лѣтахъ,
Оставлялъ онъ имѣньё своему сыну,
Своёму-ту онъ сыну одина́кому.
Съ того горюшка сынокъ купеческой
Полюбилъ-то онъ пить да сладку водочку,
Сладку водочку пить и зелено́ вино.
Пропивалъ-то всё имѣнье ро́дна батюшка,
Проигралъ-то онъ да вдвоё въ картоцьки;
Прогулялъ-то, проживалъ да онъ три лавоцьки
Съ дорогима онъ заморьскима товарами.
Онъ пошолъ-то во кабакъ да съ зелёну́ вину,
Напивалсэ въ кабаки́-то зелёны́мъ виномъ,
Говорилъ-то онъ голя́мъ, голямъ кабацькіимъ:
„Я скажу-ту вамъ, скажу, голямъ кабацькіимъ:
Я ходилъ, голи́, сегодьне я по городу,
Я искалъ-то всё собѣ брата крестового,
Я крестового собѣ брата, названого;
Я не мокъ собѣ найти брата крестового,
Я нехто со мной хрестами не побратался;
Какъ иду́тъ мимо меня, всё надьсмѣхаютце,
Надьсмѣхаютце иду́тъ да сами проць бѣжатъ".
Вдругъ стоитъ-то тутъ у стойки голь кабацькая,
Голь кабацькая стоитъ, всё горька пьяница,
Говоритъ-то онъ ему́ всё таковы слова:
— Мы побра́таимсе мы съ тобой крестами золотыма мы!—
Говоритъ-то всё ему да голь кабацькая:
„Неужели у тебя имѣитце да золотой-отъ крестъ?"
Говоритъ-то тутъ кабацька голь таки рѣци:
— Я сижу-ту хошь за стойкой, прохлаждаюсе,

Я вѣдь былъ-то навѣку́ не голь кабацькая.
Я имѣлъ вѣдь у себя-та чёрны ка́рабли,
Я имѣлъ вѣдь у себя товары разныя,
Ай несцётно у мня было золотой казны.—
Скинывáлъ-то онъ съ ворота золотой всё крестъ;
Ай побрáтались крестами золотыма тутъ.
Обдирало-то [1]) у ихъ да хмѣль-то пьяной тутъ;
Стали они да всё заплакали:
„Намъ вѣдь полно-то ходить да намъ шалѣ́ть больше!
Намъ вѣдь надоть наживать животъ, какъ раньше былъ“.

56.

Купеческая дочь и царь.

(У Ф. Е. Стрѣлкова, слышала лѣтъ 15 тому назадъ) [2]).

Ише былъ-то жилъ купець да всё богатой-отъ;
Ай имѣлъ онъ многи́ себѣ лавки торговыя,
Ай имѣлъ онъ собѣ всё молоду жону,
Молоду себѣ жону, ише едину́ю доць
Ай еди́ну-ту доць имъ всё любимую.
А вѣдь было у ёго много жило́ кухароцёкъ,
Ай кухароцекъ, вѣдь много прислужницьковъ;
Тутъ имѣлъ-то онъ себѣ да полей, нивъ много;
Онъ любилъ-то смотрять ходить стоящю рожь,
Прилюбилось на поляхъ, нивахъ, пондравилось.
Посылаетъ онъ свою всё дочь любимую:
„Ты сходи-ко-се, сходи-ка на чисто́ полё,
Ты нажни, нажни сходи да намъ хоть по снопу домой“.
Онъ давалъ-то ей во руцюшки стальнёй всё серьпъ.
И пошла-то тутъ одна она всё жита жать;
Она снопъ-отъ нажала, и другой же жнётъ.
Тутъ какъ видитъ,—ѣдётъ всадьникъ на бѣло́мъ кони́,
На бѣло́мъ-то ко́ни всадьникъ подъѣзжатъ близко:
„Тобѣ Бохъ шьто помо́шшь, да красна дѣвиця!“
Благодарила она его, всё ниско кланялась.
Соходилъ-то со своёго коня доброго:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка серьпа́, дѣви́ця-душа красная“.
А какъ красна-та дѣвушка да испугаитьце,
Доць отеце́ська всё догадаласе:

---

[1]) Пронесло.
[2]) См. списокъ сказателей, стр. 24. *Собир.*

Она видитъ, шьчо наѣхалъ—не простыхъ тутъ лиць;
Она тутъ скоро собиралтьце домой идти.
Говоритъ-то ей да всё тутъ всадьникъ-отъ:
„Я вѣдь снопъ тебѣ нажну да вотъ другой нажну;
Ты подай-ко мнѣ росцётъ, всё золоту казну“.
Говоритъ она ему всё таковы слова:
— Благодарю-то я тебя, да доброй молодець!
Ты пойдёмъ-ко ко мнѣ въ домъ къ родному батюшку;
Съ удовольсвіемъ тебѣ онъ запла́титъ всё. —
Онъ нашолъ-то всё несчасьёмъ [1]) красну дѣвушку.
Роспростилсэ онъ съ ей скорёхонько,
Самъ садилсэ онъ да на добра́ коня.
Она приходитъ тутъ къ своимъ родителямъ,
Ко тому она купцю всё ко богатому,
Ко своей-то ко родимой милой матушки.
Какъ пришла-то она, слёзно приросплакалась,
Она батюшку своёму прирозжалилась:
„Ужъ ты вой еси, родимой милой батюшко!
Ты послалъ ты меня да на великой сьмѣхъ:
Я пришла къ себѣ на полюшко на чистоё;
Тутъ наѣхалъ вѣдь садьникъ на добро́мъ кони́,
На добромъ-то всё кони да всё на бѣломъ-то,
Просьмѣялъ-то онъ меня, да красну дѣвицю“.
Какъ вѣдь тутъ купець вины на ей всё не поло́жили:
— Виноваты вѣдь мы да всё какъ сами-ти;
По грѣхамъ-то вѣдь-то нашимъ такъ слуцилосе,—
По тяжки́мъ-то нашимъ сотворилосе! —
Стали тутъ на ей многи женихи всё тутъ свататьсе,
И купци на ей да всё бога́тыря;
Не пошла-то тутъ она, не пожелала всё:
„Провожу-ту я свою жисть красной дѣвицёй,
Попрошаюсь во грѣху Богу въ напрасномъ всё“.
Да родилсэ-то у ей да всё вѣдь сынъ-отъ тутъ;
Ай родители её сына́ возро́сьтили.
Говоритъ-то ей купець да таковы рѣци:
„Посажу-ту я своёго внука милого
На своё-то ево мѣсто, въ свои лавочки“.
Говоритъ-то вѣдь внукъ да таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, родима моя матушка!
Не хочу я жить у васъ да всё у дѣдушка:

---

[1]) Т. е. не къ добру. *Собир.*

Отьвези ты меня въ какой-небудь хоть въ городъ всё,
Ты отдай меня купцямъ, гостямъ торговыимъ.—
Приросплакалась родима ёго матушка:
„Мнѣ-ка жаль-то вѣдь съ тобой будётъ ростатисе!“
Какъ дала ему съ собой да злата, сéребра,
Шьчо несцётно ёму дали золотой казны;
Отьвезла она да въ славной городъ же,
Какъ во ту-ли ево матушку во каменну́ Москву;
Отдала она купцю ево въ прикашшицьки;
Торговать-то онъ вѣдь сталъ да всё съ прибытками;
Вострота ево была да всё великая.
Ай одинъ купець ево перезывать всё сталъ:
„Я поло́жу-то тебѣ вѣдь жа́лованьицё великоё“.
Переходитъ онъ въ другу торгову лавочку;
Самъ вѣдь кругъ-то онъ вѣдь лавоцьки росхаживатъ.
Скоро ѣдётъ тутъ корета золочёная;
Тутъ сидитъ-то во кореты красна дѣвиця,
Шьчо сидитъ она да всё высматриватъ
На младого на етово прикашшика;
Погледѣла на ево, сама приза́рилась;
Говоритъ-то своёму она кучеру:
„Ты сворацивай къ торговой къ этой лавочки“.
Говоритъ-то всё ёму, да добру молодцу:
„Ты какой ходи́шь вѣдь молодець, розгуливашь?“
— Я сидѣлъ-то, красна дѣвиця, въ торговыхъ своихъ лавочкахъ;
Мнѣ-ка шьто-то какъ прискучилось;
Я вѣдь вышелъ посмотрять на сьвѣтлу всё на улицу.—
Говоритъ-то тутъ дѣви́ця-душа красная:
„Ты веди, веди миня скоро во лавоцьку;
Онъ приводитъ ей да всё вѣдь въ лавоцьки;
Она брать у ево, побрать, товары-ти берётъ да всяки-разныя;
Набрала́-то у ево всё на три тысеци,
Попросила у ево пера всё лебединого,
Написала всё ёму да тутъ записочку,
Написала ёму, всё запецятала.
„Не евлюсь-то я къ тебѣ какъ, доброй молодець,
Черезъ три тибя денёцька поры-времени,—
Ты возьми моё письмо ты скоро росьпечатывай
Находи ты по письму да ты какъ всё миня.
Можотъ, худо бу́дётъ зайти, дакъ ты не бойсе же,
Хорошо будётъ зайти, дакъ ты не бойсе же,—

Проходи ко мнѣ съмѣлѣ; тебя пропусьтятъ жо".
Тутъ вѣдь говоритъ она ему всё такова рѣчи:
„У меня-то нѣтъ съ собой всё золотой казны:
Привезу-ту я тебѣ хоть черезъ три разыѣ денёщика:
А не привезу токо къ тибѣ, дакъ вотъ оставлю я тибѣ да всё записочку.
Вы до тѣхъ поръ не смотрите, не читайте-тко".
Ай прошло-то три денёцька поры-времени.
Какъ прошло-то тому времени да всё три дёнецька,
Запецяловалсэ тутъ всё доброй молодець:
„Я немаленьку шутоньку напу́тилъ тутъ,—
Надавалъ-то я теперь да на три тысеци!
Да хорóша вѣдь матушка всё славна камянна́ Москва;
Написала хоть она всё андресъ свой, —
Написала хоть она, бывать, мнѣ-ка цюжо́ имя, цюжу фамилью всё;
Я зайду-ту какъ неладно—засадя́тъ миня, дородьня добра молодца.
Мнѣ сказать разыѣ́ купецёськимъ всё дѣтоцькамъ;
Не скажу-то я купецёськимъ всё дѣтоцькамъ,—
Засадя́тъ миня дородьня добра молодца.
Я отдамъ-то луцьше, изъ матушки отдамъ всё золотой казны".
Ай подумалъ онъ вѣдь тутъ, всё сибѣ да прироздумывать;
Росьпецятывалъ онъ скоро-то се́ письмо.
На письми, всё въ письми было́ написано:
„Молодой ты вѣдь всё какъ лавочникъ,
Да дородьнёй ты уда́лой доброй молодець!
По натуры-то твоей, по востроты твоей,
Я не знаю-то тебя да называть-то какъ.
Заходи-ко ты ко мнѣ, ко красной дѣвини,
Ко моёму всё ты да ко величесьтву:
У тебя была брала не исъ простыхъ родовъ,
Не исъ простыхъ у тя родовъ, да доцька царьская,
Доцька царьская брала, да царя бѣлого,
Царя бѣлого у тя всё православного.
Заходи ты прямо всё ко мнѣ крыльцёмъ паратымъ жо".
Онъ не на́ймуётъ себѣ да всё добра́ коня,
Онъ пошолъ-то, исхитрилсэ, будто какъ въ проходочку [1]);
Онъ идётъ-то всё къ дворьцу да онъ ко царьскому,
Ко тому онъ ко крылецюшку да ко пре-Красному,

[1]) Пѣшкомъ — будто гуляетъ.

Ко пре-Краснóму да ко паратному,
Ко паратному всё гъ золочёному.
Да стрѣчаютъ тутъ ево да ниско клапелись,
Не доносятъ-то царю сéй да православному,
Тутъ стрѣчаютъ-то еé да всё прислужьницы,
Всё прислужьницы еé да сѣнны дѣвушки;
Провели-то ево да до царевны-то.
Тутъ дрожатъ всё у ево да ножки рѣзвыя.
Она скоро скакала царевна на рѣзвы́ ноги,
А брала ево за рученьку за правую,
Чѣловала всё ево въ уста въ саха́рныя,
Ай садила-то на свой она диванъ да рыта бархата,
Какъ сама-то всё она скоро и вонъ ушла.
Тутъ вѣдь думаётъ дородьнёй доброй молодець:
„Россказать, думатъ, про то ушла да она батюшку,
Она батюшку своёму, ца́рю бѣлому,
Ца́рю бѣлому своёму православному“.
Пріудрогло у ево всё ретиво́ серьцо,
Прокатились изъ очей слёзы горючія:
„Теперь скоро-то меня да будутъ бить, казнить,
Будутъ бить миня, казнить, ли будутъ вѣсити“.
Шьчо приходитъ тутъ царевна тутъ къ ёму скорёхонько,
Панесла-то всякихъ водочокъ заморьскіихъ.
Говорилъ-то молодой право прикащичокъ,
Говорилъ-то онъ вѣдь сй да всё таки рѣци:
„Ужъ ты гой еси, ты всё ваше величесьтво,
Молода же ты царевна! не держи меня, всё не удёрживай;
Я не буду я сидѣть-то у тебя да всё вѣдь пить съ тобой,
Мнѣ не лиція съ тобой сидѣть всё простому-ту,
Всё простому мнѣ, сыну да хошь купеческу;
Я пришолъ-то я къ тебѣ да за росцётомъ всё“.
Говоритъ ёму царевна таковы рѣци:
— Ро́шьчитаю я тебя всё чересъ три часа,
Спровожу тебя домой-то я не по широкой сьвѣтлой улици,
Спровожу тебя домой дорожкой незнакомою:
У меня-то вѣдь ка́къ въ трои ети суточки
Какъ вѣдь зьдѣлана тебѣ дорожка всё по подземельицю,
Тамъ прокопана отъ нашого дворьца всё государева
До твоей-то до торговой всё до лавоцьки;
Всё засьвѣцёны огни всяки у миня разныя.—
Спроводила она всё да тутъ прикашшицька,
Спроводила ево дорожкой незнакомою.

Съ той-то поры-то сталъ ходить да къ ей цестёхонько,
Съ ей просиживать стали поцьки тёмныя.
Изъ другой земьли пріѣхалъ тутъ король богатыя,
Онъ вѣдь сталъ-то у царя да всё тутъ свататьце;
Ай хотѣлъ-то царь просватать да свою жё доць любимую.
Говоритъ-то ёму доць всё таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, родимой мой ты батюшко!
Я нейду-ту вѣдь за короля да всё въ замужесьтво“.
Не неволилъ свою-то доць нашъ бѣлой царь.
Ай пошоль-то по матушки по камянно́й Москвы.
Молодой-то всё да королевиць-отъ;
Онъ вѣдь сталъ-то у купеческихъ ребятушокъ выспрашивать
Познакоми́лсэ онъ скоро съ дѣтьми купе́ческима.
Тутъ вѣдь всё-то купеческой-отъ сынъ да россказалъ ему,
Россказалъ-то ему да всё повѣдалъ онъ:
„Не пойдётъ-то ужъ за васъ ея величество;—
Познакоми́лась-то вѣдь съ нашимъ всё прикашшицькомъ;
Ходитъ нашъ-отъ къ ей прикашшикъ кажной вечорочикъ-отъ,
Да просиживатъ съ имъ да ночки тёмныя,
Шьчо проигрываитъ съ имъ да всё вѣдь въ карточки“.
Говорилъ-то ёму всё королевськой сынъ:
— Я не вѣрю, у васъ шьто полюбитъ царевна-та,
Шьчо полюбитъ она вѣдь роду-ту простого, вѣдь не царьского.—
Говоритъ-то тутъ ёму да сынъ купеческой:
„У ей зьдѣланы таки да потайны всё рвы:
Какъ нехто вѣдь не знатъ въ матушки всё въ камянно́й Москвы;
Я узналъ-то я да тольки укараулилъ-то.
Ишше тутъ-то онъ мнѣ всё отпираитце,
Ишше всё-то онъ объ томъ не извиняитце“.
Тутъ вѣдь скоро пошолъ король да прямо онъ къ царю-ту всё,
На лицё-то онъ пошолъ да царю бѣлому;
Говоритъ-то вѣдь король да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, ты царь, да царь всё бѣлой ты,
Царь ты бѣлой, всё да православной ты!
Потому-то вѣдь нейдётъ твоя любима доць,—
Ознакоми́лась-то она, всё познако́милась
У купця-та ета въ лавоцьки съ однымъ прикашшицькомъ.
Досмотри-тко своёго ты дворьца всё государева;—
Какъ подкопаны рвы да вилоть до лавоцёкъ торговыихъ;
Тамъ горятъ вѣдь огни всяки-разныя.

Онъ вѣдь ходитъ къ ей да по подзе́мелью".
Не овинилъ-то тутъ вѣдь царь свою любиму доць,
Овинилъ-то тутъ онъ мла́дого приказшицька:
„Какъ ты сьмѣлъ ты подступить да къ моей доцери?
Исъ простыхъ-то ты родовъ, бывать, хресьяньскихъ всё?
Не должо́нъ ты поступить къ ея высочеству.
Да скажи-ко мнѣ, дуракъ, скажи, безсовѣспой:
Ты какима людьми ты это здумалъ-то,
Ишше съ кимъ ты эта́ ухитрилсэ-то
Подкопать ты рвы да потаённыя?"
Говорилъ-то тутъ дородьнёй доброй молодець:
— Я хоть куда-то иду, да ко присяги всё,
Черезъ звонъ миня ведите вси попы соборныя;—
Не рѣшалсо всё я дѣлать рвовъ да потаённыхъ-то;
Шьчо своя-та вѣдь твоя-та доць ухи́трилась.
Какъ сама она миня водила-то по этой по дорожоцьки.—
Тутъ засадилъ-то цярь свою взялъ дочь любимую
Хошь не въ тёмны-ти ей да хоть во тёмници,
Не въ въ холодны ей въ покои, всё во тёплыя,
Замыкалъ-то ей всё за многи́ замки,
Онъ вѣдь бралъ клюци да во свои руки;
У себя дёржалъ да всё хранилъ-то онъ:
„Каравульшики всё, вѣрно, измѣньшики!".
Засадилъ-то онъ изъ лавки добра молодца
Онъ во ту ево во тёмну всё во тёмницю,
Не велѣлъ ёму давать всё трои суточки,
Какъ не пить ёму, не исъ, да всё не кушати.
Доносилъ-то онъ вѣдь скоро тутъ въ сено́ти вси:
„Какъ вѣдь цимъ въ сипоти да россудятъ тутъ,
А вѣдь цимъ-то, цёго да всё россудятъ насъ?"
Какъ вѣдь тутъ-то вышло ёму, шьто добра молодца повѣсить тутъ,
Повѣсить ёво да всё на висѣлицю,
Отрубить ёму тогды да буйна го́лова,
Шьчобы видѣли народъ, вси люди добрыя.
Говорилъ-то онъ всё да таковы слова:
„Ужъ вы донесите-ко, слуги, вы мои караульшицьки,
Донесите вы своёму царю бѣлому,
Царю бѣлому своёму, православному,—
Не отошлётъ-то онъ да этой грамотки
Какъ моей-то всё родимой милой матушки,
Не дозволитъ ли прити мнѣ съ ей простите-то?"

(Говорилъ-то тутъ царь да таковы рѣчи)
Посылалъ-то онъ съ письмомъ да гоньца скорого,
Шьчобы ѣхала ево да ро́дна матушка.
Привезьли-то тутъ родиму ево матушку.
Да стоитъ-то она, слёзно уливаитце [1]):
„Ужъ ты гой еси, моё хоть цядо милоё!
Тебѣ уцёсьть пала всё така безцясная,
Ты родилсэ отъ безцясной бѣдной матери:
Просьмѣялъ меня-то всё садовникъ [2]) младъ.
Погибаетъ твоя буйная головушка!
Хоть меня-то (?) приняла я стыдъ напрасной-отъ,
Не отъ князя приняла я, всё не отъ царя же тутъ,
Приняла, бываръ, отъ простого деревеньского.
Какъ тебя-то хоть сказьнятъ да всё за царьску доць.
Всё за царьску доць, да за ея хоть за высочество,—
Я рошшила всё тебѣ да модну всё рубашку-ту;
Рошшивала я тебѣ да краснымъ золотомъ,
Вышивала вси слова свои бесцясныя,
Какъ роди́ла-то тебя и какъ возро́сьтила,
Какъ отьвезла-то на цюжу я тибя сторону;
Я не сколько-то шила,—вдвоё плакала;
Вышивала я рубашку ра́вно три года,
Я ронила-то вѣдь слёзъ, да будто ру́цьи быстрыя.
Ты надѣнь, надѣнь мою теперь рубашоньку,—
Процитаютъ пусь мно́ги́ да люди добрыя,
Процитаютъ пусь князья да вси князёвици,
Процитаютъ пусь вѣдь вси люди премудрыя“.
Одѣватъ-то онъ рубашоньку скорёхонько,
Роспрошаитце съ родимой своей матушкой.
Тутъ приходятъ палаци всё немилосьливы
Да берутъ-то ево всё за бѣлы́ руки́,
За бѣлы́ ёго руки́, за золоты персьни.
Приходитъ тутъ къ ёму да пра(в)ославной царь;
Посмотрялъ-то онъ на тѣ слова на золоты-ти всё,
Опъ вѣдь сталъ-то всё цитать, да царь заплакалъ тутъ:
„Вы постойте, палаци всё немило́сьливы,
Погодите-ко его да вы всё вѣспть-то,
Ужъ вы дайте-ко сюда да добра молодца.
Мы не будёмъ ёго да мы всё вѣсить-то:

---

[1]) Въ темници.
[2]) Вмѣсто „всадникъ“. *Собир.*

Кабы́ вѣдь я-то буду ёму да всё родной отець,
Ише онъ-то мнѣ-ка будётъ всё родимой сынъ,
Да родимой-отъ сынъ, да всё царевиць онъ.
По грѣхамъ-то вѣдь моимъ да такъ слуцилосе,
По тяжки́мъ-то по грѣхамъ мнѣ-ка отворотилосе:
Посьмѣялсэ надь его я ро́дной матушкой,—
Отьсмѣялсэ надъ моей да вѣдь онъ доцерью.“
Призываютъ ихъ скоро на осьню́ ставку,
На осьню́-то вѣдь на ставку, царю на лицё-то вѣдь.
Повинилась-то ему да доць родимая:
„Ужъ ты татенька мой да всё родимой ты!
Какъ не онъ-то на меня нашолъ вѣдь всё,—
Ише я-то вѣдь всимъ да виноватая;
Я обзарилась-то всё на красоту ево,
Созвала ево въ полаты бѣлокамянны;
Не пошла-то потому за короля замужъ,—
Всё въ нешчасномъ я въ такомъ да положеньици“ [1].
Повѣнчали тутъ да брата-та съ родной сёстрой.

57.

Мать и дочь въ татарскомъ плѣну.

(У дочери Павлы).

За..... [2] рѣкой стоели злы тотарницьки;
Тотарьницьки дѣлъ дѣля́тъ,
Они дѣлъ дѣля́тъ да они пай пая́тъ.
Доставалась-то зятю всё вѣдь тёшша-та;
И не знаётъ вѣдь зять, што досталась ёму тёшшенька.
Говоритъ-то тотарьницёкъ да таковы слова:
„Увезу-ту я полянку во своё мѣсто,
Во своё мѣсто полянку-ту да къ молодой жены,
Къ молодой-то всё жоны, руськой поляночки;
Прикажу я, прикажу да три роботушки:
Я перьву́-ту дать роботу—ей куделька пресьть,
Да втору ей дамъ роботу—смотрять ей, лебедей стеречь,
Я третью́-ту дамъ роботу—колыбель качать“.
Привозилъ-то онъ полянку къ молодой жены;
Ай дала одну роботу ей кудельку прясь,

[1]) Я, говоритъ,—шьто хошь надо мной дѣлай—я непраздна.

[2]) А. М. Крюкова не запомнила имени рѣки; она говорила предположительно, что нужно пѣть: „За Дунай-рѣкой“. *Собир.*

Ей другу дала роботу лебедей стеречь,
Третью да́ла ей роботу колыбель качать.
Сѣдитъ, качатъ да мала дѣтишша,
Что сидитъ она качать, сама прибайкиватъ:
„Ай баю́, баю, ты сыни, боярьской сынъ!
Ище по́ роду-ту мнѣ дакъ былъ бы внучоцёкъ,
Ай нельзя мнѣ-ка назвать—дакъ ты вѣдь вѣры не той;
По отци тебя назвать—дакъ ты тотарничокъ,
Да по матушки назвать—сказать какъ внучоцёкъ,
Ты черёвъ-то всё моихъ ты былъ уры́вочокъ:
Ишше мать-то всё твоя вѣдь мнѣ родная доць,
Мнѣ родная она дочь да всё поляночка;
Во полонъ была взята она семи головъ.
На груди-то на правой дакъ есь родима у ей родинка,
У лѣвой-то всё у ножки нѣтъ мизе́ньцика“;
Тутъ сказали пошли да сѣнны дѣвушки,
Всё ее́ пошли сказали всё прислужоцьки,
Шьчо кацятъ-то полонянка колыбельку, приговариватъ:
„Ты баю, баю, да ты боярьской сынъ!
Ты по батюшку да всё тотарьницёкъ,
Ай по матушки ты да все руса́ночокъ,
По моимъ-то ты черёвамъ всё уры́вочокъ:
Ишше мать-та твоя мнѣ-ка родная доць;
У лѣвой-то у ноги да нѣтъ мезинчика“.
Доложили тутъ да красны дѣвушки
Да сказали они своей хозяюшки:
„Молода ты наша да всё боярина,
Со Руси-то взята да ты поляночка!
Ты заставила-то ро́бить ро́дну матушку“.
Тутъ бѣги́тъ, бѣги́тъ скоро да дочка къ матушки,
Она падатъ-то дочь да къ ногамъ къ матушкинымъ:
„Ужъ ты матушка моя да ты родимая!“
Уливаитце слёзами всё горюцима.
„Ты бери у мня, бери да золотой казны,
Ты бери у мня, бери да ко́ня луцьшого,
Поѣжай-ко-се ты, матушка, да на сьвятую Русь,
На сьвятую ты Русь да изъ земли невѣрною“.
Говорила-то матушка да ро́дной доцери:
— Не беру я, не беру я золотой казны,
Не возьму я, не возьму да ко́ня луцьшого,—
Провожу я съ тобой жись, да со роднымъ дѣтёмъ.—

58.

Взятіе Казани и казнь царя Симеона.

(Слышала однажды въ Золотицѣ, отъ кого—не помнитъ).

Ишше было во городи въ Казани тутъ;
Ай во томъ-ли во Казаньскомъ городи,
Середи было Казани, славна города,
Шьчо во тѣхъ было въ полатушкахъ всё во царьскіихъ
Оночовали-то, спали да царь съ царицою,
Семіонъ-отъ вѣдь царь съ царицой со Еленою.
Ище царь-отъ вѣдь сьпитъ себѣ онъ да крѣпкимъ сномъ,
Да Елена-та царица да она спать не сьпитъ;
Она мало-то спала-то всё ночку тёмную,
Она видѣла себѣ-то да такой страшной сонъ:
Да какъ-будто со востоцьню-ту со стороночку
Тамъ вѣдь грозна-та тученька подымаласе,
Подымалась-то туця грозна́ великая;
Вылетаётъ тамъ скоро ка-быть сизо́й орёлъ,
Прилетѣлъ онъ а на крышу-ту всё на царьскую,
Онъ вѣдь сталъ-то на крыши да всё полётывать,
Онъ во крышу-ту орьлинымъ-то носомъ всё поклёвывать.
Ай выходитъ Семіонъ-отъ царь будто на улицю;
Приклёвалъ онъ у ево будто буйну голову,
Онъ выклёвывалъ у ево будто очи ясныя.
Ай вѣдь тутъ-ли цярица-та пріужа́хнитцэ.
Она думатъ про собя, думатъ думы крѣпкія,
Думы крѣпки-ти думатъ, всё премудрыя;
Говоритъ она сама собѣ таковы слова;—
Закрычала своимъ она зысьнимъ голосомъ:
„Тебѣ полно-то спать, царь, усыпатисе!
Пробужайсе, Семіонъ ты царь, отъ крѣпко́го сну.
Росскажу-ту я тебѣ да дивной, страшной сонъ,
Росскажу-ту я тебѣ да всё повѣдаю“.
Пробуждантьце Семіонъ-царь отъ крѣпко́го сну;
Ему стала царица Еле́на всё росказывать:
„Я ноце́сь мало спала, много во сьни видяла:
Со востошну-ту со сторону какъ орёлъ летитъ;
Онъ садилсэ къ намъ на крышу на золочёную,
Онъ вѣдь сталъ у насъ крышочки всё поклёвывать,
А тебя, царь Семіонъ, будто въ буйну голову,
Въ буйну голову тебя будто, во жолты́ кудри,
Во жолты̀ кудри тебя будто, во ясны́ оци“.

Говоритъ Семіонъ-царь таковы рѣчи:
— Ужъ ты глу́па, царица да всё Елена ты!
Неужли́ же мы будёмъ снамъ всё ва́ровать?
Некогда же я не буду сну всё варовать.—
А не въ долго-то было-то какъ то времецько,
Подымайтьце тутъ вѣдь да всё московской князь,
Да московькой-отъ князь, ишше нашъ-отъ бѣлой сьвѣтъ,
Ишшё той-ли нашой вѣрушки православною,
Ишше тотъ-ли Иванъ да свѣтъ-Васильёвичь;
Ишше скоро подъѣжатъ къ Казани, славну городу
Онъ со многима своима съ полками, со солдатами,
Онъ со старыма каза́ками да всё со славныма.
Пріѣжаётъ онъ ко Казани тутъ;
Навозилъ-то да онъ вѣдь бочки пороху,
Онъ спускаетъ вѣдь къ боцькамъ свѣшшу да по подзе́мелью.

Придводители сво вси ужахну́лисе,
А одинъ-то предводитель да онъ смѣло́й же былъ:
„Ужъ ты милой ты князь нашъ Иванъ Васильёвичь!
Ты пошто спусьтилъ свѣшшу-ту всё по подзе́мелью?
Розорвётъ-то всю вѣдь матушку сыру землю“.
Тутъ доходитъ огонь-то всё до боцёкъ съ порохомъ;
Ище съ порохомъ боцьки всё занима́лисе,
Отъ огню-ту они скоро загорѣлисе,
Загорѣлисе отъ пороху скоро, да захлопала
Ище матушка-та да всё сыра земьля;
Тутъ скопляитьце скоро земьля тутъ во одну гору.
Загорѣли (в)си царьски-ти тутъ полатушки.
Ише царица Елена была хитра, мудра́,
Да хитра была, мудра, всё она догадьлива;
Она слыхала про матушку про сьвятую Русь—
Ишше какъ на Руси-то да дѣло дѣлаютъ.
Да берётъ она царица да въ руки бѣлой хлѣбъ,
Шьчо стрѣцятъ она князя-свѣта Москоського,
Ище Грозного царя Ивана Васи́льёвича,
Ище кланеитце всё ёму низёшенько,
Принесла ему покорносьть всё зъ благодарносью.
Ише тутъ же цярю-ту всё пондравилось,
Да пріятны слова въ цесь показалисе
Ище той-ли царицы-то всё Елены-то.
Ище царь-отъ Семіонъ да былъ упрямой-отъ,
Да упрямой-отъ былъ да онъ гордо́й-онъ самъ.

Ище нашъ-отъ вѣдь руськой князь розретйвѣлсэ,
Ище Грозной-отъ нашъ Иванъ Васильёвиць;
Бралъ-то царя Семіона онъ за жолты́ кудри,
Онъ держалъ его кудри жо́лты во бѣлы́хъ рукахъ,
У живого оци ясны взялъ повыкопалъ,
Онъ срубилъ-то буйну голову-ту съ могущихъ плець,
Отьбиралъ-то у его всё платьё царьскоё,
Ишше ту-ли потфи́ру-ту государьскую,
Онъ вѣдь тутъ всё себѣ, да онъ собѣ же взялъ;
А царицу-ту Елену да онъ привёлъ сю́,
Окресьтили, привели въ вѣру православную,
Посьтригали-то ей всё во мана́шины;
Въ манастырь-отъ онъ увёзъ ей во спасёной-отъ.
Ище самъ-то уѣхалъ въ матушку въ Москву-ли онъ,
Онъ во матушку уѣхалъ въ камянну́ Москву;
Онъ со той-ли поры да сталъ царёмъ царить.

59.

Похороны Сеньки Разина.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ище го́воритъ-то атаманъ всё Сенька Разинъ-отъ:
„Ей, мнѣ больше, атаману, по чисту́ полю не ѣжживать,
Мня по чистому по по́лю, по темны́мъ лѣсамъ!
У мня было на вѣку-ту всё поѣжжоно
Ай не годъ у мня, не два было́, не три года,—
Я вѣдь ѣзьдилъ по чисту́ полю, темны́мъ лѣсо́мъ
Ей, тридцеть-то годочковъ поры-времени.
Какъ теперь мою дружиночку хоробрую
Изыма́ли ихъ во ру́ки, посадили всё,
Посадили ихъ во тёмну, тёмну тёмницю,
Ей, за тѣ-ли ихъ за крѣпки за замочки тутъ,
За тѣма́-ти всё за строгима за караулами.
Посьлѣ ихнего-то я посьлѣ́ бываньиця
Я вѣдь много-то дѣлалъ пользи царю бѣлому:
Я вѣдь много губилъ да людей добрыхъ-то,
Я тутъ много убивалъ тотаръ поганыихъ,
Я вѣдь силы-то невѣрной, бусурманьскою,
Я тутъ много вѣдь грабилъ золотой казны.
Мнѣ-ка больше золотой казны не грабьливать,
Мнѣ-ка больше циста сéребра́ не грабьливать,
Дорогого мнѣ скацёного-то больше жемцюгу!

Я поѣду, атаманъ же, во чисто́ полё,
Во чисто́ полё поѣду ко своимъ товарышнамъ,
Посмотрю своихъ товарышовъ въ бѣло́мъ шатрѣ,
Роспрошусь-то я съ има́ на жисть на вѣчную".
Изъ циста́ поля поѣхалъ ко Дунай къ рѣки;
Пріѣжаетъ онъ ко матушки къ Дунай-рѣки.
„Хороша течётъ Дунай да рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая течётъ, очунь широкая.
Закрычу я у Дуная переводьшика;—
Тутъ нехто меня вѣдь всё не перевозять тутъ,
Шьчо тово-ли атамана Сеньку Разина".
Говорилъ онъ своёму-ту онъ добру́ копю:
„Ты останьсе-ко, останьсе, ты мой доброй конь,
Ты останьсе-ко, конь мой, въ зелены́хъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ останьсе, въ шолково́й травы".
Тутъ по́плылъ-то рѣку́ да Сенька Разинъ-отъ,
Подоплы́лъ вѣдь только рѣчку до полу́-рѣки,
До полу́-рѣки доплылъ да всё до камешка,
Всё до камешка до́плыль до горючого;
Онъ выходитъ на горючой на сѣръ ка́мешокъ;
Написалъ онъ на камню, шьчо ёму вѣдь надобно,
Шьчо вѣдь надобно ёму, да про собя пишотъ,
Онъ всё пишотъ со сьлёзами со горючима,
Онъ своей пишотъ хороброю дружиночки:
„Ужъ вы милыи, моя хоробра ты дружиночка!
Токо выпусьтятъ на волю васъ же, добрыхъ мо́лодцовъ,
Токо бу́дите на волюшки на вольнёю,
Найдите́, бывать, вы атамана Сеньку Разина,
Шьчо вы сильнёво, могучого бога́тыря[1]),—
Росьпишу-ту вамъ, хороброй всё дружинушки:
Вы возьмите-тко отсюда тѣло бѣлоё,
Вы возьмите-ко миня, всё увезите вы,
Повалите вы меня во матушку въ сыру́ землю,
Положите межу трёхъ славны́хъ дорожоцёкъ,
Гдѣ съѣжаютьце могуціи сильни бога́тыри,
Во которомъ они мѣсьти думу думаютъ,
Думу думаютъ они, совѣтъ совѣтуютъ;
Ай вѣдь тутъ меня повалите межу трёхъ славныхъ дорожоцьки:

[1]) Бога́тырей, говоритъ, запрстили, какъ Владимира не ста́ло,—въ другой старины поётьце.

Шьчо перьву́ миня дорожку Питенбурськую.
Межу втору миня дорожку къ матушки всё камянно́й Москвѣ,
Ко третьéй миня дорожки къ славной Кіевской.
Повалите моё, положьте тѣло бѣлоё,
Тѣло бѣлоё моё всё богатырьскоё;
Вы кладите мнѣ-ка въ матушку въ сыру́ землю
Взъ голову кладите мнѣ чудёнъ-отъ крестъ,
Вы мнѣ въ ноги-ти кладите мои вѣдь стра́шонъ мець,
По праву́-ту руку [1]) мнѣ кладите палицю тяжолую,
Ай къ мецю-ту ставьте моего да всё добра́ коня,
Къ лѣвой руценьки кладите вы булатной ножъ;
Вы закройте моё-то тѣло бѣлоё,
Навалите-ко плиту да камня сѣрого;
Росьпишите вы слова вси до единого,
Опишите вы моё имя, фамилію,
Шьчо лежитъ-то вѣдь Сенька тутъ бога́тырь Разинъ-отъ.
А пойдутъ-то, поѣдутъ многи́ вси люди добрыя,
Быватъ, руськіи могуціи бога́тыря,
И пойдутъ-то молодци да красны дѣвушки,—
Всё помянутъ-то моё да тѣло грѣшноё;
Какъ цюдну-ту кресту они помолятце,
Они страшного меця всё пріужа́хнутце".
Тутъ вѣдь выпустили всю дружиночку-ту́ скоро храбрую;
Тутъ наѣхала дружиночка хоробрая,
Отыскали тѣло бѣло богатырьскоё,
Повезьли-то тѣло бѣло цересъ три дорожоцьки:
Цересъ Кіевську, Москоську, цересь Питерську;
Хоронили-то его, да атамана-та, бога́тыря,
Шьчо того-то вѣдь Сеньку ёго Разина;
Ище въ голову-ту ставили чудёнъ-отъ кресъ,
Ко ногамъ они поло́жили страшо́нъ-отъ мець,
Къ правой рученьки поло́жили да саблю вострую,
Къ лѣвой руценьки поло́жили его булатной ножъ,
Добра́ коня они поставили къ его страшну́ мецю,
Накрывали-то плиту всё камня сѣрого,
На плиты́ всё росьписали, какъ и онъ велѣлъ:
Отьписали-то Сеньку всё бога́тыря,
Шьчо того-ли бога́тыря могуцёго,
Могуцёго бога́тыря Сеньку Разина.

---

[1]) При повтореніи этого стиха, Крюкова пропѣла: „Подлѣ бо́ка" и „А въ лѣво́й бокъ". *Собир.*

60.

Семейная жизнь Петра I.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ишше было въ славной матушки да въ камянно́й Москвы,
Ай вѣдь по́ небу-то было по голу́бому
Выкаталась-то луна, да луна сьвѣтлая,
Луна сьвѣтла, опекало соньцё красноё.
Шьчо во ту вѣдь всё пору́ было, во то время,
Зародилсэ у насъ мла́денькой цяревиць-отъ
Шьчо по имени вѣдь Пе́тръ да Алексѣёвичъ.
Ночку не́ спали премудры разны плотьпички,
Колыбелёчку цяревицю готовили,
Украшали вѣдь они да краснымъ золотомъ;
Какъ втору-ту ноцьку они не́ спали
Всё вѣдь пянюшки да ихны мамушки,
А сѣнны́-ти всё у нихъ да красны дѣвушки,
Всё оку́точки-ти младому цяревицю готовили,
Шьчо окутоцьки-ти шили дорогого-то атласу бѣлого,
Рошшивали всё они да краснымъ золотомъ,
Ай садили-то они да скатна жемцюгу.
Шьчо на радосьти всё мла́дого цяревиця
Шьчо по имени Петра да Олексѣвиця,
Собирали на радосьти поче́сёнъ пиръ,
Пиръ почесёнъ собиралъ [1]) да всё наве́сели,
На князей-то собиралъ да онъ на бо́ляръ-то,
Онъ на руськихъ на могучихъ на бога́тырей,
Собиралъ-то всѣхъ солдатовъ новобранныихъ,
Собиралъ-то всѣхъ хресьянъ-то всѣхъ прожитосьпихъ [2]),
Собиралъ-то онъ вѣдь вдовъ, сиротъ всё бѣдныихъ.
Говорилъ-то всё нашъ царь да таковы слова:
„Я кого забылъ позвать, дакъ пушшай такъ иду́тъ“.
Собиралсэ этотъ пиръ вѣдь трои сутоцьки.
Было да́но знать по всимъ землямъ да по всимъ го́родамъ;
Отовсюль многи́ цари съѣжжалисе,
Отовсюль-то изъ земель да короли всё разныя.
А тотъ пиръ-отъ у ихъ вёлсэ трои сутоцьки;
На такой-то было большой радосьти,
Не видали, какъ прошло-то время, прокатилосе,

---

[1]) Конечно, Олексѣй Михайловичъ. *Собир.*
[2]) Бѣдныхъ, должно быть? *А. М. Крюкова.* Зажиточныхъ. *Собир.*

Прокатилось-то время трои сутоцьки.
Ишше стали тутъ вси госьти розьѣжжатисе,
Розьѣжжатисе госьти, росходитисе
По всѣмъ-то по губерьнямъ, по всимъ своимъ го́родамъ.
Ишше сталъ-то росьти младъ цяревиць-отъ;
Онъ вѣдь скоро-то возростаётъ тутъ,
Возростаётъ онъ да какъ скорёхонько.
Ишше сталъ у насъ да Пе́тръ-отъ Перьвой-отъ,
Сталъ семи годовъ—да ёму отъ роду;
Какъ премудрой былъ цяревиць-отъ хитро́й-мудрой;
Изучилсэ-то онъ скоро Божьей грамотѣ,
Ко всёму онъ изучилсэ, цёму надобно.
Ише сталъ-то у насъ мла́дой всё цяревиць-отъ,
Ише тотъ-ли у насъ Петръ всё Олексѣёвиць,
Приходить-то стало время какъ женитбы тутъ.
Говорилъ-то ёму царь-отъ, государь всё нашъ,
Олексѣй-отъ говорилъ да свѣтъ-Михайловичъ:
„Ты женись-ко-се, женись ты, младъ цяревиць-отъ,
Ты женись-ко-се у мня, да гдѣ тѣ хочетце“·
Отвѣчаётъ цяревиць Петръ всё Олёсѣёвиць:
— Я женитьце не хочу да въ камяпно́й Москвы;
Ты построй-ко мнѣ-ка, батюшко, да славной городъ-отъ,
Питенбурхъ-отъ ты мнѣ зьдѣлай славнымъ городомъ;
Я уѣду, тамъ дакъ буду жить-то я,
Буду жить-то я, владѣть своимъ дворьцомъ.—
Ай послушалъ-то ево всё ро́дной батюшко;
Говорилъ-то самъ ёму да таковы рѣци:
„Ты премудрой, ты прехитрой ты цяревиць мой!
Ужъ ты ладно-то всё у мня уму́дрилсэ.
Мы зацьнёмъ-то дѣлать, убирать-то славной Питёнбурхъ-
городъ;
Ты уѣдёшь во готовы во полатушки,
Со своей тогда уѣдёшь съ молодой жоной“.
Женилъ-то своёго сына́ любимого,
Шьчо того-ли всё Петра да ишше Перьвого,
Онъ женилъ-то вѣдь ево въ земли невѣрною,
Во богатой онъ земли у короля швецького;
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ Настасью-Королевисьню,
Онъ привёзъ-то всё ей въ матушку-ту въ камянну́ Москву.
Посьлѣ этово-то было посьлѣ времени,
Тамъ росстроили вѣдь Питёнбурхъ-городъ,
Они здѣлали дворець всё государёвъ-отъ.

Уѣжалъ-то со своей онъ съ молодой женой,
Съ молодой женой съ Настасьей съ Королевичьнёй.
Они съ той [1]) жили хорошо да бе́сь лиха;
Ихъ какъ жись-та вѣдь была, да какъ цьвѣты цьвѣли,
Какъ цьвѣты-то цьвѣли у ихъ лазурёвы;
Какъ катилсэ ихной вѣкъ, да какъ рѣка текла.
Въ этой радосьти Господь имъ далъ ишё радось:
Какъ родилсэ-то у ихъ да всё вѣдь милой сынъ,
Всё вѣдь милой-отъ сынъ у ихъ цяревиць-отъ;
Нарекли имя цяревицю-ту Ёдоромъ.
Собиралъ-то онъ на радосьти весёлой пиръ
Для своёго онъ для мла́дого цяревиця.
Тутъ звонили-то везьдѣ да во вси колоколы,
Шьто молили-то Бога за цяревиця.
Ише сталъ у ихъ цяревиць подростать онъ вѣдь,
До тово-то онъ у ихъ-то, сталъ больной у ихъ;
Называть-то стали тутъ наслѣдьницькомъ,
Ише тѣмъ-то стали звеницять-то Ёдоромъ Петровицёмъ.
Онъ [2]) почасту собиралъ всё весели́ пиры.
Говорили тутъ ему люди премудрыя:
„Ужъ ты гон еси, да пашъ ты бѣлой царь,
Ужъ ты бѣлой нашъ царь да Петръ ты Перьвой нашъ,
Ихъ отецесьтва же сьвѣтъ нашъ Олёксѣёвиць!
Хошь росьтётъ-то у тебя твоё-то цядо милоё,
Твоё мило росьтётъ чадышко любимоё,—
Онъ вѣдь здѣлатъ-то тебѣ, вѣрно, изьмѣнушку,
Онъ изьмѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣры,
Онъ вѣдь будётъ править вѣрушку-старинную,
Онъ старинну будётъ вѣру богомольнюю,
Богомольню хранить вѣрушку спасёную“.
Говоритъ-то вѣдь нашъ бѣлой цярь.
Шьчо по имени вѣдь Петръ нашъ Олёксѣёвичъ:
— Не повѣрю я у васъ, люди премудрыя,
Не услышу я покамѣсъ всё у сына у любимого,
У того-ли я да всё насьлѣдника,
Я у Ёдора всё у Петровиця,—
Ай вѣдь тутъ скоро росходились со пиру-ту вси,
Они вѣдь росходились по своимъ домамъ.
Посьлѣ этой-то поры царь замѣчать всё сталъ

---

[1]) Т. е. съ первой женой. *Собир.*
[2]) Царь. *Собир.*

Своёго-то онъ сына́ да всё любимого:
Ходитъ Ёдоръ-отъ цяревинъ всё невеселъ-отъ.
Говоритъ-то вѣдь ёму-ту ро́дёнъ батюшко,
Пишше тотъ-ли царь Петръ Олексѣёвицъ:
„Шьто же ты, мой да цядо милой,
Молодой ты мой да всё наслѣдниёкъ,
Ты по имени да Ёдоръ-свѣтъ Петровицъ-отъ!
Ты вѣдь ходишь у меня да невесёлой ты,
Почему ты у мня ходишь призадумалсэ.
Почему ты у мня ходишь запечалилсэ?“
Говоритъ-то ёму мла́дой-отъ цяревиць тутъ:
— Мнѣ поцёсь мало спало́сь да много видя́лось:
Прилетѣло-то, пришло будто два аньгела,
Шьто два аньгела мнѣ-ка, два хранителя;
Говорятъ они про вѣру про старинную,
Про старинную про вѣру про спасёную,
Про спасёную про вѣру богомольнюю;
Называли-то меня младымъ цяревицёмъ.
Говорятъ-то всё они мнѣ-ка, росказывали:
„Какъ тепереце живёшь хоть ты наслѣдьницькомъ;
Когда будёшь жить-то ты царёмъ царить,
Ты царёмъ будёшь царить да слыть всё бѣлымъ-то,
Не держи-ко ты, не варуй вѣры папиной,
Ты не варуй-ко ишё́ да вѣры дѣдовой;
Оврати-ко ты вѣдь вѣрушку къ себѣ назадъ,
Ты повѣруй-ко-се въ вѣру-ту всё въ правдѣдка“.—
Ай вѣдь тутъ Пётру Первому-ту показалось за досадушку:
Роспоряжатьце сталъ наслѣдницёкъ малёхонёкъ,
Шьчо малёхонёкъ наслѣдницёкъ всё молодёхонёкъ.
Онъ берётъ ево за рученьку за правую,
Посадилъ ево въ темницю на трои́ на сутоцьки;
Говоритъ-то самъ вѣдь таковы слова:
„Продёржу-ту я ево хошь тро́и сутоцьки,
Я во той-ли продержу да въ тёмной те́мници:
Не поваруётъ ли онъ да въ вѣру попѣшну?“
Отпиралъ-то черезъ трои сутки тёмну те́мницю,
Выпускалъ-то онъ всё мла́дого цяревиця:
Онъ сидитъ-то всё въ темници, некуда́ пейдётъ.
Говоритъ-то всё ему всё царь нашъ бѣлой-отъ,
Царь нашъ бѣлой-отъ Петръ-отъ Перьвой-отъ:
„Я скажу тебѣ тепере, цядо милоё:
Не груби-ко ты моёго ретива́ серьця,

Не роспорежайсе надо мной да ты малёхонькій;
Ты вѣдь варуй-ко въ ту вѣру, въ которую я варую,—
Мы поваруёмъ во вѣру всё во дѣдову".
Говоритъ-то ему младой цяревиць-отъ:
— Не поварую-ту я въ вѣру, не въ понѣшну,
Буду вѣрить я во вѣрушку старинную,
Я въ старинную, во вѣрушку въ спасёную.—
Онъ вѣдь бралъ бѣжалъ со спицьки саблю вострую;
Хоцётъ сѣкци у ёго онъ буйну голову.
Тутъ идётъ скоро царица къ тёмной тёмници,
Шьчо идётъ-то она, слёзно уливаитьце:
„Ужъ ты гой еси, мой да супругъ милой ты,
Ужъ ты милой ты мой до всё любимой ты!
Дай сказать мнѣ хоть единоё словецюшко:
Нѣту, нѣту такихъ правъ да на сьвятой Руси,—
Н'ётсѣкаютъ-то цари да буйны головы.
Ты вѣдь хоцёшь отсѣкци у сына́ да у любимого,
Розорить-то ты вѣдь хошь да своё царство всё".
Тутъ стопта́лъ-то [1]) царь погами-ти всё рѣзвыма:
— Какъ же можошь ты, цяриця, мной роспорежатисе?—
Шьчо во ту вѣдь всё пору было́, во то́ время,
Ужахну́лсэ вѣдь нашъ младой цяревиць-отъ,
Ужахнулсэ-то онъ, скоро помираётъ тутъ.
Вѣдь заплакала царица Королевисьня:
„Какъ потухла-то у мня свѣшша всё воскуярова,
Со востоцьню-ту стороноцьку упала съ нёба звѣздоцька,
Укатилась-то у мня да виноградинка,
Виноградинка моя, да сладка ягодка!
Какъ не будётъ на царсьви всё теперь наслѣдьницька".
Похоронилъ онъ скоро мла́дого цяревиця;
Прогонилъ свою царицу-ту да Королевисьню,
Исъ своёго-то исъ царства онъ ей вы́гонилъ [2]),
Приказалъ свезьти во манастырь спасёной-отъ,
Приказалъ то ей постриюци всё во мана́шины;
И тому она была тому радёшенька,
Шьчо радёшенька была да веселёшенька.
Уходила, уѣжала во сьвяты мѣста,
Во сьвяты она мѣста, да во спасёныи мана́стыря;
Она молилась со слёзами Богу-Господу,

---

[1]) Т. е. затопалъ. *Собир.*

[2]) Т. е. лишилъ ее царскаго ея достоинства? *Собир.*

Поминала своёго цяда любимого
Ишше мла́дого всё Ѳёдора Петровиця.
Онъ вѣдь сь тѣхъ-то поръ да нашъ Петръ Перьвой-отъ,—
Повёлась-то его жисьть всё не на радосьти,
Не на радосьти пошла, не на весельици.
Шьчо прошло-то тому времени три годика,
И прошло же тому времени петь годиковъ.
Наредилсэ-то нашъ да царь-этъ бѣлой-отъ,
Царь нашъ бѣлой всё да Петръ-этъ Перьвой-отъ,
Петръ-этъ Перьвой-отъ да Олёксѣевичъ,
Наредилсэ онъ въ платье-то всё плотьницьковъ;
У его вѣдь было содёржоно всё плотьницьковъ [1]).
Тутъ была всё у етихъ да плотьницьковъ,
Приготовляла-то имъ кушаньё вдова прекрасная
Какъ по имени-то всё Екатерина-та,
Изъ отечесьтва была всё Алексѣевна;
Она пекла на ихъ, варила всё имъ кушаньё.
Петръ-этъ Перьвой-отъ, нашъ царь, тутъ ро́битъ плотьницькомъ;
Онъ вѣдь день-отъ ходитъ робитъ, на другой пришолъ,
Говоритъ-то самъ Екатерины таковы рѣци:
„Ты поди, Екатерина Олёксѣевна,
Ты поди, поди ты за миня въ замужесьтво,
Всё въ замужесьтво поди, да всё въ супружесьтво“.
Говорила-то Екатерина таковы рѣци:
— Допрошу-ту я, спрошусь у всѣхъ у плотьницьковъ,
'ни присудятъ ли итти мнѣ, не присудятъ ли.—
Какъ пришолъ-то тутъ вѣдь вецёръ поры-времени,
Не пришолъ-то тутъ вѣдь ужнать Петръ-отъ Перьвой-отъ.
Говоритъ Екатерина Алексѣёвна:
„Ужъ вы гой еси, мои да вси вы плотьнички,
Вы вѣдь плотьнички вси мои знакомыя!
Россудите мнѣ да дайте ума-разума,
Мнѣ итьти ли замужъ всё за плотьницька?“
Говорили ей да скоро плотьницьки:
— Ты поди-ко-се, Екатерина Алексѣёвна.—
А приходитъ-то вѣдь плотьникъ на другой же день,
Говоритъ-то онъ опять ей таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Екатерина Алексѣёвна!
Ты идёшь токо да за миня замужъ,

[1]) Шьчо (=потому что) они роботали караблицёкъ, строеньё ли какое.

Приготовляйсе вечеркомъ да ко вѣнью со мной;
Мы повѣнчаимсе въ храму въ самомъ посльдньёмъ-то".
Екатерина Алексѣёвна да итьти здумала,
За того-ли всё пошла онъ за плотьницька.
По домамъ-то стали люди росходитисе,
Какъ ёго-то вѣдь да вси тутъ плотьницьки;
Ище времецько-то тутъ прошло вѣдь къ вецёру.
Онъ приходитъ ко свещшеннику къ духовному,
Попросилъ ево зайти всё во Божью церьковь,—
Не въ соборны-ти онъ церькви, самы нижны тутъ.
Шьчо свещшеннику-ту тутъ всё не пондравилось,
Шьчо приполъ-то онъ въ погодушку велякую;
Занесло вѣдь храмъ отъ Божій снѣжкомъ бѣленькимъ.
Говоритъ ему священникъ-отъ таки рѣчи:
„Бесъ порядку дѣло дѣлашь всё ты, плотьницёкъ!
Ты бы могъ дождать поры-времи хорошого".
Бралъ то плотьницёкъ лопату во бѣлы руки,
Онъ розгрёбъ-то, роскинулъ да взялъ всё бѣлой снѣгъ.
Заходили-то они во Божью церьковь;
Екатерина-та въ панёрти пріосталасе,
Пріосталасе она приналедитисе.
Приналедилась-то она да поскорѣ-то всё,
И запила она во храмъ да въ храмъ всё Божій-отъ.
(Говоритъ-то этотъ всё вѣдь плотьницёкъ)
Онъ пополъ-то во карманъ своей правой рукой;
Доставаетъ онъ песчотно красна золота,
Подаваётъ-то онъ всё да тутъ свещшеннику.
Какъ свещшенникъ-отъ тутъ да ужахнулсе тутъ:
„Ужъ ты гой еси, какой богатырь этотъ плотьницёкъ!
Ты песцётно мнѣ насыпалъ золотой казны".
Говорилъ-то тутъ ёму всё плотьницёкъ:
— Ты бери, бери, да колько дайю тутъ;
Овѣнчай ты только царя бѣлого,
Царя бѣлого миня, хоть Петра Перьвого,
Петра Перьвого миня да Олёксѣёвича.—
Скинывалъ-то онъ своё-то платьё плотниковъ;
Да увидѣли тогда-то, шьчо тутъ бѣлой царь.
Ище попъ-отъ вѣдь тутъ да испугалсе тутъ
За свои-ти вѣдь онъ да за грубы рѣчи;
Екатерина Алексѣевна да чуть въ умѣ стоитъ.
Цють въ умѣ она стоитъ, да изъ глазъ слёзы льютъ,
Подломилисе-то у ей да ножки рѣзвыя,

Пріупали-то у ей да рущьки бѣлыя.
Ишше тутъ они да повѣчалисе:
Онъ повёлъ Екатерину въ дворець царьскія,
Въ дворець въ царьскія повёлъ да въ осударьской-отъ.
Поутру́-ту онъ стаёлъ, утромъ рано́шенько,
Онъ идётъ-то изперёдъ по коську-ту, полкамъ солдацькимъ,
По солдацькимъ-то полкамъ всё новобранымъ.
Говоритъ-то царь да таковы рѣчи:
„Это ишчо же, братцы, есь законъ да на святой Руси,
Въ Питенбурхи-то у насъ да славномъ городи:
Какъ вѣдь женятьце, посмотрись, всё ьо бѣдносьтяхъ.
Ишчо во бѣдносьтяхъ женятьце, во ну́жды-то:—
Ишше всихъ-то проздравляютъ всё зъ бракомъ законнымъ тутъ
Какъ миня-то—я царь женилсэ по вечору по поздному,
Овѣнцялсэ-то вѣдь я да тоже вечеромъ;—
Ай нехто-то вѣдь меня не проздравлятъ теперь".
Тутъ вѣдь зачели солдаты проздравлять сво,
Проздравлять-то всё сво да изьвипетисе [1]).
Услихали-то тутъ да многи плотьницьки,
Многи плотьницьки да догадалисе:
„Ай не плотникъ-отъ тутъ вѣдь быль, да Петръ нашъ Первой-отъ".
Проздравляли-то сво-то ото всей отъ радосьти
Ишчо со тѣмъ его со бракомъ со законнымъ-то.
Говорилъ-то нашъ да ишше бѣлой царь,
Нашъ-отъ бѣлой-отъ царь да Петръ-отъ Первой-отъ:
„Собирайтесь-ко, солдатушки вси новобраныя,
Новобраныя моя, да вси военныи!
Я для васъ больше иду, да я вѣдь самъ зову,
Вѣдь самъ-отъ зову, да зову чёстую".
Собирали всѣхъ князьей да скоро бо́яровъ,
Собиралъ-то скоро всѣхъ знакомыхъ плотьницьковъ;
За богатырями-то уѣхали скоры́ послы,
Да скоры́ послы уѣхали да скоры́ гонци,
Шьчобы ѣхали они вси на почесепъ пиръ,
Шьчобы ѣхали въ поля, поли чистого.
Ишше вси скоро́ бога́тыри съѣжжалисе,
Онѣ ско́ро-то тутъ да всѣ сколялисе;
Они пили-то тутъ да ѣли, кушали.
Туть недѣлёньку вёлсэ пиръ на радосьти.

---

[1]) Закрыдели всѣ: „ура".

II.

Марѳа Семеновна Крюкова, старшая дочь Аграфены Матвѣевны (I), дѣвушка 23 лѣтъ, грамотная. Двѣ зимы, когда ей было 8 и 9 лѣтъ, она училась въ своемъ селѣ у учителя, о которомъ сохранила до сихъ поръ самыя свѣтлыя воспоминанія. Очень любитъ читать и бережетъ, какъ драгоцѣнность, рукопись церковнаго письма, подаренную ей дѣдомъ Васпліемъ Леонтьевичемъ, и содержащую въ себѣ разныя пѣснопѣнія и житія. Большую часть своихъ старинъ и нѣсколько духовныхъ стиховъ она переняла у дѣда, который не менѣе своего брата Гаврилы (III) славился, какъ замѣчательный сказатель. Съ 9 лѣтъ онъ учился въ кельяхъ Онуфріевскаго скита, находящагося въ 100 верстахъ отъ Золотицы и въ 50—отъ Койды, на островѣ посреди Койдозера и разореннаго, по словамъ крестьянъ, лѣтъ 40—50 тому назадъ, надо думать—въ концѣ царствованія Николая I, въ эту эпоху крайней религіозной нетерпимости. Тамъ онъ выучилъ духовные стихи и нѣкоторыя старины [1]); тамъ же онъ научился пѣть церковныя службы, но, несмотря на хорошій голосъ, не соглашался пѣть на клиросѣ въ Золотицкой церкви, потому что, какъ онъ говорилъ (передаю со словъ А. М. Крюковой), тамъ служатъ не постарому, на клиросъ нельзя взойти—такъ разитъ табачищемъ отъ дьячка; а пуще всего онъ боялся щепóти (трехперстнаго крестнаго знаменія, вовсе неупотребительнаго у золотицкихъ крестьянъ). Кромѣ своего дѣда, умершаго 4 года тому назадъ, Марѳа перенимала старины у матери и у крестьянъ съ рѣки Мезени, которые нанимались покрученниками на судно (рáньшину) ея отца, когда онъ ходилъ въ Норвегію за треской; это было, когда Марѳа еще ходила учиться. Она—большая любительница пѣсенъ, которыя поетъ мастерски; старины же „сказываетъ“ рѣдко, только Великимъ постомъ; вслѣдствіе этого она поетъ ихъ довольно неувѣренно, нѣсколько прерывистымъ голосомъ и, сравнительно съ Аграфеной, плохо выдерживаетъ стихъ. На замѣчаніе матери, что она поетъ нескладно, она сказала: „Зато я пою такъ, какъ

[1]) Вѣроятно, тамъ онъ выучилъ старины, неизвѣстныя другимъ сказателямъ въ Золотицѣ: Илья и калики (№ 42), Святогоръ и Илья (61), Женитьба Добрыни и неудачная женитьба Алеши (62), Алеша и Тугаринъ (47) Борисъ Романовичъ (48), Соловей (65), Разбойникъ Илья (54), Два купца въ кабакѣ (55), Сенька Разинъ (59), Петръ I (60).

слышала, а вы, мама, и дѣдушка Гаврило прибавляете отъ себя;—вотъ у васъ и выходитъ складно".

Кромѣ предлагаемыхъ старинъ, М. С. Крюкова знаетъ: 1) Исцѣленіе Ильи Муромца, 2) Волхъ Святославьевичъ, 3) какъ Цюрило ходилъ къ Пересьмякиной женѣ, 4) про трехъ сыновей князя Владимира: Святополка, Бориса и Глѣба (этотъ духовный стихъ она называла старинной), и другія; нѣсколько стиховъ, напр., „По морю синему Халыньскому"[1]). Въ говорѣ М. С. Крюковой замѣтно вліяніе грамотности; но такъ какъ это вліяніе не очень велико, то ея рѣчь представляетъ изъ себя странную смѣсь мѣстнаго нарѣчія и книжныхъ формъ.

61.

Святогоръ и Илья Муромецъ.

(Переняла у дѣда Василія Леонтьевича; покрученники съ р. Мезени пѣли иначе).

Поѣздка Илья Мурамця во чисто́ полё.
Поѣжаетъ Илья Мурамець да во чисто́ полё.
Какъ пріѣхалъ онъ скоро во чисто́ полё.
Увидалъ-то онъ во по́лѣ ископоть-ту лошадиную;
Какъ самъ онъ старой призадумалсэ:
„Ише што же это за такоё удивленіе?
Ише какой очунь бога́тырь сильній-отъ разгуливатъ?
Потому я замѣчаю-то,
Что ево-то конь вѣдь богатырьской-отъ.
Мнѣ-ка ѣхать ли туда, али не ѣхать-то,
Догонять его ли мнѣ, оставить ли?
Кабы зналъ я, старой, что есь этотъ бога́тырь-отъ не о́чунь сильнёй-отъ,
Состоялъ бы я вѣдь съ нимъ, ево тогды бы побѣдилъ-то вѣдь;
Кабы́ лѣтами-ти да онъ вѣдь со мной на́ровнѣ,
Не постращилсэ бы, отъ него смерть я приня́лъ-то бы;
Есьли́ лѣтами онъ вѣдь очунь мла́дой-отъ,
Побѣдитъ меня Илью, да Илью Мурамця,
Мнѣ-ка старому не чесь будётъ, не похвальба мнѣ богатырская,
Что онъ мла́дого бога́тыря да смерть случитца-то.
Какъ не будетъ-то вѣдь всё, да какъ не писано:
Когда я былъ-то вѣдь не владѣлъ-то, не ходилъ да на рѣзвы́хъ ногахъ,

[1]) Такъ начинается стихъ о грѣшной душѣ. *Варенцовъ*, Сборн. русск. дух. ст., 144.

Приходили ко мнѣ всё вѣдь ангелы,
Говорили-то мнѣ таки рѣчи, росказывали:
„Что не бойсе ты вѣдь, казакъ Илья Мурамець,
Ише сильнёй-отъ ты руськой богáтырь-этъ,
Ише бейсе ты со всѣмá богатыремп, ты воюйсе-ко;
Тебѣ, старому, въ чистóмъ полѐ-то смерьть не писана"".
Какъ поѣхалъ-то тогда да Илья Мурамець,
Какъ по той-то онъ путѣ-дороженькѣ.
Пріѣжаетъ онъ скорó въ чистó поле,
Увидалъ-то въ полѐ да бѣлъ полóтьненой шатёръ;
Заходитъ онъ скоро въ шатёръ полóтьненой;
Увидалъ онъ во шатрѣ кровать да всё желѣзную,
Желѣзную-ту кровать богатырскую;
Удивилсэ онъ да той кроватѣ-то:
(Въ) долину́ была кровать да сорока сажень,
Въ ширину была да сорока сажень.
„Ише хто па этой кровати почовáтъ-лёжитъ,
Ише какоё это чудо чудноё?
Но [1]) певѣрной ли какой да злой тотаринъ-отъ,
Онъ руськой ли могучой нашъ богáтырь-отъ?
Ужъ я сѣ́ду-то покушаю за его столъ-отъ всё какъ за дубовой-отъ,
Я за ту-ли за салфетку всё вѣдь браную,
Я попью-то, поѣмъ, всё покушаю".
Какъ во ту пору́, во то время
Проговорилъ-то конь его, да лошадь добрая:
„Ты зачѣмъ-то, Илья Мурамець, прельстилсэ-то
На богáтырьской-отъ ты шатёръ бѣлый полóтьненый?
Какъ за тѣмъ столомъ-то кушатъ-то богáтырь съ молодой жоной;
У ево-то есь жона да всё красавица.
Я скажу тебѣ, мой ласковой хозяинъ-отъ;
Изьвини-ко только, чего я тебѣ да роскажу-то вѣдь;
Ты послушай-ко рѣчей да справедьливыхъ-то:
Выходи-ко вонъ да изъ бѣлá шатра.
Чесы у насъ вѣдь всѣ проходятъ-то,
Что-которы вѣдь у насъ назначены.
Воротя́тца скоро супруги изъ чистá поля,
Станутъ здѣсе шить-то, ѣсь да веселитце-то,
Разнóй игрой они станутъ да забавлятьцэ-то,

[1]) Вмѣсто „попь". *Собир.*

Ише въ тѣ-то всяки игры они, въ карточки.
Я скажу тебѣ: полѣзай ты на сырой-отъ дубъ,
А коня поставь суда, да за сырой-отъ дубъ,
А не вежи ты его къ себѣ къ дубу,
Отпусьти коня волей гулять да во чисто́ поле.
Ты послушай моево да наказаньица".
Выходилъ старо́й да изъ бѣла́ шатра,
Залѣзалъ онъ скоро всё на сы́рой дубъ,
А лошадь отпускалъ да во чисто́ полё.
Вдругъ онъ услышилъ чудо чудноё:
Ка згрѣмѣлъ-то будто громъ-то гдѣ,
Збушовала-то погодушка немалая
Какъ со вьсѣхъ съ четы́ре сто́ропъ-то;
Потемьнѣло не́бо синее,
Задрожала матушка сыра́ земьля.
Увидалъ онъ—ѣдетъ конь да богатырской-этъ,
На копѣ-то сидитъ всадьникъ-отъ,
Ише тотъ-ли руськой-отъ могучой-о́тъ бога́тырь-этъ,
Что по имени да Светого́ръ [1]) бога́тырь-этъ;
На плечахъ-то онъ вѣдь дёржитъ хрустальнёй-отъ раёць-
отъ [2]).
Онъ снималъ-то ево-то скоро со своихъ плецей да богатыр-
скихъ-то,
Онъ пихалъ въ кормань да ручьку правую,
Вынималъ-то изъ кормана ключь да золочёной-отъ,
Отмыкалъ-то онъ раець хрустальнёй-отъ,
Выпускалъ-то онъ свою да молоду жену.
'нѣ садились за столы да бѣлоду́бовы,
'нѣ покушали да всё поѣли-то,
Онѣ по́пели напиточокъ да розноличныхъ-то,
Поутѣшались игрой въ карточки.
Говоритъ-то онъ бога́тырь таковы рѣчи:
„Теперь пора вѣдь мнѣ-ка всё да на спокой лекчи".
Тутъ по́слала на ево-то скоро молода жона
На ево-то кровать перину всё пуховую,
Она ло́жила подушоцьки, зголовьицё, пуховыя,
Она кла́ла одѣяло соболиное.
Онъ вѣдь лѣзъ скоро да на кровать богатырскую,
Онъ заснулъ да сномъ крѣпки́мъ да богатырскимъ-то.

---

[1]) А. М. Крюкова никогда не слыхала этой старины, но слышала имя „Егоръ-Святогоръ". *Собир.*

[2]) А. М. Крюкова поправила: „ларець", но дочь стояла на своемъ. *Собир.*

Она скоро выходила изъ бѣла́ шатра,
'на пошла гулять да по чисту́ полю;
Она съ часъ поры да всё росхаживала,
Золотымъ персьнёмъ да всё поигрывала;
Съ рукѣ на́ руку-ту персьтень перебрасывала:
„Когда была я на своей родимой-то на сто́ронѣ,
Находилась когды красной дѣвушкой,
Гуляла всё вѣдь я да въ зелено́мъ саду;
Ты вѣдь былъ у миня вѣдь, персьтень, на право́й рукѣ.
Я рвала-то разны-ти расьтенья всё садовые,
Распѣвала веселы-ти пѣсьни дѣвьія;
А слыхали-то тогда да какъ дѣви́ци-ти, да всѣ мои подружоцьки;
Приходили-то онѣ вѣдь всѣ да пріѣжали-то,
Увеселяли-то миня, да красну дѣвушку.
Пріѣжали-то вѣдь къ намъ да тутъ скоплялись-то
Всѣ вѣдь руськія могучи-ти бога́тыри;
Онѣ гуляли съ нами по зелену́ саду.
Въ одну пору-ту вѣдь я да загуляласе;
Какъ увидала—ѣдётъ-то изъ поля всё бога́тырь-отъ,
Что пресильнёй-отъ да всё престрашной-этъ.
Увидалъ-то онъ миня, да красну дѣвицу;
Я пондравилась ему, да красна дѣвица.
Онъ заѣхалъ всё къ моимъ родителемъ
Предлагать на мнѣ да всё вѣдь свататьце.
Устрашились то мои чесны́ родители.
Не спросили 'ни-то миня-то, не доло́жили,
Что жалаю ли вѣдь я, да не жалаю-то;
Они взяли-то миня да всё просватали
За того-ли за бога́тыря за сильнёго.
Я живу-то вѣдь теперь да не красуюсе:
Мнѣ-ка негдѣ-то теперь да розгулятце-то;
Какъ вѣдь нечѣмъ-то онъ меня да не утѣшилъ-то
Ише мой супругъ да всё вѣдь милой-этъ.
Мы сѣдѣли въ одну пору съ нимъ-то, одну соль да кушали,
Росьпивали мы питья́ да розноличныя.
Онъ вѣдь взялъ въ стоканъ себѣ браги на́лилъ-то,
Не допи́лъ-до дна да мнѣ-ка отдалъ-то:
„Допивай ты, моя всё да молода жона.“
Какъ вѣдь не хотѣлось мнѣ-ка выпить-то;—
Побоялась я ево да не послушать-то.
Ко́гда́ допила я всё да изъ стокана-та,

Почуствовала въ сибѣ силушку великую;
Я роздумала, что онъ меня поленицей зьдѣлалъ богатырь-
скою.
Онъ не ѣзьдитъ-то вѣдь на светую Русь,
Потому что не подынетъ матушка сыра земля;
Всё здѣсе, по горамъ Светымъ розьѣжживатъ".
Какъ она огленулась-то назадь да на сырой-отъ дубъ,
Увидала она Илью Мурамця.
Она хватала ево за желты кудри,
Принесла ево въ рукахъ да ко бѣлу́ шатру,
Спусьтила ево въ кормапъ супругу-ту,
Розбудила-то ево да ростреложила
Отъ того крѣпка-та сна да богатырского:
„Что пора намъ ѣхать, опять по Светымъ горамъ розгули-
вать."
Онъ вѣдь скоро отъ крѣпко́го сна да пробужаитьца,
Ключевой водой да умываитьца;
Бѣлы́мъ полотеньцёмъ утираитьца;
Убиралъ-то онъ вѣдь скоро-то бѣло́й шатёръ
Посадилъ жону въ хрустальнёй-отъ раёць-отъ какъ,
Замыкалъ её-то онъ да золотымъ ключомъ.
Поѣхали онѣ да по Сьветымъ горамъ.
Какъ падалъ ево доброй конь да на рѣзвы́ ноги:
„Тежело-то мнѣ везти да не подъ силу-ту:
Раньше я возилъ тибя, бога́тыря
Шьто твою жену да всё богатырскую;
Што-то есь бога́тырь-отъ—будетъ теперь вѣдь третьимъ-то;
Онъ сидитъ у тибя въ корманѣ-то."
Онъ пѣхалъ-то свою ручку правую,
Вынималъ-то изъ кормана Илью Мурамця:
„Ты скажи, скажи ты, всё богатырь-этъ,
Почему ты ко мнѣ за́шолъ во мой-о́тъ глубокъ корманъ?"
— Не своей-то я зашолъ волёй-охвотою;
Мня спусьтила-то твоя да молода жона.—
Онъ отмыкалъ-то скоро всё хрустальнёй раець-отъ какъ,
Выпускалъ-то онъ свою да молоду жену;
Онъ хваталъ тогда да саблю острую,
Сказьнилъ онъ у женѣ да буйну голову.
Онъ вѣдь за́челъ всё выспрашивать:
„Ты скажи-ко мнѣ, да доброй молодець,
Ты какой-то вѣдь какъ руськой-отъ бога́тырь-этъ?"

Росказалъ ему да Илья Мурамецъ:
— Какъ пріѣхалъ я вѣдь со сьветой Руси.—
„Покрестоваимсэ мы съ тобою—я да Илья Мурамецъ,—
Что тима́-ти вѣдь крестами однозолочёными;
Назову-то я тибя брато́мъ крестовымъ-то.
Я вѣдь буду Светогоръ да бра́томъ старшимъ-то;
Ты вѣдь будь-ко-се, Илья, да братомъ младшимъ-то,
Научу-то я тибя всѣмъ по́ѣздамъ да богатырскимъ-то“,
Ише всѣмъ-то битвамъ, всѣмъ подви́гамъ богатырскимъ-то.“
Какъ поѣхали онѣ да по Сьветымъ горамъ,
Научилъ-то Сьветогоръ да Илью Мурамця
Какъ всѣмъ подви́гамъ-то да богатырскимъ-то.
Какъ въ одну пору́ они въ поле́ розгуливали,
Увидали-то онѣ да гробъ желѣзной-этъ;
Онѣ скоро-то туда да поспѣшили-то:
Что за такоё есь вѣдь чудо-то,
Шше кому-то въ этомъ гробѣ, чьему тѣлу будетъ-то лёжать-то вѣдь?
Говоритъ Сьветогоръ-я Ильи Мурамцю:
„Ты лёжись-ко, братъ крестовой, по сибѣ помѣрей-ко:
Не тебѣ ли въ ёмъ да всё лёжать будётъ?“
Повалилсэ Илья въ гробъ вѣдь Мурамець;—
Онъ мало́й по ёмъ лёжитъ, какъ маленькой ребёнокъ-отъ.
„Выходи-ко-се, крестовой брателко;
Не тебѣ да вѣдь Судьба-то, этотъ гробъ опредѣлёнъ-то Богомъ-Господомъ,
Не тебѣ, не твоёму-то тѣлу въ ёмъ лежать будетъ“.
Выходилъ-то скоро Илья Муромець;
Заходилъ-то скоро всё вѣдь Сьветогоръ-бога́тырь-этъ.
Какъ вѣдь тотъ-то гробъ будьто́ по нёмъ-то былъ,
Онъ не малъ-то гробъ и не великой-этъ,
Говоритъ тогда да Илья Мурамець:
„Тебѣ полно, брателко, шутить-то вѣдь!
Выходи-ко, ступай вонъ скоре́“.
Ише хочётъ вытьти Светогоръ изъ гроба-та;
Онъ не можотъ тутъ да онъ-то вытьти-то:
Очутилось-то на гробѣ три-то обруча желѣзныя.
Онъ крычитъ-то зычнымъ голосомъ:
— Ты бери-ко, братъ да саблю вострую,
Ты сьсѣкай-ко эвти обручи желѣзные;
Мнѣ-то душно въ гроби-то приходитъ-то.—

Какъ вѣдь бралъ-то саблю Илья Мурамець,
Онъ сьсѣкалъ-то эти обручи желѣзныи.
Вдругъ вѣдь кровля-та у гроба-та задьвинулась.
Какъ некакъ не могъ отбить да Илья Мурамець.
Говоритъ-то Сьветогоръ-богáтырь-этъ могучой-отъ:
— Не руби-тко, братъ, попустому-ту.
Вѣрно, зьдѣсь мнѣ-ка смерть вѣдь писана;
Вѣрно, этотъ гробъ изъ тучи выпалъ-то.
Подойди ты, братъ, ко мнѣ поближе-то,
Припади-тко-се къ землѣ, ко гробу-ту пониже-то;
Я вѣдь дуну-ту своимъ духомъ въ тибя да богатырскимъ-то.
Ты прими-ко отъ миня да сибѣ силушки.—
Говоритъ-то Илья Мурамець:
„Я исполню перьво твоё наказаньицё“.
Онъ припалъ-то къ землѣ онъ низёхонько.
Ише дунулъ онъ въ него своимъ духомъ богатырскимъ-то.
Говоритъ Сьветогоръ да во второй наконъ:
— Ты припади опять къ земьлѣ пониже-то,
Ко моёму-ту вѣдь гробу поближáе-то;
Я вѣдь дамъ тебѣ ишшё силы поболѣ-то.—
„Нѣтъ, не падоть болѣ, брателко крестовой-этъ,
Мнѣ твоей-то болѣ силы богатырской-то;
Мнѣ довольнё-то тепере силы, сколько у меня-то есь теперь,
Какъ взять-то твою силушку-ту сильнюю,
Мать сыра земля тогда меня да не заноситъ-то“.
Говоритъ-то Сьветогоръ да таковы рѣчи:
— Очунь хитрой, братъ крестовой-этъ,
Что не наклонилсэ ты ко мнѣ поближе-то;
Тогда дунулъ бы я духомъ мéртвымъ-то,
Повалилсэ ты бы ко мнѣ вмѣстяхъ мертвымъ-то.
Ты прошшай теперь, да братъ крестовой-этъ!
Роспрошусь-то я съ тобою теперь навѣчно вѣдь.
Привежи ты моево коня ко гробу-ту,
Потому что не совладѣть да некомý будетъ;
А самъ ты поѣжай да на сьветую Русь,
Ты воюйсе теперь со всима теперь богáтырьми;
Со всима-то ты теперь состоишь-то вѣдь;
Не убьютъ тебя некто, некакой да изъ богáтырей.
Тибѣ въ чистóмъ пóлѣ да смерть не писана;
Ты помрёшь, Илья, во своёмъ домѣ родительскомъ.—

62.

Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши.

(У дѣда Василія Леонтьевича[1]).

Во славномъ городи во Кіеви
Добрынюшка сидѣлъ со своей съ ро́дной маменькой,
Онѣ подъ тѣмъ-то окошечкомъ косисьцетымъ,
Онѣ смотряли всё да во чисто́ поле.
Говорила Добры́ни ро́дна маменька,
Пожила вдова Омельфа Темоееевна:
„Что пора тебѣ, Добрынюшка, женитьце-то“.
Скоро́й отьвѣтъ дёржалъ Добрыня своей маменькѣ:
— Я женилсэ бы маменька родимая,—
У насъ въ Кіеви-то дѣвушки-то всѣ замужъ да исподаваны.
Мнѣ-ка нужно поѣзьдить по дальнимъ го́родамъ,
По села́мъ-то мнѣ и по деревьнямъ-то,
Поискать-то мнѣ невѣсты, красной дѣвици.—
Какъ ставалъ-то онъ скоро на рѣзвы ноги:
— Скучно, скучно здѣсь сидѣть мнѣ, добру молодцу.
Я поѣду да розгуляюсе;
Что сьѣжжу-то я во чисто́ полё,
Ись чиста́ поля проѣду на Пучай-рѣку.—
Спровожала ево маменька родимая,
На просьти́нахъ-то слово́ ему сказала:
„Поѣжжай-ко-се, Добрынюшка Никитичъ мой;
Не бери-ко своего коня да Воронеюшка,
Ты возьми коня-та батюшка родимого,
Ты возьми сво саблю вострую,
Ты возьми ево палицю военную,
Возьми плёточку шелко́вую;
Твой-отъ батюшко безъ плёточки не ѣжживалъ“.
Поѣхалъ Добрыня во чисто́ полё,
Увидалъ-то онъ и́скопоть лошадиную,
Онъ пусьтилъ коня туда доганивать;
Увидалъ онъ тутъ поленицю пріуда́лую:
На конѣ она по́ полю розгуливать,
На ворономъ по чистому розьѣжживать.
Подъѣжжаетъ онъ къ ней очунь близко-то,
Онъ вытёгиваетъ скоро лукъ тугія-ти,

[1]) Эту старину Г. Л. Крюковъ называлъ „мезенской“ и говорилъ, что онъ слышалъ ее отъ прохожаго. *Собир.*

Онъ направливаетъ стрѣлочку калёную,
Что ко стрѣлочки да приговариватъ:
„Вотъ лети, лети, моя стрѣла калёная,
Ты стрѣли, стрѣли въ поленицю въ буйну голову“.
Какъ летѣла-то стрѣлочка калёная,
Розьлетѣлась поленици въ буйну голову;
Сидитъ поленица—не овёрнитце,
Назадь она да не посмотритъ-то.
Онъ направливаётъ стрѣлочку второй-отъ разъ.
Розьлетѣлась стрѣлочка калёная
Она обратно-то, опять поленици въ буйну голову;
Поленица-та сидитъ да не овёрнитце,
Позади сибя да не посмотритъ-то.
Онъ стрѣляетъ въ поленицю въ третёй-отъ разъ;
Тогда поленица огленулась,
Огленулась она да розьмѣхнулась:
„Что думала я, что руськія комарики меня покусываютъ,—
Ажно руськія могучи-ти кіевськи бога́тыри
Калену́ стрѣлу въ меня пускаютъ-то“.
Она хватала-то Добрыню за́ желты́ кудри,
Спускала ево да во глубокъ кормапъ.
Везла она ево да трои суточки;
Проговорилъ-то тутъ у сй конь, лошадь добрая:
„Что молода моя хозяйка ты,
Что душочка Настасья-та Микулична!
Тежело мнѣ везьти да двухъ бога́тырей,
Когда раньше въ пору [1]) возилъ тебя одну я красну дѣвицю,
Красну дѣвицю, поленицю преудалую“.
Тутъ отьѣтъ держитъ Настасья-та Никулична:
„Что ты какой уда́лой доброй молодець?
Исъ какой земли, да ты которого города, села да урожда́-
нець-отъ
Чьего отца да чьей ты матери?
Ужъ ты князя ли сынъ, али короля-та сынъ,
Ты того-ли купця какого сынъ богатого,
Ли простого ты сынъ всё хресьянина?“
Отвѣчаётъ ей Добрынюшка Никитичъ-отъ:
— Тьбѣ чово нужно знать, поленица пріудалая?
Не скажу тебѣ про своего отца съ матерью,
Не повѣдаю, какого роду есь-то я.—

[1]) Въ смыслѣ какъ-разъ, только-что. *Собир.*

„Ужъ ты руськой-отъ могучой-отъ бога́тырь-этъ!
Кабы знала, что ты старой-этъ,
Я отрубила бы тебѣ да буйну голову;
Чтобы знала кабы я, что ты вѣдь мла́дой-этъ,
Назвала бы я тебя да ро́днымъ брателкомъ;
Кабы знала я, что ты лѣтами-ти да со мной на́ровень,
Я пошла бы взáмужъ за тебя-то всё".
Говоритъ-то сё доброй конь:
— Онъ вѣдь руськой-отъ могучой есь бога́тырь-этъ
Что по имени Добрынечка Никитичь-отъ;
Онъ вѣдь силою-ту супроти́въ тибя,
Онъ вѣдь сьмѣлосьтью вдвоёмъ тибя,
А лѣтами-ти онъ съ тобой вѣдь на́ровнѣ.—
Выпускала тутъ Добрынёчку Настасья-та Никулична;
Онѣ садилисъ скоро на добры́хъ коней.
Говоритъ-то тутъ Настасья-та Никулична:
„Ты бери, Добрынюшка, меня теперь да во супружество".
Какъ отвѣтъ держалъ Добрынюшка Никитичь младъ:
— Ты поѣдемъ-ко, Настасья дочь Никулична,
Къ намъ во славной городъ-отъ во Кіевъ-отъ,
Къ моей маменьки къ родимыя,
Къ пожилой вдовѣ Омельфы Тимоѳеевнѣ.—
Онѣ путь дёржали скоро въ Кіевъ-градъ;
Подъѣжали къ Добрыни къ широку́ двору,
Онѣ добры́хъ коней спускали во конюшну-ту,
Насыпали имъ пшеницы бѣлояровой,
Пошли въ полаты онѣ всё бѣлокаменны.
Какъ стрѣчаетъ ихъ вѣдь матушка Добрынина;
Говорилъ Добрынюшка да ро́дной матушки:
„Что нашолъ я теперь да себѣ сужону,
Ту-ли всё Настасью я Никуличну.
Мы пойдёмъ теперь съ Настасьёй во Божью́ церьковь,
Мы одёржимъ-то съ Настасьёй по злату́ вѣньцю".
Тутъ давала-то благословленье ро́дна матушка.
Они скорѣй того пошли да во Божью́ церьковь,
Одёржали-то Добрыня со Настасьёй по злату́ вѣньцю;
Шолъ у ихъ тогда да пиръ наве́сели.
Былъ на пиру-ту князь Владимеръ-отъ,
Была княгина Апраксе́ія;
Приглашо́ны-то вѣдь были всѣ бога́тыри.
Ужъ какъ вёлсэ пиръ да трои суточки;
Посьлѣ троихъ суточокъ-то вси госьти розьѣхались;

Оставалсэ только Добрыня съ молодой женой.
Прошло-то тому времени да три-то годичка.
Перестала тутъ Настасья-та Никулична
По чисту́ полю розъѣживать;
Жила она въ домѣ супруга-та
Со ево-то съ рóдной маменькой.
А какъ тоже [1]) князь (въ) почéстной пиръ
Посылалъ-то пóсловъ звать Добрынюшку Никитича
Со его-то онъ съ молодой женой.
Тутъ Добрынюшка Никитичь одѣвалсэ-то,
Одѣвалась хорошо Настасья-та Никулична;
Они пошли ко князю-ту да на почёстной пиръ.
Шолъ вѣдь день скоро у нихъ да прокатилсэ-то,
Пиръ весёлой-отъ да подъ конець пошолъ.
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы рѣчи:
„Кто бы нашолсэ изъ васъ, да изъ бога́тырей—
Ише съѣзьдить-то во ту землю въ невѣрную,
Какъ къ моему тесьтю любимому,
Прирубить-то ево войско—подошло къ ему войною-ту;
Онъ писалъ ко мнѣ, просилъ на помочь-ту бога́тырей;
Получалъ-то я вѣдь утромъ скору грамоту.
Кто изъ васъ будётъ да толь вѣдь доброй-этъ,
Чтобы могъ эту службу́-ту сослужить-то вѣдь?“
Тутъ бога́тыри всѣ замолчали-то,
Никто князю отвѣта не держали-то.
Говорилъ-то князь да во второй-отъ разъ,
Говорилъ-то князь и во третéй-отъ разъ.
Тогда со скамейки бѣлодубовой
Какъ ставалъ могучой руськóй бога́тырь-этъ,
Что тотъ-ли Алёшинька Поповичъ младъ:
— Ай кромѣ Добрыни изъ насъ никто тамъ не бывалъ-то вѣдь;
Добрынёчка у короля бывалъ-то тамъ;
Онъ вѣдь знатъ бой-отъ держать поихному.—
Говорилъ-то князь ему да таковы слова:
„Не исполнишь ты, Добрыня, наказаньица,—
Я розгнѣваюсь на тибя князь Владимеръ-отъ,
Выселю тибя да вонъ изъ Кіева“.
Какъ ставалъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Благодарилъ князя съ княгинюю,

[1]) Тотъ же? *Собир.*

Онъ пошолъ скоро́ да исъ полатъ-то вонъ;
Онъ идётъ скучно́й да къ родной маменькѣ,
Къ родно́й маменькѣ да молодой къ жонѣ.
Тутъ начелъ тутъ Добрыня въ путь-дорожку-ту зби́ратьце-то,
Въ далеку́ землю да отправлятьце-то.
Некому́ въ семьѣ о томъ не сказыватъ;
Тутъ узнали только нянюшки-ти, мамушки,
Всѣ Добрынины прислужницы,
Донесьли о томъ ево да ро́дной маменькѣ,
Пожилой вдовѣ Амельфы Тимооёвнѣ.
Она бьётъ [1]), сле́зно плачётъ-то,
Слезьми она да уливаитце:
„Ты куда, моё чадо́, да отправлянсьсе,
Ты куда, моя скатна́ жемчужина,
Ты куда у мня, сладка ягода нали́вная,
Ты куда, моё чадо любезно, отправлянсьсе?
Почто о томъ ты маменькѣ не скажошь-то,
Зачѣмъ родимой—тайносьти да не повѣдаешь?“
Говоритъ-то тутъ Добрыня ро́дной маменькѣ:
— Ты чего у мня всё выспрашиваешь,
Что у мня вывѣдываешь?
Что живой буду—къ тебѣ пріѣду-то
Помру—дакъ ждать тогда неково.
Я гнѣваюсь на тебя, моя маменька родимая:
Для чево меня, Добрынюшку, несчасново споро́дила,
Почему меня, Никитича да неталанного?
Гдѣ моё счасьё пріосталосе,
Кому опо отъ мня доставалосе?
Лучше ты меня несчастного на бѣлъ свѣтъ не споро́дила!
Лёжалъ бы я, Добрынюшка, да сѣрымъ камешкомъ
У той-ли у рѣкѣ да всё Пучай-рѣкѣ,
Вѣкъ-по́-вѣки лежалъ бы этотъ ка́мешокъ,
Некто его не шевелилъ бы никогда да не треложилъ бы;
Только ѣзьдятъ-то къ этому-ту камешку бога́тыри,
'ни тому камню́ да удивляютце.
Нѣтъ—споро́дила миня ты ро́дна маменька
Во чисто́мъ поли берёзинькой кудрявою;
Какъ у той-ли у берёзенькѣ
Какъ бога́тырь' отдыхаютъ во чисто́мъ полѣ.
Нѣтъ—бы ты меня Добрынюшку, да ро́дна матушка,

[1]) Челомъ—Добрынѣ? *Собир.*

Малёшенького въ корзиночку полóжила,
По Днѣпъ-рѣки по теченію спусьтила-то!
Миня не было бъ въ живыхъ да на бѣлóмъ свѣти.—
Во сьлезахъ Добрыни маменька сказала-то:
„Я вѣдь рада бы тебя на бѣлой свѣтъ спородить счастливаго:
Таланью-ту тебя да въ Илью Мурамця,
Силою тебя въ Светогора-та-богатыря,
Кротосью тибя въ Давида Кроткого
Хитросью тибя въ Салóмана Премудраго,
Храбросью тибя въ Олександра Храбраво [1]),
Красотой тебя бы въ Осипа Прекрасного,
Богатьствомъ-то тебя въ Садкá новогородскаго,
Походочкой тебя въ Чурила Плёнковиця,
Какъ тебя бѣгосьтвóмъ [2]) въ Добрынюшку Никитиця,
Какъ перомъ писать—въ Дуная-та Ивановича,
Сьмѣлосью тебя въ Алёшеньку въ Поповича.
У мня не было дѣтей, кромѣ тебя, да не единого.
Ужъ какъ не далъ Бохъ счасья,—теперь не будетъ-то".
Она пошла скорó въ полаты бѣлокаменны
Гъ богоданому своёму дитетку,
Къ молодой Настасьи-то Никуличнѣ:
„Чего сидишь, Настасья? ничого сидишь не вѣдаешь,
Надъ собой незвѣдушки [3]) не знаешь-то:
Какъ твой супругъ-отъ отправляитце,
Въ богатырьско платье одѣваитце.
Ты поди сходи-ко съ нимъ просьтись-ко-се;
Ты зайди къ нему со правого со стрéмена,
Говори-ко ты ему да со улыбкою,
Говори-ко ты вѣдь, какъ скажу-то я,
Какъ скажу-то, научу тебя:
„Ужъ ты ладушка моя, да лада милая,
Ты вѣньчельня моя лада, обручельняя!
Мы съ тобой, лада, въ Божьёй черьквы стояли-то,
Золоты вѣньци на головахъ дёржали-то,
Какъ изъ одной чары съ тобой мы роспивали-то,

---

[1]) На мой вопросъ, кто былъ этотъ герой, М. С. Крюкова сказала, что онъ, какъ она слышала отъ дѣда, говорилъ: „Кабы кольцо было на неби, всю Россію бы повернулъ, матушку". *Собир.*

[2]) Вмѣсто „вѣжествомъ". См. Онежскія былины, *Гильфердинга*, №№ 5, 149, 157, *Собир.*

[3]) Вмѣсто „невзгодушки". *Собир.*

Золотыма-ти перснями мы мѣнялисе:
Мы въ согласьи жили да три годичка.
Скучно мнѣ теперь съ тобой да роставатце-то!
Ты скажи-тко мнѣ, супругъ любимой мой,
Скажи ты мнѣ слова да всё пріятные:
Ты куда, моя надежда, собираисьсе,
Далече́ ли въ путь да отправляисьсе".
Говоритъ-то ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
— Ужъ ты ладушка моя да моя милая,
Ты дрожаюшша, мила́ супруга ты!
Я скажу-то тибѣ правду сушшую:
Что живъ буду—къ тебѣ пріѣду-то;
Живъ не буду—ждать тибѣ миня-то нѐчого.—
Она спрашиватъ ево да во второй-отъ разъ,
Она спрашиватъ ево да во третёй-отъ разъ.
— Я не буду къ тебѣ, Настасья, не пріѣду три-то годичька,—
Подожди, Настасья, ты ише́-то три;
Тому исполнитце-то времени да шесь-то годичковъ.
Ты исполни перьву заповѣдь женьскую,
Посиди-ко, подожди миня.
Какъ не пріѣду я друга́-та шесь-то лѣтъ,—
Тому исполнице двѣнадцеть лѣтъ;—
Тогда исполнишь заповѣдь-ту вдовьюю:
Ты давай тогды мою да золоту казну
На поминанье въ церьквы Божьія,
Въ мана́стыри-ти посылай да во спасёныя,
По вдовамъ давай да всё по бѣднымъ-то,
По сиротьскимъ давай малымъ дѣточкамъ.
А тебѣ, Настасья,—воля вольняя:
Хоть вдовой живи, хоть ты взаму́жъ поди
За того поди за князя, за кнежёвиця,
За короля поди, за прынца-та,
За того поди бога́тыря ты руськаго,
Ты иди-ко за купця да хоть богатого,
За простого-то иди хоть за хресьянина.
Только не даю тебѣ да дозволеньицо—
За тово ты за руського бога́тыря,
За моево брата крестового
За Алёшеньку Поповичя.—
Тутъ скоро-то Добрыня уѣжалъ да съ широка́ двора,
Уѣхалъ онъ да во чисто́ поле,
Ись чиста́ поля поѣхалъ въ ту землю невѣрную.

Какъ пріѣхалъ онъ къ тому да королю къ невѣрному,
Онъ вѣдь начелъ рубить войско непріятеля.
Онъ не много воёвалсэ, всё не мало-то;—
Какъ прошло-то тому времени двѣнадцеть лѣтъ;
Не возрашшалсэ домой Добрынюшка Никитичъ-отъ,
А когда уѣхалъ былъ Добрынюшка Никитичъ младъ—
Тому времени прошло да три-то годичька [1]),
Пріѣжаетъ-то Алёша ись чиста́ поля;
Привозилъ онъ вѣсточку Владимеру:
„Что видѣлъ я во чистомъ полѣ-то,
Что лёжитъ бога́тырь-отъ убитой-этъ;
Опозналъ я всё по платьицю по цьвѣ́тному.
Что надоть быть моему брату крестовому
Что тому-ли всё Добрынюшки Никитичу.
Ты поди-тко-се, сходи, князь, къ его ро́дной маменькѣ,
Передай ты имъ это извѣсьицо“.
Одѣвалсэ князь Владимеръ-отъ,
Онъ пошолъ скоро къ Добрыниной ко маменькѣ;
Передалъ-то онъ ей извѣсьицё, што получилъ отъ Алёшеньки Поповиця.

---

[1]) Слѣдующее за симъ мѣсто А. М. Крюкова (ср. № 6) поправила такимъ образомъ: *Собир.*

Прошло-то тому времени три годицька.
Соболина шубоцька прошу́мѣла
Сафьяны-ти сапожки проскры́пѣли,
Черна́ шляпа пухова на головушки сосьвѣтила;
Кушакъ-отъ былъ у князя-то семи шелковъ.
Приходитъ онъ къ Настасьи-то къ Микулишны;
Во перьвы́хъ спросилъ вдову Омельфу Тимоѳеевну.
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіеской:
„Ужъ ты гой еси, Омельфа Тимоѳеевна!
Ты отдай-ко богодана-та дитятка,
Ты отдай-ко-се за́мужъ за Олёшеньку Поповиця“.
Говорила-то Емельфа Тимоѳеевна:
— Про то знатъ сама Настасья дочь Микулишна.—
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Настасья дочь Микулишна!
Я вѣдь самъ ѣздилъ вчарасе во чисто́ полё,
Я розьвѣдывалъ вѣсьти, перевѣдывалъ;—
Ишше пѣту въ животи Добрынюшки Никитича:
Его бѣло-то тѣло приростá́рзано;
Ево костоцьки по полю-ту розношены,
Достальнё-то всё ево да тѣло бѣлоё
Проросло-то у ево всё муравой-травой.
(И другой разъ, и третій онъ при́детъ къ ней,—тогда она и пойдётъ).

Тутъ заплакала Добрынина да рóдна маменька.
Говоритъ Добрынина да молода жона:
„Я нейму-то, всё невѣрю-то;
Неправду сказыватъ Алёшенька Поповичъ-отъ.
Подожду я 'шше Добрынюшку друга́ три года".
Какъ прошло-то тому времени-то шесь годовъ,
Привозитъ-то Алёшенька извѣсьтіе,
Что, слышилъ онъ, убитъ Добрынюшка въ землѣ невѣрной-то.
Какъ приходитъ князь опять къ ево родимой маменькѣ.
Туть заплакала Добрынина да рóдна маменька.
Говоритъ опять Настасья-та Микулична:
„Я нейму-то всё у его Алёшеньки, не вѣрю-то.
Ишше хто ему далъ-то всё изьвѣсьицё?"
Какъ исполнилось тому времени-то деветь годичьковъ,
Запосылалъ тутъ Алёша князя-та Владимира:
„Ты сходи-ко, поди, князь Владимиръ-отъ,
Къ Добрынинои да къ рóдноѣ маменькѣ,
Ужъ ты сватайсе на Настасьи на Микуличнѣ".
Какъ пошолъ князь скоро ко Добрынинои да рóдноѣ маменькѣ;
Онъ заходитъ къ имъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ вѣдь спрашиватъ да у прислужниць-то:
„Вы дол'жите-тко Омельфы Тимооеёвны,
Что пришолъ я къ ей да посовѣтовать:
Что я слышалъ-то теперь да вѣсь-ту праведьливую,
Что нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича".
Приходила тутъ Добрынина-то рóдна маменька:
„Ужъ ты здрастуй-ко-се, князь Владимеръ-отъ!
Ты каку припёсъ къ намъ вѣсточку радосьню?"
— Хоть нерадосью я вѣсть-ту вамъ принёсъ теперь:
Вдостовѣръ-то нѣтъ Добрынюшки въ живыхъ у тя.
Какъ ждала его Настасья-та двѣнадцеть лѣтъ,
Не могла его она дождатьце-то.
Ты отдай теперь Настасью-ту Никуличну,
Ты отдай замужъ за Алёшеньку Поповиця.—
Отвѣчаетъ тутъ Добрынина да рóдна матушка:
„Я не знаю про Настасью про Никуличну;
Есьли́ пойдётъ она, дакъ и пушшай идётъ;
Не пойдётъ, не пожелатъ,—дакъ я не вы́даю".
— Ты поди, поди, Настасья, за Алёшеньку взаму́жъ Поповиця.—

„Я ждала Добрынюшку шесь годичьковъ,
Исполняла тогда заповѣдь-ту женьскую;
Теперь исполнилось двѣнадцеть лѣтъ,—
Исполнила заповѣдь-ту вдовьюю.
Я иду теперь взамужъ за Алёшеньку Поповича".
Какъ ведутце у князя-та пиры весёлыя,
Что идётъ свадьба́ Алёшеньки Поповича,—
Далече́-то, далече́ да во чисто́мъ полѣ
Сыпитъ Добрыня во бѣло́мъ шатрѣ
Крѣпкимъ сномъ-то онъ да богатырскимъ-то.
Тутъ забилъ-то конь копытомъ о сыру землю,
Ростреложилъ Добрынюшку Никитича,
Розбудилъ-то онъ Добрынюшку отъ сна-та утренна.
Говоритъ Добрынюшка да таковы слова—
Ударилъ онъ плёточкой шелко́вою:
„Что ты, волчья сыпь да травеной мѣшокъ,
Не захотѣлъ мнѣ служить да вѣрой-правдою?"
— Нечево́ ты, Добрынюшка, не знаешь-то,
Что во твоей сомьѣ несчасьё-то случилосе:
Молода твоя жона взаму́жъ пошла
За мла́дого Але́шеньку Поповича.—
Онъ скакалъ скоро на своево коня да Воронеюшка,
Онъ сьтегалъ его плёточкой шолко́вою.
Пріѣжатъ-то скоро на широкой дворъ;
Онъ не привезалъ коня да гъ золоту кольцу,
Спускалъ ево всё да во конюшну-то,
Пошолъ онъ скоро въ полаты́-то бѣлокаменны.
Тутъ за нимъ-то всѣ идутъ прислужники, прислужници,
'ни приносятъ жалобу къ Омельфы Тимоѳеёвны:
„Что пріѣхалъ тотъ бога́тырь-отъ скорымъ гоньцёмъ да псъ чиста поля,
Безо всякого дозволенья прошолъ къ тебѣ въ полату бѣлокаменну".
Тутъ заплакала Добрынина-та ро́дна маменька:
— Кабы былъ у мня во живности Добрынюшка Никитичъ-отъ,
Не удалось тебѣ бога́тырю да насьмѣятьце-то
Надъ моимъ дворомъ сиротьскимъ-то.—
„Ужъ ты гой еси, Омельфа Тимоѳеевна!
Ты не гнѣвайсе на меня на руського бога́тыря:
Я зъ дозволеньица пріѣхалъ всё Добрынина.
Мы вчерась зъ Добрынёй прирозьѣхались;

Онъ поѣхалъ во чистó полё,
Меня послалъ во городъ-отъ во Кіевъ-отъ
Передать тебѣ нискóй поклонъ“.
— Не насьмѣхалсэ ты, рускóй могучой-отъ богáтырь-этъ,
Кабы былъ въ живыхъ Добрынюшка, наѣхалъ бы.—
„Я динуюсе тебѣ, да рóдна маменька,
Что не признала ты меня Добрынюшки Никитичя“.
— У мня вѣдь былъ Добрынюшка Никитичъ младъ,—
Его личенько вѣдь было какъ порошки снѣгу бѣлого,
На ёмъ платьё было всё вѣдь цвѣтное.—
„Ты родима моя маменька,
Какъ дожжами-ти на мнѣ всё платьичё причёлкано,
Краснымъ солнышкомъ лицё моё да запеклосе всё“.
— У моёго-то у дитетка
Какъ была у его всё примѣточка—
На правóй-то ноги́ была родинка.—
Скинывáлъ-то онъ сапожки тутъ сафьянные,
Показалъ-то онъ придьмѣточку.
Тутъ узнала его маменька родимая,
Во сьлезахъ она всё росказала-то:
— Что твоя-та молода жона
’на ушла замужъ за Алёшеньку Поповиця.
Онъ сказывалъ мнѣ вѣсточки нерадосно;
Я скорьбила о тебѣ да ретивó серьцо,
Я сьлезила о тебѣ да очи ясныя.—
„Неси, маменька, мнѣ всё, родимая,
Ты неси-ко моё платье цвѣтное,
Ты неси-ко мои гусьлици игрóмыя;
Нарежусь-то я скаморошиной,
Я пойду ко князю на широкой дворъ,
Съ широкá двора зайду въ полаты бѣлокаменны“.
Одѣвалсэ тутъ Добрыня скаморотьшиной,
Бралъ съ собою звоньчаты́ онъ свои гусьли-ти;
Онъ заходитъ всё ко-князю ко Владимеру,
Онъ хрестъ кладётъ да по писáному,
Онъ поклонъ ведётъ да по учёному,
Онъ кланеитце князю со княгиною:
„Ужъ и здрастуй, князь Владимиръ стольне-кіеськой!
Ты дозволь-ко мнѣ-ка мѣсто, куда сѣсь-то мнѣ“.
— Вашо мѣсто-то да скоморошьноё
Что на печьки на муравленой.—
Заходилъ-то онъ на мѣсто, гдѣ назначено.

„Ты дозволь-ко мнѣ-ка, князь, да всё зыграть въ гусли“.
— Ты играй-ко, играй, да скоморотьшина.—
Онъ вѣдь зачелъ тутъ выигрывать.
Онъ берётъ-то всё да исъ Царя́града,
Наговаривать на красной Кіёвъ-градъ,
Алёшеньки Поповичю напе́ривать,
Настасьи то Никуличны да выговаривать.
Тутъ Настасьюшка да догадаласе,
Тутъ Никулична узнала-то.
Говоритъ она да таковы рѣчи:
„Ты позволь-ко, князь Владимеръ, мнѣ
Ты налить-то мнѣ-ка чарку мёду сладкого,
Поднесьти-то мнѣ да кому надобно“.
— Наливай-ко-се, Настаья дочь Никулишьня,
Подноси тому, да кому надобно.—
Наливала она чарочку да мёду сладкого,
Поднесла она уда́лой скоморотьшинѣ.
Принималъ-то скоморотьшина одной рукой,
Выпивалъ-то онъ да на единой духъ;
Говорилъ-то онъ тогда да таковы слова:
„Ты позволь-ко, князь, мнѣ слово вымолвить;
Ише дай-ко мнѣ-ка позволеньица
Какъ налить-то мнѣ-ка чару мёду сладкого,
Поднесьти-то мнѣ, кому жалаю-то“.
Подносилъ-то онъ вѣдь чарочку Настасьи-то Никулишнѣ.
Выпивала она чароцьку да мёду сладкого;
Прикатилсэ къ се́ устамъ саха́рнымъ золотой перстень.
Она хватала скоро золстой перстень,
Одѣвала-то себѣ на пра́ву ручушку;
Сама скакала-то изъ-за тѣхъ столовъ’зза бѣлоду́бовыхъ,
Она падала Добрынюшки да во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти, просьти, Добрынёчка Никитичь младъ!“
— Я прошшаю тибя, Настасья всё Никулична.
Не дивую я тибѣ да уму женьскому,
Я дивую только князю-ту Владимеру
Потому-то, что у жива́ мужа жену отьнелъ.—
Тутъ ставалъ Алёшенька Поповичъ младъ,
Онъ говорилъ-то всё таки рѣчи:
„Ты просьти, просьти меня, брателко крестовой-отъ,
Ты во той вины меня да, въ виноватой-то [1]),

[1]) Вмѣсто „виноватого“. *Собир.*

Шьто посидѣлъ я возлѣ твою-ту любу́ семью".
— Въ той вины тебя, братець, Бохъ просьтитъ;
Только въ той не прошшу тибя,
Что оммануллъ ты мою маменьку родимую:
Сказалъ—нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитичя.
Онъ хваталъ Алёшу за желты́ кудри,
Онъ бросалъ его да о кирпичной полъ,
Хотѣлъ сказьнить у-ево да буйну голову
Ише той-ли всё да саблей острою.
Удёржалъ у его саблю острую
Что старо́й казакъ да Илья Мурамець:
„Розойдитесь вы вѣдь, братьиця-та, помиритесь-ко".
Онъ бралъ тутъ молоду жону;
Пошли онѣ да къ ро́дной ма́менькѣ.

63.

Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ.

(У покрученниковъ съ р. Мезени).

Что стоялъ-то шатёръ да во чисто́мъ полѣ.
Во шатрѣ-то спа́ло два бога́тыря:
Что перьво́й-отъ Добрынюшка Никитичъ-отъ,
Что второй-этъ Олёшенька Поповичъ-отъ.
Они скоро тутъ бога́тырь'просыпалисе,
Умывалисе онѣ да ключевой водой.
Говорилъ-то Алёшенька Поповичь-отъ:
„Мы поѣдемъ-ко, брателко крестовой отъ,
Съѣзьдимъ на эту гору мы высокую:
Не увидимъ ли чево мы, не услышимъ ли?"
Они скоро-то садились на добры́хъ коней,
Заѣжали'ни на ту гору высокую,
'ни смотрили тутъ во трубочки подзорныя.
Нечево-то не видать нигдѣ,
Никакой не ѣзьдитъ нигдѣ бога́тырь-отъ.
Пріѣжали'нѣ обратно ко бѣлу́ шатру,
Заходили они въ бѣло́й шатёръ,
Они зна́чели роспивать да разны водочки,
Какъ играть-то они начели во карточки;
Поигравши они въ карты, спать легли.
Какъ заснулъ-то крѣпкимъ сномъ Алёшенька Поповичь-отъ,
Какъ Добрынюшка Микитичь-отъ не сьпитъ, лёжитъ,
Онъ не спитъ, лёжитъ, да всё вѣдь слушаётъ.

Шьто со южную-то было со стороночку,
Что не шумъ шумитъ, да тамъ не гамъ гамúтъ,
Не погодушка во пóлѣ росшумѣласе;—
Тутъ крыцитъ-то богатырь зычнымъ голосомъ:
„Ты остойсе-ко-се, мой вѣдь доброй конь!
Шьчо пора тебѣ коню да отдыхать теперь.
Я вѣдь буду становить шетёръ полóтьнепой“.
Заходилъ скоро тотарьничокъ въ бѣлóй шатёръ.
Тутъ вѣдь видитъ Добрынюшка Никитичь младъ;
Не до спáнья пришло да тутъ Добрынюшки.
Онъ не знатъ, взбудить ли Олёшеньку Поповиця:
„Какъ збужу-то я Алешу, лутьче не надѣлаю:
Ишí Алеша-та вѣдь роду, роду нѣжного;
Онъ вѣдь сквозь просонья не узнатъ, да шьто случилосе,
Потерятъ-то онъ да свою голову.
Я помѣшкаю Добрынюшка до утрія;
Я вѣдь ноченьку да всю вѣдь я продумаю,
Какой хитросью убить да мнѣ тотарина“.
Выходилъ-то по утрý, да утру ранному,
Выходилъ-то исъ шетра Добрынюшка Никитичъ-отъ;
Онъ смотря-то тутъ вѣдь въ трубоцьку подзорную,
Видитъ—недалече-то отъ ихъ стоитъ шатёръ.
Онъ садилсэ скоро на добрá коня;
Подьѣжаетъ онъ къ шатру да ко тотарину,
Онъ крыцитъ-то, зычитъ да звычнымъ голосомъ:
„Ты ставай, ставай, тотаринъ злой,
Пробуждайсе-ко, злодѣй, да поскорёшенько!
Вотъ со мной зъ Добрыней повоюимсе“.
Тутъ держалъ отвѣтъ тотаринъ-отъ:
—Не желаю я ставать да утромъ раннымъ-то.
Мнѣ-ка жаль тебя, Добрынюшка Никитичъ-отъ:
Понапрасну утеряешь буйну голову.—
„Ты ставай, ставай, злой тотаринъ-отъ,
Тебѣ полно, злодѣй, да отговаривать!“
Выходилъ скоро тотаринъ изъ шетра-та вонъ,
Онъ садилсэ-то тотаринъ на добрá коня,
Онъ садилсэ, самъ да россмѣхнулсэ-то:
—Я вѣдь думалъ, шо, Добрынюшка, ты говоришь во шутку-то
Потеряешь ты свою да буйну голову.
Ты скажи-ко луччэ, какой смерти желаешь ты.—
„Молодой ише тотаринъ, въ молодыхъ годахъ,
Ише смѣшь надо мною насмѣхатце-то?“

Они съѣхались-то скоро другъ-то съ другомъ-то,
Они другъ друга́-то крѣпко ударили;
Сабли вострыя у ихъ да поломалисе;
Не которой-отъ другъ друга не ранили.
Во второй-отъ разъ они опять вѣдь съѣхались.
Тогда падалъ-то Добрынинъ конь да на рѣзвы́ ноги;
Какъ стегалъ его Добрынюшка Никитичь-отъ:
„Ты чего, ты конь мой, устрашилсэ-то?
Будто по чисту полю некогда не ѣжживалъ,
Ужъ тотаръ-то будто никогда не видывалъ?“
Отвѣчаетъ тутъ конь человѣческимъ-то голосомъ:
—Ты напрасно бьёшь меня, Добрыня-свѣтъ Микитичъ-отъ:
Ужъ какъ передъ тимъ-то палъ на матушку сыру землю,—
Не состоять-то тебѣ будетъ со тотариномъ,
Побѣдитъ тебя да злой тотаринъ-отъ.—
На отвѣтъ-то отвѣчалъ Добрынюшка Никитичъ-отъ:
„Ты издохни-ко самъ, да лошадь злая-та!
Какъ не я помру Добрынюшка Никитичъ-отъ“.
Не сказалъ конь нечего, простоналъ только.
„Ты помри, помри-ко самъ, да лошадь добрая!“
Они съѣхались съ тотариномъ, ударились.
Тогда хваталъ тотаринъ-отъ Добрыню за жёлты́ кудри,
Онъ бросалъ ёго о матушку сыру земьлю,
А садилсэ-то къ ему да на бѣлы́ груди,
Онъ споролъ-то вѣдь ему да груди бѣлыя,
Вынималъ-то онъ его серьцё богатырьскоё;
Самъ уѣхалъ тотаринъ спать во бѣло́й шатёръ.
Что по сходу-ту вѣдь было красна солнышка,
Пробуждаитце Олёшенька Поповичь младъ,
Смотритъ—нѣту-то Добрынюшки Никитича:
„Онъ куда, куда у мня да всё уѣхалъ-то?
Онъ гулять, вѣрно, уѣхалъ во чисто́ полё“.
Выходилъ скоро Але́ша изъ бѣла́ шатра,
Бралъ съ собою-то онъ трубочку подзорную,
Онъ смотрялъ, смотря на всѣ чотыре сто́роны;
Негдѣ не могъ-то онъ увидѣть Добрынюшки Никитича.
„Онъ куда-то такъ уѣхалъ, не сказалсэ-то?“
Вдругъ соржалъ-то вѣдь Добрынинъ его доброй конь.
Огленулсэ тутъ Але́шенька Поповичь-отъ,
Онъ вѣдь видитъ—далече стоитъ Добрынинъ конь,
Неуря́жонъ онъ стоитъ въ збруи коньской-то,
Неучосаной стоитъ да неуглажаной.

Онъ скакалъ скоро Алёша на добра́ коня,
Подъѣжаетъ онъ къ Добрынюшкиному добру́ коню;
Какъ стоитъ-то его доброй конь,
Какъ повѣсилъ буйну голову съ могущихъ плець;—
Онъ тоскуетъ, вѣрно, по хозяинѣ.
Погледѣлъ недалече́ отъ добра́ коня,
Увидалъ-то—лежитъ убитъ Добрынюшка;
Прибѣгаетъ онъ къ Добрынюшки Никитичю,—
Закатилисе у Добрыни очи ясныя.
Какъ вѣдь плакалъ тутъ Олёшенька Поповичъ младъ:
„Тебѣ Богъ судья, Добрынюшка Никитичъ-отъ!
Ты зачѣмъ, поѣхалъ, не розбудилъ меня?“
Онъ смотрѣлъ тогда въ трубку подзорную;
Увидалъ-то онъ во по́лѣ шатёръ бѣлой полотьненой;
Обозналъ, што, по шатру-ту, былъ неруськой-отъ богатырь-
отъ,
Пріѣжжающшой, невѣрной-отъ.
Онъ крычалъ-то, звычалъ да звычнымъ голосомъ:
„Ты ставай, ставай, тотаринъ, ты злодѣй-отъ вотъ!
Ты зачѣмъ убилъ Добрынюшку Никитича?
Что давай со мной съ Олёшенькой побра́таимсе“.
Выходилъ-то злой тотаринъ изъ бѣла́ шатра,
Онъ садилсэ скоро тотаринъ на добра́ коня,
Онъ садилсэ-то, да самъ онъ розьсмѣхнулсэ-то:
—Шо, желаешь ты, Алёша, со мной бой дёржать?
Попапрасному, Алёша, это здумалъ-то.
Вашъ-отъ родъ-отъ всё попоськой-отъ,
Что попоськой родъ завидной-отъ,
Что завидной родъ завиду́шшой-отъ;
Ваши глаза-ти всё завидушшія,
Ваши бѣлы-ти вѣдь ручки загрэбушшія.
Ты прельстилсэ на моёго коня богатырского,
Какъ на ту-ли вѣдь збрую-ту серебрену.—
Отвѣчаетъ тутъ Олёшенька Поповичь-отъ:
„Ты бы радъ бы съѣсь меня, проглотить, собака зла!
Каково́ ише миня да Бохъ вѣдь выдасъ-то“.
Они скоро-то другъ съ другомъ съѣхались;
Они другъ друга́ взели саблеми ударили,
Они другъ друга́-та до болька́ не ранили.
Они ’ зе́ли-то второй-отъ разъ-отъ съѣхались;
Ише они такъ сильнё ударились,—
Мать сыра земля тогда да здрожала вся,

Изъ озёръ, изъ рѣкъ вода да поливаласе.
Пособилъ Бохъ побѣдить тотарина Алёшенькѣ;
Онъ киналъ тогда злого-то тотарина
Онъ на матушку его да на сыру землю,
Самъ садилсэ скоро къ нему да на черны́ груди,
Онъ хочетъ пороть да груди чёрныя,
Вынимать-то его серьцо всё тотарьскоё.
Вдругъ не о́ткуль взялсэ чёрной воронъ-отъ;
Говоритъ-то воронъ Алёшеньки Поповичу:
„Не пори-ко у тотарина черны́хъ грудей,
Ты спусьти, спусьти его да какъ домой жива́.
Сослужу я тебѣ за то да службу вѣрную.
Далеко-то я съ̀летаю за сини́ моря,
Что на тѣ-ли я на воды, воды тёплыя,
Я достану тамъ, найду да воды ме́ртвою,
Во вторыхъ же я достану-то живой воды,
Принесу е [1]) я тебѣ да черезъ три-то дня“.
Вдругъ-то сталъ-то чёрной воронъ-отъ невидимо.
Онъ спускалъ тогда злого всё тотарина,
Только съ тѣмъ спускалъ, съ такимъ да онъ условіёмъ,
Что поло́жить-то тотарину заповѣдь великая,
Что не ѣзьдить болѣ ему на сьветую Русь,
Что не битьце болѣ съ руськима бога́тырьми.
Прилетаетъ-то чёрной воронъ чересъ трои суточки,
Принёсъ-то живой воды ему онъ, мёртвой-то:
„Ты возьми, возьми, Алёшенька Поповичь младъ,
Ты возьми-ка наперёдь да воду мёртвую,
Ты взбрызни-ко-се Добрынюшку Никитиця;
Во вторыхъ возьми брызни-ко ты живой водой“.
Вдругъ-то сталъ вѣдь воронъ всё невидимо.
Тутъ послушалъ-то Алёша ворона-та наказаньицё;
Во перьво́й-отъ разъ брызнулъ водой мёртвою;
Тутъ срослось Добрыни тѣло бѣлоё.
Какъ брызну̀лъ онъ во второй-отъ разъ,
Простоналъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-отъ;
Открывалъ-то вѣдь онъ скоро очи ясныя,
Говорилъ-то онъ самъ таковы слова:
„Не знай, много ли я, мало ли то спалъ вѣдь здѣсь?
Ужъ я думаю, что вѣдь долго спалъ;

[1]) Вмѣсто „ей“ = ее. *Собир.*

Почему же я вѣдь скоро сталъ?“
Отвѣчаетъ тутъ Алёшенька Поповичъ-отъ:
—Ужъ и спать-то было бы, братецъ крестовой-отъ.
Здѣсь бы было тебѣ вѣкъ всё на вѣки,
Кабы не я помогъ Алёшенька Поповичъ-отъ,
Не побѣдилъ бы я злого тотарина:
Когда побѣдилъ-то я зла тотарина,
Я хотѣлъ пороть да груди чёрныя,
Тутъ прилетѣлъ воронъ со стороны тотарьскою,
Проговорилъ-то онъ таки рѣчи:
„Не убивай-ко ты, не пори у тотарина черны́хъ грудей,
Ты спусьти, спусьти его домой жива.“—
Тутъ скакалъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Обнималъ-то своего брата крестового,
Прижималъ-то его къ своему къ ретиву́ сердцю,
Называлъ-то онъ его братомъ крестовымъ-то:
„Мы поѣдемъ-ко теперь да въ красной Кіевъ-градъ,
Мы роскажомъ-ко про мо́е про несчасьицо;
Принесу-то благодарность за тебя я, Олёшенька,
Розкажу-ту про тебя князю Владимиру,
Я твоёго-то добра вѣкъ не забуду-то,
Доколь живъ-то я, буду благодарить тебя.“

64.

Алеша освобождаетъ изъ плѣна сестру.

(У дѣда Василія Леонтьевича и у покрученниковъ съ р. Мезени; пѣли одинаково).

Во славномъ городи во Кіеви
Заводилсэ у князя-та почёстной пиръ.
Собиралъ-то вѣдь онъ могучихъ всѣхъ руськихъ бога́тырей,
Поленицъ-то всѣхъ да преуда́лыхъ-то.
Что навёсели идётъ у ихъ почёстной пиръ;
Князь Владимиръ-отъ по комнаты погуливатъ;
Говорилъ-то князь да таковы слова:
„Кто бы, кто бы изъ васъ, бога́тыри,—
Ужъ вы съѣздили да на Пучай-рѣку,
Привезли съ Пучай-рѣкѣ да ключевой воды
Мнѣ князю-ту Владимеру съ кнегиной пріумытисе,
Пріумытисе да помолодитисе?“

Тутъ ставалъ-то Алёша на рѣзвы́ ноги,
Говорилъ-то онъ да таковы слова:
Я вѣдь съѣжжу, князь, да на Пучай-рѣку,
Привезу-то тибѣ ключевой воды, —
Поѣжаетъ тутъ Алёша во чисто́ поле,
Ись чиста́ поля́ подъѣжаетъ онъ къ Пучай-рѣкѣ;
Почерпнулъ онъ взялъ да ключевой воды,
Поѣхалъ прямо въ Кіевъ-градъ,
Привозилъ воды князю Владимиру.
Умывалисе онѣ да ключевой водой,
Ай умылисе они да наредилисе,
Наредилисе, помолодилисе.
Тутъ дарилъ-то князь Владимеръ-отъ
Какъ Алёшеньку Поповиця
Какъ вѣдь тимъ-то пе́рышкомъ орлинымъ-то,
Которо достато было съ острова Буяна-та,
Что подарёно было князю-то Владимеру
Что у тѣхъ госьтей у карабельшиковъ.
Ай какъ го́ворилъ Алёшенька Поповичь-отъ:
„Ты дозволь-ко мнѣ-ка, князь, да дай-ко волюшку,
Мнѣ-ка дай-ко съѣзьдить на свою-ту родину,
Повидатьце мнѣ съ отцемъ и съ матерью,
Попроситъ-то мнѣ у нихъ благословленьица:
Не пріискали ли мнѣ они невѣсты, красной дѣвици?
Не пріискали — дакъ не могу ли я самъ себѣ да пріискать-то гдѣ,
Во своей-ли де я всё на родины,
Ели не на своей, хоть на дальной сто́роны?
Ужъ какъ всѣ, князь, у тибя въ Кіеви пожёнёны,
Только я одинъ да холостой живу“.
Говоритъ-то ему князь Владимиръ-отъ:
— Ты женись, женись, Алешёнька Поповичь младъ,
Тебѣ даваю я да позволеньицо,
Хоть у насъ женись, да въ красномъ Кіеви,
Ай хоть у себя женись да въ славномъ городи,
Въ славномъ городи въ своёмъ да ты въ Ростови-то,
Хоть во тѣхъ женись дере́вьняхъ во простыхъ да не въ горо́дскихъ-то;
Ты вѣдь тутъ бери, гдѣ только тибѣ понравитце.—
Поѣжжаетъ тутъ Алёшенька Поповичъ-отъ,
Поѣжжаетъ скоро онъ да во чисто поле.
Онъ вѣдь день ѣхалъ, второй ѣхалъ;

Становилъ-то онъ бѣло́й шатёръ поло́тьненой,
Призаснулъ-то онъ сномъ богатырскимъ-то.
Пробужаитце по утру ранному;
Ему пекётъ въ глаза да соньцё красное.
Выходилъ-то онъ изъ шатра да изъ поло́тьнена;—
Какъ летитъ-то по нёбу́ да ясной соколъ-отъ,
Онъ летитъ-то, самъ да выговариватъ:
„Тибѣ полно почевать, Алёша, спать да во чисто́мъ полѣ!
Поѣжай-ко-се туда, куда прикажу я ѣхати,—
Поѣжай-ко-се ты въ степи въ Саратоськи,
Ты во тѣ луга да во зелёныя.
Тамъ во тѣхъ лугахъ да во зелёныхъ-то
Есь въ поло́нъ-то взя́та красна дѣвиця,
Красна дѣвиця есь, дочь отеческа.
Хоть она будётъ не сужона тибѣ красна дѣвиця,
Хоть прельсьтисьсе на ей да всё обзарисьсе,
Но не будетъ она тебѣ да молодой жоной“.
Удивилсэ-то такому чуду-то Алёшенька;
Онъ стоялъ-то чясъ времени при розмысленьици:
„И не знай, мнѣ ѣхать ли, не ѣхать ли,
Не знай правду сказалъ соколъ, не знай кривду-то?
А давай я сьѣжжу-ту да попровѣдаю“.
Поѣхалъ Алёша во тѣ степи Саратоськи
Тима́ лѣсами всё дремучима,
Тима́ садами всё зелёныма.
Пріѣжаетъ въ тѣ сады въ зелёныя,
Онъ вѣдь смотритъ въ трубоцьку въ подзорную;
Увидалъ-то бѣло́й шатёръ поло́тьненой,
Онъ спустилъ коня гулять да по чисту́ полю,
Самъ пошолъ къ тому шетру къ поло́тьнену,
Онъ вѣдь спрятался тутъ за старой дубъ;
Онъ стоитъ-то всё да тутъ выслушиватъ.
Шьчо не бѣлая-то лебедь, лебедь ки́ка́ла,
Красна дѣвушка въ полону да слёзно плакала,
Плакучи́сь-то вѣдь она да выговаривала:
„Какъ недѣлечька тому да поры-времени,
Когда я была въ доми во родительскомъ;
Я учясывала́ свою да буйну голову,
Уплетала не сама я трубчяту́ косу,
Уплетала у миня да ро́дна маменька,
Уплетала-то она да приговаривала:
„Что ты поди, поди гуляй, да красна дѣвиця,

Что во тотъ-то во прекрасной садъ;
Не ходи-ко ты во ту стороночку во западну:
Не очунь давно-ка здѣсь случилосе—
Злыхъ тотариновъ за городомъ поимали-то".
Тутъ пошла гулять я красна дѣвица;
Не исполнила-то приказанья рóдной маменькѣ,—
Захотѣлось посмотрять мнѣ во стороночку во западну.
Вдругъ не вѣтромъ по мнѣ ударило,
Какъ не громъ-то да прогремѣлъ-то вѣдь,—
Говорили тутъ троё тотариновъ:
„Мы вѣдь думали — не дождатьце-то сегодьне тибя, красна дѣвица;
Ты сама-то къ намъ да какъ зашла суда.
Увезёмъ тибя въ поганую въ землю, въ невѣрную,
Мы возьмёмъ кому-ли во супружесьво.
Какъ у насъ-то вѣдь вѣрá да есь вѣдь лёккая:
У насъ ненадоть мыть да лиця бѣлого,
У насъ ненадоть молитьце образамъ пречуднымъ-то
У насъ ненадобно хранить да среды, пятьници;
Какъ у васъ вѣдь на сьветой Руси
Привелось бы тебѣ, красна дѣвица,
Вытьти взамужъ-отъ за руського могучого богáтыря,
Хоть за купця-госьтя торгового,
Хоть за прожиточнёго простого за хресьянина,—
Тебѣ была бы вѣра-та тежолая:
Тебѣ надобно бы было мыть да лицо бѣлоё,
Какъ вѣдь ксьтить тебѣ твоё да лицо бѣлоё,
Поклонятьце вѣдь да чуднымъ óбразомъ".
Они схватили миня красну дѣвицу,
Увезьли въ полонъ да во чистó полё,
Ись чистá поля въ Саратовськи да дики степи-ти".
Какъ сидитъ-то красна дѣвушка, слезьми да уливаитце
А сама такіе рѣчи выговариватъ:
„Ты талань, талань моя несчасная,
Пала учесь моя несчестливая!
Ты куды, талань, у мня дѣваласе?
Ты въ темнóмъ лѣсу ли, въ лѣси заблудиласе,
Во жидкíхъ ли мхахъ гдѣ, во болотахъ-то,
Во преглýбистыхъ тихихъ озёрахъ-то?
Во Дунай-рѣкѣ лежишь ты камешкомъ горючíимъ,
По синю ли по мóрю плаваешь ли сѣрой утицéй,

На тихихъ заводяхъ-то плаваешь бѣлою лебедью?
Не оттуль ты улетѣла-то?
Прилетѣла ты ко матушкѣ къ сырой землѣ,
Зарывалась ты во матушку въ сыру землю,
„Не видать, сказала, тебѣ учесьти, да красна дѣвица!“
Одна на свѣти пала я несчасная
Изо всѣхъ изъ дѣвиць-то изъ подружочокъ!“
Говорилъ-то тутъ перьвóй тотаринъ-отъ:
— Не плачь, не плачь, да красна дѣвиця,
Что ты руська молода поляночка!
Что на дѣлу́ ли ты мнѣ достанисьсе,
Жаребью́ ли ты мнѣ-ка выпадёшь—
Увезу я тибя во своё мѣсто,
Я срублю у тибя съ плечь да буйну голову.—
Выходилъ-то тутъ второй тотаринъ-отъ,
Говорилъ-то онъ тогды да таковы слова:
— Не плачь, не плачь, да красна дѣвица,
Не плачь ты, мла́дая поляночка!
Какъ вѣдь ты мнѣ-ка въ надѣлу́ достанисьсе,
Въ жэрэбью ты мнѣ-ка выпадёшь,—
Увезу я тибя во своё мѣсто,
Возьму я тибя да за сибя взаму́жъ,
Буду корьмить-то я тибя хлѣбомъ-то,
Ржанымъ-то вѣдь тибя хлѣбомъ съ мекиною,
Ишче буду корьмить говядиной кобыльёю,
Буду тибя поить водой болотною.—
Выходилъ тогда третьёй-отъ какъ тотаринъ-отъ,
Говорилъ-то онъ да таковы слова:
— Ты не плаць, не плаць, да красна дѣвица,
Не печалуйсе, красавица!
Какъ вѣдь ты мнѣ-ка достанисьсе,
Я возьму тибя да во замужесьво,
Увезу тибя, красотка, во своё мѣсто,
Буду корьмить тибя бѣлымъ хлѣбомъ всё крупнисьчетымъ,
Буду поить тибя той водой сладкой медовою;
Будёшь сидѣть у мня на стули рыта бархата,
Будутъ подносить тибѣ кушанья-ти разныя,
Приставлю я къ тибѣ много́ служаночокъ.—
Услыхалъ-то эти рѣчи Алёшенька,
Выходилъ скоро́ въ чисто́ полё,
Онъ крычалъ коня своёго зычнымъ голосомъ,
Садилсэ скоро на добра́ коня;

Подъѣжаётъ ко шатру-ту ко бѣлому ко тотарскому;
Перьвóго-то тотарина мечомъ скололъ,
Второго-то тотарина конёмъ стопталъ,
Третьёго-то тотарина живá спусьтилъ;
Бралъ онъ тутъ, да красну дѣвицу,
Посадилъ онъ ей да на добрá коня,
На добрá коня, да позади сибя,
Повёзъ онъ ей да въ красной Кіевъ-градъ:
„Повезу я тибя, да красна дѣвица,
Какъ ко ласкову ко князю ко Владимеру,
Премý-то я съ тобой да по златý вѣньцю;
Князь Владимеръ будётъ у миня за свата-та,
Апраксéнія-та будетъ тебѣ свахою.
Извини-ко, красна дѣвица,—
Не спросилъ у тибя я про родъ-отъ, племя-то,
Началъ предлагать тебѣ о браки-то.
Ты какой земли да какого города?
Князя ли дочь ты, княжéвна-та,
Короля ли дочь ты, королевна-та,
Ты простого ли дочь всё хресьянина?“
Въ отвѣтъ отвѣчатъ да красна дѣвица:
— Я роду-племени-то есь да изъ Ростова-та,
Я того-то попа дочь соборного,
Что та-то я Настасья дочь Леонтьёвна.—
Тутъ Алёшенька сидитъ—незнашьто, что случилосе,
Ише что такое да приключилосе,—
Не призналъ-то братъ сестры родной!
Говорилъ-то опъ да таковы слова:
„Тепере нечево-то въ красномъ Кіеви будетъ дѣлать-то“.
Поворачивалъ коня обратно-то
Какъ на ту-ли всё дорожочку Ростосьскую,
Повёзъ ей красну дѣвицю да къ отцу, къ матери;
Пріѣжалъ-то скоро въ славной Ростовъ-городъ.
Какъ увидали-то его честны родители,
Выходили, ихъ стрѣчали-то слёзами-ти;
Они не-знай утробѣли ли, возвеселѣли ли.
Собиралъ-то скоро батюшко его, родитель-отъ
Что пиръ-отъ почесенъ навéсели.
Какъ жилъ Алёшенька да у родителей
Какъ полъ-годика да поры-времени;
Потомъ поѣхалъ въ красной Кіевъ-градъ
Ко князю ко Владимиру.

65.

Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ).

(У дѣда Василія Леонтьевича).

Изъ-за моря, моря синево,
Изъ-за синево моря́ Халынскаво
Выходило тутъ двѣнадцеть че́рныхъ ка́раблей [1]).
Подходили тѣ кара́бли ко городу ко Кіеву,
Заходили они подъ самой дворець да всё вѣдь княжеськой.
Хорошо-то ети карабли очунь были да убраны,
Они убраны были, всѣ позолочены,
Дорогима 'ни товарами да нагружо́ны-ти;
Ишше разны-ти товары всё заморскіи,
Разны́ матерьи-ти были шелко́вые,
Разны́ атласы были, бархаты,
Ише находилса грузъ да красно золото,
Находилось во́ грузу да чисто се́ребро,
'ше вѣдь было въ карабляхъ каменьё драгоцѣнное;
Разны́ мѣхи были—для зимы-то шить на шубы—разные.
Онъ [2]) скоро выкинывалъ-то тѣ мосты дубовые
Какъ со своихъ караблей чернёныхъ-то,
Онъ мосьтилъ-то 'вёрхъ до дворца-то вплоть до князева,
Выстилалъ-то онъ сукна разныя заморьскіе;
Онъ вѣдь пёсъ въ подарки мису перьво красна золота,
Что вторую—чиста се́ребра,
Что третью́ мису-ту каменья-та драгочѣнного;
Ещо́-то нёсъ въ подарокъ князю всё Владимиру
Ише тѣхъ разныхъ мѣховъ заморьскихъ-то,
А кнеинѣ Апраксеинѣ всё матерьи нёсъ на платье всё шелко́вой-то.

Заходилъ-то онъ скоро́ ко князю на широкій дворъ,
Онъ допросилъ-то всѣхъ его придворьниковъ [3]),
Чтобы́ доло́жили объ ево приходи князю́ Владимеру,
Ему льзя ли да зайти въ его палаты кнеженесьскіи.
Не ослышались князя [4]) придворьники,
Опѣ пошли скоро́-то князю всё доло́жили
О ево да всё приходѣ-то;

---

[1]) У его (Соловья) отмѣнной былъ карабль: носъ былъ потурному. Прим. *А. М. Крюковой.*

[2]) Соловей. *Собир.*

[3]) „Придверники“ смѣшаны съ „придворными“. *Собир.*

[4]) Т. е. князевы. *Собир.*

Какъ бѣгутъ-то они скоро-то съ изьвѣстіимъ:
„Васъ просилъ-то вѣдь Владимиръ, велѣлъ низко кланетьце;
Заходи ты въ ево полаты-ти княженевьскія".
Какъ пошолъ скоро Соловей сынъ Соловъевъ-отъ,
Онъ заходитъ-то въ полату княженесьскую;
Онъ вѣдь молитце вѣдь тутъ Спасу пречистому,
Онъ вѣдь здраствуётъ-то онъ съ князёмъ Владимеромъ,
Подаётъ-то онъ ему да ручку правую,
А княгинѣ подаётъ да ручку лѣвую;
Во вторыхъ-то подаётъ ему подарки въ подареньице.
За такія-ти подарки очунь важныи
Что скакалъ-то князь Владиміръ на свои-ти ножки рѣзвыя,
Подьвигалъ да свой вѣдь стулъ онъ рыта бархата,
Онъ садилъ-то дорога гостя пріѣжжого,
Самъ сказалъ ему-то онъ да такую-ту рѣчь:
„Я не знаю, чѣмъ буду тебя да всё отдаривать;
Какъ мнѣ тибя краснымъ золотомъ дарить, да у тибя-то своего да очунь много-то;
Подарю-то я тибя разьвѣ, въ подарокъ тибѣ всё поздраствую,—
Въ каждомъ городи торгуй безъ дани-пошлинѣ,
Хоть во Кіеви торгуй, хочь во Черни-горѣ;—
Везьдѣ тебѣ всё воля вольняя.
Хоть ты гдѣ-ка хошь, туда и населяйсе-ко,
Ты бери себѣ въ подарокъ города, которы подо мной-ту есь".
— Ненадоть мнѣ твоихъ разныхъ городовъ всё въ подаркѣ-то;
Ты дай мнѣ только, князь, да дозволеньицо,
Дай мнѣ-то матушки сырой земли состроить себѣ дворець хрустальнёй-отъ.—
„Тебѣ даю я всё да дозволеньице;
Ты построй ево, куда желаешь-то—
Хоть возьлѣ мой дворець княженеской-отъ".
— Я желаю-то построить себѣ дворець да во твоёмъ-то, князь, да зеленомъ саду;
Какъ во томъ саду да во зелёномъ-то
Растутъ-то всяки дрёва-ти прекрасные.
Не ради я гулянки хочу дворъ состроить-то,—
Для того, чтобы мнѣ видать въ саду твою племянницу,
Что вѣдь молоду Забаву дочь Путятичну.—
Ишше строилъ скоро онъ дворець хрустальніи,
Изукрасилъ онъ его да краснымъ золотомъ,

Снаредилъ его каменьёмъ драгоцѣнимъ-то.
Какъ въ одну-то пору-то, время къ вечеру,
Когда пошло-то красно-то солнышко къ закату-ту.
Захотѣлось тутъ вѣдь красной дѣвицѣ,
Что мо́лодой Забавы дочь-Путятичнѣ
Погулять-то ей да въ зелено́мъ саду;
Не гулять-то ей дѣви́цы захотѣлосе,—
Посмотрять-то дворца да всё Соло́вьева.
Она проситъ-то дозволенья у своего́ дяденьки родимого,
Что у князя всё да у Владимира.
Какъ даётъ-то князь её да дозволеньицо,
„Ты иди, иди, любя́шшая мила́ племянница:
Что мо́лода́ Забава дочь Путятична,
Сходи ты разгуляйсе въ зелено́мъ саду;
Смотри же ты, племяньница, ты много не загу́ливайсе:
Что есь во Кіеви народу-то вѣдь всяково:
Езь живутъ которы въ Кіеви—народъ-отъ нашъ, всё кіевскій;
Тово болѣ-то у насъ есь пріѣжающихъ,—
Чтобъ не подсмотряли 'нѣ тибя, да красна дѣвица.
И ты не пой-ко-се, Забава, весёлы́хъ пѣсёнъ да заунывныхъ-то,
Не примани своима пѣсьнеми уда́лыхъ добрыхъ молодцовъ,
Ты своихъ бога́тырей да всё вѣдь кіевскихъ,
Ишчё не прельстилисъ на тибя пріѣжающи".
Тутъ-то скоро вѣдь князь-отъ вы́шолъ изъ ёе-то онъ изъ комнатѣ,
Онъ пошолъ-то, будьто съ нею роспростилсэ-то:
„Ты гуляй, моя племяньница, да всё погуливай;
Тибѣ пусьть твоя гулянка пощестли́витъ-то".
Тогды скоро-то Забава спарежаласе,
Поскорѣс-то она да одѣваласе,
Она пошла-то скоро въ зеленъ садъ гулять;
Не очунь долго въ саду она гуляла-то,
Она пошла скоро къ дворьцу да къ Соловью-то вѣдь,
Подошла-то ко окошечку его косисьчету,
Становилась она, что послушала;
Что во перьвой-то ево да было комнатѣ—
Какъ слышитъ—бречитъ-то что-то, сыплетце.
Подошла она да ко второй ко комнати;
Во второй-то, слышитъ, комнатѣ
Тутъ читатъ-то ево матушка молитвы-ти,
Всё читатъ она да Богу молитце.

Подошла она да къ третьёй комнатѣ;
Въ той сидѣлъ-то комнатѣ да Соловей-отъ какъ,
Онъ напгрывалъ всё во струну-ту,
Росыпѣвалъ-то пѣсьни разные.
Увидалъ онъ ей тутъ красну дѣвицу,
Онъ вѣдь ставалъ скоро со стула рыта бархата,
Выходилъ онъ тутъ да во зелёной садъ.
Онъ просилъ-то зайти къ себѣ Забаву-ту Путятичну:
„Ты пойдёмъ ко мнѣ въ полаты-ти, зайди-ко посмотри у миня,
Хорошо ли онѣ у мня убраны“.
Тутъ стоитъ Забава, припроздумалась,
Не знатъ, ли посѣтить ево, не посѣтить ево;
Роздумалась она своимъ умомъ-то вѣдь:
„Я схожу, зайду къ нему да посмотрю-то вѣдь
Какъ ево-то строенья, въ доми убранства-та“.
Заходила 'на къ ему въ ево высóки комнатѣ;
Онъ садилъ ей на стулъ да рыта бархата,
Наносилъ-то ей вѣдь всякихъ разныхъ сладосьтей:
„Много времени я жилъ вѣдь всё вѣдь на сьвѣтѣ,—
Не видалъ я такихъ людей хорошихъ-то,
Какъ вѣдь васъ, Забава дочь Путятична.
Изьвините-тко-се, што я вамъ всё скажу-то вѣдь:
Я хочу на васъ вѣдь свататьце у дядюшки;
Вы жаланте ли за меня итти въ супружесьтво?
Вы вѣдь отвѣтьте-тко, дайте мнѣ скорбй отвѣтъ“.
Тутъ Забава испугалась,
Горючьмй слезьми да облилась;
Она ставала скоро со стула рыта бархата,
Благодарила ево, сама скоро вонъ пошла.
Пришла она не очунь вёсела;
Замѣтили всѣ ей [1]) тутъ пяньки, мамкѣ-то:
„Отьчево сегодьне у насъ Забава невесёлая,
Что сь ней такó да приключилосе?“
Донесьли объ томъ-то дяденьки родимому,
Тому-ли князю всё вѣдь кіеському Владимеру.
Приходитъ къ ней сé вѣдь дяденька родимой-отъ,
Онъ спрашиватъ у ей да всё выспрашиватъ:
„Очево севодьне у меня, племяньница, ты очунь скучная?
Кто тебѣ въ глаза разьвѣ да насмѣялсэ-то?“
Отвѣчатъ-то тутъ Забава дочь Путятична:

---

[1]) Винит. пад. *Собир.*

— Что некто мнѣ въ глаза не насмѣялсэ-то,
Некто не исъ твоихъ не изъ богáтырей;
Насьмѣялсэ надо мной да Соловей-отъ всё:
Во глаза-ти мнѣ да красной дѣвицы
Говорилъ-то мнѣ онъ всё да о супружесьтвѣ.—
Отвѣчатъ-то ей да князь Владимеръ-отъ:
„Это не смѣялса, говорилъ онъ правду-исьтену.
Ежель станетъ у меня да онъ вѣдь свататьца,
Я отдамъ тебя за ево, Забава дочь Путятичня“.
Самъ вѣдь вышелъ скоро князь-отъ отъ племяньницы;
Вдругъ идётъ-то Соловей къ ему да на широкой дворъ,
Проходилъ скоро въ полаты княженесьскія,
Доступалъ онъ до князя до Владимира.
Говоритъ князь таковы рѣчи:
„Ты садись-ко, мой да дорогой-отъ госьть“.
— Не сидѣть къ тебѣ я, князь, пришолъ-то вѣдь,
Я пришолъ къ тебѣ да сватомъ свататцэ
На твоей-ли на племяньницы.
Ты отдай за мня Забаву-ту Путятичну.—
Покатились тутъ изъ глазъ князя горючíе слезы́;
Онъ ставалъ скорб-то князь да на рѣзвы́ ноги,
Тутъ по́далъ князь ему да ручку правую,
Онъ просваталъ тутъ Забаву-ту Путятичну.
Говоритъ Соловей да таковы рѣчи:
— У насъ пушай будётъ свадба́ черезъ мѣся́ць-отъ;
Въ ту по́ру я вѣдь съѣжжу за сине́ море,
За сине́ море́ да въ свою родину,
Роспродамъ тамъ свбе я имѣньицо.—
Тутъ онъ скоро-то какъ съ князёмъ роспрошалсэ-то,
Отправлялсэ онъ за мо́рё на трёхъ на чёрныхъ ка́рабляхъ.
Какъ прошла-то ета славушка по всей землѣ,
Дошла-то ета слава до невѣрной до земьлѣ,
Что Забава на Руси-то 'на засватана.
Тутъ скоро собиралсэ царь невѣрной-этъ,
Ишше тотъ-ли всё царишшо Грубіянишшо:
„Что нѣтъ теперь во Кіеви да Соловья-та какъ,
Какъ сильнево-то руськово бога́тыря“.
Отправлялсэ на дьвѣнадцети да чёрныхъ ка́рабляхъ
Итьти войной подъ князя Владимера,
Самъ онъ невѣрной царь да похваляитце:
„Я повыжгу-то весь красной Кіевъ-градъ,
Я князя-та Владимера—сказьню ему да буйну голову,

Ежли не отдастъ за меня взамужъ племяньницы".
Онъ пошолъ-то скоро царь на чёрныхъ карабляхъ,
Заходилъ онъ скоро во городъ всё во Кіевъ-отъ,
Што на ту-ли всё на матушку на Нѣпъ-рѣку;
Онъ бросалъ въ воду якори всѣ булатные,
Какъ выкинывалъ сукна заморскіе,
Самъ писалъ онъ князю скору грамоту:
„Что отдай, отдай, князь, за меня взамужъ племяньницу,
Безъ бою отдай ты, драки-кроволитія.
Не отдашь, князь, за меня да съ честьи, съ радостьи,—
Я боемъ возьму да ей вѣдь красну дѣвицу".
Посылалъ скоро посла-та онъ тотарина:
„Какъ которой-то сосватался на Забавы-то,
Опъ у мня-то у царя да всё поиманъ-то,
Посажонъ у мня да въ тёмну тёмьницу;
Отбралъ я всѣ товары въ дань-ту, въ пошлину".
Какъ пошолъ посолъ тотарьничокъ;
Какъ посылалъ ево да съ скорой грамотой:
„Ты отдай-ко эту грамоту князю Владимеру;
Ты немного съ нимъ да розговаривай.
Дай-ко строку ты ему на едну только недѣлёчку".
Приходитъ тутъ всё злой тотаринъ-отъ
Къ широку двору да княженесьскому;
Опъ не спрашивалъ у дьверей да всё придверниковъ,
У воротъ-то всё да караульщиковъ,
Онъ бросалъ ихъ всѣхъ да въ сторону;
Безо всякого-то дозволенья пошолъ въ полаты княженесьскія.
Опъ не ксьтитъ своево лица тотарсково,
Опъ не кланеитце князю-ту Владимеру,
Говоритъ грубо таки слова:
„Принимай-ко, князь, у мня да скору грамоту,
Содержи-ко мнѣ отвѣтъ скорѣ".
Принималъ-то скоро князь да эфту грамоту,
Приказалъ-то онъ вѣдь скоро роспечатывать,
Приказалъ князь поскорѣе грамоту прочитывать,
Вдосталь-то онъ вѣдь взялъ да во свои руки,
Прочиталъ-то онъ да скору грамоту,
Прочиталъ—да слёзы зъ глазъ у его покатилисе:
— Ужъ ты тотарьничокъ, да всё тотаринъ-ты!
Ужъ вы дайте мнѣ-ка строку на три годичка.—
„Не даю тебѣ строку на три годичка".

— Ты вѣдь дай мнѣ-ка строку на три мя́сеця.—
„Я даю тебѣ вѣдь строку только на одну недѣлёчку“.
— Я тогда отдамъ свою племянницу за вашого царя невѣрного.—
Тогда на то тотаринъ согласилсэ-то,
Какъ ушолъ съ извѣсьтіёмъ къ царишшу всё невѣрному.
Какъ вѣдь князь Владимеръ-отъ сидитъ задумалсэ;
Говоритъ-то онъ своей племяньицѣ:
„У насъ нѣтъ въ живыхъ-то Соловья теперь:
Хоть сидитъ онъ, посажонъ да въ тёмной тёмницѣ,
Заморятъ они его да всё вѣдь зъ голоду“.
Какъ вѣдь день прошолъ, и второй прошолъ;
Какъ приходитъ-то третёй-то день,
Вдругъ бѣгутъ ко князю со изьвѣсьтіемъ,
Что пришолъ онъ Соловей изъ-за синя́ моря,
Привёзъ-то онъ опять товаровъ разныхъ-то заморьскихъ-то.
Получилъ-то эту вѣсьть, да князь возрадовалсэ:
„Что постоитъ теперь Соловей за меня за князя за Владимера,
Онъ вѣдь выручитъ меня изъ рукъ царишша всё невѣриново.
Только тѣмъ теперь я мучаюсь-то—
Не случилось некаково у меня бога́тыря;
Они уѣхали-то всѣ да во чисто́ полё“.
Вдругъ идётъ-то Соловей-то скоро самъ на дворъ,
Заходилъ онъ скоро ко князю ко Владимеру.
Ише тутъ скакалъ князь скоро на рѣзвы́ ноги,
Онъ здоровалсэ да съ Соловьёмъ-то вѣдь.
„Ты постой-ко, Соловей, за меня князя Владимера,
Побѣди-ко-се царишша всё невѣрново,
Выручи миня князя да изъ неволюшки“.
Какъ немного Соловей тутъ розговаривалъ,
Поворотъ держалъ да скоро вонъ пошолъ.
Роскипѣлось у ево серьцо да богатырьскоё,
Росходились у ево плечи могучія;
Онъ хваталъ-то скоро саблю вострую,
Онъ бѣжалъ-то скоро на чёрны-ти тотарски всё на ка́рабли,
Онъ вѣдь прирубилъ всѣхъ тотаровей;
Самово-то онъ царишша Грубіянишша—
У живого глаза выкололъ;
Самъ пошолъ скоро́ ко князю со изьвѣсьтіемъ.
Собиралъ-то тутъ вѣдь князь на радосьти почёстной пиръ.
Послѣ пиру-ту посьлѣ этово

Отдавалъ за Соловья племяньницю любимую,
Ише ту-ли онъ Забаву-ту Путятичну.
Сходилъ Соловей-отъ со Забавой въ Божью церьковь-ту;
Принели онѣ да по злату вѣньцю.

III.

Гаврило Леонтьевичъ Крюковъ, старикъ 77-ми лѣтъ, неграмотный. Старины онъ сталъ заучивать еще мальчикомъ, когда ему приходилось сиживать со стариками на тоняхъ. Для того чтобы запомнить старину, ему нужно было, по его словамъ, раза два ее прослушать да пропѣть вмѣстѣ со сказателемъ. Лѣтъ 17-ти онъ нанимался покрученникомъ къ одному крестьянину села Койды (на Мезенскомъ берегу), и тамъ слышалъ много старинъ, но теперь эти старины почти совсѣмъ забылъ. Бо́льшую часть своихъ старинъ онъ перенялъ, когда промышлялъ морскихъ зрѣрей въ одной артели съ золотицкими крестьянами: Андреемъ Тимоѳеевичемъ Яры́мъ, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Голу́бинымъ и хромымъ Григоріемъ Гри́бой; особенно много онъ обязанъ Яро́му, крестьянину Верхней Золотицы, который въ качествѣ хозяина лодки сидѣлъ на кормѣ и, хотя былъ плохимъ промышленникомъ, зато дни и ночи сказывалъ старины. Всѣ эти старики умерли уже лѣтъ 50 тому назадъ. Нѣсколько старинъ Крюковъ перенялъ у крестьянъ, которые приходили покрученниками съ верхней Мезени. До 62 лѣтъ онъ жилъ въ одномъ домѣ со своимъ братомъ Василіемъ, причемъ 12 лѣтъ ему пришлось прожить вмѣстѣ съ Аграфеной Матвѣевной (біогр. I), но ни она у него, ни онъ у нея старинъ не перенимали, хотя они и знаютъ нѣкоторыя отличія своихъ пересказовъ. Его старины представляютъ значительную разницу и сравнительно со старинами его брата, записанными мною по пересказамъ Аграфены и ея дочери (II). Жена Гаврилы Леонтьевича умерла, когда еще его единственному сыну было 4 года, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ вдовцомъ. Лѣтомъ оба брата занимались ловлею семги и не ѣздили въ Норвегію ни на своихъ, ни на чужихъ судахъ. Только ихъ сыновья, когда уже подросли, пріобрѣли себѣ суда. До раздѣла стариковъ сынъ Гаврилы Леонтьевича ходилъ

за трескою въ ладьѣ, затѣмъ продалъ ее и сработалъ себѣ шкуну, а теперь онъ ходитъ на яхтѣ, поднимающей 8 тысячъ пудовъ. Семенъ Васильевичъ (мужъ Аграфены) до раздѣла также плавалъ въ Норвегію 5 лѣтъ въ раньшинѣ, но потомъ она погибла въ океанѣ, а построить новое судно у него не хватаетъ средствъ.

Крюковъ до сихъ поръ еще работаетъ и имѣетъ видъ сравнительно бодраго старика; волосы у него совсѣмъ черные, и только борода посѣдѣла. Жизнь ведетъ онъ очень строгую: не только не пьетъ вина и не куритъ, но даже вмѣсто чая пьетъ мяту, заваривая ее горячей водой. Поетъ онъ старческимъ голосомъ и немного шамкаетъ, но напѣвы у него ясны и лишены детонированія. Какъ замѣчательный сказатель, онъ славится въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы. Изъ былинныхъ героевъ онъ никогда не слыхалъ именъ: Соловья Будимировича (или Соловьевича), Ставра, Ивана Гостинаго, Сухмана, Вольги и Микулы, Волха Святославьевича, Чурилы Пленковича и Василія Буслаевича; Садка онъ слышалъ лишь отъ Пономарева (VII). Кромѣ предлагаемыхъ старинъ, онъ знаетъ: 1) Неудавшаяся женитьба Алеши, 2) Дюкъ, 3) Козарушко, 4) 9 разбойниковъ и ихъ сестра, 5) Небылица, а можетъ быть, и нѣкоторыя другія. На Мезенскомъ берегу онъ слыхалъ двѣ старины о Сенькѣ Разинѣ, но теперь спѣть ихъ не можетъ: 1) о томъ, какъ астраханскій губернаторъ засадилъ Разинова сына въ тюрьму [1]); 2) какъ Разинъ въ темницѣ рисовалъ на стѣнѣ лодку, приглашалъ своихъ товарищей въ нее сѣсть и уѣзжалъ изъ тюрьмы [2]); ловилъ руками и бросалъ назадъ пули, которыми въ него стрѣляли; долго его не могли поймать; онъ убивалъ только начальство, а простыхъ людей не трогалъ.

66.

Святогоръ и Илья Муромецъ [3]).

(Слышалъ въ с. Койдѣ, лѣтъ 60 тому назадъ).

Святогоръ съ Ильей Муромцемъ ѣздили по полю и наѣхали гробъ во чистóмъ полѣ. „Илья Муромецъ“, говоритъ Святогоръ, „повались въ этотъ гробъ“. Илья Муромецъ повалилсэ,—гробъ

[1]) См. въ „Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“, вып. VII, 34.

[2]) См. ib , Доп., 142.

[3]) Почти дословная передача разсказа Крюкова, который говорилъ, что въ Койдѣ о Святогорѣ *пьли* длинную старину; но въ его памяти уцѣлѣлъ лишь этотъ эпизодъ. *Собир.*

ему широкой, долгой и высокой. Святогоръ повалилсэ—какъ есть по ёмъ; сталъ ставать—стать не можетъ: „Илья Муромецъ, россшиби гробъ, сшиби крышу“. Илья Муромецъ стегнулъ саблей по гробу, а на крышѣ сдѣлалсэ обручъ желѣзной; онъ другой разъ стегнулъ и третей разъ,—гробъ въ трёхъ обручахъ и сдѣлалсэ. „Видно“, говоритъ Святогоръ, „судьба моя—помереть въ чистóмъ поли“.

67.

Исцѣленіе Ильи Муромца [1]).

Какъ во городи было во Муроми, во селѝ-то Карачéеви, а жилъ-то Иванъ да Тимоѳеевичь. Родилось у его да чадо милоё, чадо милоё Илéюшка. Росъ-то Илеюшка тридцеть лѣтъ—некакой отцю-родители помоши не было, не пособлялъ,—всё на печи сидѣлъ. Мать-та у éго ушла садовъ полоть. Вдругъ пришло подъ окошочко двѣ калики перехожія, перехожи двѣ калики, переброжія, сами говорятъ да таковы слова, таковы слова да таковы рѣчи: „Ужъ ты гой еси, Илеюшка сынъ Ивановичь! сойди-ко-се со печки съ кирписьнія“.—Ужъ вы гой еси, калики перехожія! не могу-то я сойти съ пецьки-мурáвленки: не служатъ мои ножки рѣзвыя; сижу-то я рáвно тридцеть лѣтъ.—„А гдѣ твой-отъ отець-батюшко?“—Мой отець-батюшко да полё чисьтитъ, а ломатъ дýбье съ кóреньемъ изъ матушки изъ сырой земли.—„А пойди, говорятъ, запусьти насъ въ домъ свой, отвóрь намъ да краснó крыльцё“.—А куды я, братцы, пойду, коль не могу я нá ноги стать?—„Спусьтико ты рѣзвы́ ноги съ пецьки“. Сталъ-то онъ ногами пошевеливать, сталъ онъ ноги поздыпывать,—у его ноги не постарому, не попрежному. Сталъ-то Илеюшка на рѣзвы́ ноги, пополъ-то Илеюшка на новы́ сѣни, отвóрилъ имъ крыльчё, запусьтилъ-то каликъ да перехожихъ. Заходили-то калики къ Ильи Муромцю въ свѣтлы свѣ́тлици, во столовы новы горьници. Говорятъ-то калики таковы рѣчи: „Ужъ ты гой еси, стáра ты старыньшина! нѣтъ ли у тебя пивця да намъ напитисе?“ Взялъ-то онъ пивну́ чашу, шолъ онъ на погребъ, чѣ́дилъ-то пива хмѣ́льнёго; нацѣ́дилъ-то онъ пива хмѣльнёго, принесъ-то каликамъ перехожима. Какъ попробовали калики пива хмѣльнёго:—„На-тко, выпей, Илеюшка, отъ насъ да пива хмѣльнёго“. Взялъ-то Илеюшко братыню съ пивомъ хмѣльнымъ, выпивалъ-то братыню на единой духъ. Спросили: „Шьто въ собѣ чуёшь?“—Чую я силушку велúку въ собѣ.—„Начѣди-ко

[1]) Это, по словамъ Крюкова,—не старина, а *росказъ*, который помѣщенъ въ книгахъ, но слышалъ онъ его отъ золотицкихъ стариковъ. *Собир.*

намъ вторý чашу.“ Принёсъ онъ втору чашу; дали ему калики выпить второй разъ. Выпилъ втору чашу,—чюю я, говоритъ, въ себѣ силу велику весьма.—„Принеси-ко, говорятъ, третью́ чашу.“ Принёсъ-то третью́ чашу; зачялъ пить Илеюшко третью́ чашу,—не́ дали ему выпить чашу: „Не будетъ тебя подымать матушка сыра земля. Велику ли ты можешь силу?“—Кабы въ сыру землю былъ ввёрнутъ столбъ и укрѣплёнъ въ тверди небесной, взялъ бы я всю землю бы перевернулъ.— Да сказали тутъ калики перехожія: „Будь ты бога́тырь—въ чисто́мъ поли стоѣть за вѣру православную.“ И затужилъ, заходилъ Илья Муромець: „Нѣтъ-то у меня добра́ коня, добра́ коня по моёму по личю!“ Вдругъ идётъ человѣкъ, ведётъ жеребёночка—какъ снѣгу бѣлого, хвостъ, грива у ёго чёрная, весь-отъ въ шо́лудяхъ. „Какъ я эти буду шо́луди сживать?“—А катай, говоритъ, въ трёхъ зоряхъ въ трёхъ росахъ утряныхъ,—вси сойдутъ.—Приходитъ его ро́дна матушка изъ того́ саду́. Онъ сѣдитъ на печи опеть. Сама говоритъ таковы рѣчи: „Надо итти нести, Ивану Тимоосевичу нести па́ужинать. Послать-то некого, а самой итти—недосугъ“. Говоритъ-то Илья:—Ужъ ты гой еси, ро́дна матушка! дай-ко я снесу родну батюшку.—„Какъ же ты хочешь нести? нѣтъ у тебя рѣзвыхъ ногъ.“ Онъ ско́чилъ съ пе́чи кирпичьпія; увидала тутъ его ро́дна матушка. Понёсъ-то въ чисто́ полё, отцю понёсъ па́ужину (онъ тамъ съ робочима робитъ). Приходитъ къ батюшку на чи́шшенье; увидѣлъ его родной батюшко, весьма-то онъ обрадовалсэ, Бога тутъ прославилъ, пречисту-ту матерь Богородицу. Сѣлъ-то его батюшко закусывать, а пошолъ-то Илья Муромець ду́бье чистить; дубье-то рвётъ изъ матушки сырой земли совсѣмъ съ ко́репемъ. Говоритъ-то ро́дной батюшко: „Этотъ, видно, сынъ у меня будетъ ѣздить во чисто́мъ поли, во чисто́мъ поли будетъ поля́ковать, и не будетъ ему поединщичка“.

68.

Первая поѣздна Ильи Муромца.

А какъ перьвая была поѣздка Ильи Муромця
А изъ Мурома до Кіева.
А какъ клалъ-то онъ да промежъ собой вѣдь заповѣдь
Межь заутреней поспѣть къ обѣдни воскресеньскія.
А пошолъ-то онъ да на широкой дворъ,
А сѣдлалъ, уздалъ своёго коня, да лошадь добрую:
Шьто накладывалъ на спину лошадиную-ту войлучокъ,
А на войлучокъ накладывалъ сѣдёлышко черкальскоё,

Вотъ затéгивалъ-то онъ двѣнадцеть отýжинокъ,
А застегивалъ-то онъ двѣнадцеть пряжочокъ;
'шше отужинки были шелкóвыя,
А какъ пряжочки былú да золочéныя,
А какъ шпёнышки были булатныя,
А того-то бѣлого булата заморьского,—
Шьто не ради-то красы, да ради крѣпости,
Ради тэхъ-то пришпѣховъ богатырськіяхъ.
Онъ приковывалъ-то палицю ко стремену булатному;
А ка клалъ-то онъ къ палици заповѣдь великую,
Шьтобы отъ Мурума до Кіева-то палици-то не отковывать.
А какъ одѣвалсэ доброй молодець да въ платьё богатырськое,
А прошшалсэ онъ съ отцёмъ да съ рóдной матушкой:
„Ты прошшай-ко-се, да мой рóдной батюшко!“
Онъ вѣдь лёкко скакалъ да на добрá коня.
А какъ видѣли тутъ молодца сряжаючись,
А не видѣли-то ёго поѣздки богатырськія.
Онъ поѣхалъ изъ города изъ Мурома,
Изъ того жо села да Карачаёва.
А какъ подъѣзжаётъ къ городу къ Черни́-городу,—
Тутъ стоитъ-то подъ Черни-городомъ сила великая,
А хотятъ-то розбить, розорить-то городъ Чи́женецъ,
А Божьи́ цéрквы хочютъ да подъ копюшни взеть.
А сидитъ то старой на добрóмъ конú да призадумалсэ:
„А шьто клалъ-то я собѣ-то заповѣдь великую,
Шьто отъ Мурома до Кіева да палечи-ты не отковывать;
Какъ прости меня Господь да въ таковой вины!
Я не буду болѣ-то класть заповѣди великія“.
Отковалъ-то онъ вѣдь паличю тяжолою,
Онъ вѣдь постёгалъ коня да по крутымъ бедрамъ,
А заѣхалъ во ту силу великую;
А да впередъ махнётъ, дакъ здѣлатъ улицéй,
А назадъ махпётъ—дакъ переулками;
Коё бьётъ, больше конёмъ всё мнётъ.
Онъ прибилъ, притопталъ всю силу великую.
Говорятъ-то мужики чернигорци,
Они говорятъ да таковы рѣчи:
„Ужъ какъ съ нёба намъ послалъ Господь-отъ аньгела“.
А други-ти: „нѣтъ не аньгела Господь послалъ,
А намъ пóслалъ Богъ-то руського могучего богáтыря“.
А какъ стрѣчаютъ, мужики-ти города Черни-города,

А стрѣчеютъ, отпираютъ ёму ворóта городóвыя,
А стрѣчеютъ, ёму низко клáнетьсе:
„А приди ты къ намъ хошь князёмъ живи въ Черни-городи,
хошь бояриномъ
Хошь купцёмъ у насъ слови, гостемъ торговыма.
Мы вѣдь много даймъ тебѣ золотой казны несчётныя“.
Говоритъ-то старой таковы рѣчи:
—Не хочу-то у васъ-то жить не князёмъ, не бояриномъ,
Не купцёмъ, гостемъ торговымъ жа;
Мнѣ ненадобно-то ваша золота казна несчётная:
Золотой казной мнѣ вѣдь не откупатисе!
Тольке вы скажите въ красенъ-отъ Кіевъ-градъ дорожку
прямоѣзжую:
Кольке времени ѣхать какой дорогою?—
„Прямоѣзжой дорогой надоть ѣхать три мѣсеця,
А окольною дорогой надоть ѣхать три года;
Заросла-то прямоѣзжая дорожка равно тридцеть лѣтъ,
Заросла-то она лѣсымъ тёмнымъ жа;
А какъ есь на ей три заставушки великія:
А какъ перьва-та застава—лѣсы тёмныя,
А втора-та застава—грези чёрныя,
А какъ третья-та застава есть вѣдь рѣченька Смородинка,
А у той-то у рѣчки есть калиновъ мостъ;
А тутъ есть-то, тутъ Соловьюшко живётъ Рохманьёвичъ;
А сидитъ-то Соловьюшко да на девети дубахъ,
А какъ ревётъ-то Соловéюшко да позвѣрину,
А свиститъ Соловейко посоловьину,
А сидитъ-то собака, шипитъ онъ позмѣину.
А не конному, не пѣшому проходу нѣтъ,
А не сѣрому волкý прорыску нѣтъ,
А не ясному соколу пролéту нѣтъ“.
—Ну, спасибо-тѣ, мужики, за дорожку прямоѣзжую!—
Онъ поѣхалъ по той дороги прямоѣзжою.
А какъ онъ пріѣхалъ къ лѣсу тёмному,
Соходилъ-то онъ да со добрá коня,
А лѣвóй рукой-то онъ копя ведётъ,
А правóй рукой дубье рвётъ да вѣдь съ кóрнёмъ,
Съ корнёмъ рвётъ да вѣдь мостъ моститъ:
Онъ проѣхалъ-то лѣсы тёмныя,
А проѣхалъ-то онъ да грéзи чёрныя,
А доѣхалъ до той жа рѣчиньки Смородинки.
Какъ увидялъ ёго Соловьюшко Рахманьевичъ,

Зашипѣлъ-то [1]) Соловьюшко посоловьиному,
Заревѣлъ-то Соловьюшко да позвѣриному,
Какъ вѣдь зашипѣлъ онъ Соловьюшко позмѣиному;
Ише мать сыра земля да потрёсаласе,
А сыро́ дубьё да пошаталосе;
Какъ потпулсэ ёго конь, на колѣни палъ
А отъ того отъ свисту соловьинаго,
А отъ рёву-ту онъ отъ звѣринаго.
А какъ билъ онъ коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужь ты волчья пасть [2]) да травяной мѣшокъ!
Не слыхалъ ты разѣ свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ли ты реву звѣринаго,
А не слыхалъ шипотку-ту всё змѣинаго?“
А какъ бралъ-то онъ да свой розрывчатъ лукъ,
Натягалъ-то онъ тетивоньку шолко́вую,
А накладывалъ-то онъ стрѣлочку калёную,
Самъ ко стрѣлочки да приговаривалъ:
„А лети моя стрѣла да по-подъ-небёса,
А не падай не на воду, не на землю, не въ сы́рой дубъ,
А пади-тко-се Соло́вьюшку во правой глазъ“.
А какъ полетѣла стрѣлочка да по-подъ-не́беса,
А какъ падала стрѣла не на воду не на землю, не въ сы́рой дубъ,
Она падала стрѣлочка Соловьюшку во правой глазъ.
А какъ падалъ Соловьюшко да на сыру землю;
Подъѣзжалъ тутъ старая стари́ньшина да подъ Соловьюшка,
А приковывалъ-то Соловьюшка да за бѣлы́ руки,
Подымалъ Соловьюшка да на добра́ коня,
А приковывалъ ёго ко стремену булатному,
А подымалъ онъ Соловьюшка-то на добра́ коня;
А поѣхали они ко городу ко Кіеву.
А какъ мимо ѣхали Соловьево высокое подворьицё,
А высокое-то дворьицё, высокъ теремъ;
Какъ увидѣли Соловьюшка да ро́дны дочери,
А больша-то говоритъ: „какъ батюшко-то ѣдётъ, мужика везётъ“.
Да втора-то сёстра говоритъ: „то — мужикъ-отъ, ѣдётъ, везётъ батюшка“.
А какъ ѣдутъ они къ Соловьюшку да къ широку́ двору,

---

[1]) Вмѣсто „засвистѣлъ-то“. *Собир.*
[2]) Вмѣсто „сыть“. *Собир.*

Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотѣла убить да Илью Муромця;
Подхватилъ-то старый казакъ да Илья Муромець да подво-
Ухватилъ-то ей да изъ бѣлыхъ-то рукъ; [ротину,
Тутъ онъ хватилъ своё востро́ копьё,
А скололъ-то его большую дочь.
Говоритъ Соловьюшко Рохманьёвичъ:
„Ужъ вы гой еси, мои дочерья любимыя!
Не грубите, не гнѣвите серьдца богатырьского;
Выкупайте мня да изъ неволюшки:
Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
А три-то мисы чиста се́ребра,
Насыпайте три-то мисы мѣди, всё коза́рочки".
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
А не зашолъ-то онъ къ Соловьюшку въ высокъ теремъ.
А пріѣхалъ въ славной Кіевъ-градъ,
Ко ласкову пріѣхалъ князю на широкой дворъ,
Какъ вѣдь соходилъ-то со добра́ коня,
А вязалъ-то коня да середи двора,
Середи двора къ дубову столбу да къ золсту кольчю;
Какъ заходитъ на крылечико коспсчято,
Со красна́ крыльця въ полаты княженецькія;
А онъ крестъ-отъ кладётъ да по писа̀ному,
А поклонъ-этъ ведётъ да по учёному,
А какъ бьётъ челомъ-ту князю во рученьку во правую:
„Ужъ ты здраствуй, князь Владимеръ стольне-кіевськой!"
— Ужъ ты здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець!
Я не знаю твоёго не имени, не отчины—
Величеть тебя по имени, называть по отечесьву.—
А князямъ, боярамъ всё—во лѣвую.
— Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ты садись-ко за ти столы окольнія,
А за ти жа за скатерти за браныя,
А за кушанья за розноличнія.—
А какъ сѣлъ-то Илеюшка за столы за бѣлоду́бовы.
Какъ отъ-пиръ идётъ наве́сели,
Красно-то соньчё́ идётъ на е́сени,
А какъ красно-то соньчё́ идётъ ко западу,
Ко западу идётъ, ко за́кату;
А какъ вси-то на пиру-ту сидятъ пьяны, веселы,
Пьяны, веселы сидятъ, хвастаютъ:
А какъ всё богатой-отъ хвастатъ золотой казной.

Иной-отъ хвастатъ широкимъ дворомъ,
Какъ иной отъ хвастаётъ добрымъ конёмъ,
Сильнъ-ётъ хвастатъ своей силою,
Умной-отъ-то хвастатъ роднымъ батюшкой,
А разумной-отъ хвастатъ родной матушкой,
А неразумной-отъ вѣдь хвастаетъ родной сестрой,
А какъ глупой-отъ хвастатъ молодой женой.
Какъ Владимеръ-отъ по гридни-то похаживатъ,
А бѣлыма-ти ручьками розмахиватъ,
А желтыма-ти кудрями приматряхиватъ.
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы слова:
„Ужъ у мня вси-то на пиру пьяны, веселы,
Ишше вси у мня на честномъ хвастаютъ;
А какъ пріѣзжай-отъ гость сидитъ, нечимъ не хвастаётъ.
„Ужъ ты шьто жо, дородьнёй молодецъ, нечимъ не хвастаёшь?“
— А какъ чимъ-то я буду всё вѣдь хвастати?
Ише тимъ рази вѣць я похвастаю—
Промежду заутринёй, обѣдней воскресеньскія
Хотѣлъ-то я пріѣхать изъ города изъ Мурома,
Изъ села-то пріѣхать Карачеева.
А какъ ѣхалъ тутъ-то я путёмъ-дорогою,
А стоитъ подъ городомъ Черни-городомъ сила великая,
А великая сила, немалая;
Я тутъ побилъ ту силушку великую;
А пріѣхалъ я ко городу Чернигороду
А спросить у мужичковъ города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоѣзжую.
Указали мнѣ дорожку прямоѣзжую,—
Ишше тридцеть лѣтъ по етой дорожочьки не ѣзжено;
Ишше было на ей три заставушки великія:
Какъ перьва-та застава были лѣсы тёмныя да грезы чёрныя;
Какъ пріѣхалъ-то тутъ къ двумъ заставушкамъ,
А сошолъ-то я со добра коня,
А лѣвой рукой коня веду, правой рукой дубьё рву,
А какъ дубьё-то рву да совсимъ съ кориньмъ;
Какъ я проѣхалъ тутъ да грези чёрныя да лѣсы тёмныя,
А пріѣхалъ къ третію заставушки,
Я пріѣхалъ туто къ рѣчинки Смородинки.
А сидитъ-то Соловьюшко Рохмановичъ,
Да сидитъ-то воръ-собака на девети дубахъ:
Я его сострѣлилъ съ девети дубовъ.—

Тутъ-то закричели князи, бóяра:
„Ужъ ты гой еси, мужичонко пріѣхалъ задлéньшина ты, деревеньшина“.
А какъ тутъ старóму казаку за бѣду да показалосе:
— Ужъ вы гой еси, бояра́ кособрюхія!
А сѣдитъ-то у меня Соловьюшко да на добрóмъ кони.
На добрóмъ кони, у князя середи двора,
А прикованъ у мня ко стремену́ булатному.—
Говорилъ-то тутъ Владимеръ-князь:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Навѣку́ я не видалъ Соловьюшка Рохманьёва,
Не слыхалъ я ёго свисткотку́ соловьиного,
А не слыхалъ-то я рёву звѣриного,
А не слыхалъ-та я да шѝпотку́ змѣиного.
А покажи-тко-се мнѣ Соловьюшка Рохманьёва,
А заставь ёго свистѣть ревѣть да позвѣриному,
Шипѣть ёго да позмѣиному“.
Пошли они да на краснó крыльцё;
Выходили тутъ бояра кособрюхія
А смотрить, слушать рёву соловьиного-змѣиного.
А какъ говоритъ-то стары́й казакъ да Илья Мурамець:
„Ужъ ты гой еси, Соловьюшко Рохмановичъ!
Ты свисти-тко-се полъ-свисту соловьиного,
А реви-тко-се полъ-рёву ты звѣриного,
Ты шипи-тко-се полъ-шипотку всё змѣиного“.
А не послушалъ онъ да Ильи Муромця,
Засвистѣлъ-то онъ во весь свистъ-отъ соловьиныя,
Заревѣлъ во весь-то рёвъ звѣриныя,
Какъ зашипѣлъ онъ во весь-то шипотокъ змѣиныя.
Иште мать сыра земля да потрясаласе,
Полаты княженецьки зашаталисе,
А какъ у князя рѣзвы ножки подломилисе,
Буйна голова съ плечъ да подкатилась.
Захватилъ князя Илья Муромець во праву руку къ себѣ подъ пазуху,
А княгиню захватилъ подъ руку-ту всё подъ лѣвую;
А какъ дёржитъ-то ихъ въ охапочки.
Какъ бояра-ти испопадали да вси вѣдь замертво.
А какъ закрычалъ стары́й да зычнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, воръ-розбойникъ Соловей Рохманьёвичъ!
Тебѣ полно ревѣть да позвѣриному,
Перестань свистѣть посоловьиному,

Перестань шипѣть да позмѣиному".
А какъ тутъ бояришка повѣрили, забоѣлисе.
А какъ соходилъ старый со красна крыльця,
А отковывалъ отъ стремена булатныя,
А отсѣкъ Соловьюшку-ту буйну голову.
А какъ Соловьюшку у князя на двори да смерть кончаласе.

69.

Илья Муромецъ, разбойники и Идолище.

А какъ ѣзьдилъ старой по чисту полю,
А какъ ѣзьдилъ онъ путёмъ-дорогою,
Да наѣхалъ онъ дорожку весьма широкую,
А широкую дорожку-ту прямоѣзьжую;
Да поѣхалъ онъ по той дорожки прямоѣзьжія
Да наѣхалъ тутъ три ростанюшки широкія;
Да на тихъ-то на ростаняхъ лёжалъ сѣрой камешокъ,
Какъ на томъ-то камню было написано,
Да написано было, подрѣзано,
Да подрѣзано было: „хто ѣдётъ въ дорожку прямоѣзьжую,
Да тому, братцы, живу не быть;
Да хто поѣдетъ въ дорожку въ правую,
А тому, братцы, жонату быть;
Хто въ эту лѣвую дороженьку поѣдётъ, тому богату быть".
Какъ сидитъ-то старой на добромъ кони, призадумалсэ:
„Мнѣ старому въ чистомъ поли смерьть не писано.
Какъ въ праву-ту дорожку ѣхать — какъ жонату быть;
Да нашьто мнѣ-ка старому женитисе?
Какъ старому, братцы, женитьсе—всё чужа корысть;
Да пойдутъ отъ старого малы дѣточки,
Захотятъ малы дѣти пить и ись, носить цьвѣтно платьицё.
Какъ и въ лѣву-ту дорожку мнѣ ѣхать — богату быть;
А нашьто мнѣ-ка па старось-то богачесьво,
А нашьто? мнѣ старому непадобно;
Буду [1]) золотой казны какъ кланетьсе.
Я поѣду въ ту дорожку, да гдѣ живу не быть".
Да какъ тутъ-то поѣхалъ въ ту дорожечку прямоѣзжую,
Онъ немного подьѣхалъ по той дорожочки
Отъ того жо отъ сѣрого горючого отъ камешка;
Какъ стрѣчялась ёму стрѣточка немалая:
Какъ стрѣчялосе ёму сорокъ сталичничковъ,

[1]) Вмѣсто „будутъ"? *Собир.*

Да по руському званью сорокъ розбойниковъ.
Какъ хотятъ-то старого убить-то всё, ограбити,
Да какъ съ конёмъ, съ животомъ да розлучить хотятъ.
Говоритъ-то старбй, сёдитъ да поговариватъ:
„Ужъ вы гой еси, сорокъ розбойниковъ, сорокъ станишьниковъ!
Какъ вамъ убить-то, братцы, вамъ не́ за шьто,
Ише снеть-то у мня старого не́чего:
У мня въ собой вёдь золотой казны не было;
Тольке у мня живота—да единъ доброй конь,
Еше доброй мой конь да во петсотъ рублёвъ,
Да какъ вся збруда моя да въ чёлу тысечю".
А какъ тутъ розбойничковъ призарило, прибавилось;
Да хотятъ-то старого убить-то, всё ограбити.
Да сидитъ-то старой на добро́мъ кони, не встре́хнитьце,
Самъ потихоньку сидитъ приговариватъ,
Да какъ тутъ-то говорилъ да таковы ре́чи:
„Ише есь на мнѣ шуба че́рныхъ со́болей,
Она тольке́ стоитъ една петсотъ рублей;
Да на шубки только три-то пуговки:
Ише перьва пугвиця въ петьсотъ рублей,
Да друга-та пуговка въ ц́ёлу тысячю,
Третьей пугвици ц́ёны ей нётъ;
Эта шуба—подаре́ньецё князя Владимера".
Да какъ тутъ розбойничковъ призарило,
Да призарило-то ихъ, прибавило;
А какъ начели старого пошиньивать, подёрьгивать,
Какъ сидитъ-то старой не тря́хнитьце, не воро́хнитьце:
„Ужъ вы гой еси, вы розбойники-станичники!
Да убить-то вамъ меня вёдь не́ за шьто,
Ише, право, снеть съ меня вёдь нечево:
Какъ и есь-то у мня ише шляпа, подаре́ньицё князя всё Владимера;
Какъ во шляпы есь пе́рышко,
А да перо стойтъ едной тысечи".
Какъ за́чели они его пошиньивать, потыкивать;
Розьерилосе ёго да ретиво́ серьцё;
Какъ стегалъ-то копя да по крутымъ бедрамъ:
„Ужъ ты гой еси, мой доброй конь Бѣлеюшко!
А хоть подыни́сь ты выше лѣсу стое́чего,
А пониже хоть облака ходечего,
Да отскочь-ко ты отъ сорока розбойниковъ".

Какъ поскóчилъ его доброй конь выше лѣсу-ту стоечего,
А пониже облака ходечего,
Да отскакивалъ онъ во чистó полё.
Одёржалъ-то онъ тутъ добрá коня Бѣлеюшка,
А какъ выпималъ-то свой розры́вчатъ лукъ,
Онъ патéгивалъ тетивочку шелкóвую
Да накладывалъ стрѣлочку калéную,
А ко стрѣлочки онъ приговаривалъ:
„А лети-ко, моя стрѣла, во дáлече чистó полё,
А какъ пáди-ко, стрѣлочка, не нá воду, не нá землю,
А не на воду, не на землю, не въ сы́рой дубъ,
А пади-тко, моя стрѣлочка, въ тотъ жо въ самой сырой дубъ,
Росшиби-ко ёго на мелки дребезги,
Ты убей розбойниковъ да до éдиного“.
Полетѣла стрѣлочка во далéче во чистó полё,
Она падала не нá воду, не нá землю,
Какъ не, падала во самой во сы́рой дубъ
Да рошибла ёго на мелки дребезги,
Да убило розбойниковъ до единого.
Какъ очистилъ тутъ дорожку прямоѣзжую,
Онъ поѣхалъ въ свой путь, въ дорожочку
А ко тому жа ко городу ко Лю́бову,
Къ своёму царю, къ пріятелю;
Посмотрѣть-то захотѣлось своего царя Любова:
Шьто дѣитьце во городи во Любови.
А какъ ѣдётъ ёнъ ко городу ко Любову,
Да стрѣчялась ёму калика перехожая,
А тотъ жо сильнія великія Иванишшо.
Не дошодъ-то калика ёму низко кланетце:
„Ужъ ты здрастуй-ко, государь нашъ Илья Муромець!“
Отвѣчаётъ ёму Илья Муромець:
— Ужъ ты здраствуй-ко, калика перехожая!
Ужъ ты какъ жа миня знашь да именёмъ зовёшь?—
„Ужъ ты гой еси, осударь ты Илья Муромець!
Какъ тебя не знаю—да именёмъ зовутъ?
Какъ я у твоёго батюшка жилъ во дворникахъ ровно тридцеть лѣтъ,
Шьто во дворникахъ жилъ и во конюхахъ“.
— Откуль ты, калика, идёшь, перехожая?—
„Я иду-то изъ города изъ Любова,
Отъ того-то царя Любова“.

— Шьто дѣитьце во городи во Любови?—
„Во городи во Любови всё да не постарому,
Не постарому всё да не попрежному:
Не даютъ-то просить милостины спасёныя,
А какъ запряшшона просить милостина спасёная,
А запряшшона поминать да Илью Муромця:
Хто ёго споменётъ, такового рубить буйну голову.
А царя-та Любова на царьсви нѣтъ,
Да царитъ-то тутъ поганоё Идолишшо;
А какъ царь-отъ Любовъ на поварни старшимъ поваромъ;
Сподоблятъ онъ для поганого Идолишша кушаньё".
Говоритъ-то старой казакъ да Илья Муромець таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Ужъ ты дай ты мнѣ своё платьицё каличесько
Да надѣни моё платьё богатырьскоё. –
Говоритъ-то калика да таковы рѣчи:
„Мнѣ въ твоёмъ платьи не подаютъ милостины спасёныя".
Говорилъ-то старой казакъ да во второй наконъ;
— Ужъ ты скинь своё платьё калицесько
Да надѣнь моё платьицё богатырьскоё.—
А какъ говорилъ-то онъ да во третёй наконъ;
Не даватъ-то калика платья всё каличьского.
А какъ розьерилось ёго да ретивó серцё,
До бросалъ-то калику на сыру землю,
Скинывáлъ-то съ калики платьё всё калицесько,
Надѣвалъ-то своё платьё богатырьскоё,
А садилъ-то ёго да на добрá коня.
„Ужъ ты гой еси, мой Бѣлеюшко!
„Ты не бѣгай ты рысью лошадиною,
Ты ходи-ко тихóй ступьицёй бродовою,
Не уходи калики перехожого".
А какъ зáчялъ одѣвать платьё каличесько;
У калики была шляпа сорокъ пудъ,
А клюка-та была ёго подорожная сорокъ пудъ.
Какъ пошолъ-то старый казакъ Илья Муромець во Любовъ-
градъ;
Какъ захочитъ ко Любову на широкой дворъ,
А какъ спрашиватъ онъ про царя про Любова;
А да сказываютъ придворина про царя про Любова:
„Ноньче у насъ царя Любова на царьсви нѣтъ,
А царитъ у насъ поганоё Идолишшо".
А какъ довели тутъ старую старыньшину до поварни жо;

Говоритъ-то Илья Муромець таковы рѣчи:
„Ужъ ты здрастуй-ко-се, мой Любовъ-царь!
Я пришолъ къ тебѣ да попровѣдать жо,
А какъ шьто у васъ дѣитьце послѣ мóего бываньица,
Ише шьто дѣитьце во городи во Любови?“
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Я топере не царёмъ живу, поваромъ,
А царитъ-то у насъ понѣче поганоё сильнё Идолишшо.—
Говоритъ-то калика перехожая:
„Посылалъ тебѣ поклонъ Илья Муромець, низко кланялсэ“.
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Кабы былъ живой Илья Муромець,
Не былъ я этта поваромъ.—
„Ты подай-ко мнѣ-ка милостины спасёныя
Хошь ради Ильи Муромця“.
Хватилъ-то младшей поваръ гóловню,
Хотѣлъ убить калику перехожую;
Онъ приѝзнялъ свою клюку да подорожную,
Стегнулъ его да потихошеньку,
Оття́лъ у ёго съ плечь да буйну голову,
Говоритъ-то калика перехожая:
„Ужъ ты гой еси, Любовъ-царь!
Не узналъ ты старого казака Ильи Муромця.“
Заплакалъ-то Любовъ-царь:
— Я топерече не царёмъ живу, поваромъ,
Составлéю на поганого Идолишша кушаньё.—
А какъ пошолъ-то калика да изъ поварни вонъ,
Да выходитъ онъ да на новы́ сѣни,
А заходитъ тутъ въ полаты-ти царьскія,—
Гдѣ сидитъ поганоё Идолишшо,
Заходитъ въ ти полаты царьскія;
Отпираётъ онъ двери на́ пяту,
Запираётъ онъ двери накрѣпко;
Тутъ полата да сколымаласе.
Онъ крестъ-отъ кладётъ да написа́ному,
Да поклонъ-отъ ведётъ да поучёному,
Да бьётъ онъ челомъ, низко кланитце
Ише той-ли царици да Бѣлолю́бихи,
Какъ поганому Идолишшу челомъ не бьётъ.
А какъ тутъ поганоё Идолишшо на стули рыта бархата
На колѣняхъ дёржитъ царицю-ту Бѣлолюбиху,
По локо́тъ-то дёржитъ руки въ пазухи.

Ише самъ онъ говоритъ калика таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, цариця Бѣлолюбиха!
Пой подай-ко мнѣ милостину спасёную
А какъ ради Христа царя небесного,
А какъ ради старого казака да Ильи Муромця“.
Говоритъ-то цариця Бѣлолюбиха:
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Не даютъ у насъ нонѣче милостины спасёныя,
Не поминаютъ старыя старыньшины;
Хто помёнётъ, тому рубить буйну голову.—
А какъ спрошалъ тутъ поганоё Идолишшо:
„Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Да скожи-ко про своёго Илью Муромця,
Сколь онъ ростомъ великъ жа?“
— А сколь я великъ, столь Илья великъ;
Ише платьё мы носимъ съ имъ съ одного плеча,
А пьёмъ мы изъ одной чаши.—
„А по много ли онъ хлѣба, соли ѣстъ,
Да помного ли онъ вина, пива пьётъ?“
— А онъ пива, вина пьётъ да по одной чары,
А хлѣба, соли ѣстъ по три милостины спасёныя,
Во третёй-то милостины отставаитьце.—
„Я-то ѣмъ хлѣба, соли по пети печей
Да вина-та пью по сороковки жа“.
Говорилъ тутъ калика перехожая:
— А какъ у мо́ёго у батюшка была корова бурая;
Она много пила, ѣла,—у ей брюшина лопнула.—
А какъ тутъ Идолишшо розьерилосе;
Да хваталъ онъ свой булатёнъ ножъ
Да бросалъ-то онъ въ калику въ перехожою.
Увернулсэ-то калика за ободвёрину;
А какъ тутъ отъ-ножъ ушолъ въ ободверину вилоть до чё-
рёна.
„Какъ былъ вашъ славной Илья Муромець,
На долонь бы посадилъ, другой сверху прижалъ,
Межъ долонеми тольке мокро́ стало,
Грезь одна осталасе“.
Да какъ тутъ Ильи за бѣду да показалосе,
Ёго серьчё да розьерилосе;
Захватилъ онъ свою шляпу всё калическу,
А стегнулъ-то шляпой по буйно́й главы;
А какъ выпало простѣпкомъ Идолишшо вонъ на улицю;

Тутъ Идолишшу смерть пришла.
Да поставилъ царя Любова жить постарому;
А какъ самъ пошолъ да во чисто́ полё,
Во цисто́ полё да ко добру́ коню,
Ко добру́ коню да калики да перехожою.
А какъ ѣдётъ калика въ Любовъ-градъ;
Онъ чуть сидитъ да на добро́мъ кони,
Ише чуть въ ёмъ душа полу́днуётъ.
Да сымалъ-то старой со добра́ коня,
Скинывалъ-то своё платьё цвѣтноё,
Одѣвалъ-то калику да перехожого.
Тутъ съ каликой прошшалисе,
Простились они да розосталисе;
Илья Муромець поѣхалъ во чисто́ полё,
Во чисто полё поѣхалъ ко Кіеву,
А ко ласковому князю ко Владимеру.

70.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Шьто на тихъ было горахъ Латыньськихъ жа,
Какъ у той же было бабы у латы́нгорки
А какъ было у ей да чадо милоё,
А какъ мо́лодый у ей былъ да Подсокольничокъ-охвотничокъ.
А какъ сталъ-то Подсокольничокъ на возрости,
Какъ ясёнъ-отъ соко́лъ сталъ на во́злети,
Какъ онъ сталъ-то ѣздить во чисто́ полё на добро́мъ кони,
А онъ по́лно сталъ владѣть палицей тяжолою;
Высоко-то ей мечётъ по-подъ нёбеса,
Онъ подхватыватъ въ едную во праву́ руку.
А не бѣлая берёзка къ земли клонитьсэ,
А не сы́рой-отъ дубъ да подгибаитсэ,—
Подсокольничокъ да ро́дной матушки въ ноги падаётъ,
А какъ проситъ благословленьица-то вѣковѣчьнёго,
Ише навѣки да нерушимого
А какъ сьѣздить во чисто́ полё поляковать,
Посмотрить-то руськи сильнія могучія бога́тыри.
Какъ даётъ ёму матушка дозволеньицё и благосовленьицё,
А даётъ, она ёму наказыватъ:
„Ты поѣдёшь, ты чадо мило, во чисто́ полё,
Ты наѣдёшь старую старыньшину:
Уёго вѣдь борода сѣда, и голова бѣла,

Подъ имъ доброй конь какъ-быть снѣгу бѣлого,
Ишше хвостъ-то, грива была чёрная,—
Не доѣжжаючи соходи да со добра́ коня,
Ише бей челомъ ему во сыру замлю да низко кланейсе".
А пошолъ-то онъ на свой да на конюшенъ дворъ
А сѣдлать-то, уздать всё добра́ коня;
А наклалъ-то онъ уздицю всё тесмяную,
А на спину-ту накладывалъ сѣдёлышко черкальское,
А засте́гивалъ онъ всё двѣнадцеть пряжочекъ,
А ешшо застегивалъ онъ двѣнадцеть шпёнушковъ;
Какъ отужинки были шелко́выя,
А какъ пряжочки были́ да красна золота,
А какъ шпёнышки были булатныя—
Шьто не ради-то красы, да ради крѣпости,
А какъ той-то приправы богатырьскою
Осѣдлалъ-то, обуздалъ добра́ коня,
А онъ скоро скакалъ да на добра́ коня,
Какъ поѣхалъ-то онъ да во чисто́ полё.
А какъ перьвой день ѣхалъ съ утра до вечера,
А другой-отъ день ѣхалъ съ утра до вечера;
А какъ ѣдетъ онъ по чисту полю, розъѣзжайтьсе,
А какъ вострымъ копьёмъ да забавляитьсе,
Ишше клонитъ востры́мъ копьёмъ да на святую Русь.
Какъ по утру, утру было раннему,
По восходу-ту сонця было красного,
Какъ во ту пору, во то время
А какъ ѣздилъ стары́й казакъ да Илья Муромець
Со своима-ти дружинами хоробрыма.
Выходилъ-то онъ да изъ бѣла шатра,
А какъ бралъ-то онъ трубочку подзорную,
А смотрилъ-то онъ во вси чотыре сто́роны;
А увидялъ онъ,—со восточнюю стороночку
А какъ ѣдетъ дородьнёй доброй молодець,
А онъ во́стрымъ копьёмъ да потѣшаитьсе,
Высоко его мечотъ да по-подъ не́беса,
А подхватывать да во праву́ руку,
А какъ востро копьё клонитъ на святую Русь.
Заходилъ-то онъ да во бѣлы́ шатры,
А да самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, мои братья́ мои названыя!
А какъ мо́лодый Олёшенька Поповичъ младъ!
А да съѣзди-ко да съ имъ да поздоровайсе,

Поздоровайсе съ имъ да поназванейсе,
Ты спроси-ко-се у ей (?), какого города,
Какого отца да какой матушки".
А какъ тутъ Олёшенька да не ослышилсэ,
Одѣвалъ своё платьё богатырьское,
А поѣхалъ къ удалу добру молодцу.
Не доѣхалъ Олёшенька до сильнего могучего бога́тыря,
Устрашилсэ тутъ Олёшенька Поповичъ-отъ,
Устрашилсэ ёго, убоялсэ жо,—
А сидитъ, бываъ, на кони какъ сѣна куча,—
Не спросилъ Олёшенька не про родину, и не про вотчину;
Какъ поѣхалъ Олёшенька ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А спрошалъ тутъ старый казакъ да Илья Муромець:
„Ужъ ты спросилъ ли, Олёшенька, у молодца?"
— Я не доѣхалъ до его, бога́тыря,
Устрашилсэ я да убоялсэ жа;
А какъ я да передъ имъ какъ мала мушиця,
Онъ сидитъ-то на добро́мъ кони какъ сѣна куча.—
Говорилъ-то старыя старыньшина Добрынюшки Микитьичу:
„Ужъ ты съѣзди-ко, Добрынюшка, во чисто́ полё,
А спроси-тко молодца да про отечесьво,
Ты спроси-тко у его да про отечесьво,
А которой земли, да коего отця да коей матушки,
А которого отця да коей матери".
А умѣлъ Добрынюшка съѣха́тьсе да поздороватьсе,
А не смѣлъ Добрынюшка спросить да про отечесьво,
А не смѣлъ спросить, какой земли, какого города,
Да какого отця да какой матушки;
Какъ стёгалъ коня да по крутымъ бедрамъ:
„А бѣжитъ мой доброй конь да Воронеюшко,
А столь скоро́ летитъ, какъ стрѣла калёпая".
Какъ уѣхалъ-то Добрынюшка отъ Подсокольничка-охотничка,
Онъ пріѣхалъ ко бѣлу́ шатру.
Говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромець:
„Шьто ты, Добрынюшка, умѣлъ ты съѣхатьсе,
Да умѣлъ ты, Добрынюшка, съ имъ да поздороватьсе,
А не умѣлъ ты спросить, какого города, какой земли,
Да какого цяря ли королевичя".
Онъ поѣхалъ старый ко дородьню добру молодцу.
Подъѣзжаетъ онъ ко Подсокольничку:
„Ужъ ты здраствуй-ко, дородьнёй доброй молодець!"
— Ужъ ты здраствуй-ко, дородьнёй доброй молодець.

А какъ руськія сильней бога́тырь жа!—
„Ты скажи-тко мнѣ, коéй земли, какого города,
Ты скажи, какого отця, какой матери,
Эли ты цяря, короля, ли королевича?—
А кричалъ тутъ Подсокольникъ зычнымъ голосомъ:
— Ише скажотъ моя да тибѣ сабля вострая,
А роскажотъ тебѣ паличя тяжолая:
Отсѣку-то я тебѣ да буйну голову.—
А какъ тутъ-то старому за бѣду да показалосэ;
Розьерилось его ретиво серьцо да богатырьскоё;
Какъ стёгалъ-то добра́ коня да по крутымъ бедрамъ.
А какъ розьѣхались бога́тыри да по чисту́ полю,
А сьѣжалисе богатыри да во едно мѣсто,
А ударилисъ они палками буёвыма,
А тима́-ти саблеми вострыма;
У ихъ сабельки всё-то посломилисе.
А розьѣхались богатыри во второй наконъ,
А ударили они ти-палицеми тежолыма;
Ише мать сыра земля да потресалосе,
А въ рѣкахъ вода да сколыбаласе;
Какъ они другъ друга не ранили,
Э какъ не́ дари на собя раны кровавыя;
А у ихъ вѣдь палици да пошорбалисе.
А розьѣхались богатыри да во-въ третéй наконъ,
А ударилисъ они да копьеми-ти крѣпкима борзомецькима;
Они другъ друга не ранили,
А какъ не́ дали на соби раны кровавыя.
А соско́чили они да со добры́хъ коней,
Они начели боротисе, водитисе;
По колѣнъ въ рѣку, въ землю втопталисе.
А какъ не по Божьей-то было по милости,
Не по Ильино́й-то было учести:
Порвалось у Подсокольника да цьвѣтно платьицё;
А какъ скользнулось у старика Ильи Муромця,
Какъ здала у ёго всё права́ рука,
Подвернулась у его да ножка рѣзвая;
А какъ падалъ бога́тырь во сыру землю;
А какъ сѣлъ тутъ Подсокольничокъ-охотничокъ да на бѣлы́ груди
Ише хочётъ спороть да каза́ку бѣлы груди,
А какъ хочётъ досмотрить да ретива́ серьца да богатырьского.
А какъ тутъ стары́й казакъ да испугалсэ жа,

Ишше Господу-ту Богу всё взмолилсэ жа:
„А ужели мнѣ, Господи, въ томъ-то мѣсти смерть-то писана?“
А какъ вдвое-втрое у Ильи-то силы прибыло;
Да схватилъ-то Подсокольника да во бѣлы́ руки,
А какъ смётывалъ со своихъ бѣлыхъ грудей да на сыру землю
А какъ сѣлъ-то Подсокольнику да на бѣлы́ груди,
Вынималъ-то изъ кинжа́лишша булатенъ ножъ,
А хотѣлъ-то Подсокольнику спороть бѣлы́ груди,
Досмотрить у его ретива́ сердца́ да богатырьского.
Какъ спросилъ у Подсокольника да про отечесьво,
Говорилъ-то Подсокольникъ таковы рѣчи:
„А спдѣлъ-то я у тя да на бѣлы́хъ грудей,—
А не спрашивалъ у тя не роду, не отечесьва,
А сполъ бы я тебѣ скоро бѣлы́ груди“.
А спрошалъ стары́й казакъ да во второй наконъ;
Ишшё то жо отвичаётъ Подсокольничокъ-охотничокъ:
„А не спрашивалъ у тя про родину, про отечесьво;
А сполъ бы я скоро́ бѣлы́ груди,
Досмотрилъ бы я твоего серьца богатырського“.
Тутъ-то старому да за бѣду да показалосе;
Загибалъ-то у ёго-то платьё цьвѣтное;
Хочётъ пороть ёго бѣлы́ груди,
Хочётъ досмотрить у ёго ретиво́ серьцо.
Захватилъ-то правбй рукой булатенъ ножъ.
Ише тутъ да Подсокольничокъ испугалсэ жа,
А старому казаку да возмолилсэ жа:
„А я вижу—у тебя голова сѣра да борода бѣла;
Не моги моихъ пороть да всё бѣлы́хъ грудей,
Не смотри моёго ретива́ сердца“.
А какъ увидялъ тутъ стары́й казакъ да на правбй руки,
На правой руки да свой злачёнъ перстень,
Подымалъ ёго за ручки-ти за бѣлыя,
Чёловалъ ёго въ уста саха́рныя:
— Ужъ ты гой еси, да Подсокольничокъ-охотничокъ,
А да той жо сынъ да бабы всё латы́пгорки!
А какъ я тебѣ—отець, да ро́дной батюшко.
Ты поѣдёшь да къ родной своей матушки,—
Ты скажи отъ миня да ей низко́й поклонъ.—
Какъ Подсокольничокъ поѣхалъ къ ро́дной матери,
А стары́й казакъ поѣхалъ ко бѣлу́ шатру:
Онъ прiѣхалъ ко бѣлу шатру да сошолъ со добра́ коня,

Сошолъ со добра, спать вѣдь лёгъ въ бѣлъ шатёръ.
Какъ-во ту пору пріѣхалъ Подсокольничокъ къ своёму широку двору,
Подъѣжжаётъ онъ да подъ окошочко:
„Ужъ ты гой еси, моя да родна матушка!
Ты подай-ко мнѣ своё востро́ копьё,
Ты подай-ко-се ко мнѣ воё тупымъ коньцёмъ“.
А на то матушка ёго не ослышилась,
Подала своё востро́ копьё да изъ окошочка.
А какъ принялъ онъ копьё да за тупой конець,
Какъ направилъ онъ вострымъ коньцёмъ въ матушку-ту въ груди бѣлыя,
Закололъ-то Подсокольникъ свою родну матушку.
А поѣхалъ скоро Подсокольникъ въ чисто полё,
Какъ поѣхалъ во чисто полё да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Ильи Муромцю.
Онъ какъ пріѣхалъ ко бѣлу шатру,
Направилъ копьё всё востры́мъ коньцёмъ,
А какъ ткнулъ Илью Муромца да во бѣлы́ груди;
На грудяхъ-то былъ лёжалъ у ёго крестъ золочёныя,
А вѣсу́ тянулъ да полтора пуда;
Угодилъ онъ въ самой стотъ крестъ,
Да не могъ онъ проколоть да груди бѣлыя.
Какъ отъ сна-то вѣдь стары́й казакъ да пробужалсэ жа,
Со спа-то онъ да испугалсэ жа;
А выскакивалъ-то онъ да изъ бѣла́ шатра,
Схватилъ-то онъ Подсокольника да со добра́ коня,
Высоко-то его бросилъ по-подъ не́беса;
А какъ падалъ Подсокольникъ о сыру землю,
Какъ убилсэ Подсокольничокъ о сыру землю,
А какъ Подсокольнику вѣдь смерть пришла.
А какъ пришолъ смотрить стары́й козакъ да Илья Муромець,
А увидялъ на руки да свой злочёнъ перстень,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„А не знато, шьто было́ моё чадо:
А хошь высоко бросилъ по-подъ не́беса,
Подхватилъ бы ёго да на бѣлы́ руки,
Не допустилъ бы я ёго до матушки сырой земли“.
А какъ тутъ вѣдь Подсокольнику да смерть пришла,
Смерть пришла, и конець дошолъ.

71.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ [1]).

Какъ доселева Рязань слободой слыла;
А какъ нонѣче Рязань славенъ городъ сталъ.
А живётъ-то въ той Рязани князь Никита сынъ Романовичъ.
Жилъ-то Никитушка шестьдесятъ годовъ;
Какъ состарилсэ Романовичъ,—преставилсэ,
Ай осталась у него мала́ семья,
Ай мала семья, молода жона,
Молода жона Омельфа Тимоѳеёвна;
Ай осталось у нёго чадо милое,
Милое чадо, любимое,
А какъ мо́лодый Добрынюшка Никитичъ младъ.
Какъ отъ роду Добрынюшка былъ пяти годовъ,
Сталъ ходить по улочьки,
Сталъ съ робятками боротисе;
Какъ не стало Добрынюшки да поединшычка;
А какъ малы-ти ребята двадцати пяти годовъ.
А какъ мастёръ былъ Микитичъ со крутой [2]) съ носка спускать.
А какъ сталъ-то Добрынюшка на возрости,
Какъ ясёнъ-то соко́лъ сталъ на во́злети.
А какъ стало Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ,
Онъ нача́лъ въ чисто́ поле поѣзживать,
А поѣзживать, всё сталъ погуливать,
А ѣздить всё на тихія на заводи,
А стрѣлить всё гусей, бѣлыхъ ле́бедей.
А какъ сталъ Добрыня во чисто́мъ поли поляковать,
А не стало Добрынюшки поединшычка.
А какъ началъ онъ метать сильныхъ могучихъ всё бога́тырей,
Ай прошла про молодца слава великая;
А дошла туто слава до города до Мурома,
А до того жа села до Карачёева,
А до старо́го до казака Ильи Муромца;
Услыхалъ тутъ старой казакъ Илья Муромца
Про сильнего могучего богатыря.
Его серьдьце было неуступчиво;

---

[1]) Напечатана съ замѣчаніями проф. *В. Ѳ. Миллера* въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 664. *Собир.*

[2]) Скоро.

Пошолъ онъ скоро на конюшей дворъ
Сѣдлать, уздать свого да коня добраго.
Ай накладывалъ онъ уздицю тесмяную,
А на спину лошадину войлучёкъ,
Ай на войлучёкъ накладывалъ сѣдёлышко черкальское;
Затёгивалъ двѣнадцать сутужинокъ,
А сутужинки-потужинки-ти были полковы;
А застёгивалъ-то онъ двѣнадцать пряжочёкъ,
А пряжечки-ти были красна золота,
А спёнушки-ти были булатные,
Крѣпкого булата всё заморського,—
То не ради красы, ради крѣпости.
Илья-то былъ сынъ Ивановичъ
Одѣвалсэ онъ въ платье богатырськоё,
Богатырсько платьицё, воспное.
У него вѣдь конь-отъ былъ какъ снѣгу бѣлого,
Ишше хвостъ-грива у него была чёрная.
Онъ скоро, легко скакалъ на добра́ коня,
И онъ скоро поѣхалъ по чисту́ полю;
А какъ по чисту полю толькe курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке столбъ столбитъ.
А онъ скоро пріѣхалъ ко Рязани славну городу.
Ѣдетъ онъ по Рязани славну городу,
А играютъ тутo маленьки ребятка жа.
А спрошаётъ онъ у маленькихъ ребятокъ жа:
„Ужъ вы гой есп, маленьки ребятка жа!
Гдѣ это Добрынино подворьицё, широкой дворъ?
Вы скажите-ко мнѣ про Добрынинъ про широкой дворъ“.
Какъ отводятъ робятка ’ Добрынино подворьицё.
Подъѣзжаетъ онъ подъ окошёчко,
А кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
„Дома ли Добрынюшка Никитичъ младъ, или въ домѣ нѣтъ?“
Услыхала тутъ Добрынина да ро́дна матушка;
Подбѣгала она всё къ окошёчку,
Отпирала ’на окошечка немножечко;
Какъ увидяла она старого казака Илья Муромця,—
А сидитъ-то онъ на своёмъ добро́мъ кони́,—
Говорила Добрынина да ро́дна матушка:
— Ужъ и здраствуй-ко, казакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Иваповичъ!—
Говоритъ тутъ Илья сынъ Ивановъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой есп Добрынина ро́дна матушка!

Ты какъ меня-то знаёшь, именёмъ зовёшь,
Величаёшь ты меня по отечесьву?“
— Ише какъ-то я тебя не знаю, Илья Муромець?
Ужъ мы пили изъ одной чаши;
А когда я училасе у твоей-то ро́дной матушки,
Ты тогды не могъ ходить на рѣзвы́хъ ногахъ,
А сидѣлъ ты всё на печьки на кирпицятой.
Ты добро пожаловать ко мнѣ хлѣба, соли покушати!
Накормлю вѣдь я тебя досыти,
Напою вѣдь я тебя допьяна.—
Говоритъ-то Илья сынъ Ивановичъ:
„Я не пить пріѣхалъ, ни есть хлѣба, соли жа.
Ты скажи-ко мнѣ про своего чада милого,
Онъ и [1]) въ домѣ, или его нѣтъ?“
Отвичаетъ Добрынина ро́дна матушка:
— У мня Добрыни топере въ домѣ не случилосе:
Онъ уѣхалъ всё на тихія на заводи
А стрѣлеть гусей, бѣлыхъ ле́бедей,
А пернастыхъ сѣрыхъ малыхъ уточёкъ.
Ужъ ты гой еси, ты старой казакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Ивановичъ!
Ты наѣдёшь моёго чада во чисто́мъ поли—
Не моги ёго убить, моги помиловать
Хошь не ради ёго, да ради меня вдовы:
Ишше хто меня будетъ подъ старость поить-кормить?—
Какъ поѣхалъ старой казакъ во чисто́ полё,
Ишше ѣдётъ онъ скоро по чисту полю—
Какъ увидялъ молодого въ чистомъ поли бога́тыря:
Да онъ ѣздитъ на добро́мъ кони, розъизжаитьсе,
Всё дворяньскима утѣхами да забавляитьсе:
Высоко-то онъ паличю-ту мечётъ по-подъ не́беса,
Подъѣзжаётъ на добро́мъ кони,
Подхватываетъ ей да во праву́ руку,
А не допускаетъ онъ до сырой земли.
Подъѣзжаётъ тутъ старой казакъ Илья Муромець:
„Здрастуй-ко, дородней доброй молодець!
Ты скажи-ко-се про родину и про отчину“.
Говорилъ тутъ Добрыня таковы рѣчи:
— А какъ скажотъ тебѣ моя паличя тяжолая,
А когды тебѣ ссѣку да буйну голову.—

---

[1]) Вмѣсто „е“ (есть)? *Собир.*

Тутъ розъерилось у Ильи да ретивб сердьцо;
А стегалъ онъ коня по крутымъ бёдрамъ.
Розъѣзжалисе богáтыри по чисту́ полю,
Соѣзжалисе богатыри всё въ одно мѣсто;
Какъ ударились они паличеми тяжолыма,
У ихъ паличи пошербáлисе;
Ише другъ дружки они не ранили,
Не дали на собя раны кровавыя.
А розъѣхались богáтыри во второй паконъ,
Ай ударились они саблями-ти вострыма;
Какъ по рукъ да сабельки сломилисе;
Ише другъ дру́га они не ранили,
Не дали на собя раны кровавыя.
А розъѣхались богáтыри во-въ третéй паконъ,
Какъ ударились они копьеми ворзомецькима,
У ихъ копьица согнулисе, свернулисе;
Ише другъ друга они не ранили,
Не дали на собя раны кровавыя.
Они соскóчили да со добры́хъ коней,
Они схватилисе во схваточку боротисе.
Они перьвыя суточьки борютьсе съ утра до вечера
И други-ти сутки борютьсе съ утра до вечера;
А на третьи-ти суточьки у Добрыни порвалóсь платьё цвѣтноё,
Окатилось у Ильи всё правá рука,
Подвернулась у его всё лѣвá нога;
А какъ падалъ стары́й казакъ на мать сыру землю,
Ише мать сыра земля да потрясаласе.
Ужъ какъ сѣлъ-то Добрыня на бѣлы́ груди,
А онъ вынелъ-выдернулъ изъ кинжалища булатной ножъ,
Хочётъ спороть Ильи бѣлы́ груди,
Ише хочётъ досмотрить ретивá серьця.
А какъ тутъ старой казакъ да Илья Муромець
Возмолилсэ онъ Спасу пречистому,
Ише матери Божьей Богородици:
„Ужъ ты Господи, уже мнѣ въ чистомъ поли смерть не писана,
А ужели я помру на сёмъ мѣстѣ?“
У его да силы вдвое-втрое прибыло;
А мёталъ-то онъ Добрюню со бѣлы́хъ грудей,
А какъ скочилъ стары́й казакъ на рѣзвы́ ноги,
А какъ и́ѣлъ-то Добрыни на бѣлы́ груди;

Хочётъ спороть Добрынюшки бѣлы груди,
Досмотрить Добрынина ретива́ сердьця.
А какъ спомнилъ онъ Омельфино прошеньицё,
Ише спрашиватъ Добрынно отечесьво:
„Ты скажи-ка мнѣ про своё отечесьво“.
Говоритъ-то Добрыня таковы рѣчи:
— А когды сидѣлъ у тя-да на бѣлы́хъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ, коей земли, какого города,
Какого отьця да какой матери;
Я споролъ бы у тя всё бѣль́ груди.—
Вынималъ Илья изъ кинжалища свой булатёнъ пожъ,
А хочётъ спороть Добрынюшки да всё бѣлы́ груди,
Досмотрить Добрынина ретива́ сердьця.
А какъ тутъ Добрыня испугалсэ жа,
Ухватилъ у Ильи Муромця булатёнъ пожъ:
„Я скажу тебѣ про родину-отечесьво,
Я скажу тебѣ про своего родна батюшка,
Я скажу тебѣ про свою родну матушку:
У меня родной батюшко былъ Никита сынъ Романовичъ;
Онъ княжилъ въ Рязани ровно шестьдесятъ годовъ,
А родна-то моя матушка—Омельфа Тимоѳеёвна.
Не моги меня казнить, моги помиловать.
Называ́мьсе-ко мы братьеми крестовыма,
Покрестоемсе мы своима крестами золочёныма;
А какъ будетъ ты—больши́я братъ,
А я буду меньши́я братъ;
А мы будёмъ ѣздить по чисту́ полю, поляковать,
Приставать будемъ другъ за́ друга,
Другъ за́ друга, за брата крестового“.
А ставалъ-то онъ да на рѣзвы́ ноги,
Подымалъ онъ Добрыню за бѣлы́ руки,
Чёловалъ онъ Добрынюшку во уста саха́рныя;
А сымали опы съ головъ да золоты́ кресты,
Одѣвали другъ на дружку золоты кресты,
Да садилисъ они на добры́хъ коней,
Поѣхали они къ Рязани славну городу
Ко Добрынинои да ро́дной матушки.
Какъ прiѣхали Добрыни къ широку́ двору,
Увидала Добрынина ро́дна матушка,
Стрѣчала ихъ середи двора,
Середи двора со красна́ крыльця,
Да брала она старого казака за бѣлы́ руки,

Повела въ Добрынины да свѣтлы свѣ́тлицы,
Посадила она за дубовы́ столы,
За дубо́вы столы, за ѣсьвы саха́рныя.
У ихъ пиръ пошолъ всё навѣсели;
Они пили, веселились трои суточьки.

72.

Женитьба Добрыни [1]).

Какъ задумалъ тутъ Добрынюшка женитисе,
А просплъ-то своей ро́дной матушки благословленьиця
Какъ женитисе ѣхать да обручатисе
Ко тому-то королю да всё къ Мику́лину.
А поѣхалъ онъ Добрынюшка во чисто́ полё,
А поѣхалъ онъ да въ прокляту орду.
Онъ ѣхалъ путёмъ-дорогою,
А онъ всю-то ѣхалъ тёмну поченьку;
А доѣхалъ до того жо до восходу соньця красного,
До закату-ту свѣтла ясна мѣсеця.
Какъ по у́тру-ту было́ по ранному,
По восходу-ту было́ да соньця красного—
А сидѣла-то Настасья подъ окошочкомъ,
Она видяла этого дородня добра молодца:
А онъ въ городъ-отъ ѣхалъ не воротами,
Не воротами да не широкима,
Ёнъ ѣхалъ по широку двору къ полатамъ королевськіямъ.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
А полаты ихны колыбалисе.
А пріѣхалъ онъ да на широкой дворъ,
Заѣзжалъ-то онъ да середи двора,
Соходилъ-то онъ да со добра́ коня,
А вязалъ-то онъ коня да къ дубову́ столбу,
Къ дубову столбу да къ золоту кольчю;
Самъ онъ пошолъ на красно́ крыльцё,
Со красна́ крыльця да на новы́ сѣни,
Заходилъ-то въ полаты въ королевськіе;
Онъ не кланяитьсе поганымъ идоламъ,
А да бьётъ тольке челомъ королю Мику́лину во рученьку
во правую:
„Ужъ ты здраствуй-ко король Микулишъ!“

[1]) Напечатана тамъ же, стр. 677.

— Ужъ ты здраствуй-ко, дороднёй доброй молодецъ!
Я не знаю твоёго ни имени, ни отчины,
А не звеличети да по отечесьву.—
„Меня по имени зовутъ Добынюшкой Никитичемъ“.
— Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ?
А посломъ ко мнѣ пріѣхалъ по́словать изъ города изъ Кіева,
Отъ ласкова князя Владимера?—
„Не посломъ-то я пріѣхалъ къ тебѣ по́словать,
Не служить-то я пріѣхалъ вѣрой-правдою,
Я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе.
А отдай-ко ты Настасью за меня всё въ замужесьво,
Ужъ ты съ чести вѣдь отдай за меня, съ радости;
Ише съ чести не отдашь, дакъ я боёмъ возьму,
Съ той да дракой кроволитною“.
Отвѣчаётъ ему король да таковы рѣчи:
— Ужъ гой еси, молодой мальчишко жа!
А скричу я палачей своихъ да немило́стивыхъ;
А опутаютъ тебя во пу́тины шелко́выя,
Повалятъ тебя на колодку бѣлоду́бову,
Отсѣкутъ твою буйну голову.—
Говоритъ-то Добрыня во второй наконъ:
„Ужъ ты гой еси, король да сынъ Нику́линичъ!
А отдай-ко ты Настасью за меня заму́жъ,
А безъ драки отдай да кроволитныя,
Ужъ ты съ чести вѣдь отдай, съ радости великія“.
— Ужъ ты гой еси, мужичонко ты задлёньшина, дервеньшина!
Я скричу-то палачей да немило́стивыхъ;
А опутаютъ тебя во пу́тины шелко́выя,
А уведутъ тебя да на широкой дворъ,
Повалятъ тебя на колодку бѣлоду́бову
Отсѣкутъ-то тебѣ буйну голову.—
Говорилъ-то Добрыня по-въ третёй наконъ.
Какъ пошолъ-то король да изъ полаты вонъ,
А пошолъ-то къ своей дочери любимыя,
А какъ къ той жо дочочьки къ Настасьи Микуличьни.
„Ужъ ты гой еси, Настасья дочь Микуличьня!
Какъ пріѣхалъ изъ Кіева бога́тырь жо,
А какъ свататьсе за тебя заму́жъ,
На тебѣ жа, Настасьи, бѣлой лебеди;
Какъ вѣдь самъ опъ похволяться таковы рѣчи:
Ише съ чести не отдамъ, дакъ „я боёмъ возьму,

Съ той да дракой кроволитною“ “.
Говорила Настасья таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси да мой да родной батюшко!
Я вѣдь видяла да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивноё:
Со восточьню-ту сторонку какъ-бы туча тучилась,
Туча тучилась, какъ-бы громъ гремѣлъ,
Частой мелкой дожжыкъ шолъ;
Немного тому время миновалосе,
Наѣхалъ дородней доброй молодецъ;
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Ѣхалъ онъ широкі́мъ двором
Къ тымъ-то полатамъ королескінмъ;
Мать-сыра земля потрясаласе,
Наши полаты колыбалисе.
Отдавай ты мепя съ чещи, съ радости,
Безъ той же безъ драки кроволитныя;
Не губи ты народу понапрасному.—
А пошолъ-то король да вопъ изъ свѣтлой свѣ́тлицы,
А приходитъ въ свои полаты королевськія,
А берётъ Добрыню за бѣлы́ руки,
А чѣлуётъ-ту Добрыню во уста саха́рнія,
А повёлъ-то онъ къ Настасьи въ свѣтлу свѣ́тлицю.
Какъ сидѣла Настасья на стули-то да рыта бархата,
Она скоро скакала на рѣзвы́ ноги,
А брала она Добрыню за бѣлы́ руки,
Чѣловала Добрынюшку въ уста саха́рныя;
Поминелись они ти перстнями золотыма жо,
Поминелись, обручилисе.
Собираласе Настасья ѣхать въ славной Кіевъ-градъ;
А какъ бралъ-то ей Добрыня за праву́ руку,
А повёлъ-то Добрыня на широкой дворъ,
А садилсэ Добрыня па коня своёго лошадь добрую,
А садилъ-то онъ Пастасью позади собя
На своё-то сѣдло на черкальское,
А привязывалъ-прихватывалъ ко стременямъ булатнымъ жа.
Какъ поѣхалъ онъ изъ города воротами да не широкима,
А скакалъ-то черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту жа башню паугольнюю.
Пріѣжаётъ онъ во красёнъ Кіевъ-градъ,
А къ своёму широку́ двору.
Увидала ихъ да ро́дна матушка,

А стрѣчала-то ихъ да середи двора,
Чѣловала-то Настасью во уста сахáрныя,
А вела-то она во свои-ти свѣтлы свѣтлици,
Во столовы новы горници.
А какъ тутъ у ихъ-то пиръ чесёнъ пошолъ навесели
Заводилась у Добрыни свадёбка:
На отцёвсько-то мѣсто самъ Владимеръ-князь,
А сватьей Владимера да молода жона,
А тысячькимъ старой казакъ Илья Муромець,
А дружкомъ-то у ихъ Олёшенька поповськой сынъ.
Повѣнчалсе тутъ Добрынюшка Микитичъ сынъ.
На той жо Настасьи дочери Микуличьни.
Отошли туто туто пиры навесели;
Вси были на пирахъ пьяны, вёселы.

73.

Добрыня и змѣя [1]).

Какъ во славномъ городи во Кіеви,
Да у ласкова-то князя у Владимера
Заводилось пированьицё, почесенъ пиръ
Ай на всихъ князей, на бóяръ жа,
А на руськихъ-то могучихъ на богáтырей.
А какъ красно солнышко идётъ на ёсени,
А почесенъ-отъ пиръ идётъ навёсели.
А какъ вси-то при пиру, вси пьютъ, ѣдятъ да вёселы,
А какъ вси-то на честномъ, вси хвастаютъ.
Какъ Владимеръ-отъ князь ходитъ по горници,
Съ ножки на ножку переступыватъ,
А онъ бѣлыма руками всё розмахиватъ,
Золотыма-ти перстнями припашшалкиватъ,
А русыма-ти кудрями припатряхиватъ,
А какъ самъ онъ говоритъ да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои князья, вы бóяра!
Ужъ вы руськіи мои сильни богáтыри!
Ишше хто жа изъ васъ съѣздитъ на Пучай-рѣку
За свѣжóй-то водой ключёвою,
А какъ мнѣ, князю, съ княгиною умытисе, помолодитисе“?
Какъ большой-отъ князь хорониться за среднёго,
А какъ средней-отъ хорониться за мéньшого,

---

[1]) Напечатана тамъ же, стр. 682.

Какъ отъ меньшого, отъ бо́льшого отвѣ́ту нѣ́тъ.
Говорилъ-то князь Владимеръ во второй наконъ,
Говорилъ-то князь Владимеръ во третёй наконъ;
Какъ отъ бо́льшого, отъ мѣ́ньшого отвѣ́ту нѣ́тъ.
Какъ изъ-за того стола, стола окольнёго,
Изъ-за той-то скатерки изъ-за брапыя,
Да изъ-за́ той ѣ́свы всё саха́рныя
Говорилъ тутъ дородьнёй доброй молодецъ,
А какъ мо́лодый Добрыня всё Никитичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, ты красно солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ я съѣ́жжу тебѣ́ па Пучай-рѣ́ку,
Привезу-ту я тебѣ́ свѣ́жо́й воды ключёвою,
Какъ тебѣ́, князю, съ княгиной умытисе, помолодитисе“.
Говорилъ-то Владимеръ-князь да таковы рѣ́чи:
— Ужъ ты гой еси, Олёшенька Поповичъ!
Ты бери-ко всё чернилъ, бумагъ,
Ты пиши-тко съ Добрынёй записи великія,
Во хмѣ́линушки Добрыни захлыснулосе [1],—
Чтобы за́утра Добрыня не попетилсэ.—
А тому Олёшенька не вослышилсэ;
Ужъ какъ бралъ чернилъ, бумагъ, писалъ онъ по́писи великія
Промежду собой съ Добрынюшкой Микитичемъ;
Попписали они пописи великія;
А какъ сталъ-то Добрыня на рѣ́звы́ ноги,
А какъ бралъ-то Добрыня со спичьки пухову́ шляпу,
Надѣ́валъ-то Добрыня на буйну́ главу,
А пахмурилъ чёрну шляпу на ясны́ очи,
А пошолъ-то Добрыня ко свому да широку́ двору,
А повѣ́силъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи въ матушку-сыру землю.
А идётъ-то Добрыня къ своему-то широку двору,
Онъ идётъ-то, всё шатаитьсе.
Увидала Добрыня молода жона,
А какъ та жа Настасья дочь Никуличьня;
А побѣ́жала къ своей матушки,
Къ Добрынипой да къ ро́дной маменьки,
Да сказала она своей маменьки:
„Ужъ ты гой еси, Добрынина родна матушка!
Какъ идётъ-то у насъ Добрыня съ чесна́ пира,

[1]) Похвасталъ.

А идётъ-то онъ да всё шатаитьсе,
А повѣсилъ-то буйну голову ниже своихъ могучихъ плечь".
А стрѣчала Добрыню молода жона,
А какъ та жа Настасья дочь Никуличьня,
А стрѣчала его да родна матушка,
А какъ та жа вдова Омельфа Тимооеёвна;
А стрѣчели его середи ёго да широка́ двора,
А какъ брали его да за бѣлы́ руки,
Говорила ёму родна матушка да таковы рѣчи:
„А какъ шьто же идёшь, моё-то чадо милоё, моё любимое,
Не постарому идёшь, да не попрежному:
Повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь,
А потупилъ очи въ матушку-сыру землю?
Шьто тебѣ на пиру было не по разуму:
Или князь-отъ тебя мѣстомъ о́бсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
А питья, ѣсвы тебѣ разѣ не по́ души?
Эли глупой надъ тобой не насмѣхалсэ жа,
Шьто надъ твоей жа молодой жоной,
Эли, муть, надъ ро́дной твоей матушкой?"
— Ужъ ты гой еси, моя родна матушка,
Какъ Омельфа ты, сударь, да Тимооеёвна!
Меня мѣстомъ князь онъ всё не о́бсадилъ,
А да винной чарой меня всё не о́бнесли,
А нехто надо мной не насмѣхалса жа,
Не тобою, родной матушкой,
Не моей да молодой жоной.
Самому мнѣ доброму молодцу во хмѣлю-ту захыснулосе,
А какъ съѣздить мнѣ-ка князю на Пучай-рѣку́
За свѣжо́й водой да всё ключёвою,
Привезти князю воды ключёвыя
Шьто умытисе князю со княгинёю,
А умытисе, помолодитисе.—
Говоритъ-то ёму ро́дна ёго матушка,
Молода вдова Омельфа Тимооеёвна:
„А какъ жилъ твой батюшко шестьдесятъ годовъ,
А ничимъ жо онъ, жилъ, не хвасталъ жа;
Ты нималу собѣ шуточьку нашу́тилъ жо:
Тамъ много дородныхъ добрыхъ молодцовъ прiѣзживало,
А какъ руськихъ-то сильнихъ, могучихъ всё бога́тырей,
А назадь ни одинъ не прiѣзживалъ:
Уноситъ всё змѣя лютая,

Змѣя лютая да Сорочинская
Своимъ-то змѣёнышамъ на съѣденьицё.
А тебѣ будётъ назадь не бывати во славномъ городи во Кіеви,
А да намъ тебя будётъ не видати жо!
Ты послуша-ко моёго наказаньица:
Ты когда пріѣдёшь на Пучай-рѣку,
Почерпни ты скоро свѣжой воды ключёвою,
Поѣжжай ты скоро ко городу ко Кіеву".
Отъ хмѣлины съ утра да просыпаитьсе,
На Пучай-рѣку Добрыня собираитьсе;
А приходитъ Добрыня на широкой дворъ;
Онъ сѣдлалъ, Добрыня, уздалъ добра коня,
Насѣдилъ онъ сѣдёлышко черкальскоё,
Застёгивалъ-то онъ двѣнадцать пряжечёкъ,
А затёгивалъ двѣнадцать отужинокъ;
Пряжечки-ти были красна золота,
А шпёнушки-ти были булатныя,
Отужинки-ти были шелкóвыя,
То не ради красы, ради крѣпости,
Приправы богатырскою;
Красно золото-то не ржавѣетъ,
А булатъ-отъ гнётьсе—не сломитьсе,
А шолкъ-отъ подтянетьсе—не сóрветьсе.
Провожаётъ ёго да рóдна ёго маменька,
Провожаётъ ёго да молода жона,
Провожаютъ они, слёзно плачутьсе.
А да онъ скоро скакалъ на добра коня;
Столько видѣли добра молодца, когда сряжаючись,
А не видѣли, когда да на добра коня сряжаючись.
Онъ изъ города поѣхалъ не воротами,
Не воротами онъ ѣхалъ не широкима,
А скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню-ту да наугольную.
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ да одинъ столбъ стоитъ.
А пріѣхалъ скоро на Пучай-рѣкý,
Почерпнулъ-то онъ свѣжóй воды ключёвою,
Настрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
А перпастыхъ малыхъ сѣрыхъ уточёкъ.
Какъ пороспекло ёго да соньчё красное,
Прироздули ёго да вѣтры буйные;

Захотѣлось ёму во Пучай-рѣки окупатисе;
А да скинывалъ съ собя платьё чьвѣтно богатырьское,
А ныралъ-то онъ во Пучай-рѣку.
А какъ плаватъ Добрыня по Пучай-рѣки,
Какъ увидяла Добрыню змѣя лютая,
Змѣя-та лютая да Сорочиньская;
Налетѣла она на Добрынюшку Никитича,
Да сама она ёму говорила таковы рѣчи:
„Какъ писи-ти, писали—описалисе,
Какъ волхвы-ти волховали—проволховалисе:
А какъ хошь ли ты, Добрыня, я тебя водой залью,
Ишше хошь ли ты, Добрыня, я тебя огнёмъ залью (sic),
Ишше хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
Въ свои-тѣ двѣнадцать больши хоботы,
Унесу тя въ свои горы Сорочиньскія,
Своимъ дѣтямъ на съѣденьицё?“
А какъ мастёръ былъ Добрынюшка ныркомъ ходить,
Какъ гораздъ-отъ былъ Микитичъ всё понырывать;
А нырнулъ тутъ Добрыня во Пучай-рѣку,
Выставалъ-то Добрыня у крутого жёлта бёрежка:
А да выскочилъ Добрыня на желтóй-отъ крутой бёрежокъ,
Прибѣжалъ Добрыня ко своёму цьвѣтну платьицю;
Онъ схватилъ свою вострy сабельку.
Налетѣла тутъ на Добрыню змѣя лютая,
А хотѣла схватить Добрыню въ двѣнадцать больши хоботы;
А отсѣкъ-то Добрыня змѣи двѣнадцать большихъ хоботовъ,
А какъ падала змѣя да на сыру землю;
А какъ мать-сыра земля да потрясаласе,
Во Пучай-рѣки вода да сколыбаласе.
А одѣлъ-то Добрыня своё платьё цьвѣтноё,
А надѣлъ онъ свои латы богатырьскія,
А пришолъ-то онъ къ змѣѣ-то лютою,
Захотѣлъ змѣи отсѣкти буйну голову.
А какъ ту змѣя ёму всё взмолиласе,
Она клятву кляла всё ёму великую:
„Ужъ ты гой еси, Добрыня сынъ Никитичъ младъ!
Не моги меня казнить, моги помиловать;
А да назади лиха тебѣ не дѣлала,
Ишше впредь тебѣ лиха не сдѣлаю:
Я налóжу на собя-то заповѣдь великую,
Шьтобы не лётать мнѣ-ка да на святую Русь,
Не носить съ Руси народу православного

А на ти жа на горы Сорочинськія
А своимъ-то дѣтямъ да на съѣденьицо".
Онъ послушалъ. . . . . [1])
А спустилъ живу Добрыня змѣю лютую,
Какъ прилóжилъ вси двѣнадцать больши хоботы,
Какъ вспорхнула змѣя со сырой земли,
Полетѣла змѣя по-подъ нéбеса,
А да полетѣла она не на горы Сорочинськія,
Полетѣла она на святую Русь.
А какъ сѣлъ-то Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А срѣчала (sic) змѣя, лéтитъ со святой Руси,
Со святой Руси, изъ города изъ Кіева;
Въ хоботахъ-то несётъ душу-красну дѣвицю.
Самъ поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву;
Заѣзжаетъ онъ во красенъ Кіёвъ-градъ;
А онъ ѣдётъ по городу по Кіеву,
А во Кіеви всё да не постарому, не попрежному,
Какъ народъ-отъ ходятъ не попрежному,
Онѣ ходятъ въ платьѣ чёрномъ, во печальнёмъ жо.
Какъ и ѣдётъ онъ по городу по Кіеву,
А играютъ тутo малыя робятка жо;
А спросилъ-то онъ у малыхъ у робяточокъ:
„Что жъ народъ ходятъ не постарому, не попрежному,
Они ходятъ въ чёрномъ платьѣ, во печальнемъ жо.
А завѣспли свои да линѣя бѣлыя?"
— Послѣ твоёго-то бываньица,
Налетѣла-то змѣя лютая
А на тотъ жа на зéленой садъ ко князю ко Владимеру;
А во ту пору, во то время
А гуляла-то въ саду душа-Марѳа Дмитревна,
А любима-та князя племянница;
Налетѣла на ей змѣя лютая Сорочиньская,
Ухватила ей въ двѣнадцать своихъ хоботы,
Унесла она на горы Сорочиньскія.—
А сидитъ Добрыня на добрóмъ конѝ да призадумалсэ.
Призадумалсэ да пригручинилсэ:
„А што омманила меня да змѣя лютая!
Мнѣ не чесь будётъ, похвала да богатырськая,

[1]) Здѣсь пѣвецъ замялся и не докончилъ стиха. *Собир.*

А не выслуга мнѣ будётъ да молодецькая“.
А онъ скоро поворачивалъ добра́ коня,
А добру коню да приговарпвалъ:
„Ужъ ты гой еси, мой доброй конь, да Воронеюшко!
Побѣжи-ко ты скоро какъ стрѣла калёная,
А подымайсе ты выше лѣсу стоечего,
А пониже облака ходечего.
Ты скачи-тко, горы-долы промежъ ногъ бери,
Ты скачи-тко съ горы на гору,
Рѣки, озёра перескакивай;
Ты бѣжи прямо на тѣ горы Сорочиньскія,
Ишше гдѣ живётъ да змѣя-та лютая“.
Пріѣжжатъ Добрыня къ горамъ Сорочиньскіямъ,
Соходилъ-то Добрыня со добра́ коня;
Во правý руку́ берётъ востро́ копьё,
Во лѣвý руку́ да поводъ лошадиныя;
А востры́мъ копьёмъ закопыватъ ступени жа;
А лѣво́й рукой коня ведётъ па горы Сорочиньскія.
А залѣзъ-то онъ на горы Сорочиньскія,
А садилсэ онъ скоро да на добра коня,
А какъ бралъ-то онъ трубочку́ подзорную,
А смотрилъ онъ на всѣ четыре сто́роны,
Онъ смотрилъ змѣиного жилишша жа;
А увидялъ тутъ Добрынюшка у змѣи высокъ теремъ;
А стёгалъ коня по крутымъ бёдрамъ.
Какъ пріѣжжалъ ко змѣиному высо́ку терему.
А соскакивалъ скоро со добра коня;
Забѣгалъ-то онъ къ змѣи да всё въ высокъ теремъ.
А сидитъ-то Мароа Митрёвна въ высокомъ тереми, на матушки-сырой земли,
На колѣняхъ дёржитъ два змѣиныша;
А какъ ссутъ у неё да груди бѣлыя,
Высысаютъ изъ ей да кровь горячую;
А какъ чуть-то въ ей душа полудиуётъ.
Отрывалъ-то онъ отъ грудей-то, онъ, да бѣлыя,
Отрывалъ-то онъ двухъ дѣтёнышовъ,
Розрывалъ-то онъ ихъ па́двое,
А вымётывалъ вонъ изъ терема;
Выпосплъ-то онъ Мароу Дмитрёвпу изъ высока терема,
А садилъ-то ей ко добру копю.
А какъ тутъ Добрыня зажогъ змѣи высокъ теремъ;
Загорѣлсэ змѣинъ высокъ теремъ.

А увидяла змѣя со святой Руси,
Полетѣла ко высоку терему,
Надлетѣла на Добрынюшку Никитича,
А хотѣла Добрынюшку огнёмъ зажечь,
А хотѣла убить своима большима хоботы.
А отсѣкъ-то онъ змѣи двѣнадцать большихъ хоботовъ;
Она падала да на сыру землю;
А какъ ту змѣя да замолилася.
А тому Добрыня не поварывалъ [1]);
Розъерилосе его сердьце ретивое;
Онъ отсѣкъ ей да буйну голову.
А садилсэ да онъ да на добра коня,
А садилъ-то Мáрѳушку да позади собя,
Привезалъ онъ Марѳушку позади собя,
Шьтобы ве пала она да со добра коня;
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову-ту князю ко Владимеру.
Какъ срѣчаетъ ёго князь да середи двора,
Середи двора его со княгиною,
Со своима няньками, кухарками,
Со всѣмá-то своима придворныма,
Со князьями и съ бóяры.
У нихъ пиръ пошолъ навéсели, на радости.

74.

Михайло (Потыкъ).

Какъ во славномъ городи во Кіеви
А у ласкова князя у Владимера
А заводилось пированьё-столованьицё, почѐсёнъ пиръ
А на своихъ-то князей, всё на бóяръ жа
А на руськихъ на могучихъ на богáтырей,
На купцей, гостей торговыя.
А какъ красно-то солнышко идётъ оно на éсени,
А почесёнъ-отъ пиръ идетъ навéсели;
А какъ вси-то при пиру-ту сидятъ пьяны вéселы.
Какъ Владимеръ-отъ нашъ по гридни своей похаживалъ,
А съ ножки на ножку переступывалъ,
А какъ бѣлыма ручькáми розмахивалъ,

[1]) Т. е. не повѣрилъ змѣинымъ словамъ (?). У *Кирѣевскаго*, V, 97: „не побаровалъ“ объяснено: не обратилъ вниманія, не внялъ. Ср. ibid. I, 81, ст. 151: „не вѣруётъ“. *Собир.*

А жолты́ма-ти кудрями припростряхивалъ;
А какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, стары́й да ка́закъ Илья Муромець!
Я пошлю съѣздить въ прокляту́ Литву
А къ тому-ту королю ко Прускому.
Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичь младъ!
Ужъ ты съѣзди-ко къ королю-ту къ Астрійському,
Получи-тко у́ его пошлины за три годика,
За три годика да сорокъ тысечей.
Ужъ ты вой еси, Михайлушко ты сынъ Игнатьевичь!
Ужъ ты съѣзди-ко къ королю ко Лиховиньському,
Къ Лиховиньському къ королю, ко Шведському,
Получи-ко дани за три годика,
А-то получи всего да сорокъ тысечей“.
Какъ ставали тутъ бога́тыри да на рѣзвы́ ноги,
А молились они Спасу́ пречистому,
А прошшалисе они со княземъ со Владимеромъ
Да во ту же всё во рученьку во правую,
А сѣдлали, уздали добры́хъ копей;
Они скоро, лёкко скакали на добрыхъ коней;
Они видѣли-то добрыхъ молодцовъ на добры́хъ копей сѣжаючись,
А не видѣли ихной поѣздки богатырськой—поѣзжаючись.
Ѣхали изъ города не воротами не широкима,
А скакали черезъ стѣну городо́вую,
А черезъ высоку башню паугольнюю.
А тольке видѣли—въ чисто́мъ-то поли курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке три столба столбитъ.
Они ѣхали перьвой день съ утра до вечера;
На второй—наѣхали на роста́нюшки великія,
А на ти жо на три широки дорожочки.
Одержали они тутъ скоро добры́хъ коней,
Сходили они со добрыхъ коней,
Розоставили-то три шатра поло́тьпяныхъ,
А какъ сами вѣдь въ шатри они спать легли.
А какъ по утру, утру раннёму,
По восходу-ту было соньчя красного
А ставалъ-то государь да Илья Муромець:
„Вамъ полно спать да пора ставать!
А вѣдь надо намъ вѣдь путь дёржать“.
Какъ отъ сна тутъ добры молодцы да пробужалисе,

Выходили они да изъ бѣлы́хъ шатровъ;
Умывались они свѣжо́й водой ключе́вою,
Утирались они бѣлыми ла полотеньцеми,
А молились они сами Спасу всё пречистому.
Говорилъ тутъ стары́й казакъ да Илья Муромець:
„Мы положимъ заповѣдь да промежу собой:
Ише хто изъ насъ привезётъ, дакъ намъ дѣлить-то, братцы, натрое“.
Они клали заповѣдь промежъ собой великую.
Какъ скакали они скоро на добры́хъ коней насту́пчивыхъ,
Они поѣхали да всякъ въ дорожички широкія.
А какъ пріѣзжаё тутъ скоро́ стары́й казакъ да Илья Муромець
А къ тому-то королю ко Прускому да на широкой дворъ,
А онъ скоро соходилъ да со добра́ коня,
А вязалъ-то ко́ня середи двора да къ дубову́ столбу,
Къ дубову столбу да къ золоту́ кольчю,
А какъ самъ онъ вѣдь пошолъ на ново́ крыльцё,
Со краспа́ крыльця да на новы́ сѣни,
А съ новы́хъ сѣней въ полаты королевськія;
Онъ не кститъ-то своёго личя бѣлого,
А не поклоняитьсе поганымъ идоламъ,
Только бьётъ целомъ во рученьку во правую
А къ тому жо королю ко Прусскому:
„Ужъ ты здраствуй-ко-се, ты Прусско́й король!“
— Ужъ ты здраствуй-ко, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты руськія могучія-сильній бога́тырь жо!
Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ жа?
А посломъ ты ко мнѣ посланъ жа,
Ли служить ты мнѣ пріѣхалъ вѣрой-правдою? —
„Не служить-то я пріѣхалъ тобѣ вѣрой-правдою;
Я пріѣхалъ къ тебѣ посломъ посланъ жа
Отъ того жо нашого отъ князя Владимера
Получить отъ тебя-то дани сорокъ тысечей“.
А какъ тутъ король да не ослышилсэ;
А берётъ онъ со спички золоты ключи,
Отмыкалъ онъ скоро кованы ларьчи,
Да отсцитывалъ онъ дани-пошлины за три годика да сорокъ тысечей.
Какъ получилъ-то стары́й казакъ да Илья Муромець
Ише ту жо дань, всё вѣдь пошлину;
Какъ дарилъ ёму король да всё подарочки,

А подарочки дарилъ да красна золота.
Какъ прошшаитьсе стары́й казакъ да Илья Муромця:
„Ты прошшай-ко-се, король до земли Прусськія".
— Ты прошшай-ко-се, дородьнёй доброй молодець.
Ты скажи-ко про своё отечесьво—
Ты кокого отця да кокой матери,
Звеличеть тобя по имени да по отечесьву?—
„Я изъ города да всё изъ Мурома,
Изъ села-то я ѣжжу Карачеёва;
А у меня отець всё Иванъ да Тимоѳеичъ жа,
А меня зовутъ да Ильёй Муромцемъ;
Я служу у князя у Владимера да вѣрой-правдой, неизмѣною".
Провожаётъ король да стары́й-каза́ка Илью Муромця,
А какъ съ чести провожаётъ ёго, съ радости.
А да какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ Добрынюшка къ королю-ту Астрійському,
А пріѣхалъ вѣдь къ ёму да на широкой дворъ,
Соходилъ скоро́ да со добра́ коня.
Привязалъ коня къ дубову́ столбу да къ золоту кольчю,
А какъ самъ пошолъ да на красно́ крыльцё коспсчято,
Со красна́ крыльця да на новы́ сѣни,
А съ новы́хъ сѣней въ полаты королевськія.
Самъ приходитъ онъ въ полаты королевськія,
А не кститъ онъ своёго лич(ц)я бѣлого,
А не поклоняитьсе онъ поганымъ идоламъ,
Только бьётъ [1]) королю во-въ ручепьку во правую:
„А да здрастуй-ко, король земли Астрійскія!"
—Ужъ ты здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты руськія сильній-мугучія бога́тырь жо!
А зачимъ ко мнѣ пріѣхалъ жа?
Али посломъ посланъ жа,
Али служить мнѣ-ка вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою да неизмѣною?—
„Я пріѣхалъ къ тебѣ не служить не вѣрою, не правдою да не неизмѣною;
Я пріѣхалъ къ тебѣ да посломъ посланъ жа
А какъ тимъ жо князёмъ всё Владимеромъ
Получить съ тебя ти дани-пошлины да сорокъ тысечей".
А какъ тутъ король да не ослышилсэ,

[1]) Челомъ. *Собир.*

А да взялъ онъ скоро съ спичьки да золоты ключи,
Отмыкалъ онъ скоро кованы ларьчи,
Отчиталъ-то дани-пошлины да сорокъ тысечей,
Отдавалъ-то онъ Добрынюшки Микитичю:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
А какъ тибя звать всё по имени,
Величеть тибя да по отечесьву?“
— Миня йменёмъ зовутъ Добрынюшка Микитичь младъ,
А по фамильи-то да сынъ Романовичъ [1]).—
Какъ во ту пору, въ само во то время
А пріѣхалъ-то Михайлушко къ королю ко Шведьському,
А ко Шведьському-то королю, ко Лёховиньському;
Ёнъ заходитъ къ ёму на широкой дворъ,
Соходилъ-то онъ да со добра́ коня,
Какъ вѣдь привязалъ коня къ дубову́ столбу да къ золоту кольчю,
А какъ самъ пошолъ да па красно́ крыльцё коспсчято,
Какъ вѣдь онъ заходитъ въ полаты королевськія,
А не кститъ онъ своёго личя бѣлого,
А не поклоняитьсе поганымъ идоломъ,
Тольке бьётъ челомъ королю во рученьку во правую:
„Ужъ ты здроствуй-ко, король да Ляховиньськія,
Леховиньськія король, ты Шведьськія!“
— Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ жа?
Разѣ служить да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою да неизмѣною?—
„Я пріѣхалъ не служить тебѣ не вѣрою, не правдою,
А какъ я къ тебѣ пріѣхалъ посломъ посланъ жа
Отъ того-то вѣдь отъ князя отъ Владимера
Получить съ тобя да дани-пошлины да сорокъ тысечей“.
А какъ тутъ король да не ослышилсэ,
А да бралъ онъ со спички золоты ключи,
Отмыкалъ онъ тутъ да кованы ларьчи,
Вынималъ онъ золоту казну,
Отчиталъ-то дани-пошлины да сорокъ тысечей,
Отдавалъ-то онъ Михайлушку сыну Игнатьёву.
Тутъ-то королю за бѣду показалосе:
А какъ жалко-то ёму стало золотой казны.
Говоритъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!

[1]) Вмѣсто: „Романовича“. Ср. въ лѣтописяхъ: „князь Всеволодъ Мстиславичъ Романовичя“ (П. С. Р. Л. X, 77), и т. п. *Собир.*

Мы зыграмъ-ко съ тобой во пѣшки-шахматы;
Кладй-ко-се залогомъ сорокъ тысечей,
Я кладу залогомъ полъ-королесьва, полъ-цярсьва своёго".
А какъ тутъ-то Михайлушко сынъ Игнатьёвичь призарилсэ,
А какъ сѣлъ-то вѣдь играть во пѣшочки, во шашочки,
А да клалъ-то онъ дань вѣдь, пошлину.
Какъ ступалъ король во перьвóй наконъ,
Выступалъ вѣдь король да во второй наконъ;
Пропгралъ-то Михайлушко-то дань вѣдь, пошлину.
А какъ тутъ Михайлушко да обзадорилсэ;
Клалъ залогомъ всё добрá коня да збрую богатырськую.
А да вотъ короля призарило;
А какъ клалъ-то вѣдь залогомъ сорокъ тысечей.
Какъ ступалъ-то король да во перьвóй наконъ,
Выходилъ-то король да по второй наконъ;
На третьёмъ накóни король Михайлушку-ту матъ даётъ.
Пропгралъ-то Михайлушко добрá коня
Со всей обрýдой богатырською.
А какъ клалъ Михайлушко залогомъ буйну голову—
А служить-то королю вѣдь вó вѣки:
„Ты кладй-ко залогомъ всё добрá коня;
Я кладу свою да буйну голову вó вѣки—
Служить-то вѣрой-правдою да непзмѣною".
А какъ тутъ короля всё призарило.
Какъ ступалъ-то Михайло во перьвóй наконъ,
Выступалъ Михайлушко да во второй наконъ;
На третьёмъ накóни королю вѣдь матъ даётъ.
А какъ выпгралъ Михайлушко добрá коня съ обрудой богатырською.
А какъ тутъ королю за бѣду показалосе;
А какъ клалъ-то онъ залогу опеть сорокъ тысечей,
А какъ клалъ-то вѣдь Михайлушко добрá коня;
А какъ начели играть во пѣшочки, во шашочки.
Выступалъ-то Михайло во перьвóй наконъ,
Выступалъ-то Михайло во второй наконъ,
На третьёмъ накóни королю вѣдь матъ даётъ;
Отыгралъ Михайлушко да сорокъ тысечей.
А какъ тутъ королю кажисе за досадушку великую:
„А кладй-тко, Михайлушко, дань-ту, пошлину;
А кладу тибѣ залогомъ а полъ-цярсьва жа".
А какъ тутъ Михайлушко призарилсэ;
Они начели играть во пѣшки-ти, во шашочки.

А ступалъ-то Михайло во перьвой наконъ,
Выступалъ-то Михайло во второй наконъ,
На третьёмъ накони королю вѣдь матъ даётъ.
Пропгралъ-то король полъ-цярсьва жа.
А какъ жалко стало королю-ту вѣдь полъ-цярсьва жа;
А какъ обзадорило короля играть во пѣшочки, во шашочки:
„Ты клади, Михайлушко, полъ-цярсьва жа;
А вѣдь я отдаю тибѣ всё цярсьво жо“.
Какъ ступалъ-то Михайло во перьвой наконъ,
А ступалъ-то Михайло во второй наконъ;
На третьёмъ накони королю вѣдь матъ игралъ.
А вѣдь пропгралъ король вѣдь цярсьво жа
А тому вѣдь Михайлушку Игнатьёву.
Какъ говорилъ король да таковы рѣч(ц)и:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
А да ты прости меня во такой вины,
Не бери-тко моёго цярсьва жа,
А оставь миня во цярсьви жа,
Не садись ты на моё на цярсьво жа.
А какъ есь у мня Овдотья, бѣла лебедь жа—
А отдамъ я тибѣ въ замужесьво“.
Какъ выводитъ король Овдотью, бѣлу лебедь жа.
А какъ тутъ Михайлушко обзарилсэ,
А обзарилсэ Михайло взеть собѣ въ замужесьво.
А берётъ ею да за бѣлы руки,
А чѣлуётъ ей да въ уста-ти въ сахарныя;
А повёлъ-то Михайло Овдотью на широкой дворъ,
А садилъ-то Овдотью на добра коня,
Онъ поѣхалъ изъ города да не воротами,
А скакалъ-то черезъ стѣну городовую.
А да какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ-то старый казакъ да ко бѣлымъ шатрамъ,
А пріѣхалъ Добрынюшка къ бѣлымъ шатрамъ;
А Михайлушка-то пѣту у бѣлыхъ шатровъ.
А какъ ѣдётъ Михайлушко да сударь-Игнатьевичъ,
А везётъ самъ на добромъ коні да красну дѣвицю.
Соходилъ-то Михайло со добра коня,
А сымалъ-то Михайло Овдотью со добра коня.
А какъ говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромець:
„Ужъ вы гой еси, да братья крестовыя-названыя!
А какъ станемъ мы исполнѣть свою заповѣдь великую—

А да станемъ-ко мы Овдотью дѣлить на́троё,
Ужъ мы станёмъ рубить Овдотью патроё".
Говорилъ-то Михайлушко Игнатьёвичъ:
— Ужъ ты гой еси, стары́й казакъ да Илья Муромець!
Я не дамъ-то вамъ дѣлить Овдотьи патроё,
А не дамъ-то ей рубить патроё:
Я Овдотьюшку возьму да за собя замужъ.—
Говорилъ ту старыя старыньшина да Илья Муромець:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко сынъ Игнатьёвичъ!
Не жона тебѣ-то будётъ вѣковѣчьняя;
Какъ она, она вѣдь всё—роду́ змѣиного.
Потеряешь ты за ей да буйну голову".
А какъ стала тутъ находить да ночка тёмная,
Повалились туто спать въ шатры полóтьняны;
Повалилсэ это спать Михайлушко съ Овдотьюшкой.
А какъ было всё во самой во полуночи,
А какъ обвернула Овдотьюшка Михайла сѣрымъ волкушкомъ,
А спустила бѣга́ть да по чисту́ полю.
А какъ убѣжалъ-то Михайло во чисто́ полё,
А какъ бѣгалъ-то Михайло по чисту полю,
Прибѣжалъ-то къ Овдотьи ко бѣлу́ шатру.
Обвернула ёго да чёрнымъ воропомъ;
Полетѣлъ Михайлушко да по темны́мъ лѣсамъ,
А леталъ-то Михайло по темнымъ лѣсамъ,
А прилетѣлъ-то Михайло ко бѣлу́ шатру.
Обвернула она Михайла бѣлымъ горностаюшкомъ,
А спустила ту бѣгать по подкореньицю.
А какъ бѣгалъ Михайло по темно́мъ лѣсу да по подкореньицямъ,
Прибѣжалъ Михайло ко бѣлу́ шатру.
Отвернула Михуйлушка отъ горносталика.
А тогда Михайлушко въ шатёръ спать лёгъ жа;
А онъ крѣпко спалъ съ того уста́точку великого.
А какъ съ-по восходу-ту было соньця краснаго,
А да по зари-то было рано-утряной,
Выходилъ туто старый изъ бѣла́ шатра,
А да самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„Тебѣ полно спать, Михайлушко, съ Овдотьюшкой,
Пора тебѣ ставать да ѣхать ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимеру!"
— Ужъ ты гой еси, осударь нашъ Илья Муромець!

Не могу я стать да головы поднять;
А болитъ-то моя буйна голова,
А не служатъ у мня да руки бѣлыя,
А не носятъ меня всё ножки рѣзвыя.—
А ставалъ-то Михайлушко да изъ бѣла́ шатра,
Одѣвалсэ онъ во платьё дорожно богатырьское.
Говорилъ-то ста́рый, государь да Илья Муромець:
„Ужъ мы не повезёмъ Овдотьи во красенъ Кіевъ-градъ!
А какъ не жона тебѣ будетъ любимая;
А того же она роду вѣдь змѣиного.
А да станёмъ-ко мы Овдотью дѣлить патроё,
Ужъ мы станёмъ рубить Овдотью натроё“.
Говоритъ-то сынъ Михайлушко Игнатьевичъ:
„А не дамъ-то я рубить Овдотьюшку натроё;
Не оставлю я Овдотьи во чисто́мъ поли,
Привезу я Овдотью въ красенъ Кіевъ-градъ,
А возьму-то я да за собя заму́жъ.
А какъ сталъ-то Михайло садитьсе на добра коня,
А не могъ Михайлушко самъ сѣсть да на добра коня;
Посадилъ-то вѣдь Михайлушка да Илья Муромець.
Они поѣхали ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю да Владимеру.
А какъ пріѣхали ко городу ко Кіеву.
А какъ отдали князю да дань, да пошлину.
А во ту пору, во то время.
Заводилась у Михайла, пошла свадьба жа;
Какъ отцёмъ-ту сѣлъ самъ Владимеръ-князь,
А какъ матерью-ту сѣла да княгина жа,
А какъ тысецькимъ то сталъ казакъ Илья Муромець.
А какъ обвѣнчалсэ тутъ Михайлушко съ Овдотьюшкой,
Повели тутъ Михайлушка спать укладывать
Въ спальню горницю, въ свѣтлу свѣ́тлицю;
Говорилъ-то стары́й казакъ да Илья Муромець;
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Игнатьевичъ!
А какъ станётъ Овдотьюшка класть заповѣдь великую,
Не клади ты съ ей заповѣди великія—
Не лёжись-то съ ей живой вѣдь въ гробъ;
Потеряешь тутъ свою буйну голову“.
А какъ повалились спать Михайлушко съ Овдотьюшкой,
А стары́й казакъ—у дверей вѣдь слушати.
Говорила Овдотьюшка Михайлу таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Игнатьевичъ!

Мы положимъ промежъ-то заповѣдь великую,
А великую-то, вѣдь немалую:
А которой изъ насъ да наперёдь помрётъ,
А тому живому повалитьсе со мной во гробъ“
А какъ было во саму во полно́чь жа вѣдь,
А какъ померла Овдотьюшка у Михайлушка.
А да какъ по утру, утру ранному
А приходитъ тутъ Михайлушко изъ спальнёю,
Говоритъ онъ старому казаку да Ильи Муромцю,
Говоритъ-то онъ таковы рѣчи:
„Померла-то у меня Овдотья, лебедь бѣлая!“
Говорилъ-то а стары́й-то казакъ Илья Муромець:
— А почёмъ ты клалъ съ ей заповѣдь великую?
Ише не послушалъ моёго ты наказаньица.
А вѣдь жалко всё тебя, Михайлушко,
А какъ жалко тобя, доброго молодца,
А какъ руського могучого бога́тыря!
Ты послушай-ко меня да во послѣдней разъ:
Ужъ ты сдѣлай-ко-се ей да гробъ великія,
Штобы въ гроби было гдѣ легчи́,
Да штобы стоя стоеть да сидя сидѣть;
Ты возьми съ собою свѣшши́ да воску ярого,
Ты возьми съ собой да саблю вострую къ себѣ во гробъ.
Не жалѣ́й-то ты Овдотьи, бѣлой лебеди.—
А какъ сдѣлали вѣдь ей большой-отъ гробъ,
А вѣдь повезли Михайлушка съ Овдотьей во сыру землю,
Захоронили тутъ Михайлушка съ Овдотьюшкой;
А задёрнулъ тутъ Илья Муромець полосой-то всё желѣзною,
А какъ сталъ Илья-то Муромець на гробници ихней слушати.
А какъ закатилось тутъ да сольчё красное,
Потыхала тутъ заря (да) вечерняя,
А въ ти поры Овдотья въ гроби пошевелилась,
А какъ лютою змѣёю овернулась.
А какъ тутъ Михайлушко да испугалса жа;
А скакалъ онъ скоро на рѣзвы ноги,
Выхвати́лъ онъ свою саблю вострую,
А отсѣкъ змѣи буйну голову;
Ише тутъ Овдотьюшки вѣдь смерть пришла.
Застучалъ-то саблёй вострой въ ту плиту желѣзную.
Услыхалъ стары́й казакъ да Илья Муромець,
Отсыпа́лъ онъ пески, камешки, отдёрьгивалъ плиту желѣзную,

375. Выпускалъ-то Михайлушка изъ гробници вонъ.
Тутъ Овдотьюшки конецъ пришолъ,
Конецъ пришолъ, да старины поютъ,
Старины поютъ да сказываютъ [1]).

75.

Дунай.

Какъ во славномъ было городи во Кіеви,
А у ласкова-то князя у Владимера
А заводилосе пированьё-столованьицё, почёсной пиръ
А на всихъ свойхъ-то князей, бо́яръ жа,
5. А на всихъ-то на руськихъ могучихъ на бога́тырей,
На купцей-то, гостей торговыя,
А на тихъ-то гостей, каликъ да перехожія.
А какъ свѣтелъ день-отъ идётъ на ёсени,
Красно солнышко идётъ на всей вы́шины,
10. А почёсенъ-отъ-то пиръ идётъ навёсели;
А какъ вси-то на пиру сидятъ да пьяны, вёселы,
А какъ вси-то на честномъ сидятъ пьютъ-то, ѣдятъ, хвастаютъ:
Какъ богатъ-отъ хвастатъ золотой казной 'суда́ревой,
А иной-отъ фастаётъ да широки́мъ дворомъ,
15. А какъ сильнёй-отъ хвастатъ да своей силою,
А иной-отъ хвастатъ всё добры́мъ конёмъ;
А какъ глупой-отъ хфастатъ молодой жоной,
Неразумной-отъ хфастатъ всё родной сёстрой;
А какъ умной-отъ всё хфастатъ роднымъ батюшкой,
20. А разумной-отъ хфастатъ родной матушкой.
Какъ Владимеръ-князь по полаты-то похаживатъ,
А съ ножки на ножку переступыватъ,
А жолты́ма-ти кудрями приростряхиватъ,
А какъ бѣлыма-ти ручками розмахыватъ,
25. А златыма-ти перстнями принашшалкиватъ;
А онъ самъ-отъ говорилъ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, моя вы князья, бо́яра!
А какъ вси у мня во Кіеви пожёнёны,
Красны дѣвушки замужъ пода́ваны;
30. А какъ я единъ-то князь Владимеръ всё холо́стъ хожу,
Я холостъ хожу да нежонатъ слову́.

---

[1]) Послѣдніе три стиха пѣвецъ добавилъ словами. *Собир.*

Вы не знаите ли мнѣ обрушьници,
А обрушьници мнѣ-ка-то супротивъ собя,
Шьто обрушьници-то мнѣ-ка, красной дѣвици:
Шьтобы возрастомъ немала и умомъ сверстна,
А бѣло лицё-то было у ей снѣгу бѣлого,
А какъ ясны очи были какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелетного,
Черны брови были ў ей какъ у соболя черного всё сибирского,
А какъ ягодьници были у ей ка-быть маковъ цьвѣтъ,
А походочка у ей была павиная,
Тиха, кротка рѣчь была шьтобы лебединая?“
А какъ большой-отъ князь хоронитьце за среднёго,
А вотъ средней-отъ тулитьце всё за меньшого,
А отъ меньшого, отъ большого отвѣту нѣтъ.
Говоритъ-то князь Владимеръ по второй наконъ,
А какъ говорилъ-то князь да по-въ третей наконъ:
„Ужъ вы гой еси, мои да князи, бояра,
Ужъ вы руськіи мугучи-сильни всё богатыри!
А не знаите ли мнѣ обручници, да красной дѣвици,
Красной дѣвици да супротивъ меня:
Чтобы возрастомъ была немала и умомъ сверстна,
А бѣло-то личё у ей-то было ка-быть бѣлой снѣгъ,
А какъ ясны очи были какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелетного,
Черны брови были ў ей какъ у соболя сибирского,
А какъ ягодьници были у ей ка-быть маковъ цьвѣтъ,
А походочька была ее павиная,
Тиха рѣчь-то, кротка была лебединая?“
Какъ большой-отъ князь хоронитьце за среднёго,
А какъ средней-отъ хоронитьце за меньшого;
А отъ меньшого, отъ большого отвѣту нѣтъ.
Изъ-за того жо стола да всё окольнёго,
Изъ-за той жо скамсячки да бѣлодубовой,
Изъ-за той же ѣствы всё сахарныя
А ставалъ-то на рѣзвы ноги дородьнёй доброй молодець
А какъ той жо Добрынюшка Микитичъ младъ;
Ишше самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Владимеръ-князь да стольнё-Кіевськой!
А благослови-тко мнѣ-ка слово вымолвить,
Ты моги меня за слово-то всё помиловать,
А не будь меня-то не казнить, не вѣсити,

Не садить-то меня въ тёмну тёмницю
А за крѣпкія всё караулы жо.—
Говорилъ-то князь да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка ты Микитичъ младъ!
Говори-тко ты, да што тѣ надобно.
Я не буду тибя не казнить, не вѣсити,
Не садить тобя да въ тёмну тёмницю;
Я могу тобя да всё помиловать, пожаловать.“
— А какъ знаю-то я тебѣ обручницю-то, красну дѣвицю,
Красну дѣвицю да супротивъ тобя:
Она возростомъ нема́ла и умомъ сверстна;
Какъ бѣло́ лицё у ей-то бытьто снѣгу бѣлого,
А какъ ясны-ти очи какъ у сокола,
А черны́-ти брови какъ у соболя сибирского,
А да ягодьници у ей были какъ вѣдь маковъ цьвѣтъ,
А походочька у ей павиная,
Тиха, кро́тка рѣчь да лебединая.
А у того жа коро́ля да Лёховинського
А какъ есть-то у ёго двѣ-то дочери любимыя:
А больша́ ёго-то дочь Настасья Королевичьня,
А та есть не тобѣ чета, да не тобѣ жона,—
Она ѣздитъ по чисту́ полю, полякуётъ;
То нама ровна́ и намъ чота́;
А меньшая дочь Опраксея Королевичьня,
Она возростомъ нема́ла и умомъ свёрстна,
Бѣло лицё у ей-то бытьто снѣгу бѣлого,
А какъ ясны-ти очи какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелётного,
А черны́-ти брови какъ у соболя сибирського,
А походочка её была павиная,
Тиха, кро́тка рѣчь да лебединая,
А да ягодьници-ти у ей были какъ маковъ цьвѣтъ.
Я не самъ видалъ, да отъ людей слыхалъ,
Отъ того-то брата назва́ного-крестового
А какъ отъ Дуная сына всё Иванова
А онъ жилъ-то у короля ровно́ й двѣнадцеть лѣтъ:
А онъ три года жилъ у ёго всё ’ дворникахъ,
А да три года онъ жилъ у ёго во конюхахъ,—
А какъ ѣздили они съ Настасьёй во чисто́ полё поляковать;
А да три года-та онъ жилъ у ёго во ключникахъ,—
А-то всё было ёму повѣрёно;
А да три года-то жилъ-то онъ во стольникахъ,

А во стольникахъ-то жилъ, да у столовъ стоялъ;
А когды-то ёго дочери сидятъ кушаю,
А игралъ-то онъ во звончяты́ гусли,
Утѣшалъ-то у ёго дочери любимыя.
А какъ топере у тя Здунай да си́дитъ во тёмной тёмници
А за крѣпкима замками-ти заморскима,
А за срогима-ти караулами.—
Говоритъ ту всё Владимеръ-князь да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Добрыня всё Микитичь младъ!
А бери-тко ты у мня со спички золоты ключи“.
А да бралъ тутъ Добрыня, не ослышилсэ,
Ишше скоро бралъ да золоты ключи,
А пошолъ онъ отмыкать да тёмны тёмници;
Отмыкалъ онъ тёмну тёмницю,
Заходилъ-то онъ да въ тёмну тёмницю.
А сидитъ Здунай среди да тёмной тёмници,
Да поъѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи́ ясны въ се́реды кирпичьнія [1]).
Самъ проходитъ къ Здунаю Добрынюшка близёхонько:
„Ужъ ты здраствуй, братъ названыя-крестовыя!“
Ужъ какъ 'видялъ Здунай Добрынюшку Микитьиця,
Онъ да скоро скоцилъ на рѣзвы́ ноги,
А какъ билъ челомъ во рученьку во правую:
— Ужъ ты здраствуй, ты мой братъ крестовыя,
Крестовый ты мой братъ, назва́ныя! —
А какъ го́воритъ тутъ Добрынюшка Микитичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, Здунай ты сынъ Ивановичъ!
Мя-то выкупить-то было изъ неволюшки:
А какъ я тобой при пиру-то всё похвасталъ жа
Тому-то князю Владимеру,—
А ты жилъ у короля двѣнадцеть лѣтъ,
Увидалъ у ёго Опраксею королевичьню.
Ты пойдёмъ топере ко князю на почёсёнъ пиръ“.
А какъ ту Здунай да не ослышилсэ,
А пошолъ ко князю на почёсенъ пиръ,
Заходилъ-то онъ въ полаты въ княжёнёцькія;
А какъ крестъ-отъ онъ кладётъ да по писа́ному́
Да поклонъ-отъ вёдетъ да по учёному,
Ише бьётъ челомъ князю Владимеру во рученьку во правую:
„Ужъ ты здраствуй-ко, Владимеръ-князь да стольне-кіевской!“

---

[1]) Въ стѣну ли, въ полъ ли? *Крюковъ.* Середа—полъ. *Собир.*

— Ужъ ты здраствуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичъ!
У тя милости прошу да на почёсёнъ пиръ.
А какъ ты у мня, Здунай, да въ забытыи прошолъ.—
А садилъ-то Здуная во большо́ мѣсто,
Во большо мѣсто, да во большой уголъ;
Наливали Здунаю чару зелена́ вина,
А не ма́лу, не вели́ку—въ полтора вёдра,
Подавали Здунаю сыну Иванову;
Принималсэ Здунай да едино́й рукой,
Выпивалъ-то тутъ Здунай да едины́мъ духомъ;
А какъ ту жа чару наливали пива хмѣльнёго;
Выпивалъ-то онъ да единымъ духомъ,
На закуску, на запивку—турей рогъ да мёду сладкого.
Какъ сидитъ Дунай, не чимъ не хвастаётъ;
А повѣсилъ онъ вѣдь буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи ясны въ се́реду кирпичьнюю;
А сидитъ онъ не пьётъ, не ѣстъ, не хвастаетъ.
А какъ наливали вторую чару зелена вина,
А не ма́лу, не вели́ку—въ полтора ведра;
Выпивалъ-то онъ да едины́мъ духомъ,
На запивку—турей рогъ да мёду сладкого.
А какъ тутъ-то Здунай да сталъ поглядывать,
А поглядывать ту за́чалъ, поговаривать,
А какъ зачалъ тутъ Дунай да сталъ похвастывать.
Говоритъ-то князь Владимеръ жа:
„Ужъ ты гой еси, Здунай да сынъ Ивановичъ!
Ужъ ты много ѣзживалъ да по святой Руси,
Ужъ ты много живалъ да въ проклято́й Литвы.
А не знашь ли мнѣ-ка всё обручьници, да красной дѣвици
Шьтобы возростомъ была нема́ла и умомъ сверстна,
А бѣло́-то лицё у ей-то было ка-быть бѣлой снѣгъ,
А какъ ясны-ти очи были какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелётного,
А черны брови были какъ у соболя сибирського,
Тиха рѣчь-то кро́тка бы́ла лебединая,
А походочька у ей была павиная?“
— У того-то короля да Лёховинського,
То я знаю, есть двѣ дочери любимыя:
А больша́ ёго-то дочь Настасья-королевичьня,
Она ѣздитъ по чисту́ полю, полякуётъ,—
То намъ ровна́ и намъ чета;
А меньшая дочь Опраксея-королевичьня,

А та есть тобѣ чета да тобѣ жона.—
Говоритъ-то князь да таковы рѣчи:
„Привези-тко ты за меня ею̀ въ замужесьво;
Ты бери-тко у мня силы, сколько надобно,
А бери ты золотой казны несчётную“:
Говорилъ-то Дунай князю таковы рѣчи:
— А нашьто мнѣ твоя силушка великая?
А какъ мнѣ съ силой не дратисе, не воеватисе;
Мнѣ ненадобна твоя да золота казна несчётная:
Ише мнѣ твоей казной не откупатисе.
Тольке дай мнѣ-ка двухъ крестовыхъ братьи́цей, названыя:
Какъ перьво́го братъ-Добрыню́шку Микитьиця,
А второго братъ-Олёшеньку Поповиця.
Привезёмъ-то мы тебѣ Опраксею-королевичьню;
Онъ съ чести не отдастъ, дакъ мы бо́ёмъ возьмёмъ.—
Говорилъ-то князь да таковы рѣчи:
„А бери-тко, Дунай, да кто тѣ на́добно“.
Они брали со спичьковъ пуховы шляпы,
Какъ молились они Спасу пречистому
А да матери-то Божьей Богородици,
А пошли они да со чесна́ пира,
Со чесна пира да на широкой дворъ;
А сѣдлали, уздали своихъ добры́хъ коней.
А какъ тольке видѣли, какъ бога́тыри срежалисе,
А не видѣли, какъ на добры́хъ коней сѣжаючись,
А не видѣли поѣздки богатырськія;
Тольке видѣли—въ чисто́мъ поли́ да курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке три столба столбитъ.
А пріѣхали они да къ королю да на широкой дворъ,
Соходили со добры́хъ коней,
А везали ко́ней середи двора къ дубову́ столбу,
Къ дубову столбу да къ золотымъ кольцю (sic).
Говорилъ-то Здунай да таковы рѣчи [1]):
„Ужъ ты гой еси, да братъ ты мой крестовыя-назва́ныя!
Ты останьсе это, середи двора.
Какъ учюёшь—зазвенитъ неровно́ моя да сабля вострая,
Заскрипятъ-то мои плечи богатырськія,—
А тогды сѣки на двори, руби ты старого ихъ вѣдь, малого,
Ни еди́ного не оставлей королю на сѣ́мяна.“
А какъ заходятъ они на красно́ крыльцё,

[1]) Конечно, Алешѣ. *Собир.*

Съ красна́ крыльця да на новы́ сѣни,
Оставляютъ (sic) тутъ Добрыню на новыхъ сѣняхъ:
„Ты останьсе, мой ты братъ крестовыя;
А какъ зазвенитъ-то моя сабля вострая,
А ты руби, сѣки старого, всё вѣдь мла́дого,
Не единого королю не оставлей на сѣ́мёна“.
А какъ пошолъ Здунай въ полаты въ королевськія;
Заходилъ-то онъ въ полаты королевськія;
Отпиралъ-то онъ да двери на́ пяту,
Запиралъ-то онъ да двери на́крѣпко,—
Шьто полата королеська потрясаласе,
Ставники́ въ дверяхъ да помиту́силисъ;
Онъ бьётъ во рученьку во правую королю да Лёховиньському:
„Ужъ ты здраствуй-ко, король да Лёховиньськія!“
— Ужъ ты здраствуй-ко, Здунай ты сынъ Ивановичъ!
Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ жа?
А служить-то мнѣ пріѣхалъ всё постарому, попрежному
А да той же вѣрой, всё вѣдь правдою?—
„Не служить-то я пріѣхалъ те́бѣ́ не постарому, не попрежному,
Я не вѣрой служить тебѣ, всё не правдою,
Не посломъ-то я пріѣхалъ посланъ жъ;
А какъ я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе
На твоей-то на любимою па дочери
А на той жо Опраксеи-королевичьни —
За того жа за нашого князя Владимера,
За Владимера да стольнё-кіевська.
Ты отдай-ко ею́ съ чести, съ радости,
Безо драки отдай да кроволитныя,
Не проливай крови напрасныя;
Ужъ ты съ чести не отдашь, дакъ мы боёмъ возьмёмъ,
Той да дракой кроволитною“.
Говорилъ-то король да таковы рѣчи:
— У мня, право, Опраксеюшка просватана,
А просватана да запоручена
За того жо вотъ за поганого Идо́лишша;
А у насъ топерече ведетьце пиръ,
У насъ бѣлыя ручки исподаваны,
Златыма перстнёми испомѣненось.
А сидитъ у мня Идолишшо за тима́ столами бѣлоду́быма,
За тима за ѣсвами да всё саха́рныма.—

А какъ говорилъ Здунай да во второй наконъ:
„Ужъ ты право, король, Опраксеюшку — за князя за Владимера,
Ужъ ты чесьти отдай ёю, съ радости,
А безъ драки ты отдай да кроволитныя;
Ужъ ты съ чесьти не отдашь, дакъ мы боёмъ возьмёмъ".
Говорилъ-то Здунай да во третёй наконъ:
„Ты отдай-ко, король, съ чести, съ радости,
Безъ драки ты отдай да кроволитныя,
А не проливай ты чужой крови понапрасному".
Говорилъ король да таковы слова:
— У мня, право, Опраксеюшка просватана, запоручена
За того жо за царишша за Идолишша.—
Какъ стоитъ Здунай да призадумалсэ,
А повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи въ матушку сыру землю́,
А какъ думалъ думушку да промежду́ собой:
„Намъ не чесь-хвала-то будётъ да молодецькая,
А не выслуга будётъ у князя молодецькая,
А не вещь-хвала-то будётъ богатырська,
А шьто не привезёмъ-то Опраксси мы за князя всё въ замужесьво!"
Какъ его стало ретиво сердьцё розъерятисе,
А горе́чя кровь ёго да розгорятисе,
Лѣпета́ въ лици стала перемѣнятисе;
Какъ у ёго сердцё розъерилосе,
Богатырськи плечи шшевелилисе.
Подходилъ-то онъ да ко дубовы́мъ столамъ,
А ко тому столу́-то [1]) рыта бархата,
А какъ то́лкопулъ поганого Идолишша во грудь-то ёму въ поганую,
А какъ падало Идолишшо со сту́ла рыта бархата.
Ухватилъ-то онъ ёго да за рѣзвы́ ноги,
А какъ начялъ тотариномъ Идолишшомъ по столо́мъ помахивать,
Ишшо самъ онъ ёму да приговаривалъ:
„А какъ жи́ловать тотаринъ, всё не по́рвитьце,
Косьливъ тотаринъ, всё не сломитьце!"
А подъ дубовы-то король столы пѣхаитьсе,
Че́рной шубой соболиной закрываитьсе,

[1]) Вмѣсто „сту́лу-то", ср. ст. 304. *Собир.*

А онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Здунай да сынъ Ивановичъ!
А бери теперь Опра́ксею за князя за Владимера,
А вези-тко ей да на святую Русь,
Не губи-тко моёго народу понапрасному“.
Какъ бросалъ-то тотарина да изъ бѣлы́хъ-то рукъ,
А какъ самъ пошолъ въ полаты къ Опраксеи-королевичьни,
А заходилъ-то въ полату, въ свѣтлу свѣ́тлицю
А ко той жо Опраксеи-королевичьни.
Какъ увидяла-то Здуная Опраксея-королевичьня —
А сидѣла-то она на стули рыта бархата,
Вышивала-то поганому Идолишшу ширипочку,
А ширипочку-ту вышивала краснымъ золотомъ —
Она увидяла Здуная сына Иванова,
А скочила она на рѣзвы́ ноги
И бьётъ челомъ Здунаю сыну Иванову:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Здунай да сынъ Ивановичь!“
— Ужъ ты здрастуй, Опраксея-королевичьня!
Ты срежайсе ѣхать со мной на святую Русь,
На святую Русь да ты въ замужесьво
За того-то за нашого-то князя за Владимера. —
Тутъ недолго Опраксея собираласе,
Собралась она да покрутёшенько.
А какъ бралъ-то Здунай-то ей за рученьку за правую,
Выводилъ-то ей да на новы́ сѣни;
На новы́хъ сѣняхъ прибито народу всё несчётною.
А идётъ она-то, ужасаитьсе,
Она горькима слезами заливаитьсе,
А сама она да говоритъ да таковы рѣчи:
„А умѣлъ-то меня батюшко вспоить, вскормить, возро́стити,
Не умѣлъ-то меня отдать въ замужесьво,
А какъ съ той жо чесьти отдать да съ радости,
А безъ драки всё да кроволитныя“.
Выводилъ-то ей да на широкой дворъ,
А садилъ-то онъ собѣ да на добра́ коня;
Они [1]) скоро́, лёкко скакали на добрыхъ коней,
Какъ изъ города поѣхали не воротами,
А скакали черезъ стѣну городо́вую.
А какъ ѣдутъ они путёмъ-дорогою,
А наѣхали они на и́скопеть глубокую.

---

[1]) Богатыри. *Собир.*

А какъ одёржалъ-то Здунай всё добра коня;
Ужъ и самъ онъ говоритъ да таковы слова:
„Ужъ ты возьми-ко-се, Добрыня, у мня Опраксею на своёго
на добра́ коня,
Я пое́ду по этой и́скопыти глубокія“.
А какъ бралъ-то Добрыня Опраксею на добра коня;
А поѣхали они ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владимеру;
А какъ Здунай поѣхалъ пода́лече въ чисто́ полё.
А во ту пору, во то время
Пріѣхалъ Добрынюшка во красенъ Кіевъ-градъ
А ко ласкову-ту князю ко Владимеру.
А срѣчаётъ князь всё Владимеръ жа,
А срѣчаётъ середи двора.
Какъ пошла (sic) у Владимера да пиръ наве́сели,
Повелась у Владимера тутъ свадьба навесели;
Зачалъ князь женитисе,
Женитисе на Опраксеи-королевичьни.
А во ту пору, во то время
А пріѣхалъ Здунай да ко бѣлу́ шатру,
Соходилъ-то онъ со добра́ коня,
Заходилъ-то онъ въ бѣлъ шатёръ въ поло́тьняной,
Увидалъ—въ шатри лежитъ да душа красна дѣвиця,
А какъ та жа Настасья-королевичьня;
Она спитъ лежитъ да розметаласе,
Она крѣпкимъ сномъ засыпала богатырскимъ жа.
А какъ повалилсэ спать Знунай да сынъ Ивановичь,
А какъ обнималъ-то Здунай да красну дѣвицю,
А отъ сна дѣвиця пробуждаласе да испугаласе;
Она скоро выскакивала изъ бѣла́ шатра,
А кричала она да громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, невѣжа, доброй молодець!
Ты зачѣмъ мнѣ-ка пріѣхалъ ко бѣлу́ шатру,
А зашолъ-ты во бѣло́й шатёръ?
Отчѣку-то я тебѣ-то да буйну голову,
Отчѣку-то я да на чисто́мъ поли́!“
Не познала она Дуная сына Иванова;
А скакала на добра́ коня.
Выходилъ Здунай да изъ бѣла́ шатра,
А садилсэ онъ скоро́ да на добра́ коня.
Какъ розьѣхались они да по чисту́ полю,
А какъ сьѣхались они да во едно мѣсто,

Какъ ударили они да саблеми вострыма, —
У ихъ сабельки всѐ да пошшербалисе;
А какъ другъ друга они не ранили,
А какъ нѐ дали на собя раны кровавыя.
А они розьѣхались да по второй наконъ,
А ударились они да палицѐми тяжолыма,—
Они другъ друга не ранили,
А какъ не дали на собя раны кровавыя.
А розьѣхали они да по-въ третѐй наконъ,
А ударились они да ко́пьеми да борзоменьскима.
А какъ падала Настасья со добра́ коня да изъ сѣдёлышка,
А какъ падала она да на сыру землю.
А какъ соскакивалъ Добрыня да на сыру землю,
А какъ сѣлъ Настасьи на бѣлы́ груди,
Вынималъ онъ изъ кинжалишша булатенъ ножъ,
Залупалъ у ей-то груди бѣлыя,
Захотѣлъ-то спороть бѣлы́ груди,
Досмотрить-то у ей да ретива́ сердца.
Тутъ Настасья испугаласе,
А бога́тырю Настасья возмолилась:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Не пори-тко моихъ бѣлы́хъ грудей,
Не смотри-ко ты моёго ретива́ сердьця,
А возьми-ко ты меня да за собя заму́жъ;
Ужъ я буду тебѣ да жона вѣрная,
А какъ вѣрная—служить тѣ буду вѣрой-правдою“.
А какъ бралъ ставалъ-то онъ скоро́ да на рѣзвы́ ноги,
Подыматъ-то ей да за бѣлы́ руки,
За бѣлы́ руки да за золоты́ персьни,
Чёловалъ ёю въ уста саха́рныя:
— Ужъ ты гой еси, Настасья королевичьня!
Не узнала ты Здуная сына Иванова.—
Какъ садилисъ они да на добры́хъ коней,
А поѣхали они да ко бѣлу́ шатру;
А пріѣхали они да ко бѣлу шатру,
Соходили они да со добры́хъ коней,
Насыпа́ли копямъ шаницы бѣлояровой,
А спускали йись травы муравою,
А сами въ шатёръ зашли, они спать легли;
Они спали поры-время трои суточки;
На четвёрты суточки отъ сна да пробужалисе,
А какъ въ красёнъ Кіевъ они отправлялисе,

А пріѣхали ко кнізю на широкой дворъ.
Увидалъ-то князь да со княгиною,
А увидяла Опраксея всё родну сестру.
А какъ тутъ Здунай-отъ взялъ Настасью за собя замужъ,
За собя замужъ да всё въ супружесьво [1]).
А сидятъ-то они на чесномъ пиру-ту, пьютъ, ѣдятъ да хвастаютъ;
А Здунай-отъ какъ похвасталъ своей силушкой:
„А какъ нѣтъ изъ богáтырей меня сильнѣ́ да во чистóмъ поли,
Дѣльнѣй меня да стрѣлеть стрѣлочкой,
Той-то стрѣлочкой калéною“.
Говоритъ-то Настасья да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, сударь Здунай да ты Иванавичь!
Ты не хвастай-ко да своей силушкой:
А какъ нѣтъ сильнѣй въ чистóмъ поли да Ильи Муромця,—
Ише нѣтъ ему да супротившыка;
А какъ нѣтъ дѣльнѣй стрѣлеть меня, да красной дѣвици.—
„Ты не стрéлишь, какъ я стрѣ́лю, доброй молодець:
Я рострéлю на буйнóй главы злачёнъ перстéнь“.
—Я рострѣ́лю на буйнóй главы злачёнъ перстéнь.—
А они поспорили да на чесномъ пиру;
А какъ тутъ Здунаю сыну Иванову за бѣду показалосе.
А поѣхали они стрѣлеть да во чистó полё;
Розъѣзжались они да по чисту́ полю.
Клалъ-то на свою-ту буйну голову да свой злачёнъ перстень;
Натягáла тутъ Настасья свой розрывчатъ лукъ,
Она клала стрѣлочку калёную,
Какъ ко стрѣлочки да приговариватъ:
„А полети моя калена́ стрѣла далеко да во чистó полё,
А не падай моя калена не на́ воду, не на́ землю,
А не падай Дунаюшку во правой глазъ,
А попади стрѣла Дунаюшку въ злачёнъ перстень,
Росшибн ты перстень надвоё.
Полетѣла стрѣлочка да во чистó полё,
Она падала не на́ воду, не на́ землю.
А какъ падала Здунаю во злачéнъ перстень,
А росшибла она перстень надвоё,—
Не котора половинка не больше, не меньше.
Какъ стрѣляётъ Здунай Настасьюшки въ злачёнъ перстень,

[1]) Слѣдующій за симъ конецъ старины Крюковъ пропѣлъ на другой день, когда я ему напомнилъ, что, какъ онъ самъ говорилъ раньше, Дунай убилъ свою жену. *Собир.*

А какъ самъ онъ приговариватъ ко стрѣлочки калёною:
„А не падай, моя стрѣлочка, не на́ воду, не на землю,
А не на воду, не на землю, не въ злачёнъ перстень,
А пади-тко, моя стрѣлочка, Настасьюшки во правой глазъ".
Полетѣла стрѣлочка не на воду, не на землю,
А попала Настасьюшки во правой глазъ.
Падала Настасья со добра́ коня;
Мать сыра земля да потресаласе.
Пріѣзжаетъ-то Здунай къ Настасьюшки,
Сходитъ онъ со добра коня,
Вынимаётъ изъ кинжалишша булатенъ ножъ;
А споролъ Настасьи груди бѣлыя,
Досмотрилъ Дунай Настасьи ретиво́ серцо.
Какъ увидялъ въ утробы два младеня жа,
Два младеня, два́ сына,—
А какъ тутъ Здунай брошалсэ на тотъ жо на булатёнъ ножъ,
Закоколсэ Здунай да на востро́мъ пожи,
А какъ тутъ Здунаю съ Настасьёй смерть пришла.

76.

Михайло Игнатьевичъ (Даниловичъ) [1]).

Какъ во славномъ было городи въ Кіеви,
Какъ у ласкова-т'у князя у Владимера
Заводилосе пированьицё, почесенъ пиръ
На многихъ князей, всё бо́яръ жа,
А па руськихъ могучихъ всихъ богатырей,
А на купцей-гостей торговыхъ жа,
А на всихъ-то калики да перехожіёхъ.
Красно солнышко идётъ на е́сени.
Почесёнъ пиръ идётъ наве́сели;
А какъ вси-то на пиру пьяны, ве́селы;
Они пьютъ, ѣдятъ да хвастаютъ:
А какъ сильнёй-отъ хвастатъ своей силушкой,
А богатой-отъ хвастатъ золотой казной несчётною,
А иной-отъ хвастатъ широки́мъ дворомъ,
А какъ глупой-отъ хвастатъ да всё родной сестрой,
Неразумной-отъ хвастаётъ молодой жоной,
А какъ умной-отъ хвастатъ да ро́днымъ батюшкомъ.

[1]) Эту старину я записалъ съ разсказа пѣвца, потомъ исправлялъ по его пѣнію; поэтому въ записи оказались нѣкоторые пропуски. Она напечатана въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз и сл. И. Акад. Н., т. IV, кн. 2, стр. 712. *Собир.*

А разумной-отъ вѣдь хвастатъ ро́дной матушкой.
Какъ тутъ, на пиру вси пьютъ, ѣдятъ, да кушаютъ,
Л единъ-отъ доброй молодець сидитъ не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
А бѣло́й лебёдушки себѣ не рушаётъ.
Какъ Владимеръ-отъ князь по полаты-то похаживатъ,
Онъ съ ножки на ножку переступываетъ,
Русыма-ти кудерьцеми поростряхиватъ,
Бѣлыма-ти ручками розмахиватъ,
А какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„А какъ вси на пиру, всѣ пьяны, ве́селы,
Вси-то пьютъ, ѣдятъ, вси хвастаютъ,
А единъ-отъ доброй молодець не пьётъ, не ѣстъ;
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
Какъ по имени Игнатій сынъ Даниловичъ“.
Говорилъ-то князь Владимеръ стольно-кіевской:
„Ужъ ты гой еси, Игнатій сынъ Даниловичъ!
Ты сидишь у меня при пиру. . . . . .
А ничимъ ты, сидишь, не фастаешь;
Развѣ мѣстомъ я тебя обсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
Ели кто надъ тобой посмихаитьце,
. . . . . ,
Не по разуму тебѣ, не по́ души?“.
Отвѣчаетъ Игнатій сынъ Даниловичъ:
— Мнѣ мѣсто не отчинѣ, по отечесьву,
Питья, кушанья мнѣ по разуму,
Винной чарой-то меня не о́бнесли,
И нехто надо мной не посмѣхаитьсе.
Благослови-тко мнѣ-ка слово молвити,
Не моги-ка меня за́ слово ни казнить, ни вѣсити,
Ни садить меня да въ тёмну тёмницю;
Ты моги меня-то за́ слово помиловать.—
Говорилъ Владимеръ-князь стольне-кіевськой:
„Говори-тко-се, Игнатій, што тѣ надобно;
Я не буду не казнить тебя, не вѣсити“.
— Жилъ-то я у тя во Кіеви шестьдесять годовъ,
Я сносилъ-то я у тя во Кіеви шестьдесятъ воёвъ,
А какъ срывочныхъ-норывочныхъ числа-спету [1]) пѣтъ;
Было у меня погряжено-покуряжено;

[1]) Вмѣсто: смету; *н* вмѣсто *м*—подъ вліяніемъ слѣдующаго слова, начинающагося звукомъ *н* („пѣтъ“). *Собир.*

А подъ старость лѣтъ [1]) нать душа спасти,
Душа спасти, кабы въ рай спусти,
Какъ постригтисе къ Ѳедосію въ Пешперъ-мáнастырь,
Налóжить на собя скиму спасéную.—
Говорилъ-то Владимеръ-князь стольнё-Кіевськой:
„Гой еси, Данило сынъ Игнатьевичъ (sic!)! [2])
А да кто у насъ будетъ во Кіеви оборанивать
Шьто отъ той жо отъ Литвы, орды поганыя?
Пойдётъ тутъ славушка великая по всей земли,
Дойдётъ-то славушка въ проклятýю орду, Литву поганую;
Взволнуетьсе тутъ орда, Литва поганая,—
Шьто во Кіеви богáтыри прѝстарились.
Пристарились да представились;
Постриглисе они въ ризы чёрныя,
Надѣли на собя скимы спасёныя".
—Ужъ ты гой еси, Владимеръ-князь стольнё-кіевськой!
Останетьсе у мя мило чадо моё любимое,
А какъ мóлодый Михайлушко сынъ Игнатьевичъ;
Онъ можотъ оборонить красёнъ Кіевъ-градъ.
А какъ отъ роду ему двѣнадцать лѣтъ;
Онъ вѣдь можотъ владѣть моимъ добрымъ конёмъ,
Всей моей сбруей богатырською;
Латы-тѣ мои-ти ёму не сходятьсе;
Онъ вѣдь скоро, лёкко скачетъ на добра .коня,
А онъ ѣздитъ всё по широкýю двору,
Моей-то палицéй да забавлеетьце,
Котора была палиця во сорокъ пудъ:
Высоко-то онъ ей мечетъ по-подъ нéбеса,
А подхватыватъ въ едину во правýю руку,
Не спускатъ онъ на матушку-сыру землю.—
Воспрогóворилъ Владимеръ-князь таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Игнатій сынъ Даниловичъ!
А я не слыхалъ про твого чада милого,
Ты пришли, приведи своего-то чада милого,
Покажи-ко мнѣ на посмотрѣньицё".
Ставалъ то Игнатьюшко изъ-за того стола изъ дубового,
Ставалъ-то на рѣзвы́ ноги,
Бралъ-то онъ пухову шляпу со спичечьки,
А пошолъ-отъ со чисна́ пира, съ широки́хъ полатъ

---

[1]) Варьянтъ: „Кабы мнѣ нонече".
[2]) Въ пѣснѝ этотъ стихъ былъ пропущенъ пѣвцомъ. *Собир.*

Ко своёму-то широку́ двору.
Увидало его чадо милоё,
Милоё чадо, любимоё;
А срѣчаетъ-то его середи широка́ двора,
Берётъ-то его за бѣлы́ руки,
А чѣлуетъ ро́дна батюшка въ уста саха́рныя.
Говоритъ-то ему родной батюшко:
„Ужъ ты гой еси, моё да чадо милоё!
..... одѣньсе въ цвѣтно платьицё,
А поди-тко ко князю на широкой дворъ [1]),
На широкой дворъ на посмотрѣньицё;
Зайдёшь ты въ полаты княженецькіе,—
Крестъ-отъ клади по писа́ному,
А поклонъ-отъ веди по учёному,
Бей челомъ князю во рученьку во правую
И всимъ князьямъ бо́ярамъ“.

. . . . . .

Поклоняетьсе князьямъ, бо́ярамъ,
А какъ руськимъ всимъ могучімъ бога́тырямъ.

. . . . . .

Садилъ-то Михайлушка за дубовой столъ [1]),
За питья, ѣства саха́рныя,
Приказалъ наливать да чару зелена́ вина,
А не малу, не вели́ку—въ полтора ведра;
Принималсэ Михайло едино́й рукой,
Выпивалъ-то онъ на единой духъ;
На запивку, на закуску турей рогъ да мёду сладкого.
Да сидятъ при пиру пьяны весело.
Почесёнъ пиръ да подъ конець пошолъ;
Красно солнышко идётъ ко западу.
Вси князья, бо́яра на росходъ пошли
По своимъ домамъ да ко своимъ жона́мъ.
А немного тому время миновалосе,
А прошла тутъ славушка по всей земли, по всей украи́ны,
Што во Кіеви бога́тыри состарилисъ,
Состарились, ины преставились;
Постриглись къ Ѳедосію въ Пешперъ-ма́настырь,
Налóжили на собя да ризы чёрныя,
А надѣли на головы скимы-ти спасёныя;

---

[1]) Варьянтъ: „на почесенъ пиръ“.

[1]) Варьянтъ: „Какъ садилсэ да Михайло во мѣсто чарськое“.

А прошла-то слава скоро въ проклятую Литву, въ орду поганую;

Взволновалась проклята Литва, поганая [1]),
Собрала тутъ силушку великую,—
Розорить ..... красёнъ Кіевъ-градъ,
Заплѣнить князя Владимера [2]);
Церковь Божію по огонь спустить [3]).
Тутъ подходитъ силушка великая,
Великая силушка поганая
Подъ тотъ Кіёвъ-градъ.
Учюлъ втѣноры Михайлушко Игнатьевичъ,
Пошолъ-то онъ ко князю ко Владимеру
Росказать про эту силушку великую,
Взеть-то его [4]) благословленьицё
А какъ ѣхать въ эту силушку великую,
Прибить эту силушку до единого.
А приходитъ онъ въ полаты княженецькія;
Онъ какъ молитсе Спасу пречистому,
Поклоняитьсе-то матери Божьей Богородици,
Говоритъ-отъ князю Владимеру таковы слова:
„Ужъ ты здраствуй, князь Владимеръ стольнё-кіевськой!
Благослови-ко меня съѣздить во чисто поле,
Побить мнѣ эту силушку великую,
..... до единого
Не оставить ..... на сѣмена".
Отговоритъ-отъ князь Владимеръ таковы рѣчи:
— Молодой зобзунъ, ты рано всё попархивашь;
Потеряшь ты свою голову понапрасному.—
Тутъ-то Михайлушку за бѣду стало,
За досаду показалосе;
Розъерилосе его ретиво серьдче,
Горечя кровь розгорѣласе, роскипѣласе;
Пошолъ-то онъ съ полаты вонъ,
Отпираетъ онъ двери на пяту,
Запираетъ онъ двери накрѣпко;
Шьто полаты съ боку на бокъ потрясалисе,
Ободверины помитусплись [5]),

---

[1]) Варьянтъ: „Подымалсэ тутъ король Литовськой..."
[2]) „Князя Владимера въ полонъ забрать".
[3]) Здѣсь пѣвецъ прибавилъ объясненіе: „выжегчи". *Собир.*
[4]) „Просить".
[5]) По объясненію пѣвца, скрывались. *Собир.*

Изъ околенокъ слу́дочки [1]) посыпались.
Приходилъ-то скоро на широкой дворъ,
Осѣдлалъ, уздалъ коня своего богатырського,
Надѣвалъ на себя платьё богатырское,
Богатырско платьё, всё военное,
А да ти жа латы всё .....
Какъ берётъ онъ палицю тяжолую,
А котора была вѣсомъ въ сорокъ пудъ;
А лекко́-скоро скакалъ на добра́ коня,
Поѣхалъ по городу по Кіеву,
Приворотилъ-то онъ къ ма́настырь-спасёному,
Ко своёму-то родну батюшку;
Подходитъ онъ къ ему на крылечечько,
Стучитъ онъ во колечечько потихошенько
Услыхалъ-то у дверей да родной батюшко,
Отпиралъ онъ двери помалёшеньку,
Выходилъ-то онъ на крылёчушко.
А какъ падалъ-то Михайлушко во рѣзвы́ ноги,
Проспалъ-то благословленьиця вѣковѣчного
Подратисе съ погаными татарами,
А побить эту сплушку великую.
Говоритъ-то его родной батюшко
Игнатій-отъ сынъ Данiловичъ:
„Ужъ ты гой еси, моё чадо милоё!
Я буду тебѣ наказъ наказывать;
Ты послушай-ко моё да наказаньицё:
Ты пріѣдешь въ силы въ поганыя —
Не заѣзжай ты въ силушку, въ больши полки,
Ужъ ты ѣздь кругомъ силу великую,
Ужъ ты бей-ко-се съ меньши́хъ полковъ;
Въ середины, тамъ накопаны по́дкопы великія,
У ихъ подкопы-ти широкія, глубокія,
А наставлёны у нихъ тамъ копья вострыя,
Востры копья булатныя.
Потеряшь ты свою буйну голову съ добры́мъ конёмъ“.
Роспростилсэ тутъ Михайло съ роднымъ батюшкомъ;
Выѣзжалъ-то да во чисто́ поле,
Доѣзжатъ онъ до силушки великія;
Онъ начя́лъ съ краю рубить силу великую, меньши́ полки;
. . . . . до единого;

---

[1]) Слюда (вмѣсто стеколъ); по объясненію пѣвца, стекла. *Собир.*

Розъерилось его сердьце богатырьское,
Розгорѣласе кровь да горячая,
Шевелилисе плеча богатырькія;
А забылъ онъ наказаньицё отцёвьское.
Какъ стёгалъ онъ коня по крутымъ бёдра́мъ плёточькой шелко́вою,
Розъерилсэ ..... доброй конь;
Заѣзжалъ-то онъ, скакалъ въ силу великую;
Кого ..... втрое .... конёмъ топталъ.
. . . . . .
Заѣзжаетъ онъ во больши́ полки, въ середину силушки;
Наѣхалъ на эту по́дкопь широкую,
Широкую подкопь, глубокую;
Скакалъ-то его доброй конь черезъ эту подкопь—перескакивалъ;
Наѣхалъ онъ на другу—и другу-то перескакивалъ;
Пріѣхалъ онъ на третью́ жа—
Не могъ его доброй конь перескочити.
Падалъ онъ на копьиця на вострыя;
А какъ палъ-то Михайлушко со добра коня;
Наскакали тутъ татаровя поганыя,
Опутали его во пу́тины въ шёлко́выя,
Привели къ поганому царишшу татарину [1]),
Приказыватъ ему отсѣкти буйну голову.
Розъерилсэ тутъ Михайло сынъ Игнатьевичъ,
Срывалъ-то съ собя пу́тины шелко́выя,
А сватилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Онъ отсѣкъ поганому царишшу буйну голову;
Онъ нача́лъ ходитъ по силушки, пошаривать;
Куды махнётъ, туды улочька [2]),
Вперёдъ махнётъ—дакъ улиця,
Назадъ махнётъ—переулочекъ.
Со . . . . . билсэ онъ да трои суточки,
Ни пиваючись, ни ядаючись,
Не ѣдаючись и не сыпаючись;

---

[1]) Варьянтъ: Повели къ королю-то Литовьскому
„Молодой шпоно́къ, рано попорхивалъ! (Sic!)
Поди-тко ко мнѣ въ услуженьицё;
Не пойдёшь—я отсѣку тѣ буйну голову“.

[2]) Варьянтъ: И какъ рубитъ ихъ да до единого;
Прибилъ-то ихъ до единого;
Не спустилъ-то ихъ на сѣмена ни единого.

Захотѣлосе ему да отдохнути.
Ввалилсэ въ трупья всё поганыя, въ татарськія [1]),
А онъ спалъ да трои суточьки
Крѣпкимъ сномъ да богатырськімъ.
Какъ схватилсэ его да ро́дной батюшко,
Игнатій сынъ Даниловичъ
Какъ бралъ съ собой клюку да подорожную;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ не просто нѣтъ моего чада милого,
Нѣтъ желанного на сырой земли!
Убитъ отъ поганыихъ татаровей“.
Онъ походитъ до силушки великія;
Перемётыватъ трупья поганыя, пересчитыватъ,
Высоко мечетъ подъ нёбеса,
Самъ онъ приговариватъ:
„Уходили моего да чада милого!“
. . . . . .
Какъ отъ сна втѣпоръ Михайло пробуждаитьсе,
Какъ отъ хмѣлинки доброй молодецъ просыпаитьсе;
Учулъ онъ своего батюшка,
Скоро ставалъ на рѣзвы́ ноги,
Походилъ онъ ко своему батюшку,
Ишше падалъ ему да во рѣзвы́ ноги.
„Прости меня, батюшко, да во перво́й вины;
Не послушалъ я твоё да наказаньицё;
Розъерилось мое сердьцё богатырськое,—
Позабылъ-то твой наказъ великія,
А заѣхалъ въ силушку великую;
Уходилъ-то я твоего добра коня Воронеюшка“.
Какъ пошли они ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову-ту князю Владимеру; [2])
Игнатій пошолъ въ Пешшеръ-ма́настырь,
А Михайлушко пошолъ къ широку́ двору,
Къ широку двору да къ своей ро́дной матушки.

---

[1]) Варьянтъ: Повалилсэ межъ ти-то трупья всё поганыя.
[2]) Варьянтъ: Пошли-то они отъ силушки поганыя,
Пошли-то они во красёнъ Кіевъ-градъ.

77.

Василій (Игнатьевичъ), пьяница.

(Перенялъ у старика Мухи, родомъ съ верхняго теченія рѣки Мезени, умершаго болѣе 20 лѣтъ тому назадъ).

Какъ шло-то два тура́ возьлѣ синё морё,
Какъ два тура́ да златорогія;
А какъ по́плыли тури́ да на Буянъ-островъ.
А какъ шли-то туры́ по Буянъ-острову́,
Да какъ тутъ настрѣчю имъ турі́ця да златорогая,
Златорогая турица да одношорстная:
„Ужъ вы здраствуйте, туры́ да златорогія,
Златорогія туры́ да одношорстныя!
Да откуль идьте́, да откуль путь лежитъ?“
— Мы идёмъ-то, идёмъ да со сьвятой Руси,
Со сьвятой-то Руси, изъ города изъ Кіева
Да отъ ласкова князя да отъ Владимера.—
„Ише шьто эт' ноньче дѣтьце во Кіеви?“
— Да во Кіеви у насъ да не постарому,
Не постарому да не попрежному:
Какъ ходитъ народъ да въ платьи чёрномъ же,
Въ чёрномъ платьици ходитъ, въ пёчяльнёмъ же.
Какъ подошла тутъ силушка великая,
Подошолъ тутъ самъ Кудрева́нко-царь
А какъ со любимымъ съ зятёмъ всё со Кы́ршикомъ;
А подъ зятёмъ силы сорокъ тысечей,
А подъ самимъ цярёмъ сто тысечей.
Да хотятъ розьбить, розорить красенъ Кіевъ-градъ.
Ише Божьи церьквы на копюшни взять,
Ише манастыри спасёныя на дымъ спусьтить,
А князя со княгиною въ полонъ вѣдь взеть.
Да какъ мы видѣли ише чудо чудное,
Ужъ мы видѣли ише диво дивноё:
Какъ пресьвята-та да Богородиця
Вышла изъ церьквы изъ соборныя,
На ру́кахъ вынесла книгу всё Еваньгельё,
Она вышла на быстру́ рѣку,
Она сѣла на горючёй сѣрой ка́мешокъ.—
А какъ во ту пору, во то время
Да бога́тырей въ Кіеви не случилосе,
Не случилосе ихъ, не пригодилосе:

Да уѣхали они да по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, къ отцямъ, къ матерямъ,
Къ отця́, къ матеря́мъ да къ молодымъ жона́мъ.
Какъ во ту пору, во то время
Да приходитъ ко Владимеру калика-та перехожая.
Онъ молитьце тутъ Спасу всё пречистому,
Поклоняитьце князю да Владимеру:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ-князь кіеськой!
Ты о чёмъ ходишь невеселъ, нерадостёнъ?
Да повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь.
Не тужи ты, не печялуйсе:
А какъ есь у тебя во Кіеви Васька, горька пьяница,
Ише пьётъ въ кабаки вино безпро́сно жо;
Онъ можотъ поѣхать во чисто́ полё,
Онъ можотъ побить силушку великую".
Да онъ скоро надѣвалъ шубу че́рныхъ со́боле́й,
Надѣвалъ-то шапку черну му́рвапку,
Побѣжалъ онъ отъ ца́ря на большой кабакъ [1]);
Лёжитъ-то Васька-пьяница на печи кабачьнія,
На печи лёжитъ кабачнія на кирпичнія.
„Ужъ ты здрастуй-ко, Васька пьяница!"
—Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ-князь стольне-кіевськой! —
Говоритъ Владимеръ-князь да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Васька да горька пьяница!
Ты вино-то пьёшь, ничего не знашь, не вѣдаёшь".
Говоритъ-то Васька таковы рѣчи:
—Ише о́хте мнѣ тошнёшенько!
Да болитъ-то моя буйна го́лова,
Горитъ-то, горитъ да ретиво́ серьцо́,
Да не служатъ мои да ручки бѣлыя,
Да не носятъ меня да ножки рѣзвыя:
Да какъ не́чимъ Васьки всё оправитьце,
Ише нечимъ Васьки опохмѣлитьце.—
Говоритъ-то князь да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, чумакъ, ты чёловальникъ жа!
Наливай-ко ты Васьки зелена́ вина,
Шьтобы Васьки да оправитьце,
А оправитьце Васьки да опохмѣлитьце".
Наливалъ-то Васьки чару зелена́ вина,
Да не ма́лу, не вели́ку—полтора ведра,

[1]) Кабакъ отъ царя, т. е. „царевъ". *Собир.*

Подавалъ же Васьки на печку жа.
Принима́-то Васька да едино́й ей рукой,
Выпивалъ-то Васька едины́мъ духомъ,
На запивку пива хмѣльнёго,
На закуску мёда сладкого.
Говорилъ-то Васька таковы рѣчи:
„Ужъ и о́хте менѣ тошне́шенько!
Да болитъ-то, болитъ моя бу́йна голова,
Да горитъ-то, горитъ да ретиво́ серьцё:
Нечимъ мнѣ-ка оправитьце,
Нечимъ мнѣ-ка опохмѣлитьце“.
Говорилъ-то Владимеръ таковы рѣчи:
„Наливай-ко, чёловальникъ, втору чару зелена́ вина,
Подавай-ко Васьки, горькой пьяницы“.
Принималъ-то Васька едино́й рукой,
Выпивалъ-то Васька едины́мъ духомъ,
На запивку турей рогъ да пива хмѣльнёго,
На закуску ему мёду сладкого.
Ише сѣлъ-то Васька на печку на кабацькую,
Какъ зачялъ Васька съ князёмъ поговаривать,
Ише зачялъ Васька съ князёмъ розговаривать:
„Ужъ ты гой еси, Владимеръ-князь, красно солнышко!
Нѣтъ-то у меня тепереча добра́ коня
И нѣту у меня збруды богатырськіи,
Збруды нѣту лошадиною:
Какъ збруда у мня пропи́та въ петсотъ рублей,
Да какъ платьицё военно въ чѣлу тысечю,
И нѣту у мня не сабли вострыя,
И нѣту наличи чяжолою,
И нѣту у меня копья да борзоми́ньского;—
Да какъ пропито всё чёловальнику“.
Говорилъ князь Владимеръ таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, чумакъ, чёловальникъ жа!
Да отдай ты Васьки скоро добра́ коня,
Да отдай ему ты безьденежьнё,
Ты безьденежьнё да бескопеечнё. —
Какъ отдавалъ чёловальникъ всё безьденежьнё,
Безденежьнё да бескопеёчьнё;
Говорилъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Да болитъ-то, болитъ моя буйна голова,
Да горитъ-то, горитъ да ретиво́ серьцо́,
Да не посятъ мня да ножки рѣзвыя:

Какъ нечимъ мнѣ-ка всё оправитьце,
Ише нечимъ мнѣ-ка опохмѣлитьце".
Говорилъ-то князь Васькы да таковы слова:
— Ужъ ты пей-ко, Васька, сколькe хочитьце.—
Нечѣдилъ онъ мѣру зелена́ вина,
Да не ма́лу, не вели́ку—въ полтора ведра.
Выпивалъ-то Васька едины́мъ духомъ,
Запивалъ онъ пивомъ хмѣльнимъ жа
Да закусывалъ онъ мёдомъ сладкимъ жо;
Какъ самъ онъ надѣвалъ жо на собя платьё военноё,
Да военно платьё, богатырскоё;
Онъ пошолъ, сѣдлалъ, уздалъ всё добра́ коня,
Осѣдлалъ онъ, обуздалъ коня доброго,
Онъ бралъ-то палицю тяжолую,
Онъ скоро лёкко скакалъ на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ во силушку великую,
Ише въ то во чисто́ полё.
Пріѣжаётъ въ силушку великую,
Пріѣжаётъ онъ ко бѣлы́мъ шатрамъ [1]);
Пріѣжалъ онъ-то да ко бѣлымъ шатрамъ,
Ко тому жа царю Кудреванку жа;
Какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Кудреванко-царь!
Я не дамъ-то тебѣ розьбить, розорить да красенъ Кіевъ-градъ,
Я не дамъ тебѣ взеть Божьи черькви да подъ конюшны жа,
Да не дамъ-то я тебѣ манастыри на дымъ спусьтить,
Да не дамъ-то я князя въ плѣнъ со княгиною;
Да вамъ дамъ толькe обирать кнезей, бо́яръ жа:
Обирайте ихъ жо имѣньицё,
Обирайте у ихъ золоту казну".
А какъ согласилсэ на то да Кудреванко-царь.
Да поѣхали въ красенъ Кіевъ-градъ,
Обирали тутъ кнезей, бояръ,
Повезли имѣньице изъ города обозами,
Вывозили имѣньице во чисто́ полё,
Во чисто́ полё да ко бѣлы́мъ шатрамъ.
Да пріѣхали ко бѣлымъ шатрамъ;

---

[1]) До сихъ поръ Крюковъ пѣлъ „на мезе́ньской голосъ", довольно скоро, но далѣе онъ перемѣнилъ напѣвъ, на мою просьбу — сказывать помедленнѣе. *Собир.*

Да просилъ-то Васька у ихъ такова́ паю́,—
Не даютъ-то Васьки да такова́ паю́ [1]);
Да просилъ-то Васька у ихъ полу́-паю,—
Не даютъ-то Васьки всё полу-паю;
Да просилъ-то Васька една треть паю,—
Не даютъ-то Васьки и треть паю;
Какъ просилъ-то Васька тольке одной четьверти,—
Не даютъ-то Васьки едной четьверти.
А какъ говорилъ тутъ Кудреванко-князь:
„Ужъ вы гой еси, мои тотаровья!
А какъ при дѣлахъ-то Васька перьвой былъ,
А при дѣлу-ту Васька посьлѣдней сталъ.
Вы нема́лу себѣ шуточку шутите;
Ише какъ вамъ эта шутка съ рукъ сойдётъ?“
Какъ сидитъ-то Васька на добро́мъ кони, думу думаётъ,
Думу думаётъ да совѣтъ совѣтуётъ;
А какъ его серьцё стало розьерятисе,
Лѣпета́ въ лици стала да перемѣнятисе;
А какъ розьерилось ёго да ретиво́ серьцо́,
Роськипѣлась въ ёмъ кровь горячяя,
Да хватилъ-то онъ свою палячю тяжолую,
Опъ на́чялъ по силушки поѣжживать.
Цяжолой палицёй помахивать;
А какъ впередъ махнётъ, дакъ дѣлатъ улицёй,
Да назадъ оборотитьце—переулками.
Онъ рубилъ силушку великую,
А онъ билъ и конёмъ топталъ,
Опъ тутъ по силушки поѣжживалъ
Да прибилъ, прирубилъ всю ту силушку великую,
А Кудреванка-царя жива́ спусьтилъ
Со любимымъ зе́тёмъ всё со Кы́ршикомъ.
А какъ повёзъ онъ назадъ имѣньицё, животъ-отъ вѣдь,
Да повёзъ онъ обозами
Да ко князю ко Владимеру на широкой дворъ.
Стрѣчяётъ его Владимеръ-князь:
„Ужъ ты здраствуй, здраво, Васька-пьяница!“
— Ужъ ты здраствуй-ко, Владимеръ стольне-кіеськой!
Говоритъ-то Васька да таковы рѣчи:
— Да бери-тко ты, Владимиръ-князь, моё богачесьво,
Да богачесьво, платьё цьвѣтноё,

[1]) Т. е. пая, равнаго ихъ паю. *Собир.*

Платьё цьвѣтноё бери да золоту казну.—
„Ужъ ты гой еси, Васька, горька пьяница!
Ты бери самъ да золоту́ казну
Да проживай ей, да сколько можешь жа.“
— Мнѣ ненадобно эта золота казна,—
Да ненадоть берекчи мнѣ-ка,
Не берекчи, не хранити жа.
Ты куды тутъ хошь—дарить-роздаривать.
Только дай ты мнѣ волю пить безденежно,
Ише въ кажномъ кабаки бескопеешно.—
„Ужъ ты пей-ко-се, Васька, вина, сколько хочитьце!“

78.

Иванъ Годеновичъ [1]).

Какъ во славномъ было городи во Кіеви,
У ласкова князя Владимера,
А какъ былъ-то у его почесенъ пиръ
На своихъ князей, на бо́яровъ,
А на руськихъ-то могучихъ на бога́тырей.
А какъ вси-то купци, гости торговые
Сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаютьсе.
Красно солнышко идётъ на ссени,—
Почесёнъ пиръ идётъ навёсели;
Красно солнышко идётъ ко западу,
Ко западу, ко за́кату,—
Почесёнъ пиръ да подъ конець идётъ.
Какъ Владимеръ-отъ князь по гридни-то похаживатъ,
А своима-ти русыма кудрями приростряхиватъ,
А бѣлыма-ти ручьками да прирозмахиватъ,
А златыма-ти перстнями принашшалкиватъ;
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„А какъ вси у мя во Кіеви пожёнёны,
Красны дѣвушки у мя замужъ подаваны;
Какъ единъ-отъ доброй молодець холо́стъ живётъ,
Онъ холо́стъ живётъ, да онъ холо́стъ словётъ,
Какъ по имени Иванушко да сынъ Годеновичъ.
Ты женись-ко-се, Иванушко, да гдѣ тѣ хочетьсе:
Хошь во Кіеви женись, да хошь въ Чернигови,
Хошь у князя ты женись да у боярина,

[1]) Напечатана въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 695.

Ай у купця, гостя ты женись да у торгового,
Хошь у хресьянина женись да чёрнопахотна".
Говорилъ-то Иванъ да таковы слова:
—Не хочу я у тя женитьсе не во Кіеви, ни въ Чернигороди,
Не у князя же пече (sic), не у боярина,
Не у купця, гостя торгового,
Не у хресьянина чернопахотна;
А какъ буду я женитьсе въ проклятой Литвы,
У того короля да ляховиньского
А на той жо Овдотьи, бѣлой лебеди;
Онъ чесью не отдастъ, дакъ я й боёмъ возьму,
Той да дракой кроволитною.—
„Женись-ко гдѣ тѣ хочетьсе".
А какъ бралъ ставалъ Иванъ на рѣзвы́ ноги;
А сѣдлалъ-то ёнъ своёго всё добра копя,
Онъ и скоро скакалъ на добра коня;
Онъ поѣхалъ по чисту́ полю,
Въ прокляту Литву, орду въ поганую,
Ко тому жо королю да ляховиньскому.
Онъ въ городъ ѣдетъ не воротами,
Не воротами не широкима;
Скакалъ-то черезъ стѣну городовую,
Черезъ башенку наугольную;
Заѣзжалъ-то къ королю да на широкой дворъ,
Соходилъ-то со добра коня,
Становилъ коня да середи широка́ двора,
Середи широка двора, у дубова́ столба,
У дубова столба, у золота кольця;
А какъ самъ вѣдь пошолъ на красно́ крыльцё;
Онъ не спрашиватъ у воротъ да подворотниковъ,
У дверей не спрашиватъ да придверниковъ.
Заходилъ-то въ полаты въ королевьскія;
А не кстилъ [1])-то онъ своёго лиця бѣлого,
Не поклонялсэ онъ поганымъ идоламъ;
Тольке бьетъ целомъ королю во праву́ руку.
„Ужъ ты здраствуй-ко, король земли да Лёховиньскія!"
— Ужъ ты здраствуй-ко, сильней могучей бога́тырь жа!
Ели ты ко мнѣ пріѣхалъ, посломъ посланъ жа,
Иль служить ко мнѣ пріѣхалъ вѣрой-правдою?—
Говоритъ тутъ Иванъ да таковы рѣчи:

[1]) Т. е. крестилъ. *Собир.*

„Не посломъ къ тебѣ пріѣхалъ по́словать,
Не служить тебѣ пріѣхалъ вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою, неизмѣною;
Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататьсе
На твоей же на любимою на дочери,
На той жо на душочки Овдотьи бѣлой лебеди".
Говоритъ-то король да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, дородней доброй молодець!
Ужъ ты руськія могучія бога́тырь жа!
А не знаю я тебя, какъ именѣмъ зовутъ,
Величеть тебя по отечесьву.—
„Какъ зовутъ меня Иваномъ сыномъ Годеновымъ".
— Ужъ ты гой еси, Иванушко Годеновичъ!
У мня, право, Овдотьюшка просватана,
Просватана Овдотья, запоручена
Какъ за сильнего царишша Вахрамѣишша.—
Говорилъ-то Иванушко во второй наконъ;
Говоритъ король да таковы рѣчи:
— У мня, право, Овдотьюшка просватана
Какъ за сильнего царишша Вахрамѣишша.—
Говоритъ Иванъ по третьей наконъ;
Отвѣчаетъ король да таковы рѣчи:
— У мня, право, Овдотьюшка просватана
За того жо царишша Вахрамѣишша;
У нхъ бѣлыя-ти ручьки исподаваны,
Златыма-ти перстнями помѣня́носе.—
Стоитъ-то Иванъ да призадумалсэ;
Какъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потý́пилъ очи въ се́реду [1]) въ кирпичьнюю,
А какъ думатъ думушку вели́ку промежду собой:
„Мнѣ не чесь-хвала пріѣхать въ красёнъ Кіевъ-градъ!"
Какъ ёго шевелились плечи богатырьскія,
Розьерилосе ёго да ретиво́ сердьце,
Роскипѣласе его кровь горячая;
А хватилъ-то онъ свою да са́блю вострую,
Онъ какъ началъ по столамъ сабелькой помахивать.
Заревѣли [2]) тутъ татаровя поганыя,
А король-отъ подъ столы-ти всё пѣхаитьсе,
Соболиной чёрной шубой закрываитьсе,

---

[1]) Середа́—полъ.
[2]) Варьяптъ: „завизжали".

Сѣрымъ котикомъ всё пѣхаитьсе (sic),
Ише самъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ты не бей-ко, Иванъ, народу понапрасному,
Хушь оставь ты мнѣ на сѣмена;
Ты бери-тко Овдотью съ чести, съ радости;
А сидить она въ свѣтлой свѣ́тлици,
Во столовой новой горници
За девятью замками заморьскима,
За крѣпкима караулами".
А пошолъ-то Иванушка ко Овдотьи въ свѣтлу свѣ́тлицю,
Приломалъ замки заморьскія,
Убилъ-то сторожовъ до единого;
Отпиралъ-то онъ свѣтлу свѣ́тлицю.
А сидитъ-то Овдотьюшка на стули на рытомъ бархатномъ [1]),
Вышиваетъ ширіночьку краснымъ золотомъ,
А й высаживатъ дорогимъ-то мелкимъ жемчугомъ.
Какъ увидяла Овдотьюшка Иванушка,
Она скоро скочила на рѣзвы́ ноги,
А брала ёго за бѣлы́ руки,
Чѣловала ёго въ уста саха́рныя.
„Мнѣ-ка звать гостя, да не дозватисе,
Мнѣ-ка ждать гостя, да не дождатисе, —
А топере самъ ко мнѣ всё пріѣхалъ жо!"
Бралъ-то Овдотьюшку за праву́ руку,
Повёлъ-то Овдотьюшку на новы́ сѣни;
А идётъ Овдотья, ужахаитьсе,
А слезами она да обливаитьсе:
„Ай умѣлъ меня отець вспоить-вскормить, возро́стити,
Не умѣлъ замужъ отдать съ чести, съ радости!"
Выводилъ-то Иванушко Овдотью на широкой дворъ,
А скакалъ-то онъ на добра коня,
А содилъ-то Овдотью позади собя;
Какъ изъ города поѣхалъ не воротами не широкима,
А скакалъ черезъ ту стѣну́ да городовую,
Черезъ высоку башню паугольную;
Какъ во чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, стольке столбъ столбитъ.
Какъ во ту пору, во то время
А писалъ король царишшу Вахрамѣишшу
Ярлыкъ да скорописцятой:

[1]) Вмѣсто: „рыта бархата". *Собир.*

„Что пріѣхалъ изъ города изъ Кіева дороденъ доброй молодець,

А увёзъ у тя Овдотью, бѣлу лебедь жа,
Какъ во славной-отъ Кіёвъ-градъ“.
Пріѣзжаётъ [1]) ко царишшу Вахрамѣишшу,
А кричалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, царишшо Вахрамѣишшо!
Тебѣ полно пить ѣсть да прохлаждатисе;
Ты здорóво женилсэ—тебѣ не съ кимъ спать!
Увёзъ у тя Овдотьюшку Иванушко Годеновичъ“.
Бралъ-то ёнъ ярлыкъ да скорописчятой,
Прочитывалъ, всё просматривалъ.
Розъерилось ёго сердьцё погапое,
Погано-то сердьцё татарськоё;
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрныя!
Вы сѣдлайте-тко, уздайте моего добра коня“.
Тутъ слуги его не ослышались,
Скоро сѣдлали добра коня.
Одѣвалсэ въ платьицё военно, богатырськое,
Выходилъ-то онъ на широкой дворъ,
Онъ скоро, лекко скакалъ на добра коня;
А поѣхалъ онъ изъ города не воротами,
Не воротами да не широкима,
А скакалъ-то черезъ стѣну городовую,
Черезъ высоку башню наугольную.
Онъ вѣдь ѣдётъ по чисту полю
Да стегатъ онъ свого кóня, лошадь добрую.
Какъ по утру-ту, утру было ранному,
По восходу было соньця красного,
Онъ наѣхалъ бѣлъ шатёръ полóтьняной,
А въ которомъ-то шатри спитъ Иванушка съ Овдотьюшкой.

Подъѣзжаетъ онъ да ко бѣлу шатру,
А кричалъ онъ, зычалъ да зычнымъ голосомъ.
Мать-сыра земля да потрясаласс;
Полога-то полы розмахнулисе;
Ото сна вѣдь то Иванушка пробуждатьсе;
Выходилъ-то онъ да изъ бѣлà шатра,
Ай умывалсэ онъ свѣжой-то водой ключёвою,

---

[1]) Конечно, посланный короля. *Собир.*

Утиралсэ онъ да бѣлымъ полотёнышкомъ,
Да молилсэ онъ да Спасу-ту пречистому,
А какъ матери жо Божей, Богородици;
Какъ онъ помолилсэ Господу-Богу жа,
А одѣлсэ онъ въ платьё военно богатырськое.
Розьѣзжалисе богáтыри да по чисту́ полю,
А сьѣзжалисе богатыри всё въ одно мѣсто;
Ай ударились они паличи-тѣ тежёлыма;
Ише мать-сыра земля да потрясаласе,
А какъ сы́ро ду́бье пошаталосе;
Они другъ дружки не ранили,
А какъ не́ дали на собя раны кровавыя;
А дакъ у нихъ паличи да пошорбалисе [1]).
Розьѣзжалисе богатыри во второй наконъ,
Ай ударились они да сабли вострыма;
Не по Божьей то было милости,
Не по Ивановой то было учести:
Ай усѣкъ-то Вахрамѣишшо праву́ руку.
А поѣхалъ-то онъ [2]) да ко бѣлу́ шатру.
„Ужъ ты гой еси, Овдотья-душа бѣлая!
Ужъ ты выйди поскору́ да изъ бѣла́ шатра,
Завежи ты у меня платочкомъ праву́ руку:
А посѣкъ-то у мня поганое царишшо Вахрамѣишшо“.
Тому Овдотьюшка не ослышилась,
Завезала ему праву́ руку.
А поѣхалъ Иванъ да во чисто́ поле;
Ай ударились они да копьеми вострыма,
А вострыма-ти копьеми ворзамецкима;
Они другъ дружки не ранили,
А какъ не́ дали на собя раны кровавыя;
По ру́ку у ихъ копьица свернулисе.
Да соско́чили они да со добры́хъ коней,
А схватилисе они да схваточку боротисе;
Ай да они борютьсе съ утра до вечера;
По колѣнъ въ сыру землю́ втопталисе.
Какъ по Божьей то было по милости,
По Иванушкову то было учести:
Порвалосе у него да платьё цвѣтное,

---

[1]) Пощербались, т. е. зазубрились; это выраженіе должно было бы относиться къ саблямъ. *Собир.*

[2]) Иванъ. *Собир.*

А здала [1]) у царишша всё права́ рука,
Подвернулась у его да всё лѣва́ нога;
А бросалъ-то Иванушко царишша на сыру землю,
А садилсэ-то царишшу Вахрамѣишшу да на бѣлы́ груди,
Да хватилсэ онъ остра ножа булатного,—
А забылъ-то онъ въ шатри да свой булатенъ ножъ.
А скричалъ онъ ей Овдотьюшки громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Овдотья-лебедь бѣлая!
Обнеси-тко скорѣя изъ шатру мой булатенъ ножъ“.
А какъ тутъ Овдотьюшка да не ослышилась:
Принесётъ-то ему булатенъ ножъ.
Говоритъ тутъ царишшо Вахрамѣишшо да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Овдотья, бѣла лебедь жа!
Не давай-ко-се Иванушку ножа булатного,
А что́ было мъ не спороть моихъ грудей-то бѣлыя,
А не дбсмотритъ ёнъ сердьця богатырського.
А ты не ходи-тко за Иванушка въ замужесьво:
У Иванушка вѣдь своёго дому нѣтъ,
А живётъ онъ во двори у князя у Владимера;
А ты будёшь жа у князя всё кухаркою,
Составлеть на князя со княгиной кушаньё,
А да будёшь всё на князя со княгиной шити цьвѣтно платьицё.
А какъ ты за меня замужъ пойдёшь,
Ужъ ты будёшь у меня-то жить царицёю;
Теѣ князи мои, бояра будутъ поклонятисе,
А какъ вси будутъ поганыя татаровя,
Будутъ кланятьсе до единого,
Называть будутъ цяриця́ю“.
Ай какъ сказано—у бабы волосы долги, умъ короткой жа:
А стяпула Иванушка за русы кудри́ всё съ грудей поганыя;
А какъ ско́чилъ тутъ царишшо на рѣзвы́ ноги,
Сѣлъ-то Иванушки на бѣлы́ груди,
А онъ хочетъ спороть ему бѣлы́ груди,
А онъ хочётъ досмотрить всё ретива́ сердьця.
Говорила Овдотьюшка-бѣла́ лебедь:
„Не кровени-тко ты своихъ рукъ бѣлыя,
Не смотри сего ретива́ сердьця;
Ты опутай ёго во пу́тины шёлко́выя,
Привежи его къ сырымъ дубамъ во тёмну ночь“.

---

[1]) Т. е. подалась? *Собир.*

Онъ опуталъ его въ пу́тины шелковыя,
Привезалъ къ дубамъ его на тёмну ночь.
А какъ сами они пошли да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру, дошли они во бѣлъ шатёръ,
А во бѣлъ шатёръ зашли, они спать легли.
Какъ было́ по утру-ту, да утру ранному,
По восходу-ту было́ да соньця красного,
Прилетѣло два-то сизыхъ голуба,
А не два-то сизыхъ голуба прилетѣло, два-то ангела:
А послалъ Господь берегчи Иванушка Годенова.
А какъ начели голубы они воркувать по-голубиному;
А отъ сна Овдотьюшка да пробуждалась;
Выходила-то она да изъ бѣла́ шатра,
Она смо́трила на тихъ-то сизыхъ го́лубовъ,
Она слушала да то воркованьицё,
А да какъ вѣдь зашла она во бѣлъ шатёръ:
„Ужъ ты гой еси, сильнё царишшо Вахрамѣишшо!
Ты ставай-ко, выходи-тко изъ бѣла шатра:
Прилетѣло богатыри (?) два-то голуба;
А сострѣль ты мнѣ-ка этихъ сизыхъ голубовъ;
Захотѣлось шьто-то мнѣ этой голубятины".
А какъ тутъ царишшо не ослышилсэ;
А не мылъ-то своёго личя поганого,
А не кстилъ-то онъ своего личя че́рного [1]),
А какъ бралъ-то свой розрывчатъ лукъ,
А натегивалъ тетивочку шелко́вую,
А накладывалъ онъ стрѣлочку кале́ную,
Онъ накладывалъ, ко стрѣлки приговаривалъ:
„А лети моя стрѣла во чисто́ поле,
А не падай на воду, не на́ землю, не въ сы́рой дубъ;
Ты пади-ко стрѣла въ двухъ сизыхъ голубовъ".
Полетѣла стрѣлочка не на́ воду, не на́ землю,
Она падала стрѣла да всё во сы́рой дубъ,
Отъ дуба царишшу въ черны́ груди поганыя,
Вѣдь она жо да во са́мо ретиво́ серьчё;
А какъ падалъ онъ царишшо на сыру землю,
А какъ тутъ царишшу Вахрамѣишшу вѣдь смерть пришла.
Тутъ Овдотьюшка заплакала:
„О́хти, мнѣ тошнёшенько!

---

[1]) Эти эпитеты, очевидно, переставлены пѣвцомъ. *Собир.*

Отъ одного бе́режка откачнуласе,
Ко другому бе́режку не прикачнуласе".
А брала-то она саблю вострую,
А пошла-то она ко сырымъ дубамъ;
Ишё хочётъ Иванушку отсѣкци буйну голову.
Отвели ти ангелы востру сабельку
Отъ Ивановой буйно́й головы;
Тюкнула она во пу́тины шелко́выя,
Отсѣкла Иванушка отъ сырыхъ дубовъ;
Ско́чилъ Иванушка на рѣзвы́ ноги,
Пошолъ-то онъ ко бѣлу́ шатру,
Ко бѣлу шатру да ко добру́ коню;
Убиралъ-то Иванушка бѣлъ шатёръ свой поло́тьняной;
Онъ скоро скакалъ на добра коня,
Садилъ-то Овдотьюшку да позади собя,
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіёву.
Какъ доѣхалъ онъ до рѣчиньки Смородинки,
Захотѣлосе ему напитисе свѣжо́й воды.
„Ты сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
А соймн-тко-се съ право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерьпни-тко мнѣ-ка свѣжо́й воды напитисе;
Этко, право, пить мнѣ да захотѣлосе!"
— Не воды-то хочёшь пить, да хочёшь мою кровь пролить.—

Говорилъ-то Иванъ во второй наконъ:
„Ай сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
А соймн-тко-се съ право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерьпни-тко мнѣ-ка свѣжой воды напитисе:
Этко, право, пить мнѣ да захотѣлосе!"
Говоритъ она да таковы рѣчи:
— Ты не пить хочёшь, мою вѣдь кровь пролить.—
Не послушала Иванушка да во второй наконъ.
Говорилъ-то Иванъ во-въ третье́й наконъ:
„Ты сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
А соймн-тко у меня съ право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерьпни-тко ты мнѣ-ка свѣжо́й воды ключёвою.
Не послушала Иванушка да во-въ третье́й наконъ.
— Не воды-то хочёшь пить, да хочёшь мою кровь пролить.—

Розьерилось у Иванушка да ретиво́ сердьцё,
Соскочилъ онъ скоро со добра́ коня,
А какъ сде́рьгивалъ Овдотью со добра коня,

Какъ бросалъ Овдотью на сыру землю;
Да отсѣкъ онъ Овдотьюшки праву̀ руку:
„А мнѣ эта твоя рученька непадобно:
Обнимала она поганого царишша Вахрамѣишша“.
Ай отсѣкъ онъ Овдотьюшки лѣву̀ ногу.
„Эта ножечька мнѣ ненадобно:
Оплетала она поганого царишша Вахрамѣишша“.
Ай вдосталь у ей отрѣзалъ бѣлы́ груди.
„Ише эти титочьки мнѣ ненадобно:
А какъ шшупало поганое царишшо Вахрамѣишшо“.
А какъ скидывалъ со правóй ноги сафьянъ сапогъ,
Напилсэ онъ изъ рѣчиньки свѣжóй воды;
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ай ко ласкову ко князю Владимеру.
Пріѣзжаётъ онъ къ Владимеру да на широкой дворъ;
А стрѣчалъ его Олёшенька, попоськой сынъ:
„Ты здорóво, ты Иванушко, женилсэ всё, да тобѣ не съ кимъ спать!“
Отвѣчаётъ ему Иванушко Годеновичъ:
— Ужъ ты гой еси, ты братъ крестовыя!
А женилась у меня да сабля вострая,
Обвѣнчаласе она у рѣчиньки Смородинки:
Тутъ я сходилъ (sic) Овдотьюшки буйну голову.—

79.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира.

Изъ-за моря-то, моря, братцы, синего,
А изъ-за́ синего моря изъ-за Ка́рьского,
Изъ-за Карьского моря, Аранського
А приходило три чернёныхъ три-то ка́рабля,
А (въ) тихъ-то карабляхъ пришло поганое Идóлишшо
Какъ ко ласковому князю ко Владимеру.
Онъ пришолъ вѣдь къ ёму сватомъ свататьсе
На любимыё всё ёго племяньници
Какъ на душочки всё Мароы Дмитрёвны.
Говорилъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, мои да три тотарина,
Ужъ вы мла́дые мои всё карабельщички!
Вы подите-ко ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову-ту князю ко Владимеру;

А какъ сватайтесь на ёго любимой на племяньницы,
Шьтобы съ чести онъ отдалъ за меня, съ радости,
А безъ драки вѣдь да кроволитныя.
А роскажите про меня, про Идолишша:
А какъ руки мои по трёхъ сажóнъ,
А какъ тулово моё какъ сильной бугоръ,
Голова моя да какъ пивной котёлъ,
Глаза-ти у меня да какъ пивны́ чаши.
А какъ прúдите ко князю ко Владимеру,
А да станете вы да свататьсе,
А какъ будётъ просить сроку на три годика,—
Не давайте-ко да сроку на три годика;
А какъ будётъ просить да на три мѣсеця,
Не давайте сроку на три мѣсеця;
Будётъ просить да на два мѣсеця—
Не давайте ёму сроку на два мѣсеця;
А какъ станётъ просить на три недѣлёчьки,
Не давайте ёму на три недѣлёчьки;
А какъ станётъ просить на три суточки,—
А безсрочнёго времéни на свѣти нѣтъ".
А приходятъ три-то карабельшичка ко князю ко Владимеру
да въ свѣтлы свѣ́тлици,
А не кстятъ они лиця поганого,
Не молятсэ да чуднымъ óбразомъ,
Какъ бьютъ они челомъ князю Владимеру,
А князьямъ, боярамъ не бьютъ челомъ, не кланятсэ:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ стольне-кіеськой!"
— Ужъ вы здрастуйте, дородьни добры молодци,
А да три-то мла́дыхъ васъ да карабельшичковъ!
А вѣдь разѣ пришли вы торговать товарами да розноличными?—
Вы торгуйте у мня безданно и безпошлино.—
Говорятъ тутъ три тотарина:
„Не товарами пошли торговать да розноличнима,
Мы пришли къ тобѣ да сватомъ (sic!) свататьсе
На твоею на любимой на племяннице
За того жо за поганого Идолишша.
Ты отдай за ёго да съ чести, съ радости,
А безъ драки отдай да кроволитныя;
А ты съ чести не отдашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Руки, ноги у Идолишша по трёхъ сажонъ,
А какъ тулово ёго какъ сильнóй бугоръ,

Голова ёго да какъ пивной котёлъ".
— Ужъ вы гой еси, мла́ды три да карабельшички!
Ужъ вы дайте мнѣ-ка сроку на три годика подумати.—
„Не даймъ-то мы тѣ сроку на три годика,
Не даймъ-то мы тѣ сро́ку на два годика,
Не даимъ тебѣ строку на единой годъ,
Не даимъ тебѣ строку и на три мѣсеця,
Не даимъ тебѣ строку на три недѣлёчки".
— Ахъ отдайте мнѣ-ка строку на три суточки!—
Говорятъ тутъ три тотарина, да три му́рина [1]):
„А безсрочьнёго, братцы, времени на свѣти нѣтъ".
А давали князю сроку на три суточки.
А да какъ пошли они на че́рны ка́рабли,
Да приходятъ они на че́рны ка́рабли.
Говоритъ поганоё Идолишшо:
„Ужъ вы гой еси, мои млады́ да карабельшички!
А я дамъ ему-то строку на три мѣсеця".
А во ту пору, во то время
Собиралъ-то Владимеръ-князь почесенъ пиръ
А на кнезей своихъ, на бо́яръ жа;
А какъ вси на пиру сидятъ, пьютъ, ѣдятъ да проклажаютьсе.
Говорилъ-то Владимеръ таковы рѣчи:
„Какъ вѣдь вси да князя, бо́яра!
А пришло ко мнѣ-ка свататьсе поганоё Идо́лишшо
На любимой-то моей племенници
Какъ па душичьки на Мароы всё да Дмитревны.
Заступите-ко за ей, за мою племенницю".
А какъ говорили князи, бо́яра:
— Мы не будёмъ губить пароду православнёго
За твою-ту ро́дную племянницю,
А не будёмъ проливать крови понапрасному.—
Какъ пошолъ-то Владимеръ-князь да со чесна́ пиру,
А повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ;
Онъ пошолъ прямо къ Мароы Дмитревны въ свѣтлу свѣтлицю.
А какъ уви́дала Мароа Митревна,
Какъ идётъ се́-то дядюшка не постарому, да не попрежному,

---

[1]) Татара, мура—арапа. *Крюковъ.* Такъ называются въ памятникахъ древней письменности эѳіопяне. *Срезневскій,* Матеріалы для словаря др.-р. яз. s. v. Муре—не что иное, какъ мавры, Mauri. *Собир.*

Не попрежному да не подосе́льнёму,—
А да какъ спрошала Мароа Дмитревна:
„Ише шьто же ты, дедюшка Владимеръ-князь,
А придёшь [1]) ты ко мнѣ не постарому, не попрежному:
Ты повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ?“
— Ужъ ты гой еси, моя родна, любимая племянница!
А какъ подошло туто поганоё Идолишшо,
А какъ сватайтсе на тобѣ, всё на Мароы Дмитревны,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
Ише съ чести не отдамъ, дакъ „мы бо́емъ возьмёмъ“.
Какъ ёго-то руки, ноги по трёхъ сажонъ,
А вѣдь тулово какъ сильно́й бугоръ,
Голова ёго да какъ пивной котёлъ,
Очи ясны у ёго да какъ пивны́ чаши,
А какъ посъ его какъ палка дровокольная.—
Говоритъ тутъ Мароа Дмитревна:
„Ужъ ты гой еси, дедюшка мой родимыя!
Не губи народу попапрасному,
А не проливай крови горечею,
А отда́вай меня да съ чести, съ радости,
Безъ драки отдай да кроволи́тныя.
А тольке дай придано́—три черныхъ три ка́рабля:
А перьвой-отъ ка́рабе́ль грузи ты зелены́мъ вином,
А второй-отъ ка́рапь нагрузи да пивомъ хмѣльнымъ жа,
А третей-отъ ка́рапь нагрузи да мёдомъ сладкимъ жо;
Провожатыхъ дай моихъ братьевъ крестовыхъ, всё назва́ных жа:
А перьво́го-то брата дай Добрынюшку Микитьиця,
А второго-то брата дай Михайлушка Игнатьёва,
А третьёго брата Олёшеньку Поповичя“.
А какъ даватъ ей князь три чёрныхъ ка́рабля,
Нагружатъ напитками розноличьнима.
Повелась у князя тутъ вѣдь свадьба жа.
Посылали звать Добрынюшку съ Михайлушкомъ душей-то красныхъ дѣвице́й;
А пошли они-то звать къ Мароы Дмитревны на дѣвью плач(ц)ъ.
Они ходятъ, зовутъ да красныхъ дѣвице́й;
А зовутъ они молодыхъ-то вдовъ,
А зовутъ-то они жонъ вѣдь мужнія:

---

[1]) Вмѣсто „гредёшь“? *Собир.*

„Ужъ вы милости просимъ, души красны дѣвици,
Къ Марѳы Дмитревны на дѣвью плачь!
Васъ зазвала-то Марѳа Дмитревна на дѣвью плачь“.
А какъ тутъ скоро збирались красны дѣвици,
А какъ бѣлыя лебёдушки на заводи слесталисе.
А какъ не бѣла́, тутъ на заводи бѣла́ лебедь воскы́кала,
А какъ сле́зно Марѳа Дмитревна восплакала;
Тутъ заплакали да сле́зно красны дѣвици,
А да тутъ пушше заплакали по ей молоды вдовы,
Ишше пушше тутъ заплачутъ жоны мужнія.
А да какъ отплакали тутъ да красны дѣвици,
А пошла у Владимера свадьба навёсели.
Какъ пришолъ-то тутъ поганоё Идо́лишшо,
А садилсэ онъ за столы да бѣлоду́бовы,
За питья, за ѣсвы саха́рныя.
А какъ ѣстъ онъ, тотарипъ, позвѣриному,
А какъ пьётъ-то онъ да поскотиному.
А какъ пили, ѣли, напивалисе;
А пошли они, повели Марѳушку на че́рны ка̀рабли.
А какъ провожаютъ ей народъ да православныя,
Провожаютъ ей да сле́зно плачутсэ.
А какъ приходила Марѳушка на свой чернёнъ карабь,
А заходитъ она въ каюту карабельную;
А при ёю тутъ Добрынюшка Микитичъ младъ.
Потянула по́вѣтерь тиха́ способная,
А пошли тутъ карабли да во синё морё,
Во синё морё да во своё село.
А какъ Руськая земля да потаплясе,
Какъ погапая земля да замѣнилясе.
А какъ по Божьей-то было́ по милости,
По Марѳушкиной было учести:
А какъ пала тутъ вѣдь ти́ха ти́шина;
Не несётъ-то некуда да че́рныхъ ка́раблей.
А какъ выходила изъ каюты всё вѣдь Марѳа Дмитревна на палубу,
А сама она вѣдь говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, да братъ крестовыя!
Постарайсе-ко ты изо́ всихъ жа,
Подорожи моей да буйной го́лово́й;
А кричи поганому Идолишшу во всю голову,
А штобы онъ стянулсэ всѣ́ма карабли да во едно мѣсто,
Ужъ вы пойте-ко тотарове’ всихъ до́пьяна,

А я сама пойду поить поганого Идолишша“.
„Ужъ ты гой еси, поганоё Идолишшо!
А зовётъ тибя Марѳа-та Дмитревна стегатисе да черпыма карабли:
Она хочетъ сдѣлать пиръ на радости,
Шьто своя земля да потанласе,
А какъ ваша земля да сремѣнилась“.
Какъ услыхалъ тутъ поганоё Идолишшо,
А весьма онъ сдѣлалъ весьма радостёнъ;
Приказалъ онъ во едно мѣсто свезатисе.
Повела-ли тутъ Марѳа Митревна поганого Идолишша въ свою каюту карабельнюю,
А садила ёго на стулъ на ременчатъ жа,
А садила за ти ѣсвы за сахáрныя;
Она стала наливать-то чары зелена́ вина,
А какъ стала наливать да чары пива хмѣльнёго,
На закуску, на запивку мёду сладкого.
А какъ начялъ тутъ Идолишшо пить, ѣсть да безъ опасности;
А онъ пьётъ-то вино до́суха;
Запиватъ да пивомъ хмѣльнiимъ,
Закусыватъ да мёдомъ сладкiимъ
Вдосталí зашаталасе ёго да буйна го́лова;
А валила ёго да на кроваточьку тисовую,
На мекку́ перину на пуховую.
Захватилъ-то онъ Марѳу въ охапочку;
А какъ за́спалъ онъ сномъ да богатырськiямъ,
А со сна на сй накинулъ руку правую,
А накинулъ на сй да ногу правую.
А да чуть подъ имъ жива лежитъ, душа въ тѣли полу́днуётъ.
Закрычала она громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, ты братъ мой крестовыя!
А сойми съ миня руку Идолишша,
А скинь съ миня ногу поганого“.
Прибѣжалъ Добрынюшка въ каюту карабельнюю;
А какъ смётыватъ съ ей праву́ руку,
А какъ скидыватъ онъ съ сй всё лѣву́ ногу.
Какъ соскакивала Марѳа съ кроваточки,
А выскакивала она на палубу-ту карабельнюю.
Какъ хватилъ Добрыня вострy саблю жо,

А отсѣкъ Идолищшу да буйну голову;
Заскакало тутъ поганоё Идолищшо;
А какъ опъ присѣкъ ёго вѣдь намелко,
А сметали ёго да во синё́ морё;
Какъ рубили тотаровей да до единого.
Потянула имъ-то по́вѣтерь да всё способная—
А да какъ ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю-ту ко Владимеру.
Какъ приходять они въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Услыхалъ тутъ всё Владимеръ-князь да со княгиною;
Какъ стрѣчели со всего города со Кіева,
А какъ собиралисе паро'да православныя.
Тутъ пошолъ у князя пиръ навёсели, на радости.

80.

Князь Глѣбъ Володьевичъ.

А какъ падала погодушка да со синя́ моря,
А со си́ня морюшка съ Корсу́ньского
А со дожжами-ти, съ туманами.
А въ ту-ту погоду въ синёмо́рськую
Заносила тутъ неволя три чернёныхъ три-то ка́рабля.
Шьто подъ тотъ подъ славёнъ городокъ подъ Ко́рсунь жа,
А во ту-то всё во гавань всё въ Корсу́ньськую.
А во томъ-то городи во Ко́рсуни
Не цяря-то не было, не цяревичя,
А не короля-то не было и не королевичя,
Какъ не князя не было и не княже́вичя;
Тутъ жила была Маринка дочь Колда́ёвна,
Она бледь, еретиця была, безбожьниця.
Они какъ вѣдь въ гавани заходили, брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочьки садились, брала пошлину,
А къ мосту проставали—мостову́ брала,
А какъ по́ мосту шли, да мостову́ брала,
Какъ въ таможню заходили, не протамо́жила [1]);
Набирала она дани-пошлины немножко, немало—сорокъ тысечей.

[1]) Не прописала.

А да взяла она трои́ рука́вочки;
Что да ти трои́ рукавочки, трои́ перчаточки;
А какъ эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
А вышива́ны-ти были краснымъ золотомъ,
А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
А какъ всажено было́ каменьё самоцьвѣтноё;
А какъ перьвы-ти перчятки во петьсотъ рублей,
А други-ти перчятки въ ц́ѣлу тысечю,
А какъ третьимъ перчяткамъ ц́ѣны не́ было.
Везяны́ ети перчятки ' подареньицё
А тому жо вѣдь князю всё Воло́дьёму.
Отбирала ети че́рны карабли она на́чисто,
Розгони́ла она трёхъ младыхъ карабельщичковъ
А какъ съ тихъ съ чёрныхъ съ трёхъ-то ка́раблей,
Она ставила своихъ да крѣпкихъ сто́рожовъ.
А какъ ка́рабе́льщички ходятъ по городу по Ко́рсуню,
Они думаютъ-то думушку за единую,
За едину-ту думу промежду́ собой.
А да што купили они чернилъ, бумагъ,
А писали они да ёрлыки-ти скорописчяты
Шьто тому жо князю Глѣбову Воло́дьёму:
„Ужъ ты гой, ты князь да Глѣбъ ты сынъ Воло́дьёвичъ!
Ужъ какъ падала погодушка со синя́ моря;
Заметало насъ подъ тотъ жо городокъ подъ Ко́рсынь жа.
А во томъ жо было городи во Ко́рсыни
Не цяря не было, не цяревичя,
Не короля-то не было и не королевичя,
А не князя не было́ и не кнежевичя;
Какъ кнежила Маринка дочь Кайда́ловна;
Она бледь, еретиця была безбожьниця.
А мы какъ вѣдь въ гавань заходили, брала съ насъ вѣдь пошлины,
А вѣдь какъ паруса ронили, брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
Ужъ мы въ шлюпочки садились—брала съ насъ вѣдь пошлину,
А какъ къ пло́ту приставали, плотово́ брала,
А вѣдь какъ по мо́сту шли, дакъ мостово́ брала,
А въ таможню заходили—не протамо́жила;
Да взяла она дани-пошлины сорокъ тысечей,
А взяла у насъ трои перчяточки—

Везёны́ были́ тебѣ, да князю, въ подарень̀цё:
А какъ перьвы-ти перчятки во петьсотъ рублей,
А вторы-ти перчятки въ ц́ѣлу тысечю,
А третьи́мъ перчяткамъ ц́ѣны не́ было“.
Они скоро писали, запечятали,
Отослали князю Глѣбову Волóдьёву.
А тутъ скоро пришли ёрлыки къ ёму,
Онъ ихъ скоро роспецятывалъ, просматривалъ.
Какъ его жо серьдьцо было неуступчиво;
Розьёрилось ёго серьцо богатырськоё.
А онъ скоро бралъ свою-то золоту трубу розрывчяту,
Выходилъ-то скоро на красно́ крыльчё косисчято,
Онъ крычялъ-то, зычялъ зычнимъ голосомъ,
Зычнимъ голосомъ да во всю голову:
„Ужъ вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
Ужъ вы скоро вы сѣдлайте, уздайте добры́хъ коней,
Ужъ вы скоро, лёкко скачите на добрыхъ коней,
Выѣзжайте вы скоро́ да на чисто́ полё“.
А какъ услыхала ёго дружья́-братья́-товарышши,
Они скоро-то добры́хъ коней да собирали жо,
Высѣдла́ли, уздали ’ни добры́хъ коней,
Да скоро садились на добрыхъ коней,
А изъ города поѣхали не воротами,
Не воротами-то ѣхали, не широкима,
А скакали черезъ стѣну городо́вую.
Выѣжжала-се дружина на чисто́ полё,
А какъ съѣхалось дружины тридцеть тысечей.
Выѣжжалъ-то князь Глѣбъ-сударь Волóдьёвичъ
Со своей дружиночками хоробрыма;
Прибиралъ онъ дружью́-ту, дружины всё хоробрыя,
Шьтобы были всё да одного росту,
А да голосъ къ голосу да волосъ къ волосу;
А исъ тридцеть тысечь тольке выбралъ триста добрыхъ
мо́лодцовъ,
Ихъ-то голосъ къ голосу да волосъ къ волосу:
„Ужъ вы поѣдемте, дружина моя хоробрая,
А ко тому-ту славну городу ко Ко́рсыню,
А ко той жо ти Марины дочери Кайдаловны,
А ко той Маринки, еретици, бледи, всё безбожьници“.
А какъ садились они скоро на добры́хъ коней,
А поѣхали они путёмъ-дорогою.
Какъ доѣхали они до города до Ко́рсыня,

Становилъ-то Глѣбъ своёго добра́ коня:
„Ужъ вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Сходите вы скоро́ вѣдь со добрыхъ коней,
Становите вы шатры поло́тьняны,
А да спите-тко, лёжите во бѣлыхъ шатрахъ,
А дёржите караулы крѣпкія и строгія;
Ужъ вы слушайте—неровно́-то зазвенитъ да моя сабля,
Заскрипятъ да мои плечи богатырскія,—
Поѣзжайте-тко ко городу ко Корсыню,
А скачите вы черезъ стѣну городо́вую,
Ужъ вы бейте-ко по городу старого и малого,
Не единого не оставлейте вы на сѣ́мёна.
Я какъ поѣду топерече ко городу ко Корсыню,
Къ той Маринки дочери Кайдаловны".
Подъѣжжаётъ Глѣбъ подъ стѣну-ту
Да подъ ту жа башню наугольнюю;
Закричалъ-то онъ да зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачѣмъ ты обрала́ у мня да чёрны ка́рабли,
Ты зачѣмъ жа у мня згонйла съ караблёй моихъ трёхъ-то
карабельшиковъ,
А нашьто поставила да своихъ караульшиковъ?"
Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;
Скоро ей сѣдлали, уздали всё добра́ коня;
Выѣзжала она на ту же стѣну городовую:
„Здрастуй-ко, Глѣбъ ты князь да сынъ Воло́дьёвичъ!"
— Ужъ ты здрастуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачѣмъ ты у мня взяла мои-то три-то ка́рабля,
А згонйла моихъ трёхъ-то карабельшичковъ со ка́раблей?—
„Ужъ ты гой еси, ты князь да сынъ Володьёвичъ!
Я отдамъ тебѣ три чернёныхъ три-то ка́рабля;
А да только отгони-тко три мои загадки хитромудрыя,—
Я отдамъ тобѣ-то три чернёныхъ ка́рабли".
— Только загадывай ты загадки хитромудрыя;
А какъ буду я твои загадочки отгадывать.—
„А какъ перьва-та у мня загадка хитромудрая:
Ише шьто же въ лѣтѣ бѣло, да въ зимы зе́лено?"
Говоритъ-то Глѣбъ да таковы рѣчи:
— Не хитра твоя мудра́ загадка хитромудрая,
А твоей глупѣ́ загадки на свѣти нѣтъ:
А какъ въ лѣти-то бѣло́—Господь хлѣбъ даётъ,
А въ зимы́-то зелено́ да тутъ вѣдь ель цьвѣтётъ.—

„А загону тебѣ втору загадку хитромудрую:
А да шьто безъ кореньица ростётъ да безъ лыжъ катитьце?“
— Безъ кореньица ростутъ бѣлы́ снѣги,
А безъ лыжъ-то катятьце быстры́ ручьи.—
„Загану тебѣ третью́ загадку хитромудрую:
А какъ есть у васъ да въ камянно́й Москвы,
Въ камянно́й Москвы да есть мясна гора;
А на той на мясной горы да кипарисъ ростётъ,
А на той париси-дереви соко́лъ сидитъ“.
— Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Нехитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупѣ на свѣти нѣтъ:
Какъ мясна-та гора—да мой вѣдь доброй конь,
Кипарисо дерево—моё сѣдёлышко,
А ка со́ловёй сидитъ, то—я уда́лой доброй молодець.—
„Я топерече отсыплю отъ воротъ да пески, камешки,
А сама-то я, красна́ дѣви́ця, за тобя замужъ иду“.
Какъ поѣхала Маринка съ той стѣны да бѣлокамянной,
Пріѣжжала къ собѣ да на широкой дворъ,
Наливала чару зелена́ вина да въ полтора ведра,
А да насыпала въ чару зелья лютого,
Выѣзжала на ту жо стѣну городо́вую,
Подавала Глѣбушку она чару зелена вина:
„Ужъ ты на-тко на пріѣздъ-отъ чару зелена вина!“
А какъ приниманьсе-то Глѣбъ да едино́й рукой,
Ише хочётъ онъ пить да зелена вина;
А поткнулсэ ёго конь на ножочку на правую,
А сплескалъ-то чару зелена вина
А да за́ тою да гриву лошадиную.
Загорѣлась у добра́ коня да грива лошадиная.
А какъ ту да Глѣбъ испугалсэ жа,
А бросалъ-то чяру на сыру землю;
Ише какъ тутъ мать сыра земля да загорѣласе.
А какъ розьерилось ёго серьцо богатырьскоё,
А стегалъ онъ добра́ коня да по крутымъ бёдрамъ;
Какъ поскочитъ ёго конь во всю-ту прыть да лошадиную,
А какъ скакалъ съ прыти ёго доброй конь да черезъ стѣну го-
А сустигъ-то [1]) ей Маринку се́реди двора, [родо́вую,
А отсѣкъ тутъ ей Маринки буйну голову;
А какъ тутъ Маринки и смерть пришла,
Смерть пришла ей да середи двора.

[1]) Князь. *Собир.*

81.

Камское побоище [1]).

А къ чему жо, братцы, пріуныла луна небесная,
А помолкло-то сончё красноё?
А подымаласе туто Литва поганая,
Какъ подымалосе поганое Идо́лишшо
А на тотъ жо на Кіевъ-градъ,
А на ласкова-то князя па Владимера.
Собиралъ-то онъ силы соро́къ царей,
А да со́рокъ царей, сорокъ царевичей,
А да сорокъ-то королей со королевичей,
А какъ сорокъ-то атамановъ, сорокъ атаманьшичковъ;
Подъ каждымъ-то было царёмъ силы сорокъ тысячъ,
Подъ каждымъ было царевичемъ силы по сороку́ тысячъ,
Подъ каждымъ королёмъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ королевичемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ-то атаманомъ, подъ атаманьшичкомъ силы было по сороку тысячъ;
Подъ самимъ-то Идолишшемъ—числа-смѣты не было.
А какъ учулъ-то тутъ да князь Владимеръ-жа,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь,
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитичь младъ!
Ты берп-тко скоро чернилъ, бумагъ;
Ты пиши-тко ярлыки да скорописчаты,
А да ты пиши-тко всихъ руськихъ могучихъ всё бога́тырей
А ко мнѣ, ко князю, всё да на почёсёнъ пиръ,
Пиши-ко ко мнѣ па Камськоё побопшшо.
А садись-ко-се, Добрыня, на ременчатъ стулъ,
А пиши-то ёрлыки да скоропищяты:
У тебя рука лёкка́, и перо востро.
А какъ перьву-ту голову пиши Самсона сына Колубаёва,
А другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова,
Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
Святогора-то пиши да со племянникомъ,
А Ремяпика пиши да со племянникомъ,
Пересмёту ты пиши да со племянникомъ,
Перемяку пиши да со племянникомъ,

---

[1]) Напечатано съ моей замѣткой въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера“, подъ ред. Янчука, стр. 150—162. *Собир.*

А да Ро́шшу, Рошшу-Рошшиби колпакъ да со племянникомъ,
А пиши-тко двухъ-то брателковъ Петровичёвъ,
А двухъ брателковъ пиши-тко ты Сбродо́вичей,
Пиши-тко-се Иванушка сына Годенова,
Пиши-ко-се Гаврила Долгополого:
Онъ силой-то силёнъ, только полы́ долгиї;
А пиши-тко-се По́тыка́ сына Иванова,
А пиши-тко-се Олёшенька Поповича:
Онъ хошь силой-то не си́лёнъ, дакъ напу́скомъ смѣлъ".
А какъ написали вси ёрлыки да скорописцяты,
Они скоро-то писали, запецятали.
А какъ го̀ворилъ-то тутъ самъ Владимеръ-князь:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Игнатьевичъ!
А да какъ-то есть у тя, Михайлушко, ко́ничёкъ малёшенёкъ,
А малёшенёкъ твой ко́ничёкъ Голубанушко, удалёшенёкъ;
Въ трои сутки ты объѣзьдей по святой Руси,
Облови-тко ты всихъ руськихъ могучихъ бога́тырей,
А не забывай ты ихъ ни единого".
А какъ бралъ-то Михайло ёрлыки да скорописцяты
А какъ въ сумочьку-то, въ котомочьку,
А какъ молитьсе онъ Спасу-то пречистому,
Поклоняитьсе-то матери-то Божьей Богородици,
А прошшаитьце-то съ княземъ со Владимеромъ,
А прошшаитьце-то съ княземъ да во рученьку во правую,
Со всима́-то руськима бога́тыри.
А онъ скоро пошолъ да на́ свой на широкой дворъ,
Какъ сѣдлалъ-то онъ, уздалъ скоро добра́ коня;
А какъ падалъ родной-то матушки да во рѣзвы́ ноги,
А просилъ онъ бласловленья ѣхать на святую Русь.
А давала-то ёму всё ро́дна матушка да бласловленьицё,
А какъ та жа Омельфа Тимооеёвна,
А какъ на́вѣки давала перушимоё
А какъ съизьдить на святую Русь.
Выходилъ онъ, молилсэ-то Спасу Пречистому,
Поклонялса-то матери Божьей Богородици,
Што прошшалса онъ съ своей да ро́дной матушкой,
Выходилъ-то онъ да на широкой дворъ,
А онъ скоро, лёкко скакалъ на добра́ коня,
А да какъ стёгалъ-то коня по крутымъ бёдра̀мъ,
А добру́ коню да приговаривалъ:
„Ты бѣжи-тко, мой конь, скоро, какъ стрѣла калёпая,

А бѣжи-тко скоро по чисту́ полю“.
Какъ не видѣли его поѣздки богатырскія:
Онъ изъ города поѣхалъ не воротами не широкима,
А скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
А да черезъ ту же башню на́угольнюю;
А какъ тольке видѣли: во чисто́мъ поли́ да куревá стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке столбъ столбитъ.
Онъ поѣхалъ скоро къ Самсону Колубаёву подъ окошочко косисцято,
А крычалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Самсонъ да Колыбаевъ жа!
А какъ былъ челомъ тебѣ да низко кланялсэ
А какъ нашъ жо Владимеръ-князь да стольне-кіевской,
А какъ звалъ-то онъ тебя да на почéсёнъ пиръ“.
А да подавалъ-то онъ изъ сумочьки ёрлыкъ да скоропи-сцятой;
Принималъ-то изъ окошочька Самсонъ, да Колыбаёвъ сынъ,
А онъ скоро всё роспечатывалъ, прочитывалъ.
А скочилъ-то онъ да на рѣзви́ ноги,
Ретиво́ его да серьдчё розъерилосе,
Лѣпета́ въ лици перемѣнилосе,
Горе́чя кровь въ ёмъ да роскипѣласе,
Богатырськи плечи шшевелилисе;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрныя!
А подите ко мнѣ да на широкой дворъ,
Выводите моёго́ всё добра́ коня,
Надѣвайте-ко на его сѣдёлышко черкальскоё,
А накладывайте мои пришпѣхи богатырськія“.
А какъ ту слуги да не ослышились.
Какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ-то Михайлушко къ Дунаю къ широку́ двору,
А кричалъ онъ ёму да громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Сдунай сынъ Ивановичь!
Ты живёшь—да ничого не знашь, не вѣдаёшь:
А какъ тѣ бьё челомъ да всё Владимеръ-князь—
А на то жо на сильнёё на Камскоё побоишшо,
А да тебя звалъ-то онъ на почесёнъ пиръ,
На почесёнъ пиръ всё да пива пить,
А побить-то силы всё невѣрныя“.
Отпиралъ-то онъ окошочка немножочко,

Увидалъ онъ тутъ Михайла сына Игнатьева.
„Ужъ ты здрастуй-ко, мой названой братъ,
А названой братъ да ты крестовыя!
Собирайсе ты да къ намъ на почесёнъ пиръ, на Камськоё побоишшо“.
Какъ поѣхалъ тутъ Михайлушко да по святой Руси,
А ка по́звалъ тутъ руськихъ всихъ могучихъ всё бога́тырей.
А какъ за́чели бога́тыри съѣзжатисе,
А къ Самсону съѣзжатись на широкой дворъ;
Какъ за́чели бога́тыри съѣзжатисе,—
Какъ ясны соколы да всё слетатисе;
Они скоро собрались, да не ослышались.
Какъ поѣхали бога́тыри отъ Самсона широка́ двора,
А какъ ѣдутъ бога́тыри по чисту́ полю,—
Ише мать сыра земля да потрясаитьсе,
А въ рѣкахъ, озёрахъ вода да колыбаетьсе.
А какъ со восточьню-ту сторопочьку
А не тёмная туча ту́чилась,
А какъ тёмна туча какъ вѣдь грозная,
А какъ туча тучилась, какъ-бы громъ гремѣлъ,
Какъ-бы громъ гремѣлъ, да частой мелкой дожжикъ шолъ:
А какъ вдругъ наѣхали тутъ всё бога́тыри;
Они въ городъ Кіевъ ѣдутъ не воротами да не широкима,
А скакали черезъ стѣну городо́вую;
Какъ стрѣчаётъ князь Владимеръ со княгиною,
А стрѣчаётъ ихъ-то сударь Илья Муромець,
Какъ стрѣчаетъ ихъ да середи двора,
А стрѣчаетъ ихъ да низко кланитьсе.
Они скоро скакали со добры́хъ коней;
А какъ бьютъ челомъ да низко кланятсе
Князю со княгиною, государю Ильи Муромцю.
Говоритъ-то Илья Муромець:
„Ужъ вы здраствуйте, руськія могучія бога́тыри!
А намъ милости просимъ хлѣба-соли покушати,
А вина, пива попити жа,
А намъ на Камское побоишшо:
Съ погаными татарами побитисе“.
А весьма бога́тыри они вѣдь стали вёсёлы-радостны;
А пошли они во гридни княженецкія,
А какъ въ ти въ полаты въ бѣлокамянны,
Какъ садились за ти столы окольнія,
А какъ за́чели пить-ѣсть да веселитисе;

Они пили, веселились трои суточки.
Какъ не вёшня-та вода да розливаитьсе,
Не морська волна да колыбаитьсе,
А погана сила невѣрна ко Кіеву да подвигаитьсе.
Какъ отъ того вѣдь пару лошадиного
Какъ помолкла луна небесная.
А приходитъ тутъ Владимеръ-князь:
„Ужъ вамъ полно, братцы, пить, — пора ѣхать во чисто́ полё;
А да полно вамъ да поклаждатисе,
Надо ѣхать съ невѣрной силой управлятисе!“
Какъ скричалъ-то тутъ старая старинышина Илья Муромець:
— Мы безъ тобя-то знаемъ, безъ тобя вѣдаёмъ!—
Тутъ Владимеру за бѣду пало, показалосе;
Онъ пошолъ-то со чесна́ пира, изъ гридни вонъ
Ко своей-то молодой жены, къ Опраксеи Королевишны.
Говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромець:
„Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
Ужъ ты съѣзди-ко со своимъ да со племянникомъ,
Ужъ ты съѣзди-ко въ чисто́ поле, на шо́ломя окатисто,
А возьми-тко-се трубочку подзорную,
А какъ пересчитай-пересмечи эту силу великую,
Великую силу невѣрную“.
Туто Пересмёта не ослышилсэ;
А да шолъ-то онъ да на широкой дворъ
Со своимъ-то онъ да со племянникомъ.
(Въ ти по́ръ-то бога́тыри да они спать легли,
Спать легли и отдо́хъ имѣть).
А садились они скоро на добры́хъ коней,
А поѣхали изъ города не воротами и не широкима,
А скакали черезъ ту стѣну́ да городовую,
Черезъ высокую башню наугольнюю;
Они скоро выѣжжали на шо́ломя да на окатисто,
Они брали трубочки подзорныя,
Какъ смотрили во вси четыре сто́роны;—
Не могли они узрить-усмотрить коньця, не краечку
А какъ той-то силушки великія,
Не могли они сосчитать-сосмётать силы великія:
А какъ вёшняя вода да розливаитьсе,
Какъ морська волна да колыбаитьсе,
Ише мать сыра земля да потресаитьсе.
Какъ пріѣхалъ Пересмёта ко князю на широкой дворъ;

Какъ не спитьсе старыя старыньшины да Ильи Муромцю;
А срѣчаётъ ихъ да середи двора,
Говоритъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
А перѣцита́лъ ли ты силы великія?“
Говоритъ-то Пересмёта сынъ Стёпановичъ да таковы рѣчи:
— А не могъ-то я пересчитать силы великія:
Всё ровно какъ вёшна вода розливаитьсе,
А морська волна да колыбаитьсе,—
Какъ невѣрная сила ко городу ко Кіеву заподвигаитьсе.—
А какъ приходилъ тутъ старая старыньшина Илья Муромець,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„А вамъ полно, братцы, спать-то, вамъ пора ставать,
А пора ставать, надоть намъ вѣдь путь смекать,
Намъ побрататься съ Идолишшомъ надоть, поздороваться“.
А какъ тутъ богатыри да не ослышались;
Они скоро вѣдь скакали на рѣзвы́ ноги,
Умывалисе они свѣжо́й водой ключе́вою,
Утиралисе они да полотеньцеми,
Какъ молились они Спасу пречистому,
Поклонелисе они да матери Божьей Богородици;
Пошли-то они да на широкой дворъ,
Скоро, лёкко скакали на добры́хъ коней,
Поѣхали по городу по Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню-ту да наугольнюю;
Отъѣзжали они подалѣ во чисто́ поле,
Остановили они да добры́хъ коней,
Они соходили со добры́хъ коней,
Становили они бѣлы́ шатры поло́тьняны;
А какъ ставили они крѣпкихъ сторожовъ, да караульщиковъ,
А какъ двухъ-то руськихъ могучихъ-то бога́тырей:
А какъ перву голову—Гаврила Долгополого,
А другую голову—Олёшеньку Поповичя.
Говоритъ-то старикъ Илья Муромець:
„Ужъ вы гой еси, два бога́тыря!
А какъ буду я вамъ наказъ наказывать:
Не побѣжатъ ли эти погапыя татаровя,—
А какъ бейте ихъ да до единого,
Не оставлейте ихъ ни единого на сѣмяна“.
А ка тутъ скакали богатыри да на добры́хъ коней,

А поѣхали богáтыри въ силы великія,
Доѣжжали до той силы великія,
А да какъ остановили тутъ добрыхъ коней.
Говорилъ-то Илья Муромець, государь да таковы рѣчи:
„А кому, братцы, изъ насъ ѣхать въ середину-матицю
Ко тому жа ко поганому Идóлищу,
А какъ съ имъ поздороватьсе, побрататьсе,
А отсѣкци ему буйна гóлова?“
Говоритъ Самсонъ-то, сынъ Ивановъ, Колыбаёвичъ:
— Ужъ ты гой еси, сударь Илья Муромець!
Не кому́ жъ-то ѣхать, какъ тебѣ, въ силу великую,
А отсѣкци Идóлищу буйну голову:
А тебѣ-то, Ильи Муромцю, во чистóмъ поли смерть не писана.—
Говорилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромець:
„Я когда уѣду какъ въ силу великую,
Зазвенитъ-то моя сабля вострая,
Заскрипятъ-то мои плечи богатырськія,—
А тогда вы розъѣжайте по силушки великія,
А рубите вѣдь татаръ да до единого“.
Какъ поѣхалъ старóй-то въ силушку великую,
А онъ мнётъ-то всё конёмъ силу поганую;
Онъ доѣхалъ до поганого Идóлища.
Говоритъ-со Илья Муромець таковы рѣчи:
„Ужъ ты здраствуй-ко, поганое Идóлищо!
Я не дамъ тебѣ розорить-то горóда Кіева,
Въ полонъ взеть князя Владимера,
А черьквей-то Божьихъ подъ конюшни взеть,
И не дамъ-то розорить манастыри спасёныя“.
Тутъ спрошáётъ поганое Идолищо:
— Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ты скажи-тко, какой есть у васъ да Илья Муромець?—
„Я скажу про стáра козака про Илью Муромця:
Сколь я толстъ, великъ,—столь Илья великъ, толстъ;
Ищо платье мы носимъ съ одного плеча,
А какъ кушаёмъ да изъ одной чаши“.
Говорилъ тутъ поганое Идолищо:
— А кабы былъ-то вашъ слáвёнъ Илья Муромець,
На долóнь бы посадилъ, другой—сверьху прижалъ;—
Промежду долонеми одно мокрó осталосе.
А да я-то ѣмъ хлѣба по пети печёй,

А вина-то пью да сороковками.—
„Ужъ ты гой еси, поганое Идолишшо!
У насъ-то на Руси у Ивана-свешшенника,
А была-то у его корова бурая;
Много пила-ѣла—у ей брюшина лопнула;
У тебя, Идолишша, скоро лопнётъ жа!“
А какъ тутъ-то заѣрычалъ поганое Идолишшо;
— Ужъ вы гой еси, палачи да немилосслива!
А сватите мужика да со добра коня,
Отсѣките-ка ёму да буйну голову.—
А какъ то Ильи Муромцю за бѣду да показалосе;
Ёго серьчё розъерилосе да розсердилосе;
Лѣпета́ въ лици да въ ёмъ перемѣнилосе,
А горе́чя кровь да роскипѣласе,
А какъ плечи ёго да шшевелилисе;
Онъ вѣдь скоро хваталъ саблю тяжолую,
А тяжолую, саблю вострую,
Стегалъ-то онъ добра́ коня по крутымъ бедрамъ;
Онъ поско́чилъ ёго доброй конь въ силушку великую;
А махнулъ-то онъ да саблёй вострою
А какъ са́му-то Идолишшу да въ буйну голову
А во всю-то свою силу богатырськую,
А розсѣкъ онъ буйну голову вплоть до са́мого сѣдёлышка;
Розвалилсэ тутъ Идо́лишшо всё на́двоё.
Начялъ-то въ силы поѣжживать, помахивать;
А вперёдъ махнётъ—сдѣлатъ уличёй,
А назадъ махнётъ—да дѣлатъ переулками:
А зазвенила ёго да сабля вострая,
Заскрипѣли ёго плечи богатырськія;
Услыхала тутъ дружина-то хоробрая,
А какъ начели ѣздить, рубить по силушки великія?
А вперёдъ махнутъ—тутъ вѣдь улицёй;
А назадъ махнутъ—тутъ да переулками.
Они ко́ё бьютъ, ко́ё копе́ми топчутъ жа;
Они били-рубили немножко, немало—шестёры суточки,
Не пиваючи добры молодцы, не ёдаючи,
Со добры́хъ коней да не сходяючись;
Што они прибили эту силушку да до единого.
Утомились ихъ всё добры́ кони,
А у нихъ да пріустали всё бѣлы́ руки;
Они чуть сидятъ-то на добры́хъ коняхъ съѣжжаючись;

Ихны добры кони и́дутъ ступью всё бродо́вою [1]).
Какъ доѣхали они да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Соходили они да со добры́хъ коней,
Насыпа́ли имъ шаницы бѣлояровой,
А спускали ко́ней во чисто́ полё
А шшипать-то, йисть травы мура́выя.
А да какъ во ту пору, во то время
Караульщиковъ у шатровъ не случилосе:
Угонилисе они да за татарами поганыма,
За тима́ же за ихныма бога́тыри.
Тутъ-то бога́тыри въ шатры спать легли;
Они крѣпко спали ше́стеры суточки;
А не спитъ-то 'суда́рь Илья Муромець,
Жалѣтъ-то двухъ бога́тырей.
А какъ ѣдутъ богатыри да изъ чиста́ поля,
Они ѣдутъ да сами хвастаютъ,
Какъ хвастаютъ, таковы рѣчи гово́рили:
„А кабы была па небеса да лисьница,
А прибили бы силу небёспую".
А не спитъ въ-тѣ-поръ 'суда́рь Илья Муромець,
Не спитъ онъ, такъ лежитъ, всё дѣло слушаётъ,
Выходилъ-то онъ да изь бѣла́ шатра,
Говорилъ-то имъ да таковы рѣчи:
„Вы нема́лу себѣ, ребята, шуточку нашу́тили;
Ише какъ намъ эта шутка съ рукъ сойдётъ?"
А ка спятъ-то бога́тыри, ничего не вѣдаютъ.
А прошли тутъ ше́стёры суточки;
А отъ сна старой казакъ да пробужаитьсе,
А выходитъ онъ да изъ бѣла́ шатра,
А какъ смотритъ онъ пода́лече въ чисто́ поле:
А какъ воста́ла́ тутъ вся сила поганая,
Говоритъ тутъ старый таковы рѣчи:
„Вамъ, братцы, полно спать, пора ставать!
Какъ остала-се сила поганая;
А какъ надоть памъ съ има побитисе".
Выходили богатыри да изъ бѣло́въ шатровъ,
А какъ мылисе они свѣжо́й водой ключе́вою,
Утирались они да бѣлы полотеньцёми,
А молилисе они Спасу пречистому,
А какъ матери-то Божей, Богородици;

---

[1]) По объясненію пѣвца, тихимъ шагомъ. *Собир.*

Они скоро, лёкко скакали на добры́хъ коней,
А поѣхали къ той силы поганыя,
А какъ начели рубить силу великую;
А кого сѣкутъ на́двое,
Изъ того рожаитьсе двое жо;
А кого сѣкутъ на́трое,
Изъ того всё трое рожаитьсе.
Они перьвой день билисе съ утра до вечера,
А силы всё не убавляиться.
Говоритъ-то'сударь нашъ Илья Муромець:
„Ужъ намъ полно, братцы, битисе, живымъ съ мёртвыма дратисе!
Ужъ проститъ насъ Господь а въ такой вины?“
Какъ молилисе они Спасу пречистому;
А тутъ пала вся сила поганая.
А поѣхали въ-ти-по́ръ да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А Олёшенька съ Гавриломъ—во чисто́ полё;
На востры́хъ копьяхъ они скололисе.
А пріѣхали бога́тыри да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А да обирали ти шатры поло́тьняны;
Роспростилисе да вси бога́тыри,
А поѣхали богатыри да по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, къ отчямъ, къ матерямъ,
А да къ отчямъ, къ матерямъ да къ молодымъ жонамъ.
Какъ стары́й казакъ да Добрынюшка Микитичъ младъ.
Они осталисе въ чисто́мъ поли поляковать.
А какъ спятъ-то они, по утру ранному,
По восходу-ту соньця красного
Какъ наѣхала баба Латы́нгорка на ту силу великую;
Она мечётъ на востро́мъ копьи ту́лова по-подъ пе́беса,
А сама она, мечетъ, приговариватъ:
„Ише кто это прибилъ да силушку великую?
А прибила бы я всихъ бога́тырей да до единого“.
А какъ ту богатырямъ за бѣду показалосе;
Да поѣхалъ Добрынюшка къ бабы Латынгорки;
А ударились они да сабли вострыма, —
У ихъ сабельки да поломалисе;
Ударились они ко́пьеми борзоменьскима, —
По рукъ копья у нихъ согнулисе;
Не дали на собя раны кровавыя;
Они ско́чили со добры́хъ копей
И начели боротисе.

Не по Божьей-то было всё по милости,
Не по Добрынинои-то было учести:
Порвало́сь-то у ей платье цьвѣтное,
А права́ рука у ёго да скольёну́ласе,
А лѣва́-то ножка у ёго да подвернуласс;
А какъ падалъ Добрынюшка на сыру землю,
А какъ сѣла баба Латынгорка на бѣлы́ груди,
А хочётъ спороть да Добрыни всё бѣлы́ груди,
Досмотрить Добрынина да ретива́ серця.
Она ѣдетъ своей ж.... по бѣлу лицю,
Она ѣдетъ да приговариватъ:
„А цѣлуй-ко-се мою ж... бѣлую!“
Какъ во ту пору ѣдетъ стары́й казакъ Илья Муромець;
Понюжа́лъ скоро добра́ коня,
Доставалъ тутъ, шьтобы не спорола грудей бѣлыя,
Не досмотрила Добрынина ретива́ серьдця,
Надъѣхалъ Илья Муромець на бабу Латынгорку
Да спѣхнулъ сй со добра́ копя правой ногой;
Пала баба на сыру землю,
Тутъ сѣлъ-то Добрыня на бѣлы́ груди.
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
Не знаешь ты бабьей ухватки:
Хватай бабу за пе́льки, пинай по́дъ гузно;—
Тутъ будетъ бабы рапа кровавая“.
Тутъ-то Добрыня сталъ съ сырой земли,
А садилсэ Добрыня на добра́ копя,
Отъѣзжалъ-то Добрыня во чисто́ поле;
Со того-то со стыду да со великого
А втыкалъ онъ востро́ копьё да во сыру землю,
Ишшо падалъ Добрыня на копьё ретивы́мъ сердьчемъ;
Тутъ-то Добрынюшки и смерть пришла.

82.

Сорокъ каликъ со каликою [1]).

Собираласе дружиночка и хоробрая
Изъ того жо манастыря Валыньского,
Собиралосе соро́къ каликъ да со каликою.
Они брали собѣ суночки-котомочки-то рыта-бархаты,

[1]) Одна старуха изъ Нижней Золотицы называла эту старину *Еленьскимъ стихомъ. Собир.*

А какъ лямочьки у сумочёкъ шолкóвыя,
А какъ въ лямочьки было сажонó по камню самоцьвѣтному.
А какъ надѣвали суночьки на плечи на могучія
А да брали во правы́ руки копьиця вострыя;
Какъ пошли калики путёмъ-дорогою,
Выходили калики на шóломя, да на окáтину,
А къ тому жо кресту всё Леванидову,
Они помолилисе кресту да приложилисе;
Они стали калики во единой кругъ.
Говорилъ тутъ Касьянъ да немилóсливой:
„Ужъ вы гой еси, дружиночки-то вы хоробрыя!
Ужъ мы выберёмъ межъ собой атамана жа,
Ужъ мы выберёмъ промежъ собой подата́манія“.
Какъ выбирали туто атаманомъ Касьяна немилóслива,
А подата́маньёмъ Михайла Михаи́лова.
А какъ гóворилъ тутъ атаманъ да немилóсливой:
„Ужъ вы гой еси, дружья́-то вы хоробрая!
А какъ мы положимъ прóмежъ заповѣдь великую:
А шьто намъ вѣдь не ходить не подъ цярськой судъ, не подъ княжеськой;
Али кто какъ изъ насъ заплутуитьсе ели заворуитьсе,
Не ходить-то намъ подъ цярськой судъ, не подъ князь-бояръ;
Такова́го будёмъ судить своимъ судомъ,
Всё своимъ будёмъ судомъ судить да во чистóмъ поли:
Во перьвы́хъ будёмъ силитру жегчи на бѣлы́хъ грудяхъ,
Во вторыхъ-то будёмъ языкъ тянуть исъ кóреня,
А какъ ясны очи тянуть косиц̀еми,
Ретивó серьцё да промежду ребра [1]),
А тогда отсѣ́кци ёму руки бѣлыя да ноги рѣзвыя,
Вдостали́ отсѣкци буйну голову,
Розмётать ёго да по чисту́ полю
А сѣрны́мъ ёго волкамъ на та́сканье,
А черны́мъ ворона́мъ на ку́рканьё“.
Какъ пошли тутъ калики путёмъ-дорогою;
А да какъ стрѣчалась имъ стрѣта́ немалая,
А немалая стрѣта́, да самъ Владимеръ-князь
Со своима-ти съ князёми и съ боярами,
А съ могучима, сильнима бога́тыри.
„Ужъ ты здраствуй-ко, Владимеръ-князь да стольнё-кіевськой,
Со своима-ти съ князьями-ти, всё бóя́ры!“

---

[1]) Винит. множ. *Собир.*

— Ужъ вы здраствуй-ко калики-гости перехожія!
А куды у васъ путь лежитъ, дорога-я?—
„А лежитъ нашъ путь-дорожка во перьвы́хъ-то въ красенъ Кіевъ-градъ—
А да тутъ светымъ мѣстамъ да помолитисе;
А да вдо́стали наша дорожка долгая,
А какъ долгая дорожка, дальняя,—
А да вдостали ити въ Ерусалимъ-отъ градъ
А какъ Господнему кресту да поклонитисе,
Ко Господнёму-то гробу приложитисе,
Какъ тутъ по святымъ мѣстамъ да помолитисе“.
— Вы добро́-то, калики, думайте;
А Господь-отъ вамъ дастъ норы и времени.—
Говорилъ-то Владимеръ таковы рѣчи:
— Ужъ вы гой еси, калики перехожія!
Ужъ вы спойте-тко-то, братцы, мнѣ Еле́ньською стихъ;
Навѣку-ту я не слыхалъ стиха Еленьского.—
А какъ тутъ калики другъ на дружку запоглядывали,
А какъ суночки снели съ могучихъ плечъ,
Востры копьиця потыкали да во сыру землю,
А какъ суночки повѣсили на копьиця,
А какъ становилисе калики во единой кругъ,
Какъ запѣли калики стихъ Еле́ньськія.
А какъ мать сыра земля затряса́ласе да сколыбаласе,
А и въ рѣченьки вода да сколыбаласе;
А у князя съ плечь да покатилась буйна го́лова́,
Подломились у ёго да ножки рѣзвыя;
А подъ правую руку подхватилъ да старая стары́ньшина [1]),
Подъ лѣву́-ту руку подхватилъ До́брынюшка Микитичъ младъ,
За серёдочку-ту захватилъ Олёшенька Поповськой сынъ.
Говорилъ тутъ стары́й казакъ да Илья Муромець:
„Ужъ вамъ полно, вамъ братцы-калики, пѣть стиха Еленьського!
Покатилосе у князя съ плечь да буйна го́лова́,
Подломились его да ножки рѣзвыя“.
Перестали тутъ калики пѣть стиха Еленьского;
Надѣвали суночки на плечи свои на могучія,
Они брали востры копьиця да во праву́ руку,

[1]) Обычное прозвище Ильи Муромца въ былинахъ Крюкова и А. М. Крюковой (I). *Собир.*

Какъ просили у князя милостины спасёныя:
„Ужъ ты гой еси, красно солнышко, ты Владимеръ-князь!
Ты подай жа намъ милостину спасёную
А какъ ради самого Христа небесного“.
Отвѣчаетъ имъ Владимеръ-князь да стольнё-кіеськой:
— Ужъ вы гой еси, калики перехожія!
А подать-то у мня топере вамъ-то нечего,
У мня золотой казны при себѣ не пригодилосе.
Вы подите-тко топере въ красенъ Кіевъ-градъ,
А подите ко мнѣ да на широкой дворъ,
А во ти полаты княженецькія;
А какъ примётъ васъ Опраксея Королевичьня,
А накормитъ васъ вѣдь до́сыта,
Напои́тъ васъ она вѣдь допьяна,
Она много вамъ подастъ да золотой казны.—
Какъ пошли-то калики путёмъ-дорогою,
А приходятъ они въ красёнъ Кіевъ-градъ,
А какъ въ красёнъ Кіевъ-градъ, ко князю на широкой дворъ;
Заходили въ ти полаты въ княженевськія,
Они молилисе Спасу всё пречистому,
А какъ матери-то Божьей Богородици;
А какъ бьютъ челомъ кнегины Опраксеи Королевичны:
„Ужъ ты здрастуй-ко, кнегиня Опраксея Королевичьня!
Ты напой-ко насъ, каликъ да перехожія,
А подай ты намъ-то милостину спасёную:
Приказалъ-то намъ Владимеръ-князь“.
А да напоила ихъ вѣдь, накормила жа,
А дала имъ милостину спасёную,
А да какъ сама почивать пошла,
А да почивать пошла да въ спальню горницю,
А послала тутъ вѣдь всё кухарку жа,
Приказала привести-то къ собѣ въ горницю
А того жо старшого подъата́манья.
„Ты поди-тко, Михайло Михаи́ловичъ,
А зовётъ тобя Опраксея Королевичьня:
У ней есть съ тобой паказъ—паказывать“.
А какъ тутъ Михайлушко да не ослышилсэ,
А пришолъ-то къ кнегины въ спальню горницю.
А какъ захватила тутъ Опраксея Королевичьня въ охапочку:
„Повалимсе, Михайло, спать со мной на тёмну ночь“.

А не согласилсэ съ ею спать на тёмну ночь,
Убѣжалъ-то онъ изъ спальнёй вонъ.
А какъ тутъ Опраксеи за бѣду да показалосе,
За великой стыдъ да показалосе;—
Приказала Михайлушку въ кошáлочьку полóжить всё златý чашу,
Исъ которой чары по пріѣзду пьютъ;
Положили тутъ чару въ суночьку Михайлушку.
Какъ ставаютъ калики тутъ по ýтру всё по ранному,
А походятъ тутъ калики въ путь-дороженьку,
А прошшаютьсе съ Опраксеей съ Королевичьней.
А да какъ они ушли да съ широка двора,
А во ту пору, во то время пріѣхалъ самъ Владимеръ-князь,
А спросилъ-то той золотой чары—
А зъ дороги ёму выпити.
Не нашли они да той златой чаши.
Говоритъ тутъ Опраксея Королевичьня:
„Видно, ў насъ украли калики перехожія“.
Говорилъ-то Владимеръ таковы слова,—
А да таковы слова, да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Олёшенька Поповичъ жа!
Состыдú-тко-сь [1]) каликъ да перехожія:
Не унесли ли моей златой чаши?“
А какъ тутъ Олёшенька да не ослышилсэ,
А какъ скоро побѣжалъ да на широкой дворъ,
Обуздалъ, осѣдлалъ добрá коня,
А опъ скоро скакалъ да на добрá коня,
А поѣхалъ въ сугóнъ да за каликами;
Увидалъ-то каликъ—идутъ путёмъ-дорогою:
„Ужъ вы стойте-ко, воры калики перехожія!“
Какъ остоéлисе калики перехожія;
Ише тутъ каликамъ за бѣду да показалосе;
Какъ стёгали, толкали Олёшеньку Поповича.
А поѣхалъ Олёшенька ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю да ко Владимеру,
Росказалъ Олёшенька да про своéй поступокъ жа.
Говорилъ Владимеръ да таковы рѣчи;
„Ужъ ты гой еси Добрынюшка Микитичъ младъ!
Поѣзжай скоро за каликами да перехожима,
Допроси ихъ да потихошенько“.

---

[1]) Вмѣсто „состыги“, догони. *Собир.*

А поѣхалъ Добрыня путёмъ-дорогою,
А согналъ онъ каликъ да на чистóмъ поли;
Подъѣзжаетъ онъ ко каликамъ-то ближохонько,
Говорилъ-то имъ да потихошенько:
„Ужъ ты гой еси, атаманъ Касьянъ да немилóсливой!
А какъ не взялъ ли кто у васъ чаши князя Владимера?“
А какъ говорилъ тутъ Касьянъ да немилосливой:
— Ужъ вы гой еси, моя дружья́-товарышши,
А да вси наши калики перехожія!
А посла́тъ посла да во второй наконъ,—
Кто-ли изъ васъ взялъ да золоту чашу?
Осмотрите-ко вы суночки-котомочки.—
А какъ зачели сымать они суночки-котомочки съ могучихъ плечъ,
Они стали въ суночкахъ другъ у дружки всё высматривать;
А нашли эту чарочку тутъ у Михайла Михайлова,
У того жо у полуатама́нья жо,
А какъ отдали Добрынюшки злату чашу.
Взялъ-то Добрынюшка злату чашу,
Онъ поѣхалъ-то ко городу ко Кіеву.
А какъ розьдѣвали тутъ Михайлушка до́нага,
А какъ жгли селитру-ту Михайлу на бѣлы́хъ грудяхъ,
А тянули очи ёго косицеми,
Ретивó серьцё промежду ребра,
А да тутъ отсѣкли ёму руки бѣлыя,
А да какъ отсѣкли ёму ножки рѣзвыя,
А отсѣкли ёму буйну голову,
А броси́ли ёго во чистóмъ поли.
А какъ пошли тутъ калики перехожія,
Какъ послалъ тутъ Богъ-Господь да съ нёба аньгела
Оживить тутъ Михайлушка Михайлова,
Шьто бы (?) убили понапрасному.
Какъ-будто Михайлушко отъ сна да пробужаитьсе,
А одѣлъ-то онъ своё-то платьё цьвѣтноё,
А надѣлъ онъ суночку-котомочку на могучи плечи,
Побѣжалъ онъ состыгать братьёй-товарышшовъ:
„Ужъ вы гой еси, братья-товарышши!
А пошьто меня оставили въ чистóмъ поли?“
А какъ тутъ калики испугалисе,
А какъ думали бѣжитъ да всё вѣдь бла́зникъ жа [1]);

[1]) Мёртвой. (См. словарь. *Собир.*).

А они присѣкли ёго опеть на́мелко;
Розьметали ёго во чисто́мъ поли.
Какъ ушли калики отъ Михайлушка,
А Господь-отъ ёму по́слалъ аньгела;
А какъ взялъ-то Михайла склалъ да во едно мѣсто,
А онъ дунулъ-то ёго святы́мъ духомъ [1]);
А какъ тутъ-то Михайло какъ отъ сна пробудилсэ жа,
А какъ взялъ свою сумку-котомочку да во́стро ко́пьицё,
А какъ шолъ онъ состыгать свою дружью́-братьёй-товарышшей;

А кричалъ-то онъ да громкимъ голосомъ.
А какъ остояласе калика перехожая,
А говорилъ Касьянъ да немило́сливой:
„Это намъ, братцы, чудо чудитьсэ.
А не понапрасну ли мы рубили Михайла Михайлова,
А не ложь ли кака есть отъ княгины Королевичьни?“
А какъ пришолъ Михайлушко къ товарышшамъ,
Во перьвы́хъ-то падалъ во рѣзвы́ ноги Касьянъ да немило́сливой:
„А прости миня, Михайло, во перьво́мъ грѣху,
А прости миня, Михайлушко, да во второмъ грѣху“.
А какъ падали въ ноги вся дружин'-братья-товарышши,
А какъ вси калики перехожія:
„А прошшай-ко насъ, Михайло, во такомъ грѣху!“
— Ужъ васъ Бохъ простить да во такомъ грѣху!
Я прошшаю васъ да во такомъ грѣху.
Я терпѣлъ-то ето понапрасному:
А я того дѣла не дѣлывалъ,
А я той златой чаши да не воровывалъ,
Собѣ въ суночку-котомочку не кладывалъ.—

83.

Соломанъ и Иванъ (Василій) Окульевичъ.

Во Царигради-то жилъ прекрасной цярь Иванъ Оку́льевичъ,
А въ Ерусалимѣ жилъ Соло́манъ-цярь премудрыя [2]).
Собиралъ-то прекрасной цярь Иванъ Окульевичъ почесенъ пиръ
На кнезей-то своихъ, всё на бо́яръ жа.

---

[1]) Ср. стр. 143 ст. 177 и прим. *Собир.*
[2]) Сынъ Давыдовичъ.

А до какъ вси-то на пиру да пьяны, веселы,
А да сидятъ пьютъ, ѣдятъ да хвастаютъ;
А прекрасной царь Иванъ Окульевичъ по полаты похаживатъ,
А русыма-ти кудрями приростряхиватъ,
А златыма-ти перстнями принашшалкиватъ,
А какъ самъ онъ говоритъ таковы слова да таковы рѣчи:
„А какъ вси у мня въ Царѝградѝ пожёнёны,
Красны дѣвушки у мня замужъ подаваны;
А какъ я одинъ-отъ царь холостъ хожу,
А да я холостъ хожу да не жонатъ слову.
А не знаётъ ли кто у мня [1]) обручьници, да красной дѣвици,
Красной дѣвици да супротивъ мня,—
Штобы возростомъ немала и умомъ сверсна,
А бѣло личё у ей кабы было снѣгу бѣлого,
А какъ ясны очи были какъ у сокола да перелётного,
Чёрны брови какъ у соболя сибирьского,
А походка была павина, кротка рѣчь была бы лебединая?“
Какъ изъ-за того стола окольнёго
А ставалъ тутъ на рѣзвы ноги дородьнёй доброй молодець,
А какъ тотъ жо Васька Тороканов Пустоволодьёвичъ [2]);
Онъ подходитъ-то къ царю близёхонько да поклоняитьсе низёхонько,
Говорилъ-то онъ да таковы рѣчи:
— Благослови-тко-се, прекрасной царь Иванъ Окульевичъ,
мнѣ-ка слово сказать,
Не моги меня за слово казнить, меня вѣсити.—
„Говори-тко-се, тебѣ-ка што тѣ надобно;
Не буду не садить, не вѣсити“.
— Какъ я знаю тбѣ обручьницю да супротивъ тобя,
Супротивъ тобя да хошь не красну дѣвицю:
А какъ есь въ Ерусалими-гради у царя цариця Соломаниха,
А какъ столь она прекрасна—такой красоты нигдѣ на свѣти нѣтъ.—
Говорилъ тутъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ:
„Ужъ ты гой еси, Васька Тороканов Пустоволодьёвичъ!
Иншe какъ можно у жива мужа жона отнять?“
— Не хитро-мудро жона отнёть:

---

[1]) Во второй разъ Крюковъ пропѣлъ: „А да вы не знаите ли мнѣ“. *Собир.*

[2]) Вмѣсто „Пустоволосьевичъ“, подъ вліяніемъ имени Глѣба Володьевича (№ 80). *Собир.*

Только дай мнѣ-ка чёрной ка́рабель;
Привезу-то я царицу тебѣ Соломаниху
А со разныма со товарами.—
Какъ давалъ ёму-то чёрной ка́рабель,
Нагрузилъ ёго товары розноличнима.
Какъ пошолъ-то Васька Тороканов Пустоволодьёвичъ,
А приходитъ онъ въ тотъ же Ерусалимъ-отъ-градъ.
А приходитъ, пріѣзжаётъ въ Ерусалимъ-отъ-градъ;
А во ту пору царя Соло́мана-та въ домѣ не случилосе.
А да ходитъ Васька, торгуётъ товарами, по городу;
А увидяла царица Соло́мина:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
А продай-ка мнѣ товару-ту, какой мнѣ-ка вѣдь надомно“.
Говоритъ-то Васька таковы рѣчи:
— А пріѣзжай ко мнѣ на чёрной ка́рабель;
Покажу тобѣ товары цярьскія.—
А ушолъ-то Васька на чёрной карабель.
А пріѣхала царица Соломаниха,—
А да самъ онъ приказалъ: „какъ взойдётъ царица Соломаниха да на чернёнъ карабь,
Выпускайте вы вязки, мечите на́ воду,
Роспускайте паруса бѣлы поло́тьняны“.
А зашла тутъ цярица въ каюту въ карабельнюю
Выбирать товары, каки надобно;
Отвязали тутъ да вязки да тутъ верёвки жа,
А метали верёвки на́ воду,
А поднели паруса тонки поло́тьняны,
А пошли они да во синё морё.
Закачалсэ ихъ да чёрной ка́рабель;
Ишше тутъ-то говоритъ царица Соломаниха:
„А какъ што у тя качёетьсе да чёрной ка́рабель?“
Говоритъ Васька Тороканов Пустоволодьевичъ:
— Это онъ всё качаитьсе со старого,
А не можотъ онъ да остоётисе.—
А да какъ набрала она товаровъ розноличьнія,
А какъ выходила тутъ изъ каюты вонъ на палубу,—
Не увидяла она да всё своей земли:
„Охти, мнѣ топерече тошнёшенько!
Я куды топерече дѣваюсе?“
Говоритъ-то Васька Тороканъ Пустоволодьевичъ:
— Ты молчи-тко-се, прекрасная царица Соломаниха!
Я везу-то тебя за прекрасного царя Ивана Окульёва.—

А да какъ приходитъ онъ во Царь-отъ-градъ,
А стрѣчатъ тутъ царь Иванъ Окульевичъ,
А берётъ-то ей да за бѣлы́ руки,
Чѣлуётъ ей въ уста сахáрныя;
А повёлъ въ свои полаты бѣлокаменны.
Какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ царь Солóманъ изъ чистá поля,
А спрошалъ-то онъ у своихъ придворниковъ:
„А какъ гдѣ моя цярица Соломаниха?“
— Ужъ ты гой еси, Соломанъ-царь премудрыя!
Какъ пришолъ-то изъ Цяряграда-то Васька Тороканъ Пустоволодьевичъ,
А увёзъ твою царицю Соломаниху
За прекрасного царя Ивана Окульёва.—
А какъ скоро онъ да бралъ свою да золоту трубу,
Выходилъ-то на крыльцё косисчято,
А кричалъ онъ въ трубочку-ту золочёную:
„Ужъ вы гой еси, дружина-я хоробрая!
Ужъ вы осѣдлайте своихъ добры́хъ коней“.
А какъ дружина не ослышилась;
А сѣдлали, уздали добры́хъ коней,
А скакали они да на добрыхъ коней,
А поѣхали они къ Царю́граду
Да къ прекрасному царю Ивану Оку́льёву
Отымать цярици Соломáнихи.
А да какъ пріѣхали-то ко Царю́граду,
Оставлялъ-то онъ Солóманъ всё добра коня,
Какъ вѣдь самъ имъ говорилъ да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
Составлейте бѣлы́ шатры полóтьняны,
А караулы ставьте крѣпкія, всё вѣдь вѣрныя.
Какъ заиграю я въ звончаты́ гусли во перьвой разъ,
А да какъ заиграю во второй наконъ,
А скочите вы всё на добры́хъ коней,
Поѣзжайте вы во Царь-отъ-градъ;
Заиграю токо въ третéй наконъ,
А тогда рубите и старого, и малого,
А хватайте прекрасного Ивана всё Окульёва,
А да хватайте вы Ваську Тороканова,
А цярицю-ту я вѣдь самъ сдёржу“.
Какъ пріѣхалъ тутъ Соломанъ-царь къ Ивану Окульёву на широкой дворъ,

Заходилъ-то онъ да на красно́ крыльцё.
А да какъ стрѣчала цяриця Соломаниха:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Соло́манъ-царь премудрой жа!
А прости меня да во перьво́й вины:
А увёзъ меня неволёй Васька Тороканъ Пустоволо́дьёвичъ“.
Она на́чела поить, кормить царя Соломана;
А во ту пору наѣхалъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ.
„Куды я топере спречусь жа?“
А какъ стоитъ тутъ у ей высокъ сундукъ.
— А замкну-то я тебя топерече въ высокъ сундукъ.—
Повалилсэ царь Соломанъ во сундукъ-отъ жа.
А стрѣчала она цяриця Ивана-то Окульёва:
„Ужъ ты гой еси, душочка мой, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
Шьто сказали—царь Соломанъ хитёръ-мудёръ,
А сидитъ-то онъ подъ гу́зномъ подъ бабьимъ жо!“
— Отмыкай-ко-се да ты сундукъ-отъ жа,
Выпускай-ко-се царя Соломана.—
Отмыкала она замочки-ти заморськія,
Отпирала она кова́нъ сундукъ,
Выпускала царя Соло́мана.
„Ужъ ты здрастуй-ко, премудрой царь Соломанъ жа!“
— Ужъ ты здрастуй-ко, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
А зачимъ жо ты у мня увёзъ да молоду жену?—
„Какъ не я увёзъ, да Васька Тороканов жа“.
Говоритъ-то ёго молода жона:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
Отсѣки царю Соломану да буйну голову:
Отойдётъ-то царь Соломанъ своей хитростью“.
Говоритъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ:
— Мнѣ рубить-то головы у ёго вѣдь не́ за што:
Некакого навѣку́ лиха́ не дѣлалъ жа.—
Говорилъ тутъ вѣдь царь Соломанъ жа:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
Не руби-тко мнѣ-ка съ плечъ да буйной головы,
А какъ здѣлай-ко мнѣ-ка высокой рей
Да повѣсь-ко на рей три-то пе́тёлки:
А какъ перьву петелку здѣлай-ко-сь липовую
А другу-ту петелку здѣлай всё варо́вую [1]),

[1]) Варова́ назывантьсе.

А третью́-ту петелку здѣлай ты шолко́вую;—
А (въ) липову-ту мнѣ поло́жить буйну голову,
А бѣлы́ руки поло́жить въ петелку варовую,
А рѣзвы́ ноги поло́жить въ петелку въ шолко́вую".
А да какъ приказалъ да здѣлать всё высокой рей,
А да всё здѣлать три-то пе́тёлки;
А да повѣстилъ прекрасной царь палачей да немило́сливыхъ:
„А ведите-ко царя Соломана да на высокой рей".
А какъ повели царя Соло́мана,
А позади идётъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ съ царицёй Соломанихой,
А какъ съ Васькой да съ Тороканови́мъ;
А со всего народъ граду сбѣгайтьсе
А смотрить смерти царя Соломана.
А какъ приходилъ-то царь ко рею всё высокому;
А какъ хочетъ ступать да на перьву́ ступень,
Ишше самъ онъ, царь Соломанъ, говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
А позволь-ко мнѣ зыграть, на перьвой ступени поиграть да попотѣшитьсе,
А во ти жа поиграть да въ звончаты́ гусли".
Говоритъ-то царь Соломанъ таковы рѣчи,
А какъ говорила царица Соломаниха:
— Не давай царю Соломану въ звончаты́ гусли:
Отойдётъ-то царь Соло́манъ своей-то хитросью-ту, мудростью.—
„А да тутъ гдѣ же отойти царю Соломану?
А топерече-то я, царь Соломанъ, всё у васъ въ рукахъ".
Заигралъ тутъ въ звончаты́ гусли;
Услыхали тутъ дружиночки въ чисто́мъ поли,
Они скоро обирали бѣлы́ шатры илло́тьняны,
А да какъ поѣхали къ Царюгра́ду жа.
Заступалъ Соломанъ-царь да на втору ступень:
„Ужъ позволь-ко, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ, да зыграть во второй наконъ,
Мнѣ потѣшить собя и тебя со царицёю".
Говоритъ тутъ да царица Соломаниха:
— Не давай ты ёму играть да въ звончаты́ гусли:
Отойдётъ-то царь Соломанъ своей хитросью-ту, мудростью;
А какъ царь Соломанъ былъ весьма хитёръ.—
Говорилъ тутъ всё Иванъ Окульёвичъ:
„Играй-ко, царь Соломанъ, сколько надомно".

Какъ тутъ заигралъ-то во второй наконъ,
Заѣзжали ти-то молодцы во Царь-отъ-градъ,
А скакали черезъ стѣну городо́вую.
А да какъ обступать-то царю Соломану на третью́ ступень;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи;—
Позади идётъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ,
А по бокамъ идутъ палачи да немило́сливы;—
Говорилъ тутъ Соломанъ-царь премудрыя:
„Ты позволь-ко мнѣ сыграть въ послѣднёй разъ,
А мнѣ-ка тебя, царя, потѣшити“.
Говоритъ царица Соломаниха:
— Не давай играть цярю Соломану.—
„А какъ гдѣ жа ёму отойти да своей хитростью?
А играй, царь Соломанъ, сколько тебѣ надобно“.
А какъ заигралъ-то царь Соло́манъ во-въ третьёй наконъ,
Наскакала его дружиночка хоробрая.
Какъ топерече играть да приговаривать,
А царю съ царицей наговаривать:
„Не видать вамъ смерти царя Соломана!
Во перьвы́хъ схватила Ваську Тороканова,
Во вторыхъ схватила прекрасного царя Ивана Окульёва;
А царицю онъ Соломанъ самъ въ рукахъ держи́лъ.
А какъ клали Ваську Тороканова въ петлю липо́вую,
А царицю клали всё въ варо́вую,
Какъ царя Ивана Окульёва въ шолко́вую;
А да тутъ имъ всимъ трёмъ смерть пришла.

84.

Смерть царицы (Настасьи Романовны).

А къ чему жа, братцы, пріуныла всё быстра́ рѣка,
Не гремятъ-то поро́жки быстрыя?
А къ чему жа, братцы, пріумолкло-пріуныло солоно́ морё?
А къ чему жа, братцы, пріуныли, не шумятъ-то да лѣсы тёмныя?
А къ чему жа, братцы, поднебесная звёзда съ неба отпа́дала?
А къ чему жа, братцы, воску ярого свѣшша да потыхала жа?
Благовѣрная цяриця приставляласе;
Порушалась эта наша вѣра православная [1]).

[1]) Затѣмъ Крюковъ пропѣлъ:
„А къ чему жа, братцы, пріуныли берега да рѣчки быстрыя?“

Говоритъ-то она таковы рѣчи:
„Ужъ вы дѣти, мои-то два царевиця,
Два царевиця мои-то, два любимыя,
Два любимы вы учёныя!
А подите-тко ко своёму родну батюшку,
Ко грозно́му-то цярю Ивану всё Васильицю;
Вы сходите-тко къ ему въ сенотъ-отъ жа,
Позовите-ко-се мнѣ его проститисе;
А вы знаите, какъ прійти къ ему, всё слово́ сказать:
Вы придите, станьте на ти жа жилы подколѣнныя,
Да вы говорите грозну царю, своёму родну батюшку:
— „Ужъ ты гой еси, грозны́я цярь Иванъ Васильевиць!“—
Вы подите-тко къ ему, позовите ко мнѣ-то всё проститисе“.
А какъ тутъ-то два царевиця да не ослышились;
А надѣли оны своё платьё цьвѣтноё,
А приходятъ они въ сенотъ къ своёму родну батюшку,
Ко грозно́му-ту цярю Ивану-ту Васильицю;
А онъ сидитъ-то на престоли всё на цярськомъ же,
А на го́ловы надѣтъ да вѣнець цярськія,
А въ рукахъ держи́тъ-то онъ чудно́й-отъ крестъ.
Они стали на жилы-ти на подколѣнныя,
Они били [1]) своему цярю-батюшку:
„Ужъ ты гой еси, грозны́я цярь Иванъ-сударь Васильевиць!
А зовё тебя цяриця наша матушка
Во послѣдней-отъ разъ съ тобой проститисе“.
А тому-то вѣдь царь не ослышилсэ;
Сходилъ-то онъ со престола-то со цярського,
Скидывалъ-то онъ вѣнець всё цярськія,
А сымалъ съ себя порфиру цярськую,
А онъ клалъ на престолъ на цярськія,
Онъ пошолъ-то скоро ко цярици-то, своей къ молодой жены,
Онъ вѣдь скоро ’ходилъ къ ей въ свѣтлу свѣ́тлицю.
Увидала его молода жона,
Ише та же цяриця благовѣрная:
„Ужъ ты гой еси, грозны́я цярь Иванъ Васильевиць!
А какъ буду я тебѣ наказъ наказывать:
Ты не будь жа горечь, не будь спальчивъ жа,
До своихъ ты малыхъ дѣточекъ будь ты милостивъ,
А до двухъ-то всё младыхъ цяревиці́ей;

[1]) Т. е. челомъ. *Собир.*

Я ишшé тебѣ буду наказъ наказывать:
Ты постой-ко-се за вѣру православную,
Ты постой-ко за манастыри-ти спасéныя,
А за ти же за черквы-ти за Божія;
Я ишé тебѣ буду наказъ наказывать:
Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
До чужихъ-то до дѣточокъ,
Новобраныхъ всё солдатушокъ:
Стоятъ-то они за вѣру православную,
За тобя, цяря Ивана Васильиця,
За всихъ-то князей, за бóяръ;
Я ишé буду тебѣ наказъ наказывать:
До своихъ-то до князей будь ты кротокъ, будь ты милостивъ,
А до тихъ жа ты князей, всё бóяръ жа;
Я ищé тебѣ буду наказъ наказывать:
Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
А до тихъ жа хрисьянъ да чёрнопахотныхъ:
Ты наложь-ка на ихъ подати по три денёжки,—
Наберёшь ты многи тысячи;
Ты положь на ихъ по три копеечьки,—
Ужъ ты много пасбирашь казны несчётныя;
Я ишшé тебѣ буду наказъ наказывать:
Послѣ мóего-то бываньиця,
Не женись-ко-се ты въ проклятóй Литвы,
Въ проклятой Литвы, орды поганыя
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той жа на Марьи Небрюковны:
Какъ порушитсе ваша вѣра православная".
А какъ тутъ царь розьерилса жа,
Розьерилса онъ да розсердилса жа;
Убѣжалъ-то онъ отъ царици, изъ спальнёй онъ.
А во ту пору, во то время
Поднебесная звѣзда съ нёба отпáдала,
Воску ярого свѣшша да потыхала жа,
Православна вѣра порушаласе;
Благовѣрная цариця приставлялассе.
А потухла свѣшша да воску ярого,
А преставилась цяриця благовѣрная,
Порушúлась наша вѣра православная.

85.

Кострюкъ [1]).

Какъ задумалъ Грозны́й-отъ царь
Иванъ Васильевичъ же́нитисе,
Женитисе да обручатисе
Не въ камянно́й Москвы,
Да не въ святой Руси,
Не на святой Руси,
Да въ проклято́й Литвы въ поганыя—
У Кострю́ка-Небрю́ка моло́дого
На той жо на родной сестры
На Марьи Небрюковны.
Да просилъ онъ приданого
Полтораста просилъ улановей,
Триста просилъ татаровей,
Петсотъ просилъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ;
Три телёги просилъ онъ красна золота,
Три телёги просилъ онъ чиста се́ребра,
Да три телёги просилъ мѣди всё козарочки,
Три телёги просилъ онъ скатна дорогого, мелка жемчуга.
Давалъ-то онъ полтораста улановей,
Триста давалъ татаровей,
Петсотъ давалъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ;
Да три телёги давалъ онъ красна золота,
Три телёги давалъ онъ чиста се́ребра,
Три телёги давалъ онъ мѣди-козарочки,
Три телёги скатна жемчуга.
Какъ задумалъ нашъ Грозны́я царь
Иванъ Васильевичъ ѣхати
Въ проклятý орду поганую,
Да въ поганую Литву, Литву женитисе
На той же на Марьи Небрю́ковны.
Да какъ начялъ онъ збиратисе,
Собрунятисе да отправлятисе
Въ ту жа въ проклятý Литву въ поганую.

---

[1]) Эту старину Крюковъ пѣлъ речитативомъ, останавливаясь послѣ каждаго 4—7-мистишія. *Собир.*

Онъ здра́восцалъ [1]) да грези чёрныя,
Онъ здравосцалъ да лѣсы тёмныя,
Онъ здравосцалъ да рѣчки быстрыя,
Онъ здравосцалъ да въ проклятую́ Литву.
Пріѣжаётъ къ Дюку Кострюку на широкой дворъ;
Какъ стрѣчаётъ Дюкъ Кострюкъ-отъ,
Да стрѣчае молоды́я Грозного царя,
Да ведётъ онъ въ свои свѣтлы свѣ́тлици
Да во столовы новы горьници;
А садилъ-то Грозна царя да за дубовы́ столы,
За дубо́вы столы, за скатерти браныя,
А за ти же за ѣствы саха́рныя.
Какъ вси сидятъ и пьютъ, ѣдятъ и хвастаютъ;
Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ
Сидитъ не пьётъ, не ѣстъ, ничѣмъ не хвастаётъ.
Кострюкъ Небрюкъ по полаты похаживатъ,
Съ ножки на ножку переступыватъ,
Желты́ма кудрями принатряхиватъ,
Златыма-ти перснями принашшалкиватъ.
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи, да таковы слова:
„Какъ вси у меня-то на пиру сидятъ пьютъ, ѣдятъ,
И вси у меня да хвастаютъ;
Какъ пріѣзжей-отъ гость сидитъ
Не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Нечи́мъ онъ у меня не хвастаётъ.
Ужъ я разѣ тебя мѣстомъ о́бсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
Мои ѣствы тебѣ не по́ души,
Не по́ души, не по разуму,
Эли князи мои, бо́яра
Надъ тобою посьмѣхаютце?“
— Ужъ ты вой еси, Небрюкъ Кострюкъ моло́дыя!
Питья, ѣствы мнѣ-ка по разуму,
Винной меня чарой не о́бнесли,
И нехто́ надо мной не посьмѣхаитьце.
Да какъ я къ тебѣ пріѣхалъ
Не пить, не ѣсть, не кушати;—
Ты дай же мнѣ нарьчо́ноё, посулёноё.—
Чечасъ Кострюкъ Небрюкъ

[1]) По объясненію Крюкова—проѣхалъ. У Кирши Данилова соотвѣтствующее мѣсто читается: „Здравствуетъ царь-государь черезъ рѣки быстрыя“, и пр. Слѣд., это слово искажено изъ „здравствовалъ“. *Собир.*

Писалъ триста татаровей,
Полтораста писалъ улановей,
Петсотъ писалъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ.
А насыпалъ онъ три телёги красна золота,
Насыпалъ онъ телёги чиста се́ребра,
Три телёги онъ мѣди всё козарочки,
Три телёги ска́тна мелка жемчуга.
Да какъ началъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ
Сряжатисе, отправлятисе
На ту жа на сьвятую Русь, въ камянну́ Москву.
Какъ поѣхалъ нашъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ;
Онъ здраво проѣхалъ грези чёрныя,
Онъ здраво проѣхалъ лѣсы тёмныя,
Онъ проѣхалъ рѣчки быстрыя;
Онъ здраво пріѣхалъ во матушку да въ камянну́ Москву
Со тою́ со Марьей Небрюковной.
Тутъ пошолъ у нхъ чесёнъ пиръ наве́сели.
Вси тутъ пьютъ, ѣдятъ, хвастаютъ;
Какъ любимой-отъ ёго шуринъ сидитъ,
Не пьётъ, не ѣстъ, не кушастъ
И ничимъ сидитъ не хвастаётъ;
Онъ повѣсилъ голову съ могучихъ плечъ,
Онъ потупилъ очи въ се́реду кирпичнюю.
Говорилъ тутъ Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ:
„Шьто же ты, любимой шуринъ, не кушаешь?
Эли мѣсто тебѣ не по вотчины,
Питья, ѣствы тебѣ разѣ не по разуму?“
— Мѣсто-то мнѣ-ка по вотчины,
Питья, ѣствы по разуму, по́ души:
Винной-то чарой меня не о́бнесли,
Нехто надо мной не посьмѣхаитьце,
Не князи, не бо́яра.
Я у тя спрошу: есь ли у васъ въ камянно́й Москвы
Таковы борьци, таковы борьчи,
Удалы́ добры молодци?—
Да какъ бралъ-то тутъ Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ
Золоту трубу розрывчяту,
Выходилъ онъ на крылечко косивчято,
Кричалъ-то онъ въ золоту трубу:
„Ише есь ли у насъ въ камянно́й Москвы таковы борьци?“
Услыхалъ тутъ изъ того ряду́,

Изъ того́ ряду кожёвенна,
Услыхалъ тутъ Потанюшко Хроменькой;
Хроменькой, самъ тоненькой,
По животу онъ пережимистой,
На праву́ ногу подпадыватъ,
На лѣву́ подковыриватъ,
Костылькомъ онъ помахиватъ,
Къ царьскому дворцю подвигантьце.
Увидалъ тутъ Кострюкъ Небрюкъ:
„Это чортъ идётъ, не бо́ровшшикъ [1]),
Водяной идётъ, не роспотѣшильшикъ!“
Онъ скачётъ черезъ вси столы дубовыя,
Черезъ ѣствы саха́рныя,
Да бѣжалъ-то онъ да на новы́ сѣни,
Да па красно крыльцё да на широкой дворъ.
Какъ го́воритъ тутъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой да самъ тоненькой:
„Ужъ ты гой еси, Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ!
Мы положимъ промежь собой заповѣдь великую:
Неровно́ которой которого броситъ,
Руку, ногу сломитъ,
Хребетну ли кость повыломитъ,
Изъ платья ли повылупитъ“ [2]).
Смотритъ тутъ Грозны́я царь
Иванъ Васильевичъ съ Красна́ крыльця.
Какъ начели Кострюкъ Небрюкъ боротисе
Съ Потанюшкой Хроменькимъ,
Съ Хроменькимъ съ имъ, съ тоненькимъ,
Какъ начели боротисе, водитисе.
Какъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой, самъ тоненькой,
По животу пережимистой
На праву́ ножку подпадывалъ,
На лѣву́ подковыривалъ,
Костылькомъ онъ помахивалъ,
Какъ металъ тутъ Кострюка Небрюка
На матушку сыру́ землю́,
Онъ вѣдь его изъ платья повылупилъ,
Хребётну кость повыставилъ.

---

[1]) Боротьсе.
[2]) Подъ судъ не отдавать.

Да скакалъ Кострюкъ Небрюкъ да на рѣзвы́ ноги,
Побѣжалъ да по широку́ двору,
Захватилъ черну́..... въ праву́ руку,
Побѣжалъ, гдѣ-ка собаки шшенятятьсе,
Гдѣ-ка свиньи-ти приносятьсе,
Гдѣ-ка кошки люшшятьсе.
Говоритъ тутъ Марья Небрюковна:
„Это чортъ, не бо́ропьство,
Водяной, не роспотѣшельсьтво!“ [1])

86.

Орсёнко (Аксёнко) [2]).

(Слышалъ отъ крестьянъ съ верхней Мезени).

А Грозны́я царь Иванъ Басильевичъ задумалъ строить втору Москву, втору Москву на Во́логды. Не могъ-то онъ построить второй Москвы на Вологды; тольке выстроилъ черьковь Миколину на томъ-то городи на Вологды; положилъ золотой казны сорокъ тысечей. А задумалъ-то Орсёнко посмотрить государёва строеньиця, не второй Москвы, черьквы Миколиной, того жо строеньиця государева. Пошолъ-то Орсёнко путёмъ-дорогою, уцюлъто во стороноцьки гамъ, говорю великую. Захотилось посмотрить Орсёнку, хто такой розговариватъ. Дѣля́тъ тутъ воры-розбойники золоту казну, золоту казну да государеву изъ той церьквы Миколипой; церькву подло́мять и украдутъ. Подходилъ-то Орсёнко тутъ къ ворамъ-розбойникамъ: „Ужъ вы воры-розбойники! дайте мнѣ такой же пай“. Не даютъ-то воры-розбойники такова́ паю. Просилъ тольке у нихъ полу́паю; не даютъ они и полу́паю. Про-

---

[1]) — Тебѣ како́ дѣло?—царь-отъ говоритъ. Тутъ и всимъ смѣшно́ пало.

[2]) Крюковъ разсказывалъ эту старину словами, т. к. онъ плохо ее знаетъ; начало ея онъ совсѣмъ забылъ. А. М. Крюкова (I) слышала отъ Гаврилова брата старину про *Орсёнка*, но помнитъ только, что „Ему смерть пришла да немило́сьлива“. Братъ Ивана Прыгунова (IX) разсказывалъ содержаніе старины про *Оксёнушка Перемётьевича*, который, встрѣтивъ разбойниковъ, дѣливщихъ казну, попросилъ у нихъ себѣ пая, но они не дали ему и четверти пая; тогда онъ вырвалъ дубъ съ корнемъ и всѣхъ разбойниковъ перебилъ. Имя Арсенки встрѣчаемъ въ одной изъ легендъ о Никонѣ, распространенныхъ въ Поморьѣ: „Говорятъ, въ исправленіи книгъ Никону помогалъ нѣкто Арсенко, по воображенію раскольниковъ, нѣчто въ родѣ злого духа“. (*Ефименко*, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. I, 220). Этотъ Арсенко, несомнѣнно,—Арсеній Грекъ, который много работалъ по исправленію и переводу книгъ, а ранѣе былъ въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ. *Собир.*

силъ-то онъ только треть паю; не даютъ-то они и треть паю. Просилъ онъ только четверть паю; не даютъ они и четверть паю. Просилъ только пети рублей; не даютъ-то Орсёнку и пети рублей. Розьерилось тутъ Орсёнка ретивó серьцо; хваталъ онъ сырой дубъ изъ матушки сырой земли, высокó-то онъ металъ по поднéбесью. Тутъ розбойники да испугалисе, по тёмнóму лѣсу розьбѣжалисе. Какъ собралъ Орсёнко золоту казну несчётную, онъ собралъ сй сорокъ тысечей, пошолъ онъ на втору Москву, на Вологду. Какъ приходитъ Орсёнко въ славну Вологду, заходитъ въ царéвы больши кабаки; ужъ онъ началъ пить вино запоеми, откупать онъ зачялъ сороковками; самъ онъ пьётъ и голéй пойтъ, голей поитъ, кабацькихъ пьéницей: „Ужъ вы молите Бога за Орсёнка!“ Они пьютъ вино да Бога молятъ за Орсёнка. Прошлато та славушка по городу по Вологды, што есь такой,—откупатъ вино да сороковками, самъ пьётъ да и голéй пойтъ. Прошла по городу по Вологды;—поимали Орсёнка во царéвомъ большомъ кабакѣ, посадили въ тёмну тёмницю; посадили Орсёнка въ тёмну тёмницю, приготовили ему да высокой рей; повели-то Орсёнка на высокой рей,—со всёго города народъ сьбѣгаитьце, сьбѣгаютьце да сьѣжжаютьце. Повели-то Орсёнка на высокой рей; говоритъ-то Орсёнко таковы рѣчи: „Ужъ вы гой еси, народъ православной! не ходите смотрѣть моей сьмерти: моя сьмерть страшнá будетъ, грозна, немилосьтива“. Какъ умной-отъ народъ назадь воротитьце, а глупой-отъ народъ вперёдъ идётъ. Говорилъ-то Орсёнко во второй наконъ: „Ужъ вы гой еси, народъ православныя! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть будетъ всíмъ страшна, всимъ страшна, грозна и немилóсьлива“. Говорилъ-то Орсёнко да во-въ третéй паконъ: „Ужъ вы гой еси, народъ православныя! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть будетъ всíмъ страшна, всимъ страшна и немилóсьлива“. Привели-то Орсёнка на высокой рей; хотятъ-то Орсёпка класьть въ петелки. Какъ хватилъ-то Орсёнко высокой рей, онъ изъ матушки сырой земли, начелъ-то онъ реёмъ помахивать по тому народу православному; побѣжали народъ да православной, куды кому надобно. Испугались тутъ Орсёнковой сьмерти, пускали Орсёнка. Пошолъ-то Орсёнко опеть пить постарому; приходитъ во царéвы больши кабаки, самъ пьётъ и голéй пойтъ: „Молите Бога за Орсёнка!“

IV.

Анна Ивановна Васильева, дѣвица 56 лѣтъ, неграмотная, уроженка Нижней Золотицы. Живетъ она въ домѣ своего зятя и, такъ какъ у нея нѣтъ большого достатка, по временамъ (напр., на страдную пору) нанимается приходящей работницей къ богатымъ односельчанамъ. Старины она переняла по большей части еще дѣвочкой лѣтъ 10 отъ золотицкихъ „мужиковъ“, теперь уже покойныхъ. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь старинъ, она знаетъ слѣдующія: 1) Дунай (разсказывая содержаніе старины, она называла его Алешей Поповичемъ; выпущенный изъ темницы, онъ сватается на Настасьѣ, дочери короля Задонскаго; соперникомъ его является князь Данило Бѣлый девяноста лѣтъ), 2) Дюкъ, 3) Девять разбойниковъ и ихъ сестра, 4) Князь, княгиня и старицы: „Былъ князь Михайло девяноста лѣтъ“.

87.

Чурило и невѣрная жена.

Ай о вёшномъ было праздницьки во Троици,
Нападала пороха снѣгу бѣлого.
Шьто по той по порошици, бѣлу́ снѣгу
Шьто не бѣленькой-отъ заюшко проскакивалъ,
Не сѣрой горносталюшко прорыскивалъ,—
Туто шло-прошло два брателка крестовыя,
Два крестовы прошло братьица, назва́ныя:
Во перьвы́хъ-то шолъ Цюри́лушко Оплёнковиць,
Во вторыхъ-то шолъ Олёшенька Поповиць младъ.
Какъ Олёшенька пошолъ да во Божью́ церковь,
А Цюрилушко пошолъ да къ широку́ двору,
Къ широку́ двору пошолъ-отъ къ Перемя́тьёву.
Опъ заходитъ на крылецюшко прекрасноё,
Опъ бере́тьце за колецько за серебряно,
Ужъ онъ де́рьгатъ за реме́шокъ семишо́лковой.
Увидала ёго дѣвушка-служаноцька,
Какъ любима Перемятьёва племяньница,
Отворила окошоцька немножоцько:
„У насъ хто стоитъ сегодни на крылецюшки,
Хто брецитъ стоитъ (въ) серебряно колецюшко?“
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаноцька,
Ты любима Перемятьёва племяньница!

У тя въ доми ли есь дедюшка родимой твой?—
„У насъ нѣту вотъ вѣдь дедюшки родимого:
Онъ уѣхалъ хъ цёсной ранной ко заутрени“.
— У тя въ доми ли есь дединка родимая?—
„У насъ въ доми есь дединка родимая,—
Со слёзами стоитъ да Богу молитце“.
Услыхала её дединка родимая,
Поскорёшенько ставала со кроватоцьки,
Покруце́ одѣвала тюфли на́ ноги,
Поскорёшенько бѣжала по новы́мъ сѣнямъ,
Потихошеньку отпирала сѣни на́ пяту;
Какъ брала она Цюрила за бѣлы́ руки,
Обнимала 'на Цюрила за бѣлу́ шею,
Цёловала Цюрила во саха́рной усъ,
Заводила Цюрила въ нову горьницю.
Какъ Олёшенька пришолъ да во Божью́ церькву,
Ужъ онъ крестъ-отъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
На вси сто́роны цятыре поклоняитьце:
„Ужъ вы здраствуйте попы, отци духовныя,
Ужъ вы здраствуйте прецетьники церьковныя!
Ужъ ты здраствуй-ко, Цюрилушко Ивановиць,
Ужъ ты здраствуй, Перемёта сынъ Васильёвиць!
У тибя-то сёгодни небывалой гось,
Какъ твоей-то пожилой жоны да старо-прежной другъ“.
Ишше ето Перемёты за бѣду́ пало,
За вели́ку ёму пало за досадушку;
Въ ёмъ горяця-та вся кровь да роскипѣласе,
Богатырьска его сила росходиласе.
Пошолъ поскорёшенько да изъ Божьёй церькви,
Ужъ онъ падалъ Перемёта на добра́ коня;
Пріѣжаётъ Перемёта къ широку́ двору;
Онъ ставилъ коня да середи двора,
Не приказана поставилъ, не привязана;
Онъ заходитъ на крылецюшко прекрасноё,
Онъ бере́тьце за колецько за серебряно,
Ужъ онъ де́рьгатъ за реме́шокъ се́мишолковой.
Услыхала его дѣушка-служапоцька,
Какъ любима его была племяньница,
Отворила окошоцька немножоцько:
„У насъ хто стоитъ тепере на крылецюшки?“
Какъ заходитъ Перемёта на новы́ сѣни,

Онъ спросилъ у любимой у племяньницы:
— У насъ (въ) доми ли дединка родимая?—
„У насъ (въ) доми есь дединка родимая“.
— У насъ хто зашолъ сегодни на широкой дворъ?—
Какъ заходитъ Перемёта въ нову горьницю;
Онъ востры́мъ копьёмъ стоитъ да въ полъ потыкиватъ,
Онъ сьмѣло́ со своей хозяйкой поговариватъ:
„Это цьи лёжатъ персцятоцьки на пе́цёцьки?“
— У насъ были этта бабушкины дѣтоцьки,
Какъ оставили персцятоцьки на пецёцьки.—
„Ишше цья лёжитъ тамъ шляпоцька на полоцьки?“
— У насъ были вотъ бабушкины дѣтоцьки.—
„Цьи лёжатъ у насъ сапожки подъ кроватоцькой?“
— У насъ были этта бабушкины дѣтоцьки,
Какъ оставили сапожки подъ кроватоцькой.—
Перемёта-та стоитъ да середи́ полу,
Онъ востры́мъ копьёмъ да въ полъ потыкиватъ;
Ёго горяця-та кровь да росходилась,
На свою молоду жону да роскипѣлась.
Какъ соходитъ тутъ Цюрилко со кроватоцьки,
Ишше спрашиватъ Перемёта у Цюрилушка:
„Ты постарому пришолъ ко мнѣ, попрежному?
Ты пришолъ ко мнѣ развѣ во конюхи,
Ты во конюхи пришолъ ко мнѣ, во служники?“
Цюрилушко во рѣзвы́ ноги попадыватъ:
— Ты просьти-тко меня да во перьво́мъ грѣху!—
Онъ просьтилъ тутъ Цюрилка во перьво́мъ грѣху,
Онъ цеспе́шенько спрова́дилъ съ широка́ двора;
Ужъ онъ понялъ востру саблю на молоду жону,
Онъ сказьнилъ у ей да буйну голову.

88.

Небылица.

(Старина).

Сказали, братци,—по чисту́ полю карабь бѣжитъ,
Карабельщицьки на караблики побѣгаютъ,
Они руцьками, ножками роботаютъ.
Ише это, братци, цюдо—не́ цюдо;
Я видалъ ишше цюдышко цюднѣ того.
Сказали, братци,—по поднебезью медьвѣдь летитъ,
Ужъ онъ ножками, лапками помахиватъ,

Онъ коротенькимъ хвостикомъ поправливатъ.
Ишше это, братци, цюдо—не́ цюдо;
Я видалъ ишше цюдышко цюдне́ того.
Ишше жонки-ти, дѣвки бѣжатъ съ ухватами,
Ишше маленьки ребята бѣжатъ съ подо́лами.
Ишше это, братци, цюдо—не́ цюдо.

89.

Егорій Храбрый и его мучитель.

(Эту старину Васильева переняла у поморки Александры, родомъ изъ Пялицы, на Терскомъ берегу).

Ише туры-ти, олени по горамъ пошли,
Ише бѣлы-ти заеци по за́сѣкамъ,
Ише рыба-то ступила въ морску́ глубину,
Ише на́ небо взошолъ да младъ свѣте́лъ мѣсецъ;—
Ишше на́ землю родилсэ могуць богаты́рь
Ишше на́ имя Ёгорья-свѣта Храброго.
Какъ во лбу-ту у Ёгорья красно солнышко,
Въ затылу́-ту у Егорья младъ свѣтёлъ мѣсецъ,
По косицямъ мелки звѣзды катаютьце,
За ушми́-ти бѣлы зори замыкаютце.
Ишше сталъ у ей Егорей пети́, шти годовъ,
Ишше сталъ у ей Ёгорей конёмъ владать,
Онъ конёмъ у ей владать да копьёмъ шу́рповати.
Какъ прошла эта вѣстоцька по всей земли,
И по всей она земли по Светаруськія.
Какъ узнало-то царишшо невѣрноё,
Какъ невѣрноё царишшо Ондреёнишшо;
Ужъ онъ силу-ту всю нашу повырубилъ,
Ишше Божьи-ти церьквы на дымъ спусьтилъ,
Царя Ѳёдора Смоленського подъ мецъ склонилъ,
Онъ царицю, доць Прекрасну изуродовать хотѣлъ.
Какъ цярпця, доць Прекрасна хитра́-мудра была,
Шьто хитра-мудра была, да во Пешбръ-горы ушла,
Уносила своёго да цяда милого,
Ишше на́ имя Ёгорья-свѣта Храброго [1]).
Ишше сталъ у ей Ёгорей благословленьиця просить:
„Ужъ ты маменька, маменька родимая моя!
Благослови-тко мнѣ, маменька, ѣхати

[1]) Смоленьской цярь былъ ему родной дядя.

Ко тому же ко царишшу ко невѣрному,
Ко невѣрному царишшу ко Ондреѐнишшу".
Ише тутъ-ли цяриця слѐзно сплакала:
— Ужъ ты гой еси, цядо моё милоё,
Ишше на́ имя Ёгорья-свѣта Храброго!
Ты поѣдешь къ цярю да къ Ондреѐнину,—
Онъ тибя, моя цядо, повырубитъ,
Ишше буйною голову со плець сказьнитъ,
Миня, ро́дну матерь, одну погуби́тъ.—
Отвѣцятъ ей Ёгорей-свѣта Храброй-отъ:
„Ужъ ты маменька, маменька родимая моя!
Я поѣду ко городу ко Кіеву,
Я поѣду самъ, безъ благ'словленья твоёго́".
Какъ садилсэ Егорей на добра́ коня [1])—
Не увидяла собранья богатырьского;
Во цисто́мъ-то поли́ да курева́ стоитъ,
Курева-та стоитъ да дымъ столбо́мъ у́ его вали́тъ.
Пріѣжаетъ ко городу ко Кіеву,
Какъ на городъ заѣжаетъ не воротами,
Онъ на Кіевъ заѣзжаетъ не широкима.
Увидалъ ёго царишшо Ондреѐнишшо;
Отправляетъ онъ могущихъ, сильнихъ бо́гатырѐй.
Ай сьѣжжаютьце богатыри на добро́мъ кони́,
Не поддавастьце Ёгорей-свѣта Храброй онъ,
Побиваётъ свѣтъ-Егорей онъ вѣдь Храброй-отъ
Трёхъ могущихъ, сильнихъ бо́гатыре́й [2])...

(*Конца не помнитъ*).

V.

Рукопись покойной *Устиньи Крюковой*. Листокъ со стариною объ осадѣ Соловецкаго монастыря найденъ мною въ Нижней Золотицѣ у одной старухи; онъ находился среди рукописей со статьями церковнаго содержанія и духовными стихами: объ Іоасафѣ-царевичѣ, о кончинѣ и о грѣшной душѣ. Въ одной изъ тетрадокъ съ духовными стихами на-

---

1) Эта семи лѣтъ ужъ онъ сталъ.

2) Стрѣлѐли, палили псъ пу́шокъ—подстрѣлить не могли. Черезъ три года явилсэ къ матери здоровой.

ходится запись: „1813 года Устиньи Крюкова“, на другой— бумажный водяной знакъ: „В. Ф. П. М. 1815“. Слѣд., старина была записана (или списана со стараго оригинала?) въ десятыхъ годахъ XIX в. Владѣлица рукописей въ молодости жила у своей тетки Устиньи Крюковой въ Онуфріевской пустыни Мезенск. у., въ 100 верстахъ отъ Золотицы, и тамъ выучилась грамотѣ отъ скитницъ. Рукопись писана безъ раздѣленія на стихи; начало старины въ ней оторвано, и поэтому оно приводится по записи со словъ старухи, владѣлицы рукописи.

90.

Осада Соловецкаго монастыря.

Чьто во славномъ было царствѣ,
Во великомъ государствѣ
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ;
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводой поставляли;
Что есть выбрали воеводу,
Его роду непростого,
По фамильи Солтыкова,
Петра сына Алексѣевиця.
Посылали воеводу
Къ Соловецькимъ чудотворцамъ
Манастырь ихъ розорити,
Стару вѣру порушити,
Стары книги изодрати
И огню ихъ придати,

(Далѣе приводится по рукописи, съ разнорѣчіями по записи со словъ).

Всѣхъ сътарцевъ прирубити
Ивсинѣе [1]) море пометати.
Что возговоритъ воевода
Съ великимъ плачемъ слезнымъ
Что нелзя того подумать
На святое то [2]) мѣсто
На прекрасною киновию.
Что возговоритъ государь царь

---

[1]) „Въ спне“.
[2]) „Это“.

Алексей сударь михайловичь.
Ты добро добро воевода
Я велю тебя казнити
Руки ноги отрубити
Збуйною [1]) голову отпилити.
Воевода ужасался
И [2]) слезами обливался
Погоди меня казнити
Прикажи речь говорити
Поручи мне силы [3])
Стрельцовъ буйцо [4]) исальдатовъ.
Что садился воевода
Волехи да во лехвия стружечки [5])
Потянули ветры [6])
Со восточную сторонку
Приносило воеводу
Къ соловецкимъ чюдотворцемъ
Ко манастырю свѣто [7])
Конгумену честному
Что стрелялъ воевода
Во соборную божию церковъ
Уронилъ воевода
Богородицу со престола
Все [8]) сътарцы испугалисъ
Постенамъ пометались
Водно место сбирались
Водно слово говорили [9])
Во Москвѣ было во царстве
Въ грановитой во полаты
Отворялись отворялись царьския двери
Воскрычали возопили
У васъ естьли караули

---

1) „Буйну“.
2) „Самъ“.
3) Приб. „много“.
4) „бо́рцовъ“.
5) „Во легошеньки стружочки“.
6) Приб. „буйны“.
7) „Ко мана́стырю святому“.
8) Вси“.
9) Пропущены 4 стиха, передающіе рѣчь старцевъ: см. стр. 199. *Собир.*

Гонцы скоры бы посылали
Скорбее бе манастырь [1]) не розоряли
И [2]) старцевъ не рубили
И вѣры бы не рушили.
Что возговоритъ игуменъ
Вы духовный мой дѣти
Уже стойте не здаватесъ
За христа бого умирайте
аминь [3]).

---

[1]) „Чтобы манастыря“

[2]) „Чтобы“.

[3]) Старуха разсказывала, что московское войско стояло у монастыря 3 года, и взяло его только потому, что одинъ монахъ показалъ Салтыкову потайной ходъ. *Собир.*

Верхняя Зимняя Золотица.

VI.

Ѳедоръ Тимоѳѣевичъ Пономаревъ (уличное прозвище Почёшкинъ [1]), неграмотный старикъ 70 или 71 года, содержатель земской станціи (по мѣстному „станціонъ"); онъ обязанъ возить проѣзжее начальство въ Нижнюю Золотицу („Устье"), Инцы и Кózлу, за что получаетъ въ годъ 300 рублей. Кромѣ того, онъ занимается ловлей семги въ Бѣломъ морѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья р. Золотицы. Семейство его состоитъ изъ четырехъ замужнихъ дочерей и двухъ женатыхъ сыновей, съ которыми онъ подѣлился только нынѣшній (1899) годъ; одинъ изъ нихъ еще не успѣлъ выстроить себѣ домъ и живетъ пока въ домѣ отца. Этимъ лѣтомъ они общими усиліями строятъ яхту, а раньше мореходное судно было только у другого сына, такъ что Ѳедоръ никогда не былъ „корабельщикомъ". Лѣтъ 25 тому назадъ онъ служилъ старостой при Верхне-Золотицкой церкви и, будучи большимъ пріятелемъ покойному священнику Ивану Розанову [2]), нерѣдко пѣлъ ему „былины" (такъ онъ одинъ называлъ старины, очевидно, усвоивъ это названіе отъ священника); навѣрное, и записывалъ Розановъ отъ него, п. ч. Пономаревъ знаетъ всѣ шесть старинъ, записанныхъ въ Зимней Золотицѣ и напечатанныхъ у Ефименка [3]): Первая поѣздка Ильи Муромца, Бой Добрыни съ

---

[1]) У его отца былъ братъ, который въ дѣтствѣ сильно картавилъ и звалъ его вмѣсто Тимошка—Почошка, и это прозвище утвердилось за нимъ, вслѣдствіе чего сынъ всѣмъ извѣстенъ подъ именемъ Почошкина.

[2]) Въ первой части „Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи", *Ефименко*, онъ названъ „Владиміренъ-Розановъ" (стр. 14, 46), во второй же части—„Вл". (с. 10, 47); такимъ образомъ, часть его фамиліи принята за имя.

[3]) Т. II, 10—25; перепечатаны въ „Русскихъ былинахъ", *Тихонравова* и *Миллера* II, №№ 5, 15, 32, 49, 67, и 44 (стр. 283).

Ильей Муромцемъ, Дюкъ, Соломанъ (а не Соломонъ), Иванъ Годеновичъ, Дунай; послѣднюю старину онъ знаетъ не всю, и прежде не зналъ до конца; дѣйствительно, въ записи Розанова разсказъ о встрѣчѣ Дуная съ Настасьей очень скомканъ, а конца былины совсѣмъ нѣтъ (ср. въ этомъ сборникѣ № 75). По характеру Ѳедоръ Тимоѳеевичъ—веселый, добродушный старикъ; онъ любитъ балагурить и шутить съ дѣвушками. Но эта шутливость соединяется въ немъ съ вѣрностью завѣтамъ старины и добропорядочностью: онъ не куритъ и не пьетъ. Замѣчательная память его видна изъ того, что онъ умѣетъ пѣть не менѣе 14 старинъ; она обнаружилась между прочимъ въ томъ, что онъ подробно разсказывалъ мнѣ исторію объ испанскомъ рыцарѣ Веніціянѣ и королевнѣ Ренцивенѣ, исторію, которую давно уже читалъ ему племянникъ; при разсказѣ онъ не затруднялся передавать такія непривычныя для его уха названія, какъ король Брамбеусъ, Мальтійскій островъ и пр. Старины онъ поетъ сильнымъ пріятнымъ голосомъ и какъ виртуозъ—свободно, легко, не подыскивая выраженій; благодаря этому, онъ славится какъ очень хорошій сказатель.

Изъ былинныхъ героевъ Пономаревъ никогда не слыхалъ именъ: Соловья Будимировича, Ставра, Ивана Гостинаго, Сухмана, Вольги и Микулы, Волха Святославьевича, Василія Буслаевича. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь старинъ и 6 вышеозначенныхъ, онъ знаетъ слѣдующія: 1) какъ Добрыня ѣздилъ на Пучай-рѣку, 2) Потыкъ, 3) какъ Чюрилюшко жилъ съ Перемятовой женой, 4) смерть жены Грознаго царя, 5) слышалъ разсказы о Святогорѣ и говорилъ, что они отпечатаны въ книжкахъ, но чтобы кто-нибудь пѣлъ „на голосахъ“—не слыхалъ.

91.

Исцѣленіе Ильи Муромца [1]).

Илья Муромецъ тридцать лѣтъ былъ больной, сидѣлъ на гнóищѣ. Однажды пришли къ нему двѣ калики (святымъ духомъ) и попросили напиться. Илья Муромецъ сказалъ имъ, что не можетъ встать; калики велѣли ему попробовать. Онъ всталъ съ

---

[1]) Изложеніе разсказа Пономарева, который говорилъ, что онъ самъ слышалъ это отъ стариковъ *рóсказью. Собир.*

печки и налилъ воды. Калики приказали ему испить самому и спросили, велику ли силу онъ чуетъ. „Если бы было въ землѣ кольцо, я повернулъ бы всю землю“. Калики дали ему испить въ другой разъ, и силы у него убавилось на половину. Они приказали ему стоять за вѣру православную и за землю Святорусскую и обѣщали, что ему на̀ полѣ смерть не писана. „Только молись Спасу и Божьей матери“, прибавили они. Когда ушли калики, онъ вышелъ на улицу; а за дверьми лежитъ огромный камень; онъ его выворотилъ и отнесъ на сторону. Коничекъ-жеребчикъ ему изъ облака выпалъ. Тогда онъ поѣхалъ въ Кіевъ и далъ обѣтъ-заповѣдь—не вынимать по дорогѣ оружія [1]).

Илья получилъ смерть въ Кіевѣ, въ пещерахъ; мощи его есть за то, что за святую вѣру стоялъ.

92.

Илья Муромецъ и Идолище [2]).

(Изложеніе разсказа).

Илья Муромецъ былъ въ полѣ и, когда возвращался въ Кіевъ, узналъ, что тамъ засѣлъ Идо́лишшо, который хотѣлъ изгнать христіанскую вѣру. На дорогѣ въ Кіевъ Илья встрѣтилъ калику Иванишша и переодѣлся въ его платье калическое, а ему отдалъ своего коня. Пришелъ онъ на дворъ ко князю и проситъ милостыни зычнымъ голосомъ. Князь Владимиръ говоритъ ему: „Не проси,—Идолишшо запрещаетъ давать милостыню“. Но Идолишшо самъ позвалъ: „Поди-ка сюда, въ гридню, калика“. Когда Илья вошелъ въ палаты, Идолишшо обратился къ нему съ вопросомъ: „Не знаешь ли Илью Муромца? Я о немъ много слышалъ“.—Да я знаю его, какъ самъ себя.—„А много ли онъ хлѣба, соли ѣстъ, вина пьетъ?“—Да когда ѣсть, пьетъ, а когда и такъ живетъ.—„Коли онъ такой богатырь, то я посадилъ бы его на долонь, другою бы прижалъ—только бы мокренько осталось“.—А вотъ у нашего попа было коровище обжорчивое; оно много пило, ѣло, да и лопнуло.—Это Идо́лишшу не понравилось; онъ схватилъ ножъ и бросилъ въ Илью Муромца; Илья увернулся, и ножъ пролетѣлъ мимо. Тогда Илья отсѣкъ ему саблей голову, и она улетѣла за окошко.

---

[1]) Реминисценція изъ былины о первой поѣздкѣ Ильи; см. пересказъ Пономарева въ „Русскихъ былинахъ“, *Тихонравова* и *Миллера*, II, 9. *Собир.*

[2]) Этотъ разсказъ Пономаревъ слышалъ также въ прозаическомъ изложеніи, но въ формѣ старины не слыхалъ. *Собир.*

93.

Алеша и сестра Збродовичей.

Да во славномъ во городи во Кіеви,
А у ласкова князя у Владимера
Заводилась пирушочька, почесенъ пиръ
Шьто на многія князьёй, на думныхъ бо́яровъ,
Шьто на руськихъ могучихъ на бога́тырей,
Шьто на тихъ поленицъ на преуда́лыя [1]),
Шьто на тихъ жа на каза́ковъ на Задо́ньскія,
Шьто на тѣхъ жа бурла́ковъ на московьскія
И на тѣхъ на кресьянъ на прожиточьнія.
Красно солнышко кати́тце ко западу,
Ай ко западу солнышко, ко за́кату;
У Владимёра-та пиръ идётъ на радосьти.
Ишше всѣ-ти на пиру сидя пьяны весело,
Ишше всѣ на пиру-ту да напиваючись,
Ишше на пиру-ту да наѣдаючись,—
Ишше всѣ вѣдь на пиру-ту да приросхвастались:
Шьто иной-отъ сидитъ хвастаё золотой казной,
Шьто иной-отъ сидитъ хвастатъ широки́мъ дворомъ,
Шьто иной-отъ сидитъ хвастаётъ добры́мъ конёмъ,
Сидитъ глупой-о хвастае молодой женой,
Неразумной-о хвастаё родной сестрой.
Да сидѣло два вѣдь братьице́й Петровице́й;
Ай Петровици ети братьица Збродо́вици
Да сидятъ они не пьютъ, сами они не кушаютъ,
Ишше бѣленькой лебёдушки не рушаютъ,
Ай сидятъ-то они, не чимъ сами не хвастаютъ.
Да Владимеръ-князь по гривнюшки похаживаетъ,
Онъ жолтыми кудерцями самъ натрясыватъ,
Ишше самъ говоритъ онъ таково слово:
„Ишше вси-ти на пиру у мня пьяны, вёселы.
Ужъ вы вой еси, вы братьеця Петровици!
Сидите́ вы не пъете́, не чего не кушайте,
Ужъ вы бѣленькой лебёдушки не рушайти,
Сидете́, да не чимъ у насъ не хвастанте?“
— Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевской!
Золотой казны у насъ-то да не случилосе,
Имѣньиця при себѣ не пригодилосе;

[1]) Женьской родъ, богатырици, сшибались на поединки.

Только есь-то вѣдь у насъ одна любимая,
Любима есть у насъ, одна да есь сéстричя
Ише та же Олёнушка Петровна-я.
А сидитъ она у насъ да въ задьней горьници,
Шьтобы лишныя люди еѣ не зáздрили,
Шьтобы красное солнышко ю не зáпекло.—
Говорилъ тогды Олёшенька Поповиць сынъ:
„Ужъ вы вой еси, вы братьиця Петровици!
Ай живу съ вашой Олёнушкой будто я мужъ съ жоной“.
Ише тимъ братьямъ рѣчи-ти не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Говорилъ тогда Олёшенька Поповиць сынъ:
„Вы подите-тко теперече къ широкý двору
Закатайте-тко-се комъ снѣгу бѣлово,
Ай мечите-тко Олёнушки въ окóлёнку;—
Ише сами вы увидите, шьто какъ будё дѣлати“.
Да пошли ети братьиця къ широкý двору,
Закатали они комъ-то да снѣгу бѣлово,
Ише кинули въ стекляну свою околенку.
Увидала де Алёнушка Петровна-я,
Отпирала де окошочько косиньчято,
Выпушшала она бѣленько полотéнышко.
Увидали ети братьиця да родимыя,
Ишше сами говорили да таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Олёнушка Петровна-я!
Наряжай-ко-се во платьицё ты во чёрное,
Повезёмъ-то тебя нá полё на Кулíково
Да сьсѣкёмъ-то у тебя буйну головушку“.
Говорила де Олёнушка Петровна-я:
— Ужъ вы вой еси, вы братьиця мои родимыя!
Да не бойтесь-ко стыду-страму вы сестрина,
Ужъ вы бойтесь-ко стыду-страму вы женина:
У большого брата живётъ жона съ Добрынюшкой,
У меньшого брата жона живётъ съ Перемётушкой [1].—
Ишше стому братья не повѣрили;
Наредили ей во платьичё во чёрноё;
Ай полóжили въ короточку во тёмную,
Повезли-то ей какъ нá полё на Кулíково:
Ай хотятъ у ей отсѣкци буйну́ да головушку.
Да во ту же де во пору и вó время

[1]) Перемёта Васильевичъ.

Ай поѣхалъ де Олёшенька Поповичь сынъ,
Ай крычитъ-то онъ, зычитъ-то зычнымъ голосомъ:
„Ужъ вы вой еси, вы братьеця Петровици!
Ай не троньте вы Олёнушки Петровны-я.
Вы не бойтесь стыду-страму вы сестрина,
Ужъ вы бойтесь-ко страму-стыду вы женина:
У большого-то жона живётъ съ Добрынюшкой,
У меньшого брата жона живётъ съ Перемётушкой;—
Ише ходимъ мы всѣ трое въ одны гости".
Ише взялъ-то Олёшенька Поповичь сынъ
Ай увёзъ-то Олёнушку Петровну-ю.

94.

Камское побоище.

Подошло, братцы, подъ Кіевъ-отъ сорóкъ царей,
Ише сóрокъ царей, сорокъ царевúцей,
Ише сорокъ королей, братцы, [1]) королевицёвъ,
Ише сорокъ ятмановъ, подъятмáниськовъ.
А подъ кажнымъ подъ царёмъ было, подъ царевицёмъ,
А подъ кажнымъ королёмъ, подъ королевицёмъ,
Ай подъ кажнымъ подъ ятманомъ было, подъятмáницёнкомъ
Ише силушки-то было да по сороку тысечей;
Подъ самимъ подъ царишшомъ да подъ Идóлишшомъ
Подъ правý руку-то царишша сорокъ тысечей,
Подъ лѣвý руку царишша сорокъ тысечей,
Впереди идётъ царишша-та сорокъ тысечей,
Позади идётъ царишша-та сила—числа-смéту нѣтъ.
Говорилъ тогды поганоё да Идóлишшо:
„Ай кого жо мнѣ послать будётъ въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ай свезти мнѣ ёрлыки-йти скорописьчяты?
Мнѣ послать, не послать Ваську-королёвиця".
Ише Васька-королёвиць Идолишшу любимой зять.
Говорилъ тогды поганоё да Идолишшо:
„Ужъ ты вой еси, ты Васька, королёвиць ты!
Ужъ ты сѣзди, ты Васька, ты въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Ай свези-тко ёрлыки-йти скорописьчяты".
Ише въ тé поры де Васька-то не ослышилсэ;
Лёкко, скоро скачётъ онъ на добрá коня,

---

[1]) Пономаревъ пѣлъ эту былину съ передышкой въ этомъ мѣстѣ, посреди стиха. *Собир.*

А поѣхалъ тогды Васька въ красенъ Кіевъ-градъ;
Ёнъ ко городу-ту ѣхалъ да не дорогою,
Ай во городъ заѣжаетъ не воротами,
Ай конь скачетъ чересъ стѣну-ту городо́вую,
Мимо ту же круглу башню-ту наугóльнюю.
И ѣдё онъ во гридни-то княженетськія,
И мечё онъ коня самъ середи двора,
Не привязана мечётъ д' не приказана,
Не розсѣ́длана мечётъ да не розуздана,
Самъ идётъ тогды во-въ гúрьню-ту княженевьскую,
Отпираетъ Васька дверй-ту на́ пяту,
А не кститъ онъ своёго-та личя чёрново,
Ёнъ кладётъ ёрлыки эти на дубовой столъ.
А берётъ восударь тогды Илья Муромець,
А зьберётъ ёрлыки, скоро роспечатыватъ,
А скорѣе того самъ вѣдь просматриватъ;
Ишше самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Охти менѣ-чьки, менѣ-чьки,
Охти менѣ-чьки да тошнёхонько!
А не вёшна вѣдь вода насъ облелѣяла,
Подошло-то къ намъ подъ Кіёвъ-отъ сорóкъ царей,
Ише сóрокъ царей, сорокъ вѣдь цяревúцей,
Ише сорокъ королей, сорокъ королевицёвъ,
Ише сорокъ ятмановъ да подъя́тманьченковъ;
Да подъ кажнымъ подъ царёмъ было, подъ цяревицёмъ
Ише силушки-то было по сороку тысечей;
Подъ самимъ подъ царишшомъ подъ Идóлишшомъ
Ужъ силушки было—да числа-смéту нѣтъ".
Говорилъ жо восударь тогда Илья Муромець:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ ты стольнёй-кіевськой!
Ай бери-тко-се свои да золоты ключи,
Отмыкай-ко-се свои окованы́ ларьци,
Насыпай-ко-се чашу красного золота,
Ай другу жа насыпай-ко-се чистого сéребра,
Ай третью́ насыпай-ко-се скатного жемчуга,
Ай дари-тко-се Ваську-ту-королёвиця,
Ай проси-ко-се строку на три годика,
Шьтобы намъ во Кіеви да покастьсе,
Да покаетьсе во Кіёви намъ да поправитьца".
Ишше въ тѣ́ поры Владимёръ-князь не ослышилсэ;
Ай берётъ онъ свои тогды золоты ключи,
Отмыкаётъ онъ свои окованы́ ларьци,

Насыпаётъ онъ вѣдь чашу красна золота,
Ай другу жа насыпаё онъ чиста сéребра,
Ише третью насыпаётъ онъ скатна жемчугу,
Ай даритъ тогды Ваську-ту-королёвиця,
Онъ проситъ гдѣ-ка строку-ту на три годика.
Васька дáры-ти берётъ, имъ да чёломъ не бьётъ,
Не даватъ имъ-то строку на три годика.
Ай просили они строку-ту на три мѣсеца;
Не давалъ Васька строку-ту на три мѣсеца,
Только далъ имъ вѣдь сроку-ту на двѣнадцеть дёнъ.
Да уѣхалъ тогды Васька въ силу-орду невѣрную,
Говорилъ тогды восударь-отъ да Илья Муромець:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць!
Ты садись-ко-се, Добрыня, да на ременьчатъ стулъ.
У тебя же, у Добрынюшки, рука лёкка́,
Ай рука у тя лёкка да и перо востро́;
Ты пиши-тко ёрлыки скоро-на́-скорѣй,
А пиши-тко-се дружинушку да хоробрую:
Перьву голову—Самсона-та Колыбанова,
Ай пиши-тко Светогора Первосла́вьёва,
Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хро́мого,
Ай пиши-тко-се Гаврила-та Долгополого,
Ай пиши-тко Перемётушку да Васильева,
Ай пиши-тко-се ты Ро́шшу-ту-Росшиби колпакъ,
Ише Рошшу-ту пиши да со племяньникомъ“.
Говорилъ тогда восударь-отъ да Илья Муромець:
„Ай кого же мы пошлёмъ ѣхать по святой Руси,
Розьвести ёрлыки эти скорописьчяты?
Ай послать, не послать Михайлушка Данилова:
У Михайлу́шка лошадь-та вѣдь малёшенька,
Да малёшенька лошадь да удалёшенька“.
Ише при́звали Михайлушка тогды Данилова,
Ише сами говорили ёму таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Михайлушко да Даниловичь!
Ужъ ты сьѣзди, ты Михайлушко, по святой Руси,
Розьвези-тко ёрлыки эти да скорописьчяты,
Созови-тко-се дружинушку да хоробрую
Да тому жо де ко кнлзю на почёсной пиръ,
Къ восударю и де къ Ильи Муромцю [1]),

---

[1]) Онъ перьвой населялсэ въ Кіевъ, какъ Соловья рѣшалъ (см. прим. къ № 91).

Да на грозноё зови на Камськоё побоишшо“.
Ище въ тѣ́ поры Михайлушко не ослышилсэ;
Лёкко, скоро самъ онъ скачетъ на добра́ копя,
Ай поѣхалъ де Михайлушко по святой Руси,
Ай крычалъ-то онъ, зычалъ тогды зысьнимъ голосомъ,
Да во всю жа богатырьску буйну́ да головушку:
„Добро жаловать, дружинушка вы хоробрая,
Ай ко князю ко Владимеру на почесенъ пиръ,
Къ восударю ко Ильи, братцы, вы какъ на́ помочь
Ай на грозно де на Камськоё сильнё побоишшо!“
Да пріѣхалъ де Михайлушко тогды Даниловиць,
Ай пріѣхалъ де Михайло-то въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Онъ обьѣздилъ вьсю-ту землю Святоруськую,
А пріѣхалъ де Михайлушко на тре́тей день,
Ишше тре́тьёго дьня да полу́ же дня.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка да Микитиць!
Ты скачи-тко-се ты скоро жо на добра́ копя,
Поѣжжай-ко-се, Добрынюшка, во чисто́ полё,
Сосьситай-ко-се да орду-силу невѣрную,
Привези-тко-се ты смѣтушку въ красёнъ Кіевъ-градъ“.
Ишше въ тѣ́ поры Добрынюшка не ослышилсэ,
Лёкко, скоро скакалъ тогды на добра́ коня,
Ай поѣхаль де Добрынюшка во чисто́ полё;
Ёнъ смотритъ на орду-силу да невѣрную,
Ишше самъ буйной головушкой да покац(ч)иватъ.
А не могъ сосьцитать орды да невѣрныя;
Да пріѣхалъ де Добрынюшка въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Онъ привёзъ—не привёзъ смѣты въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Ишше самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевськой!
Ишше надобно бумагъ, чернилъ три воза,
Ай описывать орда надо три года:
Да какъ этой орды-силы да невѣрныя
Ише ясному соколу будё не о́блетѣть
Да во весь день-отъ какъ вѣдь вёшныя,
Ишше сѣрому-ту волку будё не о́брыскать
Ай во вьсю-ту поченьку въ осённую“.
Ише сьѣхалась дружинушка-та хоробрая,
Ай дружинушки сьѣхалось ра́вно тридцеть душъ,
Ишше тридцеть-то было безь единого,
Самъ тридцатой восударь былъ Илья Муромець.

Да живётъ эта дружинушка да по перьвой день,
Ишше пьё эта дружинушка она по вто́рой день,
Ишше пьютъ они бога́тыри да по тре́тей день.
Говорили тогды князи-ти, ду́мныя бо́яра:
„Ужъ ты вой еси, Владимеръ стольнёй-кіевской!
Ише пьё у тя Илейка, проклаждаитце,
Ише ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце,—
Ише хочё изминить у насъ да во Кіеви".
Говорилъ тогда Владимёръ-отъ стольнёй-кіевськой:
„Ужъ ты вой есь, восударь да Илья у мня Муромець!
Ише пьёшь у мня во Кіеви, забавляисьсе,
Ише ратнымъ дѣломъ не заботисьсе;—
Вѣрно, хочёшь изминить у мня ты во Кіеви?"
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевськой!
Ишше не́жаль мнѣ тебя, князя, со княгиною,
Ишше не́жаль мнѣ боярииовъ да брюшйпиковъ;
Только жаль мнѣ-ка во Кіеви Божьйхъ церквей,
Только жаль мнѣ-ка во Кіёви-то бѣдныхъ вдовъ.—
Ишше сталъ тогды Иле́юшка собиратисе,
Ишше сталъ тогды зъ дружинушкой собрунятисе[1]).
Отправляитьце Илеюшка во цисто́ полё;
Ай берётъ онъ сороковочку зелена́ вина,
Ишше пива-та берётъ вѣдь онъ другу́ бочку,
Ишше третью-то ме́ду сладкого.
Ишше выѣхали они во чисто́ полё,
Розоставили шетры они бѣлополо́тьняны;
Ише пьютъ во шетрахъ они по перьвой день,
Ише пьютъ во шетрахъ они да по вто́рой день,
Забавляютьце они, пьютъ сами да по третей день.
Говорили тогды князи, думныя бо́яра:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевськой!
Ише пьё у тя Илейка-та по перьвой день,
Ише пьё у тя Илейка-та да по вто́рой день,
Ише пьё у тя Илейка и по третей день;
Самъ ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце,—
Вѣрно, хочё изминить у насъ подъ Кіевомъ".
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ ты вой еси, Олёшенька, ты Поповиць сынъ!
Поѣзжай-ко-се ты, Олёша, ты во чисто́ полё,

---

[1]) Збрудой богатырською; палиці, сабли, то—збруда.

Ай скажи-тко ты восударю ты Ильи Муромцу:
Ишше што онъ во шатрахъ пьётъ, забавляитце,
Ишше ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце;—
Вѣрно, хочё изминить у насъ подъ Кіевомъ?“
Ишше въ тѣ поры Олёша не ослышалсэ,
Лёкко, скоро скакалъ тогды на добра́ коня,
Да пріѣхалъ-то Олёша-та ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Ише самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ужъ ты вой есь, восударь да Илья Муромець!
Ише пьёшь ты во чисто́мъ поли, проклажданшьсе,
Самъ ты ратнымъ ты дѣломъ не зоботисьсе,—
Вѣрно, хочёшь изминить, вѣрно, подъ Кіёвымъ“,
Говорилъ де восударь тогды Илья Муромець:
— Мнѣ-ка не́жаль мнѣ вора князя Владимёра,
И какъ не́жаль мнѣ бледи Опраксеи Королевишны,
Ишше нежаль мнѣ князёновъ, бояръ брюшпинниковъ;
Только жаль мнѣ Божы́хъ церквей, бѣдныхъ вдовъ.
Ай на комъ ета заботушка на комъ поло́жона,
Ише тѣмъ ето дѣло будё созла́жоно.—
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромець:
„Ужъ вы вой еси, дружинушка да хоробрая!
Ужъ я стану вамъ топереча што да наказывать,
Ужъ я стану вамъ топереча вамъ наговаривать;
Да сысполните моё вы приказаньицо;
Я поѣду я топере въ силу-орду невѣрьную,
Да сысполните моё вьсё приказаньицё:
Засьвистить моя когды сабьля вострая,
Зазьвенитъ когда моя кольчуга да серебьряна,
Заревутъ когды поганыя да татаровя,
Вы скачите тогда-кось на добры́хъ коней,
Поѣжжайте-тко во силу-орду невѣрьную,
Ай рубите-тко всё старого и малого,
Не оставлейте единого на сѣ́мяна“.
Лёкко, скоро де Илеюшка скаче на добра́ коня,
Ай поѣхалъ въ орду-силу невѣрною;
Ай ѣдё да ко силушки, къ орды невѣрныя.
Ай не вёшна вода тогды розьливаласе,
Роступаласе орда-сила невѣры́ная;
Ише ѣдё восударь тогды Илья Муромець,
Ише ѣдё онъ къ поганому Идо́лишшу.
Ай сидитъ де Идолишшо на девети стулахъ,
Ай сидитъ-то де онъ будто сильнёй бугоръ;

Голова-та у ёго а будто сильней бугоръ,
Ай глаза у ёго будто пивны́ чаши,
Ише носъ у ёго будто палка драва́кольняя.
Да пріѣхалъ восударь къ ёму Илья Муромець;
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Ужъ и здрасвуй, дородьнёй доброй молодець!
Вы поправились во Кіеви ли, покаелись,
Ли очистили дорожки въ красенъ Кіевъ градъ,
Ли построили дворы намъ постоялыя,
Да устроили конюшны вы лошадиныя?“
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Мы поправились во Кіеви вси да покаелись,
Ай очистили дорожки въ красенъ Кіевъ градъ,
Ай построили мы домы постоялыя,
Ай устроили конюшны лошадиныя.—
Говорилъ тогда поганоё Идолишшо:
„Ай каковъ у васъ есь восударь-отъ да Илья Муромець?
Или много ли онъ хлѣба, соли ѣстъ,
Или много ли вина онъ передъ вы́тью пъётъ?“
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ ты вой еси, поганоё Идолишшо!
Ужъ ты зглень на миня: вѣдь какой я,—Илья:
Ишше хлѣба, соли ѣсъ онъ да умѣрянно,
А вина по вытью пьётъ по одной чарочки.—
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Онъ мало вѣдь пьё, сы (?) мало пьё и кушаетъ,—
Опъ и мало можётъ онъ и дѣстовать.
Ише хлѣба я ѣмъ, дакъ къ вы́тью по семи печей,
А вина-та я пью по се́ми вёдёръ жа“.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ ты вой еси, поганоё ты Идолишшо!
Ай была у миня у батюшка коровишшо;
По загу́менью коровишшо питалосе,
Ай на за́хлѣбьи [1]) у коровишша брюхо треснуётъ;
У тибя жо, у Идолишша, скоро тресьнётъ жа.—
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Кабы былъ здѣсь восударь-отъ да Илья Муромець,
На доло́нь посадилъ, сверьху при́жалъ я,—
Межь двума межь долонеми только мокро́ стало“.
У Илеюшки серьдечушко розьерилосе,

---

1) Вмѣсто „захлѣвьи“. *Собир.*

Ай горе́ча-та кровь да роськипѣласе,
Ай могучи ёго плечи росходилисе,
Лѣпёта́ во лици перемѣниласе.
Ай берётъ онъ тогды свою-ту сабьлю вострую,
Ай махнулъ то своей-то сабьлей вострыя,
Отсѣкъ у Идолища буйну́ головушку;
Да свёрьнулась голова, будто-какъ пугвица.
Засьвисьтѣла тогды сабьля ёго острая,
Зазьвинѣла-то кольчуга-та серебряна,
Заревѣли да поганыя тотаровя;—
Услыхала де дружинушка хоробрая,
Лёкко, скоро де скачутъ на добры́хъ коней,
Ай поѣхали въ орду-силу невѣрную;
Да сѣкутъ-то они старого и малово,
Не оставливаютъ единого ихъ на сѣмяна.
Да рубилисе бога́тыри по перьвой день,
Не пиваючись рубились, не ѣдаючись,
Со добры́хъ коней они сами не сьлѣзаючись;
Да рубилисе богатыри по вто́рой день,
Не пиваючись рубились, не ѣдаючись,
Со добрыхъ копей они сами не слѣзаючись;
Да рубилисе бога́тыри по третей день,
Не пиваючись рубились, не ѣдаючись,
Со добры́хъ коней не сьлѣзаючись.
Говорилъ тогды восударь-оть Илья Муромець:
„Ай поѣдёмъ мы топеречи во бѣлы́ шетры,
Ише станемъ мы въ шатрахъ да отдыхать теперь“.
Во шатрахъ былъ оставлёнъ Олёшенька Поповичь сынъ,
А оставлёнъ де Гаврило Долгополыя [1]).
Увидалъ тогды Олёшенька Поповиць сынъ,
Да поѣхалъ де какъ Васька-та, королевиць сынъ,—
А скакали они де тогды на добры́хъ коней,
А настыгли тогды Ваську-королёвиця,
Ай отсѣкли де у Васьки да буйну́ головушку.
Да какъ ѣдутъ они ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Ише сами говорили да таково слово:
„Ай была кабы лисьница намъ на небо,
Ай присѣкли мы бы силушку небесную“.
Услыхалъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ и сукины вы дѣти, Олёшенька Поповиць сынъ!

---

[1]) А Васька-королевичъ поѣхалъ.

Хорошу жо вы какъ шуточку да нашу́тили;
Ише какъ эта шуточка вамъ съ рукъ сойдётъ?—
Да легли тогды бога́тыри во бѣлы́ шатры.
Ише спятъ они бога́тыри да по перьвой день,
Ише спятъ они бога́тыри да по вто́рой день,
Ише спятъ тогды бога́тыри сами по третей день
Со того жа со уста́тку со великого.
Да по у́тру-ту было, да утру очунь рано жа,
По восходу-ту какъ было соньця красного
Ише вышелъ де Илеюшка изь бѣла́ шатра,
Ай гледитъ на орду-силу тогды невѣрную,—
Ай стоитъ сила-орда вься живёхонька.
Да 'ише самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ише хто-то де эту шуточку, вѣрно, да нашучивалъ,
Ише надо тому шуточка отшучивать“.
Да какъ вышла де дружинушка изь бѣлы́хъ шатровъ;
Увидалъ тогда Олёшенька да Поповиць сынъ,
Увидалъ тогды Гаврилушко Долгополыя:—
Ай скакали де на копья, коньци они на вострыя,
Закололись они на копьяхъ грудью бѣлою.
Ише тутъ-то имъ, братанушкамъ, да славы́ поютъ.
Да пришло тогды дружинушки дѣлать было печево;
Ай скакали де они тогды на добры́хъ коней,
Ай поѣхали въ орду-силу они невѣрную;
Ише рубятъ де они ихъ всихъ да до единого.
Ай которого какъ рубятъ они на́двое,
Изь того же какъ рожаитьце два тотарина;
Да которого рубили да они патрое,
Исъ того вѣдь какъ рожаитьсе три да тотарина.
Да рубилисе бога́тыри они по перьвой день,
Ай рубилисе бога́тыри они по вто́рой день,
Ай рубилисе бога́тыри сами по третей день,
Не пиваючись рубили да не ѣдаючись,
Со добры́хъ коней они сами не съ̀лѣзаючись.
Да отъѣхалъ тогды восударь-отъ да Илья Муромець,
Ай гледитъ де на орду-силу тогды невѣрную,—
Ай лёжитъ де тогда орда вься мерьтвёхонька.
Закрычялъ тогды Илеюшка зычьнимъ голосомъ:
„Ужъ вой еси, друшинушка вы хоробрая!
Поѣжжайте-ко, дружина вься, по своимъ мѣстамъ“.
Да поѣхалъ восударь тогды Илья-та Муромець,
Ай поѣхалъ де Добрынюшка съ имъ да Микитинць сынъ.

Ише ѣдутъ де они сами по чисту́ полю,
Ай наѣхали на и́скопыть на глубокую;
Ише ѣхалъ де вѣдь сильнія да бога́тырь тутъ;
Ише конь и подъ бога́тыремъ, будто сильней левъ,
Поворачивалъ ископыти глубокія.
Да какъ сами они ѣдутъ да по чисту́ полю,—
Ишь ѣзьдитъ баба, бѣла́ блесть латы́нгорка,
Она трупья-ти сама на копьица помётыватъ,
Да ко тру́пелямъ сама она приговариватъ:
„Охьте, менѣ-чики, менѣ-чики теперь тошнёхонько!
Не застала я вѣдь Камського сильня побо́ишша!
Не застала вѣдь какъ вора да Ильи я Муромца;—
На доло́нь посадила, другой сверьху при́жала,
Межь двума межу долопеми тольки мокро́ стало“.
Услыхалъ жа восударь тогда Илья-та Муромець:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць сынъ!
Поѣжжай-ко-се ко бабы ты ко латы́нгорки,
Ай поѣду я топереча, по и́скопыть-глубокія“.
Добрынюшка поѣхалъ къ бабы латынгорки,
А Илеюшка поѣхалъ по ископти глубокія.
Онъ ѣде де Илеюшка по чисту́ полю,
Увидалъ во чисто́мъ поли бѣло́й шате́ръ;
У шатра-та вѣдь стоялъ вѣдь какъ доброй конь,
Ише зо́блё онъ пшаницю-то бѣлёя́рову.
А пріѣхалъ де Илеюшка ко бѣлу́ шатру,
Ай сошолъ, скакалъ Илеюшка со добра́ коня,
Самъ пошолъ тогды Илеюшка во бѣло́й шате́ръ.
Во шатри-то вѣдь какъ спалъ тогды доброй молодець,
Ише спитъ молоде́ць сномъ богатырскіемъ.
Говорилъ тогды восударь-отъ Илья-та Муромець:
„Ай сонного мнѣ убить-то, будто-какъ мёртвого,—
Ише честь-та молодцу́, не похвалба́ будётъ“.
Ише самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ай ставай-ко-се, дородьнёй ты доброй молодець,
Ай не для́-ради спасеньиця, а сьвоей главы!
Ужъ мы сьѣдимьсе съ тобой на поли да побра̀тимьсе;
Кому на́ поли будётъ намъ Божья́ помочь?“
Пробудилсэ дородьнёй доброй молодець;
Ай скакали де они тогды на—на добры́хъ коней [1]),
Ише сьѣхались они тогды да по перьвой разъ,

---

[1]) См. примѣч. къ стиху 3. *Собир.*

Ай ударились они балецéми да боёвыма;
Только палеци въ рукахъ у ихъ поломалисе,
Они другъ-то дружки сами они не ранили,
Ише нé дали они раны къ ретивýю серцу.
Да какъ сьѣхались богáтыри во—во второй наконъ,
Ай ударили они сабьлеми-ти вострыма;
Ише другъ-то дружки сами они не ранили,
Ише нé дали ранушки къ ретивýю серцу;
Только сабли-ти въ рукахъ у ихъ пошорбáлисе.
Да какъ сьѣхались богáтыри во третéй наконъ,
Ай ударились ти-копьеми бурзуменьскима;
Они другъ-то дружки сами они не ранили,
Они нé дали ранушки ´къ ретивýю´ сертцу;
Только копьица въ чинегáлишшахъ [1]) свернулисе.
Да скакали черезъ гривы-ти лошадиныя
Да схватилисе богáтыри и большúмъ боёмъ,
Да большимъ они боёмъ сами рукопашосьнимъ.
Да по Божьею было всё да по милосьти,
По Илеюшкиной было ёго по учесьти:
Подьвернулась у молодца-та ножка правая,
Ай ослабла у ёго тогды рука лѣвая;
Ише падалъ тогды молодець на сыру землю,
Да Илеюшка-та сѣлъ къ ёму на бѣлы́ груди;
Увидалъ де на руки у ёго да злачёнъ перстень,
Ише перстень-отъ увидѣлъ да онъ имянóй жа свой;
Ише самъ онъ говорилъ ёму таково слово:
„Ты скажись-ко-се, дородьнёй ты доброй молодець,
Ужъ ты кóёго жа города и какой земли,
Ай какого сынъ отца ты да какой матери?
Ишше какъ тя, молодець, всё да именёмъ зовутъ,
Ишше какъ молодца звеличаютъ по отечеству?“
Говорилъ тогды дородьнёй доброй молодець:
— Ай сидѣлъ кабы вѣдь у тя на бѣлы́хъ грудяхъ,
Не спросплъ бы я ни родины и не вотчины,
Ай споролъ бы я тебѣ груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы я твоёго ретива́ серца.—
Говорилъ ёму Ильюшка во второй наконъ,
Говорилъ ёму Илеюшка во третéй наконъ.
Говорилъ-то вѣдь дородьней доброй молодець:
— Ай такого я вѣдь города да такой земли,

[1]) По черенкамъ.

Ай такого я отца-ли, я такой матери;
Миня де молодца зовутъ да Борисушкомъ,
По отецесью вѣдь я сынъ королевичь же.—
Услыхалъ жа восударь тогды Илья Муромець,
Ай скакалъ тогды Илеюшка со бѣлы́хъ грудей,
Ай берё де молодца онъ да за бѣлы́ руки,
Ай чёлуётъ во уста-ти во саха́рныя:
„Ужъ ты вой еси, дородьнёй ты доброй молодець!
Ай Борисъ ты вѣдь ты не королевиць сынъ,
А Борисъ ты, ты да какъ вѣдь Ильёвичь сынъ:
Ай была твоя когды ро́дна матушка,
А была де когды она заполо́нена,
Ише ѣзьдилъ вѣдь я, ей отпола́нивалъ,
Да тогда тибя, Борисушка, всё засѣялъ жа.
Ты вѣдь какъ, Борисъ, мнѣ-ка да любимой сынъ“.
Да Борису ети какъ рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Ай Борисушко поѣхалъ къ ро́дной матери,
А Илеюшка поѣхалъ во чисто́ полё.
Да какъ ѣдётъ де Илеюшка по чисту́ полю
Ко тому жа ко Добрынюшки ко Микитицю;—
У Добрынюшки вѣдь баба-та-бледь да латы́нгорка
Да какъ ѣзьдитъ по личю она гу́зномъ жо.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка да Микитиць сынъ!
Ай не знашь жа ты какъ бабьею да ухваточки:
Ай бери жа бабу за пелькн да пинай по́дъ гузно;—
Ишше тутъ жа бабы раны да кровавыя“.
Да какъ толкнулъ Илеюшко бабу латынгорку,
Ишше пнулъ сапогомъ какъ ей по́ гузну,
Да сьвернуласе вѣдь бабушка, будто овсяной снопъ.
Ише сѣлъ тогды Добрыня къ ей на бѣлы́ груди,
Розьметалъ, присѣкъ Добрыня на мелки́ ей часьти жа,
Розьметалъ сю бабу латы́нку по чисту́ полю,
Самъ поѣхалъ де Добрынюшка, куды ёму путь лежитъ.
Говорилъ жо восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ай скажу-то я, Добрынюшка, да во Кіеви,
Шьто какъ ѣз дила латынгорка по бѣлу́ лицю“.
Да Илеюшка поѣхалъ во бѣло́й шате́ръ;
Ай Борисъ-отъ де поѣхалъ къ ро́дной матери,
Ише самъ онъ говорилъ онъ таково слово·
„Ужъ ты вой еси, моя же да ро́дна матушка!

Ай наѣхалъ я старого на чистóмъ поли;
Ай зовётъ какъ вѣдь старой миня выбьлядкомъ.
Да скажи-ко мнѣ-ка, мать, правду-исьтяну,
Королевичъ ли я, ли Борисъ младой Ѝльевичъ?“
Говорила де ёму тогды рóдна матушка:
— Ишше ты вѣдь какъ, дитя, Борисъ не королевиць сынъ:
Ай когда же я была заполóнёна,
Пріѣжалъ де восударь тогды Илья Муромецъ;
Ай миня-то вѣдь какъ онъ отполáнивалъ,
Сотворила сь емь любовь какъ сердесьнюю,
Ай втипоръ я тибя, Борисушка, засѣяла.
Ише ты вѣдь какъ Борисъ теперь младой Ильевичъ.–
Да Борисушку какъ рѣчи эти да не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Отсѣкъ онъ у матери буйну́ головушку;
Ише самъ тогды поѣхалъ во чистóмъ поли́,
Ише самъ онъ говорилъ таково слово:
„Ай наѣду́ ели старого на чистомъ поли,
Ай сьсѣку де у ёго я да буйну-ту голову“.
Да какъ ѣдё Борисъ ко бѣлу́ шатру,
Ишше сьпитъ тогды Илеюшка во бѣлóмъ шатри,
Ишше заспалъ онъ сномъ-то да богатырскія.
Ай соскóчилъ де Борисъ со добра́ коня,
А идётъ де какъ Борисъ во бѣлóй шатéръ;
Ише спитъ тогды Илеюшка забуду́шшимъ сномъ.
Да берётъ своё копьё-то вострое,
Да какъ хочётъ де придать Илеюшку злой смёртоцьки;
Ише шáрнулъ онъ въ бѣлу грудь да копьёмъ вострыя.
Да по Божьею было всё по милосьти,
По Илеюшкиной было ему по учесьти,—
Ай Илеюшки-ка въ поли смерть было не писапо,—
Ише крестъ-отъ былъ на груди вѣсу полтора пуда,
Ише плитка-та была да серебьряна.
Ишше пало де ёго да кóпьё-то да востроё,
Ишше пало во плитку-ту, крестъ да серебьряной;
Ай согнулось-то копьё-то да востроё.
Ай скакалъ тогда Илюшка на рѣзвы́ ноги,
Ай хватилъ молодца за бѣлы́ руки;
Ише мечётъ де высокó ёго по-подь нёбеса,
Ай на бѣлы ёго ручюшки не прихватыватъ;
Да убилъ тогды Бориса о сыру́ землю.
Ише туть де Борисушку да славы́ поютъ.

Да скакалъ тогды Илеюшка на добра́ коня,
Ай поѣхалъ де по ископыти да Добрыниной.
Ай пріѣхалъ де Илеюшка ко сиію́ морю.
У сиія́ моря лёжитъ-то да камень сѣрыя;
На кони́-то [1]) вѣдь лёжалъ Добрынюшка,
Ай убилсэ Добрыня на добро́мъ кони
Со того жо со страму-стыду съ латынь-го́ркину:
Шьто какъ ѣзьдила баба по бѣлу́ лицю,
По бѣлу́-ту лицю ѣзьдила своимъ гу́зьнишшомъ.
Ишше тогды восплакалъ Илья-та Муромець:
„Ужъ ты вой еси, брателко да крестовыя!
Не сказалъ бы про тебя я да въ городи Кіеви".
Да какъ здялалъ де колоду бѣлоду́бову,
Ай зарылъ-то де Добрынюшку во сыру землю;
Самъ поѣхалъ де Илеюшка въ красёпъ Кіевъ-градъ.

95.

Сотко [2]).

Да какъ хвалитце Сотко́, похваляитце Сотко́
Во иныі́ гради [3]) товары вси повыкупить
Да на че́рлены на ка́рабли да повыставить.
Да пошолъ Сотко́ на двѣнадцети карабляхъ,
Онъ приходитъ во гавань карабельнюю
Ай ко той жо ко при́стали лодейныя.
Да по перьвой день товары всѣ повыкупилъ,
На черлёныя на ка́рабьли повыставилъ;
Да на вто́рой день товаровъ больше старого нашло.
Ай по вто́рой день товары всѣ повыкупилъ,
А на че́рлены на ка́рабьли повыставилъ;
Да на тре́тей день товаровъ больше старого пришло.
А по третей день товаровъ всѣхъ повыкупить не могъ,
Да на черлёны на ка́рабьли повыставить не могъ.
Да пришолъ Сотко́ на двѣна́дцеть карабля́хъ,
Да назадь-ту онъ пошолъ на шесьти́ карабля́хъ.

---

[1]) Конечно, вмѣсто „па камени;" ср. стр. 38, ст. 80. *Собир.*

[2]) По словамъ Пономарева, эта старина поется особеннымъ веселымъ напѣвомъ. Ея удалой напѣвъ напоминаетъ „Ахъ вы сѣни". *Собир.*

[3]) Вмѣсто „во Нови-гради"; названіе города принято за простое опредѣленіе, и прилагательное „нова́я" замѣнено тождественымъ по значенію словомъ „иной" (см. словарь). Ср. въ Пѣсняхъ, *Рыбникова* (III, 251), въ былинѣ о *новгородскомъ* гостѣ Терентіи „Поди-сходи на йной городъ". *Собир.*

Ишше вы́шолъ Сотко́ на сине́ё на море́.
Ишше всѣ карабли какъ-будто со́колы летятъ,
Ай Сотко́вой вѣдь карабль да некуды вѣдь нейде́тъ,
Некуцы онъ нейдётъ да на одномъ мѣсти стоитъ.
Ай Сатко́-купець по ка́раблю похаживаётъ,
Онъ жо́лтыма кудерце́ми натряхиваётъ,
Ишше самъ онъ говорилъ да таково́е сло́во:
„Ужъ вы вой еси, дружинушка хоробрая моя,
Ишше тѣ же мои да водолашшички!
Вы скачите-тко вы скоро вы во синеё во морё,
Вы смотрите-тко вы скоро подъ черьлёнымъ караблёмъ:
Ишше нашъ-отъ карабль не на ме́ли ли стоитъ,
Не на ме́ли ли стоитъ, не на лу́ду ли нашолъ,
Не на лу́ду ли нашолъ не на подводную?“
Ай скакали какъ дружина во сине́ё во море́,
А смотрили они скоро подъ черьлёнымъ карабьлёмъ,
Ишше сами говорили таково ёму сло́во:
— Ишше нашъ-отъ карабль не на ме́ли онъ стоитъ,
Не на мели онъ стоитъ, не на лу́ду онъ нашолъ,
Не на луду онъ нашолъ не на подводную. —
Да Сотко́-купець по ка́раблю похаживаё,
Онъ и жо́лтыма куде́рьце́ми натрясываё:
„Ужъ вы вой еси, дружинушка хоробрая моя!
Вы скачите-тко, дружинушка, во шлюпочку,
Поѣзжайте-тко, дружина, во темны́е во лѣса,
Вы срубите-тко по же́ребью по тава́лженому.
Вѣрно, есь у насъ на ка́рабли пригрѣшной человѣкъ;
Отсѣките-ко по же́ребью тава́лженому“.
Ишше въ тѣ́ поры дружинушка не ослышилась сво;
Ай скакали они скоро вѣдь во шлюпочку.
Ай поѣхала дружина во темны́я во лѣса,
Они сѣкьли какъ по же́ребью тава́лженому,
Ай метали они же́ребьей во сине́ё во море́.
Ишше вси-ти жеребья́ да будто гоголи плювутъ,
Ай Сотко́вой-отъ же́ребь ко дну ка́менёмъ пошолъ,
Ко дну ка́менёмъ пошолъ да онъ нигдѣ-то не высто́лъ.
Пришло Сотку́ да съ карабля-та соходить,
Съ карабля-та соходить да на дошшочку соходить;
Соходилъ Сотко́ да на дошшо́чьку.
Сошолъ Сотко да на дошшочёчьку;
Ай кара́бель-отъ пошолъ, да будто со́колъ полетѣлъ.
Заснулъ Сотко да на дошшочочьки,

Пробудилсэ Сотко да у Морского у царя.
Говорилъ-то ёму да вѣдь Морской-отъ царь:
„Ужъ ты вой еси, Сотко-купець, богатой человѣкъ!
Ужъ ты ко́лико ты по́ морю не хаживалъ,
Ишше мнѣ-то вѣдь царю дани не плачивалъ.
Ты бери-тко-се, Сотко, у мня су́жону собѣ,
У мня сужону собѣ, да собѣ ряжоную".
Ай сидѣла у царя за зы́бой бабушка,
Говорила де Сотку да таково́ ёму слово́:
„Приведе́тъ тобѣ царь ишше полкъ дѣви́ць,—
Не бери-тко-се изъ того полку невѣсты себѣ;
Приведе́тъ тебѣ полкъ да второй-то дѣвиць,—
Не бери-тко-се съ полку да собѣ сужоную;
Приведе́тъ тебѣ полкъ-отъ третей дѣвиць,
Идётъ сзади какъ дѣвушка Черна́вушка,
Ай Чёрнавушка идётъ да Шолудья́вушка;—
Ты бери-тко-се да собѣ сужоную,
Собѣ сужоную да собѣ ряжоную".
Привёлъ ёму царь вѣрно по́лкъ ёму дѣви́ць.
„Ише нѣту мнѣ-ка своей су́жоной".
Ише привёлъ ёму полкъ да второй дѣвиць.
„Ишше нѣтъ-то мнѣ здѣсь да собѣ су́жоною".
Да привёлъ ёму полкъ да третей да дѣви́ць;
Идётъ ззади дѣвушка, идётъ Чернавушка,
А Чернавушка идётъ да Шолудьявушка-я.
Говорилъ тогды Сотко-купець, богатой человѣкъ:
„Вотъ мнѣ сужоная да моя ряжоная."
Ишше лёкъ Сотко́ на кроваточку,
На кроваточку легъ съ дѣвушкой съ Чёрнавушкою;
Заснулъ Сотко да на кроваточки,
Пробудилсэ Сотко у быстрой рѣченьки:
Ай стоятъ во рѣченьки черьлёны карабли,
Черьлёны карабли купця богатого, ёго.

96.

Сорокъ калинъ со каликою.

Собиралосе вѣдь, братцы, сорокъ царей [1]),
Ишше сорокъ каликъ, братцы, со каликою.
Становилисе калики на зеле́ной лугъ,
На зеле́ной лугъ сами во единой кругъ,

[1]) Машинальное заимствованіе изъ былины № 94, ст. 1. *Собир.*

Выбирали промежу́ они де атаманушка,
Атамана выбирали съ подъата́маньёмъ:
Атаманомъ былъ Михайло Михайло́вичь сынъ.
Они клали промежу заповѣдь великую,
Ише клали они заповѣдь промежу́ собой:
„Ише хто-то изъ насъ, братцы, заворуитце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, заплутуитце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, за блудо́мъ пойде́тъ,—
Не ходити-то намъ, братцы, не подъ царьскій судъ,
Не подъ царьскія судъ-отъ да не подъ княжеськой;
А судити-то мы будёмъ промежу́ собой:
Да ретиво-то серьдечушко промежу плечи [1]),
А рѣчистъ-отъ языкъ, братцы, тянуть те́менёмъ,
Да жегчи-то на бѣлы́хъ грудяхъ селитрушка,
А ломать на правомъ боку рёбрышка,
Вдосталй-то отсѣкци буйну головушку".
Собиралисе калики перехожія,
Ай пошли эти калики въ красёпъ Кіевъ градъ.
Да настрѣту имъ Владимёръ стольнёй-кіевской,
Ише самъ говорилъ имъ таково слово:
„Ужъ вы здрасвуйте, калики перехожія!
Вы откуль иди́те, калики, куда путь лежитъ?"
Отьвѣчяли де калики перехожія:
— Мы идёмъ отъ креста отъ Клядови́това,
Да пошли мы ко городу ко Кіеву
Ишше Восподу Богу помалитисе,
Ко Воспедьнёму гробу приложитисе,
Во Ердань во рѣкй-то да покупатисе.—
Говорилъ тогды Владимеръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ вы вой еси, калики перехожія!
Ужъ вы спойте, вы калики, да мынѣ-ка Еле́ньской стихъ;
Не слыхалъ я отъ ро́ду стиху Еле́ньсково".
Становилисе калики на зеле́ной лугъ,
На зеле́ной отъ лугъ сами во единой кругъ;
Они посохи-ти въ земью испотыкали,
Они суночьки-котомки исповѣсили;
А запѣли де калики стихъ и да Еле́ньскія.
Ишше мать сыра земьля подь има потресаласе;
А упалъ тогды Владимеръ на сыру земью,
Ишше самъ онъ говорилъ имъ таково слово:

---

[1]) Винит. множ. *Собир.*

„Ужъ вы вой еси, калики перехожія!
Ишше полно вамъ пѣть стиху́ да Еленьскова!“
Перестали де калики перехожія.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ вы вой еси, калики перехожія!
Золотой казны съ собой у мня не случилосе,
Имѣньйця при мьпѣ не пригодилосе.
Да подите вы, калики, въ красёнъ Кіевъ градъ
Ай ко той же Опраксе́и Королевисьни,
Ай просите вы милосьтины спасёныя,
Ай спасёныя милосьтины, тружо́ныя“.
Да пошли ети калики въ красёнъ Кіевъ градъ,
Ай Владимёръ-отъ поѣхалъ, куда путь лёжитъ.
Да пришли ети калики перехожія,
А пришли ети калики въ красёнъ Кіевъ градъ,
Да пришли они ко гривьни княженевськіи,
Ишше прося они милосьтины спасёныя,
Ай спасёныя милосьтины, тружо́ныя,
Ишше для́-ради Христа, царя небесьного,
Ишше для́-ради вѣдь Божьею Богородицы.
Услыхала Опраксеюшка Королевицьня,
А сама де говорила таково слово:
„Добро жаловать, калики, хлѣба, соли ись,
Хлѣба соли-то ись-то да вина съ мёдомъ пить!“
Да зашли ети калики перехожія,
Ай зашли ети калики во гривьню княженевьскую.
Да живутъ ети калики-ти по перьвой день,
Да живутъ ети калики по вто́рое.
Говорила Опраксея-та Королевисьня:
„Ужъ ты вой еси, Михайло ты Михайло́вичь сынъ!
Ты пойдёмъ ко мнѣ во спальню-ту княженевьскую,
Ишше спи-тко во спальни княженевьскія“.
Ишше етому Михайлушко не ослышилсэ,
Да пошолъ-то онъ спать въ спальню княженевьскую.
Говорила Опраксея Королевисьня:
„Ужъ ты вой еси, Михайло да Михайло́вичь сынъ!
Сотворимъ-ко-се любовь со мной сердесьнюю“.
Говорилъ тогды Михайло-то Михайло́вичь сынъ:
— Ай не льзя мнѣ сотворити любовь-сердесьнія,—
У насъ кла́дёна заповѣдь великая,
Ише заповѣдь кладёна промежу́ собой:
Ише хто-то изъ насъ, братцы, заворунтце,

Ише хто-то изъ насъ, братцы, заплутунтце,
Ише хто-то изъ насъ-то да за блудóмъ пóйдéтъ,—
Не ходити-то намъ будётъ не подъ царьской судъ,
Не подъ царьскія судъ-отъ, не подъ княжеской;
А судить-то мы будёмъ всё своимъ судомъ:
Да рѣчистъ-отъ языкъ станемъ тянуть тéменёмъ,
Ясны очи-ти потянёмъ мы косичеми,
Ай ретúво-то сердечушко промежý плечи,
Да жегчи́ станёмъ селитру-ту на бѣлыхъ грудяхъ,
Вдосталú станёмъ отсѣкать буйну головушку,
Да оставимъ мы того всё во чистóмъ поли.—
Говорила Опраксея-та во второй наконъ,
Говорила Опраксея-та во третéй наконъ:
„Сотворúмъ-ко-се любовь со мной сердечьнюю“.
Отказалсэ Михайло Михайлóвичъ сынъ.
Ише стали де калики собиратисе,
А пошли эти калики изъ города изъ Кіева.
И во ту же во пору и во то время
Положила де Опраксея Королевичьня
Ко тому же ко Михайлуйшку ко Михайлову
Ай во ту же ему во суночку, во котомочку
Ише ту же она чашу красного золота,
Исъ которой чаши Владимеръ по прiѣзду пьéтъ,
По прiѣзду-ту пьётъ, по отъѣзду пьётъ.
Да пошли эти калики во чистó полё.
Да во ту же де во порушку, во то время
Ай наѣхалъ де Владúмёръ стольнёй-кіевской.
Ай стрѣчаётъ Опраксея Королевичьня;
Ише сталъ тогды Владимёръ стольней-кіевской,
Ай спросилъ у 'праксеи Королевичьни—
Исъ которой онъ исъ чаши по прiѣзду пьётъ;
Не пашли этой вѣдь чаши они негдѣ ею́.
Говорила Опраксея Королевисьня:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевской!
Ишше были éта калики перехожія,—
Видно, взели чашу твою они красного золота“.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
— Ужъ ты вой еси, Олёшенька Поповиць сынъ!
Поѣжжай-ко-се ты, съѣзди во чистó поле,
Состыди-тко-се ты каликъ да перехожія,—
Не попала ли има чаша красна золота,
Исъ которой я исъ чаши по прiѣзду пью?—

Ишше въ тѣ поры Олёша не ослышилсэ;
Лёкко, скоро самъ онъ скаче на добро́мъ кони,
Да поѣхалъ де Олёша во чисто́ полё,
Онъ наѣхалъ де каликъ да перехожія,
Онъ крычалъ, зычалъ тогды имъ зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы воры, вы калики перехожія!
Вы украли у Владимёра чашу красна золота,
Исъ которой де Владимёръ по пріѣзду пьётъ“.
Услыхали де калики перехожія;
Становилисе калики на зелёной лугъ,
Они на зелёной лугъ, сами во единой кругъ,
Они копьи-ти въ земью испотыкали,
Они супочки, котомки исповѣсили,
Да какъ взёли де Олёшу-ту за бѣлы́ руки,
Ишше знели Олёшу со добра́ коня,
Оттыка́ли Олёшѣ подштанники [1])
И нахлопали Олёшѣ ж... до́ красна.
Да поѣхалъ де Олёша въ красёнъ Кіевъ градъ;
Ай пріѣхалъ онъ ко князю ко Владимеру,
Ишше самъ онъ говорилъ таково слово:
„Ай не могъ-то я состы́кчи каликъ-то перехожія“.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
— Ужъ ты вой еси, Добрынюшка да Микитиць сынъ!
Поѣзжай-ко ты, съѣзди во чисто́ полё,
Постыди-тко-се каликъ да перехожія;
Не попала ли имъ чаша красного золота?—
Ище въ тѣ поры Добрынюшка не ослышилсэ;
Лёкко, скоро онъ вѣдь скачетъ на добра́ коня,
Ай поѣхалъ Добрынюшка во чисто́ полё
Да состыкъ-то каликъ-то да перехожія;
Онъ крычалъ, зычалъ каликамъ зысьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы стойте-тко, калики перехожія!
Не попала ли вамъ въ суночки-котомочки,
Не попала ли вамъ чаша кра́сного золота,
Исъ которой де Владимёръ по пріѣзду пьётъ?“
Услыхали де калики перехожія;
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной лугъ калики во единой кругъ,
Ишше копьица въ земью испотыкали,
Ишше суночки-котомки исповѣсили;

[1]) Мѣстное названіе штановъ. *Собир.*

Они стали де искать сами промежу́ собой
Во тихъ жа во суночкахъ, во котомочкахъ;
Ай нашли какъ ету чашу красного золота
У того де Михайла Михайло́вица,
Ишше отдали чашу красного золота
Ай тому же де Добрынюшки да Микитицю.
Ай Добрынюшка поѣхалъ въ красёнъ Кіевъ градъ,
И привёзъ-то онъ ко князю-ту да Владимеру,
Ишше отдалъ онъ чашу красного золота.
Ишше стали де Михайлушка своимъ судомъ,
Ишше судятъ де Михайла Михайло́вица:
Ай рѣчистъ-отъ языкъ они тянутъ те́менёмъ,
Ишше ясны-ти очи тянутъ они косичеми,
Ай ретйво-то сердечушко промежу́ плечи,
Вдосталй, тутъ селитру́ жгутъ на бѣлы́хъ грудяхъ,
Вдосталй де какъ отсѣкли буйну́ ему головушку;
Ай оставили Михайлушка на чисто́мъ поли,
Да пошли ети калики, куды имъ путь лежитъ.
Недалёко вѣдь отошли они отъ Михайлушка,—
Состыгатъ ихъ да Михайло Михайло́вичь сынъ,
А крычитъ-то онъ, зычитъ имъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ вы братцы-калики перехожія!
Ай зачимъ меня оставили во чисто́мъ поли?“
Услыхали де калики перехожія;
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной-отъ лугъ они во единой кругъ;
Они посохи-ти въ землю испотыкали,
Они суночки-котомочки исповѣсили,
Ишше стали де Михайлушка во второй наконъ,
Во второй наконъ вѣдь стали ёго судить своимъ судомъ:
Да рѣчистъ-отъ языкъ они опять тянутъ те́менёмъ,
Ишше ясны-ти очи тяну́тъ опять косичеми,
Да ретйво-то сердечко тя́нутъ они те́менёмъ,
Они жгутъ-то селитру-ту на бѣлы́хъ грудяхъ,
Вдосталй-то отсѣкали буйну́ головушку;
Ише сами де пошли, куды имъ путь лежитъ.
Ай состыгъ опять Михайлушко во второй наконъ
А крычитъ-то онъ, зычитъ имъ зычнымъ голосомъ [1])
. . . . . .
Да состыгъ-то ихъ Михайлушко во третей наконъ.

---

[1]) Повторяются стихи 189—204. *Собир.*

Ай судили де калики-ти во третéй наконъ,
Ай розьсѣкли, розметали его на мелки части же,
Ишше сами-ти пошли, куда имъ путь лежитъ.
Да состыгъ-то ихъ Михайлушко Михайло́вичь сынъ:
„Ужъ вы вой еси, вы братья-калики перехожія!
Ай зачимъ же оставьляйте во чисто́мъ поли?“
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной они лугъ стали во единой кругъ;
Ишше копьица-ти въ земью испотыкали,
Они суночки-котомки исповѣсили,
Ишше сами говорили да таково слово:
— Ты просьти-тко-се, Михайлушко Михайло́вичь сынъ,
Ты просьти-тко-се, Михайло, ты въ таковой вины! —

VII.

Власъ Ивановичъ Чекалёвъ (уличное прозвище Блиновъ), неграмотный, семейный крестьянинъ 59 лѣтъ. Отъ отца остался трехлѣтнимъ ребенкомъ; долго жилъ однимъ домомъ съ двумя своими братьями; тогда они сообща владѣли двумя судами, и ему приходилось ѣздить въ Норвегію; но двадцать лѣтъ тому назадъ братья раздѣлились, при чемъ онъ предоставилъ суда своимъ братьямъ и съ тѣхъ поръ въ Норвегіи не бывалъ. Занимается онъ ловлею семги въ Бѣломъ морѣ, а также, между дѣломъ, сапожнымъ мастерствомъ. Старины онъ перенялъ отъ стариковъ на тоняхъ, и славится въ своемъ селѣ какъ хорошій сказатель. А. М. Крюкова (I) говорила, что нѣкоторыя старины онъ выучилъ по книгѣ, которую ему читали; по всей вѣроятности, здѣсь надо разумѣть разсказъ про Святогора и сказку объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, которые онъ, дѣйствительно, знаетъ, слышавши чтеніе ихъ по книжкѣ. Изъ былинныхъ героевъ онъ никогда не слыхалъ именъ: Соловья Будимировича, Ставра, Ивана Гостинаго, Сухмана, Вольги и Микулы, Василія Буслаевича; не знаетъ онъ и старинъ про Садка, о томъ какъ Идолище сватался за племянницу князя Владимира. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь старинъ, онъ знаетъ слѣдующія: 1) Первая поѣздка Ильи Муромца, 2) Бой Добрыни съ Ильей, 3) Добрыня на Пучай-рѣкѣ,

4) Добрыня и Алеша, 5) Дунай, 6) Иванушко Гордёновичъ, 7) Девять разбойниковъ и ихъ сестра, 8) Князь девяноста лѣтъ и старицы.

97.

Илья Муромецъ и разбойники.

Ише хто ету дорожоцьку-ту у́торикъ,
Ише хто ету широкую-ту у́ѣздилъ?
— Уторѝлъ ету дорожоцьку старо́й старикъ.
Въ ширину ета дорожка—стрѣльцю-ту да перестрѣлити,
Въ глубину ета дорожка коню подъ шшо́тоцьку.
Ише конь-отъ былъ у старого на-убѣлъ былъ былъ;
Ише самъ-отъ старой—голова-та сѣра да борода бѣла.
Ише ѣхалъ ту старой по дорожоцьки
Да наѣхалъ ко столбу-ту да ко роста́нюшкамъ.
Да на столбики было-то какъ написано,
А глубокима-ти по́дрѣземи подрѣзано:
„Во перьву́ ѣхать дорожоцьку—богату быть,
Во втору ѣхать дорожоцьку—жонату быть,
Во третью́ ѣхать дорожоцьку—убиту быть“.
А сидитъ тогды старой на добро́мъ кони,
Розмышляётъ своимъ-то умомъ-разумомъ:
„Я не ѣду въ ту дорожку, гдѣ-ка богату быть;
Да нашьто-то мнѣ-ка старому золота казна?
У мня нѣту у старого молодой жоны,
Да у мня некому тошши́ть будётъ золотой казны.
Я не ѣду въ ту дорожку, гдѣ-ка жонату быть;—
Да нашьто-то мнѣ-ка старому женитисе?
Ужъ какъ старому женитце—будетъ чюжа́ корысьть.
Я поѣду въ ту дорожку, гдѣ-ка убиту быть“.
Ужъ какъ ѣхалъ-то старой по дорожочьки,
Да наѣхалъ на дорожки на семь станицьниковъ,
А понашому поруському семь розбойниковъ.
Да они хоцютъ старо́го убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Да сидитъ-то вѣдь старой на добро́мъ кони,
Говорилъ-то вѣдь старой таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси-то, да семь станисьниковъ,
Вы понашому поруському семь розбойниковъ!
Вы зашьто миня хочете убить, ограбити?

Да имѣньиця въ собой у мня не луч(ц)илосе,
Золотой у мня казны не пригодилосе.
Токо есть у мня у старого одинъ доброй конь;
Ише конь отъ вѣдь стоитъ какъ петсотъ рублей,
Какъ уборъ-отъ на кони стоитъ цѣлу тысечю".
Ише тутъ-то станичьниковъ призáрило;
Они хочютъ старого убить, ограбити
Да съ копёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Говорилъ-то вѣдь старой-отъ таковы рѣчи:
„Вы зашьто миня хочете убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ миня розлучити хотитé?
Да имѣньиця въ собой у мня не лучилосе,
Золотой-то казны у мня не пригодилосе;
Тольке есть у мня у старого одна шубочька,
Да на шубочьки есть у мня три пуговки:
Ише перьва-та пуговка петьсотъ рублей,
Да втора-та вѣдь пуговка въ семьсотъ рублей,
Ише третья-та пуговка въ чѣлу тысечю."
Ише тутъ-то станичьниковъ призарило;
Они хочютъ старóго убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Да какъ говорилъ-то вѣдь старой таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, да семь станичьниковъ!
И зашьто миня хочите убить, ограбити
Да съ копёмъ-животомъ миня розлучити хотитé?
Да имѣньиця въ собой у мня не лучилосе,
Золотой у мня казны-то не пригодилосе;
Только есь у мня у старого одна суночька,
Да во суночьки есь у мня три стрѣлочьки:
Ише перьва-та стрѣлочька во семьсотъ рублей,
А втора-та стрѣлочька въ цѣлу тысечю,
Ужъ какъ трéтьёй-то стрѣлочьки цѣны ей пѣтъ."
Ише тутъ-то станичьниковъ призарило;
Они хочютъ старóго убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Да росправилъ тутъ старой какъ аркáньцикъ-отъ
Да накинулъ на всихъ станичьниковъ,
Да напустилъ-то своёго коня доброго,
Ише самъ-то вѣдь сталъ-то ѣздить по чистý полю;
Рострепалъ-то, розьдёрьгалъ всихъ станичьниковъ.
Онъ очистилъ дорожку прямоѣзжую.

98.

Илья Муромецъ на заставѣ.

Да межу Кіёвымъ было, межъ Черниговымъ,
Да стояла заставушка 'семь богáтырей:
Атаманомъ государь нашъ Илья Муромець,
Втору голову Добрынюшка Микитиць-отъ,
Въ третью голову Самсонъ да Колывановиць,
Во ц(ч)етвёртыхъ Гаврюша-та Долгополыя,
Да во пятыхъ Потанюшко былъ Хроменькой,
Во шестыхъ-то были братыця Збродóвици,
Во седьмыхъ-то былъ Олёшенька Поповиць-отъ.
Да отъ той-то отъ заставушки 'семь богáтырей
Да не конному, не пѣшому проходу нѣтъ,
Да не ясному-ту соколу пролéту нѣтъ.
Да на ту жа на славушку на великую
Пріѣжаётъ дородёнъ доброй молодець
Да изъ той жо изъ земьли-то изъ Задоньскія.
Да кричялъ молодéць своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, заставушка 'семь богáтырей!
Ты давай-ко мнѣ, заставушка, поединьшика;
А не дашь ты мнѣ, заставушка, поединьшика,
Я убью-то вѣдь васъ всѣхъ за единого.“
Говорилъ государь тогды таковы рѣчи:
„Да послать мнѣ-ка Самсона-та Колыбанова,—
Онъ вѣдь силой-то силенъ, да неухватистъ былъ;
Черезъ то онъ потерятъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ-ка Гаврюшу-то Долгополого,—
Онъ вѣдь силой-то силенъ, дакъ полы долги;
Да черезъ то онъ потерятъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ-ка Потанюшка-та Хроменькой,—
Онъ вѣдь силой-то силенъ, какъ въ ногахъ хромой;
Черезъ то онъ потерятъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ двухъ братьиця́й Збродóвиця́й,—
Они силой-то сильни, сами забродятце;
Черезъ то они потеряютъ да буйну голову.
Да послать мнѣ-ка Олёшеньку Поповичя,—
Онъ вѣдь силой-то несúлёнъ, только напу́скомъ смѣлъ;
Черезъ то онъ потеряетъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ-ка вѣдь брателка назва́ного,
Молодыя Добрынюшку Микитиця,—

Онъ вѣдь силой-то силёнъ да какъ здѣло есть [1])“.
Да недолго нашъ Добрынюшка розговаривалъ;
Лёкко, скоро скакалъ-то да на добра́ коня,
Ише самъ поѣхалъ онъ-то да во чисто полё;
Выѣзжаётъ на шо́ломя на окатисто,
Онъ вѣдь здрилъ-смотрилъ на вси чётыре сто́роны,
Увидалъ-то—подъ одной да подъ стороночькой
Ужъ какъ ѣзьдитъ-то молодець, потѣха́итце,
Изъ рѣцей-то да молоде́ць да похваля́итце:
„Мнѣ наѣхать бы руського могучёго бога́тыря,—
Я убилъ бы ёго да ’мѣсто овода“.
Да скричялъ тогды Добрынюшка громкимъ голосомъ:
— Ужъ ты, полно тѣ ѣзьдить да потѣхатисе,
Изъ рѣчей-то тебѣ-ка да похвалятисе!
Ужъ мы станёмъ-ко на́ поли сьѣзжатисе.—
Не два ясного сокола слетаитце,
Два дородьнёго добра молодця сьѣзжаитце.
Подъ Добрынюшкой конь-отъ потыкаитце;
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Ужъ ты конь жа, конь ты да Воронеюшко!
Развѣ слышишь ты надо мной да незгодушку?“
Да гледѣлъ тогды Добрыня на доброго молодця;—
Да сидитъ-то молоде́ць да какъ сѣна́ кучя,
Голова-та у ёго-то да какъ пивной котёлъ,
Да глаза-ти у ёго да какъ пивны́ чяши,
Ише носъ-отъ у ёго какъ палка дровокольняя.
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Ужъ ты конь, ты мой конь да Воронеюшко!
Уносилъ отъ пурги́ и отъ па́дёры
Да удёрьгивалъ отъ пулечьки отъ свинцёвыя;
Унеси миня отъ смерьти-то отъ напрасныя.“
Ише конь-отъ отъ земьли-то де отдѣляитьсе,
Выше лѣсу стоячёго поднимаитьце,
Да унёсъ онъ къ заставушки ’семь бога́тырей.
Ницёго-то государь нашъ у Добрынюшки не спрашивалъ,
Да лёкко, скоро скакалъ-то да на добра́ коня,
Ише самъ онъ поѣхалъ-то во чисто́ полё.
Выѣжаётъ на шо́ломя на окатисто,
Онъ смотрилъ-то на вси цётыре стороны;

---

[1]) (Умѣетъ), какъ сдѣлать честь? Ср. въ Пѣсняхъ *Кирѣевскаго*, IV, 13: „Знаетъ (Добрыня), какъ богатырю честь отдать.“ *Собир.*

Увидалъ подъ одной онъ подъ сторонечькой
Ужъ какъ ѣздитъ-то молодець, потѣхаитьце,
Изъ рѣчей-то вѣдь молодець похваляитьце:
„Мнѣ наѣхать бы руського бога́тыря,—
Я убилъ бы его 'мѣсто о́вада.“
Да крицялъ государь тогды громкимъ голосомъ:
— Ужъ какъ полно тѣ ѣздить да потѣхатисе,
Изъ рѣчей-то тебѣ да выхвалятисе!
Ужъ какъ станёмъ мы на́ поли съѣжжатисе.—
Не два ясного сокола сълетаитьце,
Два дородьнёго молодця съѣзжаютсе.
Да ударили бога́тыри саблеми вострыма;
У ихъ сабельки-ти да пошербалисе;
Сами другъ-то вѣдь друга они не ранили.
Да ударились тутъ палецьми тяжолыма;
У ихъ палици-ти да поломалисе;
Сами другъ-то вѣдь друга они не ранили.
А ударилисъ тогда да ко́пьеми вострыма;
У ихъ копьиця по яблучькамъ сломилисе;
Сами другъ друга они-то вѣдь не ранили,
Они не́ дали вѣдь раны къ ретиву́ серцу.
Да скакали черезъ гривы-ти лошадиныя,
Да большимъ-то боемъ да рукопашкою
Да водились бога́тыри трои суточки;
Они ноги втоптали да по колѣнъ въ земьлю.
Государя-та ножоцька подломилась,
Ише права-та ручюшка окатилась,
Да упалъ-то государь тогды на сыру земьлю;
Да садилсэ молоде́ць ему на бѣлы́ груди,
Онъ вѣдь хочетъ спороть ёму бѣлы́ груди.
Да змолилсэ государь да Спасу пречистому,
Пресвятой-то матери Божьёй Богоро́дици;
У ёго прибыло силы, втроё больше стало жо.
Онъ спѣхнулъ-то бога́тыря какъ овсяной снопъ,
Ише самъ онъ садилсэ да на бѣлы́ груди,
Да не спрашивалъ не родины, не вотчины,
Да споролъ у бога́тыря бѣлы́ груди.
А потому шьто государю-ту было на́ поли смерть не писана.
А отправилсэ тогда онъ къ заставушки великою,
Ише самъ онъ говорилъ имъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, дружиночька хоробрая!
Розьѣзжайтесь вы, дружиночька, по своимъ мѣстамъ,

По своимъ-то мѣстамъ да ко своимъ домамъ.
Ише полно намъ стоять заставушкой великою!“
Да розъѣхались бога́тыри по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.

99.

Бой Добрыни съ Дунаемъ.

Ужъ какъ было у Дунаюшка погре́жоно,
Да погрежоно-то да было покуре́жоно,
А на добрыхъ на коничькахъ поѣзжоно.
Да поѣхалъ тутъ Добрынюшка во чисто́ полё,
Да увидялъ Добрынюшка, во чисто́мъ поли́
Да стоитъ-то чёрно́й шатёръ поло́тьняной.
А пріѣхалъ Добрынюшка ко чёрну́ шатру.
На шатри-то вѣдь было какъ написано,
А глубокима-ти по́рѣземи подрѣзано:
„Хто пріѣдётъ какъ ко чёрну́ шатру,
А живому вѣдь отъ чёрна шатра не уѣхати!“
Во чёрно́мъ шатри стояла кроваточька со новы́хъ [1]) костей,
Со новы́хъ костей да съ зуба рыбьёго;
На кроваточьки перинушка пуховая,
Одіялышко лёжало да чёрны́хъ соболей;
У шатра-та стояла-то бочька съ зелёны́мъ виномъ,
Да на бочьки-то чярочька золочёная,
Да не ма́ла, не вели́ка—полведра вина.
Ише взялъ-то Добрынюшка чяроцьку золочёную,
Наливалъ-то ету чяроцьку зелёна́ вина,
Выпивалъ-то ету чяроцьку на единой духъ
Ише для́-ради красы-то да молодецкою,
Да втору-ту наливалъ ради смѣлосьти богатырьскія,
Ужъ какъ третью наливалъ ради крѣпости богатырьскія.
Хме́ли́нушка въ головы́ тогды росходилась.
Ети подписи тогды ёму не понравились,
Ише по́дрѣзи ёму-ту не поглянулисе;
Ростопталъ тогды взялъ онъ чёрно́й шатёръ
Да ласку́тьё розьметалъ взялъ по чисту́ полю,
Да розсѣкъ онъ взялъ бочьку съ зелёны́мъ виномъ,

[1]) Слоновыхъ. *Собир.*

Да лёжилсэ какъ тогды самъ па кроваточьку,
Засыпаётъ тогды своимъ сномъ какъ богатырьскіямъ.
Тогды ѣхалъ къ шатру-то Дунаюшко сынъ Ивановичь;
Закричялъ-то Дунай да громкимъ голосомъ:
„Ишше хто-то ростопталъ мой чернóй шатёръ,
Да лоскутьс хто-то розьметалъ по чисту́ полю,
Да розсѣкъ-то хто-то бочьку съ зелёны́мъ виномъ?
Да кричялъ—да живому отъ чёрна́ шатра не уѣхати!“
Услыхалъ тогды Добрынюшка Микитиць-отъ,
Да скакалъ-то Добрынюшка со кроваточьки,
Да скакалъ-то Добрынюшка на добра́ коня.
Да не ясны-ти соколы слеталисе,
А дородьни-ти молодцы съѣзжалисе.
Да ударились они да саблеми вострыма,—
У ихъ сабельки-ти да поломалисе;
Они ударились тутъ палице́ми цяжолыма,—
У ихъ палеци-ти да поломалисе;
Да сами другъ-то друга они не ранили.
Да ударились тогды да ко́пьеми вострыма,—
У ихъ копьица по яблучькамъ сломилисе;
Они другъ-то друга какъ не ранили,
Они не́ дали раны къ ретиву́ серцу.
Да скакали черезъ гривушки лошадиныя,
Да большимъ они боемъ, ту-да-рукопашкою
Да водилисе бога́тыри три суточьки;
Они ноги втоптали по колѣнъ въ землю.
Да во ту-то пору да какъ во то́ время
Ужъ какъ ѣхалъ государь-отъ нашъ Илья Муромець,
Да какъ самъ-то говорилъ онъ таковы рѣчи:
„Какъ невѣрной съ невѣрнымъ какъ вѣдь боритьце,
Ише надо ѣхать ихъ какъ прита́кивать;
Ише руською со руськимъ какъ вѣдь боритьце,
Ише надо вѣдь ѣхать да розговаривать;
А какъ руською съ невѣрнымъ да какъ вѣдь боритьце,
Надо ѣхать вѣдь руському помошъ дать.“
Да пріѣхалъ государь къ имъ Илья Муромець,
Ише говорилъ имъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановиць!
Молодыя Добрынюшка Микитиць-отъ!
Вы о цёмъ жа какъ тутъ да вы боритесь?“
Росы́ѣпились тогды какъ бога́тыри;

Говорилъ ёму Дунай да сынъ Ивановичь:
— Я оставилъ въ чистóмъ поли чёрнóй шатёръ.
Ростопталъ у мня Добрынюшка чёрнóй шатёръ,
Да лоскýтьё розьмёталъ онъ по чистý полю;
Да стояла у шатра боцька съ зелёнымъ виномъ,
Да на боцьки была цярочька золочёная.
Да розьсёкъ взялъ онъ боцьку-то съ зелёнымъ виномъ,
Изломалъ у меня чярочьку золочёную.—
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рёчи:
„Ужъ ты вой есь, восударь ты нашъ Илья Муромець!
Я пріёхалъ вёдь къ этому ко чёрну шатру;
На шатри-то вёдь было какъ написано
Да глубокима-ти пóдрёземи подрёзано:
„Хто пріёдётъ къ чёрнý шатру,
Изъ чёрнá шатра живому не уёхати“.
У шатра стояла боцька золочёная;
Ише выпилъ-то я изъ боцьки какъ три ц(ч)ярочьки;
Хмёлинушка въ головы у мня росходилась.
Ети подписи-ти мнё какъ не понравились,
Ети пóдрёзи-ти мнё не погляпулисе;
Ростопталъ вёдь я взялъ чёрнóй шатёръ,
Какъ я лоскýтьё розьметалъ взялъ по чистý полю,
Я розьсёкъ взялъ тогды боцьку-ту съ зелёнымъ виномъ,
Изломалъ я эту чярочьку золочёную“.
Говорилъ-то да государь-отъ таковы рёчи;
— Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Ише колько я не ёживалъ во чистóмъ поли,
Ише колько не ростáвливалъ чёрныхъ шатровъ,—
На шатрахъ-то вёдь етого не подписывалъ
Да глубокима-ти пóдрёземи не подрёзывалъ.
Да хорошо-то я пріёхалъ къ вамъ ростатй васъ,—
Оборолъ бы тя Добрынюшка Микитичь-отъ
Да убилъ бы тебя какъ дó мертва.—
А поёхали богáтыри въ крашонъ Кіевъ градъ
Ко тому жа ко князю-ту ко Владимёру.
Росказалъ государь-то да Илья Муромець
Про того жо про Дунаюшка Иванова,
Ише какъ онъ написалъ на чёрнóмъ шатри.
Обсудили Дунаюшка Иванова,
Посадили Дунаюшка въ тёмны пóгребы
Да немножко, немало—на семнадцеть лётъ.

100.

Потыкъ [1]).

Собираласе дружиночька хоробрая:
Въ перву голову государь нашъ Илья Муромець,
Во вторыхъ-то Добрынюшка Микитичь младъ,
Въ третью голову-ту Потыкъ сынъ Ивановичь.
Да пріѣхали къ столбу да ко ростанюшкамъ.
Говорилъ восударь нашъ Илья Муромець:
„Ужъ ты вой еси, дружинюшка хоробрая!
Я поѣду ко царству-то какъ ко Дюкову [2]),
Привезу я золотой казны сорокъ тысечей“.
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць младъ:
„Я поѣду-ту на тихи-ти вёшны заводи,
Привезу я три камешка драгоцѣнныя“.
Говорилъ тогды вѣдь Потыкъ сынъ Иванович(ц)ь:
„Я поѣду во землю-ту, во землю во Задоньскую,
Привезу-ту Марьюшку [3]) лебедь бѣлую“.
Говорилъ-то восударь да таковы рѣчи:
„Розьдѣлю-то я золоту казну натрое“.
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Привезу-то я три камешка драгочѣнныя,—
Розьдѣлю-ту сти камешки-ти натроё“.
Говорилъ-то тогды Потыкъ таковы рѣчи:
„Привезу я вѣдь Марѳушку, лебедь бѣлую,—
Я не дамъ вамъ дѣлить-то какъ ей натроё“.
Говорилъ ёму восударь да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Потыкъ да сынъ Ивановиць!
Не велѣлъ бы я брать-то Марѳы, да лебедь бѣлую:
Да не будётъ тибѣ Марѳушка молода жона,
Ужъ ка будётъ тибѣ Мароушка змѣя лютая;
Ужъ ка будёшь у Марѳушки у семи сьмертей,
У семи-то сьмертей да у напрасныя.—
Да розьѣхалась дружиночка хоробрая.
Да поѣхалъ восударь ко царству Дюкову,
Да Добрынюшка поѣхалъ на тихи-ти вёшны заводи.
Да наказывалъ государь то да Илья Муромець:

---

[1]) Начало этой былины Чекалевъ пѣлъ вмѣстѣ съ Ѳ. А. Сѣдуновымъ. См. списокъ сказателей, стр. 24. *Собир.*

[2]) Ср. № 101, ст. 81. *Собир.*

[3]) Вмѣсто „Марѳушку“. *Собир.*

Ужъ ты вой еси, брателко назва́ныя!
А ты будёшь на тѣ на тихи вёшны заводи,
Ужъ ты станёшь купатьсе на перьво́й рѣки,
Да покажитце тибѣ да какъ вода лёкка́,
Какъ вода-та лёкка да какъ струя тёпла́,
А попловёшь тогды, Добрынюшка, на втору рѣку,—
Да увидитъ змѣя вѣдь зъ горъ лютая,
Да тибя-то тогда она водой зальётъ,
Да водой она зальётъ тогды, огнёмъ зажгётъ“.
Да пріѣхалъ какъ Добрынюшка Микитиць-отъ
Да на ти же на тихи вёшны заводи,
А розьдѣвалъ онъ своё-то да платьё цьвѣтноё,
А побрёлъ онъ во ту ту рѣку купатисе;
Да показаласе Добрынюшки да вода тёпла́,
Да вода-та тёпла да какъ струя лёкка;
Ишше по́плылъ Добрынюшка да на вторý рѣку.
Увидала-то изъ горъ да змѣя лютая,
Палетѣла на Добрынюшку Микитичя;
Она хоцётъ Добрынюшку водой залить,
Какъ водой-то залить она, огнёмъ сжегти.
Ише мастёръ былъ Добрынюшка въ воду нырати онъ.
Унырнулъ-то Добрынюшка на перьво́й рѣки,
Онъ вѣдь выстáлъ Добрынюшка на второй рѣки,
Да у своёго у платьиця у цьвѣтного;
Да схватилъ онъ свою-ту да саблю вострую.
Надлетѣла-то зьмѣя-та да какъ вѣдь лютая,
Онъ махнулъ-то своей да саблей востроюˌ
Онъ отсѣкъ-то у ей двѣнадцеть хоботовъ.
Да змолилась зьмѣя-та какъ вѣдь лютая:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитиць-отъ!
Не сѣки-тко моей ты да буйной головы:
Я вѣдъ дамъ тебѣ-ка да какъ три камешка,
Я три камешка да драгоцѣнныя“.
Да садилсэ какъ Добрынюшка на змѣю лютую;
Она вынесла на го́ру-ту на Сіоньскую.
Ише взялъ-то Добрынюшка вѣдь камешки.
Да змолилась зьмѣя-та тогды лютая:
„Не розорей-ко-се, Добрынюшка, зьмѣиного подворьиця
Да не сожги-ко моихъ-то да малыхъ дѣтоцёкъ.
Я не буду летать больше на святую Русь,
Я не буду губить народу-ту православного“.

Ише етого Добрынюшка не ва́руётъ [1]).
Онъ зажогъ взялъ зьмѣиноё подворьицё,
Онъ зажогъ взялъ всихъ малыхъ дѣтоцёкъ;
Ише самъ-то вѣдь сѣлъ на зьмѣю лютую,
Приказалъ сьнести съ горы Сіоньскія.
Полетѣла зьмѣя-то какъ вѣдь лютая
Да снесла-то Добрынюшку на сыру земьлю.
Онъ отсѣкъ у ей-то какъ вѣдь голову,
Розьметалъ какъ её тѣло по чисту́ полю,
Да поѣхалъ тогды онъ вѣдь въ крашонъ Кіевъ градъ.
Ише поѣхалъ-то Потыкъ да сынъ Ивановиць
Онъ во ту жо во земьлю-ту въ Задоньскую,
Ко тому-то королю земьли Задоньскія.
А да прималъ ёго король земьли Задоньскія:
„Ужъ ты здрастуй, ты Потыкъ сынъ Ивановиць!
Ты постарому ли пріѣхалъ, ты попрежному,
А во ключники пріѣхалъ, во замочники?“
Отвѣцялъ-то Потыкъ да сынъ Ивановиць:
— Не постарому пріѣхалъ я, не попрежному,
Я не въ ключники пріѣхалъ, не въ замочники;
Я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататься
Я на душоцьки на Мароы, лебеди бѣлыя.—
Отвѣцялъ ёму король земьли Задоньскія:
„Ужъ ты вой еси, Потыкъ сынъ Ивановичь!
Да какъ тутъ у мня вѣдь Марѳушка просватана
За того жо за поганого за Идо́лишша.
Да сидитъ у меня Мароушка въ задьнёй горници
За двѣнадцети висучима замоцьками,
За двѣнадцетью за крѣпкима-ти сто́рожьи;
Ише ткётъ у меня Марѳушка краси́ёнышка,
Забиратъ она платоцьки-ти краснымъ золотомъ.
На кобы́лоцькахъ сидятъ у ей ясны соколы,
На набы́лоцькахъ сидятъ у ей сизы голоби,
На подножоцькахъ сидятъ у ей чёрны соболи.“
Говорилъ тогды Потыкъ да сынъ Ивановичь:
— Ужъ ты цесью не отдашь, да возьму нѣцесью.—
Отвѣцялъ-то король земьли Задоньскія:
„Право, ёй-Богу, Мароушка просватана.“
Ише ти вѣдь какъ рѣчи не въ любви пришли.
А пошолъ-то вѣдь какъ Потыкъ на новы́ сѣни,

[1]) См. стр. 379, прим. *Собир.*

Онъ убилъ-то двѣнадцеть да крѣпкихъ сторожовъ,
Онъ вѣдь прирвалъ-то двѣнадцеть да вси замоч(ц)ковъ,
Да отпиралъ вѣдь у Марѳушки двери на пяту.
Сизы голубы у ей да испугалисе,
По верхамъ-то у ей да розьлеталисе,
Чёрны соболи у ей вси розбѣжалисе.
Да скакала тогды Марѳушка на рѣзвы ноги
Да сама-то говорила таковы рѣчи:
„Да не грѣло-то красно солнышко равно три года,
Да тепере праведимо высоко взошло!“
Да обнимала-то Потыка за бѣлу шею,
Цёловала ёго-то въ уста сахарныя.
Ужъ какъ бралъ-то вѣдь Потыкъ ей за праву руку,
Да повёлъ-то ей Потыкъ по новымъ сѣнямъ.
Да увидѣла вѣдь Марѳушка, лебедь бѣлая,—
Да убиты двѣнадцеть-то крѣпкихъ сторожовъ,
Ише сорваны двѣнадцеть вси замоц(ч)ики,—
Да сама говорила-то таковы рѣчи:
„Да умѣлъ миня батюшко споить, скормить,
Не умѣлъ миня батюшко замужъ выдати:
Отдавашь миня не съ цесьти, да какъ не съ радосьти,
Отдавашь ты миня да съ кроволитьиця.“
Да повёлъ взялъ вѣдь Марѳушку на широкой дворъ,
Посадилъ-то вѣдь Марѳушку на добра коня,
Ише самъ-то садилсэ да переди еѳ.
Да выходитъ король-то земьли Задоньскія,
Ише самъ онъ говорилъ-то да таковы рѣчи:
„Добро жаловать, Потыкъ сынъ Ивановиць,
Хлѣба, соли ко мнѣ псь да вина съ мёдомъ пить!“
Отвѣцялъ-то вѣдь Потыкъ сынъ Ивановиць:
— На пріѣзди ты гостя не учёстовалъ,—
На отъѣзди тибѣ гостя не учёстовать!—
Только видѣли—Потыкъ-отъ собирантце,
Да не видѣли поѣздоцьки богатырьскія.
Конь скакалъ черезъ стѣну-ту городовую,
Черезъ ту же черезъ башню наугольнюю.
Они день-отъ какъ ѣдутъ съ утра до вечора;
Состыгала тутъ Потыка почька тёмная;
Розоставилъ вѣдь Потыкъ какъ бѣлой шатёръ,
Розоставилъ кроваточьку со новыхъ-то [1]) костей,

[1]) См. прим. къ № 99, ст. 12. *Собир.*

Со новы́хъ-то костей да съ зу́ба рыбьёго
Да валилсэ со Марѳушкой—лебедь бѣлыя.
Розьсердилась-то на ёго Марѳушка, лебедь бѣлая.
Обвернула ёго да чёрнымъ воропомъ,
Приказала летѣть ёму по поднебесью;
Онъ леталъ-то всю поцьку осённую,
А осённу-ту поце́ньку до бѣла́ свѣту.
Обвернула другой разъ да какъ добры́мъ конёмъ,
Да сама-то садилась какъ на добра́ коня,
Она ѣзьдила-то всю ночьку осённую;
До того жа онъ ѣзьдилъ до бѣла́ свѣту,
Пролёжалъ онъ весь день съ утра до вец(ч)ёра.
Обвернула она тогда горносталюшкомъ,
Приказала копатьце да подъ кореньицёмъ;
Копалсэ Потыкъ до бѣла́ свѣту,
Приломалъ онъ свою да буйну голову.
Да тогда-то овернула-то сѣрымъ камешкомъ,
Она бросила ка́мешокъ во ц(ч)исто́ полё,
Да сама она валилась въ новой бѣло́й шатёръ.
Да во ту-ту пору де, какъ во то время
Ужъ какъ ѣхалъ государь нашъ Илья Муромець,
Ише самъ говорилъ-то да таковы рѣци:
„Ише колько въ цисто́мъ поли не ѣзживалъ,
Ужъ какъ этого камешка не видывалъ.“
Онъ вѣдь бралъ тогды ка́мешокъ на бѣлы́ руки
Да металъ этотъ камешокъ по поднебесью;
Ужъ какъ выскоц(ч)илъ у камешка Потыкъ сынъ Ивановиць.
Говорилъ государь тогды таковы рѣчи:
„Ты постой-ко-се, Потыкъ, во чисто́мъ поли;
Я пойду-то ко Марѳушки во бѣло́й шатёръ.“
Да пришолъ-то вѣдь государь-отъ во бѣло́й шатёръ,
Повалилсэ вѣдь къ Марѳушки—лебедь бѣлыя;
Да накинула Марѳушка праву́ ногу,
Да хватила она-то ёго право́й рукой;
Ише хоцётъ-то здушить-то осударя Илью Муромця.
Да скакалъ государь тогды на рѣзвы́ ножки,
Ише бралъ-то вѣдь Марѳушку за русу́ косу,
Ужъ какъ вынялъ государь-то какъ три пру́тышка,
Ише начялъ стягать-то Марѳушку, лебедь бѣлую.
Да змолилась-то Марѳушка, лебедь бѣлая:
„Ужъ ты вой еси, Потыкъ сынъ Ивановиць!
Я не буду теперь-то да зьмѣя лютая,

Я вѣдь буду теперечи молода жона."
Ише пробспалъ государь ноць-ту да до бѣла́ свѣту.
Тогда садились они да на добры́хъ коней:
А садилъ-то вѣдь Потыкъ Мароушку позади собя́;
Да поѣхали они тогда въ крашонъ Кіевъ градъ,
Да наѣхали они на зьмѣю лютую;
А горитъ у ей зьмѣиноё подворьицё.
„Ты сойми-ко-се, Потыкъ, да свой сафьянъ сапогъ,
Ты залей-ко моё зьмѣино гнёздышко;—
Я тѣ здѣлаю добро-то какъ великоё."
Да соходитъ-то Потыкъ со добра́ коня,
Скинива́ётъ какъ свой сапогъ сафьянныя,
Да зачерпыватъ свѣжо́й воды ключёвыя,
Да заливатъ онъ зьмѣино гнёздышко [1]).
Да по ихному было да какъ по 'тьѣзду-то,
Да пріѣхалъ во Кіевъ король какъ Тульскія [2]);
А онъ выигра́лъ у Владимёра золотой казны сорокъ тысечей,
А онъ выигра́лъ у Владимёра двѣнадцеть-то ка бога́тырей,
А во ти жо во пѣшки онъ, во шахматы.
„Ужъ ты гой еси, Потыкъ да сынъ Ивановичь!
Послѣ васъ-то пріѣхалъ король земьли Тульскія;
Онъ вѣдь вы́игралъ у меня золотой казны сорокъ тысечей,
Онъ вѣдь выигралъ у мня двѣнадцеть-то какъ бога́тырей,
А тогды съѣзди ты, Потыкъ да сынъ Ивановичь,
Ко тому жо королю да земьли Тульскія,
Отыграй ты золоту казну, сорокъ тысечей,
Отыграй-ко-се ты двѣнадцеть какъ бога́тырей."
Да отправилсэ Потыкъ да въ земьлю Тульскую,
Ко тому королю-ту да земьли Тульскія.
Пріѣзжалъ вѣдь Потыкъ да сынъ Ивановичь,
Ише самъ говорилъ ёму таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, король да земьли Тульскія!
Я пріѣхалъ играть во пѣшки-ти, какъ во шахматы".
Они садились играть съ королёмъ де земьли какъ Тульскія.
Да недолго вѣдь Потыкъ какъ отыгрывалъ:
Онъ вѣдь ступь-ту вѣдь ступилъ, на другой вѣдь матъ даётъ.
Отыгралъ-то у ёго золотой казны сорокъ тысечей,
Отыгралъ у ёго двѣнадцеть-то всихъ бога́тырей,

[1]) Стихи 203—211 Чекалевъ припомнилъ и вставилъ въ это мѣсто при разсказѣ о смерти Мареы (ст. 252). *Собир.*

[2]) Турскій, турецкій. *Собир.*

Онъ вѣдь выигралъ у ёго да любимую доць,
Да любиму-ту доць да одинакую
Ише на́ имя Овдотьюшку, лебедь бѣлую;
Да поѣхалъ вѣдь Потыкъ въ крашонъ Кіёвъ градъ.
Да стрѣчятъ ёго Владимёръ-отъ стольнё-кіеськой,
Да стрѣцяётъ Опраксе́я Королевичьня.
Да привозитъ золотой казны сорокъ тысечей,
Да привозитъ двѣнадцеть да какъ бога́тырей.
Да узнала тутъ Марѳушка, лебедь бѣлая,
Какъ сосваталсэ на Овдотьюшки-лебедь бѣлыя,
Да сама говорила таковы рѣци:
„Мы поѣдёмъ съ тобой да какъ вѣнцятисе;
Мы положимъ таку заповѣдь великую:
Да которой умрётъ, другому живому во гробъ легчи,
Шьтобы выкопать могила трёхъ локо́тъ“.
Обвѣнцялсе вѣдь Потыкъ сынъ Ивановичь.
Умёрла-то у ёго да Марѳушка, лебедь бѣлая;
Повалили вѣдь Марѳушку во гробъ въ огромныя
Да наверхъ-то вѣдь Потыка сына Иванова
Зарывали во ту могилу-ту во глубокую.
Да на ето государь-то какъ догадьливъ былъ:
Привезалъ какъ ко гробу колокольцикъ-отъ,
Ише вы́вёлъ изъ могилы проволо́ку жа.
Втшоръ скакала Марѳушка, лебедь бѣлая,
Ише зацела душить-то Потыка сына Иванова.
Зазьвепѣлъ-то вѣдь мѣдной колокольцикъ-отъ,
Зазьвонила-то про́волока-та какъ желѣзная.
Не дозволятъ-то законъ розрыть могилу-ту.
Да во ту-то пору, да какъ во то́ время
Налетѣла зьмѣя да какъ вѣдь лютая,
Она на́цяла рыть-то да какъ сыру́ землю,
Она вырыла Потыка сына Иванова
Да втипо́ръ тутъ же Марѳушку, лебедь бѣлую,
Опалила она Потыка сына Иванова,
Ише будто ёго да головёнушку.
Говорилъ восударь-то да Илья Муромець:
„Ише надоть вѣдь здѣлать ре́инка высокая,
Надоть зьдѣлать-то пе́тёлка варёная.
Повели-то вѣдь Марѳушку, лебедь бѣлую,
Да повёлъ-то вѣдь Потыкъ сынъ Ивановичь;
Онъ вѣдь вывёлъ на ре́ину высокую,

Да хотѣлъ онъ сунуть ей въ петёлку варёную.
Да на сто государь-отъ да какъ догадьливъ былъ:
Онъ вѣдь сталъ подъ ре́инку высокую;
Она сунула Потыка сына Иванова,—
Да махнулъ государь-то да саблёй вострою
Да по той жо по ре́ины высокою;
Да упалъ-то вѣдь Потыкъ на сыру́ землю.
Да скакалъ-то государь-отъ да Илья Муромець
Да на ту жа на ре́инку высокую,
Онъ вѣдь сунулъ тутъ Марѳушку въ петёлку варёную.
Задавилась тогды Марѳушка, лебедь бѣлая.
Да росклали огонь, большой пожо́гъ,
Повалили тутъ вѣдь Марѳушку, лебедь бѣлую,
Повалили вѣдь Марѳушку на большой пожогъ
Да сожгли-то е́ какъ тѣло бѣлоё,
Ише пепелъ какъ розьвѣели по чисту́ полю.
Говорилъ государь тогды таковы рѣчи:
„Ужъ ты сукинъ сынъ, Потыкъ сынъ Иваповичь!
Говорилъ тогды я тибѣ таковы рѣчи:
„Ты не ѣзьди во земл́ю-то во Задоньскую,
Не бери-тко-се ты Марѳушки-лебедь бѣлыя:
Тѣ не будётъ вѣдь Марѳушка молода жона,
Тебѣ будётъ вѣдь Марѳушка зьмѣя лютая“.
Поѣжай-ко-се теперечи къ королю́-то какъ вѣдь Тульскому,
Ты возьми-тко-се Овдотьюшку, лебедь бѣлую“ [1]).
Да отправилсэ вѣдь Потыкъ-то сынъ Ивановичь;
Ише съ имъ-то поѣхалъ государь-отъ да Илья Муромець,
Да поѣхалъ Добрынюшка Микитиць-отъ;
А пріѣхали къ королю-ту за земьли Тульскія.
Онъ не сталъ-то давать Овдотьюшки-лебедь бѣлыя;
Они не́цёсно взели Овдотьюшку, лебедь бѣлую,
Увезьли-то они да въ крашонъ Кіевъ-градъ.
Повѣнцялсэ тогды Потыкъ сынъ Ивановичь
А со той же Овдотьюшкой-лебедь бѣлыя.

101.

Дюкъ.

Ужъ какъ не было на силу-ту на Самсонову,
Да на сильнёго Самсона-та Колыба́нова,

[1]) Сказатель уже позабылъ о томъ, что Потыкъ еще раньше привезъ Овдотью. *Собир.*

Да на сцлстьё государя Ильи Муромця,
Да на вѣ́чьво[1]) Добрынюшки Никитичя,
Да на ярость-ту Олёшеньки Поповичя,
На злату казну Сатка́, купц(ч)я богатого,
На строеньицё Дюка сына Стёпанова.
А у Дюка былъ домъ-отъ да на сёми вёрстахъ.
Кругомъ Дюкова было вѣдь широка́ двора,
Ведёна́ была оградушка булатная;
Насажоны были столбицьки серебряны,
Насажоны были столбики позоло́чёны,
Ужъ какъ мѣ́дныхъ, желѣзныхъ числа-смёту нѣтъ.
Да закрытъ какъ вѣдь домъ мѣдью козаркою,
А котора-та мѣдь дороже красна золота.
Да настроёны у Дюка-та были кузьници,
Да настроёны у Дюка-та были банёчьки.
Да не бѣленька берёзка-та къ земьли клонитце,
Ише Дюкъ-отъ передъ матерью низко кланилсэ:
„Ты спусьти миня, маминька, съѣздить въ кра́шонъ Кіевъ градъ,
Посмотрить-то мнѣ князя Владимёра
Да со той же съ Опраксеёй-то Королевичьнёй“.
Не спушшатъ ёго маменька родимая:
— Ты поѣдёшь, моё цядышко ты милоё,
Да напьёсьсэ ты зелёна́ вина,
Да во хмѣлю-то, моё чядышко, не устропсься[2]),
Да захвасташь своимъ-то да широкі́мъ дворомъ,
Да захвасташь своею ты ро́дной матушкой.
Ужъ какъ Дюкова-та была матушка:
Она дровцѣми топитъ кипарисныма,
Она помёлышками па́шотъ да семишолковы,
Пекётъ она колачики круписцяты;
Да колач(ц)икъ-отъ съѣшь—другого хочетца,
А другого-та съѣшь—о третьёмъ душа бажи́тъ.—
Да просилса вѣдь Дюкъ-отъ по второй наконъ;
Не спушшаётъ ёго маменька родимая.
Да просилсэ вѣдь Дюкъ-отъ по третёй наконъ;
Да спустила ёго маменька родимая.
Одѣвалъ тогды Дюкъ-отъ платьё зо́лото,
На копя-то—уборъ да какъ серебьряной,
Да поѣхалъ тогды Дюкъ-отъ въ крашонъ Кіевъ градъ.

---

[1]) Вѣжество. *Собир.*

[2]) Остережешься, устоишь? Ср. стр. 108, ст. 251: „неуступчиво“. *Собир.*

Пріѣжалъ тогды Дюкъ-отъ въ крашонъ Кіевъ градъ,
Да ко той же пріѣжалъ да ко Божьёй церьквы;
Да заходитъ вѣдь Дюкъ-отъ да во Божью церькву;
Онъ вѣдь крестъ-отъ кладётъ да по писа́пому,
Какъ поклонъ-отъ ведётъ тогды по учёному;
Онъ вѣдь клапеитце чюднымъ образамъ.
Огледѣлись попы-ти вси, какъ дьяконы
На того жо на дородьнёго на молодца,
Они пѣть-то, читать да помѣшалисе.
Отслужили тогды-то да во Божьёй церьквы,
Ише вонъ-то пошли да изъ Божьёй церьквы.
Ише звалъ его государь-отъ [1]) на почёсной пиръ:
„Добро жаловать, да Дюкъ-отъ всё Стёпановичь,
Хлѣба, соли ко мнѣ-ка ись да вина съ мёдомъ пить!“
А они приходятъ во гривьню-ту да княженёрскую
Да садятце за столы-ти за дубовыя.
Да подносятъ винцё-то, пиво стоканц(ч)ики.
А сидитъ-то вѣдь Дюкъ-отъ да сынъ Стёпановичь—
Да повѣсилъ-то свою-ту буйну голову,
А ничимъ-то сидитъ онъ какъ не хвастаётъ.
Да ставалъ тогды государь-отъ на рѣзвы́ ноги,
Онъ вѣдь взялъ-то цярочьку въ полведра вина,
Наливалъ эту цярочьку зелена́ вина,
Подносилъ тогды вѣдь Дюку сыну Стёпанову.
Да прималъ онъ ету чярочьку едино́й рукой,
Выпивалъ онъ ету чярочьку на еди́ной духъ;
Да вторую наливалъ ёму полтора ведра;
Принималъ-то ету чярочьку едино́й рукой,
Выпивалъ онъ ети чярочьки на единой духъ.
Хмѣлинушка въ головы тогды росходилась;
Онъ захвасталъ тогды своимъ широки́мъ дворомъ
Да захвасталъ своею родной матушкой:
„Проживу я у васъ во Кіеви три годика,
Ише кажной день носить стану платьё смѣиноё“.
Да нехто тогды по Дюки-то не ручяютце;
Говорятъ-то вѣдь Дюку сыну Стёпанову:
— Да засельшина, дѣтина, деревеньшина!
Ужъ ты пьяной напилсэ да прохвастался.—
Поручилсэ по Дюки-то государь-то да Илья Муромець;
А тогды отправили ко царству Дюкову

[1]) Илья Муромецъ, вмѣсто князя Владимера. *Собир.*

Описать ёго-то какъ имѣньицё.
Да какъ жили у Дюка-та рáвно три года,
Описали одны они кýзнеци съ баенми.
Розьсердилась тогды Дюкова-та матушка,
Отписала вѣдь князю Владимеру:
„Да вы продайте-тко Кіёвъ со Черниговымъ,
Вы купите бумагъ-то со чернилами;—
Вы тогда-то опишите моё имѣньицё.
Вы спустите тогды моёго цяда милого,
Да во свой-отъ спустите во широкой дворъ“.
Отпустили тогды Дюка сына Стёпанова
Да во свой-то ёго да во широкой дворъ,
Ко своей-то родимой да какъ ко матушки.

102.

Козарушко (Козаринъ).

На роду-ту Козарушка попорьтили,
Отець съ матерью Петровиця не злю́били,
Отсылали Козарушка ко бабушки,
Да ко бабушки Петровиця къ задво́рёнки,
Не велѣли корьмить хлѣбомъ круписцятымъ,
Не велѣли поить водой мёдо́выя;
Да велѣли корьмить хлѣбомъ гнилымъ жа всё
Да велѣли поить водой со ржавчинки.
Ужъ какъ тихъ рѣцей бабушка не варуётъ;
Да корьмила Козарушка хлѣбомъ круписцятымъ
Да поила Петровиця водой мёдо́выя.
Ише сталъ нашъ Козарушко пети́, шти лѣтъ,
Ише сталъ-то по улочьки похаживать,
Ише съ малыма ребятушками поигрывать.
Ёго дразьнятъ тутъ маленьки ребятушка:
„Не прямого ты отця, не пря́мой матушки;
Ишше всё ты вѣдь ходишь чюжой выблядокъ!“
Ишше какъ эти рѣчи не въ любви пришли.
Онъ которого ухватитъ какъ вѣдь за́ руку,
Оторвётъ у того да онъ праву́ руку;
Онъ которого ухватитъ какъ вѣдь за́ ногу,
Оторвётъ у того онъ праву́ ногу.
Ише самъ пополъ втипо́ръ да какъ ко бабушки,
Ише самъ говорилъ ей таковы рѣчи:

„Ужъ ты вой еси, бабушка-задво́рёнка!
Ты скажи-тко-се мнѣ, да кто у мня отець вѣдь, мать:
Миня дразьнятъ тутъ маленьки ребятушка,
Да зовутъ-то меня всё какъ выблядкомъ“.
Говорила ёму бабушка-задворёнка:
— Ужъ ты вой еси, Козарушко Петровиць-отъ!
У тя отець вѣдь-то—Пётръ да Коромы́словиць,
Ише матушка—Петрова-та молода жона.—
Говорилъ-то Козарушко таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, ты бабушка-задворёнка!
Напеки-тко-сё мнѣ подорожьничковъ,
Ужъ ты дай мнѣ шляпочьку ра́вно тридцеть пудъ;
Ужъ ты дай-ко мнѣ клю́чёчьку равно сорокъ пудъ“.
Напекла ёму бабушка подорожьничьковъ,
Да дала ёму бабушка тутъ шляпочьку,
А дала ёму бабушка вѣдь ключёчьку;
Да пошолъ нашъ Козарушко искать батюшка.
Да приходитъ Козарушко въ ту́ дере́вёшку;
Да играютъ на улоцьки маленьки ребятушка;
Онъ вѣдь спрашивалъ да какь у маленькихъ ребятушокъ:
„Ише гдѣ-то Петрово какъ подворьицё?“
Отвели ёму ребятушка подворьицё.
Да скричялъ-то Козарушко громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты вой еси, Пётръ да Коромысловиць!
Не бывало ли у тя да чядышко милоё
Ише на́ имя Козарушко Петровичь-отъ?“
Да избёнка у Петра вся попаталасе,
Ставники́-ти[1]) у ёго вси покосилисе.
Отвѣцялъ-то Пётръ да Коромысловиць:
— Не бывало у насъ тако́ чядо милоё.—
Да вѣдь пропь пошолъ Козарушко Петровиць-отъ;
Покатились по бѣлу́ лицю горючи́ слёзы.
Да пошолъ-то Козарушко во чисто́ полё,
Розоставилъ бѣло́й шатёръ поло́тьняной,
Да валилсэ онъ самъ во бѣло́й шатёръ.
Да выходитъ въ полно́ць-ту изъ бѣла́ шатра;
Услыхалъ-то въ чисто́мъ поли деветь го́лосовъ.—
Тамъ вѣдь плакала въ чистомъ поли красна дѣвиця:
„Да коса, ты коса, да моя русая!
Да плели тебя, коса, да на святой Руси,

[1]) Стойки у окна.

Росплетутъ тебя, коса, да въ проклятóй Литвы.
Кабы былъ у мня вѣдь брателко Козарушко,
Онъ не далъ тутъ поганымъ тотарамъ-то на поруганьё".
Ише обралъ Козарушко бѣлóй шатёръ,
Ише самъ побѣжалъ-то да во чистó полё,
Онъ избилъ-то всихъ да семь [1]) розбойниковъ,
Ише отнялъ у ихъ свою да какъ родну́ сёстру;
Ише сами пошли они ко батюшку,
Ко тому жо Петру-ту Коромыслову.
Приходятъ ко ёго-то да ко подворьицю;
Да скричялъ тогда Козарушко громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты вой есп, Пётръ да Коромысловиць!
Не бывало ли у тя-то да цядо милоё
Ише на́ имя тутъ Мароушка, лебедь бѣлая?"
Да выскакивалъ Пётръ тогда на улицю
Со своей-то онъ да съ молодой жоной:
— Да бывало у мня тако чядо милоё
Ише на́ имя тутъ Мароушка Петровна-та.—
Ише бралъ онъ вѣдь Мароушку за праву́ руку
Да повёлъ-то вѣдь Мароушку въ свою горьницю,
Ише тутъ же пригласилъ да Козарушка Петровиця.

103.

Чурило и невѣрная жена.

А на вёшной на празьничёкъ на Троицю
Нападала порóшиця снѣжку бѣлого.
А по той по порошици, по бѣлу́ спѣжку́
Ише шло-прошло два брателка назва́ныя,
Два назва́ныя брателка, крестовыя:
Во перьвы́хъ-то шолъ Чюри́лушко Петровичь-отъ,
Во вторыхъ-то шолъ Олёшенька Поповичь-отъ.
А Чюрилушко пошолъ-то де къ широку́ двору,
Онъ колотитьце у серебряна колечушка.
Услыхала тутъ дѣвушка-служаночька,
Да любимая Васильёва племéпёнка;
Отпирала окошочька немножецько,
Да сама говорила-то потихошенько:
„Ише хто у насъ колотитьце у колечушка?"
Отьвѣчялъ ей Чюрилушко Петровичь-отъ:

[1]) Ср. № 97, ст. 27. *Собир.*

— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночька,
Да любима ты Васильёва племенёнка!
Дакъ у тя дома ли дедюшка родимыя?—
Отьвѣчяла ёму дѣвушка-служаночька:
У мня нѣту вѣдь дедюшки родимого:
Да ушолъ-то у мня дедюшка во Божью́ церькву
Да онъ четья́-то, пѣнья́ слушать церьковного,
Онъ того жа де звону-ту колокольнёго.“
— У тя дома ли де́динка родимая?—
Отвѣц(ч)яла ёму дѣвушка-служаночька:
„У мня дома тутъ дединка родимая:
Да злёжитъ у мня дединка въ задньёй горници.“
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночька!
Ты поди скажи дединки родимыя:
„Какъ пришолъ-то къ тебѣ да небывалый гость
Дакъ ише на́ имя Чюрилушко Петровичь-отъ.“
Я вѣдь дамъ тебѣ, дѣвушка, три денёжки,
Три денёжки-то дамъ да какъ три зо́лотыхъ.—
Побѣжала тутъ дѣвушка въ задню горницю
Да сказала тутъ дединьки таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, деди́нка родимая!
Да пришолъ-то какой-то къ тебѣ-ка небывалый гость
Ише на́ имя Чюрилушко Петровичь-отъ.“
Да скакала тогды дединка на рѣзвы́ ножки,
А бѣжала тутъ дединка по новы́мъ сѣнямъ,
Какъ отпирала тутъ дединка сѣни на́ пяту,
А сама говорила-то таковы рѣчи:
„Да не грѣло-то солнышко, не сьвѣ́тило,
Да тепере праведи́мо-то высоко взошло!“
Да обнимала Чюрилушка за бѣлу́ шею,
Понабрала (?) она Чюрилушка за праву́ руку́,
Повела она Чюрилушка въ задню горьницю,
Скинива́ла у Чюрилушка сибироцьку,
Скинивала у Чюрилушка сапожочьки
Да валилась со Чюрилушкомъ на кроватку спать.
Да Олёшенька пришолъ втѝпоръ во Божью́ це́ркву́;
Онъ вѣдь крестъ-отъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по уч(ц)ёному,
Онъ вѣдь кланялсэ-то чюднымъ о́бразомъ,
Ише въ ли́шшецю-ту кланялсэ Василью Переме́тьёву.
Его спрашивали да попы, дьяконы:
„Ты какой-отъ идёшь да какимъ словёшь?“

— Я слову-ту Олёшенькой Поповичёмъ.
Насъ вѣдь шло-прошло два брателка назва́ныя:
Во перьвы́хъ-то шолъ Чюрилушко Петровичь-отъ,
Во вторыхъ-то шолъ я, Олёшенько Поповичь-отъ.
Какъ Чюрилушко пошолъ къ Васильёву широку́ двору,
Да къ Васильёвой ушолъ онъ къ молодой жены;
Я Олёшенько пришолъ да во Божью́ церькву
Какъ четья́-та, пѣнья́ слущать церьковного,
Я того жа вѣдь слушать-то звону колокольнёго.—
Ише бралъ-то Васюлюшко шляпочьку со спичечки,
Ише самъ-то пошолъ да изъ Божьёй церьквы,
А повѣсилъ свою-ту буйну голову.
Онъ приходитъ къ своёму-ту широку́ двору,
Онъ колотитьце за серебряно колечюшко.
Услыхала тогды дѣвушка-служаноцька,
Да любимая Васильёва племёнёнка,
А сама говорила-то таковы рѣчи:
„Ише хто у насъ колотитьце у колечюшка?“
Говорилъ-то ей дедюшка родимыя:
— Отпирай-ко ты, дѣвушка-служапочька.—
Да скакала тутъ дѣвушка на рѣзвы́ ножки,
Побѣжала тутъ дѣвушка по новы́мъ сѣня́мъ,
Отьпира тутъ дѣвушка двери на́ пяту.
Говорилъ вѣдь дедюшка таковы рѣчи:
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночька!
Ише хто-то вѣдь у насъ есь небывалой гось?—
Отьвѣчяла ёму дѣвушка-служапочька:
„Какой-то пришолъ Чюрилушко Петровичь-отъ,
Да ушолъ онъ вѣдь съ дединкой въ задьню горьницю“.
Отьпиралъ тогды Василюшко въ горьници двери на́ пяту.
Завернула Чюрилушка во периночьку.
Говорилъ тогды Василюшко таковы рѣчи:
„Ише чья эта сибирочька на спичёчьки?“
Отвѣчяла ёго да молода жопа:
— Ужъ какъ были тутъ ба́бушкины́ робятушка
Да оставили у мня эфту сибирочьку.—
„Ише чьи эти сапожочьки подъ кроваточькой?“
Отьвѣчяла ёго-то молода жона:
— Ужъ какъ были тутъ бабушкины робятушка
Да оставили сапожки-ти подъ кроваточькой.—
Розьвернулъ тогды Василюшко пирянушку;—
Да лёжитъ-то Чюрилушко Петровичь-отъ.

Онъ вѣдь выхватилъ свою-ту саблю вострую
Да отсѣкъ у Чюрила-та буйну голову.
Говорила Васильюшку молода жона:
„Соберёмъ мы, Васильюшко, пиръ навёсели,
Шьто уходилъ у мня Чюрилушка Петровичя.“
Пшше собралъ Васильюшко пиръ навёсели.
Наливала она имъ два стоканьчика,
Наливала она да зелья смёртного,
Подносила Васильюшку Перемéнтьёву,
А другой-отъ вѣдь дѣвушки-служаночьки,
Да любимой-то Васильёвой племéнёнки.
Выпивали они-то да зельё смертноё;
Приходила имъ тутъ конч(ц)ина свѣту бѣлого.

104.

Камское побоище.

(Отрывокъ [1]).

„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитичь-отъ!
У тибя, у Добрынюшки, рука лёкка́,
Да рука-та лёкка да какъ перо востро́.
Ужъ я буду-ту тебѣ, Добрынюшка, росказывать:
Въ перьву голову—Самсона ты Колыба́нова,
Втору голову—Дуная-та Пересла́вьёва,
Въ третью голову—Гаврюшу-ту Долгополого;
Да пиши-тко Луку Толстоременьника,
Да обѣхъ пиши съ племéньникомъ;
Ужъ ты Ро́шшу пиши-тко, Рошшиби колпакъ,
Рошшиби колпакъ пиши съ племеньникомъ,
Да двухъ братьицей пиши-тко-сь, да двухъ Збродовичей,
Да двухъ братьицей пиши-тко-се двухъ Поповиці́й,
Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хро́мого,
Да пиши-тко-се Дюка сына Стёпанова,
Да пиши-тко-се Матьвѣюшка Петровичя [2]).“
Да собиралось тутъ бога́тырей тридцеть безъ единого,
Да тридцятой—государь нашъ Илья Муромець.

---

[1]) Чекалевъ знаетъ всю старину, но я не успѣлъ записать ее цѣликомъ. Когда онъ разсказывалъ ея содержаніе, я замѣтилъ нѣкоторыя особенности въ перечисленіи богатырей и потому записалъ это перечисленіе,—какъ всегда, съ пѣнія. *Собир.*

[2]) Его Илья посылаетъ созвать дружину. *Собир.*

105.

Сорокъ калинъ со каликою.

Собираласе дружиночька, сорóкъ каликъ,
Ужъ какъ сóрокъ каликъ-то да со каликою.
Атаманомъ тутъ Касьянъ-то да сынъ Ивановичь,
Подъатáманьё Михайлушко Михайлóвичь-отъ.
Они клали таку заповѣдь великую:
„Ише хто-то изъ насъ, братцы, заплутýитьце;
Ише хто-то изъ насъ, братцы, заворуитьце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, за блудóмъ пойдётъ,—
Не ходить тогды вѣдь намъ не подъ царской судъ,
Не подъ царской-отъ судъ да не подъ княжеской;
Ну такого чёловѣка судить своимъ судомъ:
Ише ясны-ти оци тянуть косцéми,
Да рѣчистой-отъ языкъ тянуть тéменёмъ,
Да ретивоё сердечюшко промежý плечи,
Да жогчи́ будёмъ селитрушку на бѣлы́хъ грудяхъ,
Да отсѣ́кчи втѣпóръ да буйна голова,
Розьмётать ёго тѣло по чисту́ полю.“
Они здраво [1]) идутъ-то въ полё чистоё;
Да пошли ети калики въ Ерусáлимъ-градъ
Они Господу-Богу-ту помолитисе,
Ко Господьнёму гробу-ту приложитисе,
Во Ердань-рѣки-то да окупатисе.
Имъ вѣдь стрѣтилсэ Владимёръ на чистóмъ поли;
Скипива́ётъ свою-ту шляпу пуховую:
„Ужъ вы здрастуйте, сорокъ каликъ со каликою!“
— Ужъ ты здрастуй, нашъ Владимёръ да стольнё-кіеськой!—
Говорилъ-то имъ Владимёръ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, сорокъ каликъ со каликою!
Ужъ вы спойте-тко мнѣ стихъ Елéньскія
Не слыхалъ-то я у васъ стихý Еленьского“.
Становилисе калики во единой кругъ,
Во единой кругъ калики-ти на зелёной лугъ,
Востры копьица въ земьлю-ту испоты́кали,
Они суночьки-котомочьки исповѣсили;
У ихъ суночьки-котомочьки рыту бархату,
А подсуночьки у ихъ-то де красного золота;

---

[1]) Ср. стр. 460—1. *Собир.*

Да какъ запѣли калики-то стихъ Еленьскія.
Ужъ какъ матушка сыра земьля потряхаласе;
Подъ Владимёромъ конь-отъ подтыкаитьце,
Да упалъ на колѣнки конь на сыру́ землю,
Да упалъ-то Владимёръ-то со добра́ коня.
Говорилъ тогды Владимёръ-отъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы сорокъ каликъ-то да со каликою!
Ужъ вамъ полно пѣть-то стихъ Еленьскія;
Не могу-ту я у васъ больше слушати“.
Перестали калики пѣть стихъ Еленьскія.
Да ставалъ тогда Владимёръ на рѣзвы́ ноги,
Ише самъ говорилъ-то таковы рѣчи:
„Да имѣнья у мня въ собой не случилосе,
Золотой-то казны при мнѣ не пригодилосе;
Вы подите-тко-се да въ крашонъ Кіёвъ градъ,
Да къ моей-то вы подите къ молодой жоны
Ише на́ имя къ Опраксеи-ти Королевисьни:
Она заплатитъ вѣдь вамъ за стихъ Еленьскія“.
Да пошли эфти калики въ крашонъ Кіевъ градъ;
Да приходятъ ко гривни-то княжепёрскія,
Они просятъ тутъ милостину спасёную.
Увидала-то Опраксея Королевисьня,
Отпирала окошоч(ц)ька немножочько,
[Да сама говорила потихошенько]
Подала имъ вѣдь милостину спасёную.
Увидала ту прекрасного подата́манья
Ише на́ имя Михайлушка Михайло́вичя,
Да сама говорила-то таковы рѣчи:
„Добро жаловать ко мнѣ-ка хлѣба, соли ись,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись да випа съ мёдомъ пить!“
Заходятъ калики во гривни-ти княженерскія;
Да садила она за столы дубовыя,
Угошшала ихъ да пивомъ пьяныя,
Пивомъ пьянымъ-то ихъ да хлѣбомъ, солью жа.
Ише тутъ ити каликомъ начьле́говать;
Розьвела ихъ каликъ вси во разны комнаты,
Да Михайлушка увела во свою спальную,
Да валила ёго на свою кроваточьку,
А сама говорила-то таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, прекрасно ты подъата́маньё!
Сотворимъ мы съ тобой любовь сердечьнюю“.

Говорилъ сей прекрасно-то подата́маньё:
— Ужъ ты вой есь, Опраксея ты Королевисьня!
Мнѣ нельзя сотворить любовь сердечьнюю:
У насъ кла́дёна вѣдь заповѣдь великая:
Ишше хто-то изъ насъ, братцы-то, заворуитьце,
Ишше хто-то изъ насъ, братцы-то, заплуту́итьце,
Ишше хто-то изъ насъ, братцы, за блудо́мъ пойдётъ,—
Да не ходить тогды намъ вѣдь не подъ царской судъ,
Не подъ царской намъ судъ да не подъ княжеской;
Таково́го чёловѣка какъ судить своимъ судомъ:
Ише ясны-ти очи тянуть косичеми,
А рѣчистой-отъ язы́къ-отъ тянуть те́менёмъ,
Да ретивоё сердечюшко промежу́ плечьми,
А жогчи́ будёмъ селитру на бѣлы́хъ грудяхъ
Да отсѣкчи втипоръ-то да буйна голова,
Розьмётать-то ёго тѣло по чисту́ полю.—
Проходила тогда ноченька осённая.
Ише про́спалъ Михайлушко до бѣла́ сьвѣта.
Да ставала дружиночька хоробрая,
Собиралась дружиночька во походъ ити.
Понесла тутъ Опраксея ёго на се́рдочьку;
Положила ёму въ суночьку чашу зо́лоту,
Изъ которою Владимёръ по пріѣзди пьётъ.
Да не знало прекрасно-то подъата́маньё
Ише на́ имя Михайлушко Михайло́вичь-отъ.
Да отправились калики-ты во чисто́ полё;
Она послала тутъ сзади Олёшеньку Поповичя:
„Настыги-тко сорокъ каликъ со каликою:
Они украли у мня чяшу-ту какъ вѣдь зо́лоту,
Исъ которой Владимёръ-отъ на пріѣзди пьётъ“.
Да поѣхалъ тутъ Олёшенька Поповичь-отъ
Да настыгъ-то сорокъ каликъ со каликою,
Закричялъ-то Олёшенька громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы стойте, сорокъ каликъ со каликою,
Ужъ вы воры, калики да перехожія!
Вы пошьто-то украли у насъ-то да чяшу зо́лоту,
Исъ которой-то Владимёръ по пріѣзди пьётъ?“
Они сне́ли тутъ Олёшеньку со добра́ копя,
Да подштанники [1]) снели у Олёшеньки
Да насѣ́кли Олёши-ти ж... до́ красна.

---

[1]) Порчо́нка.

Пріѣжалъ-то Олёша-то въ крашонъ Кіевъ градъ,
Говорилъ-то Опраксеи-то Королевичьни:
„Они нé отдали калики мнѣ чяши золотой,
Да насѣкли мнѣ ж...-ту они дó краспа“.
Посылатъ она Добрынюшку Микитиця.
А пастыгъ-то Добрынюшка на чистóмъ поли.
Да на это Добрынюшка очéсьливъ былъ;
Ише самъ говорилъ-то таковы рѣчи:
„Ужъ вы сорокъ каликъ-то да со каликою!
Не попала ли вамъ чяша-та красна золота,
Исъ которой Владимёръ па пріѣзди пьётъ?“
Становилисе калики-ти во единой кругъ,
Во единой кругъ калики-ти па зелёной лугъ;
Они стали смотрить во своихъ суночькахъ
Да нашли-то вѣдь чяшу какъ вѣдь зóлоту
У прекрасного нашли-то да подъатáманья
Ише нá имя Михайлушка Михайлóвичя?
Они отдали чяшу-ту красна золота
Молодыя Добрынюшки Микитичя (sic).
Они стали судить Михайлушка своимъ судóмъ:
Ише ясны-ти очи тянули косичеми,
Да ретиво-то сердечюшко промежý плечи,
А жоглú они селитру на бѣлы́хъ грудяхъ,
Да отсѣкли у ёго-то да буйну голову,
Розьметали ёго тѣло-то по чистý полю,
Ише сами пошли-то во чистó полё.
Обвернулисе назадъ они,—
Да бѣжитъ-то Михайлушко Михайлóвичь-отъ.
Ише зачели судить они по второй наконъ:
Ясны-ти очи тянули косичеми,
Да рѣчистой-отъ языкъ тянули тéменёмъ,
Да ретивоё сердечюшко промежý плечи,
А жоглú они селитру на бѣлы́хъ грудяхъ,
Да отсѣкли втипóръ да буйну голову,
Ише тѣло розьметали-то по чистý полю,
Ише сами пошли поперёдъ-то по чисту полю.
Овернулисе назадъ они,—
Да бѣжитъ-то Михайлушко Михайлóвичь-отъ,
Ише самъ онъ говорилъ имъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, дружиночька, сорóкъ каликъ!
Вы напрасно меня-то какъ наказываите:
Я ночёвалъ-то у Опраксеи Королевичьни;

Увела-то она во свою спальницю,
Да валила меня на свою кроваточьку
Да сама говорила таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, врекрасно ты подата́маньё!
Сотворимъ мы съ тобой любовь сердечьнюю“.
А не согласилсэ я съ ней сотворить любовь сердечьнюю,
Росказалъ свою заповѣдь великую,
Понесла она миня на сёрточьку,
Положила мнѣ-ка чяшу во суночьку“.
Да прошшалась съ имъ дружиночка хоробрая,
Шьто—напрасно наказали мы два раза;
Мы не знали тоёго дѣла великаго.—
Какъ отправились калики въ Ерусали́мъ-градъ;
Они Господу-Богу-ту помолилисе,
Во Ёрдани, въ рѣки́-ти да окупалисе,
Ко Господьнёму гробу-ту приложилисе.

106.

Иванъ Грозный.

Да къ цёму де пріутихло-то морё синёё,
Да къ цёму де пріуныли круты бережка,
Почёму де призасохли рѣцьки быстрыя,
Почёму не побѣжали ручьи мелкія?
— Потому де пріутихло-то морё синёё
Потому де пріуныли-ты круты бережка,
Да потому не побѣжали ручьи мелкія,—
Какъ представляитце цяриця-та благовѣрная,
Да сама-то царю она наказыватъ:
„Ты Грозёнъ ты вѣдь царь Иванъ Васильёвиць!
Ты не будь-то грозёнъ да до солдатушокъ,
А не будь ты вѣдь строгъ до малыхъ дѣточёкъ.
Я ишше́-то накажу тибѣ наказъ великія,
Я великъ-отъ тѣ наказъ накажу, немалыя:
Не бери-тко се ты замужъ Марьи Берблю́ковны,—
А не будётъ тебѣ Марьюшка молода жона,
Ужъ какъ будётъ тебѣ Марьюшка зьмѣя лютая“.
А представиласъ цяриця-та благовѣрная.
Ише собралъ тутъ царь-отъ пиръ навёсели;
Ише самъ говорилъ-то да таковы рѣци:
„Ужъ я вывёлъ-то измѣнушку изъ Кіева;

Привезу я вѣдь правдушку изъ чиста́ поля“ [1]).
Ише было у царя-то да чядо милоё,
Ише мило-то вѣдь чядышко одина́коё
Ише на́ имя Васильюшко Ивановичь;
Ише о́тъ роду Васильюшку было двадцеть лѣтъ.
Говорилъ-то Васильюшко таковы рѣчи:
— Ты Гро́зёнъ ты нашъ царь Иванъ Васильёвичь!
Ужъ ты вывёлъ вѣдь правдушку изъ Кіёва;
Привезёшь ты изьмѣнушку изъ чиста́ по́ля.—
Розьсердилсэ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь
На своёго на чядышка на милого;
Приказалъ отьвезьти ёго во чисто́ полё
Да отсѣкц(ч)и ёго вѣдь какъ буйну голову,
Принести-то ёго голову на торе́лоцьки.
Отвели-то Васильюшка во чисто́ полё,
Шьтобы не видалъ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь.
Они прибрали поганого тотарина,
Шьто такой же вѣдь есь—Васильюшко сынъ Ивановичь,
Да отсѣкли у Васильюшка [2]) буйну голову.
Да какъ поѣхалъ тутъ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь,
Онъ поѣхалъ во то жо во чисто́ полё,
Да привёзъ онъ вѣдь Марьюшку Верблюковну,
Ише взялъ онъ за себя да обвинцялсэ.
Да у Марьюшки была-то да какъ родна́ сёстра.
Называлась она да муськи́мъ именбмъ—
Кострюко́мъ Мастрюко́мъ сыномъ Ивановымъ;
Захотѣла она-то да какъ боротисе,
Да искала себѣ она поединщика;
Да нехто противъ ей да какъ не вы́скивалсэ.
Она много згу́била народу-ту́ православного.
Да спокаелсэ Грозной царь Иванъ Васильёвичь,
А шьто взялъ-то вѣдь Марьюшку Верблюковну;
Онъ вѣдь спомнилъ паказъ своей жоны благочесли́выя;
Пожалѣлъ тогды своего-та чяда милого
Ише на́ имя Васильюшка Иванова.
Да выходитъ тогды Потанюшка де Хроменькой.
Ише самъ вѣдь говорилъ онъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь!
Ужъ ты какъ мнѣ прикажошь съ ей поборотисе?“

---

[1]) Измѣна и правда—двѣ жены Грознаго. *Собир.*

[2]) Т. е. татарина, похожаго на Васильюшка. *Собир.*

Говорилъ-то Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь:
— Ужъ ты вой еси, Потанюшка ты Хроменькой!
А борись-ко-се, Потанюшка, какъ Бохъ поможотъ тебѣ.—
Да схватилсэ съ Кострюкóмъ сыномъ Ивановымъ.
Онъ изъ платьица-та ей да какъ повылупилъ
Да хребётну-ту костоцьку повыломилъ;
А упала Кострюкъ Мастрюкъ на сыру землю.
Тогды увидялъ Потанюшка вѣдь Хроменькой,
Шьто не мужикъ-то вѣдь есь, да какъ вѣдь водитьце.
Да со-съ того со стыду она со великого
Затянулась она-то да подъ крылечюшко,
Ише гдѣ-ко собаки-ти какъ приносятце.
Росьсердиласе сё-то сестра милая
Ише на́ имя-то Марья Верблюковна;
Побѣжала она вѣдь въ задьню горьницю,
Надѣвала свою шляпу богатырьскую:
Ей поддѣлали въ шляпу-ту вѣдь ку́тило[1]),
Да надѣла на свою-ту буйну голову;
Ише шляпа-та была да равно тридцеть пудъ;—
Ише тутъ она да закололасе.
Ише зра́довалсэ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь,
Ишше самъ онъ говорилъ-то таковы рѣчи:
„Охте-те-мни-чки-то мнѣ тошнёхонько!
Уходилъ я своёго-то чяда милого
Ише на́ имя Василюшка Ивановичя!“
Привели къ ёму Василюшка Иванова,
Ише сами говорили да таковы рѣчи:
„Ты Грозёнъ ты нашъ Иванъ Васпльёвичь!
Мы отсѣкли у тотарина буйну голову,
Принесли тогды къ тебѣ-ка на торелочьки;
Пожалѣли мы Васпльюшка Иванова“.

VIII.

Ѳедоръ Парѳеновичъ Съдунóвъ, грамотный старикъ лѣтъ 60, любитель покурить и выпить. Читать и писать онъ выучился у матери, а старины перенялъ отъ отца, считавшагося замѣчательнымъ сказателемъ. Поетъ онъ сильнымъ, пріятнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово; послѣдняя особенность его пѣнія, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что

[1]) См. стр. 21, прим. *Собир.*

въ прежнее время онъ пѣвалъ въ церкви, на клиросѣ. Кромѣ предлагаемой здѣсь былины, онъ поетъ еще нѣсколько старинъ, напр., Сорокъ каликъ со каликою, но не ручается за то, что знаетъ ихъ до конца.

107.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

Намъ не дорого не злато да чисто сéребро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да какъ злато-то, сéребро минуитца,
Дорога наша любовь не позабудитца,
Да какъ перьва поѣздка да Ильи Муромца
Отъ славного города отъ Мурома
Ко славному городу ко Кіеву.
Онъ уздаётъ, сѣдлаетъ да коня доброго:
Ёнъ кладётъ сѣдёлышко черкальское,
Да подстéгивалъ подпружинки шолковы
Да застéгивалъ пряжечки чиста золота,
А бралъ съ собой мечъ да саблю вострую
И бралъ-то копьё да борзомѣрное,
Онъ приковывалъ ко стремени булатному;—
Не отковывать отъ города отъ Мурома
Да до славного города до Кіева.
Лéкко, скоро скакалъ да на добрáго коня.
А какъ видѣли богáтыря—сряжаитце,
Да не видѣли поѣздки богатырскія;
Только видѣли—въ чистóмъ поли курева̀ столбомъ.
Ёнъ выѣхалъ нá шóломя окатисто,
Да здрилъ-то, смотрѣлъ на всѣ четыре стóроны.
Да со западну видѣлъ со стороночку:
Да не грозна туча поднимаитце,
А стояла-то тамъ сила невѣрная,
Подъ славнымъ-то городомъ подъ Чи́женцёмъ.
Говоритъ-то сударь да Илья Муромець;
„Да прости миня Бохъ да въ таковомъ грѣху!
Я клалъ-то вѣдь заповѣдь великую
Да на ту же на мечъ да саблю вострую,
Да на то же копьё да бурзомѣрное;
А тепере мнѣ сабля да нужно-надобно“.
Отпадала-то сабля отъ стремени булатного;
Онъ берётъ-то саблю да во бѣлы́ руки,

Самъ поѣхалъ во ту силу невѣрную.
Онъ рукою махнулъ, дакъ лежитъ улицёй,
Да въ другу [1]) махнётъ, дакъ—переулками.
Онъ пресѣкъ-то вѣдь всю силу невѣрную,
Самъ поѣхалъ-то въ городъ Малой Чижепецъ
Да ко тимъ мужикамъ да мало-чиженцямъ.
Говорятъ мужики да мало-чиженци:
„Ужъ ты вой еси, удáлой доброй молодецъ!
Ужъ ты хошь ли у-насъ да царёмъ царить,
Ужъ ты хошь ли у насъ да сѣдокóмъ сидѣть?“
Отвѣчатъ имъ восударь да Илья Муромецъ:
— Не хочу я у васъ да не царёмъ царить,
Не царёмъ я царить, не сѣдокомъ сидѣть.
Вы скажите мнѣ про дорожку прямоѣзжую,
Да куда-то ѣздить въ красёнъ Кіевъ-градъ.—
Говорятъ мужики да по второй наконъ,
Говорятъ-то они да по третёй накопъ.
— Не хочу я у васъ вѣдь не царёмъ царить,
Не хочу я у васъ не сѣдокомъ сидѣть.
Вы скажите мнѣ про дорожку прямоѣзжую,
Шьто куда-къ-ли мнѣ ѣхать да въ красёнъ Кіевъ-градъ.—
„Ужъ ты вой еси, удáлой доброй молодецъ!
Да какъ около ѣхать тибѣ будетъ три года,
А прямо-то ѣхать тебѣ три мѣсеца.
Да по той жа дорожки прямоѣзжія
А есь-ли три заставушки великія:
Да какъ перьва застава да лѣсы тёмныя,
Да втора застава да грези чёрная,
Да какъ третья застава—рѣченька Смородина;
А у той же у рѣчки да у Смородинки
У ей нѣтъ перебróду да часто-мелкого
Да пѣтъ перескоку да часто-ускóго;
У пей есь черезъ ей одинъ калёновъ мостъ.
У того есь у моста у калёного,
Да спдитъ Соловей па девети дубахъ;
Тамъ не коппому, не пѣшому проѣзду нѣтъ,
Да не ясному соколу пролéту нѣтъ:
Да по цѣлому богáтырю съ конёмъ глотатъ“.
Тутъ немного богáтырь да розговаривалъ,
Покручё свою лошадку поворачивалъ;

[1]) Сторону. *Собир.*

Онъ поѣхалъ по дорожки да прямоѣзжія.
Ай пріѣхалъ вѣдь онъ да къ заставушки великія,
Да вѣдь гдѣ были тутъ грези чёрныя,
Да тамъ-ли стояли да лѣсы тёмныя.
Онъ и сходитъ, восударь нашъ Илья Муромець,
Онъ и сходитъ, слѣзаетъ да со добра́ коня;
Опъ одною рукой да онъ коня ведётъ,
Да другою рукой онъ вѣдь ду́бъё рвётъ,
Да дубъё-ти рвётъ да коню мосъ моститъ.
Онъ проѣхалъ двѣ заставушки великія
Да пріѣхалъ ко третьей заставушки великія,
Ко той же ко рѣчки ко Смородины.
Говоритъ-ли государь нашъ Илья Муромець,
Говоритъ-то вѣдь онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, рѣчинька Смородинка!
На тѣ нѣтъ переброду да часто-мелкого
Да и нѣту перескоку да часто-узкого;
Да есь черезъ тебя одинъ кале́ной мостъ;
У того-то есь у кале́на моста,
А сидитъ Соловей на девети дубахъ,
Онъ, не конному, не пѣшому проходу нѣтъ,
Да не ясному соколу проле́ту нѣтъ“.
Онъ самъ говорилъ да таковы рѣчи:
„Да просьти миня Бохъ да въ таково́й вины!
Ужъ я клалъ-то вѣдь заповѣдь великую
Да на ту же на лукъ, калену́ стрѣлу:
Не отковывать отъ стремени булатного
Какъ отъ славного города отъ Мурома
Да до славного города до Кіева;
Ай тепере мнѣ лукъ, стрѣла нужно-надобно“.
Самъ поѣхалъ вѣдь онъ ко калену́ мосту;
Заѣзжаётъ-то онъ да на кале́ной мостъ.
Засьвистѣлъ Соловей посоловьиному,
Заревѣлъ Соловей да позьвѣриному.
Подъ бога́тыремъ конь да спотыкаитце;
Ёнъ и бьётъ-то коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужъ ты волчья-ли пасть [1]) да травяной мѣшокъ!
Зачимъ скоро подъ бога́тыремъ да спотыкаисьсе?
Опъ берётъ-то вѣдь лукъ да калену́ стрѣлу,
Онъ берётъ во свои да во бѣлы́ руки,

[1]) См. прим. 2 къ стр. 348. *Собир.*

Направляётъ Соловейку онъ во правой глазъ.
Да какъ выстрѣлилъ онъ да калену́ стрѣлу,
Она падала Соло́вьюшку во правой глазъ;
Полетѣлъ Соловей со девети дубовъ,
Онъ и падалъ на матушку сыру землю,—
Сыра мать-та земля да потрясалася.
Онъ берётъ Соловейка да во бѣлы́ руки,
Онъ приковывалъ ко стремени булатному,
Самъ поѣхалъ вѣдь онъ да въ красенъ Кіевъ градъ.
Онъ ѣдётъ во городъ въ красенъ Кіевъ жа,
Да ѣхалъ мимо Соло́вьевъ широкой дворъ.
Какъ было у Соловьюшка три дочери;
Они здрятъ-то вѣдь, смотрятъ во чисто́ полё:
„Вонъ батюшко ѣдётъ да мужика́ везётъ“.
Да втора́ говорила таковы слова:
„Шьто батюшко ѣдетъ да мужика везётъ“.
Да какъ третья говоритъ да таковы слова:
— Да мужикъ-отъ вѣдь ѣдётъ, везётъ батюшка;
Онъ прикованъ ко стремени булатному.—
Они вышли на улочку настрѣчать да Илью Муромця:
„Ты отдай намъ родного нашого батюшка“.
Онъ немного бога́тырь съ им' [1]) розговаривалъ,
Онъ поѣхалъ ко князю да на широкой дворъ
На почёстной пиръ ко князю ко Владимеру.
Онъ мечётъ коня да перозуздана [2]),
Самъ идётъ-то во гривню да княженецкую;
Онъ крестъ-отъ кладётъ да по писа́пому
Да поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Онъ и бьётъ-то челомъ князю Владимеру
Да княгины Опраксеи да Королевичьни,
И кланялсэ на вси четыри сто́роны:
„Ужъ вы здраствуйте вси кня́зя да вси бо́яра!“
И руськимъ могучимъ бога́тырямъ,
И всѣмъ полени́цямъ да преуда́лыя
Да всѣмъ-то народу да православнымъ жа.

---

[1]) Вмѣсто „съ има“. *Собир.*

[2]) Съ этого мѣста Сѣдуновъ плохо зналъ старину и допѣлъ ее до конца только съ помощью нѣсколькихъ крестьянъ, которые ему подсказывали почти каждый стихъ. Болѣе всѣхъ ему помогалъ Кизилъ (Іезекіиль) Андреевичъ *Лыткинъ*, братъ довольно извѣстной сказательницы (см. стр. 24, № 7). Отъ послѣдняго я слышалъ между прочимъ преданіе о томъ, что „Илья Муромецъ въ Кіеви сидитъ на кони́ съ саблёй“. *Собир.*

— Ужъ ты здрасвуй, удáлой да доброй молодець!
Я не знаю, тебя какъ именéмъ назвать
Да какъ звеличать тибя изъ отечества.
Добро жаловать ко мнѣ да хлѣба, соли ись
Хлѣба, соли то ись, вина съ мéдомъ пить!—
Они всѣ на пиру да сидятъ пьютъ, ѣдятъ,
Да всѣ на честномъ они приросхвастались:
А иной-отъ хвасталъ да широкúмъ двором,
А иной вѣдь хвасталъ да золотой казной,
А иной вѣдь тутъ хвасталъ силой богатырскою,
Да иной-отъ хвасталъ да молодой женой,
Да безумной-отъ хвасталъ да родной сестрой.
А одинъ доброй молодець сидитъ не пьётъ, не ѣстъ,
Онъ не пьётъ-то, не ѣстъ, ишé ничѣмъ не хвастаётъ.
Говоритъ-то Владимёръ стольнё-кіевской:
„Ужъ ты вой еси, удáлой доброй молодець!
Ужъ ты што жа сидишь у меня не пьёшь, не ѣшь,
А не пьёшь-то, не ѣшь сидишь, ничѣмъ не хвастаёшь?“
— Бласлови мнѣ, Владимеръ-князь, слово молвити,
Слово молвити мнѣ-ка, да рѣчь говóрити!
Я ѣду изъ города изъ Мурома.
Я былъ-то подъ городомъ Чижемомъ;
Я очистилъ дорожку къ вамъ прямоѣзжую,
Да привёзъ я Соловья къ тебѣ на широкой дворъ.—
Говоритъ-то Владимёръ таковы рѣчи:
„Не пустымъ ли ты, дѣтинушка, похвалялься?“
Говоритъ-то Илья да таковы рѣчи:
— Ужъ ты вой еси, Владимёръ-князь стольнё-кіеськой!
Ты бери-тко дружинушку хоробрую:
Перьву голову Добрынюшку Микитича,
Во вторыхъ ты Олёшеньку Поповича,
Да пойдёмъ мы со мной да на широкой дворъ
Да смотрѣть Соловья прикована ко стремени.—
А пошли они Владимёръ да на широкой дворъ;
Говорилъ-то Илья нашъ, Илья Муромець,—
Онъ велѣлъ Соловéю засьвистѣть въ полгóлосу,
Заревѣть Соловéю велѣлъ онъ позвѣриному.
Сыра мать-та земля да потрясаласе;
Задрожали у Владимёра ножки рѣзвыя,
Буйна голова съ плечъ да покатиласе;
Онъ падалъ Владимёръ на сырý землю́.
Да подхватывалъ Добрынюшка за правý руку,

А Олёшенька подхватывалъ за лѣву́ руку,
Повели-то во гридню да княженецькую.
Говорилъ-то Владимёръ-князь таковы рѣчи:
„Ты просьти миня, осударь Илья Муромець,
Да просьти миня да въ таковой вины“.

IX.

Иванъ Прокопьевичъ Прыгуновъ, неграмотный крестьянинъ 57 лѣтъ; старины слышалъ отъ золотицкихъ стариковъ, уже покойныхъ: Аверьяна, Андрея Викуловича Сѣдунова, Олина. Послѣдняго сказателя вспоминаютъ въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы, хотя онъ уже давно умеръ. Прыгуновъ поетъ отрывисто, отчеканивая чуть-ли не каждый слогъ. Кромѣ предлагаемой старины, онъ знаетъ хорошо стихъ про Алексѣя Божьяго человѣка, но другія старины спѣть не можетъ. Вдвоемъ со своимъ братомъ онъ разсказывалъ подробно про Иванушка Гордёновича весьма близко къ пересказу (№ 78) Крюкова.

108.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

Да доселёва Резанюшка слободой слыла,
Ишше нынѣце Резань словётъ городомъ.
Ишше былъ жилъ Микитушка Романовичъ
Живучи́сь-то Романовичъ состарилсэ,
Да состарилсэ Романовичъ, преставилсэ.
Оставалась у Микитушки велика́ семья,
Да вели́ка-та семья его молода жена;
Да ише́-то оставалосе чядо милоё,
Ише маленько чядышко любимоё,
Да любимо е́го чядышко одинакоё
Ише на́ имя Добрынюшка Микитичь младъ.
Ише сталъ-то Добрынюшка пети-шти лѣтъ,
Ише сталъ-то на улочку похаживать,
Ише съ малыма робятками поигрывать:
Да которого хватитъ за праву́ руку,
Оторвётъ онъ у того да пра́ву ручюшку;
Да которого хватитъ да за лѣву́ ножку,

Оторвётъ онъ у того да лѣву ножечьку.
Изучилсэ Добрынюшка боротисе,
Да горасъ-то Добрыня со крутой метать.
Да прошла жа про его-то слава великая,
Да велика ета славушка, немалая,
Да немала та славушка по всей земьли,
Да по всей-то земьли по всей украинки,
Да дошла эта славушка до Мурома
Да до сильня казака-та Ильи Муромца:
Ише нѣтъ-то такого борца по всей земьли,
Да по всей-то земьли, по всей украины.
Да немного тутъ богатырь розговаривалъ,
Да бѣжалъ-то Илеюшка на конюшей дворъ,
Онъ бралъ-то себѣ да копя доброго;
Ише видѣли богатыря сряжаючи,
Да не видѣли поѣздочьки богатырьскія,—
Тольке видѣли въ чистомъ поли курева стоитъ,
Курева-та стоитъ да тольки дымъ валитъ.
Ишше ѣдётъ Илеюшка не дорошкою,
Да ко городу пріѣжаётъ да не воротами,
Ише скачётъ черезъ стѣнушку городовую,
Черезъ ту жа то башню наугольнюю.
Онъ увидялъ во городи ребятушокъ:
„Ужъ вы вой еси, ребятушка малешеньки!
Вы скажите-ко, ребятушка, которой Добрынюшки широкой
Да широкой-отъ домъ, да онъ высокъ терёмъ?“ [домъ,
Отвѣчяютъ робятушка малешеньки:
— Не высокой-отъ домъ, да не широкой дворъ.—
Услыхала-то Добрынина родна матушка,
Отпираетъ окошочька немножечко,
Да сама-то говорила потихошеньку:
„Ужъ ты здрастуй, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты па имя Илеюшка ты Илья Муромець!
Ужъ ты милосьти ко мьнѣ хлѣба ись,
Ко мьпѣ хлѣба ты ись, да вина съ мёдомъ пить!“
Отвѣцятъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
— Ише какъ миня знаёшь, именемъ зовёшь,
Именёмъ миня зовёшь ты, изъ отечесьва? —
„Ише знать-то ясного сокола по полету,
Ише знать-то удалого молодца по поѣзду“.
Говоритъ-то Илеюшка таковы рѣчи:
— Ужъ ты вой еси, Омельфа Тимоѳевичьня!

У тя въ доми ли твоё-то чядо милоё,
Ише мило твоё чядышко одинакое,
Ише на̀ имя Добрынюшка Микитичь младъ?—
„Не случилосе у миня въ доми чяда милого,
Ише милого́ чядышка, любимого:
Да уѣхалъ у миня чядышко во чисто́ полё,
Да на ти же на тихи вёшны заводи
Да стрѣле́ть-то гусей да бѣлыхъ ле́бедей.
Ишё тихъ же перпастыхъ сѣрыхъ уточёкъ“.
— Ужъ ты врёшь ты, Омельфа, миня оманивашь,
Ужъ ты сушшой-то правды минѣ не сказывашь.—
„Охте те-мнѣ-чько тошне́шепько порато же!
Ужъ ты вой еси, Иле́юшка, Илья Муромець!
Ты паѣдешь моего да чяда милого,
Ты паѣдёшь ты его да во чисто́мъ поли,—
Не моги его убить, моги помиловать,
Ты моги-тко-се ёго помиловать,
Не розори-тко-се вдовиного подворьица“.
Тутъ немного бога́тырь розговаривалъ,
Да поѣхалъ Иле́юшка во чисто́ полё,
Онъ увидялъ-то, въ чисто́мъ поли курева́ стоитъ,
Курева-та стоитъ, да тольки дымъ валитъ:
Тамъ ѣздитъ Добрыня по чисту́ полю,
По чисту-ту полю ѣздитъ, похваляитца:
„Ише нѣту-ту мнѣ-ка поединшычька!“
Услыхалъ-то Илеюшка, Илья Муромець;
Ише тутъ-то Илеюшки не подравилось.
Они сьѣхались бога́тыри во чисто́мъ поли
Да ударились бога́тыри пальчёми-ти;
Ише другъ друшки бога́тыри не ранили.
Да во второй-отъ разъ они да сьѣхались,
Да ударились они сабелькеми-ти вострыма;
Ише другъ друга́ бога́тыри не ранили,
Пошербались у бога́тырей востры сабельки.
Ише сьѣхались бога́тыри во третёй наконъ,
Да скакали бога́тыри черезъ ко́ничковъ,
Да схватились богатыри боротисе;
По колѣнямь-то въ земью-ту втоптались.
Да по Божьей-то всё было по милосьти,
По Добрынпной-то было всё по учесьти:
Да здала у Иле́юшки лѣва ножечька,
Да здала у Илеюшки права ручюшка;

Ише палъ-то Илеюшка на сыру земьлю,
А Добрынюшка палъ да на бѣлы́ груди.
Говорилъ-то Добрыня таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ужъ ты ко́его города, коёй земьли,
Ты какого отца да какой матери?“
Отьвѣчятъ ему да Илья Муромець:
— Я сидѣлъ бы у тибя да на бѣлы́хъ грудяхъ,—
Я не спрашивалъ у тибя бы да роду-племени,
Я споролъ бы у тибя да груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы у тибя да ретиво́ серцо.—
Говорилъ-то Добрынюшка во второй наконъ:
„Ужъ ты ко́его города, коёй земьли,
Ты какого отца да какой матери?“
Отьвѣчятъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
— Я сидѣлъ бы у тибя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ бы у тибя да роду-племени,
Я споролъ бы у тибя да груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы у тибя да ретиво́ серцо́.—
Говорилъ-то Добрыня во третёй наконъ:
„Ужъ ты ко́его города, коей земьли,
Ты какого отца да какой матери?“
Отьвѣчятъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
— Я того жо города-та Мурома,
Ише сильни каза́ка да Илья Муромець.—
Да скакатъ-то Добрыня со бѣлы́хъ грудей,
Да берётъ-то Добрыня да за бѣлы́ руки
Ише падатъ Добрыня во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти миня, Илеюшка, въ таковой вины!
Кабы зналъ-то ише, вѣдалъ, Илеюшка,
Не сидѣлъ бы у тибя, да на бѣлы́хъ грудяхъ“.
Тутъ побра́тались братаны да покрестовались:
„Ужъ ты будь-ко мнѣ-ка, Илеюшка, да вторы́й отець“.
Тутъ поѣхали братанушки въ красёнъ Кіевъ градъ
Да ко славному Владимеру ко кіеську.
Пріѣжаетъ къ Владимеру на широкой дворъ;
Да стрѣчятъ-то Владимеръ стойно-кіеською:
„Ужъ ты здрастуй, Илеюшка, Илья Муромець!
Ужъ ты здрастуй, дородьнёй доброй молодець!
Я тибя-то, доброй молодець, не знай, какъ зовутъ“.
Говоритъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
—Ише на́ имя—Добрынюшка Микитичь младъ.—

X.

Марья Сергѣевна Точилова, дѣвица лѣтъ 60. По ея словамъ, за нее сваталось шесть жениховъ, но ни одинъ изъ нихъ ей не понравился, и она предпочла остаться въ дѣвкахъ. Если не ошибаюсь, въ молодости она жила въ одномъ изъ скитовъ: Онуфріевскомъ или Игнатьевскомъ (см. стр. 10, 304; послѣдній находится верстахъ въ 60-и отъ Золотицы, недалеко отъ рѣки Ру́чьевъ), и тамъ выучила нѣкоторыя старины; но бо́льшую часть своего обширнаго репертуара она переняла у отца. Въ своемъ селѣ она слыветъ замѣчательной сказательницей; къ сожалѣнію, я могъ записать у нея очень немногое. Она долго не соглашалась мнѣ пѣть, подозрѣвая, не явился ли къ ней дьяволъ въ моемъ образѣ [1]), или не посланъ ли я правительствомъ провѣрять рекрутовъ, или не увезутъ ли ее въ Москву, если она споетъ старины. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь былинъ, она знаетъ: 1) Первую поѣздку Ильи Муромца, 2) какъ Алеша отнялъ жену у Добрыни, и многія другія.

109.

Дунай.

Да у ласкова князя да у Владимера
Заводилось пированьё ёго, поцéсёнъ-отъ пиръ,
Онъ на много князей жа, на многихъ бо́яровъ,
Онъ па руськихъ могуцихъ на бога́тырей
Да на вси поленйци да преуда́лыя [2]).
Да Владимёръ-отъ по полу запохаживалъ,
До онъ бѣлыма руцьками помахивалъ,
Онъ русы́ма кудрями принатряхивалъ:
„У мня вси были въ городи испожёнёны,
У мня красны дѣвйци да за́мужъ были выданы.
Токо я одинъ во городи холостой хожу,
Я холо́стъ хожу себѣ, неженатъ слыву.
Вы не знаете ли гдѣ-ка, братцы, мнѣ обруцьници,
Вы обруцьници гдѣ мнѣ-ка, портомойници [3]),—

[1]) Вслѣдствіе того, что я вставлялъ фотографическія пластинки въ баняхъ, среди женскаго населенія Верхней Золотицы распространился слухъ, что я— „банна жихоня“ (банный духъ).

[2]) На войну ѣздили, бабы.

[3]) Вмѣсто „сопротивницы“. *Собир.*

Ужъ возрастомъ немала и умомъ сверстна,
У ей бѣло лицё шьтобы—бѣлой снѣгъ,
У ей цёрны брови будто были у соболя,
У ей оци-ти ясны будто были у сокола,—
У ей я́годьници-ти были будто маковь цьвѣтъ,—
У того жа у соболя у сибирьского,
У того жа у сокола перелётного?“
Ише бо́льшой за меньшого хоронитьце,
Оть больше́го-то, братцы, всё отьвѣту нѣтъ.
Да выходитъ Добрыня да сынъ Микитиць-отъ
Зъ-за того жо стола-та изъ-за угольнёго,
Онъ со той жо скамеёцьки зъ бѣлоду́бовой,
Подьвигантьце къ ёму потихошенько,
Ужъ онъ рѣць говори ёму помалёшенько:
— Бласлови миня, Владимёръ-отъ, слово вымолвить,
Не моги миня за́ слово-то скоро́ сказнить,
За одно же слово моги миня помиловать.—
„Говори-тко, Добрынюшка, шьто тѣ надобно“.
— Ужъ я знаю, тобѣ есь гдѣ обручьница;
Хоша самъ не видалъ, то у людей слыхалъ,
Ужъ я цюлъ-то у брателка названого,
Я отъ молода Дупая сына Иванова.
Да сидитъ у тибя онъ да въ тёмной тёмьници,
Онъ за ту бѣду сидитъ, за напраслинку;
Да сидитъ у тя Дунаюшко въ тёмной тёмьници
Тридцеть лѣтъ вѣдь сидитъ, весь во мху обросъ.—
„Вы пойдите-ко, слуги да мои вѣрныя,
Вы берите, мои слуги, да золоты клюци,
Отмыкайте-тко, слуги, вы тёмны жё,
Выпускайте мнѣ Дуная сынъ-Иванова“.
Они брали эти слуги да золоты́ клюци,
Отмыкали эти слуги тёмны тёмьници,
Да привели они Дуная сына Иванова,
Наливали ёму цяру да зелёна́ вина,
Небольшу таку, немалу—да полтора ведра;
Да примантце Дунаюшко единой рукой,
Выпивалъ тамъ Дунай да едины́мъ духомъ.
Наливали ёму цяру пива пьяного;
Да примантце Дунаюшко единой рукой,
Выпивалъ-то Дунай-отъ едины́мъ духомъ.
Они третью наливали да мёду ёму сладкого.
Ише тутъ-то Дунаюшко весёлой сталъ,

Онъ весёлой сталъ, позаговаривалъ.
Да Владимёръ-кнезь по полу запохаживалъ,
Ужъ онъ бѣлыма руцьками помахивалъ,
Да русы́ма кудрями да принатряхивалъ,
Ужъ онъ самъ говорилъ ёму таковы слова:
„Ужъ ты вой еси, Дунай дакъ сынъ Ивановиць!
Ты не знашь ли ты гдѣ мнѣ-ка обруцьници,
А обруцьници ты гдѣ мнѣ, портомойници,
Шьтобы возрастомъ нема́ла была, умомъ сверстна,
Шьтобы было лицё у ей будто бѣлой снѣгъ,
У ей цёрны брови будто были у соболя,
У ей оци-ти ясны будто у сокола,—
Да походоцька у ей-то шьтобы была павиная,
У ей тйха рѣць была лебединая,—
У того жа у сокола у сибирьского,
У того жа у соболя перелётного (sic!)?“
— Ужъ я жилъ-то во городи въ Ляхивоньскія,
У того жо короля я, земли, Задоньского,
У ёго я три года жилъ во клюцьникахъ,
Ужъ я три года жилъ у ёго въ замочьникахъ,
Ужъ я три года жилъ у ёго въ столя́рьницькахъ;
Я видалъ-то—у ёго да есь двѣ доцери:
А перьва́ доць-отъ Настасья да Королевицьня,
Они ѣзьдитъ по цисту́ полю, полякуётъ,
А полякуё, ѣзьдить она розбойница,
Да словё поленицей да преуда́лою
Да стоитъ-то въ цисто́мъ поли поединьшицькомъ;
А втора доць Опраксея есь Королевисьня.
Опраксеюшка тибѣ будётъ твоя рука,
Да рука-та будётъ, твоя сьняга[1]):
Она возрастомъ нема́ла и умомъ сверсна;
У ей бѣло лицё́ да будто́ бѣлой сьнѣгъ,
У ей цёрныя брови будто у соболя,
У ей оци-ти ясны будто были у сокола,—
У ей ягодьници-ти да будто маковъ цьвѣтъ,
Да походоцька у ей та была павиная,
Тиха рѣць-та её была лебединая,—
У того жа у соболя у сибирьского,
У того-та ясного сокола перелётного;
А сидитъ Опраксея доць Королевисьня

[1]) Какой онъ, такая и есь.

За двѣнадцетеми сидитъ она замоцьками,
За тринадцетеми-то крѣпкима сторóжеми,
Шьтобы красно ей солнышко не запекло,
Шьтобы буйныя вѣтры-ти не зáдули,
Шьтобы лишны-ти люди ей не засмóтрили.—
„Поѣжжай-ко ,Дунаюшко, скорымъ сватомъ сватайсе,
Ты бери у мня, надобно сколько силы-арьмíи,
Ты возьми моей несцётной золотой казны“.
Да Дунаюшко ёму да вѣдь отьвѣтъ дёржалъ,
Отьвѣцяётъ Дунай ёму сынъ Иваповиць:
— Мнѣ-ка сцётной твоёй не откупатисе,
Могутóй-то, силой твоёй не воёватисе;
Только дай-ко три брата да три названого:
Во перьвы́хъ мнѣ названого-крестового
Ужъ ты вой еси[1]) Добрынюшку мнѣ-ка Никитиця,
Во вторыхъ Илéюшку славна Муромця,
Мнѣ во третьихъ Олёшеньку дай Поповиця;
Тотъ ужъ силой несплёнъ да хуть напу́скомъ смѣлъ.—
Да не долго бога́тыри збиралисе:
Только видѣли богатырей поѣзжаючись,—
Во цисто́мъ-то вѣдь полюшки курёва́ стоитъ,
Курёва-та стоитъ, да идётъ дымъ столбомъ,—
Да не видѣли поѣздки да богатырьскою.
Они мелки озёрышка перескакивали,
Они рѣки-ти быстры промежъ погъ брали́;
Они ѣхали бога́тыри на цисто́мъ поли,
Они къ городу ѣхали не дорожкою,
Да во городъ заѣзжали не воротами,—
Они скацютъ черезъ стѣну городóвую,
Черезъ ту да нову башню троугольнюю.
Да король-отъ во полаты перепада́итьце,
Въ сундуки жо король-отъ замыкаитьце.
Да выходётъ король-отъ земли Задоньскія:
„Ужъ ты здрастуй, Дунаюшко сынъ Ивановиць!
Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ, жить не во ключьники ли,
Не во ключьники пріѣхалъ, не въ замочьники ли,
Не въ замочьники ко мнѣ, не въ столарники?“
— Я пріѣхалъ къ тобѣ жа не во ключьницьки,
Я пріѣхалъ къ тебѣ-ка да не въ замочьники,
Я пріѣхалъ ко тебѣ да не въ столарничьки;

---

[1]) Ср. № 112, ст. 78. *Собир.*

Ко тебѣ жа я пріѣхалъ сватомъ свататьце
Я на мо́лодой Опраксеи доць-Королевисьни.—
„Право, ей-Богу, у мня засватана,
Да засватана Опраксея да запору́чёна
За того жа цюди́шша да за Идо́лишша;
У ёго носъ-о какъ палка дровокольняя,
Да глаза-то у жениха-то какъ пивны́ цяшы,
Голова-та ёго будто сильнёй бугоръ“.
Во второй разъ говорилъ, изъ грепи вонъ пошолъ:
— Ужъ и цесью не дашь, то мы за буёмъ возьмёмъ,
Мы возьмёмъ своей силбй да богатырьскою,
Мы возьмёмъ жа грозой своей-княженецькою.—
Онъ выходитъ за ворота на улицю,
Ише тотъ жо Дунаюшко сынъ Ивановичь,
Говоритъ-то всимъ могуцимъ трёмъ бога́тырямъ,
Говорилъ-то вѣдь онъ имъ таковы слова—
Онъ Добрынюшку оставилъ да у добра́ коня,
Онъ Илеюшку оставилъ да на новы́хъ сѣняхъ—
Онъ Добрыню съ собой берётъ за праву́ руку,
Ужъ онъ самъ говорилъ таковы слова:
„Ужъ ты вой еси, Илья у мня славной Муромиць!
Зазьвенитъ у мня когда сабля вострая,
Забрецитъ когда моя-та сабля вострая,—
Ты сѣки на сѣняхъ старого тогда, малого,
Не оставь ты единого на сѣмяна“.
Да присѣкли двѣнадцеть да крѣпкихъ сто́рожовъ,
Обломали висуци тутъ да вси замки,
Да заходя къ ей во гридню да княженецькую.
Она дѣлала дѣлышко немалоё:
Да плела-то сидѣла золоты круги
Да цьвѣтами-ти всякима розноличьнима
Да кругами-ти всякима розноличьнима,
Да Идо́лишшу своёму она дары плела;
По кобылоцькамъ у ёй сидя сизы голыби,
По набилоцькамъ у ей сидя ясны соколы,
По ставця́мъ у ей сидѣли бѣлы лебеди.
Сизы голыби у ей-то да прирозлѣта́лись,
Ясны соколы у ей-то да прироспо́хались;
Опраксея во полаты перепада́ласе,
Красота-та въ лици у ей измѣняласе.
Да берё ей Дунаюшко за праву́ руку,

Да ведё ей Дунаюшко за злацьни́ персьни,
Да ведё ей изъ гредни да княженецькою.
Да заплакала Опраксея доць Короловицьня:
„Ты умѣлъ миня, батюшко, воспоить-корьмить,
Не умѣлъ миня, батюшко, замужъ выдати!
Тамъ людськи-ти отци бѣдны, людськи матери
Отдаваютъ изъ нужды бѣдны, изъ бѣдносьти,
Отдаваютъ изъ-за́ хлѣба, изъ-за́ соли;
Ты-то, моё да соньцё красноё,
Не цёснымъ миня пиркомъ давашь, съ кроволитьицёмъ“.
Тогда выпёсъ-то король земли Задоньскія,
Ему вынёсъ-то мизу да красна золота,
Да другую да вынёсъ да циста се́ребра,
Ужъ онъ третью выноситъ скатна жемцюгу.
Они да́ры берутъ-то, сами цёломъ не бьютъ,
Да цёломъ-то они не бьютъ да имъ не кланеютце:
„Вотъ на пріѣзьди ты госьтя не уцёстовалъ,—
На отьѣзди тѣ дорогого не уцёстовать!“
Посади́тъ свою невѣсту да заруце́нную,
Посадилъ-то Дунаюшко на добра́ коня,
На добра-та коня онъ позади себя,
Закрывалъ свою невѣсту шалью шолковой,
Шьтобы красно ей солнышко не за́пекло,
Е́ю буйны-ти вѣтры шьтобы не за́дули,
Ей бы лишныя люди да не засмо́трили.
Да поѣхали бога́тыри по цисту́ полю
Да пріѣхали къ Владимёру стойно-кіёському.
Да выходитъ кнезь Владимёръ да стойно-кіёськой,
Да выходитъ на улицю потихошенько,
Подвигаитьце къ невѣсты да помалёшенько,
Онъ и кланеитце ей низёшенько:
„Ужъ ты здрастуй, невѣста заруцёная!
Невѣста ты была мнѣ да Богомъ сужона,
Ише сужена ты Богомъ была, ряжона,
Ише мнѣ ты, ты невѣста была палажона.
Ужъ ты здрастуй патретнова красавиця!
Ише въ міри тако́выхъ людей мало водитце,
А на свѣти негдѣ́ болѣ не отышшетсе“.
— Ужъ ты здрастуй, Владимёръ-кнезь да стойно-кіёськой,
Ужъ ты удалой да доброй молодець!
А не сужоной ты былъ мнѣ-ка Богомъ, ряжоной,
Ише Восподомъ-Богомъ да припалажоной.—

Ужъ онъ бралъ свою невѣсту за праву́ руку,
Ужъ онъ вёлъ свою невѣсту да въ задню горьницю,
Надѣвалъ на ей повязку да драцѣнную,
На ей платьё надѣлъ-то необцѣнённое,
Покатилъ свою невѣсту во Божью церькву.
Да немало етого времени продьлилосе,
Ише шесь тутъ цясовъ имъ миновалосе;
Ише всё они дѣло то приконцили,
Пріѣхали во гредню-ту княженецькую [1]);
У нхъ пиръ-то пошолъ да всё на радосьти,
Да на томъ на весельици на великія.
Во цистóмъ-то вѣдь поли мало-не дымъ столбитъ,
Да не дымъ-то столбитъ, ѣдё полени́ця преудалоя,
Да не дымъ-то столбитъ, да не гамъ гамитъ.
Говорилъ-то Владимеръ-кнезь стойно-кіеськой:
„Ужъ вы вой еси, сильни вы бога́тыри,
Ужъ вы вся, мнѣ, дружиноцька хоробрая!
Погодите [2]) вы моёму-ту горюшку:
А вы стрѣтьте поленицю да преудалую,
Да сьсѣките, срубите до плець голову,
А не допускайте до моёго вы широка двора".
Да поѣхали они да во цисто́ полё.
Да стоитъ-то Опраксея Королевишьня
За снаряднымъ стоитъ она дубовы́мъ столомъ,
Да сама-то говоритъ ёму таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Владимеръ-кнезь стойно-кіёськой!
Допусьти у мня родиму милу се́стрицю [3]),
Угости-тко-се ей да сладкой водоцькой,
Ужъ ты всекима дорогима ей напитками,
Ужъ ты всекима дорогима ей гостиньцеми".
Да въ отьвѣтъ-то Владимеръ да стойно-кіёськой
Отьвѣцяё онъ всё да молодой жоны:
— Ужъ ты вой еси, моя да молода жона!
Да не ты бы говорила, кабы новóй мнѣ кто,—
На долонь бы посадилъ я, другой сверху прижалъ,
Только межь долонеми бы мокро́ стало [4]).—
Да пріѣхали бога́тыри во цисто́ полё,

---

[1]) Стихи 205—228 представляютъ собою, несомнѣнно, сочиненіе самой сказательницы. *Собир.*

[2]) Пригодитесь? помогите (ги=ди)? *Собир.*

[3]) Ср. стр. 82, 184, 189, 461—3. *Собир.*

[4]) Слова эти должна была бы говорить поленица Настасья Дунаю. *Собир.*

Ише сьсѣкли у ей-то по плéцямъ буйну голову.
Роскинали, розбросали по цисту́ полю,
По тому жо по роздольицю по широкому.
У Владимёра пиръ-то пошолъ на радосьти,
Да на томъ на весельици на великія.

110.

Козарушко (Козаринъ).

Отець съ матушкой Коза́рушку не злю́били,
На роду-ту Козарушку попорьтили.
Ише сталъ-то Козарушка-та петй, шти лѣтъ [1]),
Онъ сталъ-то на улочьку побѣ́гивать,
Онъ со малыма ребятушками сталъ поигрывать.
Задрозьнили Козарушка ребятушки:
„Не прямого ты отця, не прямой матери!“
Кого за́ руку хватитъ, да руку выдерьнё,
Кого за ногу хватитъ, да пожку выставитъ,
За животъ-отъ перехватитъ—да живота лишитъ.
Да пошолъ-то Козарушко ко бабушки:
„Ужъ ты вой еси, бабушка родимая!
Я прямого ли отця да прямой матери?“
— Ты прямого отця-та да прямой матери:
У тя былъ жа Петъ-отець Коромысловиць,
У тя мать была Петриха Коромыслиха.—
„Напеки жа мнѣ-ка, бабушка, подорожьницьковъ
Я пойду жа на тихи мелки заводи
Пострѣлеть гусей да бѣлыхъ лéбедей,
Ише тихъ же пернастыхъ малыхъ утоцёкъ“.
А идётъ-то Козара да по цисту́ полю,
По тому идё роздолью да по широкому;
Ише стрѣтилось ёму цюдо страшноё,
Цюдо страшноё стрѣтилось, ужасноё:
У ёго носъ-отъ какъ палка дровокольняя,
А глаза у ёго будто пивны́ цяшы,
Голова у ёго жа будто сильнёй бугоръ.
Ише спрашиватъ-то цюдышко ето страшноё:
„Ты вой еси, уда́лой ты доброй молодець!
Ты не знашь ли Козары гдѣ Петровиця?

[1]) Шти годовъ. *Точилова.* Около пяти—шести лѣтъ. *Собир.*

Ужъ онъ сколь-то великъ да сколь широкъ?“
— Да сколь я-то великъ да сколь я широкъ,
Ише столь-то Козарушка-та великъ и широкъ.—
„Онъ по много ли Козара да къ выти хлѣба ѣстъ?“
— Ужъ онъ ѣстъ по три милостины.—
„Ужъ и много ли Козарушко зелена́-та вина пьё?“
— Зелена-та вина пьё по три рюмоцьки.—
„Вашъ немудрой Козарушко Петровиць-отъ!
Я ишшу-то ёго да ровно шесть лѣтъ;
Да прошла про ёго слава великая
По всей земли, по всей вокра́инки.
Ужъ я хлѣба-та ѣмъ да по семи пецей,
Зелена-та нью-то по три сороковоцьки“.
У Козарушки серьцё да роскипѣлосе,
Да могуція плеци да росходилисе,
Лебёда́ [1]) ёго въ лици вся перемѣниласе;
Да хватилъ-то онъ цюди́шша со добра́ коня
Да зашибъ-то цюдишша о мать сыру землю.
Да тогда онъ зговорилъ: „слава Восподу,
Слава Восподу Христу-ту, цярю небёсному,
Той же матери Божьёй да Богородици!
Мнѣ-ка при́слалъ-то Бокъ да коня доброго,
Мнѣ ише прислалъ-то Бокъ саблю вострую,
Мнѣ тогда прислалъ-то Бокъ жа копьё булатноё“.
А тогда розоставилъ да онъ шатёръ бѣлой,
Онъ шатёръ-отъ бѣлой-то полотьняной.
На зори тогды было да рано утряной,
На выка́ти-то было соньця красного,
Да во тихъ во горахъ-то да во Пешшорьскіяхъ,
Да приплакиватъ Козарушку Петровиця,
Тамъ живётъ-то родима ёго сёстриця,—
Унесла е́ зьмѣя да семиглавая:—
„Кабы былъ у мня брателко Козарушка,
У мня не были зьмѣины да дити маленьки,
Они не́ ссали мои да груди бѣлыя!“
Да поѣхалъ во горы да во Пешшорьскія,
Онъ присѣкъ-то Козарушка Петровиць-отъ
Ужъ онъ всихъ-то зьмѣиныхъ малыхъ дѣтоцёкъ,
Роскиналъ, розбросалъ-то ихъ по цисту́ полю,
По тому по роздолью да по широкому,

[1]) Лѣпеста, румянецъ. *Собир.*

Посадилъ сестру-ту да на добра коня,
На добра-та коня онъ позади себя;
Да пріѣхалъ къ отцю да къ родной матери,
Онъ и къ тимъ-то полатамъ да къ бѣлымъ камяннымъ,
Да крыцитъ-то Козарушка громкимъ голосомъ,—
Вся полата у ихъ пошаталасе,
Ставники́ въ окнахъ побуту́силисъ [1]),—
Да крыцялъ-то Козарушка звонкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Петъ дакъ Коромысловицъ!
У тя было ли цядышко любимоё,
Да изъ мо́лодыхъ Коза́ра да сынъ Петровицъ-отъ [2])?
Да была ли ваша доць-та да прилюбимая?“
— Да была-то одна доць-та у насъ любимая.—
„Я привёзъ вашу доцерь да вамъ любимую“.
— Вы отдайте-тко доць мнѣ-ка любимую.—
„Вы обсыпте мою-ту саблю золотомъ,—
Я тогда-то отдамъ вамъ дочь любимую“.
Тогда отдалъ доць-ту ихну любименьку,
Да пріѣхалъ Козарушка ко бабушки.

111.

Мать князя Михайлы губитъ его жену.

Поѣжалъ-то кнезь-отъ Михайло
Во чисто́ полё широ́ко,
Да во роздольицё дале́цё.
Да говорилъ-то кнезь-ё Михайло
Да своей маменьки родимой:
„Ужъ ты маменька родима!
Не буди моей кнегины
Да присьпѣсивой Катерины
По утру рано ставати,
Свѣтлой пецьки затопле́ти;
Потому ей не буди-то,—
Мало дѣтишшо во утробы“.
Не усьпѣлъ-то кнезь-е Михайло
Онъ со двора-та долой сьѣхать,

---

[1]) Коси́ сдѣлались. *Точилова*. Вмѣсто „помитусилисъ“; см. это слово въ словарѣ. *Собир.*

[2]) По словамъ сказательницы, отецъ отвѣчалъ ему, что—не было. *Собир.*

От двора-та скоро отьѣхать,—
Его маменька родима
Жарко банёцьку топила
Во владыцьнёй цёсной празьникъ,
Во Христово воскресеньё;
Сѣрой камень нажигала;
Повела эту кнегину
Присьпѣсиву Катерину
Въ парну банёцьку помытьце,
Да помытьце, похвостатьце,
Клюцёвбй водой поплёскатьце;
Завязала оци ясны
Тонкимъ, бѣлымъ полотеньцёмъ
У кнегины Катерины,
На утробу ей спушшала
Сѣръ-горюцёй сѣрой камень,
Выжигала изъ утробы
Она малого младёня,
Она малого дитётя;
Да рыболовамъ-то крыцяла:
„Вы поскорѣ-скорѣй бѣжите!“
Рыболовы прибѣжали,
Ею зьдѣлали колоду,
Трои обруци набили,
Трои обруци жалѣзны.
Ужъ во-въ ту пору въ то время
Ише ѣдё кнезь-е Михайло
По цисту́ полю широкому,
По роздольицю далёцю.
У ёго же конь потьпялсэ,
Пухова́ шляпа свалилась,
Сабля востра подломилась:
„Ужъ ты конь мой, лошадь добра,
Ты слуга праворучьня!
Ужъ ты мнѣ-ка не скажошь,
Шьто мнѣ-ка не роскажошь,
Шьто-ль есь въ доми неладно,
У меня же неисправно:
Или маменька хвораё,
Ли кнегина немога́ё?“
Шьто пріѣхалъ кнезь Михайло
Изъ циста́ поля широкого,

Изъ роздольиця далёкого.
Не стрѣчя́тъ ёго кнегина,
Да стрѣцятъ маменька родима.
„Ише гдѣ моя кнегина
Присыпѣсива Катерина?“
— Пригорда твоя сыпѣсива
Сыпитъ на мяккую перину,
На пуховыхъ на подушкахъ;
Она изъ горьници не выйдё,
Тебя, Михайло, не стрѣцёё.—
Онъ пошолъ-то кнезь Михайло
Въ задьню горницю убра́ну,
Ко перины ко пуховой,
Ко кровати ко тесовой;
Ише нѣтъ ёго кнегины,
Присыпѣсивой Катерины.
„Ужъ онъ тутъ перепалсэ;
Опъ на вострой ножь метался;
Его нянюшки здёржали,
Его мамушки подёржали:
„Ужъ ты стой-постой, Михайло!
Ужъ какъ мы тебѣ всё скажомъ,
Ужъ какъ мы тебѣ роскажомъ:
Не усыпѣлъ ты, кнезь Михайло,
Со двора-та зъ дому съѣхать,
Отъ двора свэго отъѣхать,—
Твоя маменька родима
Жарко банёцьку топила
Во владыцьнёй цёсной празьникъ,
Во Христово воскресеньё;
Сѣрой камень нажигала;
Повела эту кнегину
Въ парну банёцьку помытьце,
Да помытьце, похвастатьце,
Клюцёвой водой поплёскатьце:
„Ты пойдёмъ, моя кнегина,
Въ парну банёцьку помытьце“.
Шьто сѣръ-горюцёй вытягала;
Завезала у кнегины
Шьто её же оци ясны
Тонкимъ, бѣлымъ полотеньцёмъ,
Выжигала изъ утробы

Она малого младеня,
Она малого дѣтéтя;
Рыболовамъ-то крыцяла:
„Поскорѣ-скорѣй бѣжите!“
Рыболовы пабѣжали,
Ею зьдѣлали колоду.
Трои обручи набили,
Трои обруци желѣзны,
На синё морё спушшали.
Ты поди-ко, кнезь Михайло,
Ты по конюхамъ конюшнымъ,
По торговишшамъ гостиннымъ;
Ты купи-ко, кнезь Михайло,
Коней пару вороныя,
Ты корету золотую,
Ты три нёвода шолкóвыхъ;
Набери силы хресьéньской,
Ты лови ету колоду“.
Онъ поиолъ-то кнезь Михайло
Онъ по конюхамъ конюшнымъ,
По торговишшамъ гостинымъ;
Онъ купилъ же кнезь Михайло
Коней пару вороную,
Онъ корету золотую,
Онъ три нёводы шолкóвы;
Набралъ силы онъ хресьéньской,
Ужъ онъ выловилъ колоду.
Ужъ онъ тутъ сперепалсэ,
Во синё морё бросалсэ.
Ёго маменька родима
Вдоль по бéрежку ходила,
Слёзно плакала-рыдала:
„Три души я погубила:
Я перьвýю душýю безвинну,
Я другу душýю безгрѣшну,
Третью дýшу запапрасно!“

XI.

Анна Пудовна Бурая и Анна Ивановна Лыткина—пѣли вмѣстѣ, при чемъ вторая исполняла должность подголоска; всѣ старины онѣ пѣли однимъ напѣвомъ. Бурая—замужняя женщина лѣтъ 40, неграмотная; старины переняла у своей тетки М. С. Точиловой (X). Кромѣ старинъ, пропѣтыхъ ею вмѣстѣ съ Лыткиной, она знаетъ слѣдующія: 1) Добрыня и змѣя, 2) Дунай, 3) Козарушко, 4) Цюрило, 5) Мать князя Михайлы губитъ его жену, 6) Камское побоище (послѣднюю старину она знаетъ не совсѣмъ хорошо). Лыткина—дѣвица 38 лѣтъ, грамотная; у нея я пріобрѣлъ сказку о Бовѣ-королевичѣ старой печати, съ картинками. Старины, повидимому, она знаетъ плохо: она согласилась помогать Бурой только потому, что послѣдняя одна пѣть стѣснялась. Обѣ женщины пѣли мнѣ вмѣстѣ также похоронныя и свадебныя причитанія („пла́ци“).

112.

Неудавшаяся женитьба Алеши.

У ласкового князя у Владимёра
Заводилось пированьицё, поцёсёнъ пиръ
Да на многихъ князей, на многихъ бояровъ,
Да на сильныхъ, могуція богатыря
Да на всихъ полени́ць да преуда́лыя [1]).
Они всѣ-то на пиру да напивалисе,
Они всѣ на цёсно́мъ да наѣдалисе.
Говорилъ-то восударь да Илья Муромець:
„Намъ кого, братцы, послать да на Пуцяй-рѣку
Принести-то холодной клюцёвой воды,
Ише тихъ принести да младыхъ яблуковъ?“
Говорилъ-то Олёшенька Поповиць младъ:
— Мы пошлёмъ, братцы, за холодной клюцёвой водой,
Мы пошлёмте Добрынюшку Микитиця;
Принесётъ онъ холодной да клюцёвой воды,
Ужъ онъ тѣхъ принесётъ да младыхъ яблуковъ.—
Да пошолъ у насъ Добрыня къ своёму двору,
Да невёсёлъ, повѣсилъ буйну голову,
Ужъ онъ ниже повѣсилъ своихъ могуцихъ плець.

---

[1]) Бабы сильнія, храбрыя, воевались.

Да стрѣчятъ-то ёго да ро́дна маменька
Да со той со Добрынпной молодой жоной,
Да ужъ спрашиватъ у Добрынюшки родна маменька:
„Ужъ и шьто ты, моё да цядо милоё,
Шьто невёсёлъ, повѣсилъ буйну голову?
Развѣ мѣсто тебѣ пало не по вотцины,
Ели тебя хто обпесли да винной цярою,
Разьвѣ хто тя укорилъ да молодой жоной,
Разьвѣ хто тя попрекнулъ своей[1]) ро́дной матерью?“
Говорилъ-то Добрынюшка Микитиць младъ:
— Да нехто не укорилъ миня молодой жоной,
Да нехто не попрекнулъ миня ро́дной матерью;
Посылаютъ миня да на Поцяй-рѣку́
Принести мнѣ холодной да клюцёвой воды,
Ише тѣхъ принести да младыхъ яблуковъ. —
Да росплакалась Добрынина ро́дна маменька:
„Охте, те́-мнѣ-цько, те́-мнѣ-цько тошнёхонько!
На Пуцяй-то на рѣки да змія лютая
Да сьсѣкётъ у тя, срубитъ по плець голову.
Да тебѣ-то дитетко, шьто же я скажу:
А не пей, моё цядо, клюцёвой воды“.
Говорилъ втѣпо́ръ Добрыня молодой жоны:
— Ты поди-тко, моя да молода жона,
Принеси-тко поди мнѣ-ка триста стрѣлъ.—
Да жона-та принесла ёму цетыреста.
Да заплакалъ Добрынюшка Микитиць младъ:
— Да не сталъ миня Господи-то миловать,
Молода миня жона не стала слушати!—
Говорила Добрынина молода жона:
„Ужъ ты вой еси, моя лада милая!
Да при времени попадобитце калена́ стрѣла,—
Ты за стрѣлку бы далъ всё петьсотъ рублей,
Ты петьсотъ-то рублей далъ, да тебѣ не́гдѣ взеть“.
Говорилъ ише Добрынюшка молодой жоны:
— Ужъ ты вой еси, моя да молода жона!
Когда выйдётъ-то мнѣ разьвѣ шесь годовъ
Да ише-то истекутъ да всѣ двѣнадцеть лѣтъ,
Ты бери тогды мои да золоты́ клюци,
Ты мою-ту бери тогда золоту казну,
Розсылай по черьква́мъ-то, по мана́стырямъ,

---

[1]) Т. е. твоей; ср. прим. къ стр. 63, 197, 227. *Собир.*

Помилай-ко тогды да душу грѣшную.
Да ише́ тѣ накажу, да молода жона:
Тогды розойдётъ-то слава великая
Да по всѣмъ-то по го́родамъ, по вьсей земьли,
Да по вьсей-то земьли, по вьсей украинки,
Да засватаютьце на тебѣ-ка, князи, бо́яра,
Ужъ какъ сильни, могуція бога́тыри;
Да засватаитьце Илья да славной Муромець,—
Не ходи ты за Иле́юшку славна Муромця;
Да посватаитьце Олёшенька Поповиць младъ,—
Да поди за Олексѣюшка Поповиця [1]).—
Во чисто́мъ-то во поли да тамъ шатаитьце,
Съ боку на бокъ калика-та лягаитьце,
Ко Добрынину дому подвигаитьце.
Да увидяла Добрынина ро́дна маменька
Да отво́брила косисцято окошецько:
„Ужъ ты вой еси, калика перехожая!
Не видалъ ли моёго цяда милого
Ужъ ты вой еси [2]) Добрынюшка-Микитиця?“
— Ужъ мы пѣли-то, ѣли со одна́ блюда,
Ужъ мы платьё носили со одна плеця;
Да преставилсэ Добрынюшка, престарѣлсэ.
Ише гдѣ-то у Добрыни молода жона?—
Да сёгодне у Добрыни, ето дѣвей столъ [3]),
Да ужъ завтро у бѣдненькой смотрѣньицё,
Послѣ завтре у ей-то будётъ вѣнценьицё“.
— Ужъ ты вой еси, Добрынина ро́дна маменька!
Пригласи-ко калику перехожую.—
Ноцёвала калика перехожая;
Говорилъ онъ Добрынииной ро́дной маменьки:
„У тя гдѣ-то Добрынины звоньцяты́ гусли?
Мнѣ велѣлъ поиграть онъ въ звоньцяты гусли;
Мнѣ-ка хотьце утѣшить князя со княгиною [4]).
Доведи-тко до ихного смотрѣньиця“.
Да пришла-то калика перехожая,
Ише сѣла калика на песьнёй-отъ столбъ,

---

[1]) Т. к. Илья (ст. 8) играетъ здѣсь роль князя Владимира, то можно думать, что въ оригиналѣ этого пересказа онъ выступалъ въ качествѣ свата Алеши. *Собир.*

[2]) Ср. № 109, ст. 111. *Собир.*

[3]) Т. е. здѣсь, у Добрыни въ домѣ. См. стр. 22. *Собир.*

[4]) Новобрачныхъ. *Собир.*

Говорила калика перехожая:
„Благослови-ко, Олексѣй, зыграть въ звонцяты́ гусли,
Мнѣ утѣшить-то князя со княгиною“.
— Ты играй-ко-се, калика перехожея.—
По найгрышкамъ калика перехожея,
По насвистышкамъ Добрынюшка Микитичь младъ.
„Благослови-ко Олексѣюшко Поповичь младъ,
Поднести мнѣ калики винну цяру-ю“.
Не благословлятъ-то Олёшенька Поповичь младъ.
Не глядѣла Добрынина молода жона,
Подошла она къ калики перехожою,
Наливала калики цяру зелёна́ вина.
Да калика-та берётъ да едино́й рукой,
Проздравлятъ Олексѣюшка Поповича
Да со всѣмъ проздравлятъ съ убраны́мъ столомъ,
Со всѣма́ его княземи, со княгинами,
Выпиваё калика зелену́ цяру
Да кладётъ-то калика свой злацёнъ персьтёнь.
Тогда взялъ Добрынюшка молоду жону,
Молоду-ту жону-то за праву́ руку.
Во глаза-ти вси Олёшеньки насмѣялисе:
„Ты здорово женилсэ—тебѣ пе́ съ кимъ спать!
Тебѣ свадёбка стала во семсотъ рублей.
Ты здорово женилсэ—тебѣ не съ кимъ спать!“
Да не кажному женитьба издавантьце.

113.

Дюкъ.

Да у Дюка-та дворъ-то да на семи вёрстахъ,
Кругомъ дому оградушка серебряна;
Ише по́ сту столбовъ-то было́ серебряныхъ,
По полу́тросту столбовъ было́ позолоченыхъ,
Ише мѣдныхъ, желѣзныхъ да числа-смёту нѣтъ;
Ише сорокъ конюхъ да со конюшнами,
Ише сорокъ кухароцёкъ ходя въ гарусномъ,
А друга́-та вѣдь сорокъ ходя въ шолковомъ;
Ишше пецьки у Дюка были муравцяты,
Да помёлышка у Дюка изъ семи шолковъ.
Ише мать-та у Дюка была коласёнка,
Да пекла она у ёго колацики:

Да колапикъ-отъ съѣшь—другого хоцетьце.
Да другой-отъ съѣшь—третьёго душа бажи́тъ.
Не лѣсина во цисто́мъ поли шатаитьце,
Ише Дюкъ-отъ передъ ма́тюнкой вѣдь цѣ́ломъ бьётъ,
Ужъ онъ цѣ́ломъ-то бьётъ, опеть кланеитце:
„Благослови миня, маменька, въ гости ѣхати
Ко тому мнѣ-ка ко Кіеву, славну Мурову,
Ко тому мнѣ ко Владимёру славну кіеському,
Во Божью́-ту мнѣ-ка церковь да помолитисе,
Ко Восподнёму мнѣ гробу да приложитисе,
На Дунай на рѣки да окупатисе,
Мнѣ людей-то посмотрить да самому себя показать“
Не даватъ-то ему мать благословленьиця:
— При пиру́-то приросхвастаисьсе, цядо милоё,
Ты своей-то несцётной золотой казной,
Ты своимъ-то вѣдь домомъ благодатныямъ,
Ты бесцётнымъ своимъ у мня имушшесьвомъ.—
Тутъ дала вѣдь ему мать благословленьицё.
Онъ поѣхалъ-то Дюкушко Стёпановиць;
Онъ ко городу ѣдётъ не дорогою,
Онъ во Кіевъ заѣжжаётъ не воро́тами,
Скацё конь черезъ стѣну-ту городо́вую,
Да воѣхалъ во Кіёвъ, славной Муромъ-отъ
Онъ ко тимъ-то ко раннымъ заутринямъ,
Онъ ко тимъ-то ко поздымъ ко обѣдёнкамъ:
Ужъ онъ ставитъ-то добра́ ко́ня не привязана,
Не привязанного ставитъ-то, не приказана,
Да воходитъ-то Дюкъ да во Божью церькву,
Ужъ онъ крестъ-отъ кладётъ да по уцёному
Да поклонъ-отъ ведё да по писа́ному;
Становлилсэ-то Дюкушко во сторо́ньицё.
Вси-ти кнёзи, бояра да огледѣлисе;
Да подходитъ Владимёръ да столно-кіеськой.
„Ужъ ты здрастуй, Владимёръ-кпязь столно-кіеськой!“
—Ужъ ты здрастуй, уда́лой ты доброй молодець!
Я не знаю, какъ тибя-то именёмъ назвать,
Имепёмъ тебя назвать да изъ отецесьва.—
„Отойди-тко-се, Владимёръ-князь столно-кіеськой!
Они не то тутъ поютъ, не тебя слушаютъ,
Намъ ужъ слушать велятъ звону колокольнёго“.
— Ужъ какъ милосьти прошу тебя хлѣба, соли ись,
Хлѣба, соли тебя ись да винной цяры пить!—

Да Владимёръ-отъ конь во ступь-ту бѣжитъ да лошадиною,
Да у Дюка-та рысью всё навíною.
Заводилсэ у Владимёра поцесёнъ пиръ
Да на многихъ князей-то, на многихъ бóяровъ
Да на сильныхъ, могуцихъ на богáтырей.
Ише вси-то на пиру сидя́, пьютъ, ѣдятъ,
Ише вси-то на цёсномъ да напиваютце;
Ише вси при пиру да приросхвастались:
Ише глупой-о вѣдь хвастатъ родной матерью,
Неразумной-о хвастатъ родной сéстриéй,
Да неумной которой хвастатъ молодой жоной.
Да Владимёръ-о пó полу похаживатъ,
Ужъ онъ тростоцькой въ полъ да поколациватъ,
Да подходитъ ко Дюку да ко Стёпановицю:
„Ужъ ты шьто же, молодéць, не пьёшь, не ишь
Да нециúмъ-то, удалой-о, не забавляисьсе,
Да нециúмъ-то, молодéць, ты не похвалянсьсе?
У тебя развѣ нѣту да широкá двора,
У тебя-то развѣ нѣту да своёго села,
У тебя развѣ нѣту да молодой жоны,
У тебя разьвѣ нѣту да рóдной матери,
У тебя разьвѣ нѣту да родной сéстрици?“
— Да у меня-то, братцы, домъ на семи вёрстахъ;
Кругомъ домушку оградушка булатная;
У мня пó сту столбовъ-то былó серебьряныхъ,
По полýтосту столбовъ у мня позолóчёныхъ,
У мня мѣдныхъ-то, желѣзныхъ числа-смéту пѣтъ;
У мня сорокъ конюхъ да со конюшнями,
У мня сорокъ кухароцёкъ ходя въ гарусномъ,
Да другá-та вѣдь сорокъ ходя въ шолковомъ;
У мня пецьки-ти бѣлы да всё муравцяты,
Да помéлышка у мня изъ семи цолковъ;
Ише мать-та у мня была коласёнка;
Да колацикъ-отъ съѣшь—другого хоцитьце,
Да другой-отъ съѣшь—третьёго душа бажитъ.
Да поѣдёмте, братьица, въ моё село;
Да берите-ко книгъ, да колько надобно,
Да пера-то берите да со цернилами;—
Нищёго-то не описать вамъ моя имушшесьва.—
Да поѣхали ко Дюкову широкýю двору,
Да на тихъ они поѣхали на сто-то лошадяхъ,
Они набрали пёръ да со цернилами

Да бумаги они себѣ понáдобью,
Да пріѣхали ко Дюкову широку двору.
Ишше маменька у Дюка перепадаитце:
„Говорила я своёму да цяду милому:
Ты росхвастаисьсе, дитятко, широкимъ дворомъ,
Ты своимъ-то безцётненькимъ имѣньицёмъ!“
Да стрѣцяютъ-то Дюкушка кухароцьки;
Да здороваютце съ Дюковыма кухáрками:
„Ужъ ты, здрастуйте, Дюкова рóдна маменька!“
— У мня не маменька, тутъ-то мои кухароцьки.—
Да стрѣцéютъ-то Дюковы кухароцьки;
Да здороваютце они-то съ кухароцьками:
„Ужъ вы сдраствуйте-ко, Дюкова молода жона!“
— Не жона-та у меня, ише кухароцьки.—
Они стали описывать имѣньицё,
Да не стало у ихъ да не бумагъ, не пера,
Ницёго-то на Дюково имѣньицё;
Они всё-то придёржали, не хватило ницёго.

114.

Братья-разбойники и ихъ сестра.

Да бывала поживала пожила вдова.
Да у той у вдовы-то было девéть сыновъ,
Да девéть-то сыновъ было, ясныхъ соколовъ,
Да десята-та была да красна дѣвица.
Ише братья сёстру да не возлю́били,
Не возлю́били сёстру, невознавидѣли,
Ненавидѣли братья да во розбой ушли.
Послѣ тихъ-то поръ мать доцьку возро́сьтила,
Да возро́сьтила она да замужъ вы́дала
За того-то за купця-гостя Морянина.
Они годъ-о живутъ да съ имъ другой живутъ;
Они прижили къ себѣ-то мала дѣтишша.
Захотѣлось тутъ Моряночьки въ гости къ матери:
„Ты поди сходи, Морянинъ, на конюшей дворъ,
Выберай-ко себѣ да лошадь добрую,
Лошадь добрую себѣ да неѣзжáлую,
Неѣзжалую себѣ ты, постухмя́нную [1]),
Ты себѣ-то слугу-то праворучьную“.

[1]) Послушную.

Да не видяли Морянина на по́ѣзьди,
Только видяли Морянина во цисто́мъ поли:
Во цистомъ-то поли да дымъ столбомъ стоитъ.
Дымъ столбомъ-то стоитъ, да курева́-то куревйтъ.
Да состы́гала Морянина ночька тёмная;
Розоставилъ шатёръ-о бѣло́й поло́тьняной,
Повалилсэ со Моряночькой во бѣло́й шатёръ:
Ужъ онъ самъ повалилсэ на праву́ руку,
Да жону-то валилъ да на лѣву́ руку,
Мало дѣтишшо валили во серёдыши.
Ише мало-не шумъ-о шумитъ, не гамъ гами́тъ,
Да наѣхало девёть-то братьёй-розбойницьковъ.
Они ссѣкли у Моряпина по плець голову,
Роскинали-розбросали по цисту́ полю,
Мало дѣтишшо убили о сыру земьлю,
Молоду́ эту Моряноцьку во собой взели,
Во собой-то взели только до утрика.
Ишше всѣ-ти розбойницьки призаспали,
Ише малой-о розбойницёкъ не спитъ. лёжитъ,
Да не спитъ онъ, лёжитъ да у ей спрашиватъ:
„Ужъ ты вой еси, женьшина Моряноцька!
Ты скажись какого города, коёй земли,
Ты какого отьця да какой матери?“
— Ужъ я города Кіёва, славна Мурома,
Я отьця-то доць Петра да Коромыслова,
Ужъ я матушки Петри́хи да Коромыслихи;
Да у насъ-то ищше было девёть сыновъ,
Да деветь-то сыновъ у мня розбойниковъ,
Да десятая была да красна дѣвиця.
Ише братья сёстру́-то меня не злюбили
Да не злюбили мипя да не возро́сьтили.
Не возросьтили мипя, они во розбой ушли.
Послѣ этихъ-то поръ меня мать, доць, возро́сьтила,
Да возро́сьтила мипя да замужъ вы́дала
За того меня купця-госьтя Морянина;
Ужъ я годъ-о прожила, ужъ я другой прожила:
Ужъ мы прижили къ себѣ да мало дѣтишше.
Захотѣлось мнѣ Моряночьки въ госьти къ матери;
Я послала Морянина на конюшей дворъ
Выберать себѣ [1]) коня-та неѣзжалого,

[1]) Т. е. ему; ср. № 112, прим. къ ст. 28. *Собир.*

Неѣзжалого себѣ-то да постухме́нного;
Насъ не видѣли съ Моряниномъ на поѣзьди,
Только видѣли насъ во цисто́мъ поли,
Во цисто́мъ-то поли у насъ дымъ столбомъ стоялъ,
Дымъ столбомъ-то стоитъ, да курева куревитъ.—
„Ужъ вы вой еси-то, братьица родимыя!
Вы ставайте-ко, братья, да шьто вамъ я скажу:
Ужъ мы сѣкли у зетя да по плець голову,
О сыру землю убили любимого племеньницька,
Во собой-то возели да ро́дну се́стрицю!
Ужъ намъ полно-то, братья, ѣзьди́ть поляковать,
А поляковать-то ѣзьдить намъ, розбойниць́еть!
Не узнать, когды-то мы ссѣкёмъ у матери голову.
Да поѣдёмте-ко, братья, во своё село,
Во своё-то село да къ свсему двору,
Повезёмте любиму-ту милу се́стрицю“.

115.

Князь, княгиня и старицы.

(Гибель оклеветанной жены).

Старина-та сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою.
Ише ето вѣдь цюдо, братцы,— не́ цюдо,
Ише есь-то какъ цюдышко цюдне́ того:
Да женилсэ Ондрей да девяноста лѣтъ,
Ужъ онъ взялъ себѣ кнегину девети годовъ
Да уѣхалъ отъ кнегины на три годика.
Она годъ-о живётъ, самъ-другой живётъ.
На третей годъ приходятъ да три старици,
Да три старици стары, да три мана́шоци.
Принела-та кнегина да старыхъ стари́ць́ей,
Напоила, накормила хлѣбомъ до́сыта;
Стали старици у кне́зюшки всё выспрашивать,
Да выспрашивать стали у ей, вывѣдывать:
„Ужъ ты вой еси, кнегина девети годовъ!
Ты жолѣешь ли Ондрея девеноста лѣтъ?“
— Кабы прiѣхалъ ко мнѣ Ондрей девеноста лѣтъ
Середи ко мнѣ бы прiѣхалъ ноцьки тёмною;
Хоть бы выскоцила я въ одной рубашоцьки,
Не одѣла побѣжала, ёго стрѣтила;

Хоть бы безъ башма́цьковъ была, я бы въ одныхъ цюлоцикахъ,
Не одѣла бъ побѣжала, ёго стрѣтила;
Хоть бы безъ повойника я, въ одномъ платоцики,
Не одѣла побѣжала да ёго стрѣтила.—
Да ушло-то отъ кнегинушки три старици;
Они стрѣтили Ондрея во чисто́мъ поли.
„Ужъ ты вой еси, три стареньки три старици,
Вы три стареньки старици, три манашици!
Не видали ль вы кнегины девети годовъ?“
— Ужъ мы были у кнегины да девети годовъ.
Да кнегина у тебя да за гульбой пошла,
За гульбой она пошла, да загуляласе:
Перву горницю ты зайдёшь—да колыбель вѣсьнётъ,
Другу горницю зайдёшь—у тя друга вѣсьнётъ;
Третью горницю зайдёшь—у тя третья́ вѣсьнётъ;
Прожилась у тя кнегинушка, проматаласе:
Ко онбарамъ дорожоцьки изуто́рёны,
Да шурупцяты замоцики исприломаны,
Да стоялы [1]) твои хлѣбы да испрѣдёны,
Да лёжашши-ти деньги роспрото́рёны,
Вси напитки у тя сладки да исповыпиты;
На конюшенъ дворъ зайдёшь—кони не убраны,
Они не убраны стоятъ да по колѣнъ въ говни.
Ты прiѣдешь—ссёки у ей буйну голову,
Роскинай-то, розбросай да по цисту́ полю.—
Да прiѣхалъ Ондрей да къ широку́ дрору,
Середи-то онъ прiѣхалъ ноцьки тёмною.
Да стала ёго кнегина девети годовъ
Да услышила Ондрея девяноста лѣтъ,
Побѣжала стрѣцéть-то ёго безъ лѣтницька,
Да безъ лѣтника она, въ одной рубашоцьки,
Безъ платоцька она, въ одномъ повойницьки,
Безъ башма́цьковъ она-то, въ одныхъ цюлоцикахъ.
Ужъ онъ сѣкъ-то у кнегины по плець голову,
Роскиналъ-то, розбросалъ да по цисту́ полю.
Перьву горьницю зашолъ—у ей свѣшши́ горятъ:
У ей сколько не мо́лёно, сколько плакано,
Самого кнезя Ондрея у ей дожи́данось;
Въ другу горенку зашолъ—всѣ лампадоцьки зате́плёны:

[1]) Эпитетъ коней; ср. стр. 168. *Собир.*

У ей сколько не мо́лено, сколько плакано,
Самого кнезя Ондрея на дворъ дожиданось;
Третью горьницю зашолъ—у ей красна́ стоятъ:
У ей сколько не ткано, сколько плакано,
Самого кнезя Ондрея на дворъ дожиданось.
Ко онбарцямъ дорожки да не протóрёны,
Да шурупцяты замоцьки да не приломаны,
Да стоялы-то хлѣбы да не пріѣдёны,
Да лежашши ёго денёжки не придёржаны,
Да напитоцьки сладки да не повыпиты.
На конюшонъ дворъ зашолъ—да кони убраны,
Кони убраны стоятъ да по колѣнъ въ шолку.
Тогда палъ-то Ондрей да на добра́ коня;
Перьву старицю состыгъ да ту конёмъ стопталъ,
Другу старицю состыгъ да на коньё прималъ;
Третья стариця ёму да возмолилась
Да во рѣзвы-ти ножки да поклонилась:
„Не трони́ меня, Ондреюшко девеноста лѣтъ!
Оживлю твою кнегинушку девети годовъ“.
Да повёзъ-то онъ стареньку-то старицю;
Оживила кнегинушку девети годовъ.
Возрадѣлъ втипóръ Ондреюшко девяноста лѣтъ.

116.

Небылица.

(Старина-погудка).

Старина-та сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою;
Ише это, братцы, чюдышко нецюдноё,
Ише есь-то, братцы, чюдышко цюднѣ того:
Шьто по морю, морю да жорнова несё,
Ише три-то спохи да жорнова дѣлять;
Ише это, братцы, цюдышко нецюдноё,
Ише есь-то, братцы, цюдышко цюднѣ того:
Шьто по синёму-ту морю какъ овинъ несётъ,
Да овинъ-о горить да со соломою;
Ише это цюдо, братцы, нецюдноё,
Ише есь-то, братцы, цюдышко цюднѣ того:

По поднёбесью-ту, братцы, какъ медвѣдь летитъ
Да коротенькими [1]) ножками погудыватъ,
Да коротенькимъ хвостёмъ своимъ поправливатъ;
Ише это, братцы, цюдышко нецюдноё.
Да свинья-та въ дубу, братцы, гнѣздо сьвила;—
Ише это, братцы, цюдышко нецюдноё,—
Да гнѣздо-то сьвила да дѣтей принёсла.

---

[1]) Прилагат. съ краткимъ окончаніемъ (безчленнымъ). *Собир.*

Словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ [1]).

А́жно **62**, 53—анъ, анъ вотъ. Р; С. „аже“.

А́ли **82**, 24—если. С.

А́то **75**, 113—анъ. Д. такъ что?

Ба́бушка **102**, 3—повивальная бабка. Д., С. „баба“; К., П. „бабка“.

Бажа́ть **15**, 180—стремиться, любить. Д., К., П.

Безо́тной **49**, 162—сирота, не имѣющій отца. Д., К., П., Р.

Безпро́сно **77**, 49—беспросыпно, безпросыпно.

Бла́зникъ **82**, 202—бла́знитъ, об.—показалось, почудилось. Д., К., П., ср. С.

Богода́ное да́тетко **62**, 215—невѣстка. Д., К., П. „богоданный“—родственный по браку.

Большо́й у́голъ **44**, 37—передній, подъ образами, почетное мѣсто. Д., К., П., Р.

Борзоме́цькое **70**, 131; борзоми́ньское **77**, 106; борзоме́рное **107**, 13. См. „бурзуменьское“. Ср. Р. „долгомѣрный“.

Бра́ныя скатерти **22**, 83—изъ узорчатой ткани. Д., К., П., Р., С.

Брата́нъ **108**, 133—крестовый братъ. Ср. Д., К., П., С.

Брать **41**, 66, 143; **52**, 437—въ смыслѣ вспомогательнаго глагола взять.

Братьи́ня **67**, стр. 344—металлическая чаша, изъ которой пьютъ пиво или квасъ. Д., П.; ср. К.

Брозаме́ньское **17**, 59; брозаме́цькое **3**, 201; брузаме́ньское **2**, 253; брузаме́цькоё **12**, 23. См. „бурзуменьское“.

Бу́ду **49**, 285—давай, въ смыслѣ побужденія?

---

[1]) Цыфры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ № былины, а слѣдующія за ними—ея стихъ. Обыкновенно дается указаніе лишь на одно мѣсто, гдѣ встрѣчается слово. Значеніе словъ объясняется 1) по Толковому словарю живого великорусскаго языка Даля (Д.), 2) по Словарю областного олонецкаго нарѣчія Куликовскаго (К.), 3) по Словарю областного архангельскаго нарѣчія Подвысоцкаго (П.), 4) по небольшому словарю, приложенному къ III тому Пѣсенъ Рыбникова (Р.) и 5) по Матеріаламъ для словаря древнерусскаго языка Срезневскаго (С.). Если слово слышано мною въ *обычномъ* разговорномъ языкѣ золотицкихъ крестьянъ, то я ставилъ при немъ отмѣтку: об.

Буёвой **70**, 120—боевой. Ср. К. „буй, буево, буевка“.

Булáновя **2**, 140—уланы, татарскіе чиновники. Д. „уланъ“.

Бурзумéньское **94**, 402; бурзамéрное **107**, 31—эпитетъ конья, мурзамецкое, мурзинское. Д.; ср. С. „мурза“.

Бывáть: бывáла **114**, 1—для образованія формы давнопрошедшаго. Ср. Д. „бывало-живало“. Бывáтъ **4**, 175—можетъ быть. Д., К., П., Р.; **70**, 74—пожалуй.

Быть: былъ, была, было, были **1**, 3; **2**, 2, 90; **4**, 4, 171; **5**, 1; **8**, 3; **10**, 1; **15**, 1, 3; **16**, 7, 159; **17**, 1; **21**, 1; **25**, 1; **26**, 1; **27**, 92; **28**, 1, 48; **32**, 6; **33**, 1; **40**, 72; **42**, 3; **43**, 3; **46**, 4; **48**, 1; **50**, 1; **51**, 2; **52**, 2; **55**, 1; **56**, 1, 6, 134; **62**, 278; **70**, 206; **80**, 12; **82**, 194; **94**, 331; **108**, 3—для образованія формъ давнопрошедшаго. С.

Валúться **100**, 157—ложиться спать. Д., К., П.

Варгáны **3**, 216, 252—кандалы? Ср. Д., С. „варганъ“—музыкальный инструментъ въ видѣ согнутой желѣзной полоски.

Варóвой **83**, 157—смоченный варомъ? Ср. Д.„ варовый косякъ“; П. „варъ, варовина“. **100**, 273 „варёной“.

Вáровать **24**, 118—вѣровать; **58**, 41—вѣрить. Об. ср. С. „варовати“; **102**, 9—слушаться; ср. „поваровать“.

Вдостали́ **8**, 151—подъ конецъ; **65**, 227—наконецъ, окончательно; **79**, 189—въ концѣ концовъ; вдóстали **82**, 48—послѣ всего. Ср. К., „досталь, досталí“—кромѣ того.

Вершíть **52**, 28—казнить, умертвить. Д.

Висéмъ **50**, 139—висьмя, повѣшенный. Ср. Д. „висма“.

Ворзомéцькое **71**, 130. См. „Бурзуменьское“.

Воскúкать **79**, 133—закричать. Кúкать—об. о крикѣ лебедей. Д., П.; Р. „возгакати, прокырчить“.

Во собой **114**, 34—съ собой.

Вотýпоръ **46**, 54—въ ту пору, тогда.

Врака́ **6**, 59—ложь, вранье. Об., Д., П.; К., С.—„вракать“.

Втúпóръ **103**, 51; **100**, 259; втѣпóръ **112**, 41—тогда. Д., К., П.; втѣпóръ **105**, 16—затѣмъ.

Въ-кóи-поръ **22**, прим. къ 157—въ то время какъ. Ср. Д. „въ кои пóры“—въ кои вѣки.

Въ собой **24**, 25—съ собой.

Выздымáть **18**, 28; вызнимáть **5**, 107—поднимать. Д., П.

Выть (ж. р.) **43**, 185—ѣда, пріемъ пищи. Д., К., П., Р.

Вѣ́ра **3**, 235—обычай, образъ жизни. Ср. Д., К., П.

Вя́зки **83**, 58—веревки, которыми привязываютъ (судно). П. Ср. Д.—„завязка“; К. „завязаться“; С. „вязчее“.

Га́вря **40**, 133 —дрянь, гной? Ср. Д., К., П. „гаведь“; Д. „гаврить“—пачкать.

Га́русной **113**, 7—изъ гаруса, шерстяной пряжи. Д.

Гдѣ-ка **94**, 71—хотя бы? ну хоть? Об. „гдѣ-то“—какъ-то.

Голуба́нушко **81**, 50—названіе коня по пепельному цвѣту шерсти, Сивко. Ср. „голубой“ Д., К, С.

Гости́нной **53**, 117—купеческій.

Гость (торговой)—купецъ. С.

Гра́ять **36**, 216—смѣяться. Об., Д., К., П.

Гре(д)ня **109**, 145; гривня—гридница, большая комната для собранія (дружины?) Р.; Д., С. „гридня“.

Да будутъ **49**, 134—чтобы были. С.

Дать: даю́ **20**, 175—дамъ; даи́мъ **2**, 177—дадимъ. К. „даютъ“.

Де́динка **87**, 26—жена дяди. Об. „де́дьна“, Д., К., П.

Дёржа́ть **113**, 114—издерживать, тратить. Д., К., ср. Р.

Достали́—см. „вдостали́. Ср. С. „досталь“.

Достальне́й **62**, прим. къ 21—остальной. Об., Д.

Дружи́на **80**, 77—дружинникъ. Ср. С., Д.

Духо́вной: отецъ **8**, 99—духовникъ (употр. безъ отношенія къ этому значенію, какъ эпитетъ); свешше́вникъ **60**, 243—относящійся къ церкви. Д., С.

Дыба́тьце **14**, 25—качаться, трястись. П.; ср. С. „дыбати“.

Дѣлъ **17**, 103—дѣлежъ добычи, жребій. Д., П., С.

Е́ли **94**, 491—если. Д., К., С; **64**, 39—или. С.—ли.

Ёрлы́къ **52**, 57—письмо. Д.

Е́сень **68**, 162—ясное небо. Об., Д., П.

Есть вы́брали **90**, 7—вм. суть в., форма прошедшаго.

Е́та, е́тто **96**; 121; **22**, 141—этта, здѣсь. Д.

Живе́тъ **28**, 58—бываетъ. Об, Д., К., П.

Животъ **110**, 10—жизнь. Д., С.; **2**, 19—имущество, богатство. Д., К., П., С.

За (шьто) **69**, 37 —изъ-за (чего).

Забуду́шшой **94**, 498—отнимающій память. К. Р.; ср. С. „забытьный“.

Зави́дной, завиду́шшой **63**, 134—6—завистливый. Д., П.

За́водь (ж. р.) **8**, 18—рѣчной заливъ. Д., К., П., Р., С.

Загану́ть **50**, 117—загадать. Д., К., П., С.

Задле́ньшина **68**, 210—житель „задле́нной“ стороны, окраины, что́ об.—отъ словъ: за Двиной,—„задвенный“. Ср. Пѣсни *Рыбникова*, III, Замѣтка, стр. XXXIV.

За́здрить **93**, 42—зазрѣть, завидѣть. Д. „зазрѣть“.

Залупа́ть **75**, 408—задирать, заворачивать, вынимать. Д.; об. „лупа́ть“—обдирать; ср. С. „лупити“.

Запира́ть **75**, 246—захлопывать. Д., К.

За́повѣдь **63**, 169—постановленіе. С.; **68**, 18—обѣтъ.

Заприцьта́ть **27**, 68—начать причитывать.

Заручёвная **6**, 148—обрученная. Об., П. „заручёньё“—благословеніе, наканунѣ вѣнчанья; ср. С. „зарученый“—назначенный.

Заспа́ть **51**, 101—заснуть. Об., Д., П.

За́сѣка **24**, 2—засѣченный, заповѣдный лѣсъ Д.; ср. С. „засѣчи“.

Затюрёмщикъ стр. 13, прим.—узникъ, арестантъ. Д., Р.; К. „долги пѣсни, говорятъ, затюремщики складаютъ.“

Захлысну́лосе кому-ниб. **73**, 40—кто-ниб. неразумно похвасталъ? Ср. Д. „ память, въ головѣ захлеснуло“—позабылъ; П. „захлы́шевой“—смѣлый, отчаянный.

Збру́да **77**, 101—сбруя; **94**, 168, прим.—оружіе. См. „обруда“.

Зворо́нитце **52**, 69—сворохнется, сдвинется.

Згленётце **18**, 151—понравится? Об. гле́нитьце“—нравится; Д. „глянуться“.

Здохъ, сдохъ **14**, 124; **27**, 103—отдыхъ.

Зе́льё **41**, 43—порохъ. Д., С.

Зоба́ть, зо́блетъ **94**, 375—жевать, ѣсть. Д., К., П., Р., С.

Зобзу́нъ **76**, 157—птенецъ кукушки? укорит. назв. Ср. Д. „загозка“; К. „загожка, загошица“; С. „зогзица, зогзуля“—кукушка; П. „зозуля“—(ругат.) пьяница.

Зыча́ть **56**, 213—громко кричать Д.; ср. К., П. „зыкать“; С. „зыкъ“.

Извиня́тьце о чемъ-ниб. **56**, 213—сознаваться въ чемъ-н. Д.; **41**, 142—просить пощады, помилованія; ср. С. „извинитися“—быть оправданнымъ.

Изнева́гушка **22**, 130—несчастіе. Д. „изневага“—неволя, тревога; С. „невазнивый“—несчастливый.

Изыма́ть **8**, 26—поймать, схватить. Д., С.; К. „изнимать“.

Има́ть **44**, 86—ловить. Д., П., С., Р.

И́скопоть **61**, 4; и́скопы **10**, 16—комъ земли изъ-подъ копытъ. Д., К., П., Р. „ископыть“; и́скопеть **75**, 351—яма отъ удара копытомъ.

Кали́ка—странникъ, просящій милостыню и поющій стихи. Д., К., С.—об.

Камча́тка **2**, 37—узорчатая ткань. Д.; ср. С. „камчатый“—сдѣланный изъ камки, шелковой цвѣтной ткани съ узорами.

Камы́шники **45**, 19, 25—жители г. Камышина? голенастыя птицы изъ семейства водяныхъ курочекъ?

Корабе́льшикъ **28**, 29—владѣлецъ корабля; **50**, 12—капитанъ к. Д.; ср. С. „корабльникъ“.

Кенорія **40**, 24—киновія Д., С.—общежительный монастырь.

Ки́кать **64**, 85—гоготать, кричать (о лебедяхъ). Д., С., П.—об.; Р. „гыкать“.

Кинжа́лишшо **70**, 154—ножны для ножа. Ср. „нагалишшо“.

Клёска́ть **52**, 67—ударять, бить. Д.; ср. К. „крёскать“; Р. „клеснуть“.

Клѣть, клѣ́тка **52**, 212, 279—кладовая, амбаръ, чуланъ, холодная половина избы; тюрьма? Д., К., П., С.

Кнегѝна **36**, 82—новобрачная. Д., К., П., Р., С. „княгиня“.

Кнѐзюшка **115**, 13—княгинюшка.

Кобы́лоцьки **100**, 107—петли между двумя жердочками для поднманія нитей основы въ ткацкомъ станкѣ. Д. „кобылка“.

Когды́ **17**, 72—нѣкогда, когда-то. С. „когда“.

Косѝсчатое окно **65**, 102; крыльцо **68**, 146—„косящатое“, обшитое досками. Д., П.; Р. „косерчетый“.

Косѝця **24**, 10—бровь об; Д., К., П., Р.—високъ.

Кошу́лёцька **2**, 36—кошуля́, крытая сукномъ мѣховая шуба. Д., К., П., С.

Красота́ **109**, 176—см. лѣпета.

Кружа́ло **6**, 3—казенный кабакъ. Д., Р.

Крутёхонько **48**, 28; крутѐшенько **6**, 115—скорехонько.

Крутóй: крута́я (борьба) **71**, 17—скорая, проворная. П.; ср. Д., К.—об.

Кстить **14**, 29—крестить. Д., К., П.—об.

Куде́лька **57**, 11—ленъ или пенька для пряжи. Д.

Кукóльници **30**, 9—съ „кукóлемъ“, монашескимъ капюшономъ на головѣ. Д., С.; об. „кукóль“—мѣшокъ.

Курева́ **17**, 89—дымъ, пыль. Д., К., П.; ср. С., Р. „курево“.

Куревѝть **114**, 22—куриться, дымиться; ср. Д., П.

Кутъ **18**, 216—уголъ избы. Д.; ср. П., С; об.—уголъ.

Куха́рка, кухароцька **14**, 169—домашняя работница, об.

Ла́да **112**, 49—мужъ (ласкат.) Д., К., С.; **62**, 239—жена. Д.

Ла́шшить **41**, 89—улещать, льстить; ср. С. „лащити, ласкати“; Д. „лащиться“.

Лёжи́ть **1**, 98—ложить, класть. П., Р., С., об. „ложить“.

Ли **62**, 70—или. С.; об. „ли-то“.

Лиходѣевна **8**, 41—прозвище жены Потыка; ср. С. „лиходѣльница“=блудьница; Д. „лиходѣйка“—злодѣйка; лихорадка.

Лицо: по моёму личю **67**, стр. 345—по мнѣ, годный мнѣ.

Ли́шшеця, въ ли́шшицю кла́нетьце **103**, 55—въ особицу, особенно; ср. С. „лише“—больше, кромѣ.

Лу́да **95**, 29—выдающійся изъ воды плоскій камень, об., Д., К., П., Р., С.

Луна́ **15**, 24—небо, небесный сводъ; **60**, 3—солнце?

Лѣпета́ **3**, 156—румянецъ; ср. Д., С. „лѣпота́“—красота.

Лѣ́тникъ **115**, 51—легкая холщевая женская одежда, надѣваемая на рубашку. Д., С.

Любя́шшей **65**, 81—любимый; об. „лю́бешшей“.

Лю́шшитьце **85**, 161—испражняться; ср. Д., П. „люща́на“—пометъ, испражненіе.

Ляга́тьце **112**, 72—качаться, переваливаться. Д.; ср. К. „ля́гендать, ле́гайдать“.

Мало-не **109**, 231—какъ будто, словно=то не; ср. С.—чуть не.

Ма́тица **81**, 244—главная, основная часть, середина. Д., К., П., Р., С.—об.

Матъ дава́ть **74**, 185—выигрывать у кого-нибудь; ср. Д. „матъ“—проигрышъ, конецъ игры.

Ми́ловать **11**, 130—оказывать милости. Д.

Могута́ **7**, 29—сила. Д., П., Р.

Мо́лвлю **38**, 48—говорю, наст. вр.

Мостово́ **50**, 32; мостова́ **80**, 19—пошлина за причаливаніе и проѣздъ по мосту. Д. „мостовое“; С. „мостовщина“.

Мошь **3**, 106—можешь.

Мужи́къ **106**, 69—мущина, об.; ср. С.

Мукосѣ́йница **15**, 162—работница, сѣющая муку́. Д. „мукосѣя“.

Мура́влёны пе́цьки **15**, 174—покрытыя зеленой глазурью. Д., Р.; пе́цька-мура́вленка **67**, стр. 344—*тоже*; ср. Д. „муравленка“—муравленая посудина.

Мура́вцяты пе́цьки **113**, 9—*тоже*; ср. Д. „муравчатый“—травный, мелкокрапчатый; С. „муравьскый, мурамъ“.

Му́рванка **77**, 53—мурмолка, черная шляпа. Д., Р.; ср. об. „Му́рванъ—Мурманъ; С. „муравское сукно“—нѣмецкое.

Муть **73**, 81—можетъ быть? ср. малор. „мабуть“.

На **39**, 2—да.

Наби́лоцьки **100**, 108—набилки, двѣ досчатыя грядки, въ которыя вставляется бердо, въ ткацкомъ станкѣ. Д., П.

Наве́сели **3**, 302—весело; ср. Д. „на́весели“—подъ хмѣлькомъ.

Навѣку́ **55**, 31—когда-то, нѣкогда; об. „навѣку́ не“—отъ роду не; ср. К. „на вѣкахъ“—встарину.

Нага́лишшо **7**, 79—ножны; С. „лагалище“; ср. Д., П. „нагалище“.

Надѣ́лъ **64**, 153—дѣлежъ, раздѣлъ, удѣлъ. Д.; ср. П; С. „надѣлокъ“.

Назе́мъ **30**, 30—навозъ, об., Д.; назе́мной **9**, 138—навозный.

Наи́грышъ 112, 100—мелодія въ игрѣ. К.; ср. Д. „наигры“.
Найти́ 56, 34—встрѣтить; ср. С.
Нако́нъ 35, 34—разъ, пріемъ. Д., К., П., Р., С.
Напра́вить 34, 117—приготовить. Д.; ср. С.
Напра́сной 22, 187—ложный; 56, 56—нечаянный. Д.; 1, 114—невинный. Д.
Наряди́ть 43, 79—устроить, приготовить. Д., П., Р., С.; наряжа́тьце 43, 55—снаряжаться, собираться, готовиться. Д., С.
Нарьчо́ное 85, 73—договоренное, условленное; ср. Д. „нарекать, нареченье, нарокъ“; С. „наречение, наречи“.
Насту́пчивой 74, 62—рысистый, быстро бѣгущій; Р.; ср. К. „ступистый“; Д. „наступать“.
Нать 1, 196—надо. П.—об.
На́ѣхать кого-нибь 42, 369—встрѣтить, настигнуть. Д., С.
Невнаде́й 1, 176—невзначай, неожиданно.
Незна́й .. незна́й 64, 73—ли... или.
Незна́шьто 64, 201—неизвѣстно, Богъ знаетъ что такое. Д. „незнатно“; П. „незнать“; Р. „невѣмъ“.
Не... не 29, 54—не... но.
Не́откуль 63, 156—откуда ни, неожиданно?
Ново́й, мн. ч. но́вы 16, 35—иной, другой. Д., К., П., Р.—об.
Ноче́сь 33, 34—этой, прошлой ночью. Д., П.
Нѣме́цькой 2, 143 - иностранный; ср. Д., С. „нѣмецъ“; П. „нѣмца́“—иностранцы.
Обдира́ть 55, 37—проносить (хмѣль)?
Облелѣять 94, 44, ср. 224 — разлиться вокругъ чего-нибь. Р. ср. К.; Р. „лелѣевать“.
Ободве́рина 69, 225—дверная притолока. Д., К., П., С., Р.
Обошо́лъ кро́вью 1, 153 — изошолъ, истекъ. Д., П. „обойтись“.
Обру́да 74, 187—узда (и сбруя?). К. „обрутка“; П. „обруть“.
Обру́чница 9, 28; обру́шьница 75, 32—невѣста. Д. „обручница“ С. „обрученица“; ср. П. „обру́чанье“.
Обстыгъ 21, 145—обогналъ, об. См. „перестыгъ“.
Одина́кой 55, 4—одинокій, единственный. Д., П., Р.
Одинцёвыя су́кна 18, 30—вытканныя изъ однѣхъ шерстяныхъ нитокъ. К.; ср. Д., Р., С. „одинецъ“.
Однозоло́тной, однозолоче́ной 61, 180—изъ чистаго золота. Д., П.; ср. Р. „одномѣдный“.
Оймі́ 37, 72—возьми; ср. Д. „оймовать“.
Ока́тина 82, 10—крутизна; ср. Д, „окатъ“; С. „окачьный, вьсямоокачьный“.
Ока́тистой 98, 43—крутой, обрывистый. Д.

Око́ленки **76**, 168—оконницы, рамы со стеклами. Д. „окопенка“; К. „окольница“.

Око́льней **75**, 63—сосѣдній; Д., Р., С. „окольный“.

Оку́тоцька **41**, 129—одѣяло и вообще все, чѣмъ покрываются во время сна. Д., П. „окутка“.

Опа́сность **79**, 185—осторожность. Д.; ср. С. „опасывание, опасьно“,

Опру́жинки **4**, 79—подпруги?; ср. Д., К., П. „опруга“. См. „упружинки“. Об. „пружи́ть“—жать.

Ору́жьё **37**, 107, мн.-и́ и -я̀ **38**, 58; **51**, 90—ружье. Д., К., П.—об.

Остоя́тьце **51**, 99; **63**, 28—остановиться на время. К.

Отгану́ть **50**, 121—отгадать. Д., К., П.

Отдава́ю **17**, 178—отдамъ. См. „дать“.

Оте́ческая дочь **64**, 66—отъ законнаго брака; ср. Д. „отецкій сынъ“.

Отмѣ́нной **65**, 3, прим.—отличающійся. Д., К.

Оття́ть **69**, 172—оторвать, отломить. Д.

Оту́жинка **68**, 9—веревка, которою привязываютъ сѣдло? Ср. Д. „отужина“—веревка въ сѣтяхъ.

Оче́сьливой **105**, 124—вѣжливый. Д., К., „отчесливый“.

Па́дёра **98**, 67—вихрь, буря, вьюга. Д., К., П.

Пай́ть пай **57**, 3—дѣлить по паямъ. Р. „паевать“.

Па́ла **64**, 128, 139—явилась, сдѣлалась. Ср. Д. „палось, пался“; П. „пасться“; об. „пади́тъ“ (о вѣтрѣ)—задуетъ.

Па́рной **21**, 98—одинаковый. Д.—об.

Па́ужинать **67**—ѣсть „па́ужину“, закусывать между обѣдомъ ужиномъ, въ 3—4 часа. Д., К., П.—об.

Паха́ть **101**, 31—мести. Д., К., П.; Р—об.

Пе́льки **81**, 424—женскія груди. Р.; Д.—одежа, запонка на груди.

Перева́лъ **52**, 260—широкая куча, гряда. Д., К., Р.

Переди́ **2**, 295—напередъ; С.—впереди, прежде.

Пережи́мистой **36**, 126—съ тонкой таліей К.

Пережи́мъ **36**, 126—талія. Д.—суженіе, перехватъ.

Переня́ть **28**, 37—взять, поймать. Д., С.

Перепада́тьце **109**, 127; перепа́лсэ **8**, 145—пугаться; Д,, К., П., Р. „перепасться“.

Пересты́гъ **21**, 62—перегналъ, опередилъ. Д. „перестигать“; С. „перестичи“.

Плани́да Бо́жія **41**, 25, прим.—комета, об. Д.—судьба; С. „планита“—небесное свѣтило.

Плотово́ **80**, 58—пошлина за причаливаніе къ плоту. Д. „плотовое“—плата за перевозъ.

Повали́тьце 1, 105—лечь спать. Д., К., П.—об.
Пова́ровать 73, 276—повѣрить, обратить вниманіе, внять.
Повы́неслось 49, 26—узналось; ср. С. „нестися“.
По́вѣтерь 21, 142—попутный вѣтеръ. Д., К., П.—об. С. „повѣтріе“.
Погоди́тьце 36, 73—пригодиться, оказаться Д., С.
Погре́жоно 99, 1; погряжено 76, 56—напрокажено. Д., П. „гре́зить“—дурачиться, шалить, пакостить; С. „грѣзити“—мучить.
Подва́лышша 31, 90—„повалыша“, холодная горница, строящаяся черезъ сѣни противъ избы. С.; Д. „повалуша“.
Подле́рнуть 14, 34—пододвинуть. Д.
Подкорю́цить 4, 127—поддѣть, подмять. Д. „подкорячивать“.
Подоро́жницьки 18, 233—взятые на дорогу съѣстные припасы, обыкновенно печенье. Д., П.—об.
Подшта́нники 20, 61; 105, 116—штаны. Д.—портки (?).
Подъ 15, 177—выстилка въ печи, гдѣ кладутся дрова Д., С.
Пожила́я 87, 47—матерая, почтенная (об. „мате́рой“—большой).
Пожо́гъ 100, 288—горящій костеръ. Д., К., С.
Поздыны́вать 67—поднимать. Д., К. „вздынуть“; С. „въздынути“.
Пой 69, 197—пойди. К.
Покля́пъ 3, 48—наклоненъ. Д., Р., С. „покляный“.
Покрутёшенько 75, 334—см. „крутёхонько“.
Покруце́ 87, 31; покруче́ 107, 74—поскорѣе; об. „круто“—скоро. См. „крутой“.
Покуре́жоно 99, 2; покуря́жено 76, 56—покучено; ср. Д. „курежъ“—кутежъ, попойка; С. „курва“—распутная женщина.
Полени́ця 17, 96; 93, 6—богатырша. Р.; 109, 82—разбойница ср. С. „поляница“—удалецъ.
Полкъ 18, 215—(мужской или женскій) полъ,—об.
По́лого мѣсто 51, 175—полое, пустое, щель. Д. „поло“; ср. К., П., С. „полый“.
Полтретья́ста 48, 59—двѣсти пятьдесятъ; ср. Д. „полтретья“—два съ половиною.
Полу́дновать 73, 259—держаться, существовать; ср. Д.
Получе́вныя стихари́ 2, 141—парчевые?
Полѣсовать 18, 208—охотиться въ лѣсу. Д., К., П.
Полѣсьницёкъ 18, 295—охотникъ за лѣсной дичью. Д., К. „полѣсникъ“; ср. П.
Поля́ковать 67—воевать въ полѣ, Р.; 27, 78; 109, 80; 114, 70—разбойничать; об.—уходить надолго стрѣлять птицъ; К.—уходить на заработокъ.
Поля́нка 3, 33; 57, 7—„полонянка“ (Р.), плѣнница; ср. С. „полоняникъ, полоняный“.

Помитуситьце **75**, 248; **76**, 167—скривиться. Д.; ср. С. „митусь“.
Помо́лкнуть **81**, 2, 163—помутиться? затуманиться?
Пора́то **34**, 144—очень. Д., К., П., Р.—об.
Портомо́йниця **52**, 267—прачка. Д., ср. К. „портно“—холстъ; Р. „портъ“—платье.
Поры́вочной **76**, 55 (бой)—урывками, по временамъ; ср. Д.
Постухмя́нной **114**, 17; стр. 45—„насту́пчивой?“ (см. это слово); ср. С. „поступьный“; Р. „ступистый“; Д. „поступь“—поступка коня.
Постыди́ **96**, 153—постиги, догони. Д., С. „постичь“.
Потреби́ть **31**, 61—погубить. Д., Р.; С. „потрѣбити“.
Потьня́лсэ **111**, 44—подпнулся, споткнулся; об. „опну́тьце“—подождать.
Потя́нутой (о платьѣ) **2**, 37—покрытый; ср. П. „потяну́шка“—кафтанъ, кофта.
Похи́тить **48**, 129—погубить. Д.
Поче́стной, поче́сенъ **62**, 123—почетный, праздничный. Д., П.
Пошерба́тьце **71**, 123—пощербаться, зазубриться; ср. Д. „щербить“; Р. „повыщербѣть“.
Поши́ньивать **69**, 57, 65—подергивать, задирать; ср. Д., К., П. „ши́ньгать“—щипать, теребить.
Предаё́мъ **45**, 56—предадимъ. См. „дать“.
Предлага́ть **34**, 107—предсказывать?; ср. Д. „предлежать“—предстоять, видѣться въ будущемъ.
Предме́ты **51**, 165—примёты, откосъ городской стѣны. Д.
Пречу́дной **64**, 111—см. „чудной“.
Пригоди́тьце **31**, 95—оказаться, случиться. Д., К., П.
Придво́рникъ **83**, 87—придверникъ, придворный; ср. Д.
Приза́рило **74**, 181—прельстило. Д., П.; приза́ритьце 173—позариться, польститься. Д.; К. „зариться, призоръ“; Р. „обзариться“.
Приздыну́тьце **23**, 248—подняться. П.; Р. „призаздынуть“; К. „здынуться“. Приздыма́ть, признимать **24**, 115, 132—приподымать. Д., П.; К. „здымать“. Призня́ть **69**, 170—поднять вверхъ. Д.
Приро́да серде́чная **46**, 104—родители, родня. К.
Прирозжа́литьце **36**, 225—начать жаловаться. Д., К., П. „жалиться“; Р. „пожаливаться“.
Приростѣ́шитьце **29**, 11—раскричаться?
Присодви́гнуть казну́ **42**, 51—накопить?
Приста(ва)ть за кого-ниб. **49**, 201; **71**, 184—стоять, заступаться. Д., П.

Пристыга́ть 1, 96—застигать. Д., П. „пристигать“.
Притули́тьце 18, 216—спрятаться. Д.; П.; К. „тулиться“.
Причёлкано (платье дождями) 62, 381—прищелкано? ср. П. „чёкать“ (о дождѣ)—стучать каплями.
Проводи́ть про кого-ниб. 32, 7, ср. 16—сплетничать? осуждать?
Прожи́тосьнёй,-чной 2, 352; 60, 25—зажиточный. Д., К., П.
Прости́тьце 31, 168—получить прощеніе. Д.; прошшатьце 22, 152; съ кѣмъ-ниб. 105, 169—просить прощенія, каяться. Р., Д. „прощаться“.
Протамо́жить 80, 21—прописать, дать свидѣтельство объ уплатѣ тамги, торговой пошлины; ср. Д. „тамжи́ть“.
Пружи́ть 53, 117—опрокидывать. Д., П.—об.
Пу́рга, род. пурги́ 98, 67—снѣжная метель. Д., К., П.—об.
Пу́тани 3, 215—путы. Р. „путыни“; пу́тины 72, 48—узы.
Пѣшочки 41, 63—пѣшки въ смыслѣ: шахматы? ср. К. „пѣшки“—шашки.
Пята́—деревянный шпенекъ, на которомъ ходитъ дверь: на́ пяту 14, 27—настежь. Д., П.
Ре́ина, ре́инка 100, 272—6; рей, дат. ре́ю 23, 224—висѣлица. Д., Р. „рель“; ср. „рей“; К. „райна“.
Ро́бить 57, 44—работать. Д., К., П., Р.
Розгова́ривать 99, 63—отговаривать, уговаривать. Д.
Розгруби́лось (сердце) 37, 48—разъярилось; груби́ть (сердце)—сердить.
Роздёрнулось по го́роду (о вѣстяхъ, слухахъ) 7, 153—разошлось.
Роздо́льё 61, 3, 76—широкая долина. Д.—просторъ, ширь.
Роздума́ть 61, 139—догадаться; Д.—выдумать, отгадать.
Розними́ать (книгу) 18, 185—раскрывать; ср. Д.
Розы́нутьце 38, 39—разинуться, разверзнуться; ср. П. „розы́пька“—створчатая раковина.
Роспрото́рить 3, 28; 115, 40—истратить. Д.
Роста́нь 69, 7—перекрестокъ. Д., К.—об.; П., Р. „ро́встань“.
Роста́ть 99, 102—разставить, разнять.
Ростосну́тьце 5, 65—растосковаться, начать мучиться; ср. Д., К. „тосну́ть“.
Росьпина́ть 51, 194—растянуть, разомкнуть, разбить. Д.; ср. Р. „пясть“—пнуть.
Ру́шать 36, 87—разрѣзать. Д., К.
Ры́той ба́рхатъ 52, 56—узорчатый; ср. Д., К.
Рѣша́ть 94, 105, прим.—убивать, губить. Д., К.
Самоцьвѣтное каме́нье 82, 6—самосвѣтное, свѣтящееся; ср. Д.
Свёрсна́, сверстна́ 9, 37; 20, 205—подходяща, ровна. Д., Р.

Семья́ **5**, 4—жена; ср. К., Р.

Середа́, мн. ч. се́реды **75**, 132, 170—полъ въ избѣ. Д., К., Р.; первонач. значеніе—поднятое на ступень мѣсто передъ печью, мощеное кирпичомъ. Д.

Ска́жутъ **51**, 61—говорятъ, наст. вр. К. „скаже“—говоритъ.

Сметъ **1**, 137; смётъ **101**, 13—счетъ. П.—скидка со счета.

Смотри́ть **21**, 104—высматривать какъ на смотринахъ. Д. „смотрѣть невѣсту“; об. „смотрѣ́ньё“—смотрины.

Собрупя́тисе **85**, 34; **94**, 168—вооружаться, снаряжаться; ср. С. „бръня“, готск. и др.-нѣм. brunja; Д. „собруняться“—надѣвать сбрую (?).

Сс́вѣсьть **36**, 93—удовольствіе.

Сосвѣ́тной **2**, 342—сесвѣтной, сего свѣта. Р.; ср. К. „сесвѣтной“; Д. „сосвѣтный“.

Состыга́ть **82**, 140, 198—догонять, об.; Д., П. „состигать“; состы́гла (ночь) **51**, 100—застигла, застала. Д. „состичь“. Состыди́ **96**, 126; состы́кчи 149.

Сперепа́лсэ **111**, 126—см. „перепадатьце“.

Спи́цька, спи́чоцька **7**, 94—вѣшалка, деревянная палочка, вбитая въ стѣну—об.; Д. „спица“; ср. К. „спичникъ“—полотенце.

Спосо́бной **21**, 142—спопутный, благопріятный. Д., К.

Сремѣни́тьце **79**, 175—вспремѣниться, замѣниться; ср. *Тихонравовъ и Миллеръ*, Русскія былины; II, 250: „возвремепилася“.

Срӏвочной (бой) **76**, 55—сшибка; ср. Д.

Ссать **110**, 65—сосать. Д., К., Р.

Ставники́ (въ дверяхъ) **75**, 248—стойки—об.; (у оконъ) **102**, 52—рамы; ср. Д., П. „ставни́къ, ставень“.

Ставци́ **109**, 172—основная часть ткацкаго станка. Д., К. „ставецъ“; П. „ставины“.

Стари́(ы)ньшина **2**, 2—старѣйшина.

Сто́йка **55**, 23—прилавокъ. Д.

Строкъ **25**, 34—отсрочка, промежутокъ времени; ср. К. „строкъ“; Д. „срокъ“.

Ступь **113**, 55—шагъ. Д., К., П., Р.—об. Ступь, сту́пьица бродо́вая **69**, 141; **81**, 321—тихій шагъ, какъ идутъ въ бродъ. Д., Р. „бродучій“.

Сухо́е зо́лото **2**, 132 = золото для шитья, канитель или бисеръ; ср. К. „сухокрасный“.

Сходи́ть **78**, 361—сбить, срубить; ср. К. „ходить“—бить.

Съ **14**, 165—послѣ.

Съняга́ **109**, 86—пара, ровня; ср. Д. „снага́“—сила; „сна́жный“—здоровый, удобный.

Сѣдо́къ **107**, 44—посадникъ?

Тёмной **54**, 17—слѣпой. Д., Р.; ср. К. „темень“.

То́ко, токо (энкл.) **1**, 65; **97**, 37—только. К.; **1**, 123; **56**, 110—если, об.; **34**, 171,—ли; **2**, 81—такъ какъ; **18**, 258—такъ и быть; Д.—чуть-ли, едва-ли; **17**, 169 токо... токо—если... то.

Толкова́ть **1**, 112—смекать, догадываться, понима́ть. Д., К., П.

Тошни́ть **97**, 20—тратить; ср. Р. „тощиться“.

Ту **75**, 122—тутъ. К., Р.

Туле́тьце **9**, 151 ; тули́тьце **75**, 44—прятаться, хорониться, закрываться. Д., К., Р. „туляться“; К. „тулиться“.

Тю́кнуть **78**, 307—рубнуть, П.; Д., К. „тюкать“.

У **11**, 154—изъ; **42**, 288; **45**, 7; **64**, 30 у кого-ниб.—кѣмъ-ниб. (abl. instr.).

Ува́жить кому-ниб. **10**, 41—обратить вниманіе, сдѣлать исключеніе, помиловать? **36**, 130; **43**, 66—сдѣлать пріятное? Д.—почитать, уступать.

Ука́тистой **2**, 272—см. „окатистой“.

Укла́дной **10**, 151—стальной. Д.

Укла́дъ **50**, 80—наварная сталь. Д., П.

Украи́нка **108**, 24—страна, мѣстность, область, об.; ср. Д. „украйна“; П. „украйной“.

Упо́сной **21**, 143; **50**, 10—отъ берега, попутный (о вѣтрѣ). Д.

Упа́дка **37**, 60—паденіе духомъ, страхъ; „не съ упадкою“—бодро, рѣшительно. К. Р.

Упру́жинки **4**, 47; **34**, 120—подпруги?; ср. Д., К., П. „упруга“. См. „опружинки“.

Уста́точекъ **74**, 283—усталость. Д., К., П.

Утробе́ть **64**, 212—сробѣть, испугаться. Д., П. „удробѣть“; об., К. „дробѣть“; Р. „удроба“.

Уходи́ть **15**, 74—испортить. Д.; ср.К.; об. „уходило“ кого-ниб.—кто-ниб. погибъ.

Участь **2**, 159—счастье. Д.

Хвоста́тьце **111**, 24—париться вѣникомъ. Д., К.

Хлоста́ть **31**, 39—исхлестывать, измочаливать; ср. Д., К. „хвостать“—хлестать, хлопать.

Хошь **3**, 207—хочешь. К.

Храни́ть (посты) **64**, 112—соблюдать; Д.—вѣрно исполнять.

Худа́я боль **40**, 126—венерическая. Д.

Черёнъ **23**, 103, чернёной—см. „чернёной“.

Циркальское—см. „чиркальское“.

Цюлъ **109**, 35—чулъ, слышалъ. Д., К., П.—об.

Чернёной **28**, 28, черьлёной **95**, 27; червёнъ **21**, 61—червленый, багряный. Р. „черленый, черненый“.

Чета́, чота́ **75**, 93, 95—ровня, пара. Д.

Чинега́лишшо **94**, 405—черенокъ копья (ошибкой); К. „чинжанище“—ножны кинжала; Д. „чингалище, чинжалъ“—кинжалъ; Р. „чинжалище“.

Чирка́льское (сѣдло) **51**, 23; черка́льскоё **46**, 47—черкасское, черкесское.

Чу́дной **64**, 121—чудотворный (эпитетъ образа). Д.

Чума́къ **77**, 71—цѣловальникъ, кабачникъ. Д., К.

Шали́ть **23**, 199—шалѣть, сходить съ ума. Д.; ср. К., П. „шаль“.

Шалость **34**, 50—гульба, нарушеніе цѣломудрія? ср. К. „шалопутъ“—безпутный, мотъ; П. „шалай“—повѣса, бездѣльникъ.

Ша́рнуть **20**, 137; **94**, 501—ударить. К.; ср. П. „шарчать“.

Шелапы́га **47**, 123, шепалы́га 79, 110; **52**, 315; шепалу́га 318—шелепуга (искаж. подъ вліяніемъ сл. „шалыга“—дубина), шелепъ, плеть изъ толстаго ремня. Д.; Пѣсни, *Кирѣевскаго* I, 9; *Гильфердинга*, № 312, ст. 49.

Шо́ломя **82**, 10; **98**, 43—холмъ. Д., Р.

Шти **89**, 11—шести. К.—об.

Шу́рновати **89**, 13—шурмовать, ударять, бросать; ср. К. „шорнуть“— ударить (ножомъ); Д. „шуркать“—бросать; Р. „штурмовать“.

Шу́тка, шу́точка **27**, 122; **56**, 115—нешуточное дѣло, проступокъ.

Шшо́тоцька **97**, 5—пучокъ волосъ надъ копытомъ. Д. „щетка“; Р. „щеточка“.

Эли **70**, 110—или; ср. К. „эль“—если. См. „ели“.

Э́та **19**, 69; э́то **75**, 231; э́тта **50**, 39—здѣсь; К., П., об. „этта“; Д. „этто, этъ“; этта дѣвицю **49**, 310 — здѣсь около дѣвицы? **23**, 13—сюда; э́та **89**, 42, прим.—тогда, въ это время.

Яблучко (у копья) **98**, 96—набалдашникъ у рукояти въ видѣ яблока. Д.; Р. „яблуко“.

Я́годьници **75**, 40, 57—щеки. П.; Д., К. „ягодица“.

Ярóвцяты (эпитетъ гуслей) **21**, 2—яворчатые, изъ явора. Р.

Ярой воскъ **35**, 5; лёдъ **20**, 177—чистый: бѣлый или не покрытый снѣгомъ. Д., К. Бѣлоя́рова пшени́ця, шани́ця, **42**, 134—бѣлая яровая; ср. К. „ярь“—яровой хлѣбъ. Д. „бѣлоярая п.“—кукуруза (?); ср. Р.

I.

Указатель предметовъ [1]).

Амбары съ запасами 168, 562.

Ангелы 51, 306, 346, 421—2, 449—50; а. хранители 299.

Апостолы 271.

Арканъ 501.

Архіереи 273.

Атаманъ, такъ называется Илья Муромецъ 214, 502; Стенька Разинъ 293; а. каликъ 445, 494, 524; атаманы, атаманщички 434, 478.

Атласъ 335, бѣлый дорогой 296.

Баба, у нея волосъ дологъ, умъ коротокъ 85, 420; повивальная б. задворенка 518, 547.

Балконъ высокій 178.

Баня 170, 516, 518; парная 113, 550.

Бархатъ 168, 335; рытый 40, 183, 244. См. стулъ, сумки, диванъ.

Башмаки 562.

Башня 211; наугольная 46, 371, 375, 380, 415, 417, 432, 436, 438, 479, 511, 537; треугольная 543.

Береза 60; бѣлая 358, 516; кудрявая 316; зеленая 31, 102.

Благословеніе сына родителями 31, 212, 330; отцомъ 406; матерью 59, 102, 154, 270—1, 314, 358, 369, 435, 468; матерью дочери для замужества 176; княземъ Владимиромъ богатырей 104, 213—4, 390, 405; Иваномъ Грознымъ Потанечки на бой съ Кострюкомъ 188.

Блюдо серебряное 239—240.

Богатство ненужно старому 32, 352, 500.

Богатыри сильные, могучіе, русскіе—часто; пять 53; три 469; семь на заставѣ 502; тридцать 523; двѣнадцатилѣтній 56, 59,

[1]) Указатели составлены, при незначительномъ моемъ участіи, *Н. В. Васильевымъ*. Цыфры означаютъ страницы.

403; младой 305; святорусскій 89; славные 45; удалые 186; бѣдный 187; двѣнадцать 38, 513—4; спятъ въ шатрахъ 44; уѣзжаютъ изъ Кіева 38, 47; собираются къ Кіеву 49—50, 437; къ Владимиру отовсюду 234; къ Петру I на пиръ 303; богатырь—князь 253; богатырицы 255; богатырей запретили, какъ не стало Владимира 294; не случилось въ Кіевѣ 409; богатыри-богачи 282, 302; кіевскіе б. 313, 317; состарились и преставились въ Кіевѣ 403—4.

Бой, борьба рукопашкою 56, 187—8, 233, 419, 488, 504, 506; бой огненный 205.

Болота 32, 332.

Бояре 37, 184, 197, 198, 470; кособрюхіе 38, 42, 215, 223, 351; брюшинники 482—3; живутъ при дворѣ князя 45; бояринъ 97, 256, 347, 414—5; боярыня 255, 290; думные 476, 482.

Боярскій сынъ 53, 234, 256, 290; б. родъ 54, 255; б. дѣти 221; забавы ихъ 55.

Брага 308.

Братина съ пивомъ 344.

Братанье черезъ обмѣнъ перстней 156; крестовъ 214, 233, 280—1, 310, 539; брататься, здороваться = биться 439—40, 487; братаны 539; братья крестовые 47, 64—8, 147—8, 150, 214, 234, 237—8, 268—9, 310—1, 318—9, 324, 329, 368, 395, 423, 427—8, 491; названые 68, 151, 359, 502, 522, 541, 543; крест.-назв. 80, 127, 233, 235, 248, 280—1, 385, 391—2, 394, 426, 437, 465, 520.

Бродяга деревенская 112.

Бугоръ сильный, сравненіе съ нимъ богатыря 54, 483—4, головы 544, 547.

Бумага 106, 108, 373, 430, 434, 481, 516, 559; гербовая 40, 168, 183, 244; хлопчатая бѣлая 201; листъ бумаги 46; гербовый листъ 168.

Бурлаки московскіе 476.

Вдовы 242, 245, 296, 366; бѣдныя 184, 186, 267, 318, 481—3; молодыя 426—7.

Верба кудреватая 182—3.

Верста мѣрная 39, 55, 85.

Вечерни позднія 75.

Вода ключевая свѣжая (см. умыванье), болотная 105, 333; медовая 106, 117, 333, 518; мертвая и живая 238, 328; воды теплыя 328.

Водки разныя 33, 324; сладкія 248; водочка сладкая 127, 280.

Водолазы 493.

Водяной 269, 462—3.

Воевода 197—201, 470—1.

Волкъ сѣрый 256, 258, 347, 386, 445, 481.

Волхвы 376; волшебство 77.

Вороны черные 93, 159, 177, 256, 258, 328—9, 386, 445, 512; каркуны 113.

Ворота городовыя 347.

Воскресенье свѣтлое Христово (см. почитаніе).

Востокъ—см. молитвы; восточная святая сторона 212.

Вырубаніе со стараго до малаго 41, 49, 59, 394—5, 432, 483, 485, 544; до единаго 52, 205, 226, 405—7, 441, 486; не оставленіе силы на сѣмена 81, 88, 205, 405, 407, 417, 439.

Вѣдьма 34.

Вѣнецъ златъ 83—4, 101, 126, 128, 154—5, 176, 185, 241; царскій 457; = вѣнчанье 175, 302, 314, 317, 334, 342; вѣнчанье 75, 125, 242, 302—3, 372, 387, 514—5, 529, 555.

Вѣра православная 41, 50, 52, 93, 95, 96, 271, 292—3, 345, 456, 458, 475; христіанская 183, 234, 475; крещеная 185; богомольная 96, 298; спасеная 96, 247, 300; святая 475; старая, старинная 96, 198, 200, 298, 300, 470; тяжелая 100, 332, легкая 101, 332; неправая 51; невѣрная 155.

Вѣтры буйные 156, 199, 251.

Вязъ черный 262—4, 266, 268.

Гавань 120, 122, 243, 429—30; тихая 122; княженецкая 244; корабельная 491.

Генералы 68; генеральскій родъ 54; сынъ 53, 234.

Голосъ зычный 118, 173, 183, 189, 191, 253, 291, 310, 325 и др.

Голова буйная (часто), удалая 267; грѣшная 279.

Голуби сизые 421, 510—1.

Гонцы скорые 221, 223, 227, 252, 288, 303, 321, 472.

Гора крутая 117, 159, 229; каменная 152—3, 155; отъ земли до неба 154; высокая 324; великая 254; святая 270.

Горницы высокія 171; свѣтлыя 127; новыя 466; столовыя 344, 372, 417, 460; заднія 477, 510, 521, 530, 546, 551, (убраныя); г. спальня 387, 447.

Горностаи 159, 256, 259, 512; бѣлые 152, 386; сѣрые 465.

Гости торговые 95, 190 и др.

Грамота 46—7, 183, 235; скорая 40, 202, 243—4, 252, 315, 340; нѣмецкая (иностранная) 40; см. татарская, русская; грамота святая 256; Господня 269; Божья 297; обученіе грамотѣ 179, 256, 261, 269.

Гридня 350, 379, 414, 438, 475—6, 544; княженецкая 437, 479, 495, 517, 525, 534.

Гробъ 194, 344, 388, 514; Господень 557, желѣзный 310, выпадаетъ изъ тучи 311; гробница 388—9.

Груди бѣлыя—часто; черныя 237, 328—9, 421; сѣрыя 239—40.

Гусли звончатыя 66, 137, 322, 392, 453, 455, 555; игромыя 322, гусельцы 84, яровчатыя 135.

Дани-пошлины 119, 136, 144, 146, 340, 381—4, 387, 429—30.

Дворецъ царскій 146, 284, 462; государевъ 188—9, 285—6, 297; царскій государскій 303; княжескій 335, 336; хрустальный 336.

Дворникъ 354, 391.

Дворъ широкій—часто; княженецкій 340, вдовій 232, сиротскій 321, конюшенный 92, 105, 107, 168, 365, 562, конюшій 559; на семи верстахъ 516, на семидесяти семи столбахъ 101, 105.

Дворянскія забавы—охота 36, 49; см. боярскій; дворянскія утѣхи—метаніе палицы 366.

Деньги лежащія 562.

Держава королевская 119.

Диванъ рыта бархата 285, да красна золота 242.

Дороги: три нечистыхъ 31—2, прямоѣзжихъ 234—5, славныхъ 294, широкихъ 380; прямоѣзжая 34—5, 347, 350, 352, 502, 532, широкая 123, 229, 381, незнакомая 285.

Драка кроволитная 244, 246, 370—1, 395—7, 415, 424; кроволитіе 340.

Дружина хоробрая 213—4, 227, 262—8, 271—2, 293—5, 359, 431, 441, 444—5, 453, 456, 480—1, 483, 485—6, 492, 504, 526, 546.

Дружко (на свадьбѣ) 372.

Дубина въ 90 пудъ 89.

Дубъ сырой 32, 307, 309, 348, 354, 358, 419—22, 464, старый 331; девять дубовъ 347, 532; семь 34.

Духъ святой 143, 157, 450, 474; богатырскій, мертвый 311.

Дѣвица красная—часто; сѣнныя дѣвушки 128, 249, 285, 290, 296; дѣвушка служаночка 465—6, 520—2; дѣвья плачь 426—7, дѣвій столъ 555.

Еретица 75, проклятая 77; разбойница 251, безбожница 253—4, 429.

Желѣзо прикованое 51, желѣзная полоса 76.

Жемчугъ скатный 98, 113, 185, 267, 293, 296, 430, 459, 479—80; дорогой мелкій 417, 459; скачёныя жемчужинки 182, 192; сравненіе съ жемчужиной 191, 193, 316.

Женитьба 297, 303, 312, 362; не каждому удается 556; ненужна старому 32, 352, 500.

Женихъ 282, нареченный 33.

Жеребьи 333, ихъ метаніе 50, 137, красна дерева, дубовые 492.

Жернова 563.

Заводи 427, тихія 87, 159, 231, 333, 364, 366, вешнія, 508—9.

Загадки хитромудрыя 253, 432.

Зайцы бѣлые 465, 468, сѣрые 151, 159.

Законъ Божій (= бракъ) 101, 185.

Замки 254, 287, 511, крѣпкіе 71, 98, 150, 178, 191, 246, 260, 279, 293; заморскіе 69, 79, 97, 99, 242, 268, 278, 392, 417, 454; желѣзные 266, висучіе 510, 544, шурупчатые 562.

Западная сторона 531.

Застава: три заставы у цар. Груб. 154—5,—великіе по дорогѣ къ Кіеву 347, 350, 532; въ 7 богатырей между Кіевомъ и Черниговомъ 502—3, называется великою 504—5.

Затворничество дѣвушекъ 69, 97—8, 178, 417, 477, 510, 543.

Заутреня 345, ранняя 103, 127, 174—5, 466.

Звѣзды частыя 96, 102, 106, 152, 184, 274; мелкія 468, Божьи 254, з-да поднебесная 456, 458.

Звѣри рыкучіе 108, рысущіе, бѣгущіе 234; звѣрь страшный (съ нимъ сравнивается конь) 236; престрашный подъ землей 276.

Зелье лютое (порохъ) 56, 81, 133, 169 (съ нимъ сравнивается богатырское сердце); зелье съ порохомъ 202; (отрава) 197, 433, смертное 523.

Земля проклятая 97, 101; невѣрная 97—8, 117, 184, 290, 297, 315, 319—21, 339, з-и н-ыя 242; поганая 427, татарская 247, Арапская 251; земля трясется: 34, 56, 97, 100, 237, 327, 348, 361, 367, 369, 376, 401, 437—8, 446, 494, 525, 534—5.

Змѣя лютая 77, 173, 374—8, 388, 509—10, 514, 554; семиглавая 548, злодѣйка 61—3, 197, ея хоботы 61—2, 376—7, 379, 509, змѣёнышіи 375, 378, 548; родъ змѣиный 386—7; змѣиное подворье 509—10, 513.

Золото дорогое, сухое, красное 40, 244 (для вышиванія буквъ).

Зоря утренняя 274, вечерняя 96; зори 102, 152—3, утреннія 104, 345, бѣлыя 468.

Зубъ рыбій 505, 512.

Игра богатырская (выдергиваніе рукъ и ногъ) 90, 110—112, 518; см. карты.

Идолы 243; поганые 97, 369, 381—3, 415.

Измѣреніе времени 77.

Иконы святыя 46, 152.

Ископыть 491; глубокая 82, 397—8, 487; лошадиная 305, 312.

Кабакъ 280, 414; большой царевъ 410, 464; голь кабацкая 280—1, 464.

Кабанъ, страшный звѣрище ваканище 239—40.

Казаки донскіе 459, 461; задонскіе 476; см. Илья Муромецъ.

Казна золотая—часто; несчетная 120, 347, 394, 401, 458, 464.

Казнь 285, 390—1, 402; скорая 183, 188; казни и убійства: отсѣченіе головы 35—6, 40, 47, 51—2, 58, 63, 71—3, 100, 140, 143, 168, 198, 449, 467, 471, 477, 494, 496, 498, 524, 526—7, 560—1, 562; разрубаніе на мелкія части 77, 429; и раскидываніе по полю 168, 445, 450, 489, 499, 560, 562; ломаніе ребра 494; отрѣзаніе рукъ, ногъ и грудей 423; отпиливаніе рукъ и ногъ 198, 200, 471; вытягиваніе жилъ 98, 140; языка 100; сердца 494; глазъ 445, 496, 498, 524, 526—7; струганіе стругомъ 46, 98; сдираніе кожи 40, 43; голодная смерть 41, 44—5, 252; закапываніе въ землю по поясъ 139, 143; стрѣляніе въ глаза 51, 348; пронзаніе копьемъ 110, 118, 169, 563; висѣлица 287; разрываніе 161; убиваніе о землю 560; сжиганіе селитры на груди 445, 449, 494, 496, 498, 524, 526—7.

Калачи 557; крупичатый 106, 516; калачницы 105, 107, 556.

Калики 139, 143, 209, 210, 444, 474, 493, 524, 527; перехожіе 208, 219, 225, 238, 345, 354, 389, 401, 410, 418, 494, 526; переброжіе 47, 140, 148, 212, 217, 225, 236, 344; спасеные 206, гости 446; идутъ въ Іерусалимъ 140, 446, 524, въ Кіевъ 140, 143, 417, 494, 525; к-ка оживляетъ Алешу 238; Добрыня переодѣвается каликой 555; Илья 217, 225, 355; Илья приноситъ хвалу каликамъ наряду съ Богомъ 211; былина о сорока каликахъ 531.

Камни драгоцѣнные 139, 335, 337, 508—9; дорогіе 248, самоцвѣтные 243—4, 430, 445; сѣрые 180, 295, 316, 491, 512, съ надписью 228, 352, горючіе 230, 232, 235, 294, 409, 550.

Камчатка мелкотравчатая 37.

Камышъ-трава 157.

Караулы 471; строгіе 293, 392; крѣпкіе 391, 417, 432; вѣрные 453; караульщики 98, 123, 287, 340, 432, 439, 442; вѣрные 69, 242, 278—9; крѣпкіе 76, 81, 122.

Карета золоченая 283; золотая 552; темная 477.

Карманъ 307; глубокій 309, 313.

Карты 280, 286, 307, 324.

Кафтанъ синій 46.

Каюта корабельная 427—8, 452; хрустальныя 147, 250; красна дерева и красна золота 121, 147.

Кинжалище (ножны) 362, 367—8, 399, 401; съ тѣмъ же значеніемъ—нагалище (см. словарь) 257.

Кипарисъ-дерево 195, 254, 433; кипарисныя дрова 516; см. сѣдло.

Китъ: на трехъ китахъ держится земля 276.

Клѣтка желѣзная 266, 268.

Клюка подорожная 225—6, 356; въ сорокъ пудовъ 355, 519.

Ключи 34, 98; золотые 84, 98, 309, 381, 383, 392, 479, 541; золоченые 307; ключники 83, 192, 391; замочники 510, 542—3.

Книги церковныя 52; Божьи 200; старыя 198, 470; к-га волшебная 123;=тетради 558.

Князья 167, 465, 500; богатые 264; княжевичи 34, 273, 277, 288, 318, 429; княжевна 334; князь и княгиня (молодые) 66; княжескій родъ 33, 95, 129; судъ 445, 494, 496, 524.

Кобылятина 117, 333.

Коверъ красна золота 102, 106; ковры новые, расшитые краснымъ золотомъ 122.

Колода (гробъ) 550; сыродубовая 170—2; бѣлодубовая 491; (плаха для казни) 370.

Колоколъ большой 185, 195, 220; на головѣ 269; колокольный звонъ 557, 521—2.

Колыбель 168, 562.

Кольцо золотое для привязыванія коней 32, 97, 171, 321, 349, 369, 381—3, 394, 415; на каждомъ изъ 77 столбовъ Дюкова двора 102, 105; серебряное 520, 522, на ремешкѣ семишолковомъ у дверей 465—6; кольцо, которымъ можно повернуть землю 208, 210, 231, 317, 475.

Кольчуга серебряная 483, 485.

Конь добрый, богатырскій—часто; перемѣнный 106; самолучшій 116; вороной 178, 312; златогривый 181; неѣзжалый 560; бѣлый 281—2; постухмянный 559, 561; наступчивый 381; конь-животъ 500; слуга праворучная 550, 559; снѣга бѣлаго, а хвостъ и грива черные 359, 365; волчья сыть, травяной мѣшокъ 348, 533; изъ ноздрей искры, изо рту пламя 236; предостерегаетъ кн. Глѣба Володьевича 255, 433; спотыкается (дурное предзнаменованіе) 169, 550, будитъ Добрыню 321; обнимаетъ ногами хозяина 43, 180; говоритъ 50, 72, 180, 321, 326; топчетъ силу 43, 52, 93, 118, 209, 407, 413, 444; старицу 169, 563; опускается въ могилу 76—7; изъ тучи выпадаетъ Егорію Храброму 154; Ильѣ М. 475.

Конюхи 354, 391, 467, 556, конюшные 552; конюшня 112, 314, 321, 409, 412, 440, лошадиная 484.

Копье вострое—часто, черкальское 133; булатное 406, 548; мурзамецкое 43, 50, 91, 116, 180, 209, 211, 231, 361, 367, 399, 411, 419, 443, 488, 531; метаніе копья 359.

Корабли 467; черные 2, 57—8, 120, 136, 146—7, 164, 179, 243, 248, 251, 253—4, 281, 335, 339—41, 425, 427, 430, 432, 452; черненые 45, 52, 59, 120—2, 136—9, 146, 164, 177, 248—9, 251, 253, 271, 335, 423, 426—7, 429, 432, 452; червенъ 137; черленые 491—3; гостиные 276; корабельщики 59, 163—4, 251—4, 330, 423—5, 430, 432, 467.

Король 543; невѣрный 97, 319; богатый 286; короли королевичи 34, 39, 45, 158, 242—3, 273, 429, 434, 478—9; королева 97—8, 185; королевичъ 286, 360—1; королевство 118; королевскіе роды 33, 118; мѣсто и держава 119.

Коса русая 174, 512, 519, дѣвья 33, 71; трубчатая 113, 331; заплетеная коса—символъ дѣвственности 117.

Котелъ пивной 46, 175, 424, 426, 503; котельная пригарина 81.

Краснà (ткацкій станокъ) 563.

Красота женская 78, 390, 541; поднебесная 153.

Крестины — 196; крестовое дитятко 280; крестный батюшка 269—270; крестовый кумъ 277—280; любимый крестникъ 277, 279; кума 280.

Кресты животворящіе 39, золотые 41, 58, 214, 238, 280—1, 368, золочёные 363, 368, однозолотные 233, 310, чуденъ крестъ 295, 457; въ полтора пуда у Ильи Мур. 363, 490; см. братанье крестами.

Крестьяне 31, 247, прожиточные 45, 64, 68, 77, 145, 186, 296, 332, 476, богатые 205, бѣдные 65, 77, 135, 145, 158, 186, простые 313, 318, 334, православные 245, чернопахотные 415, 458; крестьянскіе роды 287, дѣти 179, сила 552.

Кровать 466—7, 506, 521, 525, 528, тесовая 33, 279, 428, слоновыхъ костей 505, 511, богатырская 307, желѣзная 306.

Кровь татарская 154, христіанская 154, 278, горячая 155, 191, 278, 396, 405, 413, 416, 466, богатырская 279, напрасная 396.

Кружало государево 63.

Крыльцо 406, 530, красное 33, 156, 180, 191, 243, 344, 349, 351—2, 368—9, 381, 394—5, 415, 431, 454, прекрасное 284, 465, золоченое 285, бѣлое 127, парадное 105, 111, 127, 255, 284—5, 132, косящатое 349, 382—3, 431, 453, 462.

Крыша золочёная 102, 291, красна золота 105.

Крѣпость 199, крѣпости крѣпкія 259.

Кудри желтыя 37, 58, 136, 145, 156, 161, 162, 225, 260, 291,

293, 309, 313, 324, 326, 350, 380, 389, 460; русыя 69, 372, 414, 420, 451; черныя 156, 250, 280; соломенныя 176.

Кузница 516—8; желѣзная 172, 177, 241.

Кума крестовая 196—7; кумъ крестовый 197.

Купанье 61, 271, 376, 494, 509, 524, 528, 557; нельзя купаться нагимъ тѣломъ въ Ерданъ-рѣкѣ 272.

Купцы 283; гости 63, 64, 68, 77, 238, 277, 283, 332; торговые 347, 379, 389, 401, 414—5; купцы-богатыри 282; богатые 177—8, 186, 280—2, 313, 318; купеческій сынъ 280, 285; дочь 281.

Кухарка 101, 132, 134, 267, 281, 379, 420, 447, 556.

Кушакъ семи шелковъ 319.

Лавки 280; торговыя 281, 283, 285—6.

Лампады 128, 168, 562, масла Божьяго 167, 174.

Лань златорогая 181.

Лапти семи шелковъ у калики 236.

Ларцы кованые—98, 381, 383, 479; ларецъ хрустальный 307, 309.

Латы 403, 406; богатырскія 56, 91, 93, 180, 208, 209, 211, 256—7, 376; желѣзныя 260.

Лебеди 289; бѣлыя 186, 190, 221—2, 234, 278, 331, 333, 427, 476; съ ними сравниваются гребни волнъ—122.

Лицо поганое 243; какъ порошки снѣгу бѣлаго 322; бѣлое—часто, черное 421.

Лукъ 533; тугой 37, 74, 312; разрывчатый 348, 354, 400, 421.

Луна поднебесная 102, 106; свѣтлая 296; небесная 434, 438.

Лыжи 433.

Макъ 390, 393, 541; красный 78.

Мамушки-пянюшки 242, 249, 277, 296, 316, 338, 551.

Матросы 121—2, 136—7, 147, 250; молодые 251—255.

Маханье татариномъ 93, 396.

Медвѣди черные 166; медвѣдь 564, 467.

Медъ сладкій 104, 169, 175, 231, 323, 393, 404, 411—2, 426, 428, 482.

Мечъ 531; страшенъ 194, 295; подъ мечъ склонить (= убить) 468.

Милостыня 475; спасеная 206, 209, 217—218, 226, 356—7, 447, 525; тружоная 495.

Мисы съ драгоцѣнностями 32, 35, 48, 267, 349, 545; см. чаши.

Митрополиты 273.

Могила большинская 76.

Молебны 41—2, 47, 50; заздравные 53.

Молитва 53, 122—3, 126—7, 130, 142, 158, 163, 164, 168, 171, 174, 271, 337, 362, 367, 380—1, 394, 404, 410, 419, 435, 443, 445—7, 466, 475, 494, 504, 524, 528; Исусова 202, 213; на востокъ 43, 212, 235.

Монастыри 63, 94, 412, 470, 472, 554; спасеные 39, 43, 48, 52, 93, 95, 163, 213, 225—6, 228, 293, 300, 406, 409, 440, 458; святой 198—9, 471.

Монахи 199—200, монашенки 167, 293, 300, 561—3; см. постриженіе.

Море синее—часто, славное сине солоно 120, 251, 456.

Мосты дубовые 46, 120—2, 243; мостки дубовые у церкви 103; калиновые 87—9, 347; каленовъ 532; красна дерева 146—7, кирпичный 156, 260; мостовая пошлина 251, 429—30; мощеніе мостовъ 347, 533.

Мощи 91; пречистыя 140, нетлѣнныя 175, 228, 270—1.

Мужики деревенскіе 174; мужичонко задленьшина деревеньшина 351, 370.

Мхи жидкіе 332.

Мѣдь козарка 459, 461; дороже золота 516.

Мѣстничество на пиру 132, 221—2, 278, 374, 402, 460—1.

Мѣсяцъ младъ, свѣтелъ—95, 96, 102; и др.

Мѣха заморскіе 335.

Наговоръ на стрѣлы 348, 354, 400, 421.

Нангрышъ 556.

Налимъ 270.

Напитки дорогіе разные 248; разноличные 307, 426.

Народъ 245, 265, 274; черный, простой, 34, 63; православный 174, 189, 203, 270, 273, 376, 425, 427, 429, 464, 509, 529, 534, кіевскій 337.

Небо ясное 184; голубое 296; синее 307.

Неводъ 172, шолковый 136, 172, 239—240, 552.

Невѣста 245, 312, 330, обрученная—126; обручница 451.

Ножъ булатный 67, 70, 86, 100—1, 204, 209, 211, 220, 242, 295, 357, 362, 368, 401, 420, вострый 257, укладный 172—3, 177, 241; бросаніе пожомъ 475.

Ныряніе 376, 509.

Няньки 379, см. мамушки.

Оборотничество 74—5, 386, 388, 512.

Образа чудные 424, 517, 521, пречудные 332, святые 153, свѣтлые 52; святыя иконы 46.

Обрученіе 369, 371, 416.

Обручи желѣзные 170, 172, 310—1, 344.

Обѣдни 41—2,50, съ молебнами и панафидами 220, заказныя 271, поминальныя 64, 166; обѣдня воскресенская 103, 127—8, 175, за здравье 168.

Овинъ 563.

Одѣяло соболиное 307, черныхъ соболей 505.

Оживленіе 169, 238, 328, 563.

Озера 32, 211, 274, 328, 378, 437, 543, святое 199, 270, преглубистыя тихія 332.

Окна косящатыя 69, 75, 111, 118, 122, 133, 148, 217, 232, 270, 312, 337, 436, 477, 555 и др.; околенки 47, 406, околенка стеклянная 477.

Олень 257, золотые рога 256, златорогій 258.

Орда проклятая 369, поганая 403, 405, 415, невѣрная 480—1, 485—6.

Орелъ сизый 159, 291.

Оружье 195, мелкое 192—3, военное 258, славное 259.

Отсрочка сдачи города 41, 479—80, свадьбы 203, 241, 245—247, 424—5.

Павиная походка 78, 145, 390—1, 393, 451.

Палаты высокія, княженецкія—часто, бѣлокаменныя 35, 40, 115, 168, 549, грановитыя 91, 471, царскія 122, 191—2, 292, 356, царскія-княженецкія 141, королевскія 369, 371, 381—3, 395, 415, широкія 403.

Палачи немилостивые 174, 191, 224, 288, 370, 441, 455.

Палица 346, тяжелая 35, 42, 55, 91, 93, 111—2, 154, 180, 209, 211, 260, 295, 346, 361, 366—7, 399, 411—3, 419, 504, 506, 538; въ сорокъ пудъ 35, 43, 111, 403, 406, въ 90 пудъ—231, 256—7; богатырская 112, боевая 488, военная 312; метаніе палицы 53—4, 358, 403.

Палка дровокольная 236, 426, 484, 503, 544, 547; палки боевыя 361.

Палуба 427, хрустальная 121—2.

Паннихиды 41—2,50, великія 63, 166.

Паруса 429—30, тонкіе 121, 452, бѣлые полотняные 452.

Парча золотая 172.

Пелены шолковыя 256—7.

Перебродъ 532.

Перевозчикъ 123.

Перескокъ черезъ рѣку 532.

Перила золоченыя 178.

Перина 522, пуховая 33, 307, 428, 505.

Перо 1) для письма 40, 244, 558, лебединое 244, 283, 2) для украшенія лебединое 230, орлиное 330.

Перстень именной 57, 488, золотой 67, 83, 98, 120, 136, 145, 176, 232, 288, 308, 323, 371, 451, 372, 389, 395, 399, 414, 416, 460, злаченъ 85, 99, 122, 233, 362—3, 400—1, 545, 556, обручальный 125, 318, однозолотный 156.

Перчатки 467, шолковыя 73, красна золота 229, семи шелковъ 252, вышиты краснымъ золотомъ, усажены драгоцѣнными камнями 430.

Печи кирпичныя 105, 206, 210, 344—5, 366, 410, муравленыя 106, 322, 556; печка-муравленка 344; см. столбъ.

Пещеры 475, смертныя темницы 38; спасеныя 38, 41—2, змѣиныя 61—3.

Пиво пьяное 122, 125, 219, 231, 248—50, 525, хмѣльное 344, 393, 411—2, 426, 428, сладкое 206—8, 210.

Плакунъ-трава 274—5.

Планида Божья 202.

Платокъ 562.

Платье цвѣтное—часто, каличье 217, 225, 355, 475, черное 237, царское 219, черное 477, (см. трауръ), золотое 516.

Плетеніе (вышиваніе) круговъ 544.

Плетка шолковая 91, 112, 180, 209, 211, 256—7, 312, 321, 407.

Повойникъ 562.

Погребъ глубокій 33, 156, 507.

Подать: 2, см. дани-пошлины.

Подкопы 1) = темницы 38, 42; 2) = ямы, глубокіе 50, 94, великіе, широкіе глубокіе 406, подкопъ страшный, глубокій 93, подкопь шир., глубокая 407.

Подушки-изголовья пуховыя 307.

Поединщики 59, 180, 212, 225, 228, 345, 364, 502, 529, русскіе 224, татарскіе (см.).

Поленица преудалая 79, 82, 83, 117, 312—3, 329, 476, 534, 540, 542, 546, 553, богатырская 309.

Полонянки 46, 289—90, 333; полоненіе кораблей 58, 251, 430, народа 59.

Полотенце бѣлое 309, 419, 477, 381, 442, тонкое 235, 550.

Полъ кирпичный 324, 392, 416.

Полѣсникъ 124—6.

Полякованье 53, 161, 219, 345, 358, 368, 391, 393, 443, 561.

Помело сосновое 105, шолковое 106, 556, семишолковое 516.

Попы 273, 475, соборные 76, 185, 287, отцы 171, духовные 126, 166, 172, 466; попы-діаконы 517, 521, протопопы 273.

Порохъ 199, 202—9, 292; см. зелье.

Портомойницы 105, 107, 267—8, ср. 540.

Порфира государская 293, царская 458.

Порча на родинахъ 110, 113, 115, 518, 547.

Посадникъ—см. сѣдокъ.

Пословицы: 67, ст. 151—2; 100, ст. 146; 101, ст. 182—3; 247, ст. 190; 264, ст. 138; 420, ст. 250; 506, ст. 60—5; 511, ст. 124—5; 521, ст. 43—4; 537, ст. 56—7.

Посольство 80, 175, 315, 340, 370, 380—3, 415—6; послы 124, скорые 193, 227, 241, 252, 303.

Посохи (у каликъ) 494, 498.

Постриженіе 403—4; схима спасеная 403.

Почитаніе среды, пятницы, воскресенья 101, среды и пятницы 332.

Пошлина съ кораблей 57, 251—2, 429—30.

Пояса золоченые 256—7.

Праздникъ владычный 550.

Престолы: двѣнадцать—въ Преображенской церкви 270, 272; царскій 457.

Приданое 184—5, 139, 459.

Придверники-приворотники 44, 91, 265; придверники 216, 340, 415; придворники 335, 453, придворные 379, подворотники 415.

Принцъ 318.

Пристань лодейная 491.

Присяга 287.

Причетники церковные 126, 166, 172, 466.

Птицы иностранныя 109.

Пуговки—съ птицами и звѣрями у Дюка и Чурилы 108—9; драгоцѣнныя у Ильи 229, 353, 501.

Пуля 1) стрѣла 88; 2) пуля свинцовая 503.

Пучина морская 163.

Пушки 192—3, 199; п.-матушки 202—3.

Пшеница бѣлояровая 33, 151, 160, 162, 168, 208, 210—1, 314, 399, 442, 487.

Пѣніе—Дюкъ поетъ на клиросѣ 104; пѣсни дѣвьи 308; веселыя и заунывныя 337; чотье пѣнье церковное 521—2.

Разбойники 32, 353—4; братья-р. и ихъ сестра 159, 161—3, 559; три разбойника 117—8; сорокъ 229; разбойникъ 97, 277; воры-разбойники 463—4; былина о девяти разбойникахъ упоминается 343, 465, 500; разбойница 542.

Рогъ турій 1) охотничій 81, 148, 150; 2) въ качествѣ сосуда 393, 404, 411.

Родинка 66, 290, 322.

Росы утреннія—въ нихъ катаетъ Илья жеребца 208, 210—1, 345.

Рубашки 561; бѣлы тонки 268; модная 288.

Руда золотая 106.

Рыболовы 170—2, 550—2.

Рѣки 32, 211, 328, 361, 378, 437, 446; быстрыя 254, 456, 460—1, 493, 528; рѣка предостерегаетъ богатыря 87; рѣка медовая 106; огненная 154—5.

Рѣчь лебединая, тихая 78, 145, 390—1, 393; кроткая—451, хорошія 203, справедливыя 306.

Рѣшетка желѣзная частая 122, 156.

Сабли вострыя—часто, сабелька кровавая 192, тяжелая 441.

Садъ 1) милый (=дочь) 165; 2) зеленый 173, 249, 308, 331, 336—7; прекрасный 332; растенія садовыя 308.

Сажени печатныя 236.

Сапоги 467, 521; сафьянные 64, 103, 129, 319, 322, 422—3, 513.

Сахаръ 106; с-ныя яства 33, 169, 196, 263—4, 369, 373, 390, 395, 404, 427—8, 460, 462.

Сбруя богатырская 116, 384, 403; лошадиная 411; конская 326; серебряная 327.

Свадьба 372, 387, 398, 426—7, 556; слезливая 247.

Сватовство 64, 130, 175, 184, 244, 246, 338, 370, 395, 416, 423—6, 510, 544; сватья 126, 372.

Свиньи 110, 115, 564.

Свѣтлица свѣтлая 128, 344, 369, 371—2, 387, 397, 417, 424—5, 457, 460.

Свѣтъ бѣлый 84, 156, 229, 230, 254, 274, 279, 317.

Свѣчи 292, 562; воскояровыя 38, 167, 191; воска яраго 174, 182, 192, 300, 388, 456.

Священникъ духовный 302.

Селитра—см. казнь.

Село въ качествѣ собственности 558.

Серпъ стальной 281.

Скаканіе выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго 211, 353—4, 378, 503; бросаніе 188.

Скамейка бѣлодубова 265, 315, 390.

Скатерти шолковыя 78, 87, браныя 141, 263, 349, 460, 373; бѣлыя 264.

Скоморошина 66—7, 322—3.

Слава сего свѣта 45; поютъ славу: царищу Грубіянищу 156;

царю Индѣйскому 260; крестовому брату Василія Буслаева 269; Василію Буслаеву 272; Олешѣ Поповичу и Гаврилѣ Долгополому 486.

Слюда 406.

Смерть 198; скорая 230; напрасная 114, 192; матушка престрашная 194; страшная немилостивая 464; злая 490; голодная 252; не писана Ильѣ Муромцу 31, 51, 55, 209, 214, 231, 306, 311, 352, 367, 440, 475, 490, 504; Потанечкѣ Хром. 187; смерть= разлученіе со свѣтомъ 37.

Смотрѣнье (=смотрины) 125, 555.

Сновидѣнія у женщинъ 41, 119, 175, 291, у мужчинъ 174.

Снѣгъ бѣлый 69, 78, 254, 390—1, 393, 451, 465, 477, 520.

Соболь черный сибирскій 78, 120; черный 145, 258, 353, 505, 510—1; сибирскій 390—1; 393, 451, 541.

Соколъ ясный—часто; заморскій 78, 120, 145; перелетный 145, 390—1, 393, 451.

Солдаты 194—5, 198, 212, 292, 303; новобраные 183—4, 296, 303, 195; солдатъ государевъ бѣглый 97; полки солдатскіе 195.

Спальня 448, 525, 528; теплая 128; хорошая 142, спальня-горница 387, 447; княженецкая 495.

Спичка 73, 133, 168, 192, 300, 373, 381, 383, 392, 394, 403, 522.

Ссылка дальняя 183.

Станичники 352—3, 500—1.

Старина (=былина) 1—3, 13, 90, 117, 142, 156, 158, 164, 190, 194—5, 215, 228, 260, 269, 272, 294, 304—5, 307, 312, 342—4, 459—463, 465, 467—8.

Старицы 561; монашины, чернокнижницы, черныя кукольницы 167; старцы (монахи) 470—2.

Стихари получевные 40.

Столарники 542.

Столбы серебряные, позолоченые 516, 556, мѣдные, желѣзные 556; столбъ на перекресткѣ съ надписью 31—2, 500, 508; дубовый съ кольцомъ для привязыванія коня 97, 349, 369, 381—3, 394, 415; столбы точеные позолоченые 101, 105; печной 555; столбы отесаные (татары) 243; отъ земли до неба 345.

Столы дубовые, бѣлодубовы—часто; круглый 47; окольніе 349, 438, 390, 451.

Стольникъ 391—2.

Стремена 217, 234, 317; булатныя 346, 348, 351—2, 371, 531.

Струги легонькіе 199, 471.

Стрѣлы 64, 240; каленыя 34, 37, 51, 74, 85, 88, 238, 258—9, 313, 348, 354, 360, 378, 400—1, 421, 435; ихъ цѣна 554; свѣтятся 37.

Стрѣльцы 198, 471; стрѣлецъ (охотникъ) 500.

Стрѣляніе гусей, лебедей и утокъ, 74—5, 98, 366, 364, 375, 538, 547; въ перстень 85, 400, въ глазъ 34, 348, 534.

Стулъ рыта бархата—часто; золотой 202; ременчатъ 428, 434, 480.

Стыдъ за сестру и за жену 70—3, 477—8, стыдъ наготы 189, 530.

Стѣна 46; городовая 49, 95—6, 180, 259—260, 371, 375, 380, 385, 397, 415, 417—8, 431—3, 436—9, 479, 511, 537, 543, 557; бѣлокаменная 433.

Судъ царскій, княжескій 140, 445, 494, 496, 524.

Сукна одинцовыя 120, 146; заморскія 340; дорогія 243, разныя 335.

Сумки-котомки 435, 448—50, 494, рыта бархата 139, 142, 444, 524—5.

Сундукъ платной 148; высокій 454; кованый 454.

Сѣдло 254, 329, 433, 441; кипарисное 31, 35, 209, 211—2, черкальское 112, 116, 162, 180, 217, 231, 256—7, 345, 359, 365, 371, 375, 436, 531; сѣдланіе коня 31, 54, 55, 160. 162, 252—3, 345—6, 359, 365, 375, 380, 394, 406, 412, 418, 415, 431, 435, 448, 453, 531.

Сѣдокъ (посадникъ?) 532.

Сѣни 213; новыя 97, 132, 265, 344, 356, 369, 381—2, 397, 417, 462, 466, 521—2, 544; первыя и вторыя сѣни 176.

Талань (= участь) несчастная 332.

Таможня 429—30.

Темница 34, 288; темная 84, 89, 106, 108, 287, 293, 299, 300, 340—1, 391—2, 402, 464, 541.

Теремъ высокій 242, 245—6, 348—9, 378—9; новый 69, 70, 71, 75, 249.

Тетива шелковая 348, 354, 421.

Товары 253, 281, 283, 424, 452; дорогіе 138, 251; заморскіе 121, 136, 146, 177, 213, 276, 280, 335, 341; царскіе 452.

Торговища гостинныя 552.

Трауръ 47—8, 62, 192, 241, 377, 409; см. платье черное.

Труба золотая 187, 453; разрывчатая 431, 461.

Трубка поздорная 43, 53, 164, 325—7, 331, 359, 378, 438.

Туры 95—6, 409; туры-олени 151, 257, 468; носъ потуриному у корабля 335.

Туфли 466.

Тынъ 117; серебряный, позолоченый 106.

Тысяцкій (на свадьбѣ) 126, 372, 387.

Узда серебряная 31, 162; тесмяная 112, 359, 365, красна золота 180.

Улановья 459, 461, ср. 40.

Улица 179, 226, 261; свѣтлая 91, 113, 283; широкая 110, 123, 148, 154, 196, 218, 220, 285; прокладываніе улицы съ переулками среди враговъ 407, 413, 441.

Умыванье ключевой водой 53, 127, 235, 309, 324, 381, 418, 439, 442; молодитъ 60, 329—30, 372—4; ср. 553.

Уточки пернастыя 75, 98, 124—5, 148, 366, 375; утица сѣрая 159, 332.

Участь (счастье) 40, 123, 361, 419, 427, 441, 488, 490, 538.

Флаги шолковые 120, 122, 147.

Хвастанье на пиру 68, 77—8, 85, 86, 102, 105—6, 145, 190, 265, 278, 349—50, 389, 401—2, 451, 460—1, 476, 517, 535.

Хлѣбъ бѣлый 117, 292; крупчатый 333, 518; ржаной 333; гнилой 518; хлѣбопашество 205.

Царь бѣлый 52, 188, 191, 194, 284, 286, 293, 398—9, 301—3; православный 284—8; надежда 52, 188; государь 198, 200, 270; царь царица (=князь, княгиня) 52—3, 59—63; царица (=княгиня) 141—2; цари, короли 152; цари, царевичи 34, 39, 158, 179, 201, 243, 273—4, 429—30, 434, 478—9; царь невѣрный 45, 100, 122, 152, 154, 216, 242, 339, 341; царское житье 238; домъ 241; судъ 140, 445, 494, 496, 524; царь въ Чиженцѣ 532; царство 182, 192, 197, 199, 201, 300, 384—5, 470.

Церкви 63; Божьи, соборныя, богомольныя 39—42, 46—8, 52, 75, 93, 95—6, 103, 127, 139, 166, 171—2, 174—6, 185, 201, 203, 216, 225—6, 228, 241—4, 250, 199, 213, 250, 270, 272, 302, 314, 317—8, 342, 346, 400, 405, 409, 412, 440, 458, 465, 468, 471, 482, 517, 521.

Чара золотая 255, 278; золоченая 505, 507; винная 556; зелена вина—часто.

Чаша серебряная позолоченая 231; золотая 142, 448—50, 526—7; пивная 344, 424, 426, 484, 503, 544, 547; чаши съ драгоцѣнностями 479—80, 496—8, 527.

Чернила 40, 106, 108, 183, 244, 373, 430, 434, 481, 518, 558.

Чернокнижницы (монашенки) 167.

Чортъ 462—3.

Чудо страшное 544, 547.

Чулки 562.

Шапка-невидимка 279.

Шатры 120, 483; бѣлые 100, 214, 216, 224, 229, 260, 294, 307, 321, 325, 334, 359, 362, 381, 385, 398, 412, 419, 421, 432, 442, 483, 485, 490, 511; полотняные 53, 57, 65, 72, 160, 455, 548, 560, 235, 306, 327, 331, 418, 439, 453, 519, 162, 325, 380, 386, 432, 443; бѣлополотняные 160, 398, 482; новый 99; черный 505—7.

Шахматы 384, 513.

Шолкъ 168, 120; заморскій 147.

Ширинка красна золота, усаживается скатнымъ жемчугомъ 98; вышивается краснымъ золотомъ 397, 417.

Шлюпки 164, 429, 492; легкія 52; бѣлая модная 137.

Шляпа 268, 353, 467; черная 373; пуховая 129, 169, 319, 373, 394, 403, 524; сарачинская 211, 220; земли Греческой 236; каличья 357; богатырская въ сто пудовъ 256; въ двѣсти 257, въ сорокъ 355; въ тридцать 518, 530.

Шоломя окатистое 438, 502, 445.

Штыки вострые 34, 50; желѣзные 259.

Шуба черныхъ соболей 353, 410; соболиная 64, 129, 229, 319; черная 416; кунья 81, 121, 258; долгополая 221, 236; сорочинская 131; съ дорогими пуговицами 108, 167, 229, 501; невидимка 279; кошуля 37.

Яблоки младые 553.

Якоря 136, 251, 429, булатные 121, 243, 340.

Ярлыки 431, 479; скорописчатые 46, 201, 216, 224, 227, 262, 417—8, 430, 434, 478, 480; татарскіе 47.

II.

Указатель именъ.

Авдотья Васильевна, княгиня, мать Василія Богуславьевича 261—2, 264, 266—7, 270, 272.

Авдотья Королевична, жена Чурилы 127—9.

Авдотья, лебедь бѣлая, дочь Ляховинскаго короля, невѣста царя Вахрамѣища 415—23.

Авдотья Лиходѣевна (см. словарь), жена Потыка 74—7; лебедь бѣлая 385—9, 514—5; она рода змѣинаго 386—7.

А(в)стрійскій король (къ нему ѣдетъ за данью Добрыня Никитичъ) 380, 382.

Адамова святая глава, мощи, колѣна 274.

Адріанъ, царь, см. Ондреѐнишшо.

Аксёнко, Оксёнушко Переметьевичъ 463.

Александръ Храбрый 317.

Алексѣй Михайловичъ, царь 198, 200, 471;—и Никонъ 201.

Алексѣй человѣкъ Божій, стихъ о немъ 536.

Алена Петровна, сестра Збродовичей 477—8.

Алеша (Олеша) Поповичъ младъ, Поповскій сынъ 53, 372, 423, 446; Левонтьевичъ 234—6; Олексѣюшко 555; его смѣлость упоминается 317, 435, 502, 543; ярость 516;—роду нѣжнаго 325; неудавшаяся женитьба 7, 64, 304, 312, 318, 343, 540, 553; бой съ Тугариномъ 8, 237, 304; освобождаетъ изъ плѣна сестру 8, 329, 333; бой съ татариномъ 8, 324, 327;—и сестра Збродовичей 8, 68, 476; читаетъ татарскую грамоту 40, 47; вмѣстѣ съ Дунаемъ и Добрыней 244; ѣдетъ къ Бадану 49—50; поддерживаетъ кн. Владимира подъ лѣвую руку 141; за середочку 446; клевещетъ на каликъ 143; подъ начальствомъ Ильи Муромца съ другими богатырями 214; даетъ обѣтъ стоять за родину 234; умираетъ отъ руки Екима Ивановича и оживляется каликой 238; предлагаетъ кн. Владимиру послать Добрыню на помощь къ тестю 315; на Пучай-рѣку 373, 553; проситъ у князя позволенія жениться 330; ѣдетъ на Пучай-рѣку за водой для кн. Владимира 330; от-

правляется въ Саратовскія степи 331; А. и Подсокольникъ 360; съ Добрыней и Михаиломъ Игнатьевичемъ провожаетъ Марѳу Дмитріевну 426; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435, 439; самоубійство его 443, 483; догоняетъ каликъ и терпитъ наказаніе за невѣжливость 448, 496, 526; доноситъ мужу о невѣрности жены 466, 522; ѣдетъ къ Ильѣ М. передать упрекъ отъ кн. Владимира 482—3;—седьмой въ числѣ 7 богатырей на заставѣ 502; А. съ Потыкомъ 73; съ Добрыней 106, 127, 140, 147, 151, 228, 248—50, 535—6; Дунаемъ 80, 543; Гаврилой Долгополымъ 439, 485; Чурилой 465, 520.

Амельфа Тимоѳеевна, 1) мать Добрыни, честна вдова 68, 230, 232—3, 312, 316, 319—21, 364, 368, 374; Тимоѳеевична 537; называетъ отца Ильи М. своимъ двоюроднымъ братомъ 232; 2) мать Дюка 102—3, 105, 107, 109; 3) мать Михайлы Игнатьевича 435.

Андрей, князь 24, 561—3.

Аника-воинъ 7; и Смерть 157—8.

Антоній (Печерскій) 43, 91, 140, 143.

Апраксія (Опраксея) Королевична, княгиня 37—8, 40—8, 70, 84—5, 87, 91—2, 104, 109, 130, 132, 212—3, 218, 221—2, 224—7, 233, 243—4, 397, 400, 438, 514, 516, 534, Апраксеія 314; Апраксенія 334; Апраксейна 335; княгиня Королевична (безъ имени) 450; называется блядью 483; сваха 67, 334; пытается соблазнить калику 141—2, 447—8, 495—6, 525; ея болѣзнь, какъ наказаніе Божье 143, излѣченіе 144; не желаетъ отдаться Идолищу 216; дочь Ляховинскаго короля 391—4; просватана за Идолища 395—6, выходитъ за кн. Владимира 82, 398, 545.

Апраксія (Опраксея) Коромысловна 3.

Аравійская гора 43, 113.

Арапская земля татарская 251; три татарина-мурина 425.

Арапское море, Карское 423.

Арсёнко (Орсёнко) 463—4.

Баданъ Бадановичъ, невѣрный царь, приходитъ съ сыномъ и зятемъ 45; татаринъ 46, 49; собака поганый 51.

Блудъ, Блудище, отецъ Хотѣна 131.

Богородицы сонъ (дух. стих.) 3.

Богородица Матерь Божія, царица пречистая, пресвятая 93, 95—6, 100, 123, 142, 163, 211, 217, 246, 275—6, 345, 367, 405, 409, 442—3, 447, 471, 475, 495, 504; ея образъ 199.

Богусланушко, богатый князь въ Новгородѣ, отецъ Василія 261.

Божья воля 51; милость 51, 123, 361, 419, 427, 444, 488, 490; служба (=обѣдня) 104; Божьяго масла лампады 167, 174; законъ (=вѣнчаніе) 101, 185; см. церкви, книги.

Большая земля (Золотая орда, см.) 119—20, 124.
Борисовы, три брата 36—7.
Борисъ-королевичъ, сынъ Ильи Муромца 489—90.
Борисъ Романовичъ, князь: 8, 238, 304.
Бродовичи—см. Збродовичи.
Бурушко, конь Дюка 106.
Буянъ-островъ 239—240, 330, 409.
Бѣлёюшко, конь Ильи Мур. 217, 353—5.
Бѣлолюбиха, царица, жена царя Любова 356—7.
Бѣлорыбица, жена Морского царя 135—7.
Валыньскій монастырь—изъ него отправляются калики 444.
Ванька, генеральскій сынъ 53, 214, 234.
Ванюшка, боярскій сынъ 53, 234, по фамиліи Залѣшанинъ 214.
Варшава 30.
Василій Богуславьевичъ: его дѣтство 261, выборъ дружины 262—4, бьется объ закладъ 265—6; бой съ мужиками 268, встрѣча съ крестовымъ братомъ и крестнымъ батюшкой 268—270; отправляется въ Іерусалимъ 270—1, его смерть 272; былины о немъ 14, 343, 474, 499.
Василій Ивановичъ, сынъ Ивана Грознаго 529—30.
Василій (Игнатьевичъ) пьяница 409—14.
Василій Окульевичъ 8, Иванъ Окулиевичъ 450, Никульевичъ 144, прекрасный царь.
Василій Перементьевичъ, мужъ любовницы Чурилы 520—2, его отравляетъ жена 523.
Васька-королевичъ, зять Идолища, привозитъ его ярлыки въ Кіевъ 478—80, смерть его 485.
Васька Торокашка Замо́рянинъ похищаетъ жену кн. Романа 120—22, 124, жену Соломана 144, 146—7; его вѣшаютъ 151; убиваетъ князя Бориса 240; Васька Тороканов Пустоволодьевичъ 451, похищаетъ жену Соломана 452—6.
Вахрамѣище, царище сильное, соперникъ Ивана Годеновича 416.
Владимиръ Владимировичъ, премудрый царь 273—4.
Владимиръ, князь стольно-кіевскій, славный, ласковый, красное солнышко, свѣтъ—часто; воръ 483; при его появленіи разсвѣтаетъ 44, не потухаетъ 52, сватъ 64—7, 334; его отношеніе къ попамъ 76—7, мнѣніе о немъ ляховинскаго короля 81, сажаетъ въ темницу Илью М. 38, Сухматія 89, Дюка 106, служитъ въ поварахъ у Идолища 216, 218; женитьба его 77, 398, 540; проигрываетъ въ шахматы 12 богатырей 513.
Вологда, городъ 200, вторая Москва 463—4 (рѣка).

Волхъ Святославьевичъ (Всеславьевичъ) 255—261, былина немъ упоминается 305, 343, 474.

Вольга и Микула, былина о нихъ упом. 30, 343, 474, 499.

Воронеюшко, конь Ильи Муромца 32, 42—3, 52, Добрыни Никитича 60, 312, 321, 360, 378, 503, Ждана-царевича 180 Игнатія Даниловича 408.

Гаврила Долгополый участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435 439, 480, 523; съ Алешей Поповичемъ 439, 485; самоубійство его 443, 486; Гаврюша Долгополый, 4-й въ числѣ 7 богатырей на заставѣ 502.

Глѣбъ Володьевичъ, князь 8, 251—5, 429—33.

Голубанушко, конь Михаила Игнатьевича 435 (см. словарь).

Голубиная книга 12, 23, 273—4; ее написалъ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами 271, 275.

Господень гробъ 140, 158, 476, 494, 524, 528, крестъ 446.

Греческой земли шляпа 236, греческій свинецъ 236.

Грубіянище, царище 121—4, для него похищаютъ жену кн. Романа 144, 341; мучитель Егорія Хр. 152—5; идетъ войной на Владимира 340.

Давыдъ Евсеевичъ, православный премудрый царь 273—4, кроткій 317; его сыномъ называется Соломанъ 450.

Данило Бѣлый, князь девяноста лѣтъ, является соперникомъ Алеши Поповича въ сватовствѣ 465.

Данило Игнатьевичъ 90—91, 93—4; см. Игнатій Даниловичъ

Данило Ловчанинъ—см. Борисъ Романовичъ.

Данилушко, дружина Василія Буслаева 263, 268, Горбатенькій 264.

Дивянище, крестный батюшко Василья Богуслаевича 269.

Дмитрій Дмитріевичъ (Митрей Митреяновичъ, король проклятой земли) 97.

Дмитрій, князь 7, Васильевичъ, его сватовство и самоубійство 175—7.

Днѣпръ-рѣка 317, см. Нѣпра.

Добрыня Никитичъ, младъ, силой несиленъ, напускомъ смѣлъ 232, его вѣжество 317, 516; бой съ поленицей и женитьба на ней 8, 304, 312—4; бой съ Дунаемъ 8, 24, 30, 505, съ Ильей М 8, 230, 232, 364, 367, 499, съ татариномъ 8, 324—7, женитьба 8, 369, 312; бой съ Подсокольникомъ 53—5, 360; его дѣтство 59, 230, 364, 536; самоубійство 38, 444, 491, убійство 326; читаетъ татарскіе ярлыки 47, вмѣстѣ съ Дунаемъ и Алешей 244; ѣдетъ къ Бадану 49—50; бой со змѣей 59, 372, 509—10, 553, столкновеніе съ Алешей 63—68, 323—4, 500; его посылаетъ кн.

Владимиръ провѣрить слова Сухматія 89; поддерживаетъ кн. Вл. подъ правую руку 141, подъ лѣвую 446, подъ начальствомъ Ильи М. съ другими богатырями 214; его посылаетъ кн. Владимиръ вернуть разгнѣвавшагося Илью М. 223; даетъ обѣтъ стоять за родину 234; ѣдетъ на Пучай-рѣку 553, къ королю Астрійскому 380, 382; съ Алешей и Михайломъ Игнатьевичемъ провожаетъ Марѳу Дмитріевну 426—7, убиваетъ Идолище 428, пишетъ ярлыки, приглашающіе богатырей на Камское побоище 434, 480, 523; бьется съ бабой Латынгоркой 443, 489, догоняетъ по порученію кн. Владимира каликъ 448, 497, 527; считаетъ орду невѣрную 481; второй въ числѣ 7 богатырей на заставѣ 502, Д. съ Потыкомъ 73, Дунаемъ 80, 541—4; Алешей 106, 127, 140, 147, 151, 228, 248—50, 535; Ильей 486, 543, Потыкомъ 508, 515; былина о томъ, какъ Д. ѣздилъ на Пучай-рѣку упоминается 474, 499.

Домна Ѳалелеевна, невѣста князя Дмитрія 7, 175—6, ея самоубійство 177.

Дунай Ивановичъ 7, 389, 500, 553; бой съ Добрыней 8, 24, 30, 505; сватаетъ невѣсту кн. Владимиру 78, 541; бьется съ Настасьей Королевичной 82, 398, закалывается 86, 401, сватаетъ невѣсту Ивану Грозному 184; подъ начальствомъ Ильи съ другими богатырями 214, даетъ обѣщаніе служить кн. Владимиру 234, читаетъ съ Добрыней и Алешей татарскую грамоту 244; его умѣнье писать упоминается 317; Д. и Идолище 396; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 434, сватается за Настасью, дочь короля Задонскаго 465, его сажаютъ въ погребъ на 17 лѣтъ за хвастливую надпись на шатрѣ 507; сидитъ въ темницѣ 392, 541.

Дунай Переславьевъ 523; см. Святогоръ.

Дунай-рѣка 289, 294, 332, 557.

Дюкъ Степановичъ, молодой, богатый бояринъ, свѣтъ 24, 101, 517, съ Чурилой 108, въ Камскомъ побоищѣ 523, Дюкъ-Кострюкъ 460, Дюково царство 508, 517; былина о немъ упомин. 343, 465.

Евангелье 38, 96, 409.

Егорій Храбрый 3, 7, 151—156, 468—9.

Егоръ-Святогоръ—см. Святогоръ.

Екатерина, жена Петра I 60, вдова прекрасная 301; вѣнчаніе ея съ Петромъ 302—3.

Екатерина II Алексѣевна, царица 201—4.

Екимъ Ивановичъ, крестовый братъ Алеши 234—5, 237—8.

Елена Косьтентиновна—по ошибкѣ называется такъ мать Дюкова 102.

Елена Олександровна, мать Ильи Муромца 232; царица Индѣйская 258—260.

Елена, царица казанская 291—3.

Еленскій стихъ 446, 494—5, 524—5, славный 140—1; такъ называется старина „Сорокъ каликъ со каликою“ 444.

Епестемія Александровна, мать Ильи Муромца 31, 209, 212.

Ерданъ-рѣка 157, 271—2, 494, 524, 528; вытекаетъ изъ озера 270, 274—5.

Ермакъ 5.

Ерусалимъ-градъ 124, 140, 158, 270, 450—452, 524, 528, святой градъ 271, славный градъ 144, 151.

Еруславь Еруславьевичъ 128.

Жданъ царевичъ 177—181.

Забава Путятична, племянница князя 62—3, 336—42.

Задленьшина—изъ-за Двины (см. словарь) 351, 370.

Задонская земля 502, 508, 510, 542—5; Задонскій король—за его дочь сватается Дунай 465.

Задонскіе казаки 476.

Збродовичи, два брата, Петровичи 8, 476—9; участвуютъ въ Камскомъ побоищѣ 435, 523; упоминаются въ числѣ семи богатырей на заставѣ 502; Бродовичи 68—72.

Золотая земля, поганая орда 39; см. Большая.

Зрыданище—ошибкою вмѣсто Тугарина 236.

Иванище, калика-богатырь 225—6, 475; сильный, великій, жилъ въ дворникахъ у отца Ильи Муромца 354.

Иванъ Годеновичъ 24, 414—23, участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435; Иванушко Гордёновичъ, старина о немъ упоминается 500, 536.

Иванъ Гостиновичъ, богатый купецъ 177.

Иванъ Гостиновъ, сказка о немъ 29.

Иванъ Гостиный, сынъ, былина о немъ упомин. 7, 343, 474, 499.

Иванъ Грозный: 7; Грозенъ царь Иванъ Вас. 182—195, 292, 456—62, 528—30; свѣтъ государь 188; князь 292—3; становится царемъ со взятія Казани 293; задумалъ строить вторую Москву 463; былина о смерти его жены упоминается 474.

Иванъ Дородоровичъ—его убиваютъ мужики деревенскіе 173—4.

Иванъ Никульевичъ, Окульевичъ,—см. Василій Окульевичъ.

Иванъ-священникъ—съ его коровой сравниваетъ Илья Идолище 441.

Иванъ Тимоѳеевичъ, отецъ Ильи Муромца 31, 205, 209, 212, 232, 344—5, 382; крестьянинъ богатый 205.

Игнатій Даниловичъ 402, 408; см. Данило Игнатьевичъ.

Идóлище поганое проклятое, сватается за племянницу князя Владимира 242, 423; былина объ этомъ 8, 499, 144; приходитъ съ татарской силой 215, 224, 475, 484; у царя Любова 355; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 439, 478; женихъ Опраксеи 395, 544; Марѳы 510; невѣрный царь 216, 219, 243—4, 246—7, 249; татаринъ 216, 396; похищаетъ Романову жену 120; его описаніе 219, 357, 424, 475, 483, 544 (ср. 46, 547); идолище поганое стрѣляетъ въ Сухматія 88.

Илья Климантовъ, разбойникъ 277—9; былина о немъ упоминается 304.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ: Илеюшка 231, 344, 482, 486—9, 491, 537, 543, 555; Илейка 47, 205, 482; Мурамецъ 31, 82—3, 207—9, 211, 213—29, 243, 305, 309—11, 317, 359, 380—8, 400; старая старыньшина 36, 43, 48—9, 53, 55, 83, 228, 252, 344, 355, 385—6, 438—9, 446, стариньшина 42, 57, 70, 222, 227, 348, 438; старикъ 361, 439; старый сѣдатый 37, 51, 57—8, 229—30, старый 305—6, 346—7, 352—3, (въ цѣлой старинѣ нѣтъ собственнаго имени) 500—1; у него борода сѣда и голова бѣла 358, 362, 500; славный 355, 440; славный казакъ 42; казакъ 49, 70, 216, 232, 306, 365; старый казакъ 231, 324, 351, 355—6, 360—8, 372, 444; сильный казакъ 537—9; государь 44, 354, 380, 386—7, 437, 439, 440, 442—3, 479—87, 489—90, 502—4, 532—6, 553.

Его бой съ сыномъ 53, 358, 487 (былина 7); съ Соловьемъ-разбойникомъ 34, 348, 533 (былина 5); съ Добрыней 232, 364, 537 (былина 8); съ Идолищемъ 219, 226, 440, 475; съ молодцемъ изъ Задонской земли на заставѣ 502; съ бабой Латынгорской 443, 489; отношенія къ Маринкѣ Кайдаловкѣ 57—8, 252, къ царю Любову 354 (былина 8), къ женѣ Святогора 309, къ Святогору 310, 343 (былина 8, 304); къ разбойникамъ 228, 352, 500 (был. 8, 24); ссора съ кн. Владимиромъ 38 (ср. 47), 215, 221, 438, 482, съ его боярами 351; три поѣздки 31 (был. 7); первая поѣздка 34, 345, 531 (был. 7, 24, 499, 540); исцѣленіе 205, 210, 344, 474 (был. 304); его надѣляютъ силой юноши 231; былина о боѣ съ Мамаемъ 8; Илья въ роли Владимира 437, 479, 517, 553—5; получаетъ отъ князя шубу 37, 353; перчатки 229; кричитъ на князя Владимира 438; поддерживаетъ князя подъ правую руку 446; разнимаетъ Добрыню съ Дунаемъ 506; отказывается помогать Дунаю противъ одной поленицы 83; помогаетъ Добрынѣ въ такомъ же случаѣ 444, 489; ѣдетъ къ Прусскому королю 380—2; мечетъ по поднебесью камешекъ, который оказывается По-

тыкомъ 512; вмѣстѣ съ Дунаемъ 543, съ Добрыней и Потыкомъ 508, 515; въ роли свата Алеши 555; его счастье упоминается 317, 516; его мощи въ Кіевѣ 475; статуя 534, прим. 2; ему смерть не писана (см. смерть); его популярность 15.

Индѣя богатая, городъ Индѣйскій 258, 260—1.

Индѣйскій царь 258—260; князь 258; Индѣйская сила 260.

Казань городъ 291—2.

Каинъ Калиновичъ царь, собака 39—44, поганый татаринъ 44; его сынъ и зять 44; былина о немъ 5, 7.

Камское побоище 8, 30, 434, 436—7, 478, 481, 487, 523, 553.

Камышники (жители города Камышина?) 229.

Карамышевъ (?), см. Петръ Коромысловъ.

Карачарово село 5; Качарово 31, 205, 213, 215, 230—1, Карачеево 344, 350, 364, 382, Карачаево 346.

Карское море, Арапское 423.

Касьянъ Немилостивый, атаманъ каликъ 139, 142, 445, 449—50; Ивановичъ 524.

Катерина преспѣсивая, жена князя Михайлы 549; прегордая 551.

Кіевъ-градъ, красенъ, славный—часто; Кіевъ-Москва 55, 57—8, 99, 101, 141, 143, 184; Кіевъ-монастырь 140; кіевская дорожка 295; гавань 59, 243; богатыри 313.

Клядовитовъ крестъ, отъ него идутъ калики 494; см. Левонидовъ.

Козаринъ 110, Казар(ушк)а Петровичъ, младъ королевичъ 111; въ деревнѣ 519; у бѣлокаменныхъ палатъ 549, былина о немъ 7, 8, 343, 553; см. Михайло Петровичъ.

Корела 2; славная богатая, изъ нея родомъ Дюкъ 103, 106.

Корсунское море, гавань 429; Корсунь (-сынь), городъ, въ немъ живетъ Маринка Кайдаловна 429—432.

Кострюкъ Небрюковичъ 184—9, Небрюкъ 458—60, 462—3, Дюкъ-Кострюкъ 460; Кострюкъ Мастрюкъ сынъ Ивановъ 529—30.

Костя новоторжанинъ, дружина Василія Буслаева 263—5, 268.

Красное крыльцо 462, ср. 284.

Кудреванко—царь, нападаетъ на Кіевъ 409, называется княземъ 413, Кудріянище 144.

Кутузовъ 202.

Кыршикъ, зять царя Кудревáнка 409, 413.

Куликово поле, мѣсто казни 51, 192, 280, 477.

Лазорь Лазоревичъ 30.

Латынгорка баба 358, 362, 443, 487; Латынскія горы 358.

Латырь, камень 63, 270, 272; Латынь 272.

Леванидовъ крестъ, къ нему прикладываются калики 445, см. Клядовитовъ.

Литва поганая 82, 403, 434; проклятая 117, 184, 380, 393, 405, 415, 458, 460, 520; орда поганая 403, 405, 415, 458—9; литовскій король 405, 407.

Лука Толстороменникъ съ племянникомъ 523; см. Ремянникъ.

Львино (или Льбино) святое озеро 271, 275; Лебедино озеро 275.

Любовъ, царь и городъ 354—8.

Ляхово вм. Ляхова (земля) 79; Лёховинская земля 415; Ляхивонскій городъ 542; Ля(и)ховинскій, Шведскій король 380—3, 415; Лёховинскій 391, 393, 395, Ляхоминскій 79—81, 82—4.

Магуй-птица 275—6.

Малюта Скурлатовъ сынъ 191; его дочь—кума М. Скопина, котораго отравляетъ 196—7.

Мамай 8.

Маринка Кайдаловна 430—3; Колдаевна 429; Кайдаловка 57—8, 251, 253.

Марфида (=Мальфрида), жена кн. Михайлы 169—72; см. Катерина.

Марьюшка-лебедь бѣлая—ошибкою вм. Марѳушка (см.).

Марья Андреевна княгиня, жена князя Романа—убіеніе ея 165—6.

Марья В(Б)ерблюковна, жена Ивана Грознаго, сестра Кострюка 528—9, ея самоубійство 530.

Марья Небрюковна, жена Ивана Грознаго, сестра Кострюка 184—5, 187, 189, 458—9, 461, 463.

Марья Юрьевна, княгиня: 2, 7, 119—126.

Марѳа Васильевна, сестра кн. Дмитрія 175—6.

Марѳа Дмитріевна, племянница кн. Владимира 242, 244—50, 377—9, 423, 425—8.

Марѳушка лебедь бѣлая, дочь короля Задонской земли, просватана за Идолища 510; жена Порыка 511—5; змѣя лютая 508, 512, 515; ея смерть 515.

Марѳа Петровна, сестра Козарушки 520.

Матвѣюшко Петровичъ, его посылаетъ Илья М. созывать богатырей на Камское побоище 523.

Мещериновъ—см. Пешерскій.

Микулинъ король 369; сынъ Никулининъ 370.

Михайло Васильевичъ Скопинъ, князь—смерть его 196—7.

Михайло Даниловичъ 7, 90—5; сзываетъ богатырей на Камское побоище 480—1; Михайло Игнатьевичъ 401, 403—8, сзываетъ богатырей 435; съ Добрыней и Алешей провожаетъ Марѳу Дмитріевну 426.

Михайло, князь 169, 171—3, 549; былины о немъ 7, 465, 553.

Михайло Михайловичъ, податаманье каликъ 445, 494, 524; Касьяновичъ 139.

Михайло Петровичъ, королевичъ младъ 114—9; см. Козаринъ.

Морской царь 136—8, 493; въ сказкѣ 29—30.

Моряninъ, купецъ богатый; Моряночка, его жена 160, 559; его теща, пожилая вдова 159.

Москва, матушка, каменная, славная—часто, см. Кіевъ; вторую Москву строитъ Иванъ Грозный 463; Москва-рѣка 196; московская дорога 295; бурлаки 476.

Муравенка,—рѣка 208.

Муромъ 31, 205, 208, 213, 215, 230—1, 235, 344—6, 364, 382, 531, 535, 537, 560; Муровъ 557.

Надежда, одна изъ сестеръ Егорія Храбраго(?) 157.

Настасья, дочь Морского царя 138.

Настасья Ивановна, мать Ждана-царевича 177—8; царевна, дочь Ивана Грознаго 182, 184, 194.

Настасья Каролевична: 1) жена Добрыни 64—8; см. П. Никулична; 2) жена Дуная 79, 84, 391, 393, 542; 3) жена Петра Перваго 297—8; царица-Королевична 300; 4) сестра Козарина 110—9.

Настасья Леонтьевна дочь попа соборнаго Ростовскаго, сестра Алеши Поповича 334.

Настасья Митреяновна, дочь короля проклятой земли 91—101.

Настасья Никулична, поленица преудалая, жена Добрыни Никитича 314—5, 317—320, 322—3, 373—4; дочь короля Микулина 369—371; выходитъ за Добрыню Никитича 372; называется бѣлой лебедью 370.

Настасья Петровна, сестра Бродовичей 69.

Настасья Романовна, 1) царица 7, 182, 456; 2) дочь князя Романа 165—6.

Небрюкъ Небрюковичъ, въ Литвѣ король, отецъ Кострюка 184—5, 189.

Никита-Залѣшанинъ—такъ называетъ себя Илья М., являясь незваным на пиръ 221—2.

Никита, отецъ Добрыни 59; Романовичъ 536; князь 364, 368; пребогатый, Ивановичъ 230.

Никита Романовичъ князь 192—3.

Никола угодникъ 51; Можайскій 137, 139; Миколина церковь въ Вологдѣ 463.

Никонъ, его отношеніе къ царю Алексѣю 201, исправленіе книгъ 463.

Новгородъ 191, 251, 255, 261, 270; новгородскіе мужики 261—2, 264—7, 269; женщины 270; сила 268; князь 264—5, 267.

Нѣмцы некрещеные, поганый народъ 2; нѣмецкая грамота 40.

Нѣпра-рѣка 87, 89; въ Новгородѣ 265—6, 268; см. Нѣпъ, Днѣпъ.

Нѣпъ-рѣка 340.

Окіянъ-море 230, 274—6.

Ондреенишшо (Адріанъ), царь, мучитель Егорія Храбраго 468—9.

Осинъ Прекрасный 317.

Островъ, прекрасный городъ, изъ него выѣзжаютъ Олеша и Екимъ 234.

Офракъ-рѣка 235; гора 274.

Перемѣта 24, 466—7; Степановичъ съ племянникомъ 434, 438—9; Васильевичъ живетъ съ женою меньшого Збродовича 477; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 480.

Пересмяка 24; съ племянникомъ 38, 214; обѣщаются служить кн. Владимиру 234; Пересмяга 50; Перемяка 434; его племянникъ 71—3.

Петербургъ 297, 303; Питерская дорога 295.

Петръ Коромысловъ король, отецъ Козарина 109, 111, 115, 118, 560; Коромысловичъ 519—20, 547; его жена Петриха Коромыслиха 547, 560.

Петръ Первый 30, 59—63, императоръ 60; былина о немъ 304.

Пещерскій (Мещериновъ) князь-бояринъ осаждаетъ Солов. мон. 198.

Пещеръ-гора, въ ней спасается мать Егорія Хр. 152—3, 468; Пешшорскія горы 548; Пешшеръ-монастырь 403—4, 408.

Подсокольникъ, сынъ Ильи Муромца 57—9, 358, 360—3; собака 58; см. Борисъ.

Поповичи, два брата, въ Камскомъ побоищѣ 523.

Потанюшка Хромый участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 480, 523; Хроменькій, въ дружинѣ Василія Богуславьевича 262—8; пятый въ числѣ семи богатырей на заставѣ 502; бьется съ Кострюкомъ 187, 462, 529.

Потыкъ Ивановичъ 435; государь 514; Михайло 73; Игнатьевичъ 379, 383; былина о немъ 474.

Почай-рѣка 49, 60—2, 74, 87, 109, 123—4; см. Пучай.

Прекрасна, царица, мать Егорія 152, 468.
Преображенская церковь 270, 272.
Прусскій король 380—2.
Пучай-рѣка 312, 316, 329—30, 372—6, 553; см. Почай.
Ремянникъ съ племянникомъ 434; см. Лука.
Романъ, князь, Дмитріевичъ 2; Ивановичъ 119—26; былина о немъ 7.
Романъ Ивановичъ, князь, убиваетъ жену 165.
Ростовъ 330, 334; см. Островъ; дорожечка Ростовская 334.
Рошша-Росшиби колпакъ съ племянникомъ участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435, 480, 523.
Русь святая—часто, Россія матушка 317, православная 234; русаночекъ 290; русскій языкъ 40, 46; земля 427; грамота 39, 203; см. богатыри, Святорусская земля.
Рязань, родина Добрыни 230, 233, 364—5, 368, 536.
Садко 135; Сотко 491; его богатство упоминается 317, 516; былина о немъ 7, 499.
Салтыковъ, Петръ Алексѣевичъ, князь 198, 470.
Самсонъ Колыбаевъ 434, 440, Колыбановъ 480, 523, его сила 515, Колывановичъ 502; С. Сильный 38, 50, 214, 234.
Саратовскія степи 43, 159, 331, дикія 332.
Святогоръ 305, 317, 343, Егоръ-С. 307; былина о немъ 8, 304, 474; Гурьевъ съ племянникомъ 434; Первославьевъ 480.
Святополкъ Святополковичъ 128; стихъ о С., Борисѣ и Глѣбѣ 305.
Святорусская земля 39, 152, 183, 231, 475, 481.
Святославъ, боярскаго рода, отецъ Волха 255.
Святыя горы 309—10.
Семенъ Михайловичъ, князь Черниговскій 277—9, Семіонъ, царь казанскій 291—3.
Сенька Разинъ 293—5; старина о немъ упоминается 304, 343.
Сибирскій соболь—см. соболь.
Сіонская гора 509—10.
Смерть-матушка престрашная 158.
Смородин(к)а—рѣчка 347, 350, 422—3, 532—3.
Соловей-разбойникъ 532, Рахманьевичъ 347, Рахматьевичъ 34, глотаетъ по богатырю съ конемъ 532; Илья предлагаетъ ему ѣздить вмѣстѣ въ поле 36; былина о немъ 304.
Соловей Соловьевичъ русскій богатырь 339; былина о немъ 343, 474, 499.
Соловецкій монастырь 12, 157, 197, 470; чудотворцы 198—199, 470—1.

Соломанъ Премудрый 317, царь 144, Давыдовичъ 450; его жена Соломаниха 144, 351—6, царица Соломина 452.

Сорочинская змѣя лютая 375—7; Сорочинскія горы 376—8; см. шляпа, шуба.

Софья Микулична, мать Домны Ѳалелеевны—176.

Софья-царевна, племянница кн. Владимира, ее убиваютъ мужики деревенскіе 173—4.

Спасъ 475, пречистый 93, 141, 163, 213, 220, 243, 246, 336, 367, 380—1, 405, 410, 419, 435, 439, 442—3, 447, 504.

Ставеръ, былина о немъ упомин. 30, 343, 474, 499.

Судьба-Богъ,—274, 310.

Сухманъ-рѣка—90.

Сухматій Сухматьевичъ (Суханъ), богатырь 86—90; былина о немъ 343, 474, 499.

Татары поганые—часто, татаровя 416, тотарява 98, 226, злые 325, 332, 288, немилостивые 46, 224, хитрые, мудрые 93, т. поединщики 228, татарички-камышнички 299; три татарина-мурина 425.

Татарская сила 39, 50, 52, 88, 89, 92, 94, 215, 220, 226—7, бусурманская 215, невѣрная 224; поганые трупы 408, поганый духъ 39, грамота 40, 224, 244, земля 251, проклятая 101, поганая 247, сторона 329; кровь 154, голова 155, 220, шея 51, кудри черные 156, 250, рука 250, сердце 328, 418, лицо 340.

Торокашка, сынъ Бадана 45, 51—2; см. Васька.

Троица, вешній праздникъ 465, 520, ср. 20.

Тугаринъ, его наружность 236, бой съ Алешей и смерть его 237, называется змѣемъ 236—8; былина о немъ 8.

Тульской земли (т.-е. турской, турецкой) король 513, 515.

Фарафонъ, святая гора 274.

Французскій король 92, сила 94.

Хвалынское море 139, Халынское 305, 335.

Херувимская пѣснь 155, х-ія обѣдни 185.

Хотѣнъ Блудовичъ 130—132, 134—5, Хотѣюшко, Хотѣнюшка; былина о немъ 7.

Христосъ 61, 199, царь небесный 154—5, 217—8, 277, 357, 495, небесный 447, Исусъ Христосъ, царь небесный 270, 272, 275—6, написалъ Голубинную книгу 271, 275; Христово Воскресенье 550.

Царь-градъ 119, 125, 145, 148, 450—1, 453, 455—6, Царьгородъ 144, Добрыня выигрываетъ изъ Царьграда 323.

Часова жена, сестра князя Владимира 130—134; ея дочь Чавична Часовична 131, 133, 135.

Чáхово, вм. Чахова (земля) 79.

Чернавушка дѣвушка, Шолудьявушка, невѣста Садко 493.

Черниговъ 82, 108, 177, 190, 235, 255, 257, 277, 414, 518, Черниловъ 73; въ Черни-горѣ разрѣшаетъ торговать Соловью кн. Владимиръ 336; Черни-городъ 346—7, 350, 415; мужики черниторцы 346.

Черное море 45; 274 (Чермное).

Чернышовъ, Захаръ Григорьевичъ 30, 202.

Чиженецъ—городъ 346, 531, Малый 532, Чижемъ 535.

Чудо-озеро (Чудское) 136.

Чурило Пленковичъ 38, 72, 108, Опленковичъ 465, Перемет-ковичъ 8, 24, Чюрилюшка 24; бабій угодникъ 109; его походка 317; въ роли Пермяты 126—9, его похожденіе съ чужой женой 465, 520; богатырь 214, 234; былина о немъ 8, 24, 305, 474, 553.

Шведскій король 92, 202—4, 297, невѣрный 201, онъ же ляховинскій 380—3; сила 94, 204—5.

Ѳедоръ Ивановичъ, царевичъ,—сынъ Ив. Грознаго 191—4.

Ѳедоръ Петровичъ, царевичъ,—сынъ Петра I 298—301.

Ѳедоръ Смоленскій, царь, отецъ Егорія храбраго 152—4, дядя 468.

Ѳеодосій (Печерскій), его монастырь 43, 403—4, мощи 91, 140, 143.

СПИСОКЪ

былинъ по содержанію, съ указаніемъ параллелей въ другихъ изданіяхъ [1]).

Аксенко (Орсенко)—стр. 463. Прозаическій пересказъ—Пермскій Сборникъ, т. II, отд. II, 166, № 6.

Алеша Поповичъ, 1) переодѣвшись каликою, убиваетъ Тугарина—234. Кир. II, 70—4; 2) освобождаетъ изъ плѣна сестру—329. Кир. II, 80; 3) его неудавшаяся женитьба—63, 315—24, 553. Гильф. № 5, ст. 734; 23, 26, 33, 38, 43, 49, 65, 100, 107, 118, 145, 157, ст. 246; 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 228, 290, 292, 306, 315; Кир. II, 2, 4, 11, 14, 17, 18, 30 (=Рыбн. I, 129=Гильф. № 149), 97 (=Гильф. 118), 119; Рыбн. I, 139, 150—71 (=Гильф. 80, ст. 152—1023); II, 14; III, 69 (=Гильф. 222), 76, 84; Соколовъ, Былины и пр. 2—6; Тих. и Милл. II, 77, 86—93, 279, 281—2 (=Гильф. 319); 4) и сестра Збродовичей—68, 476. Кир. II, 64, 66, 67; Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни, № 453; Матеріалы для изученія быта и языка сѣверозападнаго края I, ч. I, № 526.

Борисъ Романовичъ, князь—см. Данило Ловчанинъ.

Братья-разбойники и ихъ сестра—159, 559. Васнецовъ, Пѣсни сѣверо-восточной Россіи, 128; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 68; Нижегородскій Сборникъ III, 117; Сочиненія Пушкина, изд. Суворина, III, 192; Собол. №№ 178—194; Соколовъ, Былины и пр. 16.

Василій Б(ог)уславьевичъ—261, Гильф. № 2, ст. 194—256; 30, 44, 54, ст. 230; 141, 259, 284, 286, 321 (=Тих. и Милл. II, 289); Кир. V, 1, 8, 14, 23; прил., стр. I, III; Рыбн. I, 335, 344, 352 (=Гильф. 54), 358, 360, 361; II, 197 (=Гильф. 103), 201; III, 233, 239; Тих. и Милл. II, 221, 231, 234, 236.

---

[1]) Объясненіе сокращеній: Гильф.—Гильфердингъ, Онежскія былины; Кир.—Кирѣевскій, Пѣсни; Рыбн.—Рыбниковъ, Пѣсни; Собол.—Соболевскій, Великорусскія народныя пѣсни, т. I; Тих. и Милл.—Тихоправовъ и Миллеръ, Русскія былины старой и новой записи.

Василій (Игнатьевичъ), пьяница—409. См. Туры и турица. Гильф. 18, 41, 116 (=Тих. и Милл. II, 148), 181, 231, 258; Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и слов. И. Академіи Наукъ, т. V, кн. 1, стр. 69; Кир. II, 93; Рыбн. I, 174; II, 37 (=Гильф. 60), 39, 352; III, 37 (=Гильф. 66); Собол. 570; Тих. и Милл. II, 146.

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики—163. Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ, 62, 169 (указаны бѣлорусскіе и малор. варіанты); Кулишъ, Записки о южной Руси, II, 150; Пивоваровъ, Донскія пѣсни I, 1, 2; Терещенко, Бытъ русскаго народа II, 436; Шейнъ, Великоруссъ, I, 213, № 811.

Волхъ (Вольга) Святославьевичъ (Всеславьевичъ)—255. Гильф. 15; Рыбн. I, 1 (=Гильф. 91), 7, 11, 12.

Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ—280.

Гибель оклеветанной жены—167, 561. Собол. №№ 70—5, 77—8; Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Люб. Естествозн., кн. IX, 111 (№ 158; 112—указано еще 4 бѣлор. варіанта); Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ ю.-з. край V, 734; Шейнъ, Великоруссъ I, 243, № 896. Князь, княгиня и старицы—Гильф. 253; Живая Старина 1890 г., вып. II, отд. I, 23; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа 63; Истоминъ и Ляпуновъ, П. р. н. 237; Шейнъ, Великоруссъ I, 243, № 895.

Глѣбъ Володьевичъ, князь—251, 429.

Голубиная книга—273. Безсоновъ, Калѣки перехожіе II, 269—341; Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ 11, 16, 17, 19, 23, 30, 229; Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Академіи Наукъ, II, 1897, кн. 1; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 19; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, V, 287, 291, 295, 298, 301; Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1849 г., № IX, 187.

Горе—158. Варенцовъ, Сборникъ русск. дух. стиховъ, 127, 130; Собол. №№ 440—5, 447—8; Шейнъ, Великоруссъ I, 209—10 (№№ 797—800; № 797=Собол. № 445); Бережковъ, Еще нѣсколько образцовъ нар. историческихъ пѣсенъ, № 8.

Данило Ловчанинъ (князь Борисъ Романовичъ)—238 (ср. 554). Кир. III, 28, 32.

Дмитрій, князь и его невѣста Домна—175. Собол. №№ 172—5.

Добрыня Никитичъ, 1) и змѣя—59, 372 (ср. 509—10, 513, 553—4). Кир. II, 23 (=Рыбн. I, 122=III, 60=Гильф. 148), 40, 49; VII, прил., 10; Гильф. № 5, ст. 238; 59, 64, 79, 123, 148, 157, ст. 1—194; 241, 289; Миллеръ, Очерки русской нар. сло-

весности, 426; Рыбн. I, 120 (=Гильф. 93); II, 14—7; Тих. и Милл. II, 68, 279. Ср. Гильф. 191 (Дунай); 2) его бой съ Ильей Муромцемъ—230, 364, 536. Тих. и Милл. II, 60; Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Росс., кн. III, 1877 г., отд. II, 17; 3) его бой съ Дунаемъ—505. Гильф. 49, ст. 51—161; 4) бой его и Алеши съ татариномъ—324. Ср. подобный эпизодъ у Кир. IV, 109—12; 5) его женитьба на полеиицѣ—312. Гильф. 5, ст. 581—733; 157, ст. 195—245; Кир. II, 29—30 (=Рыб. I, 127=III, 67=Гильф. 148, ст. 254); 6) его женитьба на королевиѣ—369.

Дунай Ивановичъ—389, 540. Гильф. 34, 102, 125 (=Тих. и Милл. II, 151), 139; Кир. III, 52, 58, 70; Рыбн. I, 178 (=Гильф. 94), 186 (=Гильф. 81); II, 44; III, 96 (=Гильф. 108): IV, 28; Тих. и Милл. II, 115, 121, 126, 127; 1) сватаетъ невѣсту князю Владимиру—77. Ср. Гильф. 214, 272; Рыбн. III, 9; 2) его женитьба—82. Ср. Гильф. 50 (=Рыбн. I, 194); Кир. III, 56.

Дюкъ Степановичъ—101, 515, 556. Гильф. 9, 20, 115, 128, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279; Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. V, кн. I, 37; Кир. III, 100, 101; Панкратовъ, Гребенцы въ пѣсняхъ. Владикавказъ. 1895; Рыбн. I, 271 (=II, 158=Гильф. послѣ № 72,—3), 283 (=Гильф. 85), 295 (=Гильф. 152), 308; II, 135, 137, 152; III, 147 (=Гильф. 225), 164, 178, 186; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. XXII, отд. III, 37; Тих. и Милл. II, 172, 176, 179, 183, 188; Этнографическое Обозрѣніе, кн. XLIII, 93—4; кн. XLVI, 130.

Егорій Храбрый и его мучитель—151, 468. Безсоновъ, Калѣки перехожіе II, 393—502 (21 варіантъ); Варенцовъ, сборникъ русск. дух. стиховъ, 95, 100; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 9; Истоминъ и Ляпуновъ, П. р. н. 11; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, V, 302, 308.

Ждань-царевичъ—177.

Иванъ Годи(е)новичъ (Настасья Митреяновна)—96, 414. Гильф. 179, 188, 194, 256, 275, 293; Извѣстія отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, V, кн. I, 52—4; Кир. III, 9, 20; Рыбн. I, 197 (=Гильф. 51), 202 (=Гильф. 83); II, 52, 57; III, 113; Тих. и Милл. II, 153, 159, 283.

Иванъ Грозный—528. См. Настасьи Романовны, царицы, смерть; Иванъ Г. и его сынъ; Кострюкъ; 1) и его сынъ—190, 529. Гильф. 13, 25, конецъ 129, 142, 165, 175 кон., 183, 201, 209, 244; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 47, 51; Кир. VI, 55—113 (12 варіантовъ); Рыбн. I, 383 (=Гильф. 153), 389, 396;

II, 211; III, 327—8; IV, 81; Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1877, III, 53, 55 (сомнительной подлинности), 56; 2) его смерть—194. Кир. VI, 206, 210, 212.

Иванъ Дородоровичъ и Софья-царевна—173. Ср. подобный мотивъ у Собол., №№ 82—8.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира—242, 423.

Илья Муромецъ, 1) и Святогоръ—305, 343. Гильф. 1, 265, ст. 83; 270, 273; Кир. I, стр. XXXIV, прим.; IV, 184 (=204= Гильф. 119); Рыбн. I, 36; III, 5; IV, 3.

2) его исцѣленіе—205, 344, 474 (ср. 231, 306, 366). Гильф. 120, ст. 1—135 (=Тих. и Милл. II, 17); Кир. I, 1, I—II, XXIX, XXXII; IV, 1—2; Миллеръ, Очерки русск. нар. слов., 362 и слѣд.; Рыбн. I, 33; II, 2; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ IV, 17.

3) его первая поѣздка—34, 345, 531. Гильф. 3, 56, 112, 120 (=Тих. и Милл. II, 20), 210, 212, 274; Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ I, 419; Живая старина, г. VII, вып. I, 101; Кир. I, 25, 30, 31, 34, 40, 41, 77; стр. I, XVII, XXXIII; IV, 2; Рыбн. I, 45, 54 (=Гильф. 74); II, 5, 323; III, 13 (=Гильф. 104), 16, 24; IV, 7, 17 (=Гильф. 171), 27; Тих. и Милл. I, 1= 4=7=10, 11; II, 1, 7, 9; Миллеръ, Очерки русск. нар. слов. 375 и слѣд.

4) и Идолище—217, 224, 354, 475. Гильф. 4, 22, 63, ст. 114—51; 106, 120 (=Тих. и Милл. II, 18), 178, 186, 196, 218, ст. 214—75; 232, 245; Живая старина, г. VII, вып. I, 101—2; Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 45; Кир. I, стр. XXI, XXXIV; IV, 18, 22; Тих. и Милл. I, 22, 49; II, 52.

5) его ссора съ княземъ Владимиромъ—220—223. Гильф. 76, 210, ст. 320—430; Кир. I, 84; IV, 46, 49; Рыбн. I, 95 (=Гильф. 47); II, 333—40 (=Гильф. послѣ № 72); III, 33—5; Саратовскій сборникъ I, отд. II, 14; Этнографическое Обозрѣніе, кн. XLIII, 90.

6) въ изгнаніи—215—216.

7) его бой съ сыномъ—53, 358, 487—90 (ср. 443—4). Гильф. 114, 226, 233, 246, 265; Кир. I, 2, 3, 5, 7, 11, 52; IV, 12; VII, прил., 1; Рыбн. I, 65, 66 (=Гильф. 77), 75, 81 (=Гильф. 46); II, 345; III, 54 (=Гильф. 219); Тих. и Милл. II, 56, 108; Труды этнографическаго отдѣла И. О. Л. Естествознанія, т. XI, вып. I, 170, № 3.

8) на заставѣ—502. Кир. I, 46 = IV, 4.

9) и Калинъ—36. Гильф. 57, 69, 105, 121 (=Рыбн. I, 118), 138, 170, 257, 296, 304; Кир. I, 66, 70; Рыбн. I, 97, 106

(=Гильф. 75), 114 (=Гильф. 92); III, 205, 214; Тих. и Милл. II, 30, 34, 38, 48.

10) и Баданъ (Батый)—45. Кир. IV, 38.

11) и разбойники—228, 352, 500 (ср. 36—7). Гильф. 197, 216, 274, ст. 1—27; Кир. I, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 27, 40; VII, прил., 7; Пермскій сборникъ II, отд. II, 166; Рыбн. IV, 26; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, XXII, отд. III, 35; Тих. и Милл. II, 8, 9, 271, 272, 273.

12) его три поѣздки—31—34. Гильф. 58, 190, 221, 240, 266, 271, 287, 291, 305; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 27; Кир. I, 86; Рыбн. I, 62; II, 318; III, 40, 45, 49 (=Гильф. 221); IV, 16 (=Г. 171); Тих. и Милл. II, 14.

Илья-разбойникъ, кумъ темный—277. Гильф. 10.

Казани взятіе, и казнь царя Симеона—291. Кир. VI, 8.

Камское побоище—434, 478, 523. Параллели указаны въ юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера, 158—162.

Князь, княгиня и старицы, см. Гибель оклеветанной жены.

Козаринъ (Козарушко)—109, 114, 518, 547. Кир. IV, 91; Тих. и Милл. II, 149; ср. Пивоваровъ, Донскія пѣсни, I, 5.

Кострюкъ—184, 459, 530. Гильф. 24, 166, 193, 261, 310, 317; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 42; Кир. VI, 106, 109—11, 116—85 (22 варіанта); VII, прил., 51; Рыбн. I, 403; II, 221, 224, 227; III, 257; IV, 85; Шейнъ, Великоруссъ I, 298, 299; Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка с.-з. края, II, 178; Бережковъ, Еще нѣсколько образцовъ нар. историческихъ пѣсенъ, № 2.

Купеческая дочь и царь—281.

Мать и дочь въ татарскомъ плѣну—289, Желѣзновъ, Уральцы, второе изд., II, 265; Живая Старина, г. VII, вып. I, 104; Кир. VII, 56, 61; доп., 190—213 (12 варіантовъ); Соколовъ Былины, и пр. 8; Сочиненія Лермонтова, изд. Глазунова, 43; Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, 385; Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, 10—2; 70—4.

Михайло (Иванъ) Даниловичъ—90, *Игнатьевичъ* 401. Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1860 г. № 30; Гильф. 192; Кир. III, 39, 41; Миллеръ, Очерки русской нар. слов., 417; Рыбн. III, 103; Тих. и Милл. I, 61.

Михайлы-князя мать губитъ его жену—169, 549. Собол. №№ 60—9.

Настасьи Романовны царицы смертъ—182, 456, 528. Кир. VI, 114—6, 119; Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости 1896 г., № 34.

Небылица—467, 563. Гильф. 238, 295; Живая Старина, г. VII, вып. I, 243; Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни № 125; Рыбн. III, 338, Шейнъ, Великоруссъ I, 271 (№ 958), 272, 273 (№ 962); Шейнъ, Русскія нар. пѣсни, 31.

Оника-воинъ—157. Кир. IV, 115—44 (8 варіантовъ); Рыбн. I, 465 (=Кир. IV, 139); II, 36, 255 (=Кир. IV, 141).

Орсенко, см. Аксенко.

Петра I, семейная жизнь—296. Начало ср. Кир. VIII, 1, 3, 5.

Потыкъ Михайло—73, 379, 508. Гильф. 39, 40, 52, 158; Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 50—2; Кир. IV, 52; Рыбн. I, 205 (=Гильф. 82), 206, 212, 228 (=II, 71=Гильф. 150); II, 59, 80; IV, 60 (=Гильф. 6); Тих. и Милл. I, 25=32=39.

Романъ-князь и Марья Юрьевна—2, 119. Кир. V, 92, 96.

Романъ-князь убиваетъ жену—165. Собол. №№ 89—96; Сухановъ, Древнія русскія стихотворенія СПБ. 1840, № 2.

Садко—135, *Сотко*—491. Гильф. 2, ст. 1—193; 174; Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 62; Кир. V, 34 (=Рыбн. III, 241), 41, 47, VII, прил., 15; Рыбн. I, 363, 365, 367, 370 (=Гильф. 70); III, 248 (=Гильф. 146).

Сеньки Разина похороны—293. Ср. Кир. VII, 40; прил., 156, 157, 158 (=Рыбн. II, 239); Пивоваровъ, Донскія казачьи пѣсни I, 49 (№38), 52; Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1877, № 3, стр. 63, 64 (№ 5).

Скопина Михайлы смерть—196. Живая Старина 1890 г. вып. I, отд. II, 3; Кир. VII, 9 (2 варіанта), 14; прил., 107; Памятники старинной русской литературы II, 410; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа XXII, отд. III, 38.

Соловей Будимировичъ (Соловьевичъ)—Гильф. 36, 199, 208; Кир. IV, 99; Рыбн. I, 318, 325 (=Гильф. 53); II, 184 (=Г. послѣ № 72, 4); III, 187 (=Гильф. 68), 193; IV, 56.

Соловецкаго монастыря осада—197, 470. Безсоновъ, Калѣки перехожіе III, 675—80 (3 варіанта); Лѣтописи русской литературы и древности I, отд. II, 59; III, отд. III, 30. Ср. Перетцъ, Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы II, 130 л. 78—81 об.; 132, л. 41 об.

Соломанъ и Василій (Иванъ) Окульевичъ—144, 450. Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 59; Рыбн. II, 277, 287; III, 296; IV, 97; Тих. и Милл. II, 239, 246. Ср. конецъ сказки въ Живой Старинѣ, г. V, вып. II, 213.

Сорокъ камикъ со каликою—139, 444, 493, 524. Гильф. 72,

173, 301; Кир. III, 81, 84 (=Рыбн. II, 87=Гильф. 96), 90; Рыбн. I, 236 (=Гильф. 86), 237; Тих. и Милл. II, 255.

Суханъ (*Сухматій*)—86. Гильф. 63; Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и сл. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 50; Рыбн. I, 26; Соколовъ Былины и пр. 1; Тих. и Милл. II, 188.

Туры и турица—95; см. Василій-пьяница. Ср. Гильф. 22, ст. 1—20; Рыбн. I, 106—7 (ср. Гильф. 75).

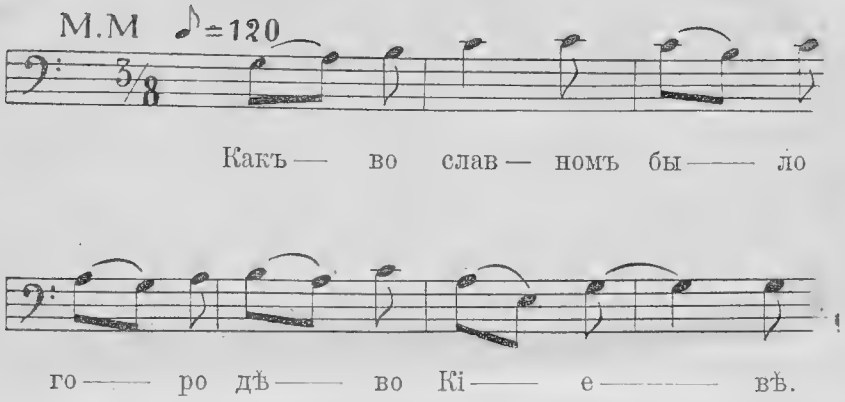
Хотѣнъ 130. Гильф. 19, 126, 164, 277, 282, 308; Кир. IV, 68, 72; Рыбн. I, 251 (=Гильф. 84), 255, 315; II, 120; III, 141; IV, 36, 42.

Чурило и невѣрная жена—126, 465, 520. Гильф. 8, 27, 35, 132, 189, 242, 268, 309; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго нар. 38; Кир. IV, 85—6, 87; Рыбн. I, 267, 269; II, 123, 125; III, 127 (=Гильф. 110), 132 (=Г. 67), 136 (=Г. 224); Тих. и Милл. II, 163, 165, 166, 168.

Шведская война при Екатеринѣ II—201.

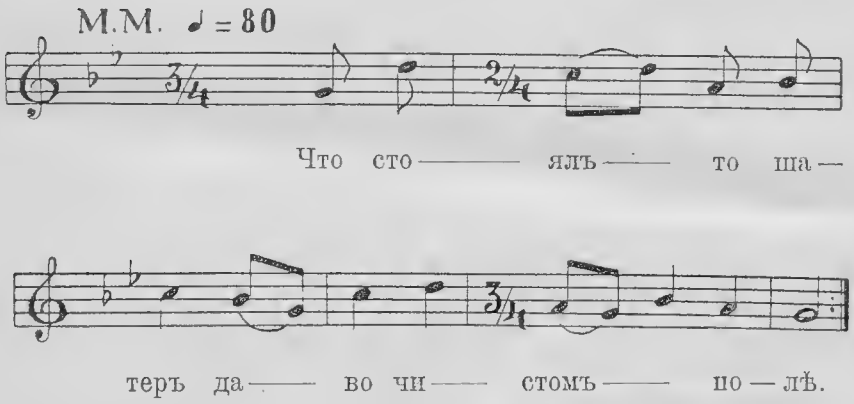
ановичъ.

Къ № 75.



Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ.

Къ № 63.



Примѣчаніе. Напѣвомъ былины о Дунаѣ Крюковъ исполнялъ также и нѣкоторыя другія былины, къ сожалѣнію, не отмѣченныя мною при записи.

Обѣ прилагаемыя здѣсь мелодіи записаны по моей передачѣ *В. В. Пасхаловымъ.*

Опечатки.

Стр.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
23, строка 7 снизу	т. о.	т. е.
42 „ 2 „	мододыи	молодыи
157 „ 1 „	(№ 39)	(№ 40)
169 „ 2 „	и 39	и 40
197, стихъ 3	переóборъ	переборъ
199 „ 55	манáтырю	манáстырю
201 „ 10	напередъ	наперёдъ
204, строка 2 снизу	ст. 329	ст. 284
229, стихъ 30	сторой	старой
232 „ 85	ко—ты!	токо—ты,
243 „ 39	самоцвѣтноё	самоцьвѣтноё
261 „ 27	мужими	мужики
271, строка 1 снизу	ст. 84	ст. 86
305, стихъ 19	опъ	отъ
307 „ 70	згрѣмѣлъ	згремѣлъ
310 „ 211	жолѣзныя	желѣзныя
312 „ 6	Темоѳеевна	Тимоѳеевна
359 „ 26	замлю	землю
398 „ 377	Зпунай	Здунай
399 „ 405	Добрыня	Дунай
401 „ 489	закоколсэ	закололсэ
402 „ 12	пе отчипъ	по отчинѣ
427 „ 143	тотарипъ	тотарипъ
429 „ 207	Идолишшу	Идолишшу
455 „ 185	плло́тьняны	поло́тьняны
486 „ 348	друшинушка	дружинушка

N 45 (228)
83 (273

[illegible], 30, 194, 343

соседство былины, небылицы, дух. стиха 465 и след.) и ср 25

XI, 13, 14

ср 90, 117, 164, 190, 194, 215, 228, 272

~~196-197!~~

дух. стих – старина. ср 273